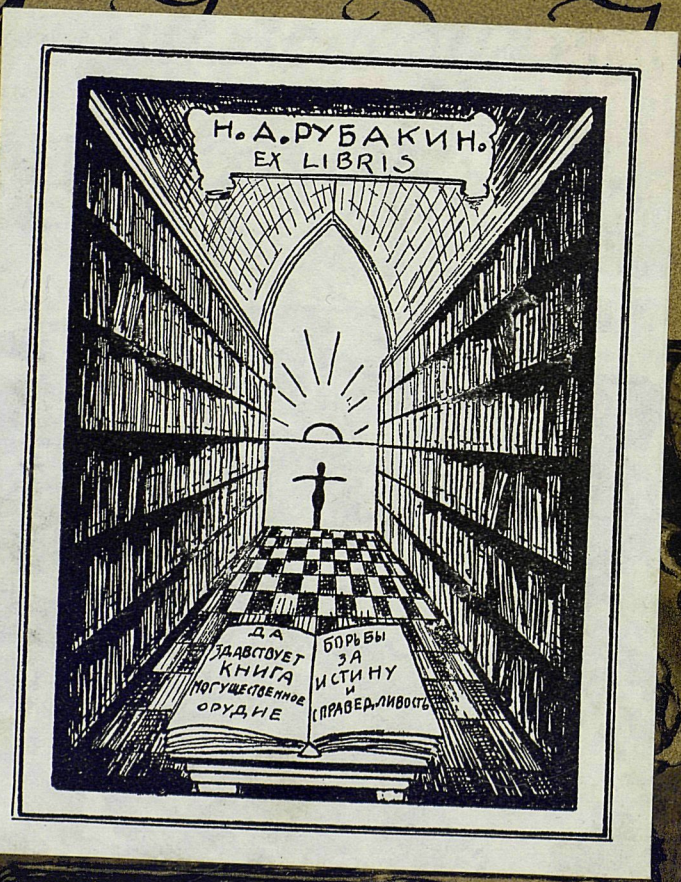
Pδ 1/30
T. 8



7-е Изданіе
Т-ва
Бр. Гранатъ и К-о

Пастернакъ

Энциклопедический словарь

7-е Изданіе
Т-ва
Бр. Гранатъ и К°

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

7е СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАН:

ИЗДАНІЕ ПОДЪ РЕДАК: ПРОФ. В.Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М.М. КОВАЛЕВСКАГО, С.А. МУРОМЦЕВА и К.А. ТИМИРЯЗЕВА.

З-Д. Т-ВА „БР. А и И. ГРАНАТЪ и К°".

МОСКВА.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“.

СЕДЬМОЕ, СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева (†) и проф. К. А. Тимирязева.

Томъ восьмой.

Варынскій—Великобританія.

Lexicographis secundus post Herculem labor.
(Скалигеръ.)

23393

Главная Контора Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“: Москва, Тверской бульваръ, 15.
ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Моховая, 37.—**Одесса,** Софіевская, 23.

2007044786

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

46635-78

Важнѣйшія образовательныя статьи, помѣщенныя въ VIII томѣ.

Столб

Варяги — Н. П. Василенко 1
Васнецовъ, В. М. — Н. Г. Тарасова 37
Ватто — Н. Г. Тарасова 52
Ваххабиты — А. Е. Крымскаго 57
Ваяніе — Н. Г. Тарасова 64
Вдова — А. Э. Вормса 76
Вебера-Фехнера законъ — Д. В. Викторова 79
Веберъ (физикъ) — А. І. Бачинскаго 83
Веберъ (композиторъ) — Ю. Д. Энгеля 86
Вегетаріанство — І. С. Идельсона 90
Ведаизмъ — Д. Н. Овсянико-Куликовскаго 95
Веданта — П. Г. Риттера 101
Везувій — Л. С. Берга 108
Вейерштрассъ — В. Ф. Кагана 110
Вейсманнъ — М. А. Мензбира 121
Вексель — А. Э. Вормса 128
Векторіальный анализъ — В. Ф. Кагана 152
Веласкесъ — Н. Г. Тарасова 160
Великій океанъ — Л. С. Берга 168
Великобританія (физ.-геогр. очеркъ) — Н. С. Русанова 175
Великобританія (исторія. Гл. I—XII) — М. М. Ковалевскаго 224

Содержаніе послѣдней статьи:

I. Исходные моменты 224
II. Датскія поселенія и норманское завоеваніе 253
III. Англія при ближайшихъ преемникахъ Вильгельма, при Плантагенетахъ, Ланкастерахъ и Іоркахъ 281
IV. Сельскій бытъ Англіи (село; помѣстье; крѣпостное право; эмансипація) 345
V. Дворянство и мѣстное самоуправленіе 376
VI. Ростъ промышленности и торговли до конца XV вѣка 380
VII. Англійскій городъ до XVI в. 391
VIII. Исторія англійскаго парламента въ средніе вѣка 452
IX. Англія XVI вѣка (Поворотъ къ абсолютизму.—Установленіе англиканства.—Секуляризація монастырскихъ имуществъ) 480
X. Общественная эволюція Англіи въ эпоху Тюдоровъ. Сельская Англія 527
XI. Англійскій городъ въ эпоху Тюдоровъ и его дальнѣйшія судьбы . . 567
XII. Великобританія при Стюартахъ 590

Списокъ гг. авторовъ, статьи которыхъ помѣщены или будутъ помѣщены въ Энциклопедическомъ Словарѣ.

(Курсивомъ показаны сокращенныя подписи).

Прив.-доц. М. І. Авербахъ.
Б. В. Авиловъ.
Лекторъ Нар. Унив. Ю. И. Айхенвальдъ.
Н. И. Аммонъ.
Н. Н. Андреевъ.
Лекторъ Нар. Ун. В. И. Анисимовъ *(В. А.)*.
Проф. Д. Н. Анучинъ.
Проф. А. И. Астровъ.
Прив.-доц. А. І. Бачинскій *(А. Б.)*.
Докт. географіи Л. С. Бергъ *(Л. Б.)*.
Доц. М. В. Бернацкій. *(М. Бер-ій)*.
Прив.-доц. А. Н. Бернштейнъ.
Ассист. астр. обсерваторіи Московск. Ун. С. Н. Блажко *(С. Бл.)*.
С. М. Блекловъ.
Проф. С. М. Богдановъ *(С. Б.)*.
Б. С. Боднарскій.
Проф. К. П. Боклевскій.
В. Д. Бончъ-Бруевичъ.
Н. П. Борецкій-Бергфельдъ.
Прив.-доц. А. А. Боровой.
И. Н. Бороздинъ.
Инж.-хим. Н. С. Бронштейнъ.
Агр. Л. Т. Будиновъ-Будзинскій.
Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ *(А. Б-въ)*.
Проф. Э. Вандервельде (Брюссель).
Н. П. Василенко *(Н. В.)*.
Прив.-доц. Д. В. Викторовъ *(Д. В.)*.
А. М. Винаверъ *(А. W.)*.
Преп. Имп. Техн. Уч. Д. И. Виноградовъ.
Проф. П. Г. Виноградовъ.
Проф. Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ).
А. М. Воденъ.
В. В. Водовозовъ (*В. В-въ.*)
Прив.-доц. А. Э. Вормсъ (*А. В.*).
Проф. Е. Ф. Вотчалъ.
Проф. А. П. Гавриленко (*А. Г.*).
Я. А. Галяшкинъ. *(Я. Г.)*.
Проф. Ю. С. Гамбаровъ.
Прив.-доц. М. Н. Гернетъ.
Прис. пов. С. М. Гинзбургъ *(С. Г.)*.
Д-ръ Ю. О. Гольдендахъ *(Ю. Г.)*.
Инж.-мех. А. Н. Гранатъ.
И. Н. Гранатъ.
Пр.-доц. С. Г. Григорьевъ.
Проф. И. М. Громогласовъ.
Проф. М. С. Грушевскій (Львовъ).
Прив.-доц. Г. Н. Гулиновъ *(Г. Г.)*.
Ф. Данъ.
А. Деренталь (Мадридъ).
Прив.-доц. кн. И. А. Джаваховъ.
А. К. Дживелеговъ *(А. Дж.)*.
К. Дмитріевъ.
Проф. В. Я. Желѣзновъ.
Проф. В. В. Завьяловъ.
С. Г. Займовскій.
Л. С. Закъ *(Л. С. З.)*.
Агрон. С. А. Захаровъ.
Поч. акад. Н. Н. Златовратскій.
Проф. Н. Д. Зелинскій.
Н. Ѳ. Золотницкій.
Прив.-доц. В. Н. Ивановскій.
Проф. И. А. Ивероновъ.
А. В. Игельстромъ.
И. Н. Игнатовъ.
Прив.-доц. В. Е. Игнатьевъ.
Доц. В. Р. Идельсонъ.
Д-ръ І. С. Идельсонъ *(І. Ид.)*.
Прив.-доц. Н. А. Кабановъ.
Проф. И. А. Каблуковъ (*Ив. Кб.*).
Прив.-доц. В. Ф. Каганъ (*В. К.*).
Е. Н. Каменецкая (*Е. К-ая*).
Д-ръ В. Я. Канель.
Проф. А. А. Кауфманъ.
Л. Б. Кафенгаузъ.
Преп. Имп. Тех. Уч. Е. Г. Кестнеръ.
Д. А. Клеменцъ.
Проф. М. М. Ковалевскій.
Лекторъ Нар. Ун. П. С. Коганъ.
Проф. Г. А. Кожевниковъ *(Г. К.)*.

Проф. А. Н. Красновъ.
Прив.-доц. В. А. Краснокутскій.
Людв. Крживицкій *(Л. Крж.)*.
Прив.-доц. А. А. Круберъ.
Проф. А. Е. Крымскій.
Проф. Н. М. Кулагинъ.
Пр.-доц. І. М. Кулишеръ.
Проф. П. А. Лавровъ.
Проф. Н. Н. Ланге *(Н. Л.)*.
М. Е. Ландау *(М. Л.)*.
К. И. Ландеръ.
Проф. Л. К. Лахтинъ.
Преп. Имп. Технич. Уч. Н. К. Лахтинъ.
И. О. Левинъ.
Проф. Э. Г. Лейстъ *(Э. Л.)*.
З. Л. Ленскій *(З. Л.)*.
Проф. А. П. Лидовъ.
Проф. П. И. Люблинскій.
Я. М. Магазинеръ.
А. Н. Максимовъ *(А. Мкс.)*.
А. В. Марковъ *(А. М.)*.
Л. Мартовъ.
С. П. Мельгуновъ.
Проф. М. А. Мензбиръ.
Проф. П. А. Минаковъ.
Проф. С. А. Муромцевъ (†).
В. А. Мякотинъ.
М. М. Нечаевъ *(М. Н.)*.
Проф. Я. Я. Никитинскій *(Я. Н.)*.
Н. М. Никольскій *(Н. Н.)*.
К. М. Оберучевъ *(К. О.)*.
В. П. Обнинскій.
Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.
Пр.-доц. В. И. Пичета.
Проф. В. Д. Плетневъ.
Проф. А. Л. Погодинъ *(А. П.)*.
М. Н. Покровскій *(М. П.)*.
Прив.-доц. Н. Н. Полянскій.
С. Н. Прокоповичъ.
Проф. Ф. А. Рейнъ.
Проф. М. А. Рейснеръ.
Прив.-доц. П. Г. Риттеръ.
Проф. М. Н. Розановъ.
Д-ръ М. Я. Романовичъ.
И. М. Рубиновъ (Вашингтонъ).
Н. С. Русановъ.
И. С. Рябининъ.
Проф. А. Н. Савинъ.
Прив.-доц. П. Н. Сакулинъ.
Проф. Я. В. Самойловъ.
Доц. А. Р. Свирщевскій *(А. С.)*.
В. И. Семевскій.
Проф. Имп. Техн. Уч. А. И. Сидоровъ.
Л. Д. Синицкій.
Проф. Ф. Синніей (Будапештъ).
Проф. И. В. Слешинскій.
А. И. Смирновъ *(А. См.)*.
Е. Смирновъ *(Е. С.)*.
Пр.-доц. В. Д. Соколовъ *(В. С.)*.
Прив.-доц. А. А. Сперанскій.
Проф. М. Н. Сперанскій.
Пр.-доц. А. Н. Строгановъ.
Р. С. Стрѣльцовъ *(Р. С.)* (Берлинъ).
Прив.-доц. Л. А. Тарасевичъ.
Н. Г. Тарасовъ *(Н. Т.)*.
Проф. Е. В. Тарле.
К. М. Тахтаревъ.
А. І. Теръ-Арутюновъ.
Пр.-доц. А. К. Тимирязевъ.
Проф. К. А. Тимирязевъ.
Прив.-доц. И. Ю. Тимченко.
Прив.-доц. К. Ѳ. Тіандеръ.
А. Н. Трайнинъ. *(А. Т.)*.
Проф. М. И. Туганъ-Барановскій.
Проф. В. А. Уляницкій.
Прив.-доц. А. Н. Филипповъ.
Прив.-доц. Ю. Ю. Форсманъ.
Проф. А. Ф. Фортунатовъ.
Прив.-доц. В. М. Фриче *(В. Фр.)*.
Проф. О. Д. Хвольсонъ.
Проф. М. М. Хвостовъ.
Ассист. М. А. Ховренко.
Проф. Н. В. Цингеръ.
В. И. Чарнолускій.
Проф. М. П. Чубинскій.
Проф. В. Н. Ширяевъ.
И. И. Шитцъ.
Г. И. Шрейдеръ (Римъ).
С. А. Шумаковъ.
Маг. А. С. Щепотьевъ.
Ю. Д. Энгель *(Ю. Э.)*.
Инж.-мех. П. К. Энгельмейеръ *(П. Э.)*.
Н. Е. Эфросъ *(Н. Э.)*.
Прив.-доц. Н. В. Ястребовъ и др.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Варынскій—Великобританія.

Типографія Т-ва „Общественная Польза“, С.-Петербургъ, Б. Подьяческая, 39.

ВАРЫНСКІЙ.

Варынскій, Людвигъ, род. въ 1856 г., учился въ Петербургѣ, въ технологич. институтѣ, за участіе въ студ. безпорядкахъ 1875 г. былъ арест. и высланъ; уѣхавъ въ Варшаву, примкнулъ здѣсь къ возникавшему рабочему движенію, въ 1878 г. уѣхалъ за границу; въ 1879 г. былъ арест. въ Краковѣ, просидѣлъ годъ въ тюрьмѣ и, будучи высланъ изъ Австріи, уѣхалъ въ Женеву, гдѣ участвовалъ въ редактир. польскаго журн. „Равенство“, затѣмъ Przedswit'a. Вернувшись въ 1881 г. въ Варшаву, онъ организовалъ партію „Пролетаріатъ“ и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ ея; арестов. 28 сент. 1883 г., былъ приговор. военн. судомъ къ 16 годамъ каторж. раб. и заключенъ въ Шлиссельбург. крѣпость, гдѣ и ум. ок. 1891 г.

Варяги. Такъ назывались на Руси X—XII в. скандинавы, преимущественно шведы. Отсюда Балтійское море называлось *варяжскимъ*, а главный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное и Грецію—*„путь изъ варягъ въ греки“*. Вопросъ о происхожденіи названія спорный. Въ основѣ названія лежитъ скандинавскій корень var (обѣтъ, союзъ). По толкованію однихъ (Куникъ), варяги—союзники. Названіе возникло въ Византіи, гдѣ скандинавскіе наемники составляли особый корпусъ подъ названіемъ Βάραγγοι (у скандинавовъ Vaeringjar), и было перенесено затѣмъ на всѣхъ скандинавовъ. Другіе названію варягъ придаютъ этнографическій смыслъ, пріурочивая его къ скандинавамъ, жившимъ на Руси. Оно вытѣснило у грековъ названіе Ῥῶς и было принято арабами. По „Русской Правдѣ“ варяги занимаютъ привилегированное положеніе: для варяга достаточно присяги тамъ, гдѣ отъ другихъ требуется два свидѣтеля (Акад. т. ст. 9). Названіе варягъ встрѣчается затѣмъ въ нѣкоторыхъ старыхъ топографическихъ названіяхъ (Варяжская пещера возлѣ Кіева, Варяжскій островъ на Днѣпрѣ противъ устья р. Трубежа). Позднѣе католическая вѣра называется варяжской. Въ современномъ русскомъ областномъ лексиконѣ слово варягъ означаетъ разносчика, а глаголъ варяжить—заниматься мелочнымъ торгомъ. Проф. В. О. Ключевскій видитъ въ этомъ указаніе на то, что въ древности варяги были не только воинами, но и вооруженными купцами.

Вопросы о происхожденіи варяговъ, первыхъ русскихъ князей, и объ основаніи русскаго государства получили въ наукѣ названіе *варяжскаго вопроса*. Одни ученые, принимая разсказъ лѣтописи за достовѣрный, выводятъ варяго-руссовъ изъ Скандинавіи; другіе—отрицаютъ ихъ скандинавское происхожденіе. Первые называются „норманистами“, вторые—антинорманистами. Норманисты расходятся между собой только въ частностяхъ; антинорманисты же, относясь отрицательно къ скандинавскому происхожденію варяговъ, выставляютъ свое особое мнѣніе о происхожденіи русскаго государства.

Норманская теорія была выдвинута въ началѣ XVIII в. и безусловно господствовала въ наукѣ до 1860-хъ годовъ, когда противъ нея началась сильная оппозиція. Первымъ ученымъ, выдвинувшимъ эту теорію и приведшимъ также главн. доказательства въ ея

пользу, былъ академикъ Г. З. Байеръ (*см.*). Онъ считалъ варяговъ не за особое племя, а видѣлъ въ нихъ благородныхъ изъ Скандинавіи и Даніи, союзниковъ и наемниковъ русскихъ. Вслѣдъ за Байеромъ норманское происхожденіе варяговъ защищали Г. Ф. Миллеръ, Штрубе-де-Пирмонъ, Тунманнъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Френъ, воспользовавшійся впервые арабскими писателями, Кругъ, Погодинъ, Куникъ, Шафарикъ, Миклошичъ, Васильевскій и др. Въ новѣйшее время доводы норманской теоріи наиболѣе полно изложилъ датскій профессоръ Вильгельмъ Томсенъ въ трехъ своихъ лекціяхъ о происхожденіи русскаго государства (переведены въ „Чтен. Общ. истор. и древн. Росс.“ за 1891 г., I).

Главнѣйшіе доводы норманской теоріи слѣдующіе: 1) Свидѣтельство русской лѣтописи: „по сему же морю варяжскому сѣдятъ варязи“, а сосѣди ихъ „свеи, урмане, готѣ, русь, англяне“. Разсказывая о призваніи князей, лѣтопись говоритъ: „идоша за море къ варягамъ-руси, сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзіи зовутся свеи, друзіи же англяне, урмане, друзіи готѣ, тако и си“. 2) Свидѣтельства латинскихъ лѣтописей. Продолженіе Бертинской лѣтописи упоминаетъ подъ 839 г. о приходѣ къ Людовику Благочестивому пословъ византійскаго императора Теофила. Вмѣстѣ съ ними Теофилъ прислалъ какихъ-то людей, которые называли свой народъ Rhos, а князя своего хаканомъ. Они заявили о своемъ желаніи возвратиться домой чрезъ Германію, а не прежнимъ путемъ, какимъ пришли въ Византію. Изъ разспросовъ этихъ людей Людовикъ узналъ, что они шведы. Въ названіи ихъ князя хаканомъ одни изъ норманистовъ видятъ испорченное скандинавское имя Hâkon, другіе—коганъ, названіе правителей у хозаръ и аваровъ, которымъ греки могли назвать правителя россовъ. Другое важное свидѣтельство кремонскаго епископа Лiутпранда (ум. въ 972), который хорошо зналъ византійскія отношенія и въ своемъ Antapodosis, писанномъ между 958 и 962 г., говоритъ: „есть одинъ народъ въ сѣверныхъ странахъ, который греки, по его физическимъ особенностямъ, называютъ руссами (русыми, rusios), мы же, по мѣстоположенію, называемъ ихъ норманнами — сѣверными людьми, такъ какъ по-нѣмецки nord означаетъ сѣверъ, а man—человѣкъ“. 3) Арабскіе писатели мало говорятъ о національности руссовъ, но отличаютъ ихъ отъ славянъ. Норманисты указываютъ, что описаніе внѣшняго вида и образа жизни руссовъ у арабскихъ писателей (Ибнъ-Дастъ, Ибнъ-Фоцланъ) больше напоминаетъ скандинавовъ, чѣмъ славянъ. Изъ свидѣтельства Ибнъ-Хордадбаха можно заключить, что руссы жили не на югѣ, а гдѣ-то на сѣверѣ, въ верховьяхъ Волги. Есть извѣстіе у арабскаго географа Якуба (Ахметъ-Эль-Катибъ ок. 890) о нападеніи въ 844 г. руссовъ на Севилью. Такъ какъ изъ другихъ источниковъ извѣстно о нападеніи въ этомъ году на Севилью норманновъ, то норманисты полагаютъ, что арабскій географъ употребилъ названіе руссы какъ сдѣлавшееся общеупотребительнымъ на востокѣ для норманновъ. 4) Изъ византійскихъ источниковъ норманская теорія особенно опирается на IX гл. „Объ управленіи имперіею“ (De administrando imperio) императора Константина Порфиророднаго, который, при описаніи днѣпровскихъ пороговъ, сообщаетъ два названія—русское и славянское. Отсюда видно, что онъ различалъ эти двѣ народности. Русскія названія пороговъ звучатъ не по-славянски и объясняются изъ германскихъ корней: Ульворси, Геландры, Эйфоръ, Варуфоросъ, Леанти, Струк(в)унъ. Что касается славянскихъ названій, то въ нихъ слышатся, дѣйствительно, славянскіе корни: Есупи(неспи), Островунипрахъ, Неясить, Вулнипрахъ, Верутзи, Напредзи. 5) Имена первыхъ русскихъ князей и ихъ дружинниковъ почти всѣ скандинавскаго происхожденія: Рюрикъ (Hrörekr), Труворъ (Thorvardr), Олегъ (Helgi), Ольга (Helga, у Константина Порфиророднаго Ἕλγα), Игорь (Ingvarr), Аскольдъ (Höskuldr), Диръ (Dyri) и т. д. Томсенъ старается пріурочить эти имена къ опредѣленнымъ даже мѣстностямъ Скандинавскаго полуострова.

Теорія норманистовъ еще въ XVIII ст. вызвала возраженія со стороны Тредьяковскаго и Ломоносова, главнымъ об-

разомъ, изъ патріотическихъ соображеній. Ломоносовъ принималъ варяговъ за славянъ и выводилъ ихъ изъ Пруссіи, населеніе которой считалъ славянскимъ. Въ XIX в. варяговъ отожествляли преимущественно съ поморскими (балтійскими) славянами Венелинъ, Максимовичъ, Морошкинъ, Гедеоновъ, Забѣлинъ. Особенно большое значеніе имѣла книга С. А. Гедеонова „Варяги и Русь“, которая вызвала большую полемику и заставила норманистовъ пересмотрѣть свои доказательства. Норманскую теорію особенно горячо отстаивали Погодинъ и академикъ Куникъ. Кромѣ славянской теоріи, среди антинорманистовъ появлялись и другія теоріи. Эверсъ высказывалъ мнѣніе о хозарскомъ происхожденіи Руси, Юргевичъ объ угорскомъ, Татищевъ, Щегловъ о финскомъ. Костомаровъ выводилъ Русь изъ Литвы. Мнѣніе о литовскомъ происхожденіи Руси снова было высказано на IX археол. съѣздѣ Висендорфомъ и Ляцкимъ. Будиловичъ выдвинулъ вопросъ о готскомъ происхожденіи Руси. Иловайскій сближаетъ руссовъ съ роксоланами и отвергаетъ фактъ призванія князей. „Князья наши, говоритъ онъ, были не пришлая норманская династія, а собственная русская“. Соловьевъ думалъ, что варяги были собственно не народъ, а дружина, состоявшая изъ разнаго сброда съ преобладаніемъ скандинавовъ. Этого же мнѣнія держатся Ламанскій и Ламбинъ. Ключевскій видитъ въ варягахъ также скандинавовъ, но они являлись къ намъ не какъ пираты, а преимущественно, какъ вооруженные купцы.

Литература по варяжскому вопросу громадна. Она указана у *Бестужева-Рюмина*, „Русская исторія“ т. I; у *Гедеонова*, „Варяги и Русь“ (1876); у *Куника*, „Примѣчанія къ Каспію Дорна“ въ Зап. Акад. Наукъ т. XXVI; у *Томсена*, „Происхожденіе русскаго государства“ (Чтенія въ Москов. Общ. ист. и древ. 1891 г. кн. I); у *М. С. Грушевскаго*, „Історія України—Руси“ т. I; у *В. С. Иконникова*, „Опытъ русской исторіографіи“, 2 т. (Указатель подъ словомъ *варяги*).

Н. Василенко.

Варяжскій вопросъ, см. *варяги.*

Варяжскій путь, см. *варяги.*

Варяжское море, см. *варяги.*

Варѳоломеевская ночь, рѣзня протестантовъ—*гугенотовъ* (*см.*) въ Парижѣ въ ночь на св. Варѳоломея съ 23 на 24 авг. 1572 г. — Франц. абсолютизмъ въ XVI в. далеко еще не упрочился, встрѣчая сопротивленіе со стороны дворянства и городовъ. Дѣло осложнилось съ появленіемъ кальвинизма, который быстро распространился среди горожанъ, нашедшихъ родныя черты въ протестантскомъ церковномъ самоуправленіи, и среди провинціальнаго дворянства, которому по душѣ были аристократическія доктрины Кальвина, его ученіе о правѣ возстанія противъ королевской власти; наконецъ, дворянство не прочь было присвоить обширныя церковныя земли. Придворное дворянство осталось вѣрно католицизму, стремясь, однако, не менѣе провинціальнаго къ ограниченію королевской власти. Послѣдняя колебалась, становясь порою на сторону политической и религіозной реформы, но по существу у королей не было разсчета поддерживать протестантизмъ, ибо франц. церковь была достаточно независима отъ Рима (галликанство), распоряженіе церков. имуществ. находилось въ рукахъ короля, а реформаціонныя идеи могли бы породить идеи независим. у знати, вернуть городамъ муниципальную демократію. Руководительница франц. политики Екатерина Медичи (*см.*), стремясь къ неограниченной власти, чтобы покончить съ оппозиціей (католическая придворная знать казалась менѣе опасной), склонилась къ истребленію разомъ всѣхъ гугенотовъ съ ихъ вождемъ Колиньи (*см.*). Ту же мысль черезъ своихъ дипломатовъ внушалъ ей и Филиппъ II испанскій. Самое избіеніе не было подготовлено задолго, какъ думали прежде. Напротивъ, примиреніе враждующихъ сторонъ казалось достигнутымъ, когда король въ 1572 г. выдалъ свою сестру Маргариту за гугенота Генриха Наварскаго. Лишь 23 авг. Екатерина добилась отъ Карла IX согласія на расправу. Съѣздъ гугенотовъ въ Парижъ по поводу бракосочет. Генриха Навар. и сопровождался рѣзней 24 авг. Пер-

*

вой жертвой палъ Колиньи; затѣмъ по набату съ церкви St. Germain l'Auxerrois началась рѣзня, перешедшая и въ провинцію и унесшая до 10.000 челов. въ Парижѣ и до 100.000 во Франціи. Карлъ IX сначала отрекался отъ соучастія съ руководителями католич. партіи— Гизами (*см.*), но уже 26 авг. въ засѣданіи парижскаго парламента торжественно объявилъ, что все сдѣлано съ его согласія и за его отвѣтственностью. В. н. не уничтожила гугенотовъ и не привела къ торжеству корол. абсолютизма, ибо Гизы—католики были не меньшими его врагами, чѣмъ гугеноты. Только политика Генриха IV (*см.*) положила прочное начало этому абсолютизму. См. *Лучицкій*, „Феод. аристократія и кальвинисты во Франціи“ (1871). *И. Шитцъ.*

Варѳоломей, одинъ изъ 12 апостоловъ, быть можетъ, тождественный съ ап. Наѳанаиломъ, котораго называетъ ев. Іоанна. О дѣятельности В. въ Новомъ Завѣтѣ ничего не сообщается; позднѣйшее христіанское преданіе, передаваемое Евсевіемъ и Іеронимомъ, называетъ мѣстомъ его проповѣди Индію, Арменію и другія области Азіи. День его памяти у католиковъ 24, у православн. 25 августа.

Варѳоломиты, такъ назывались члены общины, основанной въ 1640 г. Варѳоломеемъ Гольцгаузеромъ въ Зальцбургѣ и получившей санкцію отъ папы въ 1680 г. Община ставила себѣ цѣлью образованіе хорошихъ проповѣдниковъ и духовныхъ пастырей. Пользуясь покровительствомъ епископовъ и папскаго нунція, В. распространились не только по Германіи, но и въ Испаніи, Венгріи и Польшѣ, но уже къ концу XVII в. община пришла въ упадокъ и прекратила свое существованіе.

Василекъ, Centaurea, родъ изъ сем. сложноцвѣтныхъ, одно- и многолѣтнія травы съ прямостоящими или лежачими стеблями; корзинки съ черепичатой обверткой, общее ложе щетинисто-пленчатое. Цвѣты въ дискѣ обоеполые, трубчатые, окружные безполые, воронковидные, сѣмянки сжатыя, съ хохолкомъ изъ щетинистыхъ волосковъ. Множество видовъ и разновидностей. C. Marschalliana, стебель лежачій, цвѣтки розовые. Въ черноземной полосѣ, на степяхъ, на песчаной почвѣ сосновыхъ боровъ и пр. *В. обыкновенный* или *посѣвной*, C. Cyanus, наиболѣе знакомый всѣмъ видъ; краевые цвѣтки голубые, увеличенные, срединные фіолетовые. Повсюду на посѣвахъ и на паровыхъ поляхъ. *В. луговой*, C. Iasea, стебель высокій, прямой, вѣтвистый; корзинки лилово-пурпуровыя, съ выпуклыми пленчатыми листьями обвертки и грязно-бѣлыми бахромчатыми на нихъ придатками. Очень обыкновененъ по лугамъ, кустарникамъ, полянамъ; много разновидностей. Очень похожъ на него *В. фригійскій*, C. phrygia, листья обвертки съ перисто-щетинистыми или гребневидными, въ сухую погоду загнутыми наружу черными придатками съ буро-желтыми щетинками; цвѣты пурпуровые. *В. шероховатый*, C. scabiosa, съ пурпуровыми цвѣтками. Оба эти вида обыкновенны въ средн. Россіи. *В. русскій*, C. ruthenica, съ свѣтло-желтыми цвѣтками, часто встрѣчается въ черноземныхъ и степныхъ мѣстностяхъ, и др.

Василенко, Николай Прокофьевичъ, историкъ Малороссіи, род. въ 1867 г. По окончаніи историко-филологическаго факультета въ Дерптѣ изучалъ одно время архивные матеріалы въ Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ и Кіевѣ. Состоитъ прив.-доц. въ кіевск. универс. Напечаталъ рядъ работъ по исторіи Украйны въ „Кіевск. Стар.“ и издалъ „Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта старой Малороссіи“.

Василенко, Сергѣй Никифоровичъ, род. въ 1872 г.; московскій композиторъ, съ 1907 г. дирижеръ историч. симфоническихъ концертовъ. Соч. его: опера „Китежъ“, симфонія, симфон. поэмы „Садъ смерти“, „Nycus nocturnus“, романсы и др.

Василидіане, послѣдователи гностика Базилида (*см.*).

Василидъ, см. *Базилидъ.*

Василиса Микулишна, жена одного изъ младшихъ богатырей, Ставра Годиновича. Былина подробно описываетъ, какъ В., переодѣвшись мужчиною, отправляется въ Кіевъ выручать своего мужа, посаженнаго кн. Владиміромъ въ погребъ за хвастовство, и

какъ она, несмотря на многочисленныя препятствія, доводитъ это предпріятіе до благополучнаго окончанія.

Василиса Никулишна, героиня русскаго народнаго эпоса, жена Данилы Ловчанина, приглянувшаяся князю Владиміру, который, чтобы овладѣть ею, послалъ ея мужа на опасное предпріятіе. Послѣ гибели Данилы В., не желавшая сдѣлаться женою Владиміра, отправилась на могилу мужа и тамъ лишила себя жизни.

Василискъ, Basiliscus, родъ ящерицъ изъ сем. игуанъ; голова покрыта килевидными чешуями, на затылкѣ треугольный гребень, на горлѣ поперечная складка, шея короткая, туловище тощее съ длиннымъ тонкимъ хвостомъ и кожнымъ гребнемъ, который поддерживается на спинѣ и хвостѣ отростками позвонковъ. *Шлемоносный В.*, B. mitratus, до 60 см. длины (см. рис. *ящерицы*), водится въ Гвіанѣ и Мексикѣ, по близости рѣкъ, питается насѣкомыми и совершенно безвреденъ. Остроконечный наростъ на его головѣ можетъ раздуваться. *М. Н.*

Василискъ, названіе миѳическаго животнаго, которое древніе (Плиній) и средневѣковые писатели изображали, какъ небольшую змѣю или ящерицу съ короной на головѣ (отсюда и названіе βασιλίσκος — царственный). По старинамъ описаніямъ, В. обиталъ въ пустыняхъ Африки, одно его шипѣніе приносило смерть, дыханіе убивало растенія и раскалывало камни; взглядъ В. убиваетъ все живое, и самъ онъ можетъ быть убитъ только своимъ собственнымъ взглядомъ, если встрѣтится съ нимъ въ зеркалѣ. Есть и другая версія: В.—химера, составленная изъ частей пѣтуха, жабы и змѣи (происшедшая изъ яйца, снесеннаго пѣтухомъ и высиженнаго жабой), свойственная восточнымъ сказкамъ и очень близкая къ китайск. изображ. дракона.

Василистникъ, Thalictrum, родъ изъ сем. лютиковыхъ, многолѣтнія, высокія, до 1,5 м. высоты, травы съ многосложно-перистыми листьями. Цвѣты собраны метелками; околоцвѣтникъ образованъ 4—5-листной вѣнчиковидной чашечкой; тычинки длинныя, одногнѣздныя, плодники съ ребрами и крылатыми отростками, односѣменные. Около 76 видовъ, распространенныхъ въ Европѣ, Азіи и Сѣв. Америкѣ. Виды В. предпочитаютъ сырыя мѣста, заливные луга. Въ ср. Россіи наиболѣе обыкновенны: *В. водосборный, грызная трава*, Th. aquilegifolium, *В. малый, падучникъ*, Th. minus, *В. узколистный*, Th. angustifolium, *В. желтый, вередивецъ, золотая трава*, Th. flavum. Всѣ эти виды употребляются въ народной медицинѣ.

Василишки, м. лидскаго у., Виленской губ., 2.781 ж., преим. евреевъ.

Василій Блаженный, юродивый, род. и жилъ въ Москвѣ. За святость жизни и поученія пользовался всеобщимъ уваженіемъ, между пр., царя Іоанна Грознаго; ум. въ 1552 г.; причисленъ къ лику святыхъ въ 1588 г., когда были открыты его мощи, находящіяся въ Покровскомъ соборѣ, что на „Рву“. Храмъ этотъ въ просторѣчіи именуется церковью В. Б. (*см.*)

Василій Богомилъ, глава секты богомиловъ во Ѳракіи въ XII в. Въ 1110 г. византійскій императоръ Алексѣй Комненъ, преслѣдовавшій эту секту, предалъ В. духовному суду, который приговорилъ его къ сожженію. В., будучи уже старцемъ, не пожелалъ даже передъ костромъ отречься отъ своихъ убѣжденій, и приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе съ большой торжественностью.

Василій Буслаевъ, популярный герой новгородской былины, буйный, не знающій ни въ чемъ удержу, представитель вольницы новгородской. В. не только идеалъ безграничной удали и физической силы („онъ за руку возьметъ—рука прочь, за ногу возьметъ—нога прочь“ и т. д.),—онъ и пѣвецъ народный („а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣгородѣ“)—и странникъ по святымъ мѣстамъ: „со каликами перехожими“ онъ отправляется подъ конецъ жизни въ Іерусалимъ замаливать грѣхи, но такъ и погибаетъ грѣшникомъ, не сумѣвъ удержать своего необузданнаго характера. Широкая русская натура В. и бытовыя подробности привольной жизни богатой новгородской республики, разсѣянныя въ былинѣ о немъ, заставляютъ многихъ признать его, какъ и Садко, самобытнымъ созданіемъ русскаго народнаго эпоса (мнѣніе Безсо-

нова, Буслаева и др.), другіе (Всев. Миллеръ, Стасовъ, Потанинъ) объясняютъ В. — какъ русскій варіантъ западныхъ эпич. типовъ, напр., Роберта Дьявола.

Василій Великій, прозв. также Кесарійскимъ, род. въ Кесаріи (Каппадокія) около 330 г., происходилъ изъ богатой семьи, отличавшейся особ. усердіемъ къ христіанству; его дѣдъ по матери, Эммеліи, былъ даже мученикомъ. Христіанскій духъ семьи В. отличался аскетическимъ направленіемъ; еще мальчикомъ В. слышалъ и видѣлъ примѣры аскетической жизни своей сестры Макрины и матери, и поэтому, несмотря на полученное имъ блестящее образованіе у лучшихъ философовъ и софистовъ Константинополя и Аѳинъ и на улыбавшуюся ему карьеру ритора, онъ уѣхалъ сначала къ матери и сестрѣ, предававшимся аскетической жизни въ своемъ имѣніи, а затѣмъ, посѣтивъ знаменитѣйшихъ аскетовъ Сиріи, Палестины и Египта, роздалъ все свое имущество нищимъ и удалился въ пустыню. Тамъ онъ жилъ до 364 г., когда кесарійскій епископъ Евсевій вызвалъ его въ Кесарію и сдѣлалъ его пресвитеромъ; изъ отшельника-аскета В. сталъ практическимъ церковнымъ дѣятелемъ. Въ тотъ моментъ, когда В. покинулъ свое уединеніе, церковь раздиралась аріанскимъ споромъ, при чемъ дѣло осложнялось тѣмъ, что за аріанъ стоялъ самъ императоръ Валентъ. В. рѣшительно сталъ на сторону ортодоксіи, и поэтому ему не легко было удержаться на своемъ мѣстѣ; однако, онъ пріобрѣлъ такой огромный авторитетъ и любовь среди кесарійцевъ, что послѣ смерти Евсевія Валенту, хотя и не сразу, но все-таки пришлось предоставить кесарійскую каѳедру В. Сдѣлавшись епископомъ, В. отдалъ всѣ свои силы на борьбу съ аріанствомъ, ведя ее и въ проповѣдяхъ, и въ литературной полемикѣ, и въ практической дѣятельности. В. казалось, что ортодоксія побѣдитъ только тогда, когда восточнымъ ортодоксамъ станетъ активно помогать западъ, который относился довольно равнодушно къ борьбѣ, разгорѣвшейся на востокѣ. Съ помощью Аѳанасія Александр. Василій старался побѣдить это равнодушіе и велъ долгіе переговоры съ западными епископами, не давшіе, однако, особенныхъ результатовъ. Когда аріанскій споръ осложнился споромъ о существѣ Св. Духа, поднятымъ Македоніемъ, В. рѣшительно сталъ на защиту божественности Св. Духа, послѣдовательно развивая точку зрѣнія ортодоксовъ. Ему не суждено было дожить до конца церковной борьбы, но когда онъ въ 379 г. умеръ, Валента уже не было въ живыхъ, и преслѣдованія противъ ортодоксовъ прекратились. В. сдѣлалъ не мало для населенія Кесаріи: въ страшный голодъ 368 г. онъ, еще будучи пресвитеромъ, организовалъ энергичную помощь жителямъ Кесаріи, а будучи епископомъ, устроилъ передъ воротами города цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій, настоящій новый городокъ. В. оставилъ послѣ себя много сочиненій и проповѣдей, затрагивающихъ вопросы изъ всѣхъ областей церковной жизни; важнѣйшія изъ нихъ— догматическія сочиненія: „Противъ Евномія“ (полемика съ аріанами) и „О Духѣ Святомъ“. Сочиненія его изданы *Garnier* и *Maranus*'омъ (Парижъ, 1721—1730); отдѣльныя сочиненія издавались и позже. Чинъ литургіи, установленный В., изд. *Робертсономъ* (Лондонъ, 1894). *Н. Никольскій.*

Василій I Македонянинъ, византійскій императоръ (867—886 гг.), основатель такъ назыв. македонской династіи, до 1056 г. занимавшей византійскій престолъ. Сынъ крестьянина изъ окрестностей Адріанополя, В. провелъ юность рабомъ, въ плѣну у болгаръ. Въ 838 г. онъ появляется въ Константинополѣ, вскорѣ попадаетъ на службу въ придворныя конюшни и, благодаря своей красотѣ, дѣлается фаворитомъ императора Михаила III. Занимая съ 850 г. важнѣйшія придворныя должности, В. пользовался крупнымъ политическимъ вліяніемъ, а подъ конецъ жизни имп. Михаила III (въ 866 г.), устранивъ съ дороги могущественнаго дядю императора — Варду (брата правившей за Михаила императрицы Ѳеодоры), В. фактически завладѣлъ всей исполнит. властью, какъ префектъ столицы имперіи и цезарь-соправитель. 23 сент. 867 г., послѣ

смерти Михаила, В. вступилъ на престолъ. Царствованіе В-ія полно энергической дѣятельности, какъ въ области упорядоченія внутренняго управленія и законодательства—возстановленіе юстиніанова законодательства (см. *базилики*), прекращеніе церковныхъ смутъ (см. *иконоборчество*),—такъ и въ области внѣшней политики: успѣшная борьба съ арабами на югѣ Италіи и славянскими племенами въ Далмаціи и Кроаціи. Относительно общаго значенія царствованія В. и основанной имъ династіи см. *Византія*.

Василій II Болгаробойца, византійскій императоръ (съ 976 по 1025 г.), сынъ императора Романа II-го. Вступилъ на престолъ послѣ смерти Іоанна Цимисхія (976) вмѣстѣ со своимъ братомъ Константиномъ Багряноднымъ, но черезъ 12 лѣтъ сталъ самостоятельнымъ правителемъ государства. Смѣлый полководецъ, В. велъ безпрерывныя войны: усмирилъ возстаніе въ Малой Азіи, велъ борьбу съ Оттономъ III, лонгобардами и, главнымъ образомъ, болгарами, царство которыхъ совершенно уничтожилъ, послѣ долгой (съ 990 г. по 1018 г.) и жестокой борьбы, стяжавшей В-ю имя Болгаробойцы. В-ю пришлось близко столкнуться съ Русью, сначала какъ противнику подъ стѣнами Херсонеса (Корсуни), затѣмъ какъ шурину Владиміра Св. О его роли въ законодательствѣ см. *Византія*.

Василій, имя многихъ великихъ и удѣльныхъ князей XII—XV вв.

I. *Великіе князья Московскіе*:

Василій I (1389—1425), сынъ Дмитрія Донского—типичнѣйшій представитель Даниловичей, кот. до Ивана III (кромѣ Донского) были средними людьми древней Руси; посредственные князья, умѣренные и аккуратные, хорошіе скопидомы и хозяева по мелочамъ, они не отличались ни яркими доблестями, ни крупными талантами или пороками и страстями. Отсюда политическіе ихъ успѣхи. Таковъ былъ и В. I. Род. въ 1371 г., сѣлъ на великокняжескій столъ въ 1389 г. Началъ онъ съ того, что въ 1392 г. отправился въ Орду къ Тохтамышу и испросилъ у него себѣ ярлыкъ на Нижній Новгородъ, Городецъ, Мещеру и Таруссу и, опираясь не только на московское боярство, но и на нижегородское, тянувшее къ Москвѣ въ виду ея силы и богатства (Румянецъ), сумѣлъ отстоять это свое пріобрѣтеніе и отъ Бориса Константиновича, и отъ Василія Кирдяпы и Симеона Дмитріевичей и отъ Данила и Ивана Борисовичей, и въ 1424 г. въ 3-мъ завѣщаніи прямо благословилъ сына Нижнимъ. Съ Новгородомъ онъ имѣлъ столкновенія изъ-за митрополичьяго суда въ 1391 г. и изъ-за Двинской земли въ 1397—1401 и 1417 гг., при чемъ на Двинѣ утвердиться ему не удалось. Но грамоты по церковному суду новгородцы уничтожили сами, утомясь военными расходами и убытками въ двинской торговлѣ, при чемъ дали и черный боръ. Да и потомъ новгородцы волей-неволей принуждены были держать княженіе В. честно и грозно, боясь за свои богатыя заволоцкія колоніи. Псковъ, угрожаемый нѣмцами и Литвой и оставленный Новгородомъ, тоже начинаетъ съ 1399—1400 гг. принимать князей отъ руки в. князя моск. Также и Рязань (договоръ 1402 г.) и Тверь (договоръ съ Михаиломъ), слабыя и волнуемыя усобицами, не могли и думать о борьбѣ съ Москвой, но все болѣе и болѣе при В. подчинялись ея вліянію. Съ татарами у В. были сначала тоже хорошія отношенія, хотя татары и производили мелкія пограничныя нападенія, а въ 1385 г. побывалъ у нихъ въ плѣну и самъ В. Въ 1395 же г. Тамерланъ пошелъ было на Россію, но, разграбивъ Елецъ, вернулся обратно въ виду приближенія осени. А затѣмъ въ Ордѣ начались смуты, ханы смѣнялись, В. подъ вліяніемъ молодыхъ бояръ (напр., Ивана Ѳедоровича Кошки) началъ отказываться платить дань, въ Москвѣ посмѣивались надъ гостями и послами ордынскими. Но это длилось лишь до 1408 г., когда Эдигей, по возстановленіи порядка въ Ордѣ, быстрымъ и неожиданнымъ нападеніемъ на Москву возстанов. татарскій престижъ; Москва послѣ мѣсячной осады откупилась 3.000 р., а сосѣдніе гор. были опустошены. Въ 1412 же г. ханъ далъ было нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину, но В. успѣлъ дарами (тоже любимый пріемъ Даниловичей) уни-

чтожить его. Въ 1406—1408 гг. изъ-за Пскова началась у В. война съ тестемъ его, вел. кн. литовскимъ Витовтомъ, но все дѣло ограничилось по излюбленной Даниловичами методѣ только выводомъ войскъ въ поле и выѣздомъ нѣкоторыхъ литовскихъ князей въ Москву. Битвъ не было, а въ 1408 г. былъ заключенъ и договоръ на Угрѣ. Выжидательная, медленная и враждебная относительно Литвы политика В. (вполнѣ благоразумная относительно такого сильнаго и опаснаго врага) и его покровительство литовскимъ выходцамъ вызывали, впрочемъ, ропотъ въ народѣ, но, опираясь на боярство и союзное съ нимъ духовенство (митр. Кипріанъ) и на свою матеріальную силу, В. мало обращалъ вниманія на это недовольство. При В. Россію посѣтилъ моръ и трехгодичный голодъ. Въ отличіе отъ другихъ Даниловичей, отношенія В. съ самими московскими князьями были проникнуты взаимнымъ недовѣріемъ. Изъ братьевъ В. Константинъ и Юрій не признали его сына, какъ будущаго в. князя. Константинъ за это поплатился изгнаніемъ въ Новгородъ и скоро уступилъ, Юрія же В. боялся и потому не тронулъ его.

Василій II, Темный (1425—1462), сынъ и преемникъ Василія I, род. въ 1415 г. Княженіе его ознаменовалось жестокой междуусобицей между нимъ самимъ и его дядей Юрьемъ, княземъ Галича Костромскаго (ум. 1434), и его дѣтьми Василіемъ и Дмитріемъ Шемякой. Замѣчательна эта междуусобица и тѣмъ, что была послѣдней на Руси, и своимъ кровавымъ и ожесточеннымъ характеромъ съ чисто византійско-татарскими подвохами и интригами противниковъ другъ противъ друга, семейными дрязгами (пресловутый поясъ Василія Юрьевича Косого, стоившій В. Т-му престола въ 1432 г.), жестокостями (ослѣпленіе В. Косого въ 1436 г. и В. Темнаго въ 1446 г.), наводами татаръ на русскую землю (напр., въ 1446 г.) и униженіями предъ ними въ Ордѣ (напр., въ 1431 г.). За все это, конечно, приходилось расплачиваться народу. В. Т. началъ княженіе чуть не ребенкомъ и никогда не обнаруживалъ ни твердаго характера, ни воен. или политич. талантовъ. Эти его свойства дѣлали особенно видной роль въ усобицѣ боярства и духовенства. Суровый и энергичный Юрій пугалъ московское боярство и казался ему опаснымъ. Да и предпочтеніе, оказываемое Юріемъ и его дѣтьми галицкимъ боярамъ, не улыбалось московскимъ боярамъ, слѣды чего остались въ преданьѣ о Шемякинѣ судѣ. Поэтому бояре и духовенство не давали покоя соперникамъ В. Т., донимали ихъ жалобами, протестами и происками (напр., митр. Іона), брали на свою душу его клятвы (напр., въ 1446 г. еп. Трифонъ) и пускали въ дѣло въ его защиту всѣ матеріальныя и моральныя средства, которыми располагали (обличительное посланіе духовенства противъ Шемяки 1447 г.). Въ результатѣ В. Т., не разъ побитый, ограбленный и заточенный и, наконецъ, ослѣпленный, однако, вышелъ изъ 19-лѣтней борьбы (1432—1450) съ пріобрѣтеніями, которыя далеко оставили за собой все, что собрали продолжительными усиліями отецъ и дѣдъ В. Т. При вступленіи В. Т. на престолъ московская вотчина была раздѣлена на десятокъ удѣловъ, а, когда онъ писалъ духовную, вся эта вотчина, за исключеніемъ верейской половины Можайскаго княжества, была въ его рукахъ. Сверхъ того, В. Т. принадлежало Суздальское княжество (кромѣ Городца), вотчичи котораго служили ему или „бѣгали“ по чужимъ странамъ. Московскіе намѣстники сидѣли по рязанскимъ городамъ, Новгородъ, едва не лишившійся самостоятельности за свое заступничество за Шемяку и его брата Вас. Косого (походы 1441 и 1456 гг.), и Вятка (походы 1456 и 1457 гг.) были во всей его волѣ. Наконецъ, онъ не только благословилъ своего старшаго сына Ивана великимъ княженіемъ, на что еще не рѣшался его отецъ (б. м., опасаясь Юрія), но и прямо включилъ великокняжескую область въ составъ своей наслѣдственной вотчины. Мало того: В. Т. еще при жизни объявилъ сына Ивана соправителемъ, назначивъ ему въ духовной самый большой удѣлъ. Выиграло при В. Т. и боярство (но только фактически; до юридическаго закрѣпленія своихъ политич. и гражд. успѣховъ при В. Т. оно еще не до-

росло, за что и пришлось ему поплатиться при его преемникахъ), и духовенство, въ интересахъ котораго В. Т., отвергнувъ унію съ католической церковью, предложенную митр. Исидоромъ послѣ возвращенія съ флорентійскаго собора (1439 г.), — предоставилъ выборъ новаго митрополита русскимъ епископамъ и, когда былъ выбранъ Іона (1447 г.), только извѣстилъ объ этомъ визант. императора. Съ тѣхъ поръ митрополиты постоянно выбирались и ставились въ Россіи. Только для народа правленіе В. Т. было самое тяжелое и несчастное. Не говоря уже о пагубномъ вліяніи княжеской смуты на его экономическое положеніе, въ это правленіе посѣтила Россію и чума (въ началѣ княженія, затѣмъ въ 1442 и 1448 гг.), и страшная засуха въ 1430 г., и голодъ. Часты и опустошительны были и пожары. Участились при В. Т. и набѣги татаръ: такъ, въ 1445 г. В. Т. потерпѣлъ при Суздалѣ пораженіе отъ Улу-махметовыхъ татаръ и былъ взятъ въ плѣнъ, при чемъ выкупать государя пришлось тоже народу; были набѣги татаръ и въ 1449, 1451 и 1459 гг. Кромѣ того, при В. Т. основаны были татарами царство Казанское и Крымское ханство, отъ которыхъ потомъ приходилось столько терпѣть народу. Литва при В. Т., хотя и заявляла время отъ времени притязанія на Новгородъ, но слишкомъ была занята внутренними вопросами и отношеніями къ Польшѣ, чтобъ мѣшаться въ московскія дѣла.

Василій Іоанновичъ III (1505—1533), род. въ 1479 г., послѣдній собиратель Руси, при чемъ это собираніе было прежде всего въ интересахъ в. князей московскихъ и ихъ бояръ, увеличивая матеріальную силу и моральный престижъ и тѣхъ и другихъ. Общенаціональное дѣло было тутъ лишь видимостью и заставкой. Продолжалъ В. внутреннюю и внѣшнюю политику отца, на котораго походилъ и суровымъ своимъ характеромъ, дѣйствуя самовластно, съ холодной жестокостью и крайней разсчетливостью. Опирался онъ на іосифлянъ и правилъ (въ зависимости отъ начавшагося въ странѣ перераспредѣленія соціальныхъ и экономическихъ силъ въ связи съ постепеннымъ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и измѣненіемъ политической коньюнктуры) посредствомъ дьяковъ и людей, не выдающихся знатностью и древностью рода (дворецкій Шигона Поджогинъ), съ которыми обращался грубо и жестоко (заточеніе дьяка Долматова за отказъ ѣхать въ посольство; урѣзаніе языка Берсеню за встрѣчу и жалобы). Къ боярству же, въ связи съ измѣненіемъ его соціальнаго состава (вытѣсненіе служилымъ княжьемъ стараго нетитулованнаго московскаго боярства) и политическаго настроенія (традиція власти, шедшая изъ удѣльныхъ вѣковъ и только преобразовавшаяся теперь изъ одиночной, личной и мѣстной въ собирательную, сословную и всеземскую), В. относился холодно и недовѣрчиво, совѣтуясь съ нимъ только для виду, да и то рѣдко. Но все же В. еще очень сдержанно велъ себя относительно бояръ. Ни одинъ знатный бояринъ при немъ не былъ казненъ. Государь побаивался еще ихъ и бралъ лишь съ нихъ клятвенныя грамоты не отъѣзжать въ Литву (напр., съ В. Шуйскаго, съ Бѣльскихъ, Воротынскихъ, Мстиславскихъ). Только кн. В. В. Холмскаго при немъ постигла опала (за что, впрочемъ, неизвѣстно). Къ родственникамъ зато В. при малѣйшемъ столкновеніи относился съ обычной суровостью и безпощадностью своихъ предшественниковъ. Соперникъ В. Дмитрій Іоанновичъ умеръ въ заключеніи, въ нуждѣ. За братьями В. Юріемъ и Андреемъ былъ учрежденъ строгій надзоръ. Андрею было позволено жениться только въ 1533 г., когда у В. было уже двое дѣтей. Братья В., въ свою очередь, ненавидѣли новыхъ людей и новые порядки, и такъ какъ къ этимъ именно братьямъ и д. б. перейти послѣ В. престолъ по его бездѣтности, то подъ вліяніемъ близкихъ людей В. развелся съ безплодной Соломоніей Сабуровой, заточивъ ее въ Суздальскій Покровскій монастырь, при чемъ пострадали и противники развода (митр. Варлаамъ, Вассіанъ Косой Патрикѣевъ и грекъ Максимъ), и женился въ 1526 г. на Еленѣ Васильевнѣ Глинской, племянницѣ Михаила Глинскаго, отъ ко-

торой и имѣлъ дѣтей Ивана (р. въ 1530 г.) и Юрія (р. въ 1533 г.). При В. къ Москвѣ присоединенъ вѣчевой городъ Псковъ въ 1510 г. и послѣднія удѣльныя княжества—Рязанское въ 1517 г. и Черниговское и Сѣверское въ 1517 — 1523 гг. Въ 1513 г. присоединенъ былъ къ Москвѣ и Волоцкій удѣлъ. По смерти своего зятя Александра въ 1506 г. В. хотѣлъ было получить и литовскій престолъ; когда это ему не удалось, то онъ задумалъ воспользоваться смутой, возникшей послѣ смерти Александра между литовскими панами. Михаилъ Глинскій выдавался между ними образованіемъ, военной славой, богатствомъ и земельными владѣніями, а его-то и оскорбилъ Сигизмундъ (братъ и преемникъ Александра). Тогда Михаилъ перешелъ къ В., что, въ связи съ плохимъ обращеніемъ съ сестрой В. Еленой (ум. 1513 г.) въ Литвѣ, и вызвало войну Литвы съ Москвой, кончившуюся договоромъ 1508 г., по которому всѣ пріобрѣтенія Іоанна остались за Россіей, а все, занятое Глинскимъ, было отдано Литвѣ, послѣ чего Глинскому были даны Медынь и Малоярославецъ. Затѣмъ тайный договоръ Сигизмунда съ Менгли-Гиреемъ вызвалъ вторую войну съ Литвой въ 1512 г. 1 августа 1514 г. В. взялъ Смоленскъ при содѣйствіи Глинскаго. 8 сентября кн. Острожскій разбилъ московскія войска при Оршѣ. По перемирію 1522 г., заключенному при посредствѣ посла имп. Максиміліана I Герберштейна, Смоленскъ остался за Москвой, при чемъ смольнянъ, какъ и псковичей и новгородцевъ, переводили въ Москву. Оттого Смоленскъ и стоялъ такъ за Москву въ 1612 г. Рядомъ съ литовскими отношеніями главную заботу правленія В. составляли отношенія татарскія, особенно отношенія къ Крыму. Послѣднему при В. нечего было больше бояться остатковъ Золотой Орды, къ тому же за нимъ стояла Турція, а потому набѣги крымцевъ все сильнѣе и сильнѣе начинаютъ тревожить Москву (набѣгъ на Оку 1507 г., на Рязанскую украйну 1516, на Тульскую 1518, осада Москвы въ 1521 г.) и Литву, кот. поочередно задаривали крымскихъ разбойниковъ и впутывали ихъ въ свои взаимныя ссоры и дрязги (шертная грамота Мугаметъ-Гирея 1519 г.). Сильны были столкновенія съ Крымомъ изъ-за Казани (напр., въ 1521 г.); впрочемъ, Казань, раздираемая внутренними усобицами, все болѣе и болѣе подчинялась Москвѣ (осада Казани въ 1506 г., миръ съ Мугаметъ-Аминемъ въ 1507 г., назначеніе изъ Москвы Шахъ-Али казанскимъ царемъ въ 1519 г. и Джанъ-Али въ 1524 г., построеніе Васильсурска въ 1524 г. и т. д.). Судьбы же Астрахани были тѣсно переплетены съ судьбами Крыма и Казани (ср., напр., завоеваніе Астрахани Мугаметъ-Гиреемъ въ 1523 г. и убійство его тамъ нагайцами). Продолжались при В. и начатыя при Иванѣ III сложныя дипломатическія отношенія съ другими иноземными государствами (Швеціей, Даніей, Австріей, Орденами и папой). Были сношенія и съ Турціей. Съ 1518 г. начались сношенія съ Франціей, съ 1533 г.—съ Индіей.

II. Царь Московскій Василій Іоанновичъ IV Шуйскій — царь-заговорщикъ, род. въ 1552 г. На престолъ вступилъ по трупу Дмитрія 19 мая 1606 г. уже пожилымъ бояриномъ. Былъ небольшого роста, невзрачный, подслѣповатый, двоедушный и двуличный человѣкъ, искушенный въ хитростяхъ и интригахъ, скупой и упрямый, о войскѣ не заботившійся и любившій только наушниковъ. Сильно побаивался и колдуновъ. Еще до вступленія на престолъ донельзя изолгался и изинтриганился, прошедши огонь и воду, видалъ и плаху и не попробовалъ ея лишь по милости Дмитрія, противъ котораго онъ исподтишка дѣйствовалъ. Свое же царствованіе онъ открылъ рядомъ грамотъ, распубликованныхъ по всему государству, въ каждой изъ которыхъ заключалось по меньшей мѣрѣ по одной лжи. Замѣчательна и подарестная запись В. боярамъ, ставленникомъ которыхъ онъ былъ, при всей ея неполнотѣ, какъ первый опытъ формальнаго ограниченія верховной власти. Уроки Грознаго и польскій примѣръ, видно, пошли въ прокъ боярамъ. Только эта попытка (узко классовая къ тому же) была предпринята боярами слишкомъ поздно, не соотвѣтствовала реальному соотноше-

нію силъ въ странѣ послѣ реформъ Грознаго и потому заранѣе была обречена на неудачу. Подробнѣе о правленіи В. см. въ ст. *Смутное время*. Царствованіе В. было очень несчастливо и полно бунтовъ и мятежей (Болотниковъ, Тушинскій воръ и т. д.) и войнъ съ внѣшними врагами (гл. обр. съ Польшей). Держался В. на престолѣ лишь при помощи Михаила Скопина-Шуйскаго, любимца народа, который видѣлъ въ немъ преемника В. на престолѣ. Не стало Михаила 23 апрѣля 1610 г., и уже 19 іюля того же года В. былъ постриженъ въ монахи, а затѣмъ отвезенъ въ Варшаву, гдѣ и умеръ въ 1612 г.

III. Удѣльные князья. 1. *В. Александровичъ*, старшій изъ сыновей Александра Невскаго, кн. Новгородскій, умершій безъ потомства въ 1271 г. Упоминается въ лѣтописяхъ съ 1245 г. Въ 1253 г. побилъ литовцевъ при Торопцѣ. Извѣстна и борьба В. за Новгородъ при помощи отца съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ. Но въ 1257 г., принявъ сторону Новгорода, не хотѣвшаго платить татарамъ тамгу и десятину, противъ отца, потерялъ довѣріе послѣдняго и былъ выгнанъ имъ изъ Пскова, куда онъ бѣжалъ изъ Новгорода, на Низъ въ Суздальскую землю. Этимъ и закончилась его политическая карьера. 2. *В. Васильевичъ*, кн. Ярославскій (1339—1380), старшій сынъ В. Давидовича Грознаго. Занялъ ярославскій столъ въ 1345 г., въ 1375 г. участвовалъ въ походѣ Москвы на Тверь, въ 1380 г. въ Куликовской битвѣ, дѣйствуя на лѣвомъ крылѣ. 3. *В. Давидовичъ Грозный*, кн. Ярославскій (ум. 1345), не сразу понялъ политику Калиты, стремившагося къ матеріальному усиленію на счетъ своихъ сосѣдей и къ полному преобладанію надъ ними, и даже женился на его дочери Евдокіи. Но, когда въ 1339 г. онъ, по интригамъ Калиты, былъ вызванъ въ Орду и чуть не былъ схваченъ на дорогѣ посланнымъ Калитой отрядомъ, то и у него д. б. раскрыться глаза на политику Калиты. Тѣмъ не менѣе, волей-неволей, онъ д. б. въ концѣ концовъ признать себя подручникомъ Москвы и въ 1340 г. принялъ участіе въ походѣ московскихъ войскъ на Торжокъ. 4. *В. Кирдяпа Дмитріевичъ* (р. ок. 1350, ум. 1403), старшій сынъ Дмитрія-Ѳомы Константиновича, кн. Суздальскаго и Нижегородскаго, кн. Суздальскій и Городецкій. Воевалъ съ Казанью и ордынскими татарами. Въ 1382—1387 гг. былъ въ плѣну въ Ордѣ. Въ 1394 г. самъ побѣжалъ съ братомъ Симеономъ въ Орду добиваться своей отчины, но неизвѣстно, съ какимъ результатомъ. 5. *В. Ивановичъ*, в. кн. Рязанскій (р. 1448, ум. 1483), единств. сынъ Ивана Ѳедоровича Рязанскаго. Съ 8 лѣтъ сиротой попалъ подъ опеку в. князя Московскаго. Но Рязань была еще сильна и могла за себя постоять, а потому въ 1464 г. В. былъ отпущенъ Иваномъ III на Рязанское княженіе. Княженіе его прошло тихо и незамѣтно. Женатъ онъ былъ на любимой сестрѣ Ивана III—Аннѣ. 6. *В. Ивановичъ Шемячичъ*, внукъ Шемяки, послѣдній удѣльный князь на Руси, по словамъ Курбскаго. Вмѣстѣ съ отцомъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ затѣмъ перешли къ нему отъ отца данные послѣднему въ кормленіе Казимиромъ IV Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскъ. Изъ-за гоненій въ Литвѣ на православную вѣру онъ, впрочемъ, въ 1500 г. перешелъ на службу въ Москву съ вотчинами и участвовалъ въ ея войнахъ съ Литвой. Въ 1523 г. по подозрѣнію въ измѣнѣ былъ схваченъ въ Москвѣ и заключенъ подъ стражу, что вызвало почему-то большое волненіе въ Москвѣ. Скончался онъ въ 1529 г. въ заточеніи. Сынъ же его Иванъ въ 1561 г. умеръ инокомъ Троице-Сергіева монастыря. 7. *В. Михайловичи*, князья Кашинскіе. *В. М. I* (1319—1368) былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и в. княземъ Тверскимъ, младшій изъ сыновей Михаила Ярославича Тверскаго. Все почти княженіе его наполнено междоусобными дрязгами (при благосклонномъ участіи татаръ) съ его племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, а отчасти и съ братомъ послѣдняго Михаиломъ Микулинскимъ. *В. М. II* (1367—1382), единствен. сынъ Михаила Васильевича Кашинскаго. При помощи Москвы добился независимости отъ Твери и въ благодарность участвовалъ въ Куликовской битвѣ въ засадѣ вмѣстѣ

съ Дмитріемъ Волынскимъ Боброкомъ. *В. М. III* (1370—1426), сынъ в. кн. тверского Михаила Александровича. Почти всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ Тверью при участіи въ этой борьбѣ Москвы, Литвы и Орды, пока въ 1426 г. Борисомъ Александровичемъ не былъ взятъ подъ стражу. Но такая же попытка взять его подъ стражу Ивана Михайловича Тверского въ 1412 г. кончилась неудачей. 8. *В. Михайловичъ Удалой*, кн. Верейскій (1460 — 1495), старшій сынъ Михаила Андреевича кн. Верейскаго. Воевалъ съ Казанью, Новгородомъ, ордынскими татарами. Въ 1484 г., не поладивъ съ в. княземъ изъ-за какого-то „саженья“, съѣхалъ съ женой въ Литву, гдѣ и оставался до смерти. 9. *В. Юрьевичъ Косой* (р. 1421, ум. 1448 въ заточеніи), кн. Звенигородскій, старшій изъ трехъ сыновей Юрія Дмитріевича Галицкаго. Подробн. см. выше, *В. Темный*. 10. *В. Юрьевичъ Шуйской*, внукъ Кирдяпы. Жилъ въ половинѣ XV в. и былъ наслѣдствен. врагомъ Москвы. Но, когда Темный взялъ верхъ надъ Шемякой, принужденъ былъ смириться предъ ней. 11. *В. Ярославовичъ* Костромской (1272—1276). Отклонилъ отъ Новгорода нашествіе татаръ, которыхъ призывалъ противъ Новгорода братъ его Ярославъ Тверской. Но, когда новгородцы не выбрали его въ князья, то съ помощью тѣхъ же татаръ и племянника своего Святослава Ярославовича Тверского силой заставилъ новгородцевъ избрать себя. Въ 1274 г. при немъ былъ помѣстный соборъ въ Владимірѣ на Клязьмѣ, въ 1275 г. вторая татарская перепись. *С. Шумаковъ.*

Василія Блаженнаго *церковь*, собств. Московскій Соборный храмъ Покрова Св. Богородицы на Красной площади,—одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ русскаго зодчества XVI в. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ, первоначально въ память взятія Казани въ 1553 г. была поставлена деревянная церковь во имя св. Троицы. Потомъ осенью 1554 г., послѣ взятія Астрахани, была задумана постройка новаго, тоже деревяннаго, храма во имя Покрова съ придѣлами. Послѣ того лѣтомъ 1555 г. былъ заложенъ настоящій каменный храмъ о девяти верхахъ, также во имя св. Покрова съ 8-ю придѣлами въ честь тѣхъ праздниковъ, какіе пришлись въ дни, когда была дарована Іоанну IV побѣда надъ басурманами. Этотъ каменный храмъ былъ построенъ русскими мастерами Бармой и Постникомъ съ товарищами въ 1560 г. Представляя довольно сложное и своеобразное сооруженіе, В. Б. является группой копій съ уже существовавшихъ ранѣе типовъ, выработанныхъ національнымъ вкусомъ, преимущественно въ деревянномъ зодчествѣ. Какъ талантливый синтезъ всего сдѣланнаго въ русской архитектурѣ до половины XVI в., В. Б. можетъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ характерныхъ храмовъ древней Руси и однимъ изъ самыхъ красивыхъ зданій русскаго стиля. *Н. Т.*

Васильевскій, Василій Григорьевичъ, извѣстный византинистъ, род. въ 1838 г., получилъ образованіе въ яросл. семинаріи и спб. университетѣ, въ 1862 г. отправился въ заграничную командировку, по возвращеніи изъ которой защитилъ магистерскую диссертацію и началъ чтеніе лекцій въ пет. унив. по исторіи среднихъ вѣковъ, въ 1890 г. былъ избранъ ордин. академикомъ по русск. и визант. исторіи и затѣмъ назначенъ редактор. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ и предсѣдателемъ ученаго комитета при министерствѣ; ум. въ 1899 г. Изъ его многочисл. статей (въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“) по вопросамъ соціальной исторіи Византіи и ея этнографіи, а также по исторіи русско-византійскихъ отношеній отмѣтимъ: „О законодательствѣ иконоборцевъ“ (1878); „Матер. для внутр. ист. Визант. госуд.“ (1879—80), „Варяго-русская и вар.-англ. дружина въ Константинополѣ XI — XII вв.“ (1874—75); рядъ статей, посвященныхъ изслѣдованію отношеній крестоносцевъ къ Византіи (1872), „Русско-визант. отрывки“ (1875 — 76). Наконецъ, цѣннымъ вкладомъ въ науку являются критическія изслѣдованія отдѣльныхъ памятниковъ визант. литературы: „Житіе св. Стефана Сурожскаго“ (1889), „Откров. Меѳодія и виз.-герм. импер. сага“ (1875), „Сонъ Богородицы“ (1876), „Андрей Критскій“ (1885), и общій критич. трудъ „Обозрѣніе трудовъ по виз. ист.“ (1887 — 88 и отд. 1890 г.,

ч. I). Въ 1908 г. Акад. наукъ предпринято изданіе собранія сочиненій В-го.

Васильевскій островъ, часть города Петербурга, образуется дельтой Невы. На немъ расположены: академія наукъ, академія художествъ, университетъ, историко-филологическій институтъ, горный институтъ, биржа, таможня, метеорологическая обсерваторія и пр. См. *Санктъ-Петербургъ*.

Васильевъ (*Василевщина*), м. васильков. у., Кіевской губ., 1.157 жит.

Васильевъ, Алексѣй Ивановичъ, графъ, первый министръ финансовъ въ Россіи, род. въ 1742 г., обучался въ юнкерскомъ училищѣ, вступилъ на государств. службу и благодаря родственнымъ связямъ сталъ дѣлать очень быстро административную карьеру, но потерялъ всѣ должности къ концу царствованія Павла I (1800). В. при воцареніи Александра I вновь былъ назначенъ государств. казначеемъ, а при учрежденіи министерствъ (1802) получилъ портфель министра финансовъ. Состояніе финансовъ при немъ было крайне печальное. Надъ бюджетомъ дамокловымъ мечомъ висѣлъ разрывъ съ Наполеономъ, все больше и больше натягивавшій струну военныхъ расходовъ, а войны 1805—1807 гг. увеличили финансовыя затрудненія въ еще большей степени. Впрочемъ, В. ум. (1806), когда обостреніе финансоваго кризиса только-что начиналось. Его преемникамъ пришлось вынести на себѣ послѣдствія его ошибокъ.

Васильевъ, Василій Павловичъ, извѣстный русскій синологъ, род. въ 1818 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, учился въ уѣздномъ училищѣ, гимназіи, въ казанскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ по восточному факультету (1837); оставленный при университетѣ, онъ черезъ два года защитилъ диссертацію: „Духъ Алтанъ-гэрэла“, посвященную разбору буддійской философіи. Вслѣдъ за этимъ (1840) В. отправился въ Пекинъ вмѣстѣ съ русской миссіей. Въ Китаѣ В. пробылъ почти 10 лѣтъ, которыя сплошь ушли на упорное изученіе восточныхъ языковъ (санскрита, маньчжурскаго, монгольскаго, тибетскаго и китайскаго). Въ 1850 г. В. вернулся въ Россію, въ 1851 г. сдѣлался проф. китайской и маньчжурской словесности въ Казани, а въ 1855 г. перешелъ со своей каѳедрой въ спб. университетъ. Ум. въ 1900 г. въ званіи академика. Важнѣйшіе его труды: „Буддизмъ, его догматы, исторія и литература“ (книга, сдѣлавшая эпоху и переведенная на нѣм. яз.); „Религіи Востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ“; „Маньчжурско-русскій словарь“ (литогр. 1866 г.); „Анализъ китайскихъ іероглифовъ“ (1866); „Китайская хрестоматія“ (3 тома, 1868); „Очерки исторіи китайской литературы“ (1885).

Васильевъ, Михаилъ Николаевичъ (1826—1900), живописецъ, образованіе получилъ въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества и въ академіи художествъ и завершилъ его за границею. Главныя произведенія В.— иконы, писанныя преимущественно восковыми красками: въ Севастополѣ въ церкви Св. Николая, въ Петербургѣ въ домовой церкви гр. Строгонова, въ Іерусалимѣ въ церкви Маріи Магдалины, въ рижскомъ соборѣ и въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ. Эти иконы, красиво скомпонованныя и хорошо написанныя, ближе подходятъ къ итальянской школѣ, чѣмъ къ византійскимъ образцамъ, отъ которыхъ В. иногда беретъ частности.

Васильевъ, Ѳедоръ Александровичъ, живописецъ, род. въ 1850 г. въ Петербургѣ, въ бѣдной семьѣ мелкаго почтамтскаго чиновника. При недостаткѣ средствъ мальчикъ росъ безъ образованія и 12 лѣтъ служилъ почтальономъ съ жалованьемъ по 3 рубля въ мѣсяцъ. Послѣ цѣлаго дня службы по вечерамъ В. отдавался съ увлеченіемъ рисованію, изображая самоучкою все, что попадалось ему на глаза. Ясно проявленная любовь къ искусству заставила родителей подумать о художественной карьерѣ сына, но лица, которымъ были показаны рисунки В., не найдя особенныхъ способностей въ самоучкѣ, дали совѣтъ не пускаться на поприще художника, сопряженное часто съ лишеніями, и совѣтовали предпочесть болѣе легкую и вѣрную чиновничью службу. В., несмотря на это, рѣшилъ отдаться искусству и сталъ посѣщать школу Общества поощренія художествъ, снискивая себѣ скудныя средства работой у реставратора картинъ. Пребываніе въ

школѣ не только дало В. необходимые техническіе пріемы, но и способствовало расширенію его кругозора. Благодаря ежедневнымъ встрѣчамъ и бесѣдамъ съ художниками, В. скоро выяснилъ себѣ, что его призваніе—пейзажъ. Знакомство съ И. И. Шишкинымъ помогло В. сразу стать на настоящій путь. Шишкинъ взялъ на себя руководство художественными занятіями юноши и вмѣстѣ съ В. совершилъ лѣтомъ 1867 г. поѣздку на Валаамъ. Выставленные 17-лѣтнимъ В. этюды показали быстрые его успѣхи. Поѣздка по Волгѣ въ 1870 г. въ сообществѣ И. Е. Рѣпина и Е. К. Макарова дала В. мотивы для нѣсколькихъ картинъ, часть которыхъ появилась на выставкѣ того же года Общества поощренія художествъ. „Видъ на Волгѣ“, „Зимній пейзажъ“ и „Оттепель“, особенно послѣдняя картина, создали В. извѣстность. Глубокое пониманіе природы, сильное поэтическое настроеніе, новая манера трактовки и полный гармоніи колоритъ обратили вниманіе не только публики, но и художниковъ. Въ 1871 г. В. былъ зачисленъ вольноприходящимъ ученикомъ академіи худож. и получилъ право на званіе художника 1-ой степени, съ условіемъ выдержать экзаменъ по научнымъ предметамъ. Выполнить этого В. не удалось, и академія, свидѣтельствуя о своемъ признаніи таланта В., дала ему званіе почетнаго вольнаго общника. Зимой 1870—1871 г. В. простудился, и съ наступленіемъ весны у него обнаружились признаки чахотки. Ни пребываніе въ теченіе лѣта 1871 г. въ Харьк. и Воронеж. губ., куда къ себѣ въ имѣніе пригласилъ В. графъ С. Г. Строгановъ, очень цѣнившій талантъ молодого пейзажиста, ни жизнь въ Крыму, куда высылалось В. ежемѣсячное пособіе, кот. выхлопоталъ для него Д. В. Григоровичъ отъ общества поощренія худож., не могли спасти В. отъ недуга, и среди всеобщаго сочувствія онъ умеръ 8 сентября 1873 г. въ Ялтѣ. Послѣ В. осталось, кромѣ рисунковъ въ альбомахъ, множество сепій, акварелей, эскизовъ, этюдовъ и нѣсколько картинъ: „Болото“, „Крымскій видъ“, „Передъ грозой“, „Взморье“, „Мокрый лугъ“ и др. Пейзажи В., проникнутые своеобразной поэтической задумчивостью, музыкальностью и какой-то торжественной грустью, производятъ глубокое впечатлѣніе на зрителя. Въ нихъ отразилась натура живая, непосредственная, нѣсколько мечтательная, поэтическая, необыкновенно чуткая къ воспріятію впечатлѣній отъ природы, и на ряду съ этимъ необычайно терпѣливое добросовѣстное изученіе природы и громадный художественный талантъ. Письма В. изъ Крыма къ И. Н. Крамскому и другимъ, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Изящн. Искусствъ“ (1889—1890 г.), обнаруживаютъ подвижной, анализирующій умъ, веселый и настойчивый характеръ. В., умершій 23-хъ лѣтъ, своею непродолжительною дѣятельностью оставилъ яркій слѣдъ въ исторіи русскаго пейзажа: поэтъ природы — В. былъ самобытнымъ основателемъ русскаго пейзажа настроенія. *Н. Тарасовъ.*

Васильевъ, Ѳеодосій, расколоучитель, основатель Ѳедосѣевскаго безпоповскаго толка, род. въ 1661 г. Уклонился въ расколъ, будучи дьячкомъ Крестецкаго яма въ Новгородѣ, и, когда начались преслѣдованія раскольниковъ, ушелъ за польскую границу, гдѣ и основалъ нѣсколько общежитій. В. сформулировалъ безпоповщинскую доктрину независимо отъ поморцевъ и, когда узналъ о существованіи обширныхъ безпоповщинскихъ общинъ въ Поморьѣ, то явился туда съ готовымъ уже ученіемъ. Между В. и Денисовыми, руководителями поморскихъ общинъ, возникли разногласія по поводу трехъ основныхъ вопросовъ: о надписи на крестѣ Іисуса, о молитвѣ за царя и о бракѣ. В. по всѣмъ тремъ вопросамъ занялъ непримиримую крайнюю позицію, торжественно отрясъ прахъ отъ своихъ ногъ и ушелъ изъ Выговской обители. Съ этого момента безпоповщина рѣзко раздѣлилась на два толка: *поморцевъ* и *ѳедосѣевцевъ* (*см.*). В. былъ схваченъ въ Новгородѣ и заключенъ митрополитомъ Іовомъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ въ 1711 г. *Н. Н.*

Васильевы, извѣстная семья актеровъ, давшая русскому театру нѣсколько крупныхъ, отмѣченныхъ выдающимися дарованіями дѣятелей. Первое среди нихъ мѣсто принадлежитъ актеру московскаго Малаго те-

Ѳ. А. Васильевъ (1850—1873).

Оттепель.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."

атра, *Сергѣю Васильевичу* В., игравшему въ 50 годахъ (род. въ 1826 г.). Авторъ воспоминаній о немъ, г. Коропчевскій, считаетъ В. „однимъ изъ величайшихъ талантовъ русской сцены", „самымъ крупнымъ и самобытнымъ актеромъ послѣ Прова Садовскаго". Эта восторженная характеристика находитъ себѣ подтвержденіе въ отзывахъ другихъ, писавшихъ о В. Не разъ сравнивали его съ прекраснѣйшимъ геніемъ русской сцены, Мартыновымъ, съ которымъ было у него много общаго въ основныхъ чертахъ правдиваго и искренняго таланта; и театральный критикъ Баженовъ отдавалъ В. („Гроза" Островскаго) въ роли Тихона даже преимущество передъ Мартыновымъ. Сценическую жизнь В. началъ водевильнымъ простакомъ и любовникомъ, проявилъ тутъ яркій и заразительный комизмъ, дѣлилъ успѣхъ съ лучшими героями московскаго водевиля — Живокини, Никифоровымъ, Акимовой. Лучшими его водевильными ролями былъ Гансъ въ „Заколдованномъ принцѣ" и Шаровъ въ Куликовской „Воронѣ въ павлиньихъ перьяхъ". Истинный расцвѣтъ таланта В. начался съ появленія въ репертуарѣ пьесъ Островскаго. Уже первая его роль этого репертуара, Ваня Бородкинъ („Не въ свои сани"), показала, что въ В. — не только водевильный комизмъ, но и способность къ значительнымъ сценическимъ характеристикамъ и къ искреннимъ переживаніямъ. Высшимъ торжествомъ В. было исполненіе роли Тихона Кабанова, въ которомъ онъ подъ смѣшною оболочкою вскрылъ ласковую, нѣжную и страдающую душу, показалъ Тихона, по одному опредѣленію, „глубоко драматическою личностью". Какъ писалъ Баженовъ,—была тутъ „глубокая скорбь сильно наболѣвшей души". Другая громадная заслуга В. передъ русскою сценою—исполненіе роли Хлестакова. Сопоставленіе всѣхъ отзывовъ объ этомъ исполненіи обязываетъ признать В. прекраснымъ, а можетъ быть—и лучшимъ, воплотителемъ замѣчательнаго гоголевскаго образа. Сценическая жизнь В. оборвалась рано и чрезвычайно печально: на него, когда было ему всего 35 лѣтъ, обрушилось великое несчастье, слѣпота. Въ январѣ 1861 г. слѣпому В. былъ данъ въ Маломъ театрѣ прощальный бенефисъ, и самъ В. въ немъ участвовалъ въ водевилѣ „Что имѣемъ, не хранимъ". Сохранилось нѣсколько воспоминаній объ этомъ жуткомъ спектаклѣ, между прочимъ, дочери В., актрисы Надежды В. И въ зрительной залѣ, и на сценѣ не прекращались слезы, не разъ переходившія въ громкія рыданія. А черезъ годъ съ небольшимъ (1862) В. скончался и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.—Жена предыдущаго, *Екатерина Николаевна В.*, дочь знаменитаго московскаго баритона Лаврова, род. въ 1829 г., съ большимъ талантомъ и блескомъ переиграла на сценѣ московскаго Малаго театра цѣлый рядъ ролей, среди которыхъ были особенно удачны шекспировскія Офелія и Віола, а изъ русскихъ—Машенька Незабудкина („Бѣдная Невѣста") и грибоѣдовская Софья. Долго играла въ водевиляхъ, потомъ отличалась въ мелодрамахъ, царившихъ въ Маломъ театрѣ до Островскаго. Была на сценѣ до середины 70 годовъ. Въ домѣ у нея бывали и читали свои пьесы Островскій, Писемскій, Потѣхинъ. Ум. въ 1877 г. Всѣ три ея дочери, Надежда и Вѣра—отъ брака съ Сергѣемъ В. и Наталья—отъ второго брака съ Боккомъ, пошли на сцену. Наиболѣе выдѣлилась *Надежда В.*, род. въ 1852 г., въ 1869 г. дебютировала успѣшно въ Маломъ театрѣ, какъ водевильная ingénue, затѣмъ играла въ комедіяхъ (особенно удачно—мольеровскихъ субретокъ) и драмахъ. Въ 1878 г. перешла на Александринскую сцену въ Петербургѣ. — *Павелъ Васильевичъ В.*, младшій братъ Сергѣя, род. въ 1832 г., началъ свою сценич. жизнь, по окончаніи театр. учил., въ балетѣ, на нищенскомъ окладѣ въ 4 руб. въ мѣсяцъ, скоро бросилъ балетъ, поѣхалъ въ провинцію, игралъ въ драмѣ въ очень многг. городахъ и выдвинулся въ первый рядъ своимъ талантомъ, простотою и прочувствованностью исполненія. Считался, между прочимъ, отличнымъ Расплюевымъ („Свадьба Кречинскаго"). Въ 1860 г. поступилъ на сцену Александринскаго театра, имѣлъ тамъ значительный успѣхъ. Въ 1874 г. снова ушелъ въ провинцію. По свойствамъ дарованія былъ близокъ къ

своему знаменитому брату, но, несомнѣнно, уступалъ ему и въ глубинѣ, и въ яркости дарованія. Ум. въ 1879 г. *Н. Э.*

Василько, Ростиславичъ, сынъ Ростислава Владиміровича, кн. Тмутораканскаго (ум. 1124 г. въ Теребовлѣ). Вмѣстѣ съ братьями Рюрикомъ и Володаремъ жилъ въ Тмуторакани до 1066 г. и въ 1080—1081 гг. Затѣмъ видимъ ихъ во Владимірѣ Волынскомъ. По смерти Рюрика В. наслѣдуетъ его Теребовльскій удѣлъ. Извѣстенъ В. войнами съ поляками. Послѣ Любечскаго съѣзда князей 1097 г., рѣшившаго, чтобъ каждый владѣлъ своей вотчиной, Давидъ Игоревичъ вооружилъ слабаго и коварнаго Святополка Изяславича противъ В. Послѣдняго схватили и выдали Давиду, который, ослѣпивъ В. (византійскій пріемъ, впервые въ этомъ случаѣ примѣненный на Руси, но затѣмъ получившій широкое примѣненіе въ Москвѣ), заключилъ его въ тюрьму. Впрочемъ, подъ давленіемъ Святославичей, съ Владиміромъ Моном. во главѣ, вооружившихся противъ Святополка, Давидъ вскорѣ освободилъ В., а въ 1098 г. былъ вынужденъ опасеніемъ народнаго возмущенія выдать Ростиславичамъ виновниковъ ослѣпленія В. Позже В. вмѣшивается въ распри Владиміра Мон. съ Ярославомъ Святополковичемъ, поддерживая то того, то другого. Въ 1122 г. В. выкупаетъ Володаря, взятаго въ плѣнъ поляками. *С. Ш.*

Васильковскій, Сергѣй Ивановичъ, живописецъ, род. въ 1854 г., образованіе получилъ въ петербургской академіи художествъ и закончилъ его путешествіемъ по Западной Европѣ въ качествѣ пенсіонера. В. пишетъ небольшія картины изъ жизни и природы нашего юга, пріятныя по тонамъ и гармоніи красокъ, мягкости и законченности письма.

Васильковскій уѣздъ находится въ средн. части Кіевск. губ., расположенъ по теченію Роси и ея притоковъ. Заним. простр. (безъ значит. внутр. водъ) въ 3.631 кв. в. Мѣстность не особ. возвышен. (б. ч. 60—100 саж. н. ур. м.)и дов. холмистая,представл.собою рядъ постепенныхъ переходовъ отъ сѣв. части Кіев. губ., входящей въ полосу Полѣсья, къ южной—степной ея части. На сѣв. окраинѣ уѣзда залегаютъ дерново-подз. супеси и отчасти песчаныя почвы, южнѣе проходятъ узкой полосой сѣрые лѣсные суглинки, еще южнѣе начинается широкая полоса черноземовидныхъ почвъ на лессѣ, покрывающихъ всю среднюю (большую) часть уѣзда и переходящихъ на южн. его окраинѣ въ обыкнов. суглинистый черноземъ. Лѣсовъ 10,9% площ., луг. и пастб.—14,5%, пашни—71,2%, неуд. зем. — 3,4%. Населенія къ началу 1909 г. считалось 395,3 тыс. чел., а по переп. 1897 г.—388 тыс. чел. (106,8 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 21,9 тыс. чел. городск.; малороссовъ — 83,6%, великор.—2,3%, евреевъ—12,1%, поляковъ — 1,8%. Грамотн. сельск. нас. 13,6%, городск.—23,6%. Земледѣліемъ занято 62,5% самодѣят. нас. (видная роль принадл. культ. сах. свеклы). Обрабат. промышленностью занято 10,5% самод. нас.; главныя ея отрасли: изготовл. одежды (39,4% пром. нас.), обраб. метал. (12,8%), дерева, питат. прод. и строит. дѣло; 12,5% сел.-хоз. насел. прибѣгаетъ къ побочн. промысл. занятіямъ (куст. обраб. волокн. вещ., строит. раб., изгот. одежды и обуви и извозъ). Въ торговлѣ занято 6,8% самод. нас., въ трансп. 1,4%. Надѣльное землевл. заним. 55,2% площ. уѣзда; ср. разм. над. на дв. 7,6 дес. Частновл. земли сост. 29,7% и сосредоточены почти исключ. въ рук. дворянъ (92,5% двор., 4,9% отд. крест., 2,0% кр. тов. и об.); ср. разм. 1 влад. 176 дес. Земли госуд. и разл. учр. составл. 15,1%. *В. А.*

Васильковъ, безуѣздн. гор. сокольск. у., Гродн. губ., на р. Супраслѣ; 5.015 жит.; кожев. и кирпичн. заводы, мельницы. В. возникъ въ XI—XII в., въ 1686 г. окончат. перешелъ къ Россіи.

Васильковъ, уѣздн. гор. Кіев. губ., на Стугнѣ, пр. Днѣпра, 19.000 жит., развалины крѣпости.

Васильсурскій(Васильскій)уѣздъ наход. въ сѣв.-вост. части Нижегор. губ., граничитъ съ Казанск. и Симб. губ.; заним. простр. (безъ значит. внутр. водъ) въ 3.365,9 кв. в. Волга дѣлитъ уѣздъ на двѣ части. Сѣверная (знач. меньшая), заключен. между теч. Волги и Ветлуги, низменна и нигдѣ не под-

ним. выше 40 с. н. ур. м., имѣетъ песчаныя почвы (въ дол. рѣкъ—поймы, кое-гдѣ моховыя болота). Южная—сравнит. возвышенная (до 100 с. н. ур. м.), покрыта лессов. суглинками, сѣр. лѣсными почвами и суглин. черноземомъ, орошена Сурою и ея прит. Ургою. Населенія къ началу 1909 г. считалось 156,9 тыс. чел., а по переп. 1897 г.—154,3 тыс. чел. (45,8 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 4 тыс. чел. городск.; великороссовъ 87%, татаръ 8,6% и черемисъ 4,2%. Грамотн. сельск. нас. 16,5%, городск. 41,4%. Въ сельскомъ хозяйствѣ занято 67,5% самод. нас. (дов. видное мѣсто принадл. культурѣ льна); къ побочн. промысламъ (садовод., огородн. и пчеловод., строит. дѣло, судоходство, лѣсн. пром. и др.) прибѣг. 32% с.-х. нас. Въ обрабатыв. промышл. занято 12,4% самод. насел.; изъ ея отраслей наиб. крупныя: изгот. одежды (36,8% пром. нас.) и обраб. животн. прод. (20,6%, гл. обр. кожевенное произв.). Въ торг. и трансп. занято 4,5% самод. нас. Надѣльное землевл.—48,6% площ., ср. разм. над. на дв. 6,5 дес. Частновл. земли, 41,7%, сосред. преим. въ рукахъ дворянъ (64% ч.-вл. з.), у отд. крест.—7,5%, крест. тов. и общ.—15,1%; средн. разм. 1 влад. 94 дес. Земли госуд. и учр. 9,7%. *В. А.*

Васильсурскъ (*Василь*), уѣздн. гор. Нижегород. губ., при впаденіи Суры въ Волгу, 3.642 жит. Рыболовство (в-ая стерлядь), большая писчебум. фабрика. В. основанъ въ 1523 г. вел. кн. Василіемъ III во время похода на Казань; остатки укрѣпленія видны и теперь.

Васильчиковъ, Александръ Илларіоновичъ, князь, изв. публицистъ, род. въ Петербургѣ въ 1818 г., въ 1839 г. кончилъ курсъ университета со степенью кандидата правъ. Въ 1840 г. В. примкнулъ къ кружку молодыхъ людей, привлеченныхъ барономъ Ганомъ къ дѣлу введенія новаго администр. устройства на Кавказѣ. Здѣсь В. сблизился съ Лермонтовымъ и былъ его секундантомъ на дуэли съ Мартыновымъ. Самостоятельность взглядовъ, которые онъ не стѣснялся высказывать, а въ особенности разговоры его о свободѣ слова создали ему репутацію вольнодумца, вслѣдствіе чего ему не привелось принимать оффиціальнаго участія въ разработкѣ крестьянской реформы. По совершеніи ея В. принялъ на себя обязанности члена новгородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Съ 1865 до 1872 г. В. былъ гласнымъ сначала уѣзднаго (старорусскаго) земскаго собранія, а потомъ губернскаго и принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ и изученіи земскихъ нуждъ. Стремясь всегда выяснять вопросы принципіально, онъ смотрѣлъ на земство, какъ на школу представительныхъ учрежденій и какъ на средство широкаго проведенія въ жизнь идеи самоуправленія. Въ 1872 г. В. оставилъ земскую дѣятельность, которая не отвѣчала его представленіямъ о самоуправленіи. Въ томъ же году онъ б. приглашенъ къ участію въ Валуевской комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства. Съ 1872 же г. до смерти В. былъ предсѣдателемъ петерб. отдѣленія по его же иниціативѣ основаннаго комитета о ссудныхъ товариществахъ. Въ 1875 г. В. издалъ за границей открытое письмо къ гр. Д. А. Толстому, въ которомъ рѣзко высказался противъ классицизма. Въ 1876 г. В. былъ избранъ предсѣдателемъ петербургскаго отдѣленія славянскаго комитета, но дѣятельной роли въ славянскомъ движеніи онъ не игралъ. Ум. въ 1881 г. Литературная дѣятельность В. началась съ 1869 г. и выразилась, если не считать множества журнальныхъ статей, въ слѣд. крупныхъ работахъ: „О самоуправленіи“, 3 т., 1869—71; 2 изд. 1872; „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и др. европейскихъ государствахъ“, 3 т., 1876; 2 изд. 1881; „Мелкій земельный кредитъ въ Россіи“ (1876, вмѣстѣ съ А. В. Яковлевымъ); „Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи“ (1881). Во всѣхъ этихъ работахъ В. занимаетъ вопросъ: должна ли Россія перейти черезъ западныя экономическія формы, или же она должна избрать иной путь для сохраненія въ цѣлости того, что составляетъ фундаментъ нашего государства—крестьянскаго сословія? Онъ высказывается въ пользу второго рѣшенія этого вопроса. Крестьянство, по его

мнѣнію, „занимаетъ въ Россіи первенствующее мѣсто не только по своей многочисленности, но и потому, что оно тѣснѣе связано и среди всякихъ внѣшнихъ притѣсненій и невзгодъ окрѣпло во внутреннемъ, униженномъ своемъ составѣ". Вліяніе интеллигенціи на народную массу не можетъ быть въ Россіи особенно сильнымъ, такъ какъ народъ имѣетъ у насъ „свои отдѣльные интересы, замкнутые въ кругъ крестьянскихъ сельскихъ общинъ". Правда, въ преобладаніи крестьянства кроется явная опасность для нравственнаго прогресса и цивилизаціи нашего отечества, а въ общинномъ землевладѣніи заключается главнѣйшее препятствіе къ улучшенію земледѣльческой культуры, которая на Западѣ несравненно выше, чѣмъ въ Россіи. Но это превосходство Запада достигнуто слишкомъ дорогой цѣною—обезземеленіемъ свыше половины земледѣльческаго класса. Тѣмъ не менѣе, онъ не видитъ возможности „разстраивать вѣковой ходъ нашего общественнаго построенія" и полагаетъ, что съ нимъ надо помириться, какъ мы миримся со всякими преградами, воздвигнутыми исторіей и природой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что всѣ эти неудобства могутъ быть исправлены путемъ широкаго развитія народной школы и мѣстнаго самоуправленія. Ср. біограф. очеркъ В., составл. *А. Голубевымъ* (1882).

Васко де Гама, знаменитый португальскій мореплаватель, род. ок. 1460 г. Въ 1497 г. онъ былъ посланъ королемъ Эммануиломъ на 3 корабляхъ съ 168 людьми опредѣлить южную оконечность Африки, чтобы проѣхать кратчайшимъ путемъ въ Индію. 22 ноября 1497 г. В. достигъ мыса Доброй Надежды; обогнувъ южный берегъ Африки, В. въ мартѣ 1498 г. достигъ Мозамбикскаго пролива; въ маѣ онъ прибылъ въ Каликутъ на Малабарскомъ берегу, гдѣ въ то время сосредоточивалась торговля восточной Африки, Индіи, Аравіи и Персіи. Здѣсь В. встрѣтилъ враждебный пріемъ со стороны магометанъ и долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ. Запасшись товарами въ Кананорѣ и Андьедивенѣ, онъ поѣхалъ обратно въ Португалію, куда прибылъ въ сентябрѣ 1499 г. только съ 50 чел. За свое открытіе онъ былъ назначенъ адмираломъ Индіи. Тотчасъ была отправлена другая экспедиція подъ начальствомъ Педро Альвареца, чтобы основать въ новыхъ странахъ португальскія факторіи. Въ нѣск. пунктахъ факторіи были устроены, но въ Каликутѣ португальцы были захвачены въ плѣнъ и убиты. Тогда была снаряжена большая экспедиція подъ нач. В. изъ 20 кор. съ 800 солдатъ. Онъ устроилъ факторіи въ Мозамбикѣ и Софалѣ и направился въ Каликутъ, захватывая или уничтожая по дорогѣ всѣ встрѣчныя суда, принадлежащія сарацинамъ и царю Каликута—Самудрину. Соединившись съ царемъ Котшина и получивъ подкрѣпленіе изъ Португаліи, В. жестоко расправился съ туземцами и заставилъ Самудрина покориться Португаліи. Оставивъ гарнизонъ для защиты португальскихъ факторій, В. въ сентябрѣ 1503 г. на 13 корабляхъ вернулся въ Португалію съ богатымъ грузомъ индійскихъ товаровъ. За эту экспедицію В. получилъ титулъ графа. Въ 1524 г., при королѣ Іоаннѣ III, В. въ третій разъ отправился въ Индію, теперь уже въ качествѣ вице-короля. Съ своей обычной настойчивостью и суровостью онъ сумѣлъ положить конецъ злоупотребленіямъ администраціи колоній. Вскорѣ онъ умеръ (въ декабрѣ 1524 г.). Его останки въ 1538 г. были перевезены въ Португалію. Воспѣтъ Камоэнсомъ въ „Лузіадѣ". Ср. *H. Stanley*, „The three voyages of Vasco da Gama" (L., 1869).

Васлуй, гор. въ Румыніи, ок. 10.000 ж., развалины дворца Стефана Великаго.

Васневъ, посадъ опатов. у., Радом. губ., 926 жит.

Васнецовъ, Аполлинарій Михайловичъ, живописецъ, сынъ священника, братъ В. М. В-а, род. въ 1856 г. въ въ с. Рябовскомъ Вятской губ., 9 лѣтъ поступилъ въ вятское духовное училище, по окончаніи его въ 1872 году переѣхалъ въ СПб. къ старшему брату. В. предполагалъ поступить въ академію художествъ, но это не осуществилось. Въ Петербургѣ В. примкнулъ къ кружку передвижниковъ и вошелъ въ общеніе съ Рѣпинымъ, Шишкинымъ и Куинджи. Увлеченіе народ-

В. М. Васнецовъ (род. въ 1848 г.)

Іоаннъ Грозный.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."

ничествомъ отвлекло В. отъ области искусства. Онъ сдалъ экзаменъ на учителя и поступилъ въ школу въ Вяткѣ. Неудачи и разстройство здоровья заставили В. бросить учительство, и послѣ непродолжительнаго занятія литературою В. снова и теперь окончательно обратился къ живописи. Въ 1885 году появившійся на выставкѣ передвижниковъ „Сѣренькій день“ былъ пріобрѣтенъ Третьяковскою галлереею. Съ этого времени В. отдается изученію русскаго пейзажа. Въ 1880—90 годахъ онъ часто совершаетъ поѣздки по Россіи и пережитыя имъ настроенія выражаетъ въ картинахъ. Въ нихъ онъ пластически и цѣльно передаетъ могучую угрюмую природу уральской тайги, береговъ Камы, свѣжее бодрое утро, затерявшуюся тихую обитель, осѣненное мрачными кипарисами полное элегіи кладбище въ Крыму. Въ концѣ 1890 годовъ отъ современнаго пейзажа В. переходитъ къ пейзажу историческому. Упорнымъ, внимательнымъ изученіемъ онъ накопляетъ богатый запасъ образовъ, уходитъ въ прошлое, переживаетъ его и претворенное воплощаетъ въ цѣлую картину. Больше всего В-а притягиваетъ къ себѣ старая Москва. Въ своихъ оригинально прочувствованныхъ и умно скомпонованныхъ картинахъ В. любовно воскрешаетъ допетровскую Москву съ ея кривыми улицами, вымощенными бревнами, съ захолустными уголками у стѣнъ Скородома, съ боярскими дворами, съ базарами, полными люда, съ крестцами, сосредоточившими весь калейдоскопъ московской жизни, съ Кремлемъ, чиннымъ и величавымъ. Съ 1900 г. В. состоитъ преподавателемъ пейзажа въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества. Теоретическія воззрѣнія на искусство В. высказалъ въ книгѣ „Художество—опытъ анализа понятій, опредѣляющихъ искусство живописи“ (1908 г.). *Н. Тарасовъ.*

Васнецовъ, Викторъ Михайловичъ, живописецъ, род. въ 1848 г. въ селѣ Рябовскомъ, вятскаго уѣз., сынъ бѣднаго священника, учился въ вятской семинаріи и въ то же время самъ рисовалъ много съ оригиналовъ, гипсовъ и пробовалъ писать масляными красками. Влеченіе къ живописи заставило В-а бросить семинарію, и въ 1867 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ въ школу общества поощренія художниковъ, а оттуда въ академію художествъ, въ которой пробылъ до 1875 г. Будучи необезпеченъ, все время пребыванія въ академіи В. долженъ былъ поддерживать себя своимъ трудомъ: онъ работалъ въ картографическомъ заведеніи Ильина, иллюстрировалъ народныя сказки, азбуки, книги, дѣлалъ рисунки для юмористическихъ журналовъ и въ часы досуга набрасывалъ для себя характерные типы и сцены, иногда дѣлалъ эскизы фантастическаго и религіознаго содержанія. Въ 1874 г. В. выставилъ на передвижной выставкѣ первую свою картину „Чаепитіе“. Поѣздка за границу не измѣнила настроенія В-а, и съ 1875 г. по 1880 г. по-прежнему онъ работалъ въ области жанра. На передвижныхъ выставкахъ послѣдовательно появились: „Съ квартиры на квартиру“, „Военная телеграмма“, „Преферансъ“. Всѣ эти жанры типично, безъ прикрасъ и безъ притязаній, изображали хорошо знакомый художнику съ дѣтства бытъ простонародья и мелкаго чиновничества. Съ 1880 г., поселившись въ Москвѣ, В. оставляетъ жанръ и переходитъ въ область былинъ и народныхъ сказокъ. Онъ пишетъ: „Послѣ побоища“, „Сѣрый волкъ“, „Коверъ-Самолетъ“, „Витязь на распутьи“, „Аленушка“, „Три царевны подземнаго царства“, декораціи къ „Снѣгурочкѣ“. Во всемъ этомъ было много глубоко понятаго національнаго, поэтическаго, была видна способность усваивать мотивы народной фантазіи и передавать ихъ въ художественныхъ формахъ, но было еще что-то неувѣренное, незаконченное. Полное развитіе удивительной способности переноситься въ далекое прошлое, глубоко проникать въ него на основаніи вдумчиваго, добросовѣстнаго изученія, воскрешать былое В. со всей силой обнаружилъ въ фрескахъ, написанныхъ имъ для Московскаго Историческаго Музея. Въ нихъ онъ изобразилъ съ тонкимъ историческимъ пониманіемъ, съ художественной силой и экспрессіей сцены мирной жизни и борьбу съ мамонтомъ

*

людей каменнаго вѣка. Но эти картины оказались переходной стадіей къ третьему виду творчества. Въ 1885 г. В. былъ приглашенъ проф. Праховымъ для украшенія росписью Владимірскаго собора въ Кіевѣ. Въ теченіе 10 лѣтъ В. расписывалъ весь средній корабль. Здѣсь онъ далъ цѣлый сонмъ святыхъ, русскихъ и ветхозавѣтныхъ, рядъ изображеній рая, ада, таинства евхаристіи и оригинальный, самобытный запрестольный образъ Богоматери. Всю эту живопись В. обрамилъ полными вкуса и оригинальности стильными орнаментами. Въ этихъ работахъ въ соборѣ св. Владиміра сказался талантъ В-а во всемъ блескѣ. Въ 90-хъ годахъ, по окончаніи работъ въ Кіевѣ, В. вернулся снова въ Москву и снова началъ работать надъ религіозными историческими, сказочными и былинными сюжетами. „Царевичъ Иванъ съ Еленой прекрасной на сѣромъ волкѣ“, „Сиринъ и Алконостъ“, „Иванъ Грозный“, „Трое богатырей“, „О Тебѣ радуется Благодатная всякая тварь“ и „Страшный Судъ“ еще разъ показали силу и глубину таланта В-а. Если въ области исторической можно подыскать В-у соперниковъ, то въ области воплощенія народныхъ представленій, поэтическихъ и религіозныхъ, у В-а нѣтъ равнаго. Въ этой области В. является глубоко вѣрующимъ, сильно чувствующимъ народную жизнь идеалистомъ-художникомъ, съ неподражаемою силой и выразительностью въ сильномъ, нервномъ рисункѣ воспроизводящимъ образы неземной прелести и духовной чистоты. Являясь выразителемъ русско-византійской традиціи въ области религіознаго творчества, В. умѣетъ сохранить всю оригинальность и силою своего таланта влить новую жизнь въ византинизмъ. Соединяя порванную нить между народомъ и художникомъ, В. получаетъ значеніе одного изъ наиболѣе національныхъ представителей русскаго искусства.—Ср. *Дѣдловъ*, „Недѣля“, 1896 г., авг. и сентябрь; *Стасовъ*, „Искусство и художественная промышленность“, 1898 г. №№ 1, 2, 3. Снимки съ религ. живописи В-а въ изданіяхъ *Лазов каго* и *Кульженко*, „Владимірскій соборъ въ Кіевѣ“ (1898); *Успенскій, А*, „В. М. В-овъ“. *Н. Тарасовъ.*

Вассалъ (vassus, vassalus, homo), въ феодальномъ строѣ человѣкъ, находившійся въ ленной зависимости отъ другого лица, *сюзерена*, кот. за вассальную службу жаловалъ ему землю. Въ институтѣ вассалитета слилось нѣсколько элементовъ. Первые его зародыши мы находимъ въ Галліи въ видѣ частно-правового института амбактовъ, или кліентовъ, людей, находящихся подъ покровительствомъ болѣе сильнаго и знатнаго, при чемъ у тѣхъ и у другихъ имѣется рядъ обязанностей. Этотъ институтъ въ теченіе VI в. распространяется и на вост. часть франкской монархіи, Австразію. Договоръ заключается на все большіе сроки, пока не становится пожизненнымъ. Въ періодъ упадка меровингской монархіи (слово вассальный входитъ въ употребленіе въ это время) договоръ все чаще обусловливаетъ военную службу въ отрядѣ патрона. Институтъ былъ преобразованъ Карломъ Мартелломъ. Ему нужна была сильная конница для отпора арабамъ; отрядъ, доставляемый королевской дружиной-свитою (антрустіонами), былъ недостаточенъ. Для созданія этой конницы Карлъ Мартеллъ воспользовался существующимъ въ частно-правовыхъ отношеніяхъ институтомъ вассалитета. Земельныя пожалованія изъ церковнаго фонда (см. *бенефицій*) дали институту новую матеріальную основу. Вассалитетъ получилъ государственный характеръ. Самое названіе стало примѣняться только къ людямъ, обязаннымъ за землю военной службою. Понятіе коронныхъ вассаловъ сдѣлалось тожественнымъ съ понятіемъ антрустіоновъ и вытѣснило послѣднее. Так. обр., вопреки распространенному прежде мнѣнію, оба института произошли совершенно самостоятельно: одинъ — галльскаго, другой — германскаго происхожденія. Соединеніе вассалитета съ бенефиціальной системою положило начало феодальному порядку. Вассальныя отношенія не ограничились, конечно, кругомъ лицъ, близкихъ королю и ему приносившихъ присягу. Отъ крупныхъ вельможъ они кругами пошли по всей странѣ. Поэтому вассальный договоръ не могъ утратить присущаго ему частно-правового характера. Онъ его

В. М. Васнецовъ (род. въ 1848 г.)

Витязь на распутьи.

(Русскій Музей Императора Александра III въ Петербургѣ.)

сохранилъ и этимъ наложилъ отпечатокъ на всю феодальную систему. Вассалитетъ — связующій элементъ всего феодальнаго міра. Вассальный договоръ есть договоръ вѣрности, при томъ обоюдной. Обязательства принимаетъ на себя и та и другая сторона. Въ цвѣтущую пору феодализма заключеніе вассальнаго договора сопровождалось обрядомъ (hommagium, Huldo, см. *коммендація*), которымъ В. признавалъ свою зависимость отъ сюзерена. Hommagium (hommage) заключ. въ слѣдующемъ: будущій В. съ непокрытой головой являлся къ своему будущему сюзерену, опускался передъ нимъ на колѣни, клалъ въ его руки свои и говорилъ: homo vester devenio; тотъ поднималъ его и цѣловалъ въ уста; затѣмъ слѣдовала присяга въ вѣрности (fidelitas, foi), которую В. произносилъ, положивъ руки на мощи или на Евангеліе. Послѣ этого сеньеръ путемъ инвеституры передавалъ В-ъ землю. Обязанности В. по отношенію къ сюзерену сначала характеризовались однимъ понятіемъ: service (служба); затѣмъ (съ X вѣка) это понятіе разложилось на два: auxilium et consilium (aide et conseil, помощь и совѣтъ). Объ обоюдныхъ правахъ и обязанностяхъ сюзерена и В. см. *феодализмъ*. Неисполненіе обязанностей со стороны сюзерена могло повести къ уничтоженію вассальнаго договора, присяги и инвеституры, défi, уничтож. вѣрности: В. бросалъ сюзерену соломинку или перчатку, и этого было достаточно. Ср. *Roth*, „Feudalität und Unterthanenverband“ (1863); *Ehrenberg*, „Kommendation und Huldigung nach fränk. Recht“ (1877). *А. Дж.*

Вассерманъ, Яковъ, нѣмецкій писатель, род. въ 1873 г., еврей по происхожденію, дебютировалъ въ 1897 г. романомъ „Евреи изъ Цирндорфа“, три года спустя опубликовалъ „Исторію молодой Ренаты Фуксъ“, сдѣлавшую его „моднымъ“ писателемъ, выпустилъ затѣмъ еще рядъ романовъ: „Молохъ“, „Александръ въ Вавилонѣ“ и „Каспаръ Гаузеръ“, „Kaspar Hauser oder die Trägheit des Herzens“, новеллы „Сестры“. В. любитъ останавливаться на крупныхъ соціально-психологическихъ или историческихъ темахъ (судьба еврейскаго народа, психологія новой женщины, власть большого города, эпопея завоеванія міра), но обыкновенно основная идея романа теряется въ массѣ безпорядочно нагроможденныхъ сценъ и эпизодовъ, благодаря отчасти крайней нервозности его психики и обусловленной ею импрессіонистической манерѣ письма, отчасти вслѣдствіе явной погони за бьющими на эффектъ положеніями. Герои В. обыкновенно люди психически слабые, пассивно и фаталистично подчиняющіеся событіямъ, безсильные сами создать свою жизнь, быстро и легко мѣняющіеся, падающіе подъ тяжестью рока (Рената, Каспаръ Гаузеръ, Арнольдъ въ „Молохѣ“). Завоеваніе Азіи Александромъ изображено В. какъ цѣпь причудливо смѣняющихся событій, въ которыхъ менѣе всего повинна сознательная иниціатива самого завоевателя. Въ психологіи героевъ В. преобладаютъ далѣе ирраціональныя настроенія, таинственныя переживанія, смутныя подсознательныя чувства, такъ что и сама жизнь въ изображеніи В. оказывается какой-то непостижимой и чудовищной загадкой (Рената, Каспаръ Гаузеръ, героини въ „Сестрахъ“). Въ воспроизведеніи настроенія жути, нервозной возбужденности и кошмарности В. достигаетъ порой большого мастерства („Александръ въ Вавилонѣ“, „Сестры“). Произведенія В. переведены на русск. яз. О немъ см. *R. Meyer*, „Die deutsche Litteratur des XIX J.,“ т. II; *Lublinski*, „Die Bilanz der Moderne“ (есть рус. пер.) и „Der Ausgang der Moderne“. *В. Фр.*

Вассермановская реакція, см. *иммунитетъ*.

Вассіанъ Косой, см. *Патрикѣевы*.

Вассіанъ Рыло, дух. проповѣдникъ XV в., славившійся своимъ краснорѣчіемъ, родственникъ Іосифа Волоцкаго и ученикъ Пафнутія Боровскаго, въ 1465 г. былъ игум. Троице-Сергіева м-ря, въ 1466 г.—архим. Новоспасскаго, затѣмъ архіепископомъ Ростовскимъ. Въ 1479 г. крестилъ у Ивана III сына Василія. Посредничалъ, но безуспѣшно, между нимъ и его братьями Борисомъ и Андреемъ. Написалъ житіе Пафнутія Боровскаго, посланіе къ Іоанну на Угру, распорядит. грамоту. Защищалъ хожденіе посолонь. Занимался

Госуд... ая ... БИБЛИОТЕКА С...

много устройствомъ церквей. Ум. въ 1481 г.

Вассіанъ Топорко, племянникъ Іосифа Волоцкаго, іосифлянинъ по направленію, союзникъ митр. Даніила, имѣвшій большое вліяніе при Василіи III, съ 1525 г. епископъ коломенскій, въ 1542 г. послѣ торжества Шуйскихъ оставилъ каѳедру и удалился въ Пѣсношскій м-рь. Нашептывалъ Ивану Грозному при его поѣздкѣ въ Кирилловъ Бѣлозерскій м-рь противъ Сильвестра, Адашева и бояръ, совѣтуя ему не держать при себѣ совѣтниковъ умнѣе себя. *С. Ш.*

Вассулу, прежде независ. государство въ сѣв.-зап. Африкѣ, съ 1893 г. принадл. къ франц. Гвинеѣ, 160 — 360 т. кв. км. и 280—1.500 т. жит. (больш. частью мандинги), фанатич. магометанъ. В.—равнина, орош. крупн. рѣками (Нигеръ и др.), плодородная и богатая золотомъ.

Васъ или *Уасъ* (Wace), имя неизвѣстно,—во всякомъ случаѣ не Робертъ, какъ предпол. раньше,—поэтъ, род. ок. 1100 г., занималъ духовныя должности въ Канѣ. Ум. послѣ 1174 г. Кромѣ нѣкоторыхъ легендъ, онъ написалъ два большихъ „романа“ (въ первоначальномъ смыслѣ слова, такъ какъ его вещи написаны на простонародномъ романскомъ нарѣчіи): „Geste des Bretuns“ (обычн. назв. „Brut“), посвящен. въ 1155 г. англ. королевѣ Элеонорѣ и составлен. на основаніи хроники Гальфрида Монмутскаго „Gesta regum Britanniae“, и „Geste des Normanz“ (обычн. назв. „Rou“, т.-е. „Роллонъ“), составленную для Генриха II англ., главн. обр., на основаніи лат. хроники Дудона Сенъ-Кантенскаго и Вильгельма Жюмьежскаго. Сочиненія В. являются драгоцѣннѣйшимъ историч. памятникомъ и лингвистическимъ документомъ; съ внѣшней стороны они грубы и неотдѣланы, но не лишены своеобразныхъ, правда, довольно первобытныхъ поэтич. красотъ.

Васьковскій, Евгеній Владимировичъ, юристъ, происходитъ изъ польскихъ дворянъ, род. въ 1866 г., окончилъ въ 1888 г. новороссійск. университетъ. Вступивъ въ мѣстную адвокатуру, В. продолжалъ занятія наукой, результатомъ чего было обширное сочиненіе „Организація адвокатуры“ (въ двухъ частяхъ, СПб., 1893). По выдержаніи магистерскаго экзамена и защитѣ названной диссертаціи въ казан. университетѣ въ 1897 г., В. былъ принятъ въ число приватъ-доцентовъ новороссійскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго права. Въ 1901 г. В. получилъ степень доктора гражданскаго права за диссертацію: „Цивилистическая методологія, часть 1, ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ“, представленную въ казанскій университетъ. Въ 1904 г. В. былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1906 г. ординарнымъ профессоромъ гражданскаго права въ новороссійскомъ университетѣ. Въ томъ же 1906 г. совѣтъ новороссійскаго университета избралъ его проректоромъ. Преданный затѣмъ вмѣстѣ съ выборнымъ ректоромъ проф. Занчевскимъ суду за бездѣйствіе власти, которое выразилось въ непринятіи мѣръ къ недопущенію въ стѣнахъ университета студенческихъ сходокъ съ участіемъ посторонникъ лицъ и т. п., В. былъ приговоренъ судебнымъ присутствіемъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 27 февраля 1909 г. къ отрѣшенію отъ должности съ воспрещеніемъ состоять на государственной службѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Кромѣ названныхъ диссертацій, перу В. принадлежатъ еще слѣд. труды: „Учебн. гражд. права“ (2 вып., 1894 и 1896); „Будущее русск. адвокатуры“ (1893); „Основн. вопросы адвокатск. этики“ (1895); „Задачи по русск. гражд. праву (2 изд. 1907) и процессу“ (1907); „Учебн. морского торговаго законовѣдѣнія“ (въ сотрудничествѣ съ О. Я. Пергаментомъ) и др.

Васюганъ 1) притокъ р. Оби, впадающій въ него слѣва, въ 80 верстахъ ниже г. Нарыма, на абсол. высотѣ 43,5 саж.; беретъ начало на границѣ нарымскаго и каинскаго уѣздовъ Томской губ. на абс. высотѣ 58,6 саж. въ 75 в. отъ юртъ Инжиныхъ. Длина В. 980 верстъ, по дорогамъ же вдоль береговъ около 600 в., бассейнъ Васюгана 56.250 кв. в. Важнѣйшіе притоки слѣва: Чертанла, Яголягъ, Макон-ягъ, справа: Нюрюлька, Чижанка. Уклонъ В. 0,00005. Близъ с. Васюган-

Ватиканъ.

Галлерея Ложъ.

скаго (выше впаденія Нюрюльки) В. имѣетъ ширину 65 саж., глубину 4,5 с., скорость теченія 1,2 фута въ секунду (осень 1903 г.). Село Васюганское лежитъ на высокомъ (5—8 саж.) лѣвомъ берегу В., правый берегъ ниже (3 саж.); въ нижней части ширина В. до 100 с., глубина неравномѣрна, у юртъ Наунакъ 3½ саж. Въ общемъ, лѣвое побережье В. чрезвычайно болотисто и весной затопляется на 5—7 верстъ; правое же, хотя и заболочено, но менѣе, вдоль берега здѣсь проходитъ грива шириной 5—15 верстъ, покрытая березовымъ лѣсомъ съ примѣсью ели, кедра, пихты. Въ администр. отношеніи бассейнъ В. составляетъ три инородческихъ волости: Васюганскую, Ларіатскую и Чижанскую; населеніе—остяки. 2) *В.* или *Васюганье* или *Васюганское болото*, болотистое пространство въ зап. части нарымскаго у. и сосѣднихъ частяхъ каинскаго, тарскаго и сургутскаго, на водораздѣлѣ Оби и Иртыша, простирающееся почти отъ Оби у г. Колывани на сѣверо-западъ до впаденія Иртыша въ Обь. Высота въ центральной части 50—60 саж., къ сѣв.-зап. высота понижается. Почти на всемъ протяженіи В. залегаетъ сплошное моховое болото, на болѣе сухихъ мѣстахъ („гривахъ“) растетъ кедръ, ель, пихта, лиственница съ примѣсью березы и осины; масса рѣчекъ и озеръ, во время весенняго разлива сливающихся между собой („Васюганское море“), пересѣкаютъ В., См. *Григоровскій* Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О., II, 1880.—„Очеркъ гидротехн. работъ въ Ишимской степи и Барабѣ“. Спб., 1907 (изд. Отд. Земел. Улучш.).—*Отрыганьевъ*, „Крат. описаніе зап. части Нарымскаго края.“ Спб. 1910 (изд. Переселен. Упр.). *Л. Б.*

Вата изготовляется изъ волоконъ хлопка. Лучшій сортъ В.—изъ чистаго хлопка, худшіе сорта изъ оческовъ и сорныхъ волоконъ, получаемыхъ при чесаніи хлопка, предназначаемаго для пряжи. Приготовленіе В. состоитъ въ трепаніи и чесаніи въ такихъ же машинахъ, какъ и при обработкѣ хлопка на пряжу. *Гигроскопическая* В. представляетъ лучшій сортъ В., обезжиренной варкою въ натровомъ щелокѣ, промывкою въ водѣ, отбѣленной бѣлильной известью, вновь промытой, высушенной и разрыхленной.

Вата Тайлера возстаніе, см. *Великобританія.*

Ватага, см. *артель* (III, 581 и сл.).

Ватаци, Іоаннъ III Дука, импер. никейскій, род. въ 1173 г., былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Ѳедора Ласкариса, позднѣе женился на его дочери и въ 1222 г. наслѣдовалъ никейскій престолъ. Отнялъ у крестоносцевъ большую часть Македоніи и Ѳракіи и подготовилъ возстановленіе Визант. имперіи. Ум. въ 1254 г.

Ватербери, см. *Уотербери.*

Ватерія, Vateria, родъ изъ сем. Dipterocarpaceae, вѣчно зеленыя деревья. V. indica, растущая въ Остъ-Индіи и на Филиппинскихъ островахъ, даетъ смолу, идущую въ продажу подъ назв. „манильскаго копала“. Масло, получаемое изъ сѣмянъ, идетъ на приготовленіе свѣчей и мыла. Цейлонскій видъ, V. acuminata, даетъ съѣдобные плоды.

Ватерклозетъ (англ.), ретирадное мѣсто, промываемое водой; при помощи рычага открывается клапанъ, и струя воды промываетъ раковину; см. *канализація.*

Ватерлинія 1) *грузовая*, черта, проведенная у самой воды, на поверхности всего судна, когда оно въ полномъ *грузу*, и раздѣляющая судно на двѣ части — *подводную* и *надводную*; опредѣляетъ степень наибольшаго углубленія судна. 2) В. *спусковая*, или естественная,—линія, образуемая водою на поверхности судна при спускѣ его на воду, показываетъ углубленіе порожняго судна.

Ватерлоо, деревня въ Брабантѣ (Бельгія), 4.205 ж. Знаменита по сраженію 18-го іюня 1815 г., поведшему къ окончат. низложенію Наполеона. Тремя днями раньше разбивъ пруссаковъ при Линьи, Наполеонъ счелъ ихъ окончат. разстроенными и обратилъ свои силы на англо-голландскую армію Веллингтона. Послѣдній принялъ бой, надѣясь на помощь Блюхера. Дѣла Наполеона шли не особ. хорошо и до прибытія послѣдняго, но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Веллингтонъ ввелъ въ дѣло всѣ резервы, и счастье стало склоняться на сторону францу-

зовъ, авангардъ Блюхера ударилъ съ тылу на ихъ центръ; подоспѣвшія затѣмъ главныя прусскія силы принудили Наполеона къ отступленію, а упорное трехдневное преслѣдованіе довершило пораженіе. Изъ 72.000 чел. у Наполеона осталось не болѣе половины. Союзники изъ 70.000 (не считая корпуса Блюхера) потеряли ок. 22.000 ч.

Ватерлоо, гор. въ сѣв.-ам. штатѣ Айова, жит. 18.849.

Ватерлоо (Waterloo-with-Seaforth), приморск. гор. въ Ланкаширѣ (Англія), предмѣстье Ливерпуля, 23.102 жит., морскія купанья.

Ватерпасъ (отъ англ. словъ water— вода и poise — равновѣсіе), снарядъ, служащій для приведенія линій и плоскостей въ горизонтальное положеніе и для измѣренія небольшихъ угловъ наклоненія. Въ простѣйшемъ видѣ состоитъ изъ горизонтальн. бруска и двухъ другихъ, составляющихъ съ нимъ равнобедр. треуг. и связанныхъ между собою распоркой, параллельной гориз. бруску. Въ вершинѣ треуг. прикрѣпляется свободновисящая нить съ грузомъ, а распорка дѣлится пополамъ чертою. При совпаденіи нити съ чертою брусокъ, параллельный распоркѣ, будетъ находиться въ горизонт. положеніи. Прямолинейная распорка мож. быть замѣнена дугой, раздѣленной на градусы, что даетъ возможность измѣрять и углы наклоненія. Болѣе совершенный В. (правильнѣе *уровень*) состоитъ изъ заключеннаго въ мѣдн. оправу горизонтально - цилиндр. или круглаго стекляннаго сосуда, наполненнаго жидкостью съ плавающимъ по ея поверхности безвоздушн. пузырькомъ (въ наст. время вмѣсто воды чаще употребляется вин. спиртъ или сѣрный эѳиръ). Увеличеніе температ. внѣшней среды не вліяетъ на такой уровень, т. к. пары жидкости наполняютъ безвозд. пузырекъ и не увеличиваютъ давленія внутри сосуда. Форма внутренней поверхности горизонтально-цилиндрическаго уровня мож. быть математически опредѣлена какъ поверхность, образуемая вращеніемъ дуги очень большого радіуса вокругъ гориз. оси, а круглаго — какъ поверхность шарового сегмента (механически получаются шлифовкой). Чувствительность уровня прямо пропорц. радіусу этой поверхности. Оправы весьма разнообразны и снабжены различн. приспособленіями для наиболѣе точной установки уровня. Круглые уровни употребляются лишь для опредѣленія горизонтальности линій и плоскостей, а горизонтально - цилиндрич. уровни мог. быть употребл. и для измѣреній угловъ наклоненія, для чего на верхней поверхности ихъ наносятся дѣленія. При совпаденіи безвоздушнаго пузырька съ среднимъ (нулевымъ) дѣленіемъ уровень долженъ имѣть горизонтальное положеніе.

Ватертаунъ, см. *Уотертаунъ*.

Ватерфлитъ (Watervliet) или *Уэстъ Трой* (West Troy), гор. въ сѣв.-амер. штатѣ Нью-Іоркъ, 14.600 ж. Производство артиллерійск. орудій.

Ватерфордъ, см. *Уотерфордъ*.

Ватиканскій кодексъ, см. *Ассеманов кодексъ*, IV, 81.

Ватиканскій соборъ, по рим.-католическому счету 20-й вселенскій соборъ, засѣдавшій въ Ватиканѣ отъ 8-го дек. 1869 г. до 20 окт. 1870 г. и установившій догматъ непогрѣшимости папы, т. е. его исключительнаго авторитета въ вопросахъ вѣры. Пригласительная булла Пія IX (Aeterni Partis, 29 іюня 1868 г.) призывала на соборъ всѣхъ христіанскихъ іерарховъ безъ различія вѣроисповѣданія, но изъ 1.037 лицъ явилось только 764, при чемъ сразу обнаружилось сильное и сплоченное большинство (итальянцы, 42 восточ. еп. и епископы in partibus), вдохновляемое іезуитами и готовое заранѣе вотировать въ пользу любого папскаго предложенія. Несмотря на то, что соборъ продолжался больше 10 мѣсяцевъ, публичныхъ засѣданій было всего 4, при чемъ 2 изъ нихъ носили чисто формальный характеръ; остальное время было наполнено преніями въ комиссіяхъ, гдѣ іезуиты царили полновластно. Разногласія и острую оппозицію вызывалъ только догматъ непогрѣшимости, противъ котораго одни возставали по принцип. основаніямъ, другіе — потому что находили моментъ для его провозглашенія неподходящимъ. Соборъ осудилъ четыре современныхъ вида невѣрія (раціонализмъ, пантеизмъ, матеріализмъ,

Ватиканъ.

Внѣшній видъ.

CACAO TALMONE

атеизмъ) и принялъ прочія второстепенныя предложенія, но когда очередь дошла до догмата непогрѣшимости, то на предвар. голосованіи въ конгрегаціи 13 іюля 1870 г., состоявшей изъ 671 чел., *за него* было подано 451 голосъ безусловно и 62 голоса—условно; 88 вотировали *противъ* и 70 воздержались отъ голосованія. Тотчасъ послѣ этого почти всѣ члены меньшинства покинули Римъ, и на публ. засѣдан. 18 іюля 1870 г. догматъ непогрѣшимости прошелъ 533 голосами противъ 2. Торжество Пія IX было, однако, кратковременно: два мѣсяца спустя Викторъ Эммануилъ занялъ папскую столицу, и свѣтской власти папы былъ положенъ конецъ. 20 окт. Пій IX отсрочилъ соборъ на неопред. время.—Рѣшеніе собора не повлекло за собою раскола въ катол. церкви, котораго опасались противники провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Всѣ епископы подчинились. Въ Германіи нѣсколько ученыхъ богослововъ и священниковъ, недовольныхъ рѣшеніями В. с., основали (1871) *старо-католическую* церковь, но этотъ расколъ ограничился почти одной Германіей и Швейцаріей, да и здѣсь онъ не проникъ въ массы, а охватилъ лишь незначит. меньшин. богослововъ и образов. бюргерства.

Ватиканъ, папскій дворецъ на Ватиканскомъ холмѣ въ Римѣ. Начало этому величайшему изъ дворцовъ положено было въ VI в., какъ полагаютъ, папою Симмахомъ, выстроившимъ здѣсь помѣщеніе для папъ близъ церкви св. Петра. До конца XIV в. В. росъ медленно, по временамъ даже приходилъ въ запустѣніе, такъ какъ главною резиденціей папы до Авиньонскаго плѣненія былъ Латеранскій дворецъ. Съ возвращеніемъ папъ изъ Авиньона въ теченіе XV — XIX вв. В. сильно расширился и украсился. Этому особенно содѣйствов. въ XV в. папы Сикстъ IV и Иннокентій III, въ XVI в.—папы: Юлій II, Павелъ III и Сикстъ V, въ XVII в.—папа Урбанъ VIII, въ XIX в.—папы Пій VII и IX. Въ настоящее время В. занимаетъ пространство около 28.000 кв. м. и представляетъ единственный въ своемъ родѣ комплексъ зданій съ 20 дворами, болѣе чѣмъ 200 лѣстницъ и 11.000 комнатъ. Только незначительная часть этихъ зданій занята аппартаментами папы. Большая часть помѣщеній — капеллы, музеи, галлереи, библіотеки и пріемныя залы. Въ В-ѣ открыты два входа. Главный входъ — въ правой колоннадѣ на площади св. Петра. По роскошной лѣстницѣ „Скала реджіа“, сооруженной А. Сангалло и Бернини, входятъ прежде всего въ первый этажъ, гдѣ находятся—„зала Реджіа“, капелла Паулинская, построенная А. Сангалло, и Сикстинская капелла (*см.*), расписанная въ значительной части Микель Анджело (*см.*). Во второмъ этажѣ расположены станцы съ фресками Рафаэля (*см.*), капелла С. Лоренцо съ фресками Джіовани Фіезоле и Лоджіи съ фресками, исполненными учениками Рафаэля по его рисункамъ. Въ третьемъ этажѣ помѣщается картинная галлерея съ небольшимъ числомъ выдающихся произведеній Рафаэля, Доменикино, Караваджо, Фра Джіовани, Фіезоле, Перуджино, Веронезе, Тиціана, Пуссена. Второй входъ въ В.—съ западной стороны дворца. Онъ ведетъ прежде всего въ Піоклементинскій музей съ 11 залами, вмѣщающими чрезвычайно цѣнныя произведенія античнаго искусства. Здѣсь находятся знаменитые Зевсъ Отриколи, Эросъ Праксителя, Дискоболъ Мирона, Спящая Аріадна, Лаокоонъ, Аполлонъ Бельведерскій, Гермесъ, Антиной, Бельведерскій торсъ (Геракла) и много другихъ. Изъ этого музея черезъ музей Кіарамонти съ замѣчательнымъ собраніемъ античныхъ бюстовъ, статуй и барельефовъ можно пройти въ музей Браччіо Нуово и Галлерею надписей. Въ этой же части В-а помѣщается богатый Египетскій музей, занимающій 10 залъ, Галлерея ковровъ Рафаэля, Этрусскій музей съ бронзовыми и терракотовыми издѣліями, размѣщенными въ 12 залахъ, и Ватиканская библіотека, хранящая самое значительное въ Европѣ по числу, важности и рѣдкости собраніе рукописей. Эта библіотека, основанная Сикстомъ IV, приняла въ себя библіотеку Палатинскую (Гейдельбергскую), Урбинскую, библіотеку королевы Христины Шведской и много другихъ. Въ настоящее время библіотека заключ.

бол. 50.000 рукописей и 300.000 том. книгъ. 11 комнатъ библіотеки отведены подъ папскій архивъ съ 2.016 папскими регистрами. Въ помѣщеніи библіотеки находится собраніе античныхъ вазъ, картинъ (между прочимъ „Альдобрандинская свадьба“), музей свѣтскихъ предметовъ (античной утвари), музей священныхъ предметовъ (церковной утвари), кабинетъ папирусовъ и собраніе монетъ. Кромѣ того, въ В-ѣ помѣщается папская мозаичная фабрика. Къ дворцу примыкаютъ ватиканскіе сады. Ср. *Letarouilly*, „Le Vatican et la basilique de Saint Pierre de Rome“ (1878—82). *Н. Тарасовъ.*

Ватиньи (Wattignies-la-Victoire), деревня въ Сѣверномъ деп. Франціи, недалеко отъ Мобежа, извѣстна побѣдой Журдана надъ австрійцами 15—17 окт. 1793 г.

Ватманская бумага, плотная англійская бумага, употребляемая для рисованія и черченія.

Ватрасъ (*Монастырскій*), село васильсурскаго у., Нижегород. губ., ок. 3.000 жит., центръ овчин. производства (до 100 тыс. овчинъ въ годъ). Отъ него получили названіе *ватрасы*, крестьяне-кулаки изъ В-а и ближайшихъ селъ, скупающіе у мѣстныхъ инородцевъ-скотоводовъ (чувашей, черемисовъ) сырье.

Ватрло (Wattrelos), гор. въ Сѣв. департ. Франціи, предм. Рубэ, 27.503 жит.

Ватсонъ, Эрнестъ Карловичъ, русск. публицистъ, род. въ 1839 г., учился въ моск. унив., переѣхавъ въ Петербургъ, занялся литературой (1861). Съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, занимаясь публицистикой и переводами и составляя популярныя статьи по политической и соціальной исторіи современной Европы. Въ 1861—81 гг. онъ принималъ ближайшее участіе въ „Современникѣ“, „Вѣстн. Европы“, „Спб. Вѣдомост.“ Корша (былъ соредакторомъ), „Биржев. Вѣд.“ (впосл. „Молва“). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ онъ велъ, преим., иностранный отдѣлъ. Конецъ жизни онъ занимался, гл. обр., переводами (Гюго, Легуве, Брандесъ и др.). Ум. въ 1891 г. Изъ его ориг. трудовъ болѣе значит.: „Эпилогъ франко-прусской войны“ (1871) и „Обзоръ конституцій Бельгійской, Голландской и Пьемонтской“. Часть его статей собрана въ „Этюдахъ и очеркахъ“ (1892).

Ватсъ, см. *Уотсъ*.

Ваттель, Эмерихъ, одинъ изъ классиковъ международнаго права, род. въ 1714 г., учился въ Базелѣ и Женевѣ, рано увлекся вольфовской обработкой философіи Лейбница; плодомъ его занятій явился этюдъ „Défense du système Leibnitien etc.“ (1741). Вскорѣ получ. мѣсто саксонск. посланника въ Бернѣ. Практическое изученіе вопросовъ международнаго права дало ему возможность приступить къ обработкѣ своего главнаго сочиненія: „Droit des gens ou principes de la loi naturelle appliquée à la conduite des nations et des souverains“ (1758, неоднократно переиздавалось). В-ю удалось оживить догматическій раціонализмъ Вольфа и устранить педантическое примѣненіе математическаго метода. Получилась живая, увлекательная, но вполнѣ научная книга, въ которой дипломаты долго черпали практическіе уроки и наставленія. Кромѣ того, В. написалъ еще нѣсколько вещей по философіи и праву. Ум. въ 1767 г.

Ваттенбахъ, Вильгельмъ, нѣм. историкъ и палеографъ, род. въ 1819 г., съ 1862 г. проф. въ Гейдельбергѣ, съ 1872 г. въ Берлинѣ. Ум. въ 1897 г.— Гл. соч.: „Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrh.“ (1858); „Anleitung zur griech. Paläographie“ (1867); „Anl. z. latein. Pal.“ (1869); „Das Schriftwesen im Mittelalter“ (1871); „Scripturae graecae specimina“ (1883). Палеографич. труды В. выдержали по нѣск. изданій.

Ваттеншейдъ, гор. въ Пруссіи, 27.648 жит.

Ватто (Watteau), Антуанъ, франц. живописецъ, род. въ 1684 г. въ Валансьенѣ въ небогатой рабочей семьѣ. Рано проявившаяся любовь къ искусству привела его сначала въ мастерскую мѣстнаго живописца, а затѣмъ заставила въ 1702 г. переѣхать въ Парижъ. Но и мѣстный и парижскій учитель мало содѣйствовали его развитію. Значительный шагъ впередъ сдѣлалъ В. подъ руководствомъ Жилло, извѣстнаго въ то время парижскаго худож-

Ватто (1684—1721).

Общество въ паркѣ.

(Парижъ. Лувръ.)

ника, который въ числѣ первыхъ порвалъ съ помпезнымъ стилемъ Людовика XIV и обратился къ изображенію веселой жизни комедіантовъ и частнаго быта. У Жилло В. оставался недолго и перешелъ къ орнаментисту Одрану, который былъ занятъ росписью Люксенбургскаго дворца. Пребываніе въ этомъ дворцѣ, гдѣ было много произведеній Рубенса, дало возможность изучить послѣдняго, познакомило кромѣ того В. съ Теньирсомъ и итальянцами. Все это въ связи съ писаніемъ декорацій для оперы не осталось безъ вліянія на творчество В. Началъ онъ свое художественное поприще съ изображенія солдатъ и крестьянъ, прекрасно передавая, подобно Теньирсу, простую, нѣсколько грубоватую дѣйствительность. Позднѣе онъ перешелъ къ изображенію дѣйствующихъ лицъ итальянской комедіи и изысканной жизни привилегированнаго общества; изображенія послѣдняго рода сдѣлались главн. вид. его живописи, и онъ получилъ извѣстность какъ живописецъ fêtes galantes—празднествъ, посвященныхъ любви. Въ качествѣ представителя этого рода живописи В. былъ принятъ въ 1717 году въ число академиковъ, но уже въ 1721 г. умеръ въ Ножанѣ. Въ своихъ картинахъ В. прекрасно передавалъ главные типы комедіи, живо изображалъ увеселенія, празднества на открытомъ воздухѣ, занятія музыкой, любовныя сцены. Наиболѣе характернымъ произведеніемъ В., какъ по содержанію, такъ и по техникѣ является „Отплытіе на островъ Киѳеру—святилище Венеры—влюбленныхъ парочекъ“, написанное на текстъ оперы. Изящные мужчины въ красивыхъ камзолахъ, кокетливыя дамы съ лукавыми личиками, съ шаловливо вздернутыми носиками, съ маленькими хорошенькими головками, гуляютъ, сидятъ на картинахъ В., среди тѣнистыхъ парковъ, уставленныхъ статуями, обвитыми гирляндами. Легкая безпечная жизнь, игра въ чувство переданы В. очень тонко; изображая такіе нравы, В. никогда не переходитъ границъ пристойнаго и, рисуя полуискусственныя сцены, умѣетъ достичь реальности, передать ихъ жизненно и художественно, чисто и привлекательно. При видѣ этихъ оригинальныхъ веселыхъ сценъ нельзя подумать, что ихъ писалъ раздражительный, болѣзненный человѣкъ, избѣгавшій общества. Все время В. отдавалъ труду и поэтому, несмотря на непродолжительное болѣзненное существованіе, могъ создать массу произведеній, выработать увѣренность руки и пріобрѣсти полное господство надъ формою и движеніями. Кромѣ множества картинъ, В. исполнилъ громадное число рисунковъ для вѣеровъ, клавикордъ, столовъ и т. п. Эти рисунки—цвѣты, растенія, плоды, птицы, празднества, военныя сцены — набросаны смѣло, легко и изящно, безъ законченности въ деталяхъ. Очень соотвѣтствовавшія вкусамъ времени произведенія В. въ первой четверти XVIII в. были въ большомъ спросѣ. Болѣе 50 граверовъ были заняты воспроизведеніемъ его рисунковъ и картинъ. Число награвированныхъ съ В. листовъ доходитъ до 560. Но послѣ смерти В. пересталъ быть моднымъ и былъ оставленъ въ пренебреженіи до XIX в., когда изуч. возстановило славу и значеніе его, какъ одного изъ крупныхъ французскихъ художниковъ XVIII в., одного изъ самыхъ характерныхъ представителей живописи эпохи Рококо. В. воплотилъ это направленіе самымъ чистымъ и привлекательнымъ образомъ, ближе другихъ держась природы. О В. см. *Wolbehr*, „A. Watteau“ (1885), *Mantz*, „Watteau“, также—*Watteau*, „Dekorationen u. Malereien“ (60 таблицъ рисунковъ В.).

Н. Тарасовъ.

Ваттъ, единица работоспособности, см. *уаттъ*.

Ваттъ, Джемсъ, см. *Уаттъ*.

Ватфордъ, см. *Уотфордъ*.

Ватьялайсетъ, немногочисленная финская народность западной вѣтви, остатки исторической води, извѣстной у иностранцевъ съ XII вѣка подъ именемъ ватландцевъ. В. живутъ въ петербургскомъ и ямбургскомъ уу., Петербургской губ.

Ваувермансъ (Wouwermans), фамилія голландскихъ живописцевъ, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется Филиппъ В., ученикъ своего отца Паулуса. В. род. въ 1619 г., сначала писалъ на библейскіе сюжеты,

затѣмъ сталъ изображать пастбища, морскіе виды и постепенно, вводя группы людей, перешелъ къ изображенію военныхъ сценъ, игръ, охоты и кавалькадъ. Обычно картины В. представляютъ среди колоритно написаннаго пейзажа съ мастерской воздушной перспективой и выработаннымъ первымъ планомъ характерныя живыя фигуры охотниковъ, воиновъ, знатныхъ дамъ, очень часто на лошадяхъ. Изображать лошадей В. очень любилъ и рисовалъ ихъ очень хорошо. Тонко законченныя, большею частью небольшія картины В., которыхъ онъ написалъ въ теченіе почти 20 лѣтъ около 800, живо переносятъ зрителя въ жизнь и обычаи голландцевъ XVII в. Ум. въ 1668 г. *Н. Т.*

Ва-фан-гоу, ст. Китайской жел. дор. въ Манчжуріи, къ югу отъ Мукдена. Здѣсь 2 іюня 1904 г. корпусъ ген. Штакельберга былъ разбитъ ген. Оку и отступилъ, потерявъ нѣсколько тысячъ человѣкъ выбывшими изъ строя и значительное число орудій (см. *русско-японская война).*

Ваханскій хребетъ, или на русскихъ картахъ хребетъ *имп. Николая II,* малоизслѣдованный хребетъ въ южн. Памирѣ, въ верховьяхъ Аму-Дарьи, раздѣляющій долину р. Памира отъ долины Ваханъ-Дарьи; тянется въ ВСВ направленіи отъ нижняго теченія р. Памиръ до р. Акъ-су (верховья Мургаба) на протяженіи 175 верстъ. Къ долинѣ Вахана В. хр. спускается крутой стѣной. Вершины достигаютъ 18.000 ф. (гора Согласія, на границѣ Россіи и Афганистана, 17.750 ф.); перевалы извѣстны только для восточной части, составляющей границу Россіи и Афганистана: *Шуръ-кара-джилга* или *Варамъ,* пер. *Бендерскаго* (или *Андеманынъ*), пер. *Урта-бель* (15.480 ф.); эти перевалы ведутъ съ Большого Памира на Малый. Къ западу отъ г. Согласія В. хр. входитъ въ составъ Афганистана (съ 1895 г.). Населеніе—киргизы и таджики. *Л. Б.*

Ваханъ, область въ сѣв.-вост. части Афганистана, отъ сѣв. склона Гиндукуша до его соединенія съ цѣпью Сары-Куль; „буферъ“ между владѣніями русскихъ и англичанъ. Орошается Памиромъ и В. Климатъ суровъ. Населеніе (до 3.000 чел.), смѣсь таджиковъ съ узбеками, шіиты, заним. мѣстами земледѣл., скотов. и охотой. Эмиръ В. данникъ эмира Бадахшанскаго. В. имѣетъ важное политическое значеніе, какъ сравнит. удобная дорога изъ вост. Туркестана въ западный.

Ваханъ-Дарья, см. *Аму-Дарья.*

Вахдуштъ или *Вахджиръ,* перевалъ черезъ одинъ изъ сѣв. хребтовъ Гиндукуша, 4.898 м. высоты. Въ 1888 г. черезъ него прошелъ Громбчевскій.

Вахмистръ (нѣм. Wachtmeister), старш. унтеръ-офиц. чинъ въ кавалеріяхъ русской, германск. и австр., соотвѣтствуетъ званію *фельдфебеля* въ пѣхотѣ.

Вахновка, м. бердичевск. у., Кіев. губ., 5.371 жит.

Вахта, *трифоль,* Menyanthes trifoliata, видъ изъ сем. горечавковыхъ, болотное растеніе, распространенное въ сред. Европѣ, Азіи и въ Сѣв. Америкѣ. Корневище ползучее, листья тройчатосложные. Цвѣты расположены кистью на безлистной стрѣлкѣ, розоватобѣлые, вѣнчикъ ворончатый, съ волосками въ зѣвѣ; пыльники бурые. Листья (folia Trifolii fibrini) употребляются въ медицинѣ.

Вахта (морск.), корабельная очередная сторожевая служба. Ведется на двѣ, на три и не болѣе какъ на четыре очереди (вахты), соотвѣтствующими частями команды подъ руководствомъ *вахтеннаго начальника,* отвѣтственнаго во время своей вахты за безопасность судна, содержаніе его въ исправности, за соблюденіе порядка и дисциплины. Ему подчинены судовой караулъ, всѣ *вахтенные офицеры* и нижніе чины. Вся судовая команда дѣлится на двѣ равныя части, также называемыя вахтами, подраздѣляющіяся на отдѣленія и далѣе на полуотдѣленія. Продолжительность вахты: днемъ—6 час. (съ полудня до 6 час. веч. и съ 6 час. до полуночи), ночью—4 часа.

Wacht am Rhein („Стража на Рейнѣ“), германская патріотическая пѣсня, написанная Шнекенбургеромъ въ 1840 г. и положенная на музыку композиторомъ К. Вильгельмомъ въ 1854 г. Особенную популярность пріобрѣла во время франко-прус. войны 1870—71 гг.

Вахтанги, см. *Грузія.*

Вахтанговъ сборникъ законовъ, см. *грузинское право.*

Вахтенный журналъ, см. *корабельные журналы.*

Вахтеровъ, Василій Порфирьевичъ, педагогъ, род. въ 1853 г. Обучался въ нижегород. духов. семинаріи и на дополнит. курсахъ при москов. учительскомъ институтѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ народнымъ учителемъ, позднѣе инспекторомъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи и затѣмъ г. Москвы. Поводомъ къ оставленію имъ службы по учебному вѣдомству была его дѣятельность въ качествѣ товарища предсѣдателя Московскаго Комитета грамотности и между прочимъ прочитанный имъ въ Комитетѣ рефератъ „О всеобщемъ обученіи", признанный въ министерствѣ народнаго просвѣщенія вреднымъ. Оставивъ службу, В. руководилъ временными педагогическими курсами для учащихъ въ разныхъ губерніяхъ и курсами для рабочихъ при Тверской мануфактурѣ. Въ 1904 г. былъ по обвиненію въ пропагандѣ высланъ въ Новгородск. губ. на 3 года. В. всего болѣе извѣстенъ своими учебниками для начальной школы, изъ котор. одинъ выдержалъ 49 изданій, другой 28, а остальные не менѣе 10 изданій каждый. Другія работы его: „Всеобщее обученіе" (1897 г.), „Народныя чтенія" (1897 г.), „Нравственное воспитаніе и начальная школа" (1900 г.), „На первой ступени обученія. Методическое руководство для учащихъ" (9 изданіе, 1910 г.), „Предметный методъ обученія" (3 изд. 1911 г.), „Спорные вопросы образованія" (1907 г.).

Вахтеръ (нѣм. Wächter), нижній чинъ интендантскаго вѣдомства при вещевыхъ складахъ и продовольствен. магазинахъ, являющійся ближайшимъ помощникомъ завѣдывающаго отдѣломъ или магазиномъ и исполняющій его приказанія по пріему, отпуску и храненію имущества. В. дѣлятся на старшихъ и младшихъ. *К. О.*

Ваххабиты, возникшая въ XVIII в. въ Аравіи секта мусульманскихъ пуританъ, требовавшая реформы ислама путемъ возвращенія къ чистому ученію Корана и къ неповрежденной соннѣ. Къ числу „идолопоклонническихъ" искаженій ислама ваххабизмъ относитъ почитаніе святыхъ, обращеніе къ ихъ ходатайству передъ Богомъ, паломничество къ ихъ гробницамъ (не исключая и гробницы Мохаммеда въ Мединѣ), а изъ мелочей—воспрещаетъ четки, куреніе табаку и ношеніе шелковыхъ одеждъ, какъ нарушающее первобытную простоту обстановки временъ Мохаммеда. Вопросъ объ очищеніи религіи Мохаммеда отъ вѣками накопившихся наслоеній возникалъ въ мусульм. обществѣ не разъ. Въ монгольскія времена на этомъ особенно настаивалъ толкъ ханбалитовъ въ Сиріи и Египтѣ, и тогда выдвинулся своими сочиненіями въ этомъ духѣ дамаскинецъ ибнъ-Теймійе (1263—1328). Но, въ теченіе четырехъ почти столѣтій, сочиненія ибнъ-Теймійе и его учениковъ оставались отвлеченной теоріей, пока ихъ не усвоилъ ок. середины XVIII в. аравитянинъ изъ Неджда, т. е. изъ внутренней Аравіи, образованный богословъ Мохаммедъ ибнъ-Абдаль-ваххâбъ (род. въ 1703, ум. престарѣл., ослѣпшій, въ 1791 г.), по имени котораго и названо движеніе. Въ одномъ изъ болѣе многолюдныхъ городовъ Неджда Дераыйѣ онъ нашелъ покровительство у уважаемаго и вліятельнаго шейха ибнъ-Саўда, ок. 1750 г., который женился на его дочери и распространилъ ученіе своего тестя вооруженной рукою среди сосѣднихъ бедуиновъ до Персидскаго залива. Сыну и внуку ибнъ-Сауда удалось объединить подъ своей властью почти весь полуостровъ со святыми городами Меккою и Мединой. При этомъ, въ 1801 г. ваххабитами была разграблена Кербелâ подъ Багдадомъ, съ главной шіитской паломнической святыней, гробницей имама Хосейна; а затѣмъ въ Меккѣ и Мединѣ, захваченныхъ въ 1803—1804 гг., пострадали, въ качествѣ идоловъ, святыни соннитскія: разбитъ былъ Черный камень въ Каабѣ, разорена гробница Мохаммеда. Всемірное паломничество въ Мекку было пресѣчено, потому что всякій, кто не принялъ ваххабитства, считался язычникомъ, недостойнымъ войти въ Мекку. Наконецъ, Турція поручила родоначальнику хе-

дивовъ, Мохаммеду Али, своему египетскому пашѣ (дамасскій и багдадскій были безсильны), отвоевать у В. святые города. Между 1811—1817 гг. египетское войско, подъ начальствомъ Ибрахима-паши (сына Мохаммеда-Алія), вытѣснило В. въ центральную Аравію и даже разрушило столицу Дераыйю (1817); съ войскомъ прошелъ и путешественникъ Буркхардтъ. Но едва египтяне ушли, В. династія вновь возстановилась, только уже въ предѣлахъ одного Неджда, со столицей Рыядомъ; съ 1849 г. египтяне должны были оставить послѣднія притязанія на В. государство. Талантливаго В. государя, эмира Фе́йсала (ок. 1834—1865) посѣтили къ концу его жизни эмиссаръ Наполеона III іезуитъ Пэльгрэвъ и, въ противовѣсъ послѣднему, англійскій представитель изъ Бушира сэръ Пелли. Въ 1886 г. династія саудидовъ (съ резиденціей Рыядомъ) была оттѣснена на второстепенный планъ династіей рашидидовъ (съ резиденціей Хаи́лемъ въ Неджской области Шаммаръ), которая сперва была намѣстнической. Подъ властью ша́ммарскихъ рашидидовъ нетерпимый В. пуританизмъ значительно ослабѣлъ, или, гдѣ не заглохъ, перешелъ въ лицемѣріе и внѣшнее ханжество. Число В. неизвѣстно, потому что статистики во внутренней Аравіи, конечно, нѣтъ. Обыкновенно полагаютъ населеніе внутренней Аравіи милліоновъ въ 4—5, т. е. приблизительно 1/3 населенія всего полу-ва, но вѣдь не всѣ тамъ ваххабиты; а съ другой стороны, есть В. и въ прибрежной полосѣ и въ Индіи. См. основные матеріалы по В. у путешественника *Буркхардта* (т. II, 1831), откуда выразительное резюме—у *Дози* въ „Essai sur l'hist. de l'islamisme“ (1879), а изъ Дози, безъ упоминанія его имени, у *С. Уманца* въ „Очеркѣ развитія рел.-фил. мысли въ исламѣ“ (1890). Докладъ А. Крымскаго о В., съ подробной библіогр., печатается въ IV томѣ москов. „Древностей Восточныхъ“ (Археол. Общ.) и въ новомъ изданіи „Исторіи Арабовъ“ (Лазар. Институт.). *А. Крымскій.*

Вахшъ или *Вакшъ*, см. *Аму-Дарья.*

Вахъ, или *Вагъ*, прав. притокъ Оби, длина ок. 1.000 верстъ.

Вацлавъ, см. *Венцеславъ.*

Вацманъ, гора въ Зальцбург. Альпахъ, высочайш. вершина—2.714 м.

Вашгердъ, см. *руды.*

Вашеро, см. *Ваширо.*

Вашингтонъ, штатъ сѣв.-ам. Союза, у Великаго океана, глубоко врѣзавшагося въ материкъ проливомъ Педжетъ; 179.170 кв. км. Зап. часть выполнена берегов. горн. цѣпями (Олимпъ—2.480 м.) и Каскадн. горами, хорошо орош. р. Колумбіей съ приток. и плодородна; вост. полов. — сухія преріи. Клим. на зап. мягкій, на вост. континентальный. Жит. по исчисл. 1907 г. 1.159.000 чел. Зан. земледѣліемъ (злаки, картоф., свекла), на вост. требующимъ искусств. орошенія, плодоводствомъ, скотовод. и молочн. хоз. Значит. развитъ лѣсной промыселъ (строев. лѣсъ), рыболов., добыча кам. угля (на 6,7 мил. дол. въ 1908 г.), золота, серебра. Въ 1905 г. числилось 2.751 фабр. предпр. съ 45.199 рабочихъ, давшихъ обработ. продуктовъ на 129 мил. дол. Торговля оживленная (въ 1906 — 7 гг. ввозъ въ порты Педжета 25 мил. дол., вывозъ—43 мил. дол.). Въ низшихъ школахъ въ 1907 г. числилось 175.389 учащихся. Есть университ. въ Ситлѣ (Seattle). Конституц. исправлена послѣдн. разъ въ 1904 г. Члены палаты представит., въ числѣ 63 — 99 депутатовъ, выбир. на 2 года, губернаторъ и сенаторы (не менѣе 1/3 и не болѣе 1/2 числа депут. нижней палаты) — на 4 г. Въ 1910 г. избирательное право, какъ активное, такъ и пассивное, распространено и на женщинъ. Главн. гор. Олимпія. До 1853 г. В. составлялъ часть Орегона, до 1888 г. территорію, въ 1889 г. вошелъ въ Союзъ.

Вашингтонъ, гл. гор. Сѣв.-Ам. Соед. Шт., въ округѣ Колумбія, на лѣв. берегу Потомака. Насел. по цензу 1900 г.— 278.718 чел., къ 1910 г. считалось 331.069 чел. Изъ зданій наиб. величественнымъ является Капитолій, въ центрѣ города, съ ротондой посрединѣ, украшен. рельефами и фресками, покрытой куполомъ со статуей Свободы (верх. на 93,5 м. отъ основанія зданія); въ Капитоліи помѣщаются залы для засѣданій палаты депут. и сената, національная галлерея, библіотеки и т. д. Передъ Капитоліемъ конаня статуя Вашингтона. Къ юго-вост. помѣщается

зданіе библіотеки конгресса, съ роскошной читальной залой (1.703 тыс. том. и свыше 100.000 рукописей). Изъ др. зданій слѣдуетъ упомянуть: „Бѣлый домъ“ (резиденція президента), казначейство, зданія министерствъ, почтамтъ. Въ В. имѣется рядъ высш. учебн. заведеній: унив. Дж. Вашингтона (до 1904 г. наз. Колумбійскій унив.), съ 11 отдѣл. (инжен. и механич., юридич., медиц., политич. наукъ—спец. для подготовки къ дипломат. службѣ—и др.), съ 1.400 студ. (1909—10); Америк. католич. универс. (съ теологич., юридич., филос., филолог. и естеств. отдѣл.), 245 студ. (1909—10); Georgetown university въ зап. предмѣстьи В.—Джорджтаунѣ (основ. въ 1781 г. іезуитами подъ назв. Римско-католич. академіи и съ 1816 г. признанный конгрессомъ какъ у-тъ), съ медиц. (съ 1851 г.), юридич. (1870) и зубоврач. (1901) отдѣл. и астрономическ. обсерваторіей (осн. въ 1842 г.), 708 студ.; Говардовъ унив. (основ. въ 1867 г. гл. обр. для высш. образ. негровъ), 1.253 студ. (1909), б. ч. цвѣтнокожихъ. Институтъ Карнеги, основ. въ 1902 г. на пожертвов. имъ 10 милл. дол., имѣющій цѣлью содѣйствіе научн. изслѣд. и открытіямъ, съ разбросанными по различ. штатамъ отдѣленіями ботанич., біологич. (эксперимент. эволюціи), геофизич., астрономич., экономич. и соціолог., историч. и др., съ лабораторіями, обсерваторіями, библіотек. и др. научн. учрежд. Смитсоновскій институтъ (основ. въ 1846 г., по завѣщанію Смитсона, съ аналогичн. цѣлью) имѣетъ зоологич. садъ, обсерваторію, до 500 станцій для наблюд. надъ земнымъ магнетизмомъ и проч.; въ его завѣдываніи находится національный музей съ естественно-историч. (особ. по культурѣ индѣйцевъ) и др. коллекціями. Художественная галлерея (основ. Коркораномъ), національ. обсерваторія, ботанич. садъ и т. д. Національ. академія наукъ и цѣлый рядъ научн. обществъ.—В. основ. въ 1791 г., въ 1800 г. въ него переведены правит. учрежденія Союза изъ Филадельфіи; въ 1814 г. В. пострад. отъ занявшихъ его англичанъ.

Вашингтонъ, Джорджъ, герой войны за независимость сѣверо-американскихъ колоній Англіи и первый президентъ Соединенныхъ Штатовъ, род. въ Виргиніи 22 февр. 1732 г., готовился стать морякомъ и изучалъ поэтому математику, на ряду съ которой много занимался геодезіей. Еще раньше открытія непріятельскихъ дѣйствій между Англіей и колоніями, В. двадцатидвухлѣтнимъ юношей (1753) отличился въ пограничныхъ схваткахъ англичанъ съ французами на Миссисипи. Вскорѣ послѣ того (1759) онъ женился и проживалъ въ своемъ помѣстьи Маунтъ-Вернонъ, на берегу р. Потомака, занимаясь хозяйствомъ. Въ 1774 г. В., бывшій уже членомъ виргинскаго законодательнаго собранія, былъ отправленъ однимъ изъ делегатовъ Виргиніи на Филадельфійскій конгрессъ, занявшійся организаціей борьбы съ Англіей. Тутъ, благодаря своему уму и краснорѣчію, В. сразу занялъ выдающееся положеніе. Второй конгрессъ, собравшійся въ маѣ 1775 г., уже твердо рѣшилъ бороться съ метрополіей и назначилъ В. главнокомандующимъ. Преодолѣвая невѣроятныя трудности, почти безъ денегъ, командуя недисциплинированными отрядами, со своеволіемъ которыхъ ему было труднѣе бороться, чѣмъ съ англичанами, новый главнокомандующій мало-по-малу привелъ дѣла въ сносное положеніе. Разбитый при Лонгъ-Айлендѣ, В. отступилъ внутрь страны и долженъ былъ отдать въ руки англичанъ нѣсколько укрѣпленій въ Нью-Джерси. Положеніе было опасно: врагъ грозилъ Филадельфіи, но тутъ В. одержалъ двѣ побѣды при Трентонѣ (дек. 1776) и Принстонѣ (янв. 1777), сразу поднявшія духъ арміи. Конгрессъ даровалъ В. диктаторскія полномочія; получивъ подкрѣпленія и забравъ съ собою изъ Филадельфіи Лафайета, который переплылъ океанъ, чтобы помочь молодой республикѣ, В. продолжалъ держаться своей прежней тактики и избѣгать генеральнаго сраженія. Однако, когда англ. армія пошла на Филадельфію, онъ загородилъ ей дорогу на рѣчкѣ Бренди-Уайнъ; американцы были разбиты, но ни солдаты, ни главнокомандующій, ни конгрессъ не падали духомъ. Дѣла республики скоро поправились, подоспѣла французская по-

мощь. Англійскій главнокомандующій Клинтонъ отступилъ отъ Филадельфіи. В. погнался за нимъ, и при Монмаутѣ англійская армія была бы уничтожена, если бы не измѣна генерала Ли, приказавшаго раньше времени трубить отбой. Послѣ этого два года еще тянулась война съ перемѣн. счастьемъ, пока Лафайетъ не заманилъ генерала Корнуэлса въ Іорктаунъ, гдѣ В. и французы принудили его къ сдачѣ (1781). Какъ только пришло извѣстіе о заключеніи мира, В. сложилъ съ себя должность главнокомандующаго и удалился въ Маунтъ-Вернонъ, гдѣ оставался до 1786 г. Онъ вновь понадобился родинѣ, когда возникъ вопросъ о конституціи; Союзный Конвентъ, собравшійся для ея составленія, единогласно избралъ В. предсѣдателемъ (25 мая 1787 г.). Когда конституція была одобрена девятью штатами, приступили къ выборамъ президента. Всѣ взоры обратились на В., и, несмотря на свое нежеланіе, посѣдѣлый на службѣ родинѣ герой принялъ избраніе (апр. 1789). Время его президентства (онъ былъ переизбранъ на второй срокъ въ 1793) было временемъ постепеннаго внутренняго и внѣшняго упроченія республики. Рука объ руку съ такими даровитыми сотрудниками, какъ Джефферсонъ, Гамильтонъ, Джей и др., В. упорядочилъ административныя отношенія, привелъ въ порядокъ финансы, почти безнадежно плохіе къ концу войны, и умѣлъ создать твердое положеніе молодой республикѣ въ тревожные годы французской революціи (см. *Соединенные Штаты—исторія*). Отбывъ и второй срокъ, В. удалился окончательно въ Маунтъ-Вернонъ и 14 дек. 1799 г. умеръ, оплакиваемый всѣмъ народомъ. Новѣйшія біографіи *Lodge* (2 т. 1889), *Wilson* (1897), *Ford* (2 т. 1900), *Harrisson* (1906). *А. Дж.*

Вашингтонъ-Ирвингъ, см. *Ирвингъ.*

Вашита, см. *Уошита.*

Вашро (Vacherot), Этьенъ, франц. философъ, род. въ 1809 г., учился въ Нормальной школѣ, преподавалъ философію въ различныхъ учрежденіяхъ (въ 1837—39 гг. въ Норм. школѣ), въ 1839 г. замѣнилъ Кузена по каѳедрѣ философіи въ Сорбоннѣ, съ которой былъ смѣщенъ по интригамъ клериканловъ за книгу: „Histoire critique de l'école d'Alexandrie“ (1846—51), а отказъ принести присягу Наполеону окончательно преградилъ ему доступъ къ государств. службѣ. Обнародованная имъ брошюра „La démocratie“ (1859) стоила ему 3-хъ-мѣсячнаго тюремнаго заключенія. Послѣ паденія второй имперіи В. служилъ коммунѣ, но его дальнѣйшая политическая дѣятельность была постепеннымъ послѣдовательнымъ движеніемъ вправо и закончилась присоединеніемъ къ клерикально-монархической реакціи. В. умеръ въ 1897 г. — Въ философіи онъ пытался соединить Конта и Канта; наиболѣе полнымъ выраженіемъ его ученія являются „Nouveau spiritualisme“ (1884) и „Métaphysique et la Science“ (1858).

Вашъ (Vas), венгер. комитатъ, см. *Эйзенбургъ.*

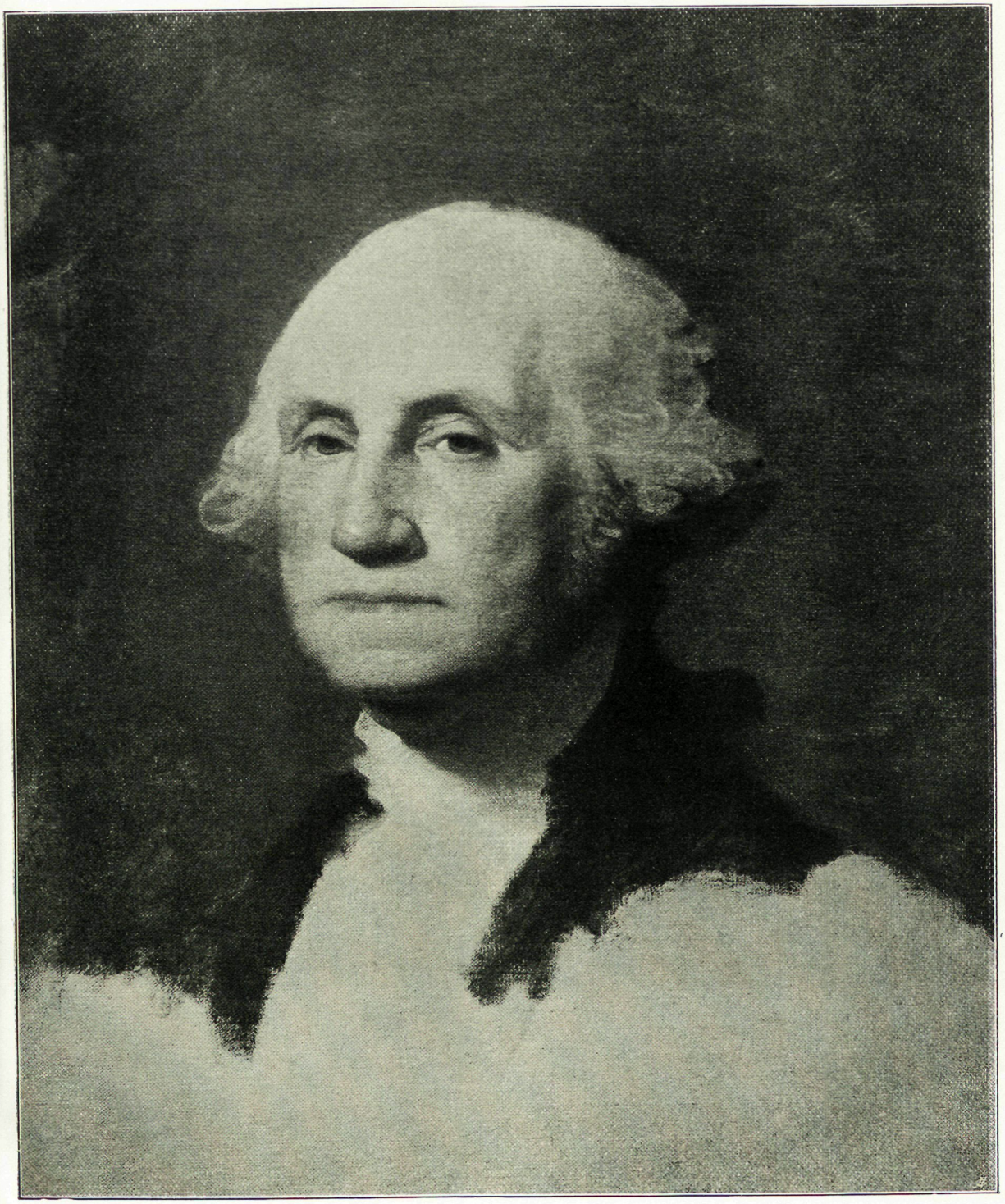
Ващенко - Захарченко, Михаилъ Егоровичъ, математикъ, род. въ 1825 г., научн. образованіе получилъ въ кіевск. ун. и въ Парижѣ у Коши, Серре и Ліувилля. Въ 1862 г. защитилъ магист. дисс. „Символич. исчисленіе и приложеніе его къ интегрированію линейн. диффер. уравненій“, въ 1866 г.—докт. „Риманова теорія функцій составн. перемѣннаго“, въ 1867 г. сдѣлался профессоромъ кіевск. ун. В.-З. написалъ очень много работъ и руководствъ по высшей математикѣ. Кромѣ вышепривед. произв., слѣдуетъ указать: „Исторію математики“ (т. I, 1883) и много статей въ „Унив. извѣст.“ Большую заслугу В.-З. составляетъ то, что онъ выпустилъ полное русск. изданіе „Началъ“ Евклида, снабдивъ его многочисл. примѣчаніями и библіографическими указаніями. В.-З. выпустилъ также и свое руководство по элементарной геометріи.

Ваяніе (также *скульптура, пластика*), искусство создавать пластическія изображенія предметовъ природы изъ какого-либо матеріала. Главнымъ сюжетомъ для В-ія служитъ человѣческая фигура, міръ животный и растительный занимаетъ въ немъ второстепенное мѣсто. Если изображается одна только фигура, отдѣльно, во весь ростъ, такое пластическое изображеніе называется *статуей;* если берется только голова и часть груди, являет-

Д. Вашингтонъ (1732—1799).

Съ портрета, писаннаго Стюартомъ.

(Съ разрѣшенія фотографическаго Общества въ Берлинѣ.)



ся *бюстъ;* если соединяются вмѣстѣ нѣсколько фигуръ и онѣ представляютъ связанное цѣлое, образуется *группа*; если изображеніе слегка поднимается изъ плоскаго фона, получается *барельефъ*; если изображеніе выступаетъ сильно—*горельефъ*. Всѣ означенные виды В-ія могутъ быть исполнены изъ веществъ какъ мягкихъ и приведенныхъ въ жидкое состояніе, такъ и изъ твердыхъ. Къ перваго рода веществамъ, пригоднымъ для В-ія, относятся глина, гипсъ, воскъ, бронза. Имъ придаютъ желаемую форму путемъ лѣпки или отливки. Вещества второго рода—различныя породы камней, гранитъ, мраморъ, песчаникъ, известнякъ, драгоцѣнные камни и металлы, дерево, слоновая кость, мѣдь, желѣзо требуютъ ковки, чеканки и рѣзьбы.—Приступая къ созданію пластическаго произведенія, ваятель прежде всего воплощаетъ художественный образъ въ эскизѣ, который онъ лѣпитъ въ небольшихъ размѣрахъ изъ мокрой глины или изъ воску. Послѣ этого онъ начинаетъ работу надъ самимъ произведеніемъ. Если скульпторъ задумалъ статую, то на доскѣ, служащей ея подножіемъ, онъ укрѣпляетъ каркасъ изъ желѣза, ставя его такъ, чтобы изгибы каркаса соотвѣтствовали главнымъ изгибамъ фигуры. Это служитъ остовомъ, къ которому прикрѣпляются въ мѣстахъ, долженствующихъ имѣть значительную толщину, деревянные кресты, въ мѣстахъ болѣе тонкихъ — крученая желѣзная проволока или пеньков. жгутъ. Поставивъ остовъ на движущійся на треножникѣ станокъ, ваятель обкладываетъ каркасъ мокрою мягкою глиною, придавая ей пальцами и стеками—различными желѣзными и деревянными палочками — желаемую форму. Пока идетъ работа, глина должна сохранять влажность, поэтому ее смачиваютъ и на время прекращенія работъ покрываютъ вылѣпленное мокрымъ холстомъ. Для рельефа берется деревянный щитъ или плоскій ящикъ, въ досчатую плоскость вбиваются въ извѣстныхъ мѣстахъ гвозди, и на этомъ располагается глина. Вылѣпленная статуя или рельефъ переходитъ затѣмъ въ руки формовщика, чтобы сдѣлать съ нея гипсовую форму, точно передающую всѣ пониженія и повышенія оригинала (см. *формованіе*). Эта гипсовая форма служитъ для отливки гипсоваго слѣпка. Послѣ того, какъ гипсовый слѣпокъ готовъ, ваятель можетъ воспроизвести свое созданіе въ камнѣ. Для этого на различныхъ частяхъ поверхности слѣпка онъ ставитъ точки и, выбравъ соотвѣтствующей величины глыбу, съ помощью отвѣса, линейки и циркуля, переноситъ точки со слѣпка на глыбу. Руководясь этими точками, мастера подъ присмотромъ ваятеля отбиваютъ ненужные куски и постепенно изъ глыбы вырисовывается въ главныхъ чертахъ будущее произведеніе. Художнику принадлежитъ отдѣлка деталей и одухотвореніе. Для нѣжныхъ, идеальныхъ, женскихъ фигуръ незамѣнимъ мраморъ. Для мужскихъ, энергичныхъ, колоссальныхъ статуй чрезвычайно удобна бронза, такъ какъ она прочна даже въ очень тонкихъ частяхъ статуи, напр., въ ногахъ человѣка и животнаго, и кромѣ того особенно для сѣвера она важна потому, что не такъ подвержена климатическимъ вліяніямъ, какъ мраморъ. Окисленіе бронзы, называемое патиной, только придаетъ ей особенную прелесть. Бронзовыя произведенія отливаются и чеканятся. Въ древности и въ средніе вѣка употреблялись для изготовленія скульптурныхъ произведеній довольно часто дерево и слоновая кость съ золотомъ (хризоэлефантинная пластика). Разноцвѣтные слои нѣкоторыхъ камней, напр., оникса (красный и бѣлый, черный и бѣлый), позволяютъ изготовлять камеи-барельефы, въ которыхъ болѣе выпуклыя части изъ одного цвѣтного слоя, а фонъ изъ другого. Къ произведеніямъ изъ мрамора и дерева въ древности, въ средніе вѣка и изрѣдка въ новѣйшее время примѣняется раскраска. *Исторія В-ія.* Ни отъ одного изъ самыхъ древнихъ народовъ до насъ не сохранилось его первоначальныхъ произведеній В-ія, и о примитивной скульптурѣ могутъ дать представленіе только столбы съ слабыми намеками на лицо и фигуру человѣка, какіе встрѣчаются у современныхъ дикарей. Самые ранніе пластическіе

памятники древняго Египта, дошедшіе до насъ, принадлежатъ уже высокой ступени развитія В-ія. Особенно ясно эта высота проявляется въ лучшихъ памятникахъ погребальнаго культа, въ тѣхъ статуяхъ умершихъ, которыя создавалъ древне-египетскій ваятель, чтобы душа покойника въ случаѣ изчезновенія муміи могла найти себѣ мѣсто для загробнаго своего существованія въ статуѣ или рельефѣ-двойникѣ. Подобная забота требовала полнѣйшаго сходства пластическаго изображенія съ оригиналомъ, и скульпторъ часто достигалъ его, какъ можно судить по натуралистическимъ статуямъ, восходящимъ къ четвертому тысячелѣтію до Р. Хр. Онѣ по художественному достоинству стоятъ неизмѣримо выше болѣе позднихъ рельефныхъ изображеній и статуй сыновъ бога—фараоновъ, отличающихся гораздо меньшею жизненностью, застывшею позой, болѣе слабою индивидуализаціею и подчиненностью архитектурѣ. Еще слабѣе творчество въ скульптурныхъ изображеніяхъ боговъ. Единственное созданіе божественнаго характера поднимается довольно высоко, это—сфинксъ, представляющій характерное соединеніе формъ животныхъ и человѣческихъ. Раскрашенная, выразительно моделированная египетская скульптура производила сильное впечатлѣніе, но не давала уравновѣшеннаго, гармоничнаго эстетическаго наслажденія (см. *египетское искусство*). Вполнѣ сходно было съ нимъ въ этихъ отношеніяхъ и ассиро-вавилонское В. Но во всемъ другомъ оно рѣзко отличалось отъ египетскаго. Это различіе обусловливалось различіемъ въ характерѣ народовъ, ихъ жизни и міросозерцанія. Въ противоположность египтянамъ, вавилоняне и особенно ассиріяне, управляемые воинственными и жестокими царями, думавшіе только о земномъ, оставили намъ главнымъ образомъ памятники свѣтской скульптуры—рельефы, изображающіе царя, его кровавые походы, охоты, удовольствія. При чемъ сильнѣе и совершеннѣе изображенія не мускулистыхъ человѣческихъ фигуръ, а тонко прочувствованные и понятные звѣри и животныя. Религіозное В. у ассиріянъ и вавилонянъ было слабо. Лучшія его созданія—крылатые быки (см. *ассиро-вавилонское искусство*). Персія, завоевавшая въ VI вѣкѣ до Р. Хр. Ассирію, Вавилонію и Египетъ, не создала своей самостоятельной скульптуры. Въ самыхъ главныхъ ея произведеніяхъ—изображеніяхъ воиновъ и царя, чувствуются отзвуки вліяній покоренныхъ ею странъ. Еще менѣе самостоятельно было В. Финикіи, которая механически соединяла самые разнородные элементы изъ различныхъ странъ древняго востока. Съ вполнѣ самостоятельнымъ, сильнымъ, въ высшей степени художественнымъ В-емъ мы впервые встрѣчаемся въ Греціи. Воспользовавшись передаточною дѣятельностью финикіянъ, воспринявъ чрезъ нихъ восточный опытъ, Греція въ VII в. до Р. Хр. переработала заимствованное въ свое и, благодаря исключительно благопріятному сочетанію религіозныхъ воззрѣній, политическихъ, общественныхъ и экономическихъ условій, благодаря чрезвычайно сильно развитой скульптурной чуткости, этотъ даровитый народъ создалъ полныя жизни, свободы, гармоніи и красоты произведенія пластики, доведя изображенія человѣка до недостижимаго ранѣе совершенства. Конечно, болѣе древнія деревянныя и каменныя произведенія греческаго В. не имѣли и слабой доли того совершенства, котораго достигла пластика въ Греціи въ V и IV вѣкахъ до Р. Хр., когда греки овладѣли уже техникою и развили свой вкусъ. Переходъ отъ древняго несовершенства къ блестящей эпохѣ представляютъ скульптуры V вѣка. Самый сильный блескъ проявляется въ произведеніяхъ эпохи Фидія, Поликлета и Праксителя, эпохи созданія идеальныхъ типовъ боговъ—Зевса, Геры, Аѳины, Діониса, Аполлона, Геракла и Афродиты. Къ концу IV вѣка величіе и простота В. поколебалась, и въ III вѣкѣ въ эллинизированныхъ центрахъ Азіи—въ Пергамѣ, Родосѣ—стали появляться произведенія, въ которыхъ исчезло уравновѣшенное спокойствіе, явилось страстное движеніе, изысканность, выдвинулся живописный элементъ. На-ряду съ этимъ въ скульптурѣ получили перевѣсъ жанръ и портретъ, интересъ къ индивидуализа-

ціи. Это были послѣднія проявленія художественной жизни Греціи (см. *греческое искусство*). Превращенная во II в. до Р. Хр. въ римскую провинцію Греція перестала творить и, выславъ своихъ мастеровъ въ Римъ, на менѣе благопріятной почвѣ, она питала римскую потребность только портретомъ и монументальной скульптурой, повторявшей старое до наступленія IV вѣка по Р. Хр., эпохи христіанства. Новая религія не улучшила положенія греко-римской пластики. Боясь соприкосновенія съ язычествомъ, отрицая все чувственное, христіанство на первыхъ порахъ чуждалось В-ія. Немногочисленные дошедшіе до насъ памятники древнехристіанской скульптуры вскрываютъ только попытки приспособить античныя формы къ выраженію христіанскихъ идей въ рельефахъ саркофаговъ и рѣдкихъ статуяхъ, но не показываютъ признаковъ жизни и развитія (см. *древнехристіанское искусство*). Заброшенное В. чахло въ теченіе V—X вѣковъ, какъ въ Западной Римской имперіи, занятой варварами, такъ и въ Восточной—Византіи. Въ это время скульптура не шла далѣе мелкихъ издѣлій, диптиховъ, окладовъ, для нуждъ преимущественно церкви. Нѣкоторое оживленіе В-я замѣчается въ Западной Европѣ въ сѣверныхъ странахъ въ X вѣкѣ, когда В-е было призвано къ болѣе широкому служенію потребностямъ церкви. Малопослушной рукой, съ неизощреннымъ глазомъ и недостаточно развитымъ вкусомъ скульпторъ-монахъ въ X в. сталъ создавать статуи Христа, святыхъ, руководясь доступнымъ въ крайне ограниченной мѣрѣ наблюденіемъ антиковъ и природы, и изъ-подъ его рѣзца стали появляться неуклюжія, приспособленныя къ архитектурнымъ условіямъ мѣста статуи и рельефы для портала собора. Значительно оживилось и шагнуло впередъ В. въ XIII вѣкѣ въ эпоху готики, открывшей обширное поле для помѣщенія скульптурныхъ изображеній на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ храма. Улучшеніе вкуса, развитіе техники, измѣненіе самой атмосферы, окружавшей скульптора въ дѣйствительной жизни, все это отразилось въ красиво изогнутыхъ длинныхъ фигурахъ, свободно задрапированныхъ въ пышныя складки, въ лицахъ особенно Богоматери и ангеловъ, полныхъ индивидуальнаго настроенія, подчеркнутаго своеобразной улыбкой. Особенно блестящаго развитія достигла въ готическій періодъ скульптура во Франціи въ порталахъ Реймсскаго, Амьенскаго и Шартрскаго соборовъ. Широко развернулось В. и въ Германіи: въ Кёльнѣ, Страсбургѣ, Нюрнбергѣ. Но большею частью готическія изваянія разсчитаны были на украшеніе храма, на то, чтобы дополнить и усилить впечатлѣніе отъ его архитектуры. В. занимало подчиненное положеніе и не имѣло почти самостоятельнаго значенія. Дальнѣйшій шагъ въ развитіи индивидуализаціи, въ усовершенствованіи формъ и освобожденіи пластики изъ-подъ давленія архитектуры сдѣлало В. ранѣе всего въ Италіи въ эпоху Возрожденія. Скульптура, упавшая здѣсь послѣ завоеванія Аппенинскаго полуострова варварами, прозябала до XIII вѣка. Въ этомъ столѣтіи Николо Пизано произвелъ первую попытку ея возрожденія, обратившись къ наблюденію антиковъ и сдѣлавъ первыя пробы передачи наблюденій природы. Но попытка Николо оказалась сильно опередившей свое время, и потребовался цѣлый вѣкъ, чтобы подготовить общее движеніе въ этомъ направленіи. Центромъ движенія въ XIV—XV вѣкахъ была Тоскана. Новое міросозерцаніе, признававшее въ человѣкѣ совершенное твореніе и интересовавшееся имъ, усиленіе наблюденій надъ природою и сознательное изученіе антиковъ отразились яснѣе и ранѣе всего на произведеніяхъ Гиберти, Донателло и Луки делла Роббіа. Ихъ жизнен., прекрасныя индивидуализированныя произведенія свидѣтельствуютъ о крупныхъ успѣхахъ въ изученіи природы, о пластическомъ пониманіи, о сильномъ развитіи вкуса, воспит. антиками. Къ этому движ. позднѣе примк. Римъ, гдѣ въ XVI вѣкѣ создавалъ свои субъективно задуманныя величественныя статуи Микель Анжело (см. *итальянское искусство*). Подобный же процессъ возрожденія, вначалѣ вполнѣ самостоятельный, совершился въ XV—XVI вѣкахъ

по другую сторону Альпъ въ сѣверной скульптурѣ. Возникавшія здѣсь произведенія В-ія не имѣли того величія и достоинства формъ, которыя выработались въ Италіи подъ вліяніемъ близкаго знакомства съ грекоримской скульптурой. Сходясь съ итальянскими произведеніями въ чрезвычайной жизненности, сѣверныя произведенія отличались отъ южныхъ рѣзкою характерностью, большою страстностью и смѣлостью реализма. Эти особенности сѣверной пластики ясно выступаютъ въ работахъ нѣмецкихъ ваятелей Крафта, Штосса и Фишера (см. *нѣмецкое искусство*). Но дальнѣйшаго продолженія это движеніе не получило и не распространилось. Нѣсколько позднѣе, даже сѣверное В. подпало подъ вліяніе Италіи, которая снова выдвинулась въ XVII вѣкѣ. Мощная скульптура Микель Анжело вызвала массу подражателей, которые стремились внѣшнимъ образомъ воспроизводить ее, увлекаясь ея преувеличенными формами и впадали при этомъ въ манерность, въ барокко. Изъ Италіи этотъ стиль распространился по всей Европѣ и держался въ теченіе XVII вѣка и въ началѣ XVIII, давъ множество произведеній, изъ которыхъ многія были величественны и богаты изобрѣтательностью, но чаще отличались вычурностью. Самымъ вліятельнымъ выразителемъ этого направленія явился итальянскій скульпторъ Бернини (*см.*), наиболѣе талантливыми его послѣдователями были во Франціи—Пюже, въ Германіи — Шлютеръ. Подъ конецъ изманерничавшееся В. потребовало оздоровленія и опрощенія. Но оздоровленіе и опрощеніе произошло при помощи антиковъ, и во главѣ начавшагося вторично возрожденія скульптуры при помощи классической древности стала опять и въ XVIII вѣкѣ Италія. Именно въ ней ранѣе всего пошелъ по этому пути Канова, потомъ примкнули къ нему и другія націи, но среди всѣхъ пальма первенства принадлежала датчанину Торвальдсену, наиболѣе удачно сочетавшему классическую простоту и чистоту формъ съ возвышенностью и нѣжностью. Когда классицизмъ, исполнившій свою роль и имѣвшій важное значеніе, въ первой четверти XIX вѣка сталъ вырождаться въ сухое и внѣшнее копированіе формъ съ внутреннею безсодержательностью и холодностью, противъ него поднялись романтики и провозгласили необходимость введенія чувства, движенія, непосредственности, національности. Это теченіе ко второй половинѣ XIX вѣка смѣнилось теченіемъ реальнымъ, которое объявило войну и романтизму, и классицизму и требовало въ пластикѣ изображенія окружающей дѣйствительности, большей жизненности. Въ пылу борьбы новое направленіе доходило иногда до крайняго натурализма; почти до конца XIX вѣка реализмъ удерживалъ за собою вліятельное положеніе. Только самый конецъ этого вѣка и начало XX столѣтія отмѣчены зарожденіемъ новыхъ настроеній. Свобода отъ условности, отъ рабства реализма и натурализма, исканіе новыхъ красотъ и формъ для ихъ воспроизведенія въ пластикѣ составляютъ главныя черты новыхъ настроеній, насколько можно судить о не вполнѣ еще выяснившемся движеніи по сдѣланнымъ въ этомъ направленіи первымъ опытамъ. Таковы главные моменты европейскаго В-ія нашего времени. Совр. скульптура окончательно получила прочное, самостоятельное, не подчиненное архитектурѣ существованіе. Характерною ея особенностью является сильный живописный элементъ и разнообразіе направленій, стоящее въ зависимости отъ различія по національностямъ, отъ различія въ характерѣ скульптуры отдѣльныхъ странъ и индивидуальныхъ склонностей отдѣльныхъ художниковъ. Переставъ преклоняться безусловно передъ антиками, ваятели XIX вѣка даютъ все болѣе простора своей индивидуальности, все болѣе стремятся къ свободной передачѣ идей времени, своихъ личныхъ представленій о возвышенномъ и прекрасномъ, держась дѣйствительности, но не копируя ея точно, а свободно возсоздавая свои впечатлѣнія отъ нея. Эти настроенія въ большей или меньшей степени пережили всѣ страны Европы и Сѣверной Америки, оказавъ болѣе или менѣе содѣйствіе ихъ развитію и

выработкѣ. Самое сильное напряженіе, самое живое и разнообразное выраженіе этихъ направленій можно яснѣе прослѣдить во Франціи. Стоявшая долго во главѣ В-ія Италія, въ концѣ XIX вѣка выдается только одной техникой, доведенной до высокаго совершенства, особенно въ реалистическихъ жанрахъ. Во Франціи же для всѣхъ почти направленій есть крупныя отмѣченныя талантомъ произведенія, высокія по техникѣ и удивительныя по силѣ лѣпки и пониманію пластики. О русскомъ В-и см. *русское искусство*.

Литература: *Uhlenhuth*, „Die Technik der Bildhauerei“ 1893; *Stegman*, „Handbuch der Bildnerkunst“, 1884; *Любке*, „Исторія пластики“, 1870; *Perrot et Chipier*, „Histoire de l'art“; *Overbeck*, „Geschichte der griechischen Plastik“, 1892; *Collignon*, „Histoire de la sculpture greque“, 1892—97; *Пари*, „Античная скульптура“; *Brunn-Bruckmann*, „Denkmäler griechischer und römischer Sculptur“, 1889; *Cicongora*, „Storia della scultura dal suo risorgimento in Italia fino al secolo di Canova“, 1823—5; *Bode*, „Die italienische Plastik“, 1902; *Loupyl*, „Ancienne France, sculpteures et architectes“; *Bode*, „Geschichte der deutschen Plastik“, 1887; *Hasak*, „Geschichte der deutschen Bildhauerkunst“, 1890; *Bode-Bruckmann*, „Denkmäler der Renaissancesculptur Toscanas“; *Heilmeyer, A.*, „Die moderne Plastik in Deutschland“. Кромѣ того, см. труды по общей исторіи искусства подъ загл. „Исторія искусства“. Воспроизведеніе памятниковъ В-ія даетъ „Classischer Sculptorenschatz“, изд. *Reber und Bayersdorfer*. *С. Маковскій*, „Современная скульптура“ (1910—11). *Н. Тарасовъ*.

В. В., псевдонимъ В. П. Воронцова (*см.*).

Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы, празднуется 21 ноября въ память посвященія Маріи, въ 3-лѣтнемъ возрастѣ, Богу, по обѣту, данному ея родителями.

Введенскій, Александръ Ивановичъ, философъ, род. въ 1856 г., состоитъ профессоромъ философіи въ унив. и на высш. женскихъ курсахъ въ Петербургѣ, а также предсѣдателемъ Философск. Общества при петерб. университетѣ. Гл. соч. „Опытъ новаго построенія теоріи матеріи на принципахъ критич. философіи“ (ч. I, 1888 г., маг. дисс.), „Логика, какъ часть теоріи познанія“ (1909), „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“ (1892), „О видахъ вѣры и ея отношеніяхъ къ знанію“ (1894), „Судьбы философіи въ Россіи“ (1898), „Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“ (1909). По своимъ воззрѣніямъ В. является наиболѣе послѣдовательнымъ и виднымъ сторонникомъ неокантіанства въ Россіи.

Введенскій, Алексѣй Ивановичъ, проф. метафизики въ моск. духовной академіи, род. въ 1861 г. Его важнѣйшія сочиненія: „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основаніе“ (1891), „Религіозное сознаніе язычества“, т. I (1902); „На современныя темы, сборникъ популярно-философскихъ статей“ (1900); „Религія и соціологія; религія какъ явленіе соціальное“ (1900); „Изъ итоговъ вѣка. Литературно-философская характеристика XIX столѣтія“ (1901); „Умозрительные элементы теистическаго міропониманія“, в. I (1901); „Религіозное обновленіе нашихъ дней“ (1903—1904). В. состоитъ редакторомъ журнала „Душеполезное Чтеніе“.

Введенскій, Арсеній Ивановичъ, критикъ и библіографъ, род. въ 1844 г. Учился въ петерб. унив.; съ 1876 г. началъ выступать въ газетахъ и журналахъ. Въ 1893 г. за разборъ книги Аверкіева „О драмѣ“ получилъ „пушкинскую“ золотую медаль Академіи Наукъ. Съ 1894 г. сост. на службѣ въ Госуд. контролѣ. Умеръ въ 1909 г. Литературно-критическіе статьи и фельетоны В-го появлялись въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ: „Знаніи“, „Словѣ“, „Вѣстн. Евр.“, „Сѣв. Вѣстн.“, „Голосѣ“, „Порядкѣ“, „Рус. Вѣд.“, „Нивѣ“ и даже „Нов. Времени“. Послѣдніе годы жизни В. занимался почти исключительно библіографическими трудами. Подъ его редакціей въ приложеніяхъ къ „Нивѣ“ были изданы (начиная съ 1891 г.) собранія сочиненій Лермонтова, Кольцова, Козлова, Полежаева, Ломоносова, фонъ-Визина, Екатерины II и Грибоѣдова. Въ 1908 г. В. выпустилъ нѣкоторыя изъ своихъ статей и фельетоновъ отдѣльной книгой.

Введенскій, Иринархъ Ивановичъ, извѣстный критикъ и лучшій пере-

водчикъ англ. авторовъ на русскій языкъ, род. въ 1813 г., до окончанія курса въ универс. (1842) сдѣлался сотрудникомъ „Библіотеки для чтенія“ Сенковскаго. Въ 1852 г. сталъ преподавать въ константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ. Командированный за границу (1853), онъ вернулся оттуда съ сильно испорченнымъ зрѣніемъ, вскорѣ совсѣмъ ослѣпъ. Ум. въ 1855 г. Изъ его крит. статей лучшія: „Державинъ“ и особ. „Третьяковскій“ („Сѣв. Обозр.“ 1849). Главной заслугой В. являются его переводы. Онъ далъ русскимъ читателямъ образцовую передачу цѣлаго ряда англ. романовъ: Диккенса, Теккерея, Купера, Шарлотты Бронте и К. Нортонъ.

Вводный листъ, см. *вводъ во владѣніе.*

Вводный тонъ, седьмая ступень гаммы, лежащая наполтона ниже тоники и какъ бы вводящая въ нее, даже требующая ее.

Вводъ во владѣніе, обрядъ оглашенія судебной властью о состоявшемся укрѣпленіи права на недвижимое имѣніе и, отчасти, свидѣтельство вступленія собственника во владѣніе имъ. Вводъ въ историческомъ порядкѣ замѣнилъ собою *справку* и *отказъ* недвижимости новому владѣльцу по московскому праву, при которомъ на мѣстѣ составлялись т. наз. отказныя книги. Этотъ порядокъ былъ измѣненъ въ 1775 г. учрежденіемъ о губерніяхъ, установившимъ и самый терминъ „вводъ во вл.“. Затѣмъ составленіе отказныхъ книгъ было отмѣнено, и, начиная съ 1857 г., сохранился только В. во в., какъ способъ оглашенія уже пріобрѣтеннаго права.

Наконецъ, этотъ, уже раньше не вполнѣ ясный, институтъ получилъ еще нѣсколько иное значеніе въ Уст. гражд. судопр. (ст. 1424 сл.). Сначала судебная практика, толкуя новыя постановленія о вводѣ, считала его послѣднимъ, но необходимымъ элементомъ порядка пріобрѣтенія права собственности на недвижимость. Затѣмъ Сенатъ возвратился къ исторически болѣе вѣрной точкѣ зрѣнія на В. во в., какъ на обрядъ, которымъ оглашается состоявшійся уже переходъ права. Однако, старшіе нотаріусы сохранили практику, согласно которой представленіе „вводнаго листа“ во многихъ случаяхъ обязательно для совершенія всякаго акта объ отчужденіи недвижимости.—За самое послѣднее время, впрочемъ, административная власть признала отчасти безполезность этого обряда и даетъ соотвѣтствующія указанія ст. нотаріусамъ. Согласно разъясненіямъ мин. вн. д., изданнымъ по соглашенію съ мин. юст., вводъ во владѣніе участками надѣльной земли, укрѣпленными въ собственность за отдѣльными домохозяевами, вообще не обязателенъ.

Порядокъ В. во в. подробно указывается въ Уст. гр. суд. Прошеніе о В. подается въ окружный судъ, въ округѣ котораго находится недвижимое имущество, съ приложеніемъ актовъ укрѣпленія. *А. В.*

Ввозныя пошлины, см. *таможенныя пошлины.*

Ввозъ, см. *торговля.*

Вдова, жена, живущая безбрачно по смерти своего мужа. По древнѣйшему праву многихъ народовъ женамъ по смерти мужа вообще воспрещалось вступать въ другой бракъ, напр., у древнихъ грековъ и у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ. Въ Индіи, у скифовъ, отчасти у славянъ существовалъ даже обычай, который въ Индіи искорененъ лишь недавно, что жены или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе любимая жена умершаго убивали себя у трупа мужа и сжигались съ нимъ на одномъ кострѣ, чтобы не лишить мужа супружеской ласки и въ загробномъ мірѣ. Въ смягченной формѣ эти вѣрованія отражаются въ тѣхъ, весьма частыхъ, постановленіяхъ старыхъ законодательствъ, которыя связываютъ рядъ невыгодныхъ послѣдствій со вступленіемъ вдовы въ новый бракъ. — Съ другой стороны, народы, особенно дорожившіе наличностью потомства, выработали обычай, согласно коему вдова мужа, умершаго бездѣтнымъ, должна, напротивъ, вступить въ сожительство съ родственникомъ мужа, напр., съ его братомъ, чтобы родить сына, который затѣмъ считается какъ бы потомкомъ и продолжателемъ рода и семейнаго культа умершаго

Таковъ обычай *левирата* у древнихъ іудеевъ. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ вдова входитъ просто въ составъ наслѣдства послѣ мужа и передается въ собственность его наслѣдниковъ. Въ общемъ положеніе вдовы было безправное. Въ лучшемъ случаѣ она оставалась членомъ „большой“ семьи и поступала подъ покровительство новаго домовладыки, наравнѣ съ дочерьми умершаго, какъ, напр., у римлянъ.

По мѣрѣ развитія культуры и права положеніе вдовы улучшается. Уже въ Русской Правдѣ, отчасти подъ вліяніемъ христіанства, она занимаетъ довольно почетное положеніе. Если она по смерти мужа остается въ домѣ, при дѣтяхъ, то она признается самостоятельной распорядительницей общесемейнаго имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она не только опекунша надъ дѣтьми, а пользуется материнскою властью даже вопреки волѣ дѣтей и не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за свои распоряженія. Если же вдова снова выйдетъ замужъ или семья раздѣлится послѣ смерти отца, то вдова получаетъ выдѣлъ изъ имущества мужа. Таково же, въ общихъ чертахъ, понынѣ положеніе вдовы *по обычаю* великорусскихъ крестьянъ, согласно которому вдова почти всюду признается полноправной домохозяйкой, если во время смерти мужа въ семьѣ нѣтъ взрослаго сына. Это положеніе признано за крестьянской вдовой также новымъ землеустроительнымъ законодательствомъ, съ тѣмъ, однако, что при „укрѣпленіи“ общинной земли послѣдняя становится общею собственностью матери и дѣтей (ст. 48 зак. 14. VI, 1910 г.).

Въ Московской Руси положеніе вдовъ, по крайней мѣрѣ высшихъ сословій, ухудшилось подъ вліяніемъ помѣстной системы. Послѣ смерти служилаго человѣка земля должна была переходить къ лицу, способному, въ свою очередь, нести военную службу. Сначала московское правительство обязывало новаго пріобрѣтателя помѣстья содержать вдову прежняго; затѣмъ женамъ по смерти мужа (и дочерямъ) стали выдавать доли изъ помѣстья *на прожитокъ*. Эта доля вдовы опредѣлилась къ началу XVIII стол. въ $^1/_7$ часть помѣстной дачи мужа. Затѣмъ та же доля, названная *указною частью*, была распространена и на вотчинныя, купленныя и родовыя земли. Она сохранилась въ прежнемъ размѣрѣ и въ дѣйствующемъ правѣ, несмотря на измѣнившіяся условія быта. Изъ движимаго имущества—также понынѣ—вдова получаетъ указную долю въ размѣрѣ $^1/_4$ части мужнина имущества, согласно указамъ патріарха Филарета 1627 г., руководившагося при ея опредѣленіи постановленіями греко-римскаго (церковнаго) права (Зак. гражд., ст. 1148 сл.). Указная доля не считается правомъ наслѣдственнымъ и подчиняется особымъ началамъ. Самой существенной особенностью ея является то, что вдова можетъ требовать выдѣла указной доли изъ имущества не только своего мужа, но и своего свекра, при жизни и послѣ смерти послѣдняго, поскольку его имущество въ свое время перешло къ умершему сыну его, мужу вдовы (ст. 1159 сл.). Затѣмъ, въ виду невозможности передать супругу по завѣщанію родовое имущество, законъ разрѣшаетъ предоставить ему таковое по завѣщанію въ пожизненное пользованіе, при условіи отказа отъ права на указную долю (ст. 533[1] сл.). Обратной стороной всей этой системы обезпеченія вдовы является то, что она въ порядкѣ наслѣдованія не можетъ получить больше своей указной доли, хотя бы все остальное имущество ея мужа, за отсутствіемъ наслѣдниковъ, пришлось признать выморочнымъ.—Независимо, конечно, отъ этого вдова получаетъ обратно свое приданое. Принадлежавшее ей лично имущество также остается въ ея свободномъ распоряженіи, какъ и во время брака, уже въ силу установившейся у насъ, окончательно съ половины XVIII в., системы полной раздѣльности имущества супруговъ. Западныя законодательства и многіе изъ нашихъ мѣстныхъ законовъ, предоставляющіе мужу во время брака болѣе или менѣе обширныя права управленія и пользованія имуществомъ жены, взамѣ того выработали, для обезпеченія правъ вдовы, институтъ

вѣна, Wittum, donaire, возникшій изъ той платы, которую женихъ первоначально вносилъ родственникамъ жены, въ качествѣ цѣны ея—калыма, выкупа, а затѣмъ передавалъ самой женѣ, какъ „утренній даръ“ послѣ брачной ночи и какъ бы въ обмѣнъ на ея приданое (redos, dotalicium). У магометанъ, наконецъ, всѣ вдовы вмѣстѣ получаютъ изъ имущества мужа, при дѣтяхъ—восьмую, а безъ дѣтей—четвертую часть его (Зак. гр., ст. 1161).

Вдова сохраняетъ сословныя права и преимущества своего мужа, а вдовы чиновниковъ получаютъ право на пенсію до вступленія въ другой бракъ, по правиламъ Устава о пенсіяхъ (Сводъ Зак., т. III). *Побѣдоносцевъ*, „Курсъ гражданскаго права“, ч. II, § 41, и сочиненія по исторіи семьи *Ковалевскаго*, *Старке* и *Гроссе*. *А. Вормсъ*.

Вдовушки, Vidua, родъ воробьиныхъ птицъ, изъ семейства ткачей; имѣютъ средн. размѣровъ тѣло, короткій клювъ, средн. размѣровъ крылья, средняя пара рулевыхъ перьевъ удлинена; питаются сѣменами и насѣкомыми; хорошо переносятъ неволю. Свойственны искл. Африкѣ. *Длиннохвостая* или *райская В.*, V. paradisea, встрѣчается въ болот. мѣстахъ ю. Африки; у самца въ брачномъ нарядѣ, опереніе сверху блестяще-черное, шея желтая, зобъ краснобурый, нижняя сторона бѣлая; хвостовыя перья достигаютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что полетъ становится затруднительнымъ.

Вдохновеніе, см. *творчество*.

Веббъ, см. *Уэббъ*.

Вебера-Фехнера законъ, такъ называется обобщеніе, установленное сначала экспериментально и выраженное затѣмъ въ математической формулѣ, которымъ опредѣляется постоянное отношеніе между постепеннымъ ростомъ силы какого-нибудь физическаго раздраженія (напр., энергіи свѣта, физическихъ причинъ звука, тяжести и т. п.) и ростомъ интенсивности соотвѣтствующаго ему психическаго ощущенія. Честь открытія и обоснованія этого закона принадлежитъ двумъ нѣмецкимъ ученымъ, физіологу Веберу (1795—1878) и натурфилософу Фехнеру (1801—1887), по имени которыхъ онъ и называется. Выводы, къ которымъ пришелъ Веберъ („Tastsinn u. Gemeingefühl“ въ Wagner's Handwörterbuch d. Physiologie), могутъ быть кратко резюмированы въ трехъ положеніяхъ. 1) Если мы будемъ постепенно усиливать какое-нибудь физическое раздраженіе, то переходы соотвѣтствующихъ ему ощущеній, по ихъ интенсивности, будутъ отставать отъ роста раздраженія. Другими словами, не всякій приростъ раздраженія будетъ равномѣрно замѣчаться нами. Для того, чтобы получилось едва замѣтное новое ощущеніе, приростъ раздраженія долженъ достигнуть извѣстной величины. 2) Тотъ приростъ раздраженія, который отмѣчается едва замѣтнымъ новымъ ощущеніемъ, долженъ быть тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе наличное раздраженіе, къ которому онъ прибавляется. Если, напр., къ 100 свѣчамъ нужно прибавить 1 свѣчу для того, чтобы нашъ глазъ могъ уловить едва замѣтное увеличеніе освѣщенія, то къ 1.000 свѣчамъ нужно прибавить для этого 10 свѣчей, къ 10.000 — 100 и т. д. 3) Отношеніе между приростомъ раздраженія, вызывающимъ едва замѣтный приростъ ощущенія, и наличнымъ раздраженіемъ, къ которому онъ прибавляется, есть постоянная величина для даннаго рода ощущеній, т. е. такой приростъ раздраженія составляетъ, по всей скалѣ соотвѣтственныхъ раздраженій, одну и ту же долю наличнаго раздраженія (въ приведенномъ выше примѣрѣ это отношеніе $1 : 100, 10 : 1.000, 100 : 10.000 = {}^1/_{100}$). Таковы были результаты опытовъ, производившихся Веберомъ надъ ощущеніями давленія. Вслѣдъ за нимъ, для провѣрки выставленныхъ имъ положеній, сходные опыты производились многими экспериментаторами въ примѣненіи ко всѣмъ видамъ ощущеній. При этомъ были детально разработаны точные методы опредѣленія интенсивности ощущеній, и всѣ эти изслѣдованія составляютъ предметъ наиболѣе законченнаго отдѣла экспериментальной психологіи, такъ-называемой психофизики. Обобщеніе Вебера оправдалось приблизительно въ примѣненіи къ раздраженіямъ средней интенсивности въ

области ощущеній звука, зрѣнія, движенія, вкуса, давленія, слуха, глазомѣра; оно подтверждается и поясняется также примѣрами изъ нашего повседневнаго опыта. Сила дневного свѣта, согласно фотометрическимъ изслѣдованіямъ, постоянно колеблется, то увеличиваясь, то уменьшаясь; однако, эти колебанія ускользаютъ отъ нашего ощущенія, такъ какъ мы замѣчаемъ только болѣе рѣзкіе переходы. Въ концертномъ залѣ на всѣ среднія мѣста назначается одна и та же цѣна, такъ какъ на всѣхъ нихъ одинаково хорошо слышно; между тѣмъ какъ объективно сила звука постепенно ослабляется отъ одного ряда мѣстъ къ другому, и т. д. Фехнеръ, первый продолжатель опытовъ Вебера, сдѣлалъ попытку облечь полученные имъ результаты въ точную математическую формулу. Фехнеръ исходилъ изъ предположенія, что всѣ едва замѣтные приросты ощущенія, слѣдующіе другъ за другомъ, по мѣрѣ того какъ мы поднимаемся по скалѣ раздраженія, суть одинаковыя величины или равныя единицы, которыми можно измѣрять интенсивность ощущенія, т. е. можно разсматривать интенсивность ощущенія, какъ суммы такихъ едва замѣтныхъ приростовъ. При такомъ предположеніи зависимость интенсивности ощущенія отъ силы раздраженія выражается дѣйствительно въ слѣдующей математической формулѣ: если раздраженія растутъ въ геометрической прогрессіи (напр., какъ рядъ чиселъ 1, 2, 4, 8, 16....), то ощущенія будутъ расти въ ариѳметической прогрессіи (напр., какъ рядъ чиселъ 1, 2, 3, 4, 5....). Анализъ этой первой формулы даетъ вторую, равнозначную ей: ощущенія растутъ пропорціонально логариѳму раздраженія (см. соч. Фехнера „Elemente d. Psychophysik“, 1860). Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ психофизическомъ законѣ нужно различать чисто-фактическую часть отъ математической разработки ея. Первая, поскольку она подтверждается экспериментально, принимается и признается большинствомъ психологовъ, а что касается добавленія Фехнера, то его формула, допускающая различныя толкованія, имѣетъ среди современныхъ психологовъ какъ своихъ сторонниковъ, такъ и своихъ противниковъ. Принятіе или отверженіе ея зависитъ отъ того, можно ли вмѣстѣ съ Фехнеромъ разсматривать всѣ едва замѣтные приросты ощущенія, какъ равныя величины и въ какомъ именно смыслѣ это допустимо. Не достигнуто также еще въ настоящее время между психологами единогласія относительно того, каково общее значеніе закона В.-Ф. и каково положеніе, занимаемое имъ въ психологіи. Нѣкоторые психологи, съ В. Вундтомъ во главѣ, объясняютъ его исключительно психологически, видя въ немъ частное примѣненіе общаго психологическаго закона относительности. Такъ какъ, согласно этому объясненію, всѣ наши оцѣнки въ психической области не абсолютны, а относительны, то и въ ощущеніи для насъ имѣютъ значеніе не абсолютныя, но относительныя прибавки. Другіе психологи, въ томъ числѣ Эббингхаусъ, придаютъ закону В.-Ф. исключительно физіологическое значеніе, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, факты, обобщаемые въ немъ, объясняются особымъ свойствомъ самой нервной системы. Тѣ или иныя части нервной системы, служащія посредниками между внѣшнимъ физическимъ раздраженіемъ и соотвѣтствующимъ психическимъ ощущеніемъ, проявляютъ своего рода инертность по отношенію ко всякому вновь приходящему впечатлѣнію, и подобно тому, какъ механическое треніе замедляетъ ходъ машины, такъ и здѣсь, благодаря этой предполагаемой инертности нервно-мозгового аппарата, ростъ психическаго ощущенія не можетъ не отставать отъ роста физическаго раздраженія.

Литература: *Wundt*, „Grundzüge der physiologischen Psychologie“ (1908); *Ebbinghaus*, „Grundzüge d. Psychologie“ (1905); *Foucault*, „La psychophysique“ (1901); *G. E. Müller*, „Zur Grundlegung der Psychophysik“ (1878); *Липпсъ*, „Основы психофизики“ (1904, р. пер.); *Селитренниковъ*, „Математ. обоснованіе психо-физическаго закона“ („Вѣстн. Психологіи“, VII). *Д. Викторовъ.*

Веберъ, Альбрехтъ, нѣм. санскритистъ, род. въ 1825 г., съ 1856 г. профессоръ въ Берлинѣ, съ 1857 акаде-

микъ; ум. въ 1901 г. Главн. труды В.: „Weisse Iadschurveda“ (3 т., 1852—59); „Taittirîja Samhitâ“ (1871—1872)—памятникъ, примыкающій къ „Черной Яджурведѣ“, „Vorlesungen über indische Literaturgeschichte“ (2-е изд. 1876), кромѣ того имъ издано 17 томовъ „Indische Studien“ (Berl. — Leipz., 1850—1884).

Веберъ, Вильгельмъ-Эдуардъ, знам. нѣмецкій физикъ, род. въ 1804 г., былъ сыномъ виттенбергскаго профессора богословія Михаила Вебера; его братья—старшій, *Эрнстъ-Генрихъ* и младшій, *Эдуардъ*,—впослѣдствіи были профессорами физіологіи и анатоміи въ Лейпцигѣ; съ 1822 г. В. посѣщалъ университетъ въ Галле, а съ 1827 г. началъ здѣсь чтеніе лекцій. Въ 1831 г. былъ приглашенъ въ качествѣ профессора физики въ Гёттингенъ. Въ 1837 г. Веберъ былъ лишенъ каѳедры вмѣстѣ съ Гервинусомъ, двумя братьями Гриммами и еще тремя профессорами за коллективный ихъ протестъ противъ отмѣны конституціи Ганноверскимъ королемъ. В. жилъ затѣмъ въ Гёттингенѣ частнымъ человѣкомъ до 1843 г., когда ему была предложена каѳедра въ Лейпцигѣ. Въ 1849 г. онъ опять вернулся профессоромъ въ Гёттингенъ, гдѣ и умеръ въ 1891 г.—Еще въ студенческіе годы В. вмѣстѣ съ старшимъ братомъ произвелъ замѣчательное экспериментальное изслѣдованіе о характерѣ движенія водяныхъ частицъ при волненіи. Его докторская диссертація (1826) относится къ акустикѣ. Въ 1833—36 гг. онъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ занимался наблюденіями и опытами, положенными въ основу важнаго труда о механизмѣ ходьбы у человѣка. Другія его работы изъ перваго періода дѣятельности касались упругаго послѣдѣйствія и конструкціи вѣсовъ.—Возникшая послѣ переселенія В. въ Гёттингенъ дружба съ Гауссомъ послужила первымъ толчкомъ къ занятіямъ электромагнитизмомъ, которыя послѣ того приковывали къ себѣ вниманіе В. въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Вначалѣ эти труды касались земного магнитизма. Вмѣстѣ съ Гауссомъ В. издавалъ „Resultate aus den Beobachtungen des Magnetischen Vereins“ (1836—41),—общества, основаннаго Гауссомъ и В.; среди придуманныхъ В. и изложенныхъ здѣсь методовъ магнитныхъ измѣреній особенно важнымъ является методъ его „земного индуктора“. Въ широкихъ кругахъ имя В. сдѣлалось извѣстнымъ благодаря устроенному имъ и Гауссомъ въ 1833 г. первому электромагнитному телеграфу, который былъ примѣненъ для сообщенія между астрономическою обсерваторіей и физическимъ институтомъ въ Гёттингенѣ.—Но главнѣйшая заслуга В. заключается въ его многочисленныхъ трудахъ по теоретической систематикѣ единицъ электрическаго тока и по установленію между ними экспериментальной связи. Его идеи, являющіяся развитіемъ метода, созданнаго Гауссомъ въ области магнитизма, воплотились въ системѣ абсолютныхъ электрическихъ единицъ, установленной въ 1881 г. на парижскомъ международномъ электрическомъ конгрессѣ для электрической практики и общепринятой въ настоящее время. Начиная съ 1846 г., большинство работъ В. появилось подъ общимъ названіемъ „Elektrodynamische Massbestimmungen“. Первая часть содержитъ описаніе изобрѣтеннаго В. „электродинамометра“, результаты произведенной съ помощью этого прибора провѣрки основного закона электродинамики и, наконецъ, знаменитую теорію электродинамическихъ и индукціонныхъ явленій. Теорія эта сводится къ допущенію особаго закона взаимодѣйствія между электрическими частицами, которое, по В., зависитъ не только отъ ихъ массы и ихъ разстоянія, но также отъ ихъ относительнаго движенія. Обозначая черезъ e и e′ массы двухъ электрическихъ частицъ, чрезъ r ихъ разстояніе, черезъ t—время, черезъ c—нѣкоторую постоянную величину, В. принимаетъ силу взаимодѣйствія f этихъ частицъ равною

$$\frac{ee'}{r^2}\left[1 - \frac{1}{c^2}\left(\frac{dr^2}{dt^2} - 2r\frac{d^2r}{dt^2}\right)\right].$$

(При r неизмѣнномъ съ теченіемъ времени отсюда получается законъ Кулона: $f = \frac{ee'}{r^2}$). Электричество разсматривается у В., какъ нѣкоторая субстанція, обладающая опредѣленной

массой; однажды В. поставилъ даже вопросъ, не является ли электричество основнымъ элементомъ вселенной. Такимъ образомъ, въ его ученіи содержатся многія черты, свойственныя новѣйшей электронной теоріи.—Дальнѣйшіе труды В. имѣютъ предметомъ опредѣленіе и измѣреніе сопротивленія въ абсолютной мѣрѣ, теорію магнитныхъ и діамагнитныхъ свойствъ вещества (1852), затѣмъ (совмѣстно съ Рудольфомъ Кольраушомъ) сравненіе электромагнитной единицы тока съ электростатической (1856), изслѣдованіе электрическихъ колебаній въ проволокахъ (1864) и дальнѣйшее развитіе закона взаимодѣйствія электричествъ (1871 и 1878).—В. оставилъ о себѣ память не только какъ о выдающемся дѣятелѣ науки, но и какъ о человѣкѣ прекрасной души. *А. Бачинскій.*

Веберъ, Георгъ, нѣм. историкъ, род. въ 1808 г., былъ учителемъ, позднѣе (1848—72) директоромъ высшей городской школы въ Гейдельбергѣ. Ум. въ 1888 г. Гл. произведенія: „Geschichtliche Darstellung des Calvinismus im Verhältnis zum Staat“ (1836); „Geschichte der Kirchenreformation in Grossbritannien“ (1856); „Lehrbuch d. Weltgeschichte“ (2 тт. 1847 г., русск. пер.); „Allgem. Weltgeschichte“, компилятив. трудъ, не имѣющій большого науч. значенія (1857—1880, 15 тт., русск. перев. Андреева—псевд. Н. Г. Чернышевскаго, съ принадлежащими ему цѣнными дополненіями,—и Невѣдомскаго) и др.

Веберъ, Готфридъ, музыкальный теоретикъ, род. въ 1779 г., былъ судьей и музыкальнымъ образованіемъ обязанъ главнымъ образомъ самому себѣ. Онъ изучилъ теоретически музыкальныя книжки Кирнбергера, Марпурга, Фоглера и, недовольный ими, написалъ собственное руководство: „Versuch einer geordneten Theorie der Tonsetzkunst“, имѣвшее огромный успѣхъ. Система В. не нова, новымъ явился только методъ изложенія и цифровки, многое упростившій въ теоріи музыки. Современная намъ цифровка Г. Римана представляетъ собою не что иное, какъ дальнѣйшее (двойственное) развитіе системы В-а. Кромѣ того, В. написалъ „Allgem. Musiklehre“, „Versuch einer prakt. Akustik der Blasinstrumente“ и др. ум. въ 1839 г. *Ю. Э.*

Веберъ, Карлъ Марія, фонъ, первый представитель такъ наз. романтизма въ нѣмецкой музыкѣ и творецъ нѣмецкой народной оперы, род. 18 декабря 1786 г. въ Эйтинѣ (Ольденбургъ). Отецъ его былъ сначала офицеромъ, потомъ чиновникомъ, Musikdirektor'омъ, и, наконецъ, антрепренеромъ; какъ онъ, такъ и вся семья его вели бродячій образъ жизни, вслѣдствіе чего маленькій В. учился музыкѣ у разныхъ учителей: сначала у брата Фридолина, затѣмъ у Гейшкеля въ Гильдбурггаузенѣ, у Михаила Гайдна въ Зальцбургѣ, у Кальхера и у аббата Фоглера въ Вѣнѣ. Послѣдній доставилъ В-у въ 1804 г. мѣсто капельмейстера въ бреславльскомъ театрѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ В. перешелъ на службу въ Штутгартъ, гдѣ сдѣлался секретаремъ принца Людвига Вюртембергскаго и учителемъ музыки въ его семьѣ. Въ 1810 г. онъ былъ изгнанъ изъ королевства, такъ какъ по винѣ своего отца былъ скомпрометтированъ въ одномъ дѣлѣ. Первое сочиненіе В-а (6 фугетъ) напечатано въ 1798 г.; тогда же написалъ онъ первую свою оп. „Die Macht d. Liebe“; позже напис. были оп. „Peter Schmoll“, „Rübezahl“ (неоконч.) и „Waldmädchen“ (1800 г.), поставленная въ Вѣнѣ, Прагѣ, Петербургѣ; музыка послѣдней отчасти вошла въ „Сильвану“, сочиненную въ Штутгартѣ и съ успѣхомъ шедшую въ 1810 г. въ Франкфуртѣ на М. и позднѣе въ Берлинѣ. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ В. странствовалъ; онъ жилъ въ Мюнхенѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ, при дворахъ въ Готѣ и Веймарѣ; въ Дармштадтѣ возобновилъ онъ на время занятія со своимъ старымъ учителемъ Фоглеромъ, при чемъ его товарищами были Мейерберъ, Генсбахеръ и Готфридъ Веберъ. Наконецъ, послѣ трехлѣтняго капельмейстерства въ Прагѣ, В. былъ приглашенъ въ 1816 г. на такое же мѣсто саксонскимъ королемъ въ Дрезденъ, гдѣ въ это время организовывалась нѣмецкая оперная труппа. Въ 1817 г. В. сталъ во главѣ этой труппы и женился на пѣвицѣ Каролинѣ Брандтъ. Подъ управленіемъ В-а молодая нѣмецкая опера достигла вы-

сокаго процвѣтанія. Въ то же время В. писалъ произведеніе, которое сразу создало его славу. Это былъ „Фрейшютцъ“, поставленный впервые въ Берлинѣ въ 1821 г. и затѣмъ облетѣвшій весь міръ. Сюжетомъ оперы здѣсь впервые послужила нѣмецкая легенда, что, вмѣстѣ съ доступностью музыки, ея національнымъ колоритомъ и простотой изображенныхъ характеровъ сдѣлало „Фрейшютца“ любимѣйшей народной нѣмецкой оперой. До „Фрейшютца“ В-мъ была написана еще музыка къ „Преціозѣ“, а послѣ него комическая опера „Die drei Pintos“ (неокончена). Затѣмъ В. написалъ для Вѣны (1823 г.) „Эвріанту“, оперу на рыцарскій сюжетъ, которая послужила впослѣдствіи прототипомъ для „Лоэнгрина“ Вагнера, и которую В. считалъ своимъ лучшимъ произведеніемъ, такъ какъ приложилъ къ ней всѣ свои знанія и все свое стараніе. „Эвріанта“, однако, не имѣла такого успѣха, какъ „Фрейшютцъ“, виной чего отчасти служило и неудачное либретто; то же слѣдуетъ сказать и объ оперѣ „Оберонъ“, написанной для Лондона, которой В. долго не могъ кончить, такъ какъ отъ напряженной работы сталъ часто болѣть. „Обероном“ В. дирижировалъ въ Лондонѣ (1826 г.) уже почти безъ силъ; черезъ два мѣсяца, 5 іюня 1826 г., онъ умеръ. Въ 1844 г. тѣло его перевезено въ Германію. В. былъ также замѣчательный піанистъ; кромѣ того, онъ писалъ остроумныя статьи о музыкѣ. Мелодическій потокъ въ сочиненіяхъ В-а отличается необыкновенной легкостью и свободой; его гармоніи для своего времени оригинальны и вмѣстѣ съ тѣмъ естественны; инструментовка — смѣла, разнообразна, богата новыми эффектами и является посредствующимъ звеномъ между классическимъ оркестромъ Бетховена и новѣйшимъ—Берліоза и Вагнера. Очень удавалась В-у музыкальная обрисовка всего таинственнаго, волшебнаго, вообще всего романтическаго. Кромѣ оперъ, В. написалъ: для ф.-п.: 4 сонаты, 2 концерта, варіаціи, извѣстныя Konzertstück и Aufforderung zum Tanz, полонезъ и др. пьесы; шесть сонатъ и варіаціи для скрипки съ ф.-п.; концерты и концертино для кларнета (4), фагота (2) и вальторны (1) съ ф.-п.; квартетъ и тріо (съ ф.-п.), квинтетъ (съ кларнетомъ); для оркестра: 2 симфоніи и двѣ увертюры (къ „Турандотъ“ и „Торжественную“); для пѣнія: множество романсовъ, дуэтовъ, тріо, квартетовъ, изъ которыхъ въ свое время особенно славились патріотическія пѣсни „Leier und Schwert“ (на слова Кернера, противъ Наполеона), а также нѣсколько духовныхъ композицій и отдѣльныхъ сценъ и арій. Лучшая біографія В. написана по-нѣмецки его сыномъ Максомъ Мар. В-омъ (3 т., 1864—66 гг.). *Ю. Энгель.*

Веберъ, Карлъ (Кириллъ) Эдуардовичъ, преподаватель музыки, род. въ 1834 г. близъ Хемница; учился въ лейпцигской консерваторіи; съ 1866 г. до 1870 г. преподавалъ игру на ф.-п. въ московской консерваторіи; съ 1867 до 1877 г. былъ инспекторомъ музыки при московскомъ екатерининскомъ институтѣ и съ 1877 г. состоитъ директоромъ музыкальнаго училища саратовскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Заслуженный фортепіанный педагогъ, В. написалъ „Руководство для систематическаго обученія игрѣ на ф.-п.“ (1886), такой же „Путеводитель“ и „Краткій очеркъ современнаго состоянія музыкальнаго образованія въ Россіи“ (1885 г.). *Ю. Э.*

Веберъ, Карлъ Юліусъ, нѣм. писатель, род. въ 1767 г., изучалъ франц. просвѣтительную философію, неудачно пытался пристроиться при герм. княж. дворахъ, ум. въ 1832 г. Гл. соч.: „Möncherei“ (1818—1820, 3 тт.), „Ritterwesen“ (1822—24, 3 тт.), „Deutschland“ (1826—28, 3 тт.), „Democritos“ (1832—40, 12 тт., неоконч.). Всѣ они отражаютъ на себѣ вліяніе просвѣтительной философіи; историч. работы, какъ таковыя, малоцѣнны. „Демокритъ“ обнаруживаетъ крупный юмористическій талантъ и громадную начитанность въ старой и новой литературѣ, которую В. утилизировалъ специфически, тщательно собирая пикантности всякаго рода.

Веберъ, Христіанъ Фридрихъ, ганноверскій резидентъ, проживши въ Россіи 6 лѣтъ (1714—1719 гг.), авторъ трехтомнаго сочиненія „Das verän-

derte Russland", вышедшаго въ 1721 г. (2-ое изд. доп. 1738—1740 гг.; 1-ый т. перев., за исключеніемъ интереснаго предисловія и приложеній, на рус. яз. Барсовымъ въ „Рус. Архивѣ" 1872 г.). Въ этомъ сочиненіи авторъ тщательно указываетъ на перемѣны, произведенныя Петромъ во внутреннемъ устройствѣ русскаго государства. Поэтому книга его до сихъ поръ служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Петра. Въ 1880 же г. Германъ издалъ въ Лейпцигѣ донесенія В., хотя далеко не всѣ, хранящіяся въ ганноверскомъ архивѣ („Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands"), служащія какъ бы дополненіемъ къ запискамъ В. и заключающія въ себѣ массу цѣнныхъ данныхъ для внутренней и внѣшней политич. исторіи Петровской Россіи. *С. Ш.*

Вебстеръ, см. *Уэбстеръ.*

Вебсъ, м. верроскаго у., Лифлянд. губ., 552 жит.

Вевэ (Vevey), гор. въ швейц. кантонѣ Ваадтъ, въ живоп. мѣстности при Женевск. оз.; одинъ изъ любимѣйшихъ курортовъ, посѣщаемыхъ туристами, 11.915 жит.

Вега, самая яркая звѣзда (α) въ созв. Лиры и одна изъ самыхъ яркихъ въ сѣверн. полушаріи неба; разстояніе ея отъ земли (300 милл. милл. километровъ, параллаксъ=0″10) свѣтъ проходитъ въ 32 года.

Вега, Гарсиласо, испанскій поэтъ, род. въ 1503 г., велъ жизнь, исполненную всевозможныхъ приключеній, принималъ участіе въ военныхъ дѣлахъ и въ дипломатич. порученіяхъ. Умеръ отъ раны въ 1536 г. Его лирическія стихотворенія снискали ему прозвище короля лирич. поэтовъ Испаніи и испанскаго Петрарки.

Вега, Георгъ, австр. математикъ, род. въ 1756 г., учился въ Лайбахѣ, служилъ корабельн. инженеромъ, а затѣмъ перешелъ на артиллерійскую службу, гдѣ въ 1787 г. былъ назначенъ проф. математики. Въ 1800 г. участвовалъ въ походахъ противъ турокъ и французовъ и былъ награжденъ титуломъ барона. Въ 1802 г. тѣло его было найдено мертвымъ въ Дунаѣ.—Наиболѣе крупныя заслуги принадлежатъ В. въ области логариѳмическихъ таблицъ. Въ 1783 г. имъ была выпущена въ свѣтъ книга „Logarithmische, trigonometrische und andere Tafeln", десять лѣтъ спустя другая—„Logar.-trigon. Handbuch" (вышла въ 1906 г. 81-ымъ изданіемъ), а годомъ позже „Thesaurus logar. completus", содержавшій десятизначные логариѳмы тригоном. функцій каждой секунды первыхъ двухъ градусовъ (результатъ оригинальныхъ вычисленій) и каждыхъ 10″ остальныхъ градусовъ квадранта.

Вега, Лопе, см. *Лопе де Вега.*

Вега, Ла (Concepcion de la Vega), гор. въ Доминиканской республикѣ на о-вѣ Гаити, 10.000 жит.

Вегеле, Францъ Ксаверъ, нѣм. историкъ, род. въ 1823 г., былъ проф. въ Іенѣ и въ Вюрцбургѣ, ум. въ 1897 г. Гл. соч.: „Dante Alighieri's Leben und Werke" (3 изд. 1879 г., рус. пер. Ал-ѣя Веселовскаго), одинъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ о Данте, нѣсколько устарѣлый, но до сихъ поръ не утратившій своего значенія, и „Geschichte d. deutsch. Historiographie" (1885).

Вегери, м. шавельск. у., Ковен. губ., 617 жит.

Вегетаріанство, въ строгомъ смыслѣ, ученіе, проповѣдующее, что пищею человѣка должны служить исключительно продукты растительнаго происхожденія. Приверженцы этого ученія называются вегетаріанцами. Строгіе вегетаріанцы допускаютъ къ употребленію только сырые плоды и крупно измельченныя зерна хлѣбныхъ злаковъ, не допуская никакого вмѣшательства кулинарнаго искусства, примѣненія огня, варки. Менѣе строгіе, употребляя въ пищу тоже исключительно растительные продукты, допускаютъ однако различные способы ихъ обработки. Третья группа держится того принципа, что „нездорово все то, что идетъ отъ убитаго животнаго", и разнообразитъ свой столъ всѣми продуктами, получаемыми отъ живого животнаго: масломъ, молокомъ, сыромъ, яйцами и проч. Представители первой группы, по Эрисману, считаются единицами, сравнительно многочисленнѣе представители второй группы, главная же масса вегетаріанцевъ принадлежитъ къ третьей группѣ, но это уже не вегетаріанцы въ строгомъ

смыслѣ, а безубойники, приверженцы безубойнаго питанія. Основанія, приводимыя вегетаріанцами въ пользу ихъ пищевого режима, покоятся на соображеніяхъ анатомо-физіологическаго, медицинскаго, экономическаго и этическаго характера (прекрасный анализъ этихъ основаній далъ проф. Эрисманъ въ своей рѣчи „В. передъ лицомъ современной науки", произнес. на общемъ собраніи 5-го съѣзда общ. русск. врачей въ 1893—94 гг.). Исходя изъ точки зрѣнія анатомо-физіологической, вегетаріанцы указываютъ на природную организацію человѣка, на устройство его зубовъ и органовъ пищеваренія. Съ этой точки зрѣнія, говорятъ они, человѣкъ ближе всего подходитъ къ высшимъ обезьянамъ, къ т. наз. плодояднымъ (горилла, шимпанзе, орангъ-утангъ), и потому долженъ питаться исключительно плодами. Но тогда, какъ справедливо замѣчаетъ Вирховъ, становится совершенно непонятнымъ, почему естественной пищей взрослаго человѣка должны считаться молоко, масло, сыръ, яйца и проч., и почему человѣкъ прибѣгаетъ къ варкѣ и другимъ способамъ обработки растительныхъ продуктовъ. Далѣе Вирховъ указываетъ, что по строенію органовъ жеванія и пищеваренія человѣкъ походитъ также на медвѣдя и свинью, а эти послѣднія—животныя всеядныя. Ссылаясь на Джона Гентера, Вирховъ говоритъ, что форма рта и положеніе зубовъ обнаруживаютъ опредѣленное отношеніе къ тому, какъ пища схватывается и удерживается, а не къ тому, какою пищей данное животное питается. Вегетаріанцы, ссылаясь на анатомо-физіологическія основанія, упускаютъ изъ виду данныя климато-этнографическія и культурно-историческія, разсматривая человѣка, такъ сказать, внѣ пространства и времени. А между тѣмъ, примѣняясь къ климатическимъ, почвеннымъ и др. условіямъ окружающей природы, человѣкъ становится почти исключительно плотояднымъ, какъ обездоленный природой житель крайняго сѣвера—эскимосъ, или—растительноядным, какъ житель тропическихъ странъ. Что касается культурно-историческихъ данныхъ, то они учатъ, что первобытный человѣкъ прежде всего сталъ охотникомъ, потомъ уже сдѣлался скотоводомъ, а земледѣліе—и, стало быть, употребленіе въ пищу растительныхъ продуктовъ—стало возможнымъ уже на сравнительно высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Если же мы будемъ имѣть въ виду современнаго человѣка умѣреннаго климата, то мы, конечно, согласимся съ Вирховымъ, что „исторія свидѣтельствуетъ, что высшіе успѣхи во всемъ человѣчествѣ достигнуты тѣми народами, которые питались и питаются смѣшанной пищей" („О питательныхъ и вскусовыхъ веществахъ"). Нельзя, однако, отказать вегетаріанцамъ въ томъ, что они внесли новую струю въ практику пищевого режима, подтвердивъ личнымъ примѣромъ давно, впрочемъ, извѣстный въ наукѣ фактъ, что растительная пища представляетъ гораздо больше питательныхъ матеріаловъ, чѣмъ многіе склонны думать Не говоря уже объ углеводородахъ и жирахъ, которые столь же необходимы въ экономіи организма, какъ и бѣлокъ,—многія растительныя вещества, преимущественно бобовыя (горохъ, фасоль, чечевица), чрезвычайно богаты азотомъ. Такъ, напр., японская фасоль „соя", по анализу, приведенному у Дюжарденъ-Бомеца („Новые способы лѣченія" 1890 г.) по сравненію съ бычачьимъ мясомъ содержитъ:

	Бычачье мясо.	Соя.
Воды	74,00	9,37
Протеиновыхъ вещест.	22,74	36,67
Жировъ	2,30	17,60
Щелочей	0,54	3,10
Фосфорной кислоты .	0,66	1,47

Признавая справедливость этихъ данныхъ, слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что растительная пища богаче водой, неудобоваримыми составными частями—клѣтчаткой, чѣмъ животная, а удобоваримыя части заключены въ твердую оболочку, недоступную дѣйствію желудочнаго сока, въ силу чего бѣлковыя вещества усваиваются: изъ кукурузы, гороха, бѣлаго хлѣба—80—85%, изъ чернаго хлѣба и картофеля

65—70%, а изъ мяса, молока и яицъ—93—98% (Эрисманъ, „Труды 5 съѣзда“, стр. XVI). Соотвѣтственно этому растительную пищу слѣдуетъ принимать въ большемъ объемѣ для того, чтобы получить то же количество питательнаго матеріала. Что касается основаній медицинскихъ—возможности зараженія отъ мяса глистами, трихинами, туберкулезомъ,—то эта возможность, во-первыхъ, легко устранима при надлежащемъ санитарномъ надзорѣ за пищевыми припасами, а во-вторыхъ, возможный вредъ не можетъ идти въ сравненіе съ громадной пользой, извлекаемой человѣчествомъ изъ мясныхъ продуктовъ. Выставляя на видъ соображенія экономическія, указывая на огромныя массы народа, питающіяся почти исключительно растительной пищей и сохраняющія при этомъ огромную работоспособность, вегетаріанцы, къ сожалѣнію, забываютъ, что это — экономія вынужденная, а равно и не упоминаютъ про ту усиливающуюся болѣзненность среди, напр., русскаго простого народа, когда онъ во время постовъ дѣйствительно питается исключительно растительною пищею. Не лишены, безспорно, извѣстной доли правды выставляемыя вегетаріанцами этическія соображенія (убіеніе животныхъ безнравственно, жестоко, развиваетъ кровожадные инстинкты, а употребленіе обильной мясной пищи способствуетъ возбужденію страстей и проч.), особенно, если принять во вниманіе, что наряду съ проповѣдью В. идетъ и проповѣдь полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Это, пожалуй, хотя и не безспорная, но одна изъ самыхъ сильныхъ сторонъ В. Отдѣльные вегетаріанцы наблюдались и въ древности. Въ XVIII в. поборникомъ В. выступилъ англійскій врачъ Чейнъ, а также и Ньютонъ—въ нач. XIX стол. Основателемъ вегетаріанск. обществъ въ Европѣ явился въ 1840 г. Gleïzés. Онъ же былъ главнымъ дѣятелемъ вегетаріанскихъ ассоціацій въ Англіи и Америкѣ. Такія же общества существуютъ и въ Гамбургѣ. Первое общество вегетаріанцевъ основано въ Лондонѣ въ 1847 году, въ Германіи — въ 1869 году. Во Франціи представителемъ вегетаріанск. обществъ является Гойаръ. Въ Россіи, хотя еще мало вегетаріанскихъ обществъ, но вегетаріанцевъ довольно много. *I. Ид.*

Вегетативное размноженіе, явленіе, встрѣчающееся въ животномъ царствѣ только на низшихъ ступеняхъ организаціи и широко распространенное въ растительномъ царствѣ, состоитъ въ томъ что образованіе новыхъ особей происходитъ путемъ отдѣленія растущихъ частей даннаго организма. У кишечнополостныхъ животныхъ В. р. нерѣдко. У губокъ, напр. у обыкновенной бодяги, къ осени происходитъ образованіе почечекъ, которыя на слѣдующую весну даютъ новую бодягу. У иглокожихъ, именно у морскихъ звѣздъ, иногда происходитъ самопроизвольное отдѣленіе лучей, которые могутъ дать начало новымъ особямъ. Нѣкоторыхъ червей, напр. дождевого червя, можное дѣлить пополамъ, и каждая половина регенерируетъ недостающую часть. У высшихъ животныхъ такой способъ размноженія утрачивается. Въ растительномъ царствѣ В. р. встрѣчается какъ у низшихъ, такъ и у высшихъ растеній. У многихъ грибовъ половое размноженіе совершенно утратилось и возможно только безполое, путемъ образованія споръ и отдѣленія частей грибницы (мицелія). У мховъ, вслѣдствіе отмиранія нижнихъ частей растенія и развѣтвленія верхнихъ, В. р. имѣетъ очень большое значеніе. У печеночнаго мха, маршанціи, на слоевищѣ образуются особыя урночки, наполненныя мелкими зелеными пластинками — выводковыми почками, которыя могутъ дать начало новому растенію. У высшихъ растеній В. р. достигаетъ наибольшаго разнообразія. Громадная масса травъ размножается дѣленіемъ подземныхъ побѣговъ—корневищъ, весьма нерѣдко образованіе надземныхъ укореняющихся побѣговъ—усовъ (напр. у земляники, клубники, многихъ сорныхъ травъ). У луковичныхъ растеній въ чешуяхъ старой луковицы образуется иногда множество мелкихъ, молодыхъ луковичекъ (дѣтокъ), которыя, отпадая отъ старой, даютъ новыя растенія. У картофеля на подземныхъ побѣгахъ вырастаютъ клубни, укороченные стебли съ запасомъ питательныхъ веществъ. У чистяка

(Ficaria) въ пазухахъ листьевъ образуются выводковые клубни, у Deutaria—тамъ же луковички и пр. В. р. широко практикуется въ садоводствѣ для сохраненія наиболѣе интересныхъ разновидностей: размноженіе черенками—кусками стеблей, клубнями, дѣленіемъ корневищъ, усами и прививкой—вотъ наиболѣе употребляемые для этой цѣли пріемы, заимствованные отчасти у природы. Такое размноженіе совершенно необходимо, напр., въ случаѣ полной махровости цвѣтковъ, гдѣ невозможно половое размноженіе—путемъ сѣмянъ, или слишкомъ затруднительно вслѣдствіе медленности роста при выращиваніи изъ послѣднихъ. У бегоній способность регенераціи настолько сильна, что возможно выращивать новыя растенія изъ отрѣзанныхъ листьевъ и частей листа. *М. Нечаевъ.*

Вегетація (отъ лат. vegetare—расти, прозябать), періодъ развитія органовъ вегетативной жизни, т. е. служащихъ для процессовъ питанія и дыханія. Вегетативные органы *воздушные:* стебли и листья; *подземные:* корни и подземн. стебли (клубни, корневища, луковицы). Они противополагаются органамъ половой жизни, т. е. у высшихъ растеній—цвѣткамъ. Вегетативные органы могутъ служить для *вегетативнаго размноженія* (*см.*).

Ведаизмъ, древнѣйшая изъ религіозныхъ системъ индусовъ, процвѣтавшая въ эпоху, когда индусы (арійцы Индіи) еще жили по р. Инду (санскр. Sindhu-s, какъ нарицат.—„рѣка“) и его притокамъ (нынѣшній Пенджабъ, въ древности „Семирѣчье“ — скр. Sapta Sindhavas — „7 рѣкъ“). Возникновеніе В. теряется въ незапамятной доисторической древности, его полное развитіе относятъ приблизительно къ эпохѣ за 1500—1200 л. до Р. Х., его упадокъ и постепенное поглощеніе новыми религіозными системами, *брахманизмомъ* и *вишнуизмомъ* (изъ него же возникшими), можно предположит. пріурочить ко времени 1000—800 л. до Р. Х.—В. представляетъ немало чертъ, сближающихъ его съ религіей древнихъ иранцевъ, основаніе коей приписывается Зороастру; въ послѣдней, извѣстной подъ именемъ *маздеизма* и изложенной въ Зендъ-Авестѣ, явственно различается болѣе древній укладъ религіозныхъ представленій, предшествовавшій реформѣ Зороастра,—вотъ именно эти древнѣйшіе элементы маздеизма и находятся въ ближайшемъ сродствѣ съ В. Сравненіе обѣихъ религій приводитъ къ выводу, что онѣ возникли изъ одного общаго источника — изъ древней индоиранской религіи, что́ указываетъ на былое, въ глубокую древность уходящее, единство племенъ индійскаго и иранскаго. Къ послѣднему результату приводитъ и сравненіе языковъ древнеиндійскаго (санскрита) и древнихъ иранскихъ (языка Авесты и древнеперсидскаго); нѣкогда они составляли одинъ *арійскій* языкъ — въ отдаленную эпоху, когда оба племени еще не были раздѣлены и представляли одно этнографическое цѣлое, вышедшее изъ общей прародины индоевроп. племенъ (по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, находившейся въ Европѣ) и обособившееся отъ этихъ послѣднихъ, образовавъ ихъ азіатскую вѣтвь.—Кромѣ ясныхъ чертъ сродства съ религіей иранцевъ, въ В. находятъ болѣе или менѣе стертые слѣды уже болѣе отдаленнаго родства съ языческими религіями другихъ индоевроп. народовъ, въ особ. древнихъ грековъ. Принимая во вниманіе и тѣ, и другія черты, мы можемъ расположить ведійскія божества въ порядкѣ убывающей архаичности слѣд. образомъ: 1) божества, которыя, съ большой долей вѣроятности, можно отнести къ индоевроп. древности; это—фигуры, въ коихъ обоготворены явленія природы, именно: *Небо* (dyaus), *Земля* (pṛthivī), составляющія чету (dyāvāpṛthivī) прародителей всего сущаго (имъ отвѣчаютъ греч. Уранъ и Гайа), *Солнце* (sūrya-s, гр. Геліосъ), *Заря* (usās, гр. Эосъ), *Мѣсяцъ* (mās, candramās) и нѣк. др.; эти натуралистическія божества могли удержать, въ общемъ, свои основныя черты, которыми они характеризовались въ эпоху индоевропейскую. 2) Божества, возводящіяся къ эпохѣ индоиранской; это—а) тѣ, которыя, хотя и восходятъ въ своемъ первоисточникѣ къ индоевроп. древности, но перешли къ индусамъ, подвергшись предварительно ко-

ренной переработкѣ и получивъ своеобразное дальнѣйшее развитіе въ эпоху индоиранскую; таковы, именно, Агни (авестійскій atarš—огонь) и Сома (авест. Haomō), а равно и тѣсно-связанная съ ними идея *порядка въ культѣ*, магической силы культа и мистической связи культа съ порядкомъ всей природы (съ *космосомъ*); это сложное религіозное понятіе, получившее особливое и оригинальное развитіе именно у индоиранцевъ, потомъ еще тщательнѣе разработанное индусами, обозначается у послѣднихъ терминомъ *ṛtam* (порядокъ, культъ, космосъ), у иранцевъ (въ Авестѣ)—*ašem* (слова этимологически родственныя); б) тѣ божества, которыя (вопреки мнѣнію прежнихъ ученыхъ) теперь уже не относятся къ индоевроп. древности, и коихъ индоиранское происхожденіе внѣ сомнѣнія; таковы вед. *Варуна* (Varuṇa-s) съ эпитетомъ *Асура* (asura-s—владыка, господь), роднящійся, а нѣкогда тождественный съ авестійскимъ *Ahurō* (съ эпитет. *mazdāo*—премудрый, санскр. *medhās*, также одинъ изъ эпитетовъ Варуны), и вед. *Митра* (mitra-s, „другъ"), нѣкогда тождественный съ авест. божествомъ того же имени (Miθro). Большинствомъ ученыхъ этимъ божествамъ приписывается натуралистическая природа: Варуна — богъ неба, Митра—богъ солнца. По другому взгляду, это — божества прежде всего соціальныя, юридическія и этическія, представители власти, покровители договоровъ (см. Овсянико-Куликовскій, „Сыны Адити", „Журн. Мин. Нар. Просв." 1892). Мож. б., къ числу индоиранск. бож. нужно отнести и *Тваштара* (tvaṣṭā — богъ-художникъ, съ эпитетомъ *svapās* — „искусный мастеръ",—авест. baγō hvapāo—„богъ-художникъ"). — 3) Божества, либо переработанныя индійскимъ религіознымъ тзорчествомъ и получившія національно-индійское обличье, либо цѣликомъ созданныя индусами въ ведаическую эпоху. Къ числу переработанныхъ относятся уже извѣстные намъ Агни, Сома, Варуна, Митра и нѣк. др.; заново-созданныя—это, несомнѣнно, *Индра* (indra-s)—излюбленное, національное божество арійцевъ, ихъ неизмѣнный патронъ и заступникъ въ ихъ борьбѣ съ не-арійскими (темнокожими) туземцами края, называемыми дасью (dasyu-s), верховный властелинъ (indra-s—„князь") надъ богами и людьми,—фигура, во многомъ напоминающая греч. Зевса, но возникшая независимо, не изъ общаго съ нимъ источника, продуктъ самобытн. индійск. творчества. Въ своей натуралистич. основѣ, это—божество грозовое: Индра перунами разбиваетъ тучи—замки демоновъ и освобождаетъ плѣненныя тамъ воды—проливаетъ дождь. Главный демонъ, съ которымъ воюетъ Индра, это—*Вртра* (vṛtra-m въ ср. р. и vṛtra-s въ муж.,—слово, обозначающее также „враговъ", въ особ.—дасью); съ этой стороны, т. е., какъ побѣдитель и убійца демона Вртры и также какъ предводитель арійцевъ въ ихъ борьбѣ съ дасью, Индра называется vṛtrahan („убійца Вртры или враговъ"). Не сразу получилъ Индра такое высокое положеніе въ ведійскомъ пантеонѣ,—онъ возвеличивался постепенно; въ болѣе древнее время во главѣ боговъ, въ роли верховнаго владыки и князя арійцевъ, мы видимъ Варуну съ его братьями (Митра, Аръяманъ, Бхага, Анша—mitra-s, aryamā, bhaga-s, aṃça-s), которые представлялись сынами богини Адити (aditi-s). Индра — одинъ изъ младшихъ боговъ; въ гимнахъ Ригъ-Веды повѣствуется о его рожденіи, дѣтствѣ, первыхъ подвигахъ. Его возвышеніе было санкціонировано зачисленіемъ его въ число сыновъ Адити.—Далѣе, *Марутъ* (marutas — им. мн.)—сонмъ божествъ, окружающихъ Индру; это — его помощники, спутники, его воинство; съ натуралистической стороны, они—божества бури, вѣтра, грозы. Ихъ отецъ—Рудра (rudra-s).—*Брахманаспати* или *Брхаспати* (bṛahmaṇaspati-s, bṛhas-pati-s — „владыка молитвы") — одно изъ наиболѣе позднихъ ведаическихъ божествъ, сословно-жреческаго характера, патронъ жрецовъ, тенденціозно противопоставляемый Индрѣ, при чемъ ему приписываются подвиги послѣдняго; появленіе и возвышеніе этого бога знаменуетъ собою усиленіе сословія жрецовъ, уже превращавшагося въ касту, и было симптомомъ притязаній жрецовъ подчинить себѣ князей, поставить свой авторитетъ выше свѣтской власти.

Индра—богъ князей, Брахманаспати—богъ жрецовъ. Въ то же время это жреческое и культовое божество было предтечею той болѣе высокой религіозной идеи, которая развилась въ послѣдующую эпоху, — идеи верховнаго божества — Брахмы (brahmā — муж. р. и brâhma—ср. р.). Культъ Брахманаспати является одною изъ переходныхъ ступеней отъ ведаизма къ брахманизму.—*Вишну* (viṣnu-s) — довольно темнаго происх. культовое и жреч. божество, во многомъ аналогичное Брахманаспати, также соперничающее съ Индрою (или, лучше, къ нему приравниваемое); его возвышеніе было, повидимому, другимъ симптомомъ того же движенія, которое выдвинуло и Брахманаспати; его роль въ системѣ ведаизма невелика, но въ послѣдующую эпоху оно стало почти центральною фигурою, и его концепція получила широкое развитіе, преимущественно въ культѣ; впослѣдствіи оно сравнялось съ Брахмою и явилось главнымъ божествомъ той вѣтви брахманизма, которую можно назвать *вишнуизмомъ*.—*Ашвины* (açvinā „два ашвина“; слово açvin значитъ „обладающій лошадьми“) — весьма загадочныя фигуры, натуралистическая природа которыхъ не раскрыта (господствующее мнѣніе: утренняя и вечерняя заря), и индо-европ. происхожденіе которыхъ (ихъ сопоставляли съ греч. Діоскурами) все еще не доказано; ихъ индійское обличье настолько замѣтно, что, пока не выяснено ихъ происхожденіе, приходится считать ихъ продуктами самобытнаго индійскаго творчества; по всѣмъ признакамъ, они имѣютъ ближайшее отношеніе къ культу и роднятся съ Агни и Сомою. — Названіе В. взято отъ имени, присвоеннаго религіозному памятнику эпохи—сборникамъ гимновъ (молитвъ, славословій, также миѳологическихъ отрывковъ)—*Ведамъ* (veda-s—„знаніе“). Ихъ —4 сборника: Ригъ—Веда (ṛgveda-s), Сама — Веда (sāmaveda-s), Яджуръ — Веда (yajurveda-s) и Атхарва — Веда (Atharva-veda-s). Важнѣйшій, обширнѣйшій (болѣе 1.000 гимновъ) и во многихъ отношеніяхъ древнѣйшій — Ригъ-Веда. Въ немъ, по числу посвященныхъ имъ гимновъ, на первомъ планѣ стоятъ Агни, Сома и Индра, при чемъ ярко выступаетъ рѣзко-выраженный культовой характеръ религіи: весь центръ тяжести религіозной жизни — въ культѣ, въ обрядахъ, молитвахъ, славословіяхъ, обращаемыхъ къ св. огню и уже черезъ его посредничество къ другимъ богамъ. Основа культа — Агни, великое и таинственное божество, проникающее всю природу и горящее на алтарѣ,—въ этомъ послѣднемъ видѣ оно какъ бы отдало себя въ распоряженіе людей и служитъ имъ въ качествѣ посредника между ними и богами. Агни—благодѣтель и другъ смертныхъ, богъ-филантропъ. Идея св. огня, его теософія и мистика получили большое и детальное развитіе въ связи съ идеей культа и отнош. культа къ космосу (ṛtam). Съ этой точ. зр. индусовъ эпохи Ведъ можно бы назвать „огнепоклонниками“. Съ точ. зрѣн. значенія Индры, какъ верховнаго и національн. божества, религію Ведъ можно было бы назвать „индраизмомъ“. Другое культовое божество, Сома, которому посвящена цѣликомъ одна (9-ая) изъ 10 частей Ригъ-Веды, есть также существенный элементъ культа. Боги склоняются къ благодѣяніямъ и почерпаютъ свою чудодѣйственную мощь не только силою огня, молитвы и жертвенной пищи, но также и силою опьяненія, экстаза, даруемаго Сомою, матеріальнымъ субстратомъ коего былъ напитокъ, приготовлявшійся изъ сока растенія Asclepias acida. Главн. обр., Сома предназначается для Индры, который является преимущественнымъ любителемъ и потребителемъ Сомы (somapā-s — „сомапійца“).—Въ основѣ, религія В., это — кормленіе, опаиваніе и подкупъ боговъ. Между богами и людьми стоитъ культъ; отношенія между „двумя племенами“ (богами и людьми)—культовыя, сводящіяся въ концѣ концовъ къ формулѣ: я тебѣ даю, дай и мнѣ (dadāmi te — dehi me), но только воздаяніе со стороны боговъ — обязательно, принудительно: тутъ дѣйствуетъ магическая сила культа, въ особ. Агни—сила, которой боги не могутъ не подчиняться. — Труды по В.: *Bergaigne*, „La religion védique“, 3 тома, 1878—1883; *H. Oldenberg*, „Die Religion des Veda“, 1894; *Zimmer*, „Altindisches Leben“, 1879; *Kaegi*, „Der Rigveda“ 1881 (краткій

конспектъ); *Pischel* и *Geldner*, „Vedische Studien“, 1889—1897; *A. Ludwig*, „Der Rigveda oder die heiligen Hymnen der Brâhmana“, т. 3-й; *В. Ѳ. Миллеръ*, „Очерки арійской миѳологіи“, ч. I: „Ашвины-Діоскуры“; *Ф. Ѳ. Фортунатовъ*, „Sâmaveda-âraṇyaka-saṁhita“; *Овсянико-Куликовскій*, „Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индоевроп. древности. I. Культъ „Soma“ въ эпоху Ведъ“; *его-же*, „Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Ведъ“ и статьи въ „Журн. М. Н. Пр.“, „Индра-Viçvacarsani“ (1891), „Сыны Адити“ (1892), „Основы ведаизма“, „Собр. соч.“, т. VI.— Переводы гимновъ Ригъ-Веды: *Grassmann'a* (1876), *Ludwig'a* „Der Rigveda“, *Макса Мюллера* („Sacred books of the East“) и др. — Спеціальный словарь языка Ригъ-Веды составленъ Грассманномъ („Wörterbuch zum Ṛgveda“).— Текстъ Ригъ-Веды изданъ въ 6 томахъ *Максъ-Мюллеромъ* (съ комментаріями Саяны, инд. ученаго XV-го вѣка) и (въ транскрипціи) *Ауфрехтомъ*. Сама-Веда была издана (съ переводомъ) Бенфеемъ, Яджуръ-Веда—Веберомъ, Атхарва-Веда—Ротомъ и Витнеемъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Веданта, по-санскритски Vedânta (veda + anta), т. е. конецъ, предѣлъ, цѣль (anta) Ведъ, одна изъ 6 главныхъ, признанныхъ ортодоксальными, древнеиндійскихъ философскихъ системъ (darçana), основанная на ведическихъ и брахманическихъ текстахъ, гл. обр. Упанишадахъ, за которыми признается авторитетъ богооткровенія. Примѣнивъ европейскую философскую терминологію, В-ту можно опредѣлить какъ *пантеистическій монизмъ* (ср. *брахманизмъ*). Систематически ученіе В-ы изложено въ Брахмасутрѣ (Brahmasûtra) нѣкоего Бадараяны (Bâdarâyaṇa), трактатѣ, относящемся къ V—VII вв. по Р. Х., затѣмъ, гл. обр., въ обширныхъ комментаріяхъ, составленныхъ къ нему знаменит. философомъ-ведантистомъ Шанкарой (Çaṅkara), отъ котораго и ведетъ свое начало обновленіе ортодоксальнаго Брахманизма. Шанкара род. въ 788 г., сдѣлался аскетомъ (muni) въ 820 г. и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ разработалъ ученіе о космической иллюзіи (mâyâ), затемняющей сознаніе отдѣльнаго индивида, пока онъ путемъ познанія богооткровенной истины не дойдетъ до усвоенія двухъ основныхъ положеній В-ты: „tat tvam asi“ (то ты еси) и „aham brahma asmi“ (я Брахма есмь). Эти двѣ формулы устанавливаютъ внутреннее единство всего сущаго и тождество каждаго отдѣльнаго познающаго субъекта (âtman) съ познаваемой имъ абсолютной сущностью, Брахмой, высшимъ *я* (paramâtman). Прирожденное невѣдѣніе (avidyâ) ослѣпляетъ человѣка и заставляетъ его вѣрить въ реальное существованіе окружающаго его внѣшняго міра, являющагося лишь иллюзіей, миражемъ, fata morgana (mṛga—tṛṣṇikâ), сновидѣніемъ, которому вѣритъ спящій, пока не проснется. Познаніе (vidyâ) истины, т. е. тождества личнаго *я* (âtman) съ Брахмой, какъ вѣчнымъ исконнымъ началомъ, приводитъ къ „освобожденію“ или „искупленію“ (mokṣâ), избавляющему данный субъектъ отъ ряда перевоплощеній (saṁsâra). Въ системѣ В-ы различаютъ 4 отдѣла: теологія, космологія, психологія, эсхатологія (примѣняя европейскіе термины), при чемъ каждый изъ отдѣловъ трактуется съ двухъ точекъ зрѣнія: общедоступной, низшей (экзотерической) и доступной для избранныхъ, высшей (эзотерической); напр., *экзотерически*—Брахма есть личный Богъ (Îçvara-Господь), которому приписываются аттрибуты безконечнаго совершенства; а *эзотерически*—онъ есть исконное пантеистическое начало, не поддающееся никакимъ опредѣленіямъ, но съ которымъ можно непосредственно слиться: „когда мы прозрѣваемъ Брахму вездѣ, какъ высшее и низшее, тогда всѣ узы нашего сердца распадаются, всѣ сомнѣнья разбиваются, всѣ дѣла уничтожаются“, сказано въ Упанишадахъ, къ которымъ В-та, по опредѣленію лучшаго ея европейскаго знатока и изслѣдователя проф. Дейссена, относится такъ же, какъ христіанская догматика къ Новому Завѣту. Какъ цѣльная, абсолютная и ортодоксальная система, В-та въ Индіи можетъ быть сопоставляема въ Европѣ съ Summa theologiae Ѳомы Аквинскаго (1227—74) и даетъ для своихъ многочисленныхъ и до сихъ поръ приверженцевъ такой же проч-

*

ный базисъ, какъ далъ его и европейскій схоластикъ для „Божественной комедіи“ Данте. По силѣ философской интуиціи В-та, какъ утверждаетъ проф. Дейссенъ, можетъ быть поставлена наряду съ ученіемъ Платона и Канта. *Paul Deussen*, „Allgemeine Geschichte der Philosophie“, I B., 2-te Abth. (1908); „Das System des Vedânta“, 2-te Aufl. (1906); „On the Philosophy of the Vedânta in its relations to occidental metaphysics“ (1893), приложенное также къ его книжкѣ „Erinnerungen an Indien“ (1904). Интересныя параллели съ европейскими идеями проводятся въ изданіяхъ Vedânta-Society, опубликованныхъ въ Нью-Іоркѣ: напр., см. I главу (The prevailing Philosophy of to day) въ книгѣ *Swami Abhedananda*, „India and her People“.

П. Риттеръ.

Ведделля море, часть Юж. Ледовитаго ок., къ вост. отъ земли Грэма, открыто въ 1823 г. Ведделлемъ.

Ведды, небольшой народъ (около 3 т. душъ), живущій на Цейлонѣ и принадлежащій къ наиболѣе низко стоящимъ представителямъ человѣческаго рода; они отличаются небольшимъ ростомъ (154 см. у мужчины), головной указатель 71,5; боязливые, они живутъ среди лѣсовъ, избѣгая всякой встрѣчи съ чужими. Дикіе В. занимаются исключительно охотой и живутъ разрозненными семьями. Въ антропологическомъ отношеніи они сродны съ дикими лѣсными племенами полуострова Малакка. См. *P.* и *F. Sarasin*, „Die V. von Ceylon“.—*Мензбиръ*, „Цейлонскіе В.“ Р. М. 1897 г.

Ведекиндъ (Wedekind), Франкъ, нѣмецкій драматургъ, род. въ 1864 г., унаслѣдовалъ отъ отца, врача, разбогатѣвшаго на земельныхъ спекуляціяхъ въ Америкѣ, и матери, пѣвицы, скитавшейся по всему свѣту, страсть къ богемной жизни и авантюризму, основалъ въ 1901 г. въ Мюнхенѣ вмѣстѣ съ другими 10 поэтами кабарэ Elf Scharfrichter, гдѣ декламировалъ свои стихи (собр. въ сборникѣ Fürstin Russalka), въ 1904 г. поступилъ актеромъ въ „Нѣмецкій театръ“ М. Рейнгарта въ Берлинѣ, гдѣ выступалъ преимущественно въ собственныхъ пьесахъ. Страстный противникъ мѣщанскаго уклада жизни (Маркизъ фонъ Кейтъ, гр. Тоцкая въ „Любов. напиткѣ“), В. изображаетъ съ особенной охотой міръ капитализма, зная только его отбросы, его богему, рыцарей легкой наживы, завсегдатаевъ игорныхъ домовъ, основателей темныхъ предпріятій, кокотокъ, втирающихся въ буржуазное общество (Маркизъ фонъ Кейтъ, Гидалла, Пляска смерти, Духъ земли, Ящикъ Пандоры). Описывая ихъ не безъ увлеченія, В. вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ ихъ въ конечномъ результатѣ терпѣть фіаско. Его философы-аморалисты (Маркизъ ф. Кейтъ, марк. Касти Пьяни), въ концѣ концовъ, склоняются ницъ передъ традиціонной моралью. Изображая не безъ симпатіи мученическое положеніе интеллигенціи въ тискахъ капитализма, В. вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ ея душевную пустоту и мелочной эгоизмъ въ стремленіи устроиться (Камерный пѣвецъ, Гидалла, Оава). Вынесши изъ своихъ выступленій передъ публикой убѣжденіе, что современный театръ—балаганъ, а актеръ и поэтъ—скоморохъ (Камерный пѣвецъ, So ist das Leben), В. вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется сценой для проповѣди тѣхъ или другихъ идей, необходимости раціональнаго полового воспитанія (Пробужденіе весны), болѣе гуманнаго отношенія къ дѣвушкамъ-матерямъ (Музыка) и т. д. Привлеченный къ отвѣтственности за оскорбленіе нравственности, онъ серьезно защищался противъ этого обвиненія (Цензура). Благодаря указанной раздвоенности, стиль В. представляетъ оригинальную смѣсь балаганщины, морализма и пессимизма. Пьесы его—трагическіе фарсы, фарсы, превращающіеся въ трагедіи. О немъ см. *Kummer*, „Deutsche Litteraturgeschichte des XIX J.“; *Nieten*, „F. Wedekind“; *Ewers*, „Das Cabaret“ (серія Das Theater, т. XI). „Литературный Распадъ“ т. I (статья Троцкаго). *В. Фриче.*

Ведель, Артемій Лукьяновичъ, русскій духовный композиторъ; род. въ 1767 г., ум. въ 1806 г. Былъ регентомъ въ Москвѣ и Кіевѣ, гдѣ и умеръ умалишеннымъ. Сочиненія В., въ свое время весьма популярныя, и теперь еще можно услышать въ иныхъ любительскихъ хорахъ.

Ведень или *Ведено*, слобода въ Грозненскомъ окр. Терской обл., 740 м. н. ур. м., на р. Хулхулау (прит. Сунжи), въ теченіе 14 л. была резиденціей Шамиля, взята русскими въ 1859 г.

Веднесбери, см. *Уэнсбери.*

Ведро, мѣра жидкостей, употребляется съ древн. временъ; вмѣстимость его значительно колебалась, съ 1835 г. велѣно числить В. въ 30 фунт. перегнан. воды t^0 13,33° (R)=750,57 куб. дюйм. (12,3 литра).

Вежа или *вѣжа*, во всѣхъ почти славянскихъ языкахъ (ц.-славянскомъ, польскомъ, чешскомъ и словацкомъ) обозначаетъ башню, затѣмъ укрѣпленіе, замокъ, колокольню, тюрьму. Поэтому многія укрѣпленныя мѣста, гдѣ были построены каменные замки, наз. Бѣлыми Вѣжами. Въ лѣтописяхъ и другихъ старыхъ памятникахъ В. означаетъ башню, употребляемую для осады осаждающими, башню, устраиваемую на стѣнахъ дѣтинца и острога, бастіоны и половецкіе шатры и полевыя укрѣпленія—„вежи“. В. называется у лопарей шалашъ конической формы изъ жердей. Въ литовскомъ правѣ В. обозначаетъ „заключеніе по судебному приговору“, при чемъ, если оно присуждалось за гражданское правонарушеніе, то назыв. „верхнею В.“ или просто В., если же за уголовное, то называлось „нижнею В.“.

Везалій, Андрей, см. *анатомія*, II, 598.

Везель, торгов. гор. и крѣпость въ прусскомъ округѣ Дюссельдорфъ, музей, 24.433 жит.

Везенбергскій уѣздъ или *Вирляндскій*, составляетъ восточн. оконечность Эстлянд. губ.; на югѣ гранич. съ Лифл. губ., на вост.—съ Петерб., съ сѣв. омывается Финск. залив. Заним. простр. (безъ значит. внутр. водъ) въ 5.629 кв. в. Мѣстность низменная, только въ зап. части уѣзда достигаетъ бол. 40 с. н. ур. м.; въ вост. части, примыкающей къ Чудскому оз. и теч. Наровы, много моховыхъ болотъ. Почва преимущ. супесчаная; на зап. окраинѣ песчаная и суглинистая. Луга и пастбища составл. 35,7% площ.; пашня сост. 20,1%, лѣсъ 28%, неуд. земли 16,2%. Населенія къ началу 1909 года считалось 138,5 тыс. чел., а по переп. 1897 года—137,1 тыс. чел. (24,3 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 5,7 тыс. чел. городск.; почти исключ. эстонцы (90,3%), русскихъ 7,3% и нѣмцевъ 1,8%. Грамотн. сельск. насел. 79,9%, городск. 83,2%. Земледѣліе не занимаетъ исключительно важнаго мѣста; въ немъ занято всего 46,4% самод. нас., и наряду съ нимъ очень серьезное значеніе имѣетъ обрабат. промышл., составл. главн. занят. для 23,8% самод. нас., особенно обраб. волокн. вещ. (хлопч.-бум. фабр.), въ кот. сосредот. 42,5% промышл. насел., а отчасти изгот. одежды, строит. дѣло, обраб. метал. и дерева. Побочные промыслы (14% с.-хоз. насел.): обраб. волокн. вещ., лѣсн. пром., плотнич., обраб. дерева, отчасти и рыболов. Въ торг. и трансп. занято 5,4% самод. нас. Въ уѣздѣ рѣшит. преобладаетъ частное землевл., охватыв. 76,9% площ., сосредот. въ рукахъ дворянъ (84,3%) и имѣющее очень крупные размѣры (въ средн. 1 вл.—2.604 дес.). Надѣльныя земли составл. 20,3%; ср. разм. над. на дв. 31,2 дес. Земли гос. и учр. 2,8%. *В. А.*

Везенбергъ, уѣздн. гор. Эстлянд. губ., 5.722 жит. В. (по эстонски Rakwerelin, въ русск. лѣтоп. Ракоборъ) основ. въ 1224 г. датск. кор. Вальдемаромъ II (сохранились развалины замка у города, на горѣ); процвѣталъ въ XIV и XV вв., въ 1721 г. перешелъ къ Россіи.

Везерскія горы (Wesergebirge) расположены по среднему теченію р. Везера (Германія), къ сѣверо-западу отъ Гарца, на правомъ берегу Везера въ предѣлахъ Шаумбургъ-Липпе и Пруссіи (Ганновера); на западѣ В. г. обрываются въ Везеръ у т. н. Porta Westfalica, гдѣ Везеръ выходитъ изъ горъ на равнину; наибольшей высоты доходятъ на востокѣ (437 м.).—Иногда В. горами въ широкомъ смыслѣ называютъ всю область невысокихъ горъ (до 500 м.) по среднему Везеру къ сѣверу отъ Гессена и къ западу отъ Гарца; онѣ сильно дислоцированы и представляютъ одну изъ самыхъ пересѣченныхъ мѣстностей Германіи; богаты кам. углемъ, желѣзомъ, строительнымъ камнемъ; между лѣсистыми хребтами расположены площади съ плодородной почвой, гдѣ воздѣлываютъ свекловицу. *Л. Б.*

Везеръ (Weser, лат. Visurgis), рѣка въ зап. Германіи, составляется изъ Фульды и Верры, соединяющихся у Мюндена (124 м. надъ ур. м.); Фульда беретъ начало въ Высокомъ Рэнѣ (Hohe Rhön), а Верра на зап. склонѣ Тюрингенскаго лѣса. Длина В. 436 км. (отъ Мюндена), бассейнъ 46.000 кв. км., впадаетъ въ Нѣмецкое море ниже Бремергафена, къ западу отъ Эльбы, къ востоку отъ зал. Яде. Ширина В. при устьѣ 11 км., наименьшая глубина 6 м. Прорываясь сквозь Везерскія горы (*см.*) повыше Миндена (Minden, 46 м.), В. выходитъ на равнину; отсюда начинается нижнее теченіе В. Судоходенъ отъ устьевъ до Бремена, а также между Карлсгафеномъ и Гамельномъ. Принимаетъ справа Аллеръ (съ Лейной), слѣва Гунте (Hunte). Посредствомъ каналовъ въ нижнемъ теченіи В. соединенъ съ Эльбой. Гл. торговый пунктъ—Бременъ (здѣсь ширина В. 220 м.). *Л. Б.*

Везувіанъ (*идокразъ*, *эгеранъ*, *вилуитъ*), минер. изъ пор. моносиликатовъ, кристалл. въ очень разнообразн. формахъ квадр. системы; кристаллы б. ч. имѣютъ призматич. наружность. Кромѣ кристалловъ, В. встрѣчается въ сплошномъ видѣ въ шестоватыхъ и зернистыхъ аггрегатахъ. Тв. 6,5. Уд. в. $3{,}34...3{,}44$. Цвѣтъ желтый, зеленый и бурый разн. оттѣнковъ, иногда почти черный. Блескъ стеклянный или жирный. Прозрачность въ разн. степеняхъ. В.—минералъ довольно обыкновенный. Онъ найденъ въ зернист. известнякѣ Монте-Соммы (близъ Везувія), въ Альбанскихъ горахъ близъ Рима, вообще нерѣдокъ въ зернистомъ известнякѣ и доломитѣ (гдѣ выполняетъ пустоты) въ слѣд. мѣстахъ: Ауэрбахъ въ Бергштрассе, гора Манцони и Шварценштейнъ въ Тиролѣ, Фругордъ въ кирхшпилѣ Ментзела въ Финляндіи (наз. евреиновитъ и фругордитъ); въ Россіи В. найденъ на Уралѣ, въ Назямскихъ горахъ, въ Ахматовской минер. копи въ толщахъ хлорист. сланца, въ Шишимскихъ горахъ, въ окрестност. Кыштымскаго завода по берегамъ рѣчки Барзовки, въ Якутск. обл. по берегамъ р. Вилюя (очень хорош. кристаллы) и др. Хорошіе образцы В. зеленаго цвѣта шлифуются для вставокъ и употреб. на различн. мелкія украш. *М. Н.*

Везувій, единственный изъ нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ на материкѣ Европы, лежитъ на берегу Неаполитанскаго зал., километрахъ въ 10 на в.-ю.-в. отъ Неаполя. Вершина В., или современный кратеръ, возвышалась до 1906 г. на 1.350 м. надъ уровнемъ моря; послѣ изверженія 1906 г. высота кратера В. стала 1.218 м.; съ сѣвера и частью съ востока конусъ В-я окаймленъ остаткомъ прежняго кратера, *Монте-Соммой* (Monte Somma), достигающей 1.132 м.; ущелье между Везувіемъ и Монте-Соммой наз. *Atrio del Cavallo*, дно его на высотѣ 958 м.; склонъ М.-Соммы, обращенный къ В., крутъ, противопол. — пологъ. Уклонъ конуса В. составляетъ около 30^0. Конусъ В. состоитъ изъ вулканическаго туфа; древній, желтаго цвѣта туфъ, служащій основаніемъ В-ю, содержитъ остатки морскихъ раковинъ, что̀ указываетъ на то, что В. началъ формироваться подъ уровнемъ океана; новѣйшіе туфы — сѣраго цвѣта и безъ всякихъ органическихъ остатковъ. М.-Сомма сложена изъ слоевъ туфа и лавы, прорѣзанныхъ радіальными жилами лавы. Склоны В. покрыты радіальными потоками лавы, изверженной въ разное время. У основанія конуса, и вокругъ него, расположился цѣлый рядъ селеній: Торре-Аннунціата, Боско-Треказе, Торре-дель-Греко, Портичи, Барра, С.-Анастасіа, Сомма Везувіана, Оттаяно, С.-Джузеппе, Терциньо и Боскореале, всѣ они соединены круговезувіанской жел. дорогой. Склоны В. почти до половины высоты покрыты великолѣпной растительностью, фруктовыми садами, а особенно виноградниками (вина Lacrima Christi и Vino del Greco). На высотѣ 676 м. надъ уровнемъ моря расположена обсерваторія, предназначенная для изученія вулканизма. Съ 1880 г. на В. ведетъ желѣзная дорога до высоты 1.185 м.

Римляне считали В. потухшимъ вулканомъ, пока изверженіе 24 августа 79 г. по Р. Х. не засыпало пепломъ три города: Помпею, Геркуланумъ и Стабію; это событіе, во время котораго погибъ Плиній Старшій, описано племянникомъ его, Плиніемъ Младшимъ, въ письмахъ къ Тациту. Лавы въ 79 г., повидимому, не извергалось вовсе, и

упомянутые города погибли отъ пепла и грязевыхъ потоковъ. Слѣдующее изверженіе было въ 203 или 204 г., затѣмъ было еще семь изверженій; наконецъ, 15—19 декабря 1631 г. было сильное изверженіе, о которомъ имѣются подробныя свѣдѣнія: лавовый потокъ разрушилъ Торре-дель-Греко, Портичи, Резину и др., при чемъ погибло свыше 3.000 чел. Изверженіе 15 іюня 1794 г. подробно описано Л. Бухомъ; всего въ XVIII столѣтіи было 23 изверженія. Въ XIX ст. самое сильное изверженіе имѣло мѣсто 26 апр. 1872 г., когда столбъ паровъ надъ В. имѣлъ до 5 км. высоты. Послѣ этого сильныхъ изверженій вплоть до 1906 г. не было: лавы, правда, выливались изъ кратера, но на далекое разстояніе не распространялись. 7 апрѣля 1906 года изъ вторичнаго конуса, расположеннаго на высотѣ 800 м., вылился громадный потокъ лавы, разрушившій часть Боско-Треказе и дошедшій до Торре-Аннунціата. Въ ночь съ 7 на 8 апрѣля было еще два сильныхъ изверженія, сопровождавшихся страшнымъ гуломъ и землетрясеніемъ; В. выбросилъ при этомъ массу пепла, отъ котораго сильно пострадали всѣ деревни вокругъ Оттаяно, при чемъ до 250 человѣкъ было убито и ранено. Послѣ изверженія 1906 года высота кратера В. уменьшилась болѣе, чѣмъ на 100 м. и стала равной 1.218 м. (въ 1900 г.—1.350 м., въ 1868 г.—1.298 м.); изъ кратера было выброшено приблизительно 80 милл. куб. метровъ твердыхъ продуктовъ. Описаніе изверженія 1906 г. см. у *Д. Анучина*, въ „Землевѣдѣніи“ 1906 г.

Л. Бергъ.

Везуль (Vesoul), главн. гор. франц. департ. Верхней Соны, 10.057 жит.

Везэръ (Vézère), прав. притокъ Дордоньи, въ южн. Франціи, 192 км.

Вейгандъ, Густавъ, филологъ, род. въ 1860 г., нѣкот. время былъ учителемъ, но затѣмъ занялся въ Лейпцигѣ германск. и романск. языками и въ 1897 г. получилъ каѳедру въ Лейпцигѣ. В. посѣтилъ Италію и Францію, но особенное вниманіе удѣлилъ румынск. странамъ и въ теченіе 15 мѣсяцевъ изучалъ въ Македоніи южнорумынск. языкъ, кот. онъ первый и подвергъ научному изслѣдованію. В. стоитъ во главѣ института, учрежд. при лейпцигск. университетѣ румынск. правительств. для румынск. языка, и съ 1894 г. издаетъ его „Ежегодникъ“. Съ 1907 г. завѣдуетъ также болгарскимъ институтомъ при лейпцигскомъ унив.

Вейгель, Валентинъ, нѣм. мистикъ, род. въ 1533 г., въ 1567 г. сдѣлался священникомъ, ум. въ 1588 г. Въ своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ черезъ много лѣтъ послѣ его смерти, В. перерабатываетъ послѣлютеровскую мистику въ духѣ натурфилософіи Парацельса. Полное логическое развитіе этого сочетанія представляетъ собою система геніальнаго послѣдователя В., Якова Бёме (*см.*).

Вейдавутъ, см. *литовская миѳологія.*

Вейде, Адамъ Адамовичъ, сподвижн. Петра Велик., род. въ 1667 г.; ум. въ 1720 г. Въ 1696 г. поступ. въ потѣшные, участвовалъ въ обоихъ азовскихъ походахъ, командовалъ сформирован. имъ дивизіей подъ Нарвой и былъ взятъ въ плѣнъ и только въ 1710 г. размѣненъ на гр. Штремберга. Участвоваль въ Прутскомъ и Финляндскомъ походахъ. Главн. его трудъ составляетъ *Воинскій уставъ*, написанный и посвящ. государю въ 1698 г. Напеч. въ 1841 г.

Вейденъ, городъ въ Верхн. Пфальцѣ (Баварія), 12.418 жит.

Вейденъ, Рогиръ, см. *Ванъ деръ В.*

Вейерштрассъ (Weierstrass), Карлъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся математиковъ XIX столѣтія, родился въ 1815 г., поступилъ въ 1834 г. въ боннскій университетъ на юридическій факультетъ, а съ 1838 г. перешелъ въ Мюнстеръ и здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ работалъ надъ изученіемъ математики, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ *Гудермана*, затѣмъ былъ преподавателемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но онъ не покидалъ научныхъ занятій и опубликовалъ цѣлый рядъ работъ, довольно однородныхъ по своему характеру и развивавшихъ однѣ и тѣ же идеи. Мемуары „Zur Theorie der Abelschen Functionen“ (1853) и „Theorie der Abelschen Functionen“ (1856) явились какъ бы завершеніемъ этого ряда работъ и создали В. всеобщую извѣстность среди спеціалистовъ. Кёнигсбергскій университетъ даровалъ ему въ 1854 г

степень доктора honoris causa; въ 1856 г. онъ получилъ каѳедру во вновь открытомъ берлинскомъ технологическомъ институтѣ, а затѣмъ (1864) и ординатуру въ берлинскомъ университетѣ. Съ этого времени В. получилъ возможность отдаться всецѣло наукѣ и вскорѣ оказался во главѣ новой, имъ же созданной математической школы. Ум. въ 1897 г.

Обращаясь къ характеристикѣ научной дѣятельности В., нужно прежде всего указать на общій характеръ его воззрѣній. Богатый наплывъ новыхъ идей, которыми ознаменовались въ математикѣ XVII и XVIII столѣтія—эпоха созиданія современнаго высшаго анализа, — имѣлъ своимъ послѣдствіемъ нѣкоторое перепроизводство: избытокъ новыхъ фактовъ и методовъ въ ущербъ ихъ строгости и обоснованности. Уже съ начала XIX столѣтія, съ Гаусса и Коши (*см.*), начинается новое теченіе, хотя и недостаточно по началу твердое. Абель и Грасманъ (*см.*) стали на этотъ путь рѣшительнѣе, а В. первый объявилъ безусловную строгость математическаго доказательства своимъ основнымъ девизомъ. Этотъ девизъ обозначалъ требованіе вернуться къ самымъ началамъ анализа, къ обоснованію началъ ариѳметики, которое только и можетъ дать незыблемую базу для всего математическаго анализа. В., по существу, принадлежитъ первое научное построеніе теоріи ирраціональныхъ чиселъ, этого важнѣйшаго вопроса научной ариѳметики; ученіе о комплексныхъ числахъ, которое Гауссъ и Коши впервые вывели изъ области мистики, перекристаллизовавшись въ работахъ Грасмана и Гамильтона, получило у В. свое завершеніе. При этомъ В. стоялъ на строго ариѳметической точкѣ зрѣнія, требуя, чтобы ученіе о числѣ развивалось само изъ себя, не только помимо грубой интуиціи, но даже и безъ примѣси какихъ бы то ни было геометрическихъ представленій. Отъ теоретич. ариѳметики, какъ научной базы современ. анализа, В. восходитъ къ общему ученію о функціяхъ; теорія функцій (*см.*) въ ея современномъ видѣ имѣетъ, конечно, своихъ прародителей,—но отцомъ ея былъ В. Если старые математики видѣли путь къ изученію функціи въ ея формальномъ заданіи, т. е. въ ея аналитическомъ составѣ (въ составѣ выражающей ее формулы), если Риманъ (*см.*) привлекалъ для этой цѣли своеобразныя геометрическія средства, то В. остался вѣренъ своей ариѳметической точкѣ зрѣнія. Не въ формальномъ заданіи функціи—ключъ къ ея изученію, а—напротивъ—во внутреннихъ свойствахъ функціи, въ характерѣ зависимости значеній функціи отъ значеній независимыхъ перемѣнныхъ (непрерывность, существованіе производныхъ, особенныя точки, ихъ число, характеръ и расположеніе) коренится сокровенная причина возможности того или другого формальнаго выраженія функціи. В-у принадлежитъ современное опредѣленіе непрерывности функцій; В. первый показалъ, какъ далека отъ истины презумпція, что всякая непрерывная функція имѣетъ производную; В. создалъ функціи, обладающія такими особенностями, которыхъ никто раньше себѣ не представлялъ. Этимъ онъ обнаружилъ, какъ опасны тѣ презумпціи, которыхъ держались почти всѣ математики XVIII вѣка, и рѣшительнѣе чѣмъ кто-либо отъ нихъ отказался. Наиболѣе же общимъ средствомъ для формальнаго заданія функціи комплекснаго перемѣннаго для В. служатъ степенные ряды и безконечныя произведенія; ихъ теорія, такъ сказать, открываетъ *Вейерштрассову теорію функцій*. Но рядъ опредѣляетъ функцію только въ предѣлахъ круга сходимости; В. указываетъ средства „продолжить“ функцію за предѣлы этого круга; онъ даетъ, такимъ образомъ, средства строить аналитическую функцію, расширяя постепенно область, въ которой она опредѣлена, до ея естественныхъ границъ, обусловливаемыхъ характерными особенностями функціи.

Какъ ни важны эти общія идеи, врядъ ли онѣ получили бы полное признаніе, если бы В. не показалъ ихъ примѣненія къ дѣйствительному изученію функцій, играющихъ важную роль въ анализѣ. Такими функціями явились эллиптическія и гиперэллиптическія функціи. Эти замѣчательныя

функціи служили предметомъ изслѣдованій многихъ великихъ геометровъ. Абель и Якоби изучали ихъ, исходя отъ формальныхъ преобразованій интегралов, которые къ этимъ функціямъ приводятъ; Риманъ придумалъ особые, если можно такъ выразиться, ультра-геометрическіе пути для ихъ изслѣдованія; В. далъ средства для непосредственнаго построенія этихъ функцій, представляющія собой осуществленіе его общихъ теорій. Вейерштрассова теорія этихъ функцій въ настоящее время доминируетъ. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о характерѣ этихъ спеціальныхъ изслѣдованій читатель найдетъ въ статьѣ *„Эллиптическія функціи“*. См. *Lampe*, „K. W.“ 1897. *В. Каганъ.*

Вейеръ, Іоганнъ, нѣм. врачъ, противникъ преслѣдованій вѣдьмъ, род. въ 1516 г., въ юности путешествовалъ по Франціи и Германіи, затѣмъ изучалъ въ Парижѣ и Орлеанѣ медицину, въ 1545 г. занялся практикой въ Арнгеймѣ и въ 1550 г. поступилъ лейбъ-медикомъ къ Вильгельму IV, герцогу Юлиха, Клеве и Берга, дворъ котораго находился въ Дюссельдорфѣ. Въ 1550 г. онъ выпустилъ трудъ „De praestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis“, въ котор. онъ обращался къ германск. императору и князьямъ и старался убѣдить ихъ въ безсмысленности и преступности преслѣдованій такъ называемыхъ вѣдьмъ. Это удалось ему по отношенію къ герцогу Вильгельму, но навлекло на него преслѣдованіе клира, отъ кот. его защитило лишь покровительство герцога. В. ум. въ 1588 г. Труды В. „Opera omnia“ были изд. въ Амстердамѣ въ 1660 г.

Вейзбаховка, м. прилук. у., Полтав. губ., 1.873 жит.

Вейзе, Христіанъ, нѣм. поэтъ, род. въ 1642 г., высшее образованіе получилъ въ Лейпцигѣ, гдѣ временно читалъ лекціи, но затѣмъ перешелъ преподавателемъ въ гимназ. въ Циттау; впослѣдствіи онъ получилъ здѣсь же мѣсто директора. Ум. въ 1708 г. По своимъ воззрѣніямъ на художеств. произведенія и художеств. творчество В. былъ очень близокъ къ реализму—онъ стоялъ за воспроизведеніе дѣйствительности, какъ она есть, и былъ врагъ всякой искусственности въ языкѣ. Лирич. стихотворенія его („Reife Gedanken“ и др.) богаты художественн. образами. Множество драмъ (лучшія изъ нихъ бытовыя: „Bäurische Macchiavellus“, „Unvergnügte Seele“) обнаруживаютъ въ немъ драматич. талантъ и очень тонкую порою наблюдательность. Кромѣ того, В. писалъ еще такъ назыв. политич. романы, которые, однако, значит. уступаютъ лучшимъ образцамъ того времени, романамъ Гриммельсгаузена и Мошероша. О немъ см. *Kämmel*, „Ch. W.“ (1897).

Вейи, одинъ изъ 12 этрусскихъ союзн. городовъ, къ сѣверу отъ Рима, достигъ крупнаго значенія еще до основанія Рима. Правленіе было аристократическое, впослѣдствіи во главѣ его стоялъ царь, званіе кот. не было, однако, наслѣдственно. Когда Римъ окрѣпъ, онъ вступилъ въ борьбу съ своимъ сосѣдомъ. Борьба длилась около ста лѣтъ, пока въ 396 г. до Р. Х. послѣ десятилѣтн. осады В. не были взяты Камилломъ, область присоединена къ Риму. Значеніе В. совершенно упало. При Цезарѣ В. были заселены ветеранами. На мѣстѣ В. еще теперь существуютъ остатки древн. города.

Вейксельмюнде, см. *Данцигъ.*

Вейле, портов. гор. въ Даніи, 17.051 жит., гл. гор. одноим. округа—2.350 кв. км., 131.985 жит.

Вейлева болѣзнь, описанная Вейлемъ въ 1886 г., острая инфекціонная болѣзнь, протекающая при присущихъ всѣмъ остр. инфекц. бол. общихъ явленіяхъ, какъ общее недомоганіе, головная боль, высокая лихорадка,—съ явленіями болѣе или менѣе рѣзко выраженной желтухи, опуханія печени и селезенки и нерѣдко съ явленіями остраго нефрита. Наблюдалось также осложненіе воспаленіемъ внутренней оболочки сердца. Протекаетъ нерѣдко въ видѣ нѣсколькихъ рецидивовъ, что затягиваетъ общую продолжительность до 8—10 недѣль. Большей частью кончается выздоровленіемъ, хотя и смертельный исходъ не представляетъ рѣдкости. Точная этіологія болѣзни неизвѣстна, т. е. неизвѣстно, имѣется ли при этой болѣзни инфекція или интоксикація (напр., со стороны кишечника). Нѣкоторые относятъ В. б. къ

общей группѣ „острой инфекціонной желтухи“. *І. Идельсонъ*

Вейлеръ (Weyler y Nicolau), Валеріано, испанск. генералъ. Род. въ 1839 г. Выдвинулся при участіи въ карательной экспедиціи въ Санъ Доминго (1863 г.). Съ 1868 по 1872 г., уже въ чинѣ генерала, командуя испанскими войсками на Кубѣ, усмирялъ мѣстныхъ повстанцевъ. Въ 1872 г. призванъ въ Испанію для борьбы съ карлистами и за участіе въ подавленіи карлистскаго возстанія пожалованъ титуломъ маркиза Тенерифскаго. Въ 1878 г. назначенъ генералъ-капитаномъ (командующ. войсками) Канарскихъ острововъ, въ 1883 г. Балеарскихъ острововъ, затѣмъ былъ генералъ-губернаторомъ Филиппинскихъ острововъ и всюду занимался усмиреніемъ разныхъ бунтовъ и возстаній. Въ 1895 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ на Кубу, гдѣ, несмотря на безпримѣрную жестокость по отношенію къ туземцамъ, вызвавшую дипломатическіе протесты со стороны правительства Соедин. Штатовъ, не сумѣлъ умиротворить островъ и былъ отозванъ въ Испанію (1897 г.). Во время войны съ Соед. Шт. его благоразумно держали дома, зная специфичность его военныхъ талантовъ. Послѣ войны В. не разъ занималъ постъ военнаго министра. Во время возстанія въ Барселонѣ въ іюлѣ 1909 г. В., назначенный ген.-капитан. Каталоніи, стяжалъ новые лавры усмирителя.

Вейль (Weill), Жоржъ, франц. историкъ, профес. университета въ Канѣ. Извѣстность пріобрѣлъ двумя работами по исторіи Франціи XIX в.: „Histoire du parti républicain en France“ (1900) и „Histoire du mouvement social en France“ (1904), кот. обѣ переведены на русск. языкъ. Первая представляетъ, какъ по методу, такъ и по матеріаламъ, стройную прагматическую работу и впервые даетъ яркій общій очеркъ исторіи республиканской партіи до третьей республики, съ умѣренной республиканской точки зрѣнія. Недостатокъ автора—отсутствіе широкаго соціологическаго освѣщенія—особенно замѣтенъ во второй книгѣ, которая поэтому вышла болѣе разбросанной и менѣе законченной.

Вейльбахъ, курортъ въ Висбаденѣ, въ Пруссіи, 1.126 жит., сѣрный и натронно-литіевый источники (12,5°).

Веймарнъ, Павелъ Платоновичъ, музык. критикъ и композиторъ, род. въ 1857 г., ум. въ 1905 г. Съ 1880 г. помѣщалъ статьи по музыкѣ въ различныхъ изданіяхъ (въ „Сынѣ Отечества“ въ теченіе 11 лѣтъ); въ 1888—1890 г. издавалъ и редактировалъ музык. журналъ „Баянъ“. Написалъ біографію Глинки, исторію оперы „Жизнь за царя“ и др. очерки, а также пьесы для фортеп. и романсы.

Веймаръ, гл. гор. герцогства Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ, 34.581 жит. Историческій замокъ съ „комнатами поэтовъ“ (Гете, Шиллера, Гердера, Виланда), паркъ съ памятниками пребыванія Гете, монументы Шекспира и Листа, музей имени послѣдняго, Гете-Шиллеровскій архивъ и музей, дома Луки-Кранаха, Шиллера, Виланда и Гердера, памятники имъ, библіотека (180.000 том.), театръ, ратуша и т. д. Самымъ блестящ. періодомъ въ исторіи В. было время правленія Карла-Августа (1775—1828), котор. сумѣлъ собрать вокругъ себя корифеевъ нѣмецкой литературы.

Веймаръ, Орестъ Эдуардовичъ, р. въ 1845 г., кончилъ курсъ въ медико-хирург. академіи; во время русско-турец. войны 1877—78 г. завѣдывалъ лазаретомъ имп. Маріи Ѳеодоровны; проявилъ на поляхъ сраженія большое мужество и заслужилъ нѣсколько орденовъ. Несмотря на личную близость съ высшими чиновничьими и аристократ. кругами, онъ по своимъ убѣжденіямъ былъ близокъ къ партіи Земли и Воли, потомъ Народной Воли. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ организаціи побѣга кн. Кропоткина изъ заключенія (1876); потомъ нѣсколько разъ давалъ въ своей квартирѣ пріютъ преслѣдуемымъ революціонерамъ. Въ 1879 г. арестованъ по обвиненію въ участіи въ убійствѣ шефа жандармовъ Мезенцева. Главной уликой, выставл. противъ В. обвиненіемъ, было то, что лошадь, увезшая убійцъ Мезенцева, ранѣе принадлежала ему; въ дѣйствительности В. къ этому убійству былъ непричастенъ, но онъ не счелъ возможнымъ выяснять всѣ обстоятельства дѣла, опасаясь запу-

тать другихъ лицъ. Признанный виновнымъ, онъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги и сосланъ на Кару. Въ 1883 г. ему было предложено помилованіе съ тѣмъ, чтобы онъ далъ обѣщаніе не принимать болѣе участія въ революц. движеніи, но онъ отказался и остался на Карѣ. Въ 1885 г. выпущ. въ вольн. команду, но въ томъ же году ум. отъ чахотки. *В. В—въ.*

Веймутъ, см. *Уэметъ.*

Вейнберге („Königliche Weinberge"), торгов. и фабричн. гор. въ Богеміи, предм. Праги, 53.800 жит.

Вейнбергъ, Петръ Исаевичъ, извѣстный русскій поэтъ и переводчикъ, род. въ 1830 г., въ Николаевѣ, высшее образованіе получилъ въ харьковск. унив., гдѣ окончилъ курсъ по филологич. факультету. Съ 1858 г. жилъ въ Петербургѣ и принималъ участіе въ „Библіотекѣ для чтенія", „Иллюстраціи", „Современникѣ", „Искрѣ" и др. журналахъ статьями по библіографіи и оригинальн. и переводными стихотвореніями. Въ 1860 г. онъ попытался было издавать собств. журналъ („Вѣкъ"), но черезъ годъ долженъ былъ передать его въ другія руки. Въ 1868—73 г. состоялъ профессоромъ всеобщей литературы въ варшавск. унив. Съ 1873 г. жилъ въ Петербургѣ, гдѣ преподавалъ исторію русской и общей литературы въ различныхъ учебн. заведеніяхъ и былъ прив.-доцентомъ петерб. унив. по каѳедрѣ всеобщей исторіи литературы. В. принималъ также большое участіе въ общественно-литературныхъ организаціяхъ Петербурга: послѣдніе годы жизни онъ былъ предсѣдателемъ Литературнаго фонда. Ум. въ 1908 г. В. пріобрѣлъ извѣстность не столько оригинальн. стихотвореніями, сколько переводами. Близость къ подлиннику, блестящій языкъ и полный гармоніи стихъ—таковы особенности его переводовъ, давшихъ возможность широкой публикѣ познакомиться съ лучшими произвед. иностранной литературы (Шекспира, Байрона, Шелли, Гутцкова, Лессинга, Гейне, Гете, Ленау, и др.).

Вейнгартнеръ, Феликсъ, композиторъ и одинъ изъ лучшихъ современныхъ дирижеровъ, род. въ 1863 г. въ Зарѣ (Далмація), музыкѣ учился у Реми (въ Градцѣ); въ 1891—1898 г. дирижировалъ королевской оперой и симфоническими концертами въ Берлинѣ; въ 1898—1905 г. управлялъ концертами Кайма въ Мюнхенѣ; съ 1908 г. стоитъ во главѣ придворной оперы и концертовъ въ Вѣнѣ. Затѣмъ В. выступалъ также и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Какъ композиторъ, В. примыкаетъ къ новой германской школѣ (Вагнеръ—Листъ). Имъ написаны оперы „Сакунтала" (1884 г.), „Малавика", „Генезіусъ" (1893 г.), трилогія „Орестъ" (1902 г.), увертюра къ „Королю Лиру", симфоническая поэма „Горняя праведныхъ" и др. сочиненія, а также книжки: „Ueber das Dirigieren", „Bayreuth 1876—96", „Die Symphonie nach Beethoven" и др. *Ю. Э.*

Вейнгеймъ, гор. въ вел. герцогствѣ Баденъ, 12.560 жит.

Вейнгольдъ Карлъ, изв. нѣм. германистъ, род. въ 1823 г., былъ проф. въ Бреславлѣ, Краковѣ, Градцѣ и Берлинѣ, куда былъ присланъ въ кач. преемника Мюлленгофа и вскорѣ избранъ въ акад. Ум. въ 1901 г. Его литерат. дѣятельн. обнимаетъ всѣ области германистики: право, бытъ, миѳологію, литературу, языкъ. Оставилъ нѣсколько десятковъ сочиненій, изъ кот. многія считаются классическими: „Die deutschen Frauen im Mittelalter" (2 т., 1851), „Ueber deutsche Dialectforschung" (1853) и др.

Вейнемейненъ, герой Калевалы (*см.*).

Вейнингеръ, Отто, писатель, род. въ 1880 г. въ Вѣнѣ, еврей по происхожденію, принявшій христіанство, 23-хъ лѣтъ выпустилъ нашумѣвшую книгу „Полъ и характеръ". Первая часть книги (небольшая по объему) представляетъ докторскую диссертацію В., гдѣ доказывается бисексуальность каждаго челов. существа, наличность въ немъ въ разныхъ пропорціяхъ мужскихъ и женскихъ чертъ характера. Вторая часть—памфлетъ, гдѣ авторъ доказываетъ превосходство мужчины, какъ представителя духа, надъ женщиной, являющейся исключительно половымъ существомъ, и рѣзко набрасывается на женскую эмансипацію, на евреевъ, въ кот. видитъ тѣ же отрицательныя черты, какъ въ женщинѣ, и на соціалистовъ-рабочихъ. Книга В.

имѣетъ большое культурно-общественное значеніе, характеризуя, съ одной стороны, чрезмѣрную эротическую возбудимость зап.-евр. мелкобурж. интеллигенціи конца XIX в., для которой женщина становится символомъ губительнаго полового начала, а съ другой — неумѣніе этой интеллигенціи вскрыть истинныя причины стѣсненнаго соціальнаго положенія мѣщанства, ея стремленіе обвинять въ немъ то конкурирующихъ съ ней на рынкѣ труда женщинъ, то непокорныхъ рабочихъ, то одну лишь категорію капиталистовъ (еврейскаго происхожденія). Вскорѣ послѣ окончанія своего труда В. покончилъ съ собою (1903). Послѣ его смерти изданъ сборникъ оставшихся послѣ него статей: „Über die letzten Dinge“. *В. Фр.*

Вейнсбергъ, гор. въ Вюртембергѣ, 3.097 ж. Вблизи развалины замка Weibertreu („Женская вѣрность“), названнаго такъ въ память легендарн. эпизода (увѣковѣч. въ балладѣ Шамиссо) изъ исторіи В. Конрадъ III, обложивъ городъ, позволилъ женщинамъ унести изъ него все имъ дорогое, и онѣ вынесли на плечахъ своихъ мужей. Съ В. связанъ также кровавый эпизодъ изъ исторіи Крестьянской войны въ Германіи. (См. *Крестьянскія войны*).

Вейпертъ, гор. въ Богеміи, на сѣв. склонѣ Рудныхъ горъ, 10.039 жит.

Вейпрехтъ, Карлъ, офицеръ австрійскаго флота, род. въ 1838 г. Всю свою жизнь провелъ въ путешествіяхъ: посѣтилъ Востокъ, Вестъ-Индію, Мексику, Сѣверную Америку. Въ 1871 г. предпринялъ вмѣстѣ съ Пэйеромъ экспедицію на Шпицбергенъ и Новую Землю. Въ 1872—74 гг. открылъ Землю Франца-Іосифа. Ум. въ 1881 г.

Вейсгауптъ, Адамъ, основатель нѣмецкаго ордена иллюминатовъ (*см.*), род. въ 1748 г. въ Ингольштадтѣ, изучалъ право въ мѣстномъ католическомъ университетѣ, съ 1772 г. занялъ тамъ же каѳедру естественнаго и канон. права. Деистъ, космополитъ и проповѣдникъ свободы совѣсти, В. вступилъ въ открытую борьбу съ іезуитами, оплотомъ которыхъ былъ тогда Ингольштадтъ, и, не ограничиваясь для пропаганды своихъ идей каѳедрой, въ маѣ 1776 г. основалъ тайное общество иллюминатовъ, вскорѣ вступившее въ близкую связь съ массонами. Въ 1785 г., благодаря усиліямъ іезуитовъ и преслѣдованію курфюрста баварскаго, В. пришлось оставить каѳедру и переселиться въ Готу, гдѣ онъ и ум. въ 1830 г. В. написалъ рядъ сочин. въ защиту иллюминатовъ.

Вейсгорнъ, названіе нѣсколькихъ горныхъ вершинъ въ Альпахъ: къ сѣв. отъ Маттергорна—4.512 м.; въ Фрейбургскихъ Альпахъ—3.012 м.; близъ Арозы—2.828 м.; въ Ретійскихъ Альпахъ, къ сѣв. отъ Флюэленскаго прохода—3.089 м.

Вейсенбургъ, венг. комитатъ на прав. бер. Дуная, 4.008 кв. км., 203.935 ж., поверхн. гористая. Гл. зан. жит. хлѣбопашество (пшеница, кукуруза), табаководство и винодѣліе. Администр. центръ въ Штульвейсенбургѣ.

Вейсенбургъ, гор. въ герм. округѣ Нижній Эльзасъ, 6.788 жит.; въ 1870 г. (4 авг.) нѣмцы одержали здѣсь первую побѣду надъ французами.

Вейсенбургъ, курортъ въ Швейцарск. кантонѣ Бернъ, 844 м. надъ ур. м., известк. источникъ, темп. 27°, водолѣчебница.

Вейсенфельзъ, фабричн. гор. въ прусск. округѣ Мерзебургъ, 33.586 ж.

Вейсенштейнскій уѣздъ (или *Гервенскій*) расположенъ въ средн. части Эстлянд. губ., по теч. р. Пернавы; на югѣ гранич. съ Лифл. губ. Заним. простр. (безъ значит. внутр. водъ) въ 2.522,9 кв. в. Мѣстность низменная и сильно болотистая, особ. въ западн. части уѣзда; почва преимущ. суглинистая, сильно развиты торфяники. Въ составѣ угодій преобладаютъ луга и пастб.—37,7%; пашня составл. 25,9%, лѣсъ 17,7%, неуд. земли 18,7%. Населенія къ началу 1909 г. считалось 60 тыс. чел., а по переп. 1897 г.—59,4 тыс. чел. (23,5 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 2,7 тыс. чел. городск.; почти исключ. эстонцы (96,7%), нѣмцевъ 2,2% и русскихъ 0,8%. Грамотн. сельск. насел.—80,1%, городск. 86,3%. Главн. зан. земледѣліе, въ кот. занято 61,3% самод. нас.; въ обраб. промышл. — 12,3% (изгот. одежды, строит. дѣло, обраб. метал., дерева, винокур., обраб. питат. прод. и др.); въ торг. и трансп.—3,8%. Изъ

побочн. промысл. (11,7% с.-х. нас.), наиб. развитіе получила обраб. волокн. вещ. Частное землевлад., составляющее 63,6% площ., сосредоточ. почти искл. въ рукахъ дворянъ (93,9%) и имѣетъ дов. крупн. размѣры (средн.—1.339 дес.). Надѣльныя земли составл. 36,1%; средн. разм. над. на дв. 35,3 дес. Земли учр.—0,3%. *В. А.*

Вейсенштейнъ (по-эстон. Paidelin), уѣздн. гор. Эстл. губ., 3.293 жит.; основ. въ 1265 г., былъ сильно укрѣпленъ; въ 1573 г. взятъ Іоанномъ Грознымъ, но вскорѣ перешелъ къ шведамъ, послѣ Сѣв. войны—къ Россіи.

Вейсенштейнъ, горный хребетъ въ швейцарскомъ кантонѣ Золотурнъ, съ превосходн. видомъ на Альпы, прорѣзанъ туннелемъ въ 3.671 м. дл.

Вейскирхенъ (Венгерскій, Fehértemplom), гор. въ венг. комитатѣ Темешъ, 10.849 жит.

Вейсманнъ, Августъ, знаменитый германскій зоологъ Дарвиновской школы. Род. 17 янв. 1834 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ и первоначально посвятилъ себя изученію медицины, которую проходилъ въ геттингенскомъ у-тѣ. Въ 1856—57 гг. состоялъ ассистентомъ при клиникѣ въ Ростокѣ, откуда въ 1858 г. отправился въ Вѣну. Послѣ этого въ 1859 г. занимался въ Италіи, въ 1860 г.—въ Парижѣ, а въ 1861—62 гг. занималъ мѣсто главнаго врача при эрцгерцогѣ Стефанѣ и жилъ въ замкѣ Шаумбургъ на Ланѣ, гдѣ сдѣлалъ свою первую зоологическую работу—по развитію двукрылыхъ. Съ 1863 г. В. сосредоточивается на изученіи зоологіи (въ Гиссенѣ), послѣ чего онъ защитилъ диссертацію по этому предмету, и въ 1866 г. уже получилъ каѳедру зоологіи въ Фрейбургѣ. Въ 1871 г. здѣсь же сдѣланъ орд. професс. зоологіи.—В. далъ наукѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Въ его работѣ о развитіи двукрылыхъ насѣкомыхъ не только дано тщательное описаніе исторіи развитія различныхъ двукрылыхъ, но также первое серьезное описаніе явленій гистолиза, т. е. разрушенія личиночныхъ тканей и органовъ и построенія взрослаго организма изъ сравнительно-ничтожныхъ остатковъ личинки. Затѣмъ В. далъ основательное описаніе разныхъ видовъ размноженія дафнидъ (низш. ракообразныя) и обширную монографію по строенію и развитію гидроидныхъ полиповъ. Начавшееся ослабленіе зрѣнія заставило В. все болѣе и болѣе сходить съ пути экспериментальныхъ изслѣдованій и идти по пути выясненія общихъ вопросовъ. Рано заинтересовавшись ученіемъ Дарвина, В. сначала съ этой точки зрѣнія разрабатываетъ вопросъ о сезонномъ диморфизмѣ у бабочекъ и о конечныхъ причинахъ трансмутаціи (измѣнчивости). Сосредоточившись попутно на появленіи и наслѣдственной передачѣ благопріобрѣтенныхъ особенностей, В. большую часть своей послѣдующей дѣятельности отдаетъ разработкѣ вопроса о наслѣдственности и создаетъ собственную теорію, построенную на идеѣ о непрерывности зародышевой плазмы, въ связи съ отсутствіемъ наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ особенностей. Согласно В., при послѣдовательномъ образованіи новыхъ поколѣній животныхъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію тянется красной нитью неизмѣняющаяся протоплазма или идіоплазма (зародышевыхъ клѣтокъ), на которой какъ почки развиваются отдѣльныя особи съ присущими имъ индивидуальными особенностями. Такъ какъ благопріобрѣтенныя особенности, будучи болѣе поверхностными, не касаются идіоплазмы, онѣ не могутъ передаваться наслѣдственно. Необходимыя для дѣйствія подбора личныя особенности возникаютъ въ результатѣ полового процесса, т. к. при скрещиваніи двухъ особей смѣшиваются двѣ идіоплазмы, изъ которыхъ каждая въ свою очередь является результатомъ соединенія нѣсколькихъ въ предшествующихъ поколѣніяхъ, почему въ каждой особи имѣется нѣсколько идіоплазмъ. Чѣмъ дальше потомки отходятъ отъ своихъ прародителей, тѣмъ слабѣе выражается въ нихъ вліяніе прародительской идіоплазмы и тѣмъ болѣе усиливается примѣсь новыхъ идіоплазмъ. Личныя измѣненія, происходящія такимъ путемъ, огромны и представляютъ хорошо обезпеченный матеріалъ для дѣйствія подбора. В. принимаетъ, что

свойства живущей матеріи связаны не съ количествомъ протоплазмы, а съ ея организаціей. Однако въ виду сложности процессовъ, происходящихъ даже въ минимальн. частицахъ протоплазмы, эти частицы нельзя отождествлять съ химическими молекулами. Каждая изъ этихъ частицъ, *біофоръ* (носитель жизни), вѣроятно, состоитъ по крайней мѣрѣ изъ нѣсколькихъ разнородныхъ молекулъ. Важнѣйшія труды В., имѣющіе общій интересъ, слѣдующіе: „Studien zur Descendenztheorie“ (I и II Leipzig. 1875—1876).— „Das Keimplasma. Eine Theorie der Vererbung“(Jena,1892).—„Vorträge über Descendenztheorie“ (Bd. I и II. Jena 1902. I-ая часть имѣется въ русс. переводѣ: *А. В.*, „Лекціи по эволюціонной теоріи“. М. 1905). *М. Мензбиръ.*

Вейсово, оз., см. *Славянскъ.*

Вейссе, Христіанъ, нѣм. религіозный мыслитель и эстетикъ, род. въ 1801 г., былъ проф. въ Лейпцигѣ, ум. въ 1866 г. В. первоначально былъ гегельянцемъ, но затѣмъ сблизился съ Шеллингомъ и отъ гегелевскаго пантеизма перешелъ къ философскому теизму, близкому къ христіанской догматикѣ. Вмѣсто того, чтобы, какъ то дѣлаетъ Гегель въ своей логикѣ, исходить изъ голаго понятія бытія, философія должна исходить изъ понятія живого Божества. Важнѣйшая задача философскаго богословія состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ возможно примирить существованіе Бога въ мірѣ съ Его внѣміровымъ существованіемъ, какъ того требуетъ христіанство. Важнѣйшія сочиненія В.: „System der Aesthetik“ (1830); „Die Idee der Gottheit“ (1833); „Philosophische Dogmatik oder Philosophie des Christenthums“ (1855—62). *Н. Л.*

Вейссе, Христіанъ Феликсъ, нѣмец. писатель, другъ Лессинга, род. въ 1726 г., съ 1759 г. издавалъ популярные журналы, сначала „Bibliotek der schönen Wissenschaften“, потомъ „Neue Bibliotek“, съ 1775 г. редактировалъ дѣтскій журналъ „Kinderfreund“, писалъ лирическія стихотв. („Amazonenlieder“) и трагедіи, сначала подражая Шекспиру („Richard III“, „Romeo und Julia“), потомъ французамъ („Crispus“, „Mustafa u. Zeangir“ и др.), прославился особенно своими оперетками („Der Teufel ist los“, въ сотрудничествѣ съ Хиллеромъ „Lottchen am Hofe“, „Liebe auf dem Land“ и др.); ум. въ 1804 г. *В. Фр.*

Вейстрицъ, лѣв. прит. Одера, въ Пруссіи, 110 км.

Weistum (Weisung, Oeffnung, Judicium), устное разъясненіе или справка по вопросамъ, касающимся обычнаго права въ средневѣковой Германіи, имѣвшее всю силу юридической обязательности. Оно давалось свѣдущими людьми, официально на то уполномоченными, въ отвѣтъ на официальный запросъ. Роль этихъ W. въ эпоху, слѣдовавшую за паденіемъ франкской монархіи, когда общество почти перестало прибѣгать къ писаннымъ правдамъ (см. *Варварскія правды*) и капитуляріямъ и когда обычное право только вырабатывалось въ приговорахъ шеффеновъ,—была очень велика. W. заполняли пробѣлы въ системахъ обычнаго права. Существуютъ два сборника W.— Я. Гримма (7 т., 1840—78) и Австр. акад. наукъ (8 т., 1870—96). *А. Дж.*

Вейсштейнъ, фабр. село въ прусск. окр. Бреславль, 10.212 жит.

Вейсъ, Іосифъ-Андрей, нѣм. живописецъ, род. въ 1814 г., въ 50-хъ годахъ былъ въ Петербургѣ и за виды Москвы выбранъ въ почетн. члены академіи; ум. въ 1887 г. Главн. произв.: „Исаакіевск. соборъ“ и „Моск. кремль“.

Вейсъ (Weiss), Христіанъ Самуилъ, нѣм. минералогъ, род. въ 1780 г., въ 1808 г. професс. физики въ Лейпцигѣ, въ 1810 г. — професс. минералогіи въ Берлинѣ, ум. въ 1856 г. Введеніемъ въ минералогію понятія о кристаллич. осяхъ, развитіемъ открытаго абб. Гаюи закона раціональности параметровъ и открытіемъ закона зонъ В. довелъ математич. часть минералогіи до высокой степени совершенства. Его обозначенія (символы) кристаллич. формъ не потеряли своего значенія до настоящ. времени и легко могутъ быть переведены въ Науманновскія и Миллеровскія. Главн. произв. его, помимо ряда статей въ періодич. печати: „Über die natürlichen Abteilungen der Kristallisationssysteme“ (1813).

Вейтлингъ, Вильгельмъ, нѣмецк. коммунистъ, род. въ 1808 (или 1810 г.), работалъ у портного въ Магдебургѣ,

въ качествѣ подмастерья портного отправился странствовать за границу, въ Парижѣ примкнулъ къ коммунистамъ и сталъ добросовѣстно штудировать сочиненія Бабефа, Фурье и особенно Кабе; въ 1840 г. былъ посланъ парижскимъ Союзомъ коммунистовъ агитировать въ Женеву и долго оставался въ Швейцаріи. Тутъ же сталъ издавать ежемѣсячный журналъ „Die junge Generation“. Въ 1843 г., когда онъ обнародовалъ свое „Евангеліе бѣднаго грѣшника“, онъ былъ арестованъ, просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и былъ выданъ Баденскому правительству (май 1844 г.), но ему удалось избѣжать заключенія, и онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Затѣмъ агитировалъ въ Брюсселѣ, Антверпенѣ и Нью-Іоркѣ. Въ іюнѣ 1848 г. явился въ Берлинъ, гдѣ основалъ соціалистическое изданіе „Urwähler“, но ужъ въ ноябрѣ былъ высланъ изъ Пруссіи. Въ 1849 г. окончательно переѣхалъ въ Америку, гдѣ сталъ издавать газету „Republik der Arbeiter“ (до 1854). Ум. въ Нью-Іоркѣ въ 1871 г. — Написалъ: „Die Menschheit wie sie ist und sein sollte“ (1838), „Garantien der Harmonie und Freiheit“ (1842), „Evangelium eines armen Sünders“ (1843), „Briefe an die Landsleute“ (1847), „Ein Notruf an die Männer der Arbeit und Sorge“ (1847).— Построенія В. не отличаются оригинальностью. Главнымъ экономич. принципомъ В. былъ коммунизмъ типа Кабе, и его заслуга заключается въ томъ, что онъ приблизилъ этотъ принципъ къ сознанію нѣмецкаго пролетаріата. В. вѣрилъ, что соціальный переворотъ можетъ быть произведенъ немедленно, и отлично представлялъ себѣ картину будущаго коммунистическаго общества. Но онъ не установилъ какъ слѣдуетъ, какимъ путемъ долженъ быть произведенъ переворотъ. Онъ не настаивалъ на томъ, что насильственно-революціонный путь — единственный. Иногда ему казалось, что для этого достаточно нравственнаго просвѣщенія. Но онъ былъ твердъ въ одномъ: что имущіе классы тутъ будутъ не при чемъ, что переворотъ будетъ произведенъ исключительно трудящимися классами. Въ этомъ его главное отличіе отъ французскихъ утопистовъ, вѣрившихъ въ соціально творческую роль имущихъ („Милліонеръ“ Фурье). О политическихъ преобразованіяхъ В. заботился мало, считая конституціонный режимъ, какъ царство богатыхъ, вреднымъ для трудящихся. См. нов. раб. *Caillé*, „W. W., théoricien du communisme“ (1905). *А. Дж.*

Вейтмаръ, фабр. село въ прусск. округѣ Арнсбергъ, 21.853 жит.

Вей-хай-вей, военная гавань съ территоріей на сѣверн. побережьи Шантунгскаго полуострова въ Китаѣ. В. занимаетъ важное въ стратегическомъ отношеніи мѣсто на Желтомъ морѣ и, до уничтоженія японцами китайскаго флота (война 1895 г.), былъ китайской морской базой. Въ 1895 г. В. былъ занятъ японскими войсками впредь до полной уплаты Китаемъ военной контрибуціи. По договору 1 апр. 1898 г. уступленъ Китаемъ въ арендное владѣніе Великобританіи, до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ владѣть Портъ-Артуромъ, но и до настоящаго времени остается въ рукахъ англичанъ. Территорія В. занимаетъ 738 кв. килом., отличается прекраснымъ климатомъ и плодородіемъ почвы. Китайское населеніе (около 150.000 жит.) занимается главн. обр. земледѣліемъ, шелководствомъ и рыбными промыслами. Административн. учрежденія, какъ китайскія, такъ и англійскія, состоятъ въ вѣдѣніи англійскаго правительственнаго комисара. По договору 1898 г. территорія В. одинаково открыта для китайскихъ и англійскихъ военныхъ отрядовъ и судовъ, кромѣ того англичанамъ предоставлено право возводить укрѣпленія и производить другія работы на пространствѣ около 4.000 кв. килом. (т. е. значительно превосходящемъ территорію В.), но право это ими почти не использовано. Несмотря на порто-франко, морская торговля В. незначительна. См. *Bruce-Mitford*, „The territory of W.“ (Shang-Haï, 1902).

Вей-Хэ, значительнѣйшій притокъ справа р. Гоанго, 500 км. длины.

Векерле, Александръ, венгерск. госуд. дѣятель, род. въ 1848 г., по окончаніи юридич. факультета въ Будапештѣ поступилъ на государств. службу и въ 1886 г. сдѣлался статсъ-секрет. по финан. вѣдомству и членомъ па-

латы депутатовъ, въ 1889 г. — министромъ финансовъ. Путемъ конверсіи венгерск. государств. займовъ ему удалось освободить венгерск. бюджетъ отъ хронич. дефицита; кромѣ того, при немъ проведены реформа акциза на спиртные напитки, улучшеніе въ управленіи государств. монополіями и, вмѣстѣ съ Австріей, урегулир. валюты. Послѣ выхода въ отставку Сапари, В. занялъ постъ министра-президента (1892 г.) и съ большой энергіей выступилъ въ защиту новыхъ церковно-политич. законовъ и введенія обязат. граждан. брака, которые ему и удалось провести черезъ обѣ палаты, несмотря на сопротивленіе магнатовъ. Сомнѣваясь въ довѣріи императора, В. вышелъ со всѣмъ министерствомъ въ отставку 22 дек. 1894 г. Но въ апрѣлѣ 1906 г. состоялось примиреніе короны съ соединенной оппозиціей, и В. былъ поставленъ во главѣ коалиц. кабинета и взялъ также портфель мин. финансовъ. Главной заслугой кабинета В. явилось проведеніе демократич. избирательнаго закона. Послѣднее министерство В. пало 23 дек. 1909 г., ослабленное выходомъ изъ его состава Кошута, уступивъ мѣсто кабинету Куэнъ Гедервари (см. *Австро-Венгрія—исторія*).

Векки (Vecchi), Орацio, одинъ изъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ композиторовъ второй половины XVI в., род. въ 1550 г. въ Моденѣ, ум. въ 1605 г. тамъ же. Наиболѣе извѣстенъ своимъ „Amphiparnasso“ (commedia harmonica, т.-е. пьеса, исполняемая пѣвцами). Эта пьеса является предтечей оперы; объясненіе между дѣйствующими лицами у В. происходитъ, однако, не одноголосно, а при помощи 4- и 5-ти-голосныхъ хоровъ, что соотвѣтствовало тогдашней привычкѣ къ исключительно-многоголосной музыкѣ. Блестящимъ представителемъ послѣдней является В. въ своихъ мадригалахъ и канцонахъ; у него же встрѣчаемъ мы попытки къ звуковой характеристикѣ и живописи. В. писалъ также и духовныя композиціи: „Hymni per totum annum“, мессы, моттеты, Lamentationes и др.; въ „Le veglie di siena“ В. пытался охарактеризовать музыкой всѣ человѣческіе темпераменты. См. *A. Catelani*, „Della vita e d. opere V.“ (1858).

Веккьетта (Vecchietta), итальянскій живописецъ, скульпторъ и инженеръ, род. въ 1412 г. Живописныя его произведенія, изъ которыхъ лучшее „Успеніе Богоматери“, сухи и малоудачны. Скульптурныя его работы полны жизни. Изъ нихъ лучшія—статуи апостоловъ Петра и Павла и Воскресеніе Христово. Ум. въ 1480 г. *Н. Т.*

Векса, лѣв. прит. Костромы, 70 в.

Вексель, цѣнная бумага, заключающая выраженное въ установленной формѣ обязательство уплатить сумму денегъ къ опредѣленному сроку. Существуетъ два основныхъ типа В., которые почти всѣми законодательствами послѣдовательно разграничиваются, хотя они допускаютъ также переходныя формы. *Простымъ* В. называется документъ, въ которомъ должникъ, *векселедатель*, обязуется уплатить сумму денегъ кредитору, *векселеприобрѣтателю*. Образцомъ можетъ служить слѣдующій текстъ: „С.-Петербургъ, 24 ноября 1911 года. Вексель на 2.000 рублей. 2 января 1912 года по сему В. повиненъ я заплатить Московскому купцу Петру Ивановичу Васильеву двѣ тысячи рублей. Смоленскій купецъ Сергѣй Ивановичъ Петровъ“.— Въ Россіи обращаются почти исключительно В. этого типа, часто называемые также *соло-* В., т. е. съ одной подписью. Нашъ уставъ считаетъ его какъ бы нормальнымъ типомъ и кладетъ его въ основу своей системы.— *Переводный* В. или *тратта*, а также *римесса* (отъ итальянскихъ словъ trarre—перевозить и remittere—пересылать) сложнѣе. Векселедатель, именуемый тутъ *трассантомъ*, не самъ обѣщаетъ, а поручаетъ другому лицу уплатить сумму денегъ кредитору, который въ этомъ случаѣ называется *ремиттентомъ*. То лицо, которому дается порученіе, называется *трассатомъ*, а послѣ того, какъ оно, съ своей стороны, присоединится и обяжется уплатить по В., — *акцептантомъ*. Съ внѣшней стороны переводный В. отличается, слѣдовательно, тѣмъ, что онъ пишется не въ первомъ лицѣ, а во второмъ, и что въ немъ упоминаются не два участника, а три. Въ Зап. Европѣ рѣшительно преобладаетъ этотъ второй типъ. У насъ онъ встрѣ-

чается почти только въ области торговыхъ сношеній съ иностранными фирмами. Образцомъ служитъ слѣдующій текстъ: „Петербургъ, 24 ноября 1911 г. Вексель на 2.000 рублей. По предъявленіи сего В. заплатите Московскому купцу Петру Ивановичу Васильеву (*ремиттентъ*) двѣ тысячи рублей въ городѣ Вязьмѣ. Ярославскому купцу Николаю Сидоровичу Иванову (*трассатъ*) въ г. Вязьмѣ. Петербургскій купецъ Иванъ Сергѣевичъ Степановъ (*трассантъ*)".

Какъ въ германскомъ, такъ и въ русскомъ правѣ оба типа В. подлежатъ почти во всѣхъ отношеніяхъ общимъ нормамъ и оба называются *Wechsel, вексель*. Другія законодательства проводятъ болѣе замѣтную грань между ними и обозначаютъ ихъ различными терминами, напр. французское и англійское: простой В.—billet à ordre и promissory note, а переводный—lettre de change и bill of exchange.

I. *Исторія В.* В. возникъ въ средніе вѣка. Попытки отнести его корни къ древнему міру лишены почвы. Родиной В. были романскія страны побережья Средиземнаго моря, преимущественно Италія, гдѣ В. сложился въ XII ст. отчасти подъ вліяніемъ арабскихъ юридическихъ мотивовъ, но затѣмъ развился вполнѣ самостоятельно на почвѣ купеческаго обычая. Понынѣ споренъ вопросъ, какой типъ В. возникъ раньше—простой или переводный. Вѣроятнѣе первое. Уже средневѣковое названіе В.—cambium—указываетъ, что поводомъ къ возникновенію его послужила необходимость часто прибѣгать къ размѣну денегъ, которыя самостоятельно чеканились тогда каждымъ мелкимъ итальянскимъ государствомъ-городомъ. Наряду съ этимъ торговцу приходилось считаться съ постоянной опасностью въ пути отъ сухопутныхъ и морскихъ разбойниковъ или отъ непріятельскихъ войскъ, одинаково грабившихъ всѣхъ проѣзжихъ. Первоначальной формой В. было, повидимому, нотаріальное обѣщаніе мѣнялы-банкира, данное купцу, внесшему ему сумму денегъ въ мѣстной валютѣ, уплатить затѣмъ соотвѣтствующую сумму въ другомъ городѣ, въ тамошней валютѣ, лицу, которое укажетъ внесшій деньги купецъ. Свое обязательство банкиръ выполнялъ либо черезъ посредство филіальнаго отдѣленія въ мѣстѣ платежа, либо, гораздо чаще, черезъ посредство другого банкира въ мѣстѣ назначенія. Обмѣниваясь подобными порученіями, они сокращали необходимость пересылки денегъ изъ города въ городъ. Первый банкиръ долженъ былъ, конечно, послать порученіе второму произвести уплату. Письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ его объ этомъ (оно-то первоначально называлось траттой), онъ передавалъ для пересылки по назначенію купцу, внесшему деньги, передъ которымъ онъ обязался. Поэтому-то послѣдній и былъ названъ ремиттентъ, пересылающій. Въ письмѣ указывалось еще лицо, которое должно было предъявить его въ мѣстѣ назначенія (корреспондентъ купца-кредитора). Это четвертое лицо именовалось *презентантомъ*, предъявителемъ. Постепенно отношенія стали упрощаться. Основываясь на купеческихъ обычаяхъ, суды стали признавать, что одного упомянутаго выше увѣдомительнаго письма достаточно, чтобы обосновать требованіе, хотя бы первоначальнаго обязательства не было выдано. Затѣмъ перестали указывать въ траттѣ особаго презентанта, предоставляя ремиттенту самому указать его. Начиная съ XIV в. установился обычай предварительно, еще до наступленія срока платежа, предъявлять тратту плательщику, съ цѣлью удостовѣриться, согласенъ ли онъ въ срокъ исполнить данное ему порученіе, т. е. *акцептуетъ* ли онъ тратту. Этотъ обычай развился въ особенности подъ вліяніемъ оживленнаго вексельнаго оборота на ярмаркахъ въ Шампани и въ Ліонѣ, процвѣтавшихъ съ XIII по XVI ст. и оказавшихъ вообще громадное вліяніе на развитіе и объединеніе вексельныхъ обычаевъ Зап. Европы, такъ какъ на эти ярмарки собирались купцы и банкиры (campsores) всѣхъ культурныхъ странъ. На ярмаркахъ же установились особенно строгіе пріемы взысканія по В., а также обычай удостовѣрять при нотаріусѣ и при свидѣтеляхъ, *протестовать*, фактъ отказа въ

принятіи тратты или въ платежѣ по В., чтобы обезпечить себѣ право потребовать затѣмъ уплаты по обороту отъ трассанта (*регрессъ*). Однако, лишь съ XVII ст. вошла въ употребленіе многократная передача В. изъ рукъ въ руки по надписи (*индоссаменту*): раньше разрѣшалось передать В. только одинъ разъ. Лишь съ этого времени В. сталъ вполнѣ пригоднымъ, достаточно гибкимъ орудіемъ кредита.

II. *Законодательство о В.* До конца XV в. вексельныя отношенія опредѣлялись почти исключительно купеческими обычаями. Впервые ихъ стали кодифицировать статуты отдѣльныхъ городовъ Италіи. Особеннымъ авторитетомъ пользовались статуты Болоньи, издававшіеся все въ новыхъ редакціяхъ съ 1509 по 1569 гг. Затѣмъ вексельное право было урегулировано во Франціи, гдѣ В. играли особенно крупную роль благодаря упомянутымъ ярмаркамъ. Главными памятниками были: ordonnance du commerce 1673 г. и Code de commerce 1807 г. Послѣдній дѣйствуетъ понынѣ, во Франціи съ измѣненіями, а у насъ, въ Ц. Польскомъ, даже въ своемъ первоначальномъ видѣ. Принципіально новую постановку вексельное право получило затѣмъ въ германскомъ вексельномъ уставѣ 1847 г., которому предшествовала необыкновенно интенсивная теоретическая разработка этого института со стороны нѣмецкихъ ученыхъ. Новый уставъ, составившій первый шагъ къ объединенію нѣмецкаго права, характеризуется стремленіемъ возможно обособить В. отъ тѣхъ основаній, по поводу которыхъ онъ возникаетъ. Упрощая задачу устава, эта тенденція облегчила объединеніе нормъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще увеличила способность В. къ быстрому и легкому обращенію. Эта же черта сдѣлала нѣмецкій уставъ наиболѣе пригодной почвой для объединенія международнаго вексельнаго права.

Въ Россіи В. появились въ концѣ XVII в. подъ названіемъ „переводныхъ писемъ“. Первый уставъ о В., изданный въ 1729 г., былъ составленъ по нѣмецкимъ образцамъ. Второй, утвержденный въ 1832 г., слѣдовалъ преимущественно французскому кодексу торговому. Нынѣ дѣйствуетъ уставъ, изданный въ 1902 г. и включенный въ Сводъ Законовъ (т. XI, ч. 2) въ 1903 г., каковымъ годомъ онъ обыкновенно и датируется. Онъ почти во всемъ слѣдуетъ германскому уставу.

Уже давно подготовляется *объединеніе* вексельнаго права культурныхъ народовъ, которое значительно облегчило бы торговыя сношенія между ними. Оно значительно облегчается установившеюся постепенно близостью нормъ различныхъ странъ. Въ настоящее время есть основанія ожидать осуществленія этихъ стремленій въ близкомъ будущемъ. Лѣтомъ 1910 г. въ Гаагѣ засѣдала международная конференція, выработавшая проектъ единаго вексельнаго права, въ основу котораго положено начало германскаго устава. Въ 1911 г. проектъ долженъ быть обсужденъ вторично. Россія примкнула къ соглашенію. Такъ какъ нашъ уставъ тоже уже близокъ къ германскому, то введеніе въ дѣйствіе международнаго устава мало измѣнитъ наше дѣйствующее право, ниже изложенное.

III. *Природа В.* Сложный, несмотря на кажущуюся внѣшнюю простоту его, характеръ В. издавна затрудняетъ юристовъ, пытающихся поставить его въ органическую связь съ общими началами гражданскаго права. Многочисленныя въ прежнее время попытки отнести В. къ какому-либо изъ существовавшихъ раньше типовъ обязательственныхъ сдѣлокъ всѣ потерпѣли крушеніе. Затѣмъ нѣмецкіе ученые въ XIX ст. уже стали видѣть въ В. формальное, одностороннее письменное обѣщаніе. Нѣкоторые даже прямо называли В. „купеческими бумажными деньгами“ или приравнивали его къ различнаго рода бумагамъ на предъявителя (Эйнертъ, Кунце). Въ настоящее время, однако, все возрастающее число юристовъ примыкаетъ къ посредствующей теоріи, которую въ числѣ первыхъ выдвинули, хотя и съ различными оттѣнками, нѣмецкіе ученые Тель (Thöl) и Гольдшмидтъ. Она лучше другихъ уясняетъ двойственный характеръ В. Въ основѣ ея лежитъ признаніе В. *цѣнной бумагой* (*см.*), т. е. документомъ, правомочія по которому и при самомъ установленіи ихъ, и при переходѣ къ

другимъ лицамъ неразрывно связаны съ бумагою - документомъ: они всегда могутъ быть осуществлены только обладателемъ этого послѣдняго. Но, въ отличіе отъ другихъ категорій цѣнныхъ бумагъ (напр. облигацій и т. п.), В. вступаетъ въ силу не со времени его подписанія, а лишь при *выдачѣ* его кредитору со стороны должника. Самая передача В. имѣетъ характеръ договора между векселедателемъ и векселепринимателемъ. Слѣдовательно, въ основѣ В. лежитъ *договоръ*, но не предшествовавшій его составленію или воплощенный въ немъ самомъ, какъ думали раньше, а слѣдующій за составленіемъ его.

Какъ цѣнная бумага, В. подлежитъ преимущественно нормамъ вещнаго права: на него устанавливается собственность, владѣніе и т. д. Это безспорно точка зрѣнія и нашего устава: ст. 15, 16, 27 говорятъ о „выдачѣ“ и о „владѣніи“. Ст. 17 прямо постановляетъ, что В. передается въ „собственность“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, В. воплощаетъ долгъ, обязанность уплатить сумму денегъ. Въ этомъ отношеніи онъ является одностороннимъ обязательствомъ отвѣтственныхъ по нему лицъ. При томъ онъ—обязательство строго формальное, дѣйствительное только при педантически точномъ соблюденіи требованій закона. Въ связи съ этимъ порядокъ осуществленія требованій по В. отличается упрощенностью и строгостью производства (хотя по русскому праву это и не вполнѣ оправдывается).

Какъ долговое обязательство, допускающее указаніе только голой обязанности уплатить сумму денегъ, В. не можетъ отразить въ себѣ тѣхъ, подчасъ сложныхъ, хозяйственныхъ отношеній, по поводу которыхъ онъ выдается или передается. Напр., торговецъ купилъ у фабриканта партію товара для перепродажи. Онъ не въ состояніи, однако, уплатить за него наличными, а выдаетъ фабриканту В. на покупную сумму, срокомъ на 6 или 12 мѣсяцевъ, или передаетъ ему по надписи В., полученный имъ самимъ отъ третьяго лица, своего покупателя. В. не можетъ содержать никакого указанія на условія договора купли-продажи товара, которая по отношенію къ В., выданному для ея реализаціи, называется „*основною сдѣлкой*“. Несмотря, однако, на отсутствіе въ самомъ В. указанія на нее, пока В. еще въ рукахъ того кредитора, съ которымъ заключена эта основная сдѣлка, должникъ можетъ защищаться противъ иска изъ такого В. ссылкою на условія основной сдѣлки; необходимо лишь, чтобы у него имѣлись письменныя доказательства связи В. съ этой сдѣлкой, такъ какъ ссылка на свидѣтелей при спорѣ о В. въ видѣ общаго правила не допускается. Напр., торговецъ можетъ представлять переписку или книги, изъ которыхъ явствуетъ, что купленный товаръ не былъ доставленъ ему или что онъ не соотвѣтствовалъ условленнымъ качествамъ. Это означаетъ, что выдача В., сама по себѣ, еще не заканчиваетъ прежнихъ расчетовъ. Только когда В. перешелъ по надписи въ руки третьяго лица и послѣднее было, при томъ, добросовѣстно, т. е. не знало о возраженіяхъ, которыя могли быть сдѣланы прежнему векселедержателю, только тогда векселедателю придется уплатить по В. безусловно, независимо отъ того, была ли осуществлена надлежащимъ образомъ основная сдѣлка, по поводу которой онъ выдалъ В. Юридически это выражается въ положеніи, что въ рукахъ первоначальнаго векселедержателя В. представляетъ лишь *формально-абстрактное* обязательство, и лишь въ рукахъ дальнѣйшихъ добросовѣстныхъ держателей В. становится абстрактнымъ и *матеріально*, т. е. по существу (см. ст. 24 и 33).

IV. *Основныя положенія вексельнаго права.* 1. *Векселеспособность.* Обязываться В. могутъ всѣ, кому дозволено вступать въ долговыя обязательства. Лишены векселеспособности въ виду строгости порядка взысканія по В. (нынѣ, впрочемъ, весьма смягченной): а) лица духовнаго званія и б) замужнія женщины безъ согласія мужей и дѣвицы, отъ родителей не отдѣленныя, безъ согласія послѣднихъ, если тѣ и другія не производятъ торговли отъ собственнаго имени (ст. 2). Ограниченіе для крестьянъ, еще указанное въ Уст. Векс., нынѣ отмѣнено. В., вы-

*

данный невекселеспособнымъ лицомъ, сохраняетъ силу гражданскаго долгового обязательства, если онъ въ остальномъ отвѣчаетъ требованіямъ закона.

2. *Составленіе В.* Всякій В. долженъ быть писанъ на гербовой бумагѣ установленнаго образца и разбора (Уст. герб., ст. 47 и 130– 132) и долженъ имѣть опредѣленное число *реквизитовъ*, необходимыхъ элементовъ: простой В.—7, а переводный—9. Отсутствіе или неправильная формулировка хотя бы одного изъ нихъ лишаетъ документъ вексельной силы (ст. 14). Какъ простой, такъ и переводный В. должны содержать: 1) Означеніе мѣста и времени составленія В. Ими опредѣляется, какому закону подчиняется форма В., а также—обладалъ ли должникъ во время выдачи векселеспособностью; въ простомъ В., кромѣ того, мѣсто составленія считается и мѣстомъ платежа, если не оговорено иное (ст. 7 и 83). 2) Наименованіе документа, въ самомъ текстѣ (а не только сверху или сбоку), словомъ „*вексель*“ или другимъ, соотвѣтствующимъ ему терминомъ, напр. „тратта“. Это такъ наз. „*вексельная мѣтка*“. 3) Заявленіе векселедателя, что онъ обязуется уплатить по В., или приказъ плательщику произвести платежъ по нему. 4) Означеніе фамиліи или фирмы лица, которому В. выдается, векселепріобрѣтателя. Это требованіе равносильно запрещенію выдавать В. „на предъявителя“. Векселепріобрѣтателей можетъ быть нѣсколько. 5) Означеніе подлежащей платежу денежной суммы непремѣнно прописью. Въ ней не допускается никакихъ поправокъ. Сумма можетъ быть указана и въ иностранной валютѣ, но тогда она подлежитъ взысканію въ переводѣ на русскую валюту по курсу. 6) Означеніе срока платежа. Въ отличіе отъ общегражданскихъобязательствъ,срокъ В. можетъ быть указанъ только одинъ, при томъ лишь однимъ изъ предусмотрѣнныхъ закономъ типичныхъ способовъ: а) опредѣленнымъ календарнымъ днемъ, напр., 2 января 1915 г.; б) отъ составленія В. во столько-то времени, напр. черезъ три мѣсяца (a dato); в) по предъявленію (a vista); г) по предъявленію во столько-то времени, напр. черезъ три дня по предъявленіи. При этихъ двухъ послѣднихъ срокахъ допускается указаніе еще особаго срока, до истеченія котораго В. долженъ быть предъявленъ, при чемъ этотъ „особый“ срокъ не можетъ превышать 12 мѣс. Наконецъ, допускается назначеніе срока платежа „на такой-то ярмаркѣ“ или „на такой-то ярмаркѣ по предъявленію“. 7) Послѣднимъ общимъ реквизитомъ В. является подпись векселедателя (трассанта). Векселедателей можетъ быть нѣсколько, но сумма долга все же не дробится, а они отвѣчаютъ солидарно. Подпись должна быть собственноручной; если же векселедатель почему-либо не въ состояніи сдѣлать ее самъ, то подпись замѣняющаго его лица должна быть засвидѣтельствована нотаріусомъ. — Сверхъ перечисленныхъ общихъ реквизитовъ, *переводный* В. долженъ содержать еще: 8) наименованіе плательщика по В. (трассата) и 9) означеніе мѣста платежа или мѣста жительства плательщика (ст. 3—14 и 86—88).

Сверхъ перечисленныхъ необходимыхъ частей, въ составѣ В. нерѣдко встрѣчаются еще произвольныя добавленія. Частью они допустимы. Таковы сохранившіяся на практикѣ по старой привычкѣ оговорки о полученіи валюты по В. (т. е. той цѣнности, въ обмѣнъ на которую передается В.): раньше законъ требовалъ ее. Частью эти оговорки, однако, недопустимы: нѣкоторыя изъ нихъ просто не имѣютъ силы, отбрасываются, напр., условія о платежѣ процентовъ или неустойки по В.; другія опорачиваютъ весь В., напр., оговорка о томъ, что онъ выдается лишь условно (ст. 11—12).

Въ виду строгости и формализма В. признается, что актъ, не удовлетворяющій хотя бы одному изъ перечисленныхъ въ законѣ требованій, не почитается В., а учиненные на такомъ актѣ подписи и надписи не имѣютъ вексельной силы (ст. 14). Но, въ виду прочно укоренившагося обыкновенія торговаго оборота, законъ вынужденъ отступить отъ этого начала, признавая, что подписанный *бланкъ* вексельной бумаги, по заполненіи его не

только самимъ векселедателемъ, но и векселедержателемъ, которому бланкъ съ этою цѣлью выданъ, и даже третьими лицами, къ которымъ бланкъ законно перейдетъ, получаетъ силу векселя (см. рѣш. гр. касс. деп. Сената 1892 г., № 15 и 1908 г., № 65). Относительно заполненія пустого или не вполнѣ заполненнаго бланка какъ бы заключается особый дополнительный договоръ. Нарушеніе этого договора, т. е. заполненіе бланка не тѣмъ содержаніемъ, которое имѣлось въ виду при его выдачѣ, составляетъ уголовное преступленіе (Улож. о нак. ст. 1694).

3. Простой В. представляется законченнымъ документомъ уже съ момента его составленія. Напротивъ, переводный В., въ которомъ векселедатель поручаетъ другому уплатить третьему лицу, еще нуждается въ согласіи плательщика или трассата. Согласіе выражается имъ, по предъявленіи ему В., въ формѣ надписи на В. или хотя бы путемъ простого начертанія своего имени на немъ. Этотъ актъ называется *принятіемъ*, *акцептомъ* В. Какъ для векселедержателя предъявленіе В. къ принятію, такъ, конечно, и самое принятіе его для трассата не обязательны. Но если В. принятъ, то плательщикъ, называемый тогда акцептантомъ, уже безусловно отвѣчаетъ передъ векселедержателемъ. Принимая В., плательщикъ не можетъ дѣлать никакихъ оговорокъ къ тексту В., кромѣ указанія на то, что онъ принимаетъ В. лишь въ части суммы, на которую онъ выданъ, или указанія еще особаго плательщика. Въ случаѣ полнаго или хотя бы частичнаго отказа плательщика отъ принятія В., векселедержатель долженъ удостовѣрить это обстоятельство протестомъ (см. ниже) и послѣ этого можетъ потребовать уплаты по неакцептованному В. досрочно отъ векселодателя (трассанта), лишь съ учетомъ изъ 6% (ст. 91—100).

4. *Передача В.* Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ современнаго В. является способъ его передачи. Послѣдняя совершается путемъ надписи, которая называется *индоссаментомъ*, т. к. она ставится на „спинѣ“ (dos) В., на оборотной его сторонѣ. Значеніе индоссамента совершенно иное, чѣмъ значеніе передаточной надписи на документѣ по общегражданскому праву: послѣдняя передаетъ новому кредитору ровно столько правъ, сколько ихъ было у прежняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, со времени перехода документа, прежній кредиторъ выбываетъ изъ отношенія. Индоссаментъ отличается въ двухъ отношеніяхъ: а) онъ создаетъ для новаго добросовѣстнаго векселедержателя, *если В. былъ переданъ ему* (ст. 23), какъ бы новое, самостоятельное вексельное право, независимое даже отъ дѣйствительности передаточной надписи: правильный съ формальной стороны, индоссаментъ *легитимируетъ* векселедержателя, и должникъ даже не въ правѣ провѣрять, т. е. оспаривать подлинность надписей на В. (ст. 28), и не можетъ ссылаться противъ добросовѣстнаго новаго векселедержателя на многія возраженія, которыя онъ могъ бы противопоставить прежнему (ст. 33); б) тотъ, кто ставитъ на В. свой индоссаментъ, не выбываетъ окончательно изъ вексельнаго отношенія; онъ отвѣчаетъ передъ всѣми послѣдующими векселедержателями въ случаѣ неуплаты по В. въ срокъ, если это обстоятельство будетъ своевременно удостовѣрено протестомъ (см. ниже). Онъ становится какъ бы самъ новымъ векселедателемъ. Эту отвѣтственность по обороту противъ него индоссантъ можетъ, впрочемъ, сложить съ себя, прибавивъ къ своей надписи слова „безъ оборота на меня“. Этимъ онъ, конечно, дискредитируетъ В., показывая, что не вѣритъ въ исправность векселедателя.—Во всѣхъ случаяхъ В. можетъ быть переданъ по надписи только въ полной суммѣ (В. не подлежитъ дробленію). — *Форма надписи* возможно простая. Она сводится къ подписи индоссамента, либо съ указаніемъ имени лица, которому В. передается—это *именная* надпись, либо безъ указанія его—*бланковая* надпись. Въ первомъ случаѣ дальнѣйшій переходъ В. требуетъ надписи со стороны лица, указаннаго въ предшествующемъ индоссаментѣ какъ векселепріобрѣтатель, въ непрерывной цѣпи. Во второмъ

случаѣ новымъ кредиторомъ и собственникомъ В. и безъ новой надписи будетъ считаться всякій добросовѣстный держатель В., которому онъ переданъ его предшественникомъ. Такой В. значительно сближается съ цѣнною бумагою, выданной „на предъявителя". Именныя и бланковыя надписи могутъ, однако, и чередоваться (ст. 18—21). Передаточныя надписи могутъ ставиться на В. въ теченіе всего времени, пока онъ циркулируетъ, при чемъ время совершенія надписи не указывается и вообще не играетъ роли. Исключеніе составляетъ только случай, когда В. передается по надписи послѣ срока для протеста или послѣ протеста: тогда надпись служитъ только для передачи В., но не устанавливаетъ отвѣтственности индоссанта по обороту (ст. 56).—Самая возможность передавать В. другимъ лицамъ упрощеннымъ способомъ, по индоссаменту, нынѣ присуща В. по самой природѣ его. Даже если векселедатель или кто-либо изъ надписателей путемъ особой оговорки воспретитъ передачу, то В. все же можетъ циркулировать по передаточнымъ надписямъ; послѣднія не будутъ имѣть силы только по отношенію къ тому, кто воспретилъ передачу (ст. 22).—В., конечно, можетъ переходить къ другимъ лицамъ не только по индоссаменту, но и всѣми другими допускаемыми гражданскимъ правомъ способами. Особенно большое значеніе имѣетъ переходъ В. по наслѣдству. Тутъ наслѣдникъ вступаетъ во всѣ права своего наслѣдодателя, но, очевидно, подчиняется также всѣмъ ограниченіямъ (возраженіямъ), которымъ подчинялся послѣдній.

5. *Вексельное полномочіе.* Кромѣ полной, передаточной надписи на В., векселедержатель можетъ сдѣлать такъ наз. *препоручительную* надпись, которой онъ уполномочиваетъ другого осуществить права по В. съ тѣмъ, чтобы полученная сумма была передана ему. Въ такой надписи всегда необходимо указать имя уполномоченнаго. Надписатель остается собственникомъ векселя, и, въ случаѣ спора, всѣ возраженія, которыя должникъ въ правѣ сдѣлать противъ надписателя, могутъ быть выдвинуты и противъ уполномоченнаго. Послѣдній осуществляетъ всѣ права векселедержателя, но онъ не можетъ передавать В. по полной передаточной надписи.

На практикѣ, однако, нерѣдко прибѣгаютъ и къ полной передаточной надписи безъ намѣренія передать В. въ собственность, а только чтобы уполномочить векселедержателя на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій или предоставить ему ограниченное вещное право на В., напр., право залога. Въ подобныхъ случаяхъ говорятъ о *фидуціарномъ* индоссаментѣ, которое по формѣ передаетъ больше правъ, чѣмъ по существу отношенія. Для добросовѣстныхъ третьихъ лицъ, т. е. не освѣдомленныхъ объ этомъ, особыя соглашенія между надписателемъ и новымъ векселедержателемъ не имѣютъ значенія; но если они освѣдомятся о нихъ, они обязаны считаться съ таковыми и, въ свою очередь, могутъ воспользоваться возраженіями, имѣвшимися у нихъ противъ надписателя.

6. *Платежъ по В.* Всякое требованіе по В. обусловливается владѣніемъ имъ. Благодаря легкой обращаемости В., должникъ можетъ не знать при томъ, кто является векселедержателемъ ко времени наступленія срока. Поэтому векселедержатель обязанъ *предъявить* В. должнику не только для принятія, если вексель переводный, и для отмѣтки дня предъявленія (т. наз. *визы*), если это необходимо для исчисленія срока, но и при наступленіи срока платежа. *Время*, когда наступаетъ срокъ В., исчисляется согласно подробнымъ и точнымъ указаніямъ Уст. Век., на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться (см. ст. 37—38). Если въ мѣстѣ составленія и въ мѣстѣ платежа по В. дѣйствуютъ различные стили, то срокъ исчисляется по стилю мѣста его составленія (ст. 39). При предъявленіи В. дѣйствующій уст., допускаетъ, однако, льготные дни, но не для должника, какъ прежній, а для кредитора. В. срокомъ на опредѣленный день, или отъ составленія В. во столько-то времени, или во столькото времени по предъявленію, можетъ быть предъявленъ къ платежу либо въ самый день срока, либо въ одинъ

изъ двухъ ближайшихъ затѣмъ непраздничныхъ дней. В. же по предъявленію долженъ быть предъявленъ не позже истеченія двѣнадцати мѣсяцевъ со дня его составленія. Наконецъ, т. наз. „ярмарочные В.“ предъявляются либо наканунѣ ея закрытія (когда она продолжительна) или въ самый день ярмарки (когда она однодневна), либо по усмотрѣнію, если срокъ назначенъ „на ярмаркѣ по предъявленіи“ (ст. 41 — 43). *Мѣсто* предъявленію часто указывается въ В.; если оно не оговорено, имъ является мѣстожительство плательщика (трассата) при переводномъ В. или мѣсто составленію В. при простомъ В. Въ В. можетъ быть указано и помѣщеніе, въ которомъ долженъ быть произведенъ платежъ по нему. Обыкновенно это торговое помѣщеніе должника, и лишь если такового нѣтъ,—его квартира. В. долженъ быть предъявленъ, по крайней мѣрѣ должна быть сдѣлана попытка предъявить его, должнику, т. е. векселедателю, если В. простой, или акцептовавшему его плательщику, если онъ переводный, при томъ независимо отъ того, утратили ли они правоспособность, впали ли они въ несостоятельность и т. д. Иногда въ В. указывается „особый плательщикъ“ (домициліатъ); таковой не является должникомъ, но замѣняетъ послѣдняго (ст. 8, 93 и др.). Тогда достаточно предъявить В. особому плательщику и можно не отыскивать должника. — Платежъ совершается въ русскихъ деньгахъ; при томъ, если В. писанъ на иностранную валюту, то по курсу предшествовавшаго дня.—Въ доказательство платежа векселедержатель долженъ вручить В. должнику съ своей платежной росписью. Послѣднее необходимо въ особенности тогда, когда у уплатившаго могутъ оказаться обратныя требованія по поводу оплаты В. Въ отличіе отъ общаго гражданскаго права, векселедержатель не въ правѣ отказаться даже отъ частичной уплаты долга; но тогда онъ сохраняетъ В. съ соотвѣтствующей отмѣткою на немъ уплатившаго. Если В. не былъ предъявленъ въ срокъ, то должникъ можетъ освободиться, внеся причитающуюся сумму въ подлежащій судъ (ст. 45—48). Но до наступленія срока векселедержатель не обязанъ принимать добровольнаго платежа и, конечно, не въ правѣ требовать платежа (ст. 36).

7. *Послѣдствія неплатежа.* Если при предъявленіи В. въ срокъ по нему не будетъ уплачено, по какой бы то ни было причинѣ, напр. вслѣдствіе смерти, несостоятельности должника и т. д., векселедержатель долженъ учинить *протестъ въ неплатежѣ*. Если онъ упуститъ протестъ хотя бы безъ вины съ своей стороны, даже подъ вліяніемъ непреодолимой силы, онъ все же терпитъ указанныя ниже умаленія въ своихъ правахъ (ст. 35 и 49).— Самый обрядъ протеста все еще отличается у насъ излишней сложностью. Нѣкот. законодательства уже упразднили его, по крайней мѣрѣ отчасти (англійское—для внутреннихъ В.), другія — упростили (германское — поручаетъ его нынѣ преимущественно почтовымъ чиновникамъ). У насъ протестъ совершается нотаріусомъ или замѣняющимъ его лицомъ. Протестъ требуетъ, въ видѣ общаго правила, трехъ дней. Векселедержатель предъявляетъ В. нотаріусу въ одинъ изъ дней, указанныхъ выше для предъявленія его къ платежу. Нотаріусъ въ тотъ же день посылаетъ должнику требованіе о платежѣ, обыкновенно въ формѣ особой повѣстки. На слѣдующій за симъ день нотаріусъ выжидаетъ до трехъ часовъ и, если платежъ не поступитъ, протестуетъ В., т. е. вноситъ запись о томъ въ реестръ и дѣлаетъ отмѣтку на В. Протестъ вступаетъ, однако, въ силу лишь со времени составленія о томъ особаго акта, который долженъ быть составленъ не позже слѣдующаго (третьяго) дня. Содержаніе акта точно указывается закономъ. Протестъ совершается только разъ, противъ главнаго должника или противъ всѣхъ должниковъ, если ихъ нѣсколько; остальнымъ отвѣтственнымъ по В. лицамъ нотаріусъ посылаетъ извѣщеніе о протестѣ, если ихъ адресъ извѣстенъ (ст. 67—72).

Упущеніе протеста не влечетъ за собою утраты В. вексельной силы, какъ то было по прежнимъ уставамъ,

а только умаляетъ права векселедержателя: а) отвѣтственность надписателей (индоссантовъ) отпадаетъ совсѣмъ; б) отвѣтственность векселедателя или акцептанта ослабляется: они не платятъ процентовъ со дня просрочки, а лишь процессуальные проценты; въ случаѣ признанія ихъ несостоятельными должниками, непротестованные (запущенные) В. ихъ относятся ко второму роду долговъ (т. е., удовлетворяются не въ первую очередь), хотя бы книги должника и показывали, что валюта (товаръ, деньги и т. д.) за эти В. была получена имъ и т. д. (Уст. векс. 50, 55, 103; Уст. суд. торг., ст. 489).

Если векселедержатель своевременно опротестовалъ В., онъ можетъ обратиться „по праву оборота“ съ такъ наз. регрессомъ къ надписателямъ (индоссантамъ), ко всѣмъ вмѣстѣ или къ отдѣльнымъ изъ нихъ, въ любомъ порядкѣ, и потребовать уплаты ими, вмѣсто векселедателя, вексельной суммы съ шестью процентами, издержекъ протеста и законной неустойки въ четверть процента съ общей суммы. Каждый надписатель, уплатившій эту регрессную сумму, въ свою очередь, получивъ В. съ актомъ протеста, можетъ обратиться противъ тѣхъ надписателей, которые, въ цѣпи надписей стоятъ выше него и т. д. При этомъ регрессная сумма постепенно возрастаетъ. Во избѣжаніе этого всякое отвѣтственное по В. лицо въ правѣ „выкупить“ опротестованный В., т. е. добровольно уплатить по нему векселедержателю (ст. 49—54).

8. *Посредничество и поручительство по В.* Во избѣжаніе осложненій, связанныхъ съ непринятіемъ переводнаго В. и съ неплатежомъ по всякому В., допускается вступленіе въ вексельное отношеніе сторонникъ лицъ, либо указанныхъ на этотъ случай въ самомъ В.,—тогда они называются „посредниками на случай“, либо не указанныхъ въ немъ, — вступающихъ, какъ говорится, „за честь“ кого-либо изъ отвѣтственныхъ по В. лицъ (ст. 60 — 66, 105 — 110). Посредничество въ платежѣ не можетъ быть отвергнуто векселедержателемъ. Исправный платежъ по В. отвѣтственными по нему лицами можетъ быть также обезпеченъ *поручительствомъ* путемъ надписи на В. (*аваль*) (ст. 57—59).

9. *Прекращеніе вексельнаго требованія.* Такъ какъ осуществленіе правъ по В., какъ по цѣнной бумагѣ, неразрывно связано съ обладаніемъ документомъ, то при утратѣ послѣдняго приходится признать утраченнымъ и самое право. Это положеніе не устраняется, а лишь смягчается правилами о временномъ пріостановленіи платежей по утраченному В. и о порядкѣ полученія вексельной суммы въ случаѣ спора со стороны владѣльца такого В. (ст. 78—81, 125). Особенностью В. является также *краткая давность*, погашающая вексельное требованіе. Она исчисляется различно для отдѣльныхъ лицъ, отвѣтственныхъ по В.: векселедержатель можетъ предъявить искъ къ главнымъ отвѣтчикамъ — къ векселедателю простого В. и къ акцептанту переводнаго—въ теченіе *пяти* лѣтъ со дня срока, а къ надписателямъ и поручителямъ—въ теченіе *года* со дня протеста; надписатель, оплатившій В. по обороту, можетъ въ свою очередь обратиться къ своимъ предшественникамъ въ теченіе *шести мѣсяцевъ* со времени уплаты, а всѣ расчеты между надписателями и поручителями должны быть закончены въ *три* года. Въ случаѣ пропуска соотвѣтствующаго срока, участники вексельнаго отношенія совершенно освобождаются отъ всякой отвѣтственности по В. (ст. 73—77). В. не сохраняетъ хотя бы силы гражданскаго обязательства.

10. *Примѣненіе иностранныхъ и мѣстныхъ законовъ.* Въ виду того, что В. легко обращается и особенно часто служитъ средствомъ для международныхъ дѣловыхъ расчетовъ, въ области вексельнаго права оказалось необходимымъ точнѣе разграничить предѣлы дѣйствія законовъ. Въ основѣ этихъ „коллизіонныхъ“ нормъ лежатъ общія начала частнаго международнаго права: формальныя условія совершенія акта обсуждаются по закону мѣста его составленія, правоспособность участниковъ—по ихъ національному праву. Но изъ этихъ началъ устанавливаются изъятія въ пользу примѣненія русскаго вексельнаго устава, если иностра-

нецъ, невекселеспособный по своему національному праву, выдастъ въ Россіи В. согласно съ русскимъ правомъ, или В. будетъ выданъ за границею не согласно съ мѣстнымъ закономъ, но согласно съ русскимъ правомъ, то подобные В. сохраняютъ силу въ Россіи (ст. 82—85). Въ случаѣ принятія международнаго вексельнаго устава (см. выше), необходимость въ спеціальныхъ коллизіонныхъ нормахъ значительно уменьшится, хотя и не устранится вполнѣ.

V. *Экономическое значеніе В.* Это значеніе въ современномъ торговомъ оборотѣ весьма значительно, въ особенности въ Западной Европѣ. Есть, однако, признаки, что въ недалекомъ уже будущемъ оно уменьшится въ виду быстро возрастающей роли банковъ, какъ общихъ посредниковъ при оказаніи кредита, и связанныхъ съ этимъ контокоррентныхъ отношеній, реализуемыхъ посредствомъ чековъ и расчетныхъ палатъ. Въ Россіи, къ тому же, В. вообще не пріобрѣлъ еще той роли, которую онъ играетъ на Западѣ, какъ то явствуетъ уже изъ преобладанія простыхъ В. У насъ В. рѣдко циркулируетъ долго и не накопляетъ длиннаго ряда послѣдующихъ надписей, придающихъ ему все возрастающую цѣнность, какъ то бываетъ, напр., въ Англіи, гдѣ встрѣчались не особенно долгосрочные В. болѣе, чѣмъ съ сотнею индоссаментовъ. Нашъ В. быстро, едва набравъ необходимое число подписей (2 или 3), попадаетъ въ портфель банка до наступленія срока.

Роль В. въ хозяйственномъ оборотѣ страны двоякая. Какъ долговое обязательство, В. служитъ орудіемъ кредита, а какъ цѣнная бумага, уже воплотившая въ себѣ обязательства кредитоспособныхъ лицъ, онъ можетъ явиться средствомъ для расплаты, погашенія требованій. Однако, эти двѣ функціи неразрывно связаны между собою и нерѣдко переходятъ одна въ другую.

Въ простѣйшей формѣ В. является орудіемъ кредита при выдачѣ его взамѣнъ гражданскаго обязательства, въ результатѣ заключенія договора займа. Эту задачу В. выполняетъ не столько въ торговлѣ, сколько въ общегражданскомъ оборотѣ. При этомъ цѣнится преимущественно быстрота и строгость взысканія по нему, а не его легкая передаваемость. Именно въ этихъ случаяхъ онъ нерѣдко служитъ цѣлямъ ростовщической эксплуатаціи должника. Сложнѣе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, плодотворнѣе роль В., когда онъ выдается на основаніи какой-либо серьезной торговой сдѣлки, напр., торговцемъ, купившимъ товаръ въ кредитъ. Такой В. не погашаетъ еще долга изъ договора купли-продажи и, при отсутствіи особаго, направленнаго къ тому соглашенія, не служитъ полной замѣной его (не „новируетъ“ его). Въ извѣстныхъ случаяхъ кредиторъ по В. все еще можетъ вернуться къ первоначальной сдѣлкѣ и предъявить требованіе по ней. Принимая В., кредиторъ лишь отсрочиваетъ исполненіе по своему первоначальному требованію и обязуется сначала сдѣлать попытку осуществить его при посредствѣ В. Цѣль выдачи В. для должника—полученіе кредита. Кредиторъ же беретъ В. изъ желанія обезпечить свое требованіе путемъ окончательнаго и формальнаго установленія его въ В. лучше, чѣмъ то возможно средствами общаго права (письмами, торговыми книгами), а затѣмъ, чтобы получить возможность немедленно, еще до истеченія срока, на который онъ оказываетъ кредитъ, самому использовать это требованіе для усиленія *своего* кредита. Этой послѣдней цѣли кредиторъ достигаетъ тѣмъ, что учитываетъ полученный имъ „покупательскій“ В., т. е. продаетъ его, съ учетомъ установившихся въ данное время процентовъ, другому лицу, всего чаще банку. Иногда послѣднее, въ свою очередь, переучитываетъ его у третьяго лица. Эта операція называется *дисконтомъ*. Передавая В., учитывающій его ставитъ на немъ свою передаточную надпись и въ силу этого становится дополнительнымъ отвѣтственнымъ лицомъ по В. Послѣдній держатель В. требуетъ въ срокъ платежа по нему, а въ случаѣ неплатежа со стороны векселедателя, онъ взыскиваетъ сумму долга по обороту съ надписателей. Благодаря этой комбинаціи продавецъ товара, фабрикантъ, получаетъ возможность оказывать кредитъ даже тогда,

когда онъ самъ нуждается въ немъ. Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія подобныя кредитныя операціи полезны, кромѣ того, еще потому, что ставятъ всю массу покупателей подъ бдительный контроль со стороны органовъ банковъ, занимающихся дисконтомъ В. (учетныхъ комитетовъ), которые провѣряютъ кредитоспособность и аккуратность векселедателей и косвенно побуждаютъ ихъ къ болѣе исправному соблюденію своихъ обязательствъ. Когда векселедержатель не хочетъ или не можетъ учесть получен. имъ В., онъ часто все еще можетъ *заложить* ихъ, хотя бы въ части номинальной суммы. Залогъ В., съ обязательствомъ для самого векселедержателя выкупить его до срока, облекаемый у насъ обыкновенно въ форму т. наз. „реверсной сдѣлки“ (по реверсу—дополнительному обязательству о выкупѣ), также нерѣдко служитъ обезпеченіемъ при открытіи банкомъ кредита. Наконецъ, иногда В. прямо выдаются въ качествѣ „обезпечительныхъ“, т. е. на случай возникновенія долга въ будущемъ. Такъ, участники многочисленныхъ и у насъ синдикатовъ выдаютъ В. на имя своихъ центральныхъ организацій („обществъ продажи“) съ тѣмъ, чтобы по нимъ можно было взыскать неустойку, условленную на случай неисполненія контрагентомъ условій вступленія въ синдикатъ.

В., какъ орудіемъ кредита, нерѣдко злоупотребляютъ. Не говоря о прямой поддѣлкѣ подписей и о другихъ видахъ подлога, не представляющихъ большихъ особенностей по отношенію къ В., злоупотребленія состоятъ преимущественно въ выдачѣ *фиктивныхъ* В. Такимъ является, въ тѣсномъ смыслѣ термина, В., въ которомъ значатся лица несуществующія. Они выдаются съ цѣлью ввести въ обманъ дисконтирующее В. лицо, заставить его предположить наличность еще другихъ отвѣтственныхъ по В. лицъ. Чаще встрѣчаются В., на которыхъ подписи не вымышлены, но которые фиктивны съ экономической точки зрѣнія,—т. наз. *дружескіе*, *бронзовые* или *дутые* В.: они основаны не на дѣйствительно совершенныхъ между участниками сдѣлкахъ (займѣ, куплѣ-продажѣ), а выдаются для другихъ цѣлей, напр. для искусственнаго увеличенія долговъ и сокрытія этимъ путемъ имущества отъ дѣйствительныхъ кредиторовъ и т. п. При наличности особыхъ условій выдача ихъ наказуема.

Средствомъ *расплаты* въ строгомъ смыслѣ термина, т. е. для погашенія обязательствъ, путемъ взаимнаго зачета ихъ, переводные В. служатъ преимущественно и въ международномъ обмѣнѣ. Къ пересылкѣ—ремиттированію—В. кредитоспособныхъ трассатовъ, большею частью извѣстныхъ банковъ, прибѣгаютъ для избѣжанія дорогой и непроизводительной пересылки звонкой монеты. Схема отношеній слѣдующая

Банкъ или Биржа ／A (Лондонъ) ←≪ B (Магдебургъ) ＼ Банкъ или Биржа
Банкъ или Биржа ＼D (Ливерпуль) ≫→ C (Бременъ) ／ Банкъ или Биржа.

Сахарозаводчикъ В. въ Магдебургѣ продалъ сахаръ колоніальному торговцу А. въ Лондонѣ и можетъ потребовать отъ него 500 фунтовъ, т. е. онъ можетъ, согласно обычаю, въ формѣ переводнаго В. поручить ему уплатить эту сумму какому-либо третьему лицу. С. въ Бременѣ купилъ у D. въ Ливерпулѣ нѣсколько кипъ хлопка за 500 фунтовъ. Слѣдовательно С. могъ бы купить у В. заготовленный имъ переводный В. на А., ремиттировать его, послать со своей надписью своему кредитору D. и предоставить послѣднему получить 500 ф. въ Англіи же. Ни изъ Германіи въ Англію, ни наоборотъ, денегъ не пришлось бы пересылать. Эта простая схема осложняется, помимо того, что участники предположенной операціи могутъ не знать другъ о другѣ, еще тѣмъ, что обыкновенно встрѣчные В. не будутъ совпадать по суммѣ или по сроку. Поэтому цѣпь между ними сомкнется только, если какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи окажутся посредники, которые дадутъ возможность встрѣтиться соотвѣтствующимъ В. и скомбинируютъ ихъ такъ, чтобы намѣченную цѣль, взаимное погашеніе ихъ, дѣй-

ствительно удалось достичь въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Такими посредниками являются биржа и банки, куда, какъ въ общіе резервуары, стекаются В. и откуда они снова цѣлесообразно распредѣляются. Для международнаго оборота даже такихъ мѣстныхъ резервуаровъ оказывается еще недостаточно. На міровомъ вексельномъ рынкѣ Англія заняла положеніе какъ бы всеобщаго посредника. Посредствомъ В. на Англію оказывается всего удобнѣе производить разсчеты, напр. между Германіей и Норвегіей, даже между Сѣв. Америкой и Китаемъ.

Благодаря оживленному обмѣну массою В., въ главныхъ торговыхъ центрахъ устанавливается опредѣленная расцѣнка иностранныхъ В. (девизъ), которую называютъ *вексельнымъ курсомъ*. Этотъ курсъ устанавливается и отмѣняется подъ вліяніемъ ряда причинъ. Кромѣ общаго состоянія денежной валюты каждой страны, главнымъ основаніемъ для колебанія вексельнаго курса служитъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ В. на опредѣленную страну. Между долгами и требованіями двухъ странъ рѣдко наблюдается равновѣсіе. Въ зависимости отъ того, которая изъ двухъ странъ вынуждена больше посылать В., послѣдніе будутъ продаваться нѣсколько ниже или нѣсколько выше ихъ номинальной стоимости, дисконтированной къ данному моменту. Впрочемъ, отклоненія отъ номинальной цѣны, отъ т. наз. курса al pari, не могутъ быть особенно значительными; они не будутъ выше той суммы, которая необходима на пересылку денегъ изъ одной страны въ другую, съ присоединеніемъ къ ней расходовъ на упаковку и страхованіе, а также потери отъ того, что деньги во время пересылки не приносятъ процентовъ, и потери отъ размѣна ихъ на валюту мѣста назначенія. Если уклоненія вексельнаго курса будутъ замѣтно выше этой суммы, то заинтересованныя лица предпочтутъ послать звонкую монету. Этому, по возможности, однако, противодѣйствуютъ крупные мѣстные банки (напр. выдавая для вывоза только потертую монету) и тѣмъ еще нѣсколько повышаютъ возможныя уклоненія вексельнаго курса. Затѣмъ, на послѣдній вліяетъ величина дисконта, т. е. болѣе или менѣе высокихъ процентовъ, изъ которыхъ производится учетъ В., если послѣдніе срочные. Такое вліяніе оказываетъ, конечно, высота учета въ той странѣ, гдѣ В. подлежатъ оплатѣ (гдѣ тратта подлежитъ акцепту).

Какъ вообще цѣна, зависящая преимущественно отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, вексельный курсъ самъ имѣетъ вліяніе на обмѣнъ, и какъ бы самъ создаетъ коррективъ противъ слишкомъ рѣзкихъ уклоненій его въ ту или другую сторону, тяготѣя къ возстановленію равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Но этой естественной тенденціи недостаточно, и поэтому принимается рядъ искусственныхъ мѣръ въ видѣ особыхъ пріемовъ спекуляціи и спеціальной политики руководящихъ банковыхъ учрежденій. Къ первымъ относится т. наз. *арбитражъ* (*см.*), спекуляціонная дѣятельность, которая изъ различія состоянія курса на разныхъ рынкахъ извлекаетъ выгоду, покупая В. по болѣе дешевой цѣнѣ въ одномъ мѣстѣ и продавая ихъ въ то же время по болѣе дорогой цѣнѣ въ другомъ мѣстѣ.—Банки оказываютъ вліяніе на вексельный курсъ, измѣняя уровень дисконта. Если гдѣ-либо уровень дисконта будетъ повышенъ, то спросъ на В. на эту страну увеличится, т. к. покупка ихъ по повышенному дисконту выгодна: она равносильна временному помѣщенію денегъ по высокимъ процентамъ. Но, само собою разумѣется, подобныя искусственныя мѣры вліяютъ на улучшеніе курса только при *временномъ* нарушеніи равновѣсія между привозомъ и вывозомъ, между спросомъ и предложеніемъ В. Если перевѣсъ долговъ надъ требованіями страны окажется хроническимъ, то равновѣсія не удастся установить.

Размѣры вексельнаго оборота отдѣльныхъ странъ трудно установить. Въ частности въ Россіи даже количество потребленныхъ вексельныхъ бланковъ не даетъ точныхъ результатовъ, т. к. на этихъ бланкахъ пишутся и другія сдѣлки, подлежащія одина-

ковому съ В. гербовому сбору. Относительное значеніе вексельнаго оборота въ разныхъ странахъ можно оцѣнить, сравнивая суммы В., дисконтированныхъ центральными банковыми учрежденіями. Въ 1905 г., напр., германскій имперскій банкъ дисконтировалъ В. на сумму 9.176 милліоновъ марокъ, а Banque de France — на 10.968 милліоновъ франковъ.

Литература. *Шершеневичъ*, „Курсъ торговаго права“, изд. 4, т. III (1909); *Федоровъ*, „Вексельное право“ (1906); *Grünhut*, „Wechselrecht“, т. I и II (1897) — наиболѣе полное изложеніе; *Bernstein*, „Vorlesungen über das deutsche Wechselrecht“ (1909)—лучшее краткое изложеніе.—Уст. о Векс. 1902 г. съ полными комментаріями издали *Добровольскій*, *Каминка*, *б. Нолькенъ*, *Нюренбергъ*. *А. Вормсъ*.

Вексельная бумага, или *вексельный бланкъ*, традиціоннаго, продолговатаго формата листъ гербовой бумаги съ помѣтою, что онъ предназначенъ для оплаты векселей опредѣленнаго размѣра пропорціональнымъ гербовымъ сборомъ. Послѣдній долженъ взиматься по закону въ размѣрѣ 15 коп. со 100 руб. суммы векселя. Но В. б. печатается только въ 25 *разборахъ*, и на дѣлѣ, при неполномъ совпаденіи суммы векселя съ ближайшимъ разборомъ, приходится уплачивать больше. Векселя, писанные въ Имперіи, должны быть изложены на В. б. не ниже соотвѣтствующаго разбора подъ страхомъ утраты ими вексельной силы. Кромѣ векселей, вексельный гербовый сборъ взимается еще съ цѣлаго ряда другихъ актовъ, какъ-то заемныхъ писемъ, долговыхъ росписокъ и т. д. Эти излагаются часто также на В. б., но могутъ быть оплачены и инымъ путемъ. См. Уст. о герб. сборѣ, изд. 1903 г., ст. 32, 44, 49 и особенно 48. *А. В.*

Вексельный курсъ, см. *вексель*.

Вексенъ (Vexin), старинная франц. провинція, распавшаяся въ 912 г. на двѣ части: западную, нормандск. В., съ гл. гор. Жизоръ, и восточную, французск. В., съ гл. гор. Понтуазъ, составлявшую часть прежн. провинціи Иль-де-Франсъ. Въ настоящее время В. входитъ въ составъ департаментовъ Уазы, Сены и Уазы, Эры и Нижн. Сены.

Вексіё (Vexjö)), гл. гор. швед. лэна Кронобергъ, 8.013 жит.

Вексфордъ, см. *Уэксфордъ*.

Векторіальный анализъ, исчисленіе, имѣющее своимъ объектомъ векторы въ томъ же смыслѣ, въ какомъ обыкновенный математическій анализъ оперируетъ надъ числами.

Въ механикѣ и въ физикѣ мы встрѣчаемся съ величинами двоякаго рода. Величина перваго рода вполнѣ опредѣлена, если она задана числомъ, выражающимъ ее въ соотвѣтствующихъ единицахъ; таковы длина, площадь, объемъ, масса, плотность, температура, теплоемкость и т. д.; эти величины называются *скалярами*. Величины второго рода извѣстнымъ образомъ оріентированы въ пространствѣ и потому однимъ численнымъ заданіемъ не опредѣляются; таковы скорость, ускореніе, сила, моменты вращенія; эти величины называются *векторами*. Чтобы опредѣлить силу, недостаточно указать ея численную величину, нужно еще опредѣлить ея направленіе. Сообразно этому силу изображаютъ отрѣзкомъ, длина котораго выражаетъ величину силы, а направленіе указываетъ направленіе дѣйствія силы. Такимъ образомъ, и всякій векторъ изображается отрѣзкомъ, имѣющимъ опредѣленную величину и направленіе; для геометра этотъ отрѣзокъ и есть векторъ.

Всякій отрѣзокъ (а слѣдовательно и векторъ) опредѣляется проекціями на три оси; поэтому и векторъ можетъ быть заданъ численно, но не однимъ числомъ, а тремя числами, выражающими его проекціи на три оси.

При всякомъ изученіи векторіальныхъ величинъ приходится опредѣленнымъ образомъ комбинировать векторы, переходить отъ однихъ векторовъ къ другимъ, по нѣкоторымъ даннымъ векторамъ строить новые результирующіе векторы: по слагающимъ силамъ приходится опредѣлять равнодѣйствующую, по даннымъ силамъ и осямъ приходится опредѣлять моменты этихъ силъ и т. п. Всѣ эти операціи можно сводить къ ариѳметикѣ и къ анализу, въ томъ смыслѣ, что проекціи искомаго вектора могутъ быть вычислены ариѳметически по даннымъ проекціямъ исходныхъ векторовъ. Такъ,

если X, Y, Z суть численно заданныя проекціи одной силы, X′, Y′, Z′—проекціи другой силы, то X + X′, Y + Y′, Z + Z′ суть проекціи равнодѣйствующей. При болѣе серьезныхъ вычисленіяхъ этотъ путь осложняется въ большой мѣрѣ тѣмъ, что въ каждомъ случаѣ приходится дѣлать три вычисленія—разыскивать численно три проекціи. Даже равенство двухъ векторовъ выражается не однимъ, а тремя уравненіями, устанавливающ. въ отдѣльности равенство соотвѣтственныхъ проекцій; напримѣръ, чтобы выразить, что приведенныя выше двѣ силы равны, нужно написать X = X′, Y = Y′, Z = Z′. Въ цѣляхъ упрощенія этого процесса мы приходимъ къ мысли производить операціи непосредственно надъ векторами, подобно тому, какъ мы въ ариѳметикѣ производимъ дѣйствія надъ числами. Осуществленіе этой идеи и приводитъ къ алгебрѣ векторовъ, а дальнѣйшее ея развитіе — къ векторіальному анализу.

Два вектора считаются равными, если имѣютъ одинаковую величину и направленіе; иначе говоря, если отрѣзки имѣютъ одинаковую длину, параллельны и обращены въ одну и ту же сторону (отрѣзки AA′ (a) и BB′ (b) на рис. 1); они могутъ, слѣдовательно, отличаться одинъ отъ другого только начальной точкой.

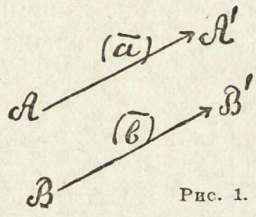


Рис. 1.

Алгебра векторовъ устанавливаетъ понятія о суммѣ, разности, произведеніи и частномъ двухъ векторовъ, подобно тому какъ въ ариѳметикѣ устанавливаются тѣ же понятія въ примѣненіи къ числамъ. Положимъ, что намъ дано нѣсколько векторовъ, скажемъ, a, b, c (рис. 2). Отъ произвольной точки A, какъ начальной, строимъ векторъ, равный данному вектору a; изъ конечной точки A′ проводимъ векторъ A′B′, равный второму данному вектору b, изъ конечной точки B′ проводимъ векторъ B′C′, равный третьему вектору c. Векторъ AC′ (s), идущій отъ начальной точки A къ конечной—C′, называется суммой векторовъ a, b, c и обозначается, какъ и въ ариѳметикѣ, символомъ $s = a + b + c$. Эту сумму векторовъ часто называютъ *геометрической* суммой, чтобы оттѣнить ея отличіе отъ ариѳметической суммы чиселъ. Точно также, чтобы отмѣтить, что символы a, b, c, s означаютъ не числа, а векторы, ихъ обыкнов. отмѣчаютъ черточками сверху или жирн. шрифт. Равнодѣйствующая нѣск. силъ выражается геометрической суммой векторовъ, изображающихъ слагающія силы.

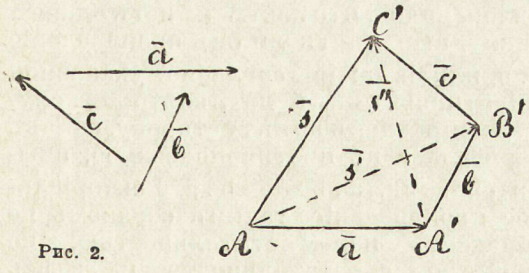


Рис. 2.

Разность двухъ векторовъ $\bar{a}$ и $\bar{b}$ опредѣляется какъ такой векторъ $\bar{c}$, который нужно прибавить къ вектору $\bar{b}$ чтобы получить векторъ $\bar{a}$; т. е. $\bar{c} = \bar{a} - \bar{b}$, если $\bar{a} = \bar{b} + \bar{c}$. Легко видѣть, что на рисункѣ 2

$$\bar{s}' = \bar{a} + \bar{b}, \text{ а потому } \bar{b} = \bar{s}' - \bar{a};$$
$$\bar{s} = \bar{s}' + \bar{c}, \text{ а потому } \bar{c} = \bar{s} - \bar{s}'.$$

Основныя свойства ариѳметической суммы, изъ которыхъ разматываются всѣ свойства суммы и разности, заключаются въ такъ называемыхъ *перемѣстительномъ* и *сочетательномъ* законахъ, которые выражаются тождествами:

$$a + b = b + a; \quad a + (b + c) = (a + b) + c.$$

Эти соотношенія остаются въ силѣ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, и въ примѣненіи къ геометрической суммѣ векторовъ. Такъ, на рисункѣ 2 мы видимъ, что

$$\bar{s} = \bar{a} + \bar{b} + \bar{c} = \bar{s}' + \bar{c}, \text{ гдѣ } \bar{s}' = \bar{a} + \bar{b},$$

такъ что

$$\bar{s} = (\bar{a} + \bar{b}) + \bar{c} \text{ и въ то же время}$$
$$\bar{s} = \bar{a} + \bar{s}'', \text{ гдѣ } \bar{s}'' = \bar{b} + \bar{c},$$

такъ что

$$\bar{s} = \bar{a} + (\bar{b} + \bar{c}),$$

а потому

$$\bar{a} + (\bar{b} + \bar{c}) = (\bar{a} + \bar{b}) + \bar{c}.$$

Вслѣдствіе того, что эти основные законы остаются въ силѣ, выраженіе, представляющее результатъ геометрическаго сложенія и вычитанія векторовъ, можетъ быть подвергнуто всѣмъ тѣмъ преобразованіямъ, какія допустимы въ такъ называемой алгебраической суммѣ. Въ предѣлахъ сложенія и вычитанія ариѳметика векторовъ *формально* совпадаетъ съ ариѳметикой чиселъ. Но дѣло обстоитъ сложнѣе при умноженіи. Подъ произведеніемъ изъ *вектора* $\bar{a}$ на положительное *число* α разумѣютъ векторъ $(\alpha \,.\, \bar{a})$, который имѣетъ то же направленіе, что и векторъ $\bar{a}$, но длина котораго увеличена въ α разъ. Подъ произведеніемъ изъ вектора $\bar{a}$ на отрицательное число $-\alpha$ разумѣютъ векторъ $\alpha \,.\, \bar{a}$, повернутый на 180^0, т. е. взятый въ противоположномъ направленіи. Эти произведенія изъ векторовъ на числа все еще подчиняются тѣмъ же формальнымъ законамъ, что и ариѳметическія произведенія. Но дальнѣйшее развитіе тѣхъ же идей приводитъ насъ къ перемноженію векторовъ. Установить понятіе о произведеніи двухъ векторовъ такъ, чтобы такого рода произведенія сохранили *всѣ* основныя свойства произведенія чиселъ, не удалось. Напротивъ, установлены двоякаго рода произведенія векторовъ—*скалярное* и *векторіальное*. Каждое изъ этихъ произведеній сохраняетъ одни свойства ариѳметическаго произведенія и теряетъ другія.

Пусть $\bar{a}$ и $\bar{b}$ будутъ два вектора, α и β—числа, выражающія ихъ длины въ одной и той же линейной единицѣ, ω—уголъ между направленіями векторовъ. Подъ *скалярнымъ произведеніемъ* векторовъ $\bar{a}$ и $\bar{b}$, которое мы будемъ здѣсь отмѣчать символомъ $\bar{a} \times \bar{b}$, разумѣютъ *число* $\alpha\beta\mathrm{Cos}\omega$.

Изъ этого опредѣленія непосредственно ясно, что скалярное произведеніе обладаетъ свойствомъ перемѣстительности, т. е. что $\bar{a} \times \bar{b} = \bar{b} \times \bar{a}$; немного болѣе внимательное размышленіе обнаруживаетъ, что скалярное произведеніе обладаетъ также распредѣлительностью, т. е. что $(\bar{a} + \bar{b}) \times \bar{c} = \bar{a} \times \bar{c} + \bar{b} \times \bar{c}$. Но законъ *сочетательности* здѣсь уже не приложимъ, т. е. соотношеніе $(\bar{a} \times \bar{b}) \times \bar{c} = \bar{a} \times (\bar{b} \times \bar{c})$ *не* имѣетъ мѣста. Чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ скалярное произведеніе векторовъ отличается отъ ариѳметическаго, достаточно замѣтить, что оно обращается въ нуль всякій разъ, какъ перемножаемые векторы взаимно перпендикулярны; между тѣмъ ариѳметическое произведеніе никогда не обращается въ нуль, если ни одинъ изъ множителей не равенъ нулю.

Если матеріальная точка движется по прямой линіи и пробѣгаетъ векторъ $\bar{b}$, а въ числѣ дѣйствующихъ на точку силъ какая-либо остается постоянной и выражается векторомъ $\bar{a}$, то работа этой силы на указанномъ пути выражается скалярнымъ произведеніемъ $\bar{a} \times \bar{b}$. Эта сила не производитъ работы на этомъ пути, если она остается перпендикулярной къ траекторіи; скалярное произведеніе равно нулю.

Подъ *векторіальнымъ произведеніемъ* $\bar{a} \,.\, \bar{b}$ вектора $\bar{a}$ на векторъ $\bar{b}$ разумѣютъ *векторъ*, опредѣленнымъ образомъ составленный по даннымъ векторамъ $\bar{a}$ и $\bar{b}$. Именно, длина этого вектора выражается числомъ $\alpha\beta \sin\omega$; направленъ же онъ перпендикулярно къ плоскости, опредѣляемой векторами $\bar{a}$ и $\bar{b}$, и при томъ такъ, что наблюдатель, стоящій вдоль вектора $\bar{a}$ и смотрящій на векторъ $\bar{b}$, видитъ произведеніе $\bar{c}$ направленнымъ слѣва направо (рис. 3). Изъ этого опредѣлен. видно, что вект. $\bar{c}$ имѣетъ одинак. длину, выражаетъ ли онъ произведеніе $\bar{a} \,.\, \bar{b}$ или $\bar{b} \,.\, \bar{a}$; но согласно указанной оріентировкѣ онъ будетъ во второмъ случаѣ направленъ не въ ту сторону, какъ въ первомъ, а въ противоположную; иными словами, $\bar{a} \,.\, \bar{b} = -\bar{b} \,.\, \bar{a}$. Векторіальное произведеніе такимъ образомъ не обладаетъ перемѣстительностью; но свойство сочетательности и здѣсь остается въ силѣ, т. е. $(\bar{a} + \bar{b}) \,.\, \bar{c} = \bar{a} \,.\, \bar{c} + \bar{b} \,.\, \bar{c}$.

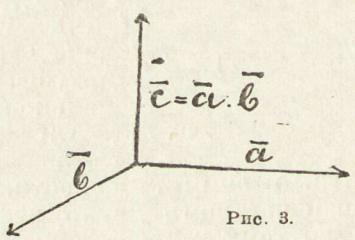


Рис. 3.

Но указанное отступленіе уже корен-

нымъ обр. отражается на дальнѣйшемъ развитіи операцій надъ векторами.

Какъ бы на смѣну нарушенныхъ тождествъ обыкновенной ариѳметики здѣсь появляются новыя своеобразныя соотношенія, напримѣръ, замѣчательное тождество Якоби

$$\bar{a} \cdot (\bar{b} \cdot \bar{c}) + \bar{b} \cdot (\bar{c} \cdot \bar{a}) + \bar{c} \cdot (\bar{a} \cdot \bar{b}) = 0.$$

Эти новыя свойства, сплетаясь съ сохранившимися обычными свойствами суммы, разности, произведенія, частнаго, и составляютъ своеобразную ариѳметику или, какъ принято не совсѣмъ правильно говорить,—*алгебру векторовъ*. Но отсюда только одинъ шагъ къ анализу.

Какъ мы различаемъ постоянныя и перемѣнныя величины, выраженныя численно, такъ можно различать также постоянные и перемѣнные векторы. Представимъ себѣ постоянную точку O (начало) и движущуюся — A; тогда каждому положенію точки A будетъ соотвѣтствовать опредѣленный векторъ OA—ея *радіусъ-векторъ;* этотъ векторъ будетъ, очевидно, мѣняться съ положеніемъ точки A, это *перемѣнный векторъ*. Если точка A описываетъ кривую, и s есть скаляръ — число, выражающее длину кривой отъ нѣкоторой постоянной точки A_0, то при движеніи точки A измѣняется s, и каждому значенію s отвѣчаетъ опредѣленный радіусъ-векторъ OA ($\bar{r}$) (рис. 4). Векторъ $\bar{r}$ является функціей скаляра s; $\bar{r} = f(s)$. Вообще, относя каждому значенію нѣкотораго скалярнаго перемѣннаго s векторъ $\bar{r}$, мы приходимъ къ *функціональной зависимости между векторомъ и скаляромъ*. Изученіе этой зависимости составляетъ предметъ векторіальнаго анал. подобно тому, какъ обыкновенный анализъ изучаетъ численно заданныя функціи. Если векторъ $\bar{r}$ есть функція скаляра s, то три его проекціи — вѣрнѣе, числа x, y, z, выражающія длины этихъ проекцій—также суть функціи отъ s и векторіальная зависимость $\bar{r} = f(s)$ эквивалентна тремъ числовымъ зависимостямъ

$$x = g(s),\ y = h(s),\ z = k(s).$$

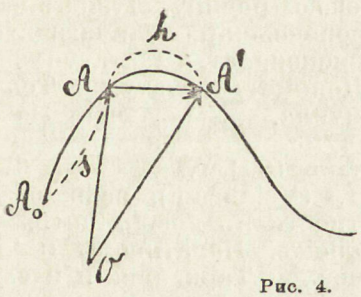


Рис. 4.

Въ этомъ замѣщеніи трехъ функцій *одной* векторіальной функціей и заключается сила векторіальнаго анализа.

Положимъ, что мы дадимъ независимой перемѣнной въ разсмотрѣнной выше зависимости $\bar{r} = f(s)$ (рис. 4) сначала значеніе s, а потомъ наращенное значеніе $s + h$; этимъ значеніямъ будутъ отвѣчать векторы $OA = f(s)$ и $OA' = f(s + h)$. Векторъ $AA' = OA' - OA$ представляетъ собой геометрическое наращеніе, которое получаетъ перемѣнный векторъ, когда независимая перемѣнная получаетъ наращеніе h, т. е. $AA' = f(s + h) - f(s)$. Если мы раздѣлимъ это наращеніе на h, то получимъ векторъ, который при положительномъ h направленъ въ ту же сторону, что AA', при отрицательномъ — въ противоположную. Когда h стремится къ нулю, то отношеніе

$$\frac{AA'}{h} = \frac{f(s+h) - f(s)}{h}$$

можетъ стремиться къ опредѣленному предѣльному вектору; этотъ предѣльный векторъ (буде онъ существуетъ) называется *геометрической производной* вектора $\bar{r}$. Если A есть движущаяся точка, то геометрическая производная ея радіуса-вектора представляетъ собой скорость движенія, геометрическая производная скорости есть ускореніе.

Геометрическія производныя сохраняютъ многія свойства обыкновенной производной (см. *высшая математика* и *дифференціальное исчисленіе*); напримѣръ, въ силѣ остаются правила составленія производной суммы и векторіальнаго произведенія. Что наиболѣе замѣчательно, при надлежащихъ условіяхъ остается въ силѣ формула Тайлора. Другія свойства обыкновенныхъ производныхъ въ векторіальномъ анализѣ измѣняются—и такимъ образомъ получается своеобразное дифференціальное исчисленіе векторовъ, изъ котораго въ томъ же порядкѣ идей получается интегральное исчисленіе. Объ дисциплины отличаются необычайнымъ изяществомъ и чрезвычайно

богаты приложеніями къ геометріи, механикѣ и теоретической физикѣ.

Какъ мы видѣли на рисункѣ 4, радіусомъ-векторомъ $\bar{r}$ вполнѣ опредѣляется положеніе точки A (при данномъ началѣ O), и соотношеніе $\bar{r} = f(s)$ можно разсматривать, какъ *векторіальное уравненіе* кривой. Эта замѣна трехъ уравненій аналитической геометріи однимъ векторіальнымъ и послужило точкой отправленія векторіальнаго исчисленія.

Если не считать *Весселя* (Wessel) и *Аргана* (Argand), у которыхъ эти идеи выражены еще недостаточно опредѣленно, то отцомъ векторіальнаго анализа нужно признать *Мёбіуса* (Möbius); въ сочиненіи „Der baryzentrische Calcul“ (1827) онъ устанавливаетъ дѣйствія не надъ векторами, а надъ точками; но эти операціи совпадаютъ съ преобразованіями, которымъ въ векторіальной алгебрѣ подвергаются конечныя точки векторовъ при дѣйствіяхъ надъ ними. Въ сочиненіяхъ Беллавитиса (Bellavitis), особенно въ его книгахъ „Metodo delle equipollenze“ (1835) и „Sposizione del metodo delle equipollenze“ (1855), установлены уже прямыя дѣйствія надъ векторами и даны многочисленныя примѣненія къ геометріи. Когда *Коши*, слѣдуя Аргану, показалъ, что операціи надъ векторами представляютъ собой геометрическую интерпретацію дѣйствій надъ комплексными числами, то это составило эпоху, ибо послужило наиболѣе сильнымъ импульсомъ ко всеобщему признанію комплексныхъ величинъ. Однако, комплексныя числа изображаются только векторами, расположенными въ одной плоскости; но вскорѣ Гамильтонъ (Hamilton, „On Quaternions“ 1843 — 1844; „Lectures on Quaternions“ 1852) и Грасманъ (H. Grassmann, „Die Ausdehnungslehre“—сочинен., написанное въ 1844 г. и совершенно переработанное въ 1866 г.) указали новыя, высшія комплексныя числа—кватерніоны (*см.*). Каждый кватерніонъ состоитъ изъ скалярной и векторіальной части; геометрическимъ изображеніемъ послѣдней служитъ векторъ въ трехмѣрномъ пространствѣ. Все развитіе векторіальнаго анализа находится въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ о кватерніонахъ. Однако, ученіе это довольно долго не встрѣчало сочувствія среди математиковъ. Только, когда Дж. Максуэль (J. Maxwell, „A treatise on Electricity and Magnetism“, 1873) воспользовался ими для выраженія своихъ замѣчательныхъ идей въ области электродинамики, то кватерніоны, а вмѣстѣ съ ними и векторіальный анализъ, получили значительное распространеніе, которое быстро росло по мѣрѣ того, какъ идеи Максуэля получали преобладаніе. Въ новыхъ трактатахъ по теоретической физикѣ изложеніе ведется почти исключительно методами векторіальнаго анализа. Нужно, однако, сказать, что эти методы имѣютъ и своихъ рѣшительныхъ противниковъ.

Bucherer, „Elemente der Vektoranalysis“, Leipzig, 1905; *Gans*, „Einführung in die Vektoranalysis“, Leipzig, 1905; *Ignatowsky*, „Die Vektoranalysis“, Leipzig, 1909—1910; *П. О. Сомовъ*, „Векторіальный анализъ и его приложенія“, Спб. 1907 г. *В. Каганъ.*

Векфильдъ, см. *Уэкфильдъ.*

Векша, см. *бѣлка.*

Вела (Vela), Винченцо, выдающійся ит. скульпторъ, род. въ 1822 г. въ Лигорнетто (Швейцарія), былъ въ ранней молодости простымъ каменотесомъ, затѣмъ учился ваянію у Каччатори; въ 1848 г. участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе Италіи, послѣ чего поселился въ Туринѣ, откуда въ 1867 г. возвратился на свою родину. Главнѣйшія изъ его произведеній, отличающихся силою и жизненностью: статуя для памятника Доницетти, статуя В. Телля и В. Эммануила, „Умирающій Наполеонъ“, „Колумбъ и Америка“, „Весна“ и друг. Ум. въ 1891 г. *Н. Т.*

Велабрумъ (Velabrum), назв. болотистой мѣстности въ древн. Римѣ, между Капитоліемъ, Палатиномъ и Тибромъ, осушенной Тарквиніями и служив. глав. рынкомъ,

Веларій, см. *амфитеатръ.*

Веласкесъ (Velazquez), Донъ Діего-Родригесъ, В.-де-Сильва, знаменитый испанскій живописецъ, род. въ Севильѣ въ 1599 г. Подъ давленіемъ рано обнаружившейся страсти къ рисованію, В., предназначенный отцомъ къ судебной и литературной дѣятельности, сталъ заниматься живописью сначала

Веласкесъ (1599—1660).
Портретъ папы Иннокентія X.
(Римъ. Галлерея Доріа.)

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."

у Франсиско Герреры, а затѣмъ у Франсиско Пачеко, на дочери котораго вскорѣ женился. Тестю В. обязанъ основательной художественной школой и развитіемъ таланта на постоянной работѣ съ натуры. Въ силу такого образованія и особенностей художественнаго склада В., окружающая дѣйствительность сдѣлалась для него наиболѣе привлекательнымъ предметомъ изображенія, и самыя раннія его произведенія носятъ характеръ жанровый и портретный. Таковы „Продавецъ воды“ и „Поклоненіе царей“, гдѣ лица царей—портреты севильскихъ аристократовъ, а Мадонна—андалузская крестьянка. Въ этихъ картинахъ, выдающихся по силѣ лѣпки и натурализму, свѣтотѣнь еще рѣзка, и письмо сухо. Правильно сознавая, что ему мѣсто не въ Севильѣ, гдѣ живопись ютилась во мракѣ церквей и монастырей, В. стремился въ Мадридъ, ко двору. При вторичномъ своемъ пріѣздѣ въ столицу въ 1623 г., копируя образцовыя произведенія въ королевскомъ собраніи, онъ обратилъ на себя вниманіе и получилъ заказъ написать Филиппа IV-го. Конный портретъ короля имѣлъ крупный успѣхъ и доставилъ В-у званіе королевскаго живописца, а „Изгнаніе мавровъ“—званіе гофмейстера. Написанные В. въ 20-хъ годахъ портреты Филиппа IV, Карлоса, поэта Гонгоры, инфантины Маріи отличаются рѣдкой пластической силой, но нѣсколько жестки и бѣдны тѣнями. Въ 1629 г. В. нашелъ возможнымъ выполнить свое давнишнее желаніе—побывать въ Италіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ В. изучалъ въ Венеціи произведенія Тиціана, Веронезе и Тинторетто, въ Римѣ—Рафаэля, Микель Анджело и антики. Картины этого періода—„Одежда Іосифа“ и особенно „Кузница Вулкана“, трактованная въ стилѣ испанской комедіи, показываютъ, что антики не отклонили его нисколько отъ прежняго направленія и что изученіе итальянцевъ способствовало его усовершенствованію. В. началъ писать свободнѣе, колоритъ сталъ у него менѣе теменъ въ тѣняхъ, освѣщеніе сдѣлалось ярче. Въ этой второй манерѣ написаны „Христосъ на крестѣ“, многочисленн. портреты: королей Филиппа III и IV, разныхъ лицъ королевской семьи, герцога Оливареса, адмирала Парехи, придворн. карликовъ, шутовъ и большая историческая картина, изображающая взятіе Бреды, съ прекрасною портретною группой побѣдителей и побѣжденныхъ. Въ 1648 г. В. отправился снова въ Италію, и во время этого путешествія образуется его третья манера. Наблюдательность В. еще изощрилась, кисть стала еще легче, быстрѣе, онъ овладѣлъ совершенно свѣтотѣнью. Во всеоружіи своего искусства, В. передаетъ типичныя черты Иннокентія X, съ удивительной выпуклостью и характерностью изображаетъ королевскую семью, которую пишетъ художникъ въ полутемной глубокой залѣ (Las Meninas), и залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ работницъ на ковровой фабрикѣ (Las Hilanderas). Такіе успѣхи въ развитіи таланта тѣмъ болѣе удивительны, что В. постоянно былъ отвлекаемъ отъ живописи. Послѣдовательно получая почетныя званія королевскаго гардеробмейстера, камердинера и гофмаршала, исполняя свои придворныя обязанности съ полною добросовѣстностью, затрачивая массу времени и силъ, В. дошелъ до переутомленія, которое вызвало болѣзнь, сведшую В. въ могилу въ 1660 г.—В. реалистъ до глубины души. Воспроизведеніе тонко подмѣченной дѣйствительности, совершенно объективное, непосредственное, правдивое, со всѣмъ блескомъ живописи—вотъ его задача. Нѣсколько грубый вначалѣ, съ рѣзкой и твердой лѣпкой, В. доводитъ позднѣе письмо до полной свободы и гармоніи, является совершеннымъ мастеромъ воздушной и линейной перспективы, свѣтотѣни и эффектовъ освѣщенія. Какъ чистый реалистъ, В. не можетъ перенестись въ чуждую для него область, не силенъ въ религіозныхъ картинахъ и чувствуетъ себя лучше всего только при изображеніи испанской дѣйствительности. Ее онъ изображаетъ свободною отъ всякой условности, субъективизма, ничего не убавляя и не прибавляя, во всей правдѣ, до оптическаго обмана. Особенно блестящи его портреты; въ этомъ отношеніи В-у принадлежитъ, безспорно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди величайшихъ

портретистовъ всѣхъ временъ. Ср. *Lefort P.*, „Velazquez“; *Justi C.*, „Velazquez und sein Jahrhundert“, 2 B-de (1903); *Knackfuss*, „V.“; *Calvert*, „Velazquez“ (Лондонъ, 1908); *Бенсюзанъ*, „B.“ (1910). *Н. Тарасовъ.*

Веледа или *Велледа* (Veleda), по Тациту, германск. жрица изъ племени бруктеровъ, пользовавшаяся громадн. вліяніемъ среди германцевъ. Полагаясь на ея предсказаніе, Цивилисъ поднялъ (69 г. по Р. Х.) возстаніе батавовъ противъ римлянъ. Возстаніе было вначалѣ успѣшно, такъ что римск. полководецъ обратился (70) даже къ ея помощи для примиренія съ батавами; умерла, вѣроятно, въ плѣну у римлянъ.

Веледники, м. Волын. губ., овруч. у., 1.143 ж.

Веленевая бумага, высшаго качества бумага, бѣлая, плотная, гладкая, съ лоскомъ.

Велепольскій, см. *Вѣлѣпольскій.*

Велеръ (Wöhler), Фридрихъ, знаменитый нѣм. химикъ, род. въ 1800 г., изучалъ медицину въ Марбургѣ, химію въ Гейдельбергѣ; нѣкоторое время занимался въ лабораторіи у знаменитаго химика Берцеліуса. Въ 1831 г. назначенъ професс. высшей промышленн. школы въ Касселѣ, а въ 1836 г. директоромъ химич. института въ Геттингенѣ, гдѣ подъ его руководствомъ работало не мало выдающихся химиковъ XIX ст.; ум. въ 1882 г. В. открылъ алюминій, бериллій, иттрій, произвелъ замѣчательныя изслѣдованія надъ кремніемъ, боромъ и титаномъ. Ему первому удалось получить искусственнымъ путемъ органическое вещество—мочевину—и этимъ нанести первый рѣшительный ударъ ученію „о жизненной силѣ“. Другія многочисленныя его изслѣдованія двинули впередъ теоретическую разработку органич. химіи (напр., ученіе о сложныхъ радикалахъ). Нѣкоторыя работы В. производилъ совмѣстно съ Либихомъ. Съ нимъ же издавалъ съ 1838 г. „Annalen der Chemie und Pharmazie“. Труды его: „Grundriss der unorganischen Chemie“, „Grundriss der organischen Chemie“, „Prakt. Uebungen in der chem. Analyse“ и др.

Велеславинъ, Даніилъ Адамъ, знам. чешскій гуманистъ, род. въ 1545 г., былъ проф. исторіи въ пражскомъ унив., ум. въ 1599 г. В. боролся за чистоту чешскаго языка и распространеніе чешской книги. Вмѣстѣ со своими учениками и послѣдователями онъ издалъ на тщательномъ чешскомъ языкѣ множество книгъ по разнымъ отраслямъ знанія и современной политикѣ, напечаталъ рядъ учебниковъ и составилъ обширный чеш.-латин.-греч.-нѣмецкій словарь „Sylva quadrilinguis“, затѣмъ такой же словарь, но въ предметномъ порядкѣ „Nomenclator quadrilinguis“. Въ 1584 г. В. перевелъ на чеш. языкъ и издалъ съ добавленіями подъ назв. „Politia historica“ знам. трудъ нѣмецкаго гуманиста Лаутербека „Regentenbuch“. В. составилъ для своихъ учениковъ на чешскомъ языкѣ „Историческій календарь“. *А. П.*

Велесъ (Velez), старинн. гор. въ департ. Сантандеръ, въ южно-амер. респ. Колумбіи, 14.024 жит.

Велесъ, см. *Волосъ.*

Велесъ Малага, гор. въ исп. пров. Малага, 23.586 жит.

Велесъ Рубіо, гор. въ исп. пров. Алмерія, 10.109 жит. Въ 1 км. къ югу желѣзист. минер. источники (Фуэнте дель Гато).

Велеты, см. *балтійскіе славяне.*

Велижскій уѣздъ находится на вост. окраинѣ Витебск. губ.; граничитъ съ Псковск. и Смол. губ. Расположенъ по теченію З. Двины, кот. пересѣкаетъ его съ с.-в. на ю.-з. и имѣетъ здѣсь довольно много мелкихъ притоковъ. Пространство (безъ значит. внутр. водъ) 3.900 кв. в. Мѣстн. довольно низменная (60—80 саж. н. ур. м.). Почвен. покровъ слагается изъ перемежающихся между собой дерн.-подз. суглинковъ, песковъ (по теч. Двины) и сильно оподзоленныхъ почвъ. Много озеръ, нѣсколько крупныхъ. Сильно развиты моховыя болота и хвойные лѣса. Подъ лѣсами 46,1% поверхн. уѣзда, неудобн. земли 23,5%; площадь культурныхъ земель распред. между пашней (16,8%) и кормов. угодьями (13,6%). Населенія къ началу 1909 г. считалось 129,6 тыс. чел., а по переп. 1897 г.—128,4 тыс. челов. (32,9 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 14,7 тыс. чел. городск.; бѣлоруссовъ 85,8%; великор. 1,3%, евреевъ 9,8%, латышей 2,5%. Грамотн. сельск. нас. 11%, городск. 43%. Главное зан

жит.—земледѣліе, въ кот. занято 63,5% самодѣят. нас.; видное мѣсто занимаетъ льноводство. Въ обрабат. промышл. занято 11,3% самод. нас., въ торг. и трансп. 6,8%. Дов. широко развиты побочные промыслы (34,3% с.-х. нас.): лѣсные (60,8%) и обраб. дерева (14,4%). Частное землевл. составл. 61,4% террит. уѣзда; 58,7% ч.-вл. зем. наход. въ рукахъ дворянъ, 6,4%—отд. крест., 14,0%—крест. тов. и общ.; средн. разм. 1 влад. 101 дес. Надѣльныя земли составл. 29%, ср. разм. над. на дв. 11 дес. Госуд. и разл. учрежд. принадл. 9,6%. *В. А.*

Велижъ, уѣздн. гор. Витеб. губ., на Зап. Двинѣ, 13.540 жит., сплавляетъ въ Ригу хлѣбъ и льняное сѣмя.

Велизарій, знам. византійскій полководецъ при Юстиніанѣ I, род. около 505 года. За свои побѣды надъ персами (528—532) возведенъ въ санъ главнокоманд. на Востокѣ; спасъ Юстиніану жизнь и корону во время мятежа Ники въ Константинополѣ, положилъ конецъ господству вандаловъ въ Африкѣ (534 г.), съ большимъ успѣхомъ воевалъ противъ остготовъ въ Италіи (536—540) и вторично противъ персовъ (541). Во время второго малоуспѣшнаго его похода противъ остготовъ В. былъ отозванъ въ Константинополь (548) и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бездѣйствія разбилъ болгаръ (559). Клеветнически обвиненный въ 562 г. въ заговорѣ противъ императора, онъ былъ лишенъ сана и богатствъ, которые были, однако, вскорѣ возвращены ему, когда обнаружилась его невинность. Ум. въ 565 г. Легенда, по которой онъ будто бы былъ ослѣпленъ и умеръ въ нищетѣ, послужила сюжетомъ для извѣстн. романа Мармонтеля, оперы Доницетти, картины Жерара и пр.

Великаны, люди исключительно высокаго роста, превышающаго 2 метра. Такіе люди нерѣдко показываются публикѣ предпринимателями, но обычныя представленія о ростѣ такихъ гигантовъ являются въ значительной степени преувеличенными. Знаменитый Патрикъ Коттеръ, демонстрировавшійся въ концѣ XVIII в. и поражавшій зрителей исполинскими размѣрами своего тѣла, имѣлъ ростъ въ 233 см.; большинство другихъ знаменитыхъ великановъ значительно ниже, и нѣкоторые изъ нихъ имѣли ростъ, едва превышающій 2 м. (202—210 см.). Въ большинствѣ случаевъ чрезмѣрный ростъ представляетъ патологическое явленіе; онъ нерѣдко сопровождается акромегаліей, ломкостью и искривленіемъ костей и т. п. Точный характеръ этого явленія и вызывающія его причины еще не выяснены, но довольно распространенное въ старые годы мнѣніе, что гигантизмъ представляетъ атавистическое явленіе, возвратъ въ отдѣльныхъ случаяхъ къ гигантскому росту нашихъ предковъ, имѣетъ за себя очень мало основаній, такъ какъ ископаемыя находки не свидѣтельствуютъ о большомъ различіи въ ростѣ современнаго европейца и его первобытныхъ предковъ. Очень много преувеличеній и въ разсказахъ старинныхъ авторовъ про дикія племена, отличающіяся исключительно высокимъ ростомъ; особенно въ этомъ отношеніи посчастливилось патагонцамъ, про которыхъ нѣкоторые путешественники говорили, что европеецъ можетъ пройти у нихъ между ногами. Въ дѣйствительности патагонцы высокорослое племя, но ихъ ростъ (173 или 178 см.) не представляетъ чего-либо исключительнаго и не только не превышаетъ, но даже наоборотъ уступаетъ росту шотландцевъ нѣкоторыхъ графствъ (179 см.). Тѣмъ не менѣе, въ народныхъ сказаніяхъ очень часто фигурируютъ цѣлыя племена исполинскаго роста и отдѣльные великаны; подобныя сказанія распространены по всему земному шару и представляютъ одинъ изъ излюбленныхъ сюжетовъ народнаго творчества. Въ большинствѣ случаевъ эти великаны рисуются злыми, очень сильными, но въ то же время глупыми и необразованными людьми, съ которыми ведутъ борьбу и которыхъ побѣждаютъ болѣе слабые, но зато болѣе умные и образованные сосѣди или отдѣльные герои. Большинство этихъ сказаній является иллюстраціей на тему о превосходствѣ человѣческаго ума или, по крайней мѣрѣ, хитрости надъ грубой силой; искать въ нихъ к.-н. исторической подкладки нѣтъ основанія. *А. Мкс.*

Великая, р. Псков. и Витебск. губ.,

беретъ начало изъ озера М. Вязъ, дл. 350 в., впадаетъ въ Псковское озеро. Судоходна отъ Пскова.

Великая, прав. притокъ Вятки, 130 в.

Великая Грецiя (Graecia Magna), первоначально названіе греческихъ поселеній въ южной Италіи, впослѣдствіи присвоено всей этой части полуострова. Эти колоніи основывались іонійцами, дорійцами и ахейцами. Древнѣйшія изъ нихъ Кумы, Сибарисъ и Регіумъ. См. *Римъ* (*исторія*).

Великая Китайская стѣна, см. *Китай.*

Великая княгиня, см. *императорская фамилія.*

Великая Павловка, село зѣньков. у., Полтав. губ., 5.187 жит.

Великая седьмица, называемая также *страстною,* недѣля, непосредственно предшествующая дню Пасхи. Посвящена воспоминаніямъ о страданіяхъ Іисуса Христа. Богослуженіе, совершаемое въ теченіе этой недѣли, расположено сообразно съ евангельской исторіей земной жизни Спасителя, начиная съ торжественнаго входа въ Іерусалимъ. Обряды ея принадлежатъ къ торжественнѣйшимъ обрядамъ всего правосл. церковнаго круга, и устройство ихъ въ настоящемъ видѣ очень древнее. Каждый изъ дней этой недѣли, самъ по себѣ, также назыв. *великимъ.*

Великая хартія вольностей, см. *Великобританія* (*исторія*).

Великая четыредесятница или *великій постъ,* въ православн. и католич. церквахъ время, посвященное строгому воздержанію, предшествующее и приготовляющее христіанъ къ достойной встрѣчѣ праздника Пасхи. Учреждена въ воспоминаніе 40-дневнаго поста І. Х. послѣ крещенія. Начинается въ такъ наз. *чистый* понедѣльникъ (послѣ масленицы) и кончается въ пятницу на 6-ой недѣлѣ; вербная суббота и вербное воскресенье служатъ переходными днями къ страстной или великой седьмицѣ. Наиболѣе строгій постъ соблюдается на первой и на четвертой (крестопоклонной) недѣляхъ.

Великіе поклоны, названіе поклоновъ, состоящихъ въ троекратномъ повержeніи всего тѣла на землю съ крестнымъ знаменіемъ и чтеніемъ молитвы Ефрема Сирина. Они начинаются со среды и пятницы сырной недѣли и совершаются при каждомъ служеніи въ великій постъ, кромѣ суббот. и воскресн. дней и большихъ праздниковъ.

Великій герцогъ (нѣм. Grossherzog, ит. granduca, фр. grand-duc, англ. grand-duke), титулъ владѣтельнаго князя, средній между королемъ и герцогомъ. Первымъ возведенъ въ этотъ санъ папою Піемъ V герцогъ флорентійскій, Козимо Медичи, въ 1569 г. Въ наст. время этотъ титулъ носятъ правители: Бадена, Гессенъ-Дармштадта, Мекленбургъ-Стрелица и Мекленбургъ-Шверина, Ольденбурга и Саксенъ-Веймара.

Великій городъ, см. *болгары волжскіе.*

Великій канонъ излагаетъ всю исторію Ветхаго и Новаго Завѣта въ формѣ церковныхъ пѣснопѣній съ нравоучительными примѣчаніями; названъ такъ по своей обширности, состоитъ изъ 250 тропарей. Сочиненъ Андреемъ Критскимъ. Поется по частямъ первые 4 дня первой недѣли великаго поста, на великомъ повечеріи и весь въ цѣломъ — на утрени въ четвергъ пятой недѣли.

Великій князь, см. *князь* и *императорская фамилія.*

Великій Моголъ, титулъ властителя Остъ-Индской имперіи (1526—1803), см. *Индія.*

Великій океанъ, или *Тихій,* самый большой изъ океановъ земли; раньше носилъ названіе *Южнаго* ок. (Mar del Sur, Mare do Sul, Südsee и т. д.), какъ его обозначилъ въ 1513 году Бальбоа, впервые увидѣвшій его къ югу отъ Панамскаго перешейка. Въ 1521 году былъ пересѣченъ отъ Огненной земли до Филиппинскихъ о-вовъ Магелланомъ, давшимъ ему за тихую погоду названіе *Тихаго.* Имя *Великаго,* болѣе книжное, предложено въ 1752 г. франц. географомъ Бюашемъ (Buache). Въ Россіи иногда называется *Восточнымъ.* На сѣверѣ В. океанъ отграниченъ Берингов. проливомъ, расположеннымъ между сходящимися оконечностями Азіи и Америки, на югѣ Антарктическимъ континентомъ, на западѣ 147° в. д. (меридіанъ, почти проходящій чрезъ южный мысъ Тасманіи), на востокѣ—

линіей, соединяющей мысъ Горнъ (55° 59′ ю. ш., 67° 16′ в. д.) съ сѣверной оконечностью земли Луи-Филиппа (63° 5′ ю. ш., 57° 0′ з. д.); обыкновенно принимаютъ за границу меридіанъ 67° з. д., идущій почти черезъ м. Горнъ. Официально же за южную границу Тихаго ок. считаютъ южный полярный кругъ, не отодвигая ея до Антарктическаго континента; на западѣ границей считается материкъ Азіи вплоть до Сингапурскаго пролива, сѣверные берега Явы, Флореса, Тимора, о. Мельвилля и Австраліи. Въ составъ В. океана входятъ моря Берингово, Охотское, Японское, Восточно-Китайское (или Восточное) и Австралазійское Средиземное море, куда принадлежатъ моря: Южно-Китайское (или Китайское), Зулу, Целебесъ, Зондское или Флоресъ, Молуккское, Серахъ, Банда, Алфурское. Собственно В. ок., безъ всѣхъ перечисленныхъ морей, занимаетъ площадь 165,7 милл. кв. км. (по Крюммелю); объемъ его 678,8 милл. куб. км., а средняя глубина 4.097 м.; по глубинѣ В. ок. превосходитъ всѣ прочіе. Общая площадь всего В. ок. вмѣстѣ съ окраинными морями 180 милл. кв. км., что составляетъ половину всей площади океановъ и морей земли (361,3 милл. кв. км.) и почти 1/3 всей площади земного шара (509,9 милл. кв. км.). Наибольшая ширина В. ок. по 5° с. ш. между Центр. Америкой и Филиппинами ок. 17.500 км.

Глубины. Почти половина площади В. ок. (80 милл. кв. км.) или величина, равная всей Азіи, занята глубинами свыше 5.000 м.; большая часть этой площади лежитъ въ сѣв. полушаріи. Въ предѣлахъ этой углубленной площади В. ок. лежатъ наибольшія углубленія земной коры, расположенныя въ длинныхъ, но узкихъ впадинахъ морского дна; такова впадина, лежащая на югѣ и частью на востокѣ отъ Маріанскихъ острововъ, гдѣ къ Ю.-В. отъ о-ва Гуамъ въ 1899 г. американское судно „Неро“ нашло глубину 9.636 м. Изъ прочихъ подобныхъ впадинъ укажемъ на открытую въ 1874 г. судномъ „Тускарора“ впадину къ вост. отъ Курильскихъ о-вовъ (8.513 м.), у о-вовъ Бонинъ (6.574 м.), у о. Япъ 7.938 м., у о. Палау 6.868 м., впадина на южной сторонѣ Алеутскихъ о-вовъ, гдѣ у о. Атту 7.385 м. С.-в. часть В. ок. сравнительно мелка, здѣсь только противъ Акапулько (Мексика) найдено 5.428 м., но въ южн. В. ок. мы снова встрѣчаемъ колоссальныя впадины: къ вост. отъ о-вовъ Тонга подъ 23° 39′ ю. ш. найдено 9.184 м., а къ вост. отъ о. Кермадекъ подъ 30° 28′ ю. ш. 9.427 м.; обѣ эти впадины раздѣляются подводнымъ возвышеніемъ, гдѣ глубина свыше 6.000 м.; впадина въ области о-вовъ Тонга и Кермадекъ тянется на протяженіи свыше 3.000 км. и представляетъ одно изъ удивительнѣйшихъ мѣстъ въ земной корѣ. Сами о-ва Тонга сидятъ на подводномъ возвышеніи, гдѣ глубины мѣстами менѣе 2.000 м.; вообще отъ о-вовъ Тонга на зап. до Н. Гебриды глубины менѣе 4.000 м. Другая, чрезвычайно обширная область глубинъ менѣе 4.000 м. расположена въ ю.-в. части В. ок.; она тянется отъ о-вовъ Паумоту на с.-в. къ Галапагосскимъ о-вамъ, на ю.-в. къ южн. Чили. Противъ пустыни Атакамы есть впадина съ глубиной свыше 7.500 м. Менѣе 200 м. глубины имѣютъ с.-в. часть Берингова моря и Желтое море, сравнительно мелки Восточно-Китайское море (средн. глуб. 177 м.) и Тасманійское (къ зап. отъ Н. Зеландіи; ср. глуб. 72 м.). Въ В. ок. много острововъ, какъ континентальныхъ (Сахалинъ, Японскій арх., Гайнанъ, Формоза, Филиппины, Малайскій арх., Н. Гвинея, Н. Каледонія, Н. Зеландія), такъ и океаническихъ; изъ послѣднихъ есть вулканическіе (Гавайи) и множество коралловыхъ (Маріанскіе, Каролинскіе, Маршальскіе, Паумоту и др.); все пространство между зап. Сандвичевыми о-вами, Маріанскими и Паумоту занято атоллами. Образующіе рифы кораллы пользуются широкимъ распространеніемъ въ тропической части В. ок. Берега В. ок. окаймлены цѣпями вулкановъ: Камчатка, Алеутскіе о-ва, вулканы Аляски, Центр. и Южн. Америки, о-вовъ Малайскаго арх., Филиппинъ, Японіи, Курильскихъ о-вовъ, Соломоновыхъ о-вовъ, Нов. Гебридъ, Нов. Зеландіи. 91% площади дна В. ок. занятъ глубинными, пелагическими отложеніями, именно красной глиной (61%), глобигериновымъ иломъ (18%), радіо-

ляріевымъ иломъ (6½%), діатомовымъ иломъ (5%) и птероподовымъ иломъ (0,3%). Красная глина занимаетъ глубины свыше 4.000 м.; въ качествѣ постороннихъ примѣсей въ ней находятъ зубы акулъ, слуховыя косточки китовъ и т. п., куски пемзы, марганцовыя конкреціи, ледниковые валуны; послѣдніе найдены подъ 28° 23′ с. ш., 126° 57′ зап. д., между тѣмъ какъ нынѣ граница плавучихъ льдовъ идетъ лишь немного южнѣе Камчатки; кромѣ того, находятъ шарики метеорнаго желѣза. Отложенія красной глины занимаютъ площадь въ 101 милл. кв. км.

Соленость воды у поверхности наибольшая къ востоку отъ о-вовъ Паумоту, гдѣ она подъ 20° ю. ш. достигаетъ 36,9‰ (pro mille, или 3,69%); въ общемъ же въ предѣлахъ между 40° с. ш. и 40° ю. ш. соленость колеблется въ предѣлахъ 35—36½‰, за исключеніемъ лишь полосы, идущей отъ Центр. Америки на западъ почти до Филиппинъ, гдѣ соленость 34‰. Къ югу отъ 55° юж. ш. соленость менѣе 34‰; между Алеутскими о-вами и Калифорніей соленость менѣе 34‰, а ближе къ берегамъ 32‰ и менѣе. Моря В. ок. имѣютъ слѣд. соленость pro mille: Ява менѣе 33, моря Банда, Целебесъ, Зулу, Ю. Китайское 34—34½, Восточно-Китайское въ среднемъ 32, Желтое—25, Японское—33—34½, Охотское—32, Берингово 33—31, въ Беринговомъ проливѣ 20—24. Средняя соленость поверхностной воды В. ок. (безъ морей) 34,9, болѣе, чѣмъ Индійскаго (34,8) и менѣе, чѣмъ Атлант. (35,4). Съ глубиной соленость слабо увеличивается, иногда даже немного уменьшается; на глубинахъ свыше 4.000 м. соленость 34,5—34,8.

Температура воды на поверхности. Наиболѣе теплой частью В. океана является площадь, расположенная между Филиппинами, Н. Гвинеей и Маріанскими о-вами и идущая на востокъ до 175° в. д., здѣсь въ среднемъ годовомъ выводѣ выше 28° Ц. (на поверхности). Подъ 20° с. ш., а также и ю. ш. около 25° Ц. Слѣд. таблица даетъ среднія годовыя температуры по зонамъ:

Широта.	Сѣв. полушар.	Южн. полуш.
0° — 10°	27,2° Ц.	26,0° Ц
10° — 20°	26,4	25,1
20° — 30°	23,4	21,5
30° — 40°	18,6	17,0
40° — 50°	10,0	11,2
50° — 60°	5,7	5,0
60° — 70°	—	—1,3

Суточныя амплитуды въ низкихъ широтахъ въ открытомъ океанѣ составляютъ всего около 0,5°, максимумъ температуры наступаетъ около 2 ч. дня. Площадь, нагрѣтая свыше 25°, занимаетъ 40% В. ок., нагрѣтая свыше 20°—58%. Средняя темп. поверхности В. ок. 19,1°, больше, чѣмъ у Индійскаго и Атлант.

На глубинѣ 400 м. въ тропической части В. океана господствуютъ температуры 8°—12° и даже до 14°; на глубинахъ отъ 4.000 м. и ниже найдено отъ 1,9° до 0,6°; въ общемъ температура на днѣ В. ок. удивительно равномѣрна, преобладаютъ температуры 1,3°—1,9°.

Плавучіе льды въ сѣв. части открытаго В. океана не встрѣчаются, въ южной части попадаются вплоть до 50° (иногда до 40°) ю. ш.

Теченія. Отъ восточнаго берега Формозы къ с.-с.-в. вдоль внѣшней стороны острововъ Японіи идетъ теплое теченіе *Куро-сиво* (точнѣе: Куро-шіо — голубая соль), во многомъ аналогичное Гольфштрому. У Формозы оно имѣетъ въ ширину около 100 морскихъ миль. Къ с.-в. отъ о. Ниппонъ это теченіе встрѣчается съ холоднымъ теченіемъ, идущимъ изъ Охотскаго и Берингова морей. Приблизительно подъ 40° с. ш. Куро-сиво поворачиваетъ на в., затѣмъ частью поворачиваетъ на югъ (*Калифорнійское* теч.) и переходитъ въ *сѣв. экваторіальное* теченіе, идущее къ с. отъ экватора на западъ. Такимъ образомъ, въ Сѣв. Великомъ ок. имѣется круговоротъ водъ въ направленіи движенія часовой стрѣлки. Подобный же круговоротъ наблюдается и въ южномъ полушаріи, но въ противоположномъ направленіи: вдоль берега Юж. Америки идетъ холодное *Перувіанское* или *Гумбольдтово* теченіе, подъ экваторомъ оно поворачиваетъ на западъ (*южн. экваторіальное* теч.) и по вост. берегу

Австраліи спускается въ видѣ теплаго теченія къ югу (*вост.-австралійское теч.*). Между 5° и 7° (иногда 10°) с. ш. идетъ между сѣв. и южн. экватор. теченіями *экваторіальное противотеченіе* на востокъ (отъ о. Палау до Центр. Америки).

Приливы и *отливы* въ Вел. ок. не достигаютъ значительной высоты: на островахъ посреди океана высота прилива максимумъ 1—1½ метра; въ бухтахъ Японіи, въ Панамскомъ заливѣ, въ фіордахъ Чили высота прилива достигаетъ 5 м., въ Портландскомъ каналѣ (на границѣ брит. Колумбіи и Аляски)—даже 8,2 м. Приливо-отливныя теченія мѣстами имѣютъ значительную скорость, напр., въ проливѣ Сеймура (50° с. ш., 125° з. д.) до 9 и даже до 10—12 узловъ въ часъ.

Волнъ болѣе 11 метровъ высотой въ В. ок. не наблюдалось.

Вѣтры: Азіатскіе берега В. океана принадлежатъ къ типичнымъ областямъ муссоновъ: здѣсь зимой дуетъ вѣтеръ съ суши (сѣв.-восточный), лѣтомъ—съ океана (юго-западн.). Пассаты имѣютъ слѣдующее распространеніе: въ мартѣ с.-в. пассатъ между 25° и 5° с. ш., полоса затишья между 5° и 3° с. ш., ю.-в. пассатъ между 3° с. ш. и 28° ю. ш.; въ сентябрѣ с.-в. пассатъ между 30° и 10° с. ш., полоса затишья между 10° и 7° с. ш., ю.-в. пассатъ между 7° с. ш. и 20° ю. ш. Правильные пассаты имѣются только въ вост. части Вел. ок. Къ югу отъ 45° ю. ш. въ теченіе всего года господствуютъ сильные западные вѣтры. Область у Филиппинъ, Китайское и Японское моря часто посѣщаются штормами, носящими здѣсь названіе *тайфуновъ*; тайфуны бываютъ главнымъ образомъ съ іюня по октябрь (максимумъ въ сентябрѣ), съ декабря по апрѣль тайфуновъ почти нѣтъ. Сила вѣтра при тайфунахъ достигаетъ свыше 50 м. въ секунду; зарождаются тайфуны подъ 5°—20° с. ш., идутъ отсюда на NNW, подъ 15° — 24° поворачиваютъ на NNE; средняя скорость движенія тайфуновъ, проходящихъ у Маниллы, 16 км. въ часъ. Что касается частоты тайфуновъ, то къ ю. отъ 20° с. ш. зимою 1, весною 7, лѣтомъ 24, осенью 34 тайфуна; къ с. отъ 20° с. ш. зимою 1, весною 1, лѣтомъ 40, осенью 27. Кромѣ тайфуновъ, большой силой отличаются ураганы между Австраліей и о-вами Паумоту, а также у береговъ Мексики.

Черезъ В. ок. проложены два большихъ *кабеля*: одинъ англійскій, изъ Австраліи и Нов. Зеландіи къ Брит. Колумбіи, другой — Соед. Штатовъ съ Филиппинъ черезъ Гавайскіе о-ва къ С.-Франсиско. Черезъ Вел. ок. приблизительно по 180° меридіану Гринича идетъ линія, прійдя на которую суда, идущія на в. съ з., прибавляютъ къ своему счисленію сутки, а идущія съ з. на в.—убавляютъ.

Литература: „Segelhandbuch für den Stillen Ozean“. Hamburg, 1897 (Deutsche Seewarte); *Krümmel*, „Handbuch d. Ozeanographie“, I (1907), II (1911); *С. Макаровъ*, „Витязь“ и Тихій ок.“, (1894). *Л. Бергъ.*

Великій островъ, на Бѣломъ морѣ, у Корельскаго берега Кандалакскаго залива, дл. 20 в., шир. 7 в.; старообряд. пустынь.

Великій постъ, см. *великая четыредесятница.*

Великій прокименъ, стихъ изъ псалтири, который поютъ послѣ входа на вечерняхъ.

Великій проливъ, въ Бѣломъ морѣ, въ Кандалакскомъ заливѣ, отдѣл. сѣв. берегъ Вел. о-ва отъ материка и соед. Черную губу съ моремъ; дл. ок. 18 в., шир. ок. 3 в.

Великій Устюгъ, уѣздн. гор. Вологод. губ., на р. Сухонѣ. Мужск. гимназія, жен. гимн., духовное учил., епархіальное жен. училище, 11.137 жит., кустарное произв. (чеканная работа по серебру, секретныя шкатулки); торг. пристань.

Великій хуторъ, вол. м. Полтав. г., золотонош. уѣзда, 3.500 жит.

Великія державы, обозначеніе государствъ, пользующихся рѣшающимъ вліяніемъ въ международныхъ дѣлахъ. Со времени Ахенскаго конгресса 1818 г. таковыми считались: Англія, Франція, Россія, Австрія и Пруссія, которую послѣ франко-пр. войны замѣнила Германія; къ нимъ прибавилась впослѣдствіи объединенная Италія. Внѣевропейскими В. д. являются теперь Соедин. Штаты и Японія.

Великія Луки, уѣздн. г. Псковской

г., на р. Ловати; 9.600 жит., реальное и духовн. уч., женская гимн.; упоминаются въ Новгор. лѣтописяхъ подъ им. Луки уже подъ 1166 г.; часто подвергались разореніямъ со стороны литовцевъ, въ 1448 г. присоед. Иваномъ III къ Москвѣ, въ 1580 г. взяты и разорены Стефаномъ Баторіемъ, въ 1611 г. разрушены Лжедимитріемъ; снова заселены при Мих. Ѳедоровичѣ.

Великобританія. *Географія.* Подъ В. разумѣютъ обыкновенно самый большой островъ, входящій въ территорію Соединеннаго Королевства и занимаемый на сѣверѣ Шотландіей и на югѣ Англіей. Но здѣсь будетъ описано подъ этимъ терминомъ все Соединенное Королевство, включая сюда и Ирландію и прочіе прилежащіе на сѣверѣ и на югѣ острова. Большой островъ, если отвлечься отъ излучинъ и полуостроковъ берега, имѣетъ видъ прямоугольнаго треугольника, одинъ изъ катетовъ котораго, восточный, направляется съ с.-с.-з. на ю.-ю.-в., другой, южный, представляющій собою основаніе, идетъ въ перпендикулярномъ къ первому направленіи, т. е. съ в.-с.-в. на з.-ю.-з., а гипотенуза (очень сильно изрѣзанная заливами) слѣдуетъ направленію меридіана. На з. отъ большого острова находится второй по величинѣ островъ англійскаго архипелага, Ирландія, имѣющій компактную форму диска, слегка вытянутаго съ ю.-ю.-з. на с.-с.-в. Ирландія отдѣлена отъ Великобританіи такъ называемымъ Ирландскимъ моремъ, которое на с.-з. сообщается съ Атлантическимъ океаномъ при помощи такъ называемаго Сѣвернаго Канала, или пролива Св. Патрика, а на югѣ—съ Атлантическимъ же океаномъ при помощи Южнаго Канала, или пролива Св. Георгія. Отъ континента Европы Великобританія, занимающая сѣверо-западную часть европейскаго материка, отдѣляется Ламаншемъ, который суживается на востокѣ въ проливъ Па-де-Калэ, или Дуврскій, насчитывающій между берегами Англіи и Франціи не болѣе 22-хъ километр. ширины. На сѣверо-востокъ отъ пролива развертывается безыменная часть Нѣмецкаго или Сѣвернаго моря, отдѣляющая Англію отъ береговъ Бельгіи и Голландіи, а еще далѣе къ сѣверу простирается и само Нѣмецкое море, на восточномъ берегу котораго материкъ Европы обрисовываетъ контуры Ютландскаго полуострова и Норвежской части Скандинавскаго полуострова. Къ югу отъ Англіи и совсѣмъ близко къ берегамъ Франціи находится принадлежащій Англіи архипелагъ Ламаншскихъ, или Нормандскихъ острововъ. На с.-з. Шотландіи находится большая группа Гебридскихъ о-вовъ, на сѣверѣ Оркадскіе о-ва, а еще далѣе на с.-в. Шетлэндскіе. Мы будемъ описывать въ нашей статьѣ каждую изъ трехъ частей Соединеннаго Королевства отдѣльно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда самый характеръ вопроса заставитъ насъ касаться совмѣстно физическихъ особенностей всѣхъ дѣленій. Страна давнишней цивилизаціи, Англія уже много времени тому назадъ подверглась основательному изученію. Но постоянное накопленіе детальнаго научнаго матеріала создаетъ почву для все новыхъ и новыхъ обобщеній, резюмируя которыя мы будемъ слѣдовать наиболѣе извѣстнымъ географамъ Англіи: Вуду, Гитону и, въ особенности, Маккиндеру.

Замѣтимъ прежде всего, что Великобританскій архипелагъ покоится на такъ называемой „подводной платформѣ“, или скалистомъ цоколѣ, составляя самую высокую ея часть. Упомянутое подводное плато соединяетъ архипелагъ съ континентомъ Европы, при чемъ мелководныя пространства (до 100 м.) охватываютъ широкимъ кольцомъ весь архипелагъ, достигая минимума глубины (отъ 20 до 50 м.) на в. и с.-в. Англіи, между ея берегами и берегами Ютландіи, Германіи, Голландіи, Бельгіи и Франціи. Благодаря этому обстоятельству, какъ выражается Маккиндеръ, „очень незначительныя измѣненія морского уровня были бы въ состояніи соединить Британію съ континентомъ, или же, наоборотъ, затопить юго-восточную Англію и Фламандскую равнину и образовать широкое море между Британіею и континентомъ. Многіе

факты показываютъ, что въ различныя доисторическія времена осуществлялись оба эти условія". Въ особенности проливъ Па-де-Калэ настолько мелокъ, что, по выраженію того же автора, погрузись въ него соборъ Св. Павла, куполъ поднимался бы изъ воды даже въ самой глубокой части. Мелководность морей, окружающихъ Великобританію, имѣетъ то важное значеніе, что приливно-отливная волна, надвигаясь на англійскій архипелагъ изъ глубинъ океана, производитъ при приближеніи къ берегу такое сильное повышеніе и пониженіе воды, что многія не особенно большія рѣки становятся два раза въ день судоходными на значительное пространство вверхъ отъ устьевъ,—что имѣетъ большое значеніе для торговыхъ сношеній.

Крайними точками Великобританскаго о-ва являются: на сѣв.—мысъ Дэннетъ (58°41'30" с. ш.); на югѣ—мысъ Лизардъ (49°57'35" с. ш.); на востокѣ — Лоустофтъ-Нэсъ (1°45'28" в. д. отъ Гринича); на западѣ — (на шотландскомъ материкѣ) Ардномерхэнъ (6°13'33" з. д.). А если-бъ мы приняли въ разсчетъ болѣе или менѣе отдаленные острова, то сѣверную оконечность пришлось бы перенести болѣе чѣмъ на 2° къ с. (на с. оконечность Энста въ Шетлэндскихъ о-вахъ, подъ 60°51'30" с. ш.), а самую южную—на 47' (на южную оконечность о. Джерси въ Ламаншскихъ островахъ, подъ 49°10' с. ш.). Что касается собственно Англіи, то самымъ сѣвернымъ пунктомъ ея является городъ Беррикъ подъ 55°48' с. ш. Немного къ с. отъ Беррика начинается граница Шотландіи и Англіи и идетъ по нижнему теченію Твида вверхъ по рѣкѣ въ ю.-з. направленіи, поворачиваетъкъ ю.-ю.-в. и скоро снова къ ю.-з. по гребню Чивіотовъ и по теченію Кертопа, Лиддля, Сарка до Солуэйскаго залива. Наконецъ, крайними пунктами о-ва Ирландіи служатъ на с.—мысъ Мэлинъ-Гэдъ (55°23' с. ш.); на ю.—мысъ Мизнъ-Гэдъ (51°56'25" с. ш.); на в.—безыменный мысъ, находящійся противъ островка Беріэль (5°25'50" з. д.), на з. Дэнморъ-Гэдъ (10°30' з. д.). Наибольшая длина Великобританскаго острова, съ с. на ю., равняется 907 км., наибольшая ширина, съ з. на в., приблизительно между мысомъ Св. Давида и Лоустофтомъ, 480 км. Что касается до Ирландіи, то съ ю.-з. на с.-в. она простирается на 486 км. въ длину и съ з. на в. (въ сѣверной части) на 320 км. въ шир. Въ этихъ предѣлахъ пространство и народонаселеніе Соединеннаго Королевства, по переписи 2 апрѣля 1911 г., выражается слѣдующей таблицей:

	Простр. въ кв. км.	Населеніе.	На кв. км.
Англ. и Уэльсъ	151.015	36.057.269	239
Шотландія	78.748	4.759.445	60
Ирландія	83.792	4.381.951	52
Итого	313.555	45.198.665	144

Очертаніе береговой линіи Великобританіи и о-вовъ, входящихъ въ ея составъ, по большей части чрезвычайно извилисто вслѣдствіе безчисленнаго ряда выдающихся и вдающихся угловъ. Длина всего великобританскаго побережья равна 8.029 км., изъ которыхъ на Сѣверное море приходится 2.600 км., на Ламаншъ 971 км. и на Атлантическій океанъ (съ Ирландскимъ моремъ и его двумя проливами) 4.458 км. Что касается до ирландскаго побережья, то его длина равна 4.851 км. Если мы начнемъ обходъ береговъ Великобританіи съ шотландскаго мыса Дэннета и будемъ итти все вправо, имѣя море по лѣвую сторону, то между наиболѣе замѣчательными физическими особенностями побережья мы встрѣтимъ: мысъ Дэнкенсби, за которымъ берегъ круто повертываетъ къ ю., между тѣмъ, какъ по ту сторону залива (ферса) Пентлэнда изъ моря выдвигается Оркадскій архипелагъ (1.044 кв. км.), состоящій изъ 67 о-вовъ, а еще дальше къ сѣверу группа Шетлэндскихъ о-вовъ (1.422 кв. км.) въ числѣ 100; двойную бухту Дорнохъ и Морэй, въ глубинѣ которой начинается прорѣзывающая континентъ Шотландіи знаменитая трещина Гленмора; мысъ Киннэрдъ, начиная съ котор. берегъ, шедшій въ вост. направленіи, круто повертываетъ къ ю. и ю.-з., взрѣзаясь Тэйскимъ заливомъ-устьемъ съ городомъ Дэнди, и Фортскимъ заливомъ,

омывающимъ портъ Лисъ (Leith), который обслуживаетъ столицу Шотландіи, Эдинбургъ. За Сентъ-Эббсъ-Гэдомъ и устьемъ Твида берегъ снова движется къ ю. и слегка къ в., взрѣзываясь устьемъ Тайна съ Ньюкаслемъ и Саутъ-Шильдсомъ, устьемъ Тиса, и обширнымъ устьемъ Гембера, мелководнымъ заливомъ Уоша, бухтой Іера, гдѣ укрывается Ярмутъ, немного на с. отъ уже извѣстнаго Лоустофта. Здѣсь берегъ поворачиваетъ послѣдовательно къ югу, ю.-з., затѣмъ къ в. и ю.-з., образуя мощное устье Темзы. За проливомъ Па-де-Калэ общее направленіе берега переходитъ въ з.-ю.-з., и побережье заключаетъ цѣлый рядъ портовъ и купальныхъ станцій: Дувръ, Фокстенъ, Гастингсъ (за мысомъ Дэнджъ-Нэсъ), Ньюгэвнъ, недалеко отъ него—Брайтонъ и, далѣе къ з., Портсмутъ, затѣмъ, въ глубоко вдающейся Саутгэмтонской бухтѣ, городъ Саутгэмтонъ, портъ котораго извѣстенъ своими четырьмя приливами, производимыми замыкающимъ его съ моря о-вомъ Уайтомъ (372 кв. км.). За Сентъ-Олбэнсъ-Гэдомъ обрисовывается Уэймутская бухта съ Портлэндской гаванью, образованной двумя искусственными молами, оконченными въ 1904 г. Западнѣе граціознаго изгиба Лаймской бухты мы приходимъ къ Плимутской бухтѣ, одной изъ самыхъ великолѣпныхъ естественныхъ гаваней міра. Здѣсь мы въ области Корнуолскаго полуострова съ его мысами: Лизардомъ, представляющимъ самую южную оконечность Англіи, и Лэндсэндомъ, представляющимъ самую западн. оконечность ея. Сѣверный берегъ Корнуола направляется къ с.-в. и в., давая мѣсто обширному устью Северна, расширяющемуся въ Бристольскій каналъ и омывающему непосредственно, или при помощи небольшихъ рѣчекъ, Бристоль, Ньюпортъ и знаменитый своимъ камен. углемъ Кардиффъ. За Суонси (Swansea), извѣст. своими мѣдными заводами, и Кармартенской бухтой, взрѣзающей южный берегъ Уэльса, береговая линія повертываетъ къ с.-з. и с., чтобы, за мысомъ Св. Давида, образовать обширную Кардигэнскую бухту, отдѣленную Лланскимъ (Llan) полуостровомъ отъ Карнарвенской бухты, замыкаемой на с.-в. о-вомъ Энглси (Anglesey, 678 кв. км.), который отдѣляется отъ континента Менэйскимъ проливомъ и въ своей с.-з. части заканчивается, тѣсно примыкающимъ къ нему островомъ Голигэдомъ и портомъ того же имени, откуда пароходы совершаютъ правильные рейсы въ Ирландію и обратно. За Энглси берегъ поворачиваетъ на в. и на с., образуя Ливерпульскій заливъ, въ который впадаютъ устья рѣкъ Ди и Мерси, омывающаго Бэркенгэдъ и Ливерпуль. За бухтой Моркэмъ берегъ движется въ с.-з. направленіи, вдоль глубоко врѣзающагося Солуэйскаго залива, у входа въ который возвышается въ Ирландскомъ морѣ островъ Мэнъ (577 кв. км.). Еще сѣвернѣе, оставляя въ сторонѣ, на з., Сѣверный каналъ, мы идемъ вдоль берега Клайдскаго залива, отмѣчающаго самое узкое мѣсто Шотландіи, такъ какъ здѣсь едва 40 англійскихъ миль (около 65 км.) отдѣляютъ бассейнъ Атлантическаго океана отъ бассейна Сѣвернаго моря, вдающагося на востокѣ Шотландіи уже извѣстнымъ намъ Фортскимъ заливомъ. На с. отъ Клайдскаго залива изъ водъ выступаютъ причудливыя формы острововъ Эррэна (422 кв. кил.), Джуры (255 кв. кил.), Айлэй (725 кв. кил.) и т. д., между тѣмъ какъ Лорнскій заливъ, сдавленный съ с. о-вомъ Мэлль (Mull, 782 кв. км.), приводитъ насъ къ ю.-з. оконечности глубокой но узкой Гленморской долины. Близко къ берегу примыкаетъ большой островъ Скай (1.533 кв. км.), принадлежащій, подобно Мэллю и Айлэй, къ группѣ Внутреннихъ Гебридскихъ острововъ, между тѣмъ какъ по ту сторону проливовъ Минчъ поднимается изъ океана многочисленный архипелагъ Внѣшнихъ Гебридскихъ о-вовъ (2.993 кв. км.), изъ которыхъ около сотни обитаемы. Вся эта часть береговъ сѣверной Шотландіи чрезвычайно напоминаетъ своими очертаніями, своими о-вами и глубокими заливами, упирающимися въ гористые скаты холмовъ, скалы и фіорды Норвегіи. Мысъ Расъ (Wrath) отмѣчаетъ поворотъ береговой линіи на востокъ, и въ этомъ направленіи мы достигаемъ уже извѣст-

наго намъ мыса Дэннета, съ котораго мы начали нашъ обходъ береговъ Великобританіи. Если мы предпримемъ подобное же путешествіе вдоль побережья Ирландіи, начиная съ самаго сѣвернаго пункта его, Мэлинъ-Гэда, и идя направо, то мы на извѣст. разст. за Фэлской (Foyle) бухтой поворачиваемъ на ю.-в., а затѣмъ и на прямой югъ, огибая заливы Бельфастскій, Дэндокскій и идя вдоль сравнит. плоскихъ береговъ Ирланд. моря между Дэндокомъ (Dundalk) и Дублиномъ, тогда какъ за Уэксфордской бухтой направленіе береговъ переходитъ въ западное. Здѣсь берегъ взрѣзается Уотерфордской гаванью, Дэнгарвэнской бухтой, поворачиваетъ къ ю.-з., даетъ мѣсто Коркской гавани, чтобы отъ Мизнъ-Гэда, образуя глубокіе заливы и каменистые мысы, направиться къ сѣверу. Глубокая зазубрина, отмѣчаемая на югѣ устьемъ р. Шэннэна (Shannon), на с. Голуэйскимъ заливомъ, отводитъ его на с.-в. Но вскорѣ гористое и изсѣченное заливами побережье поворачиваетъ снова къ с., а, начиная съ мыса Эрриса, къ в. и, за заливами Слайго и Донегола, къ с.-в., гдѣ мы приходимъ къ уже извѣстному намъ Мэлинъ-Гэду.

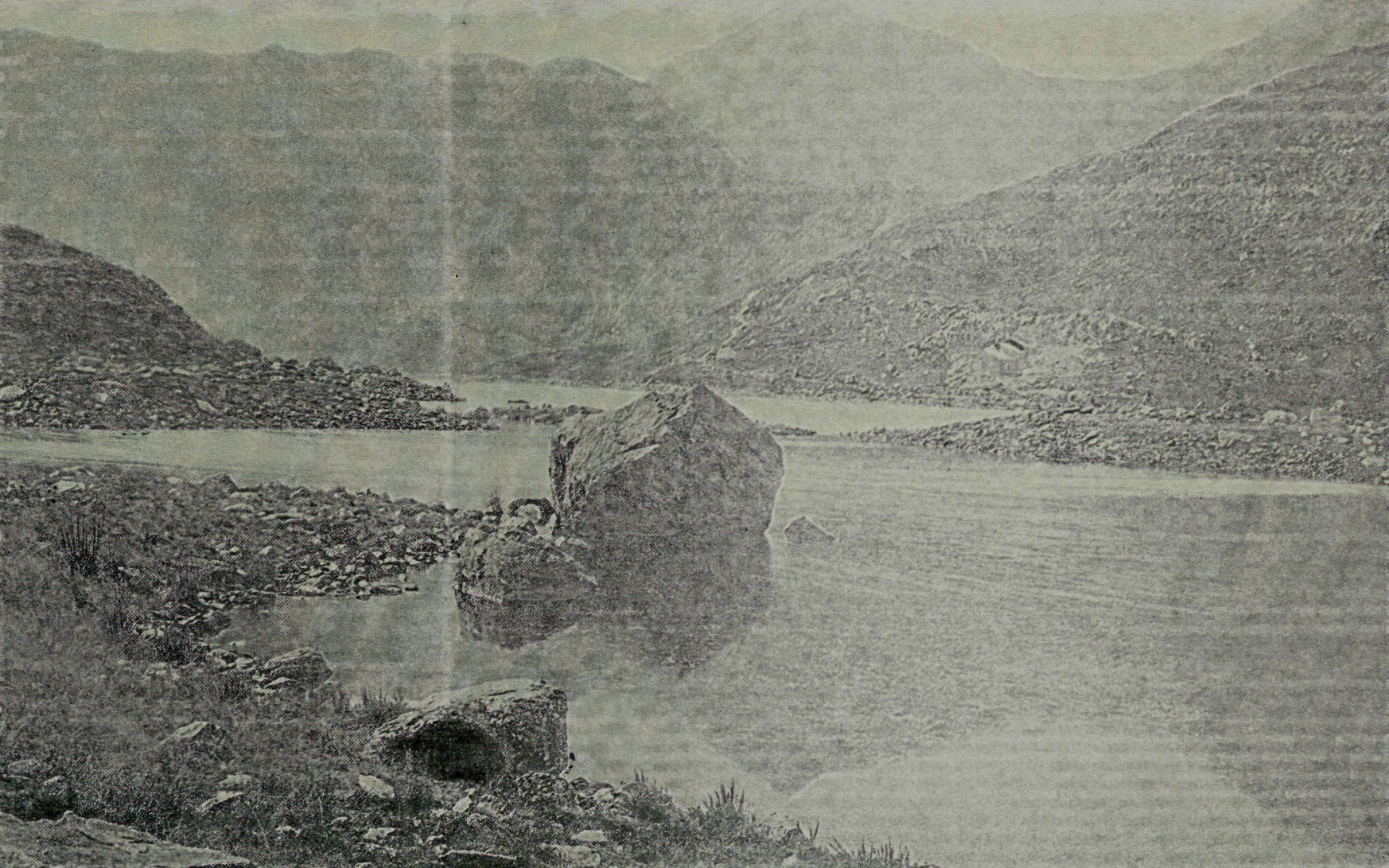
Для того, чтобы надлежащимъ образомъ представить себѣ общее устройство поверхности Британскихъ о-вовъ, нужно принять за центральную линію ихъ рельефа Шотландію, восточные берега Ирландскаго моря, Уэльсъ и Корнуолъ. Тогда мы увидимъ, что отъ этой основной выпуклости почва быстро понижается къ з., за Ирландскимъ моремъ, въ Ирландіи, и къ в., въ восточной части Англіи. Главныя гористыя части Великобританіи, въ которыхъ можно видѣть спинной хребетъ страны, поднимаются компактными массами вдоль и вокругъ этого центральнаго пояса. Такъ, на с. тянутся Сѣверныя и Грэмпіенскія возвышенности Шотландіи; въ центрѣ лежатъ Южныя шотландскія возвышенія; затѣмъ, переходя на почву Англіи, горы Кемберлэнда, или Кембрійскія (Cumbrian), Пеннинскій хребетъ и такъ называемый Пикъ. Въ Уэльсѣ, составляющемъ западную часть Англіи, поднимается Кэмбрійскій кряжъ (Cambrian), а въ Корнуолѣ, болѣе низкія возвышенности Эксмура и Дартмура. Мысъ Расъ, на далекомъ сѣверѣ Шотландіи, и мысъ Лизардъ, на самомъ югѣ Англіи, расположены приблизительно на одномъ и томъ же 5-мъ меридіанѣ къ западу отъ Гринича. А между ними вьется извилистая линія возвышенностей, обращенная къ морю на с. своей выпуклостью, а на ю. — своей вогнутостью.

Оба большіе острова, Великобританія и Ирландія, представляютъ рядъ смѣняющихся возвышенностей и низменностей, которыя образуютъ нѣкоторыя общія группы. Такъ, отъ с.-з. оконечности Шотландіи, носящей названіе мыса Расъ, идутъ внутрь страны, поднимаясь все болѣе и болѣе къ в. и ю., Сѣверные Шотландскіе Гайлэндсы (Highlands), или возвышенности, которыя отдѣляются по діагонали отъ еще болѣе высокихъ Грэмпіенскихъ горъ узкой и длинной низменностью, или, лучше сказать, траншеею, простирающейся на 160 км. въ длину отъ Морэйскаго ферса (залива), на с.-в., къ Лорнскому, на ю.-з., при ширинѣ не превосходящей 8-ми км.: это т.-наз. Большая Долина, по-англійски Гретъ-Гленъ, по-гэльски Гленморъ, имѣющая видъ „прямой и правильной улицы современнаго города“, на которой тянутся цѣпью озера, лѣса, и проходитъ въ центрѣ Каледонскій каналъ, соединяющій воды Атлантическаго океана съ водами Нѣмецкаго моря. Не мало вершинъ въ Сѣверныхъ Гайлэндсахъ достигаютъ 900 метр. или нѣсколько болѣе или менѣе того. Когда издали, съ Гебридскихъ о-вовъ, смотришь на эти горы, вырисовывающіяся на горизонтѣ, за проливомъ, именуемымъ Сѣвернымъ Минчомъ, то онѣ кажутся оттуда, по выраженію одного англійскаго географа, „кускомъ тряпки, изорванной на верхнемъ краѣ и сдерживаемой вмѣстѣ нижнимъ швомъ“: до такой степени эти высоты пересѣчены сложной системой глубокихъ долинъ. За Гленморомъ поднимаются Грэмпіенскія горы, высочайшія изъ британскихъ возвышенностей, отличающіяся и наиболѣе массивными очертаніями, въ особенности по направленію къ в. Съ южной стороны онѣ спускаются

крутымъ обрывомъ, стѣна котораго тянется діагонально черезъ Шотландію по линіи, приблизительно параллельной Гленмору. На 160 км. слишкомъ этотъ обрывистый край горъ господствуетъ надъ центральной шотландской низменностью, образуя одну изъ самыхъ главныхъ особенностей физической географіи страны. Изъ долины онѣ представляются настоящею горною цѣпью, такъ какъ поднимаются почти отъ самой поверхности моря до 1.200 м. выс. Но и этотъ хребетъ на самомъ дѣлѣ составляетъ изсѣченное углубленіями плоскогоріе съ основнымъ уклономъ отъ с.-з. къ ю.-в., оканчивающееся довольно крутой юго-восточной покатостью. Сравнительная высота вершинъ отчетливо выражаетъ этотъ общій рельефъ Грэмпіенскихъ горъ. На ю.-в. краю Бенъ-Лѝмендъ поднимается на 973 м., а Бенъ-Форликъ на 983, тогда какъ км. на 30 къ с., внутри кряжа, высятся, приблизительно по параллельной линіи съ первой, Бенъ-Моръ, имѣющій 1.171 м., Бенъ-Лоэрсъ (Ben Lawers) — 1.214 м., и Лохнэгеръ — 1.154 м., наконецъ, Бенъ-Нэвисъ, высочайшій пикъ всего Соединеннаго королевства, достигающій 1.343 м. и Бенъ-Макдуй (Ben Mac-dhui)—1.309 м., отмѣчаютъ самый гребень горнаго массива, поднимаясь непосредственно надъ склономъ, круто падающимъ къ с.-з. въ направленіи къ Гленмору и долинѣ Спея (Strath Spey). Лѣсистыя долины врѣзаются здѣсь въ поросшія верескомъ плоскогорья. Наиболѣе глубокой изъ этихъ естественныхъ траншей является долина Гарри, продолжаемая долиной Тэя и раздѣляющая поверхность Гайлэндсовъ на двѣ разныя по характеру мѣстности. На з., въ западной части Пертскаго графства и въ Аргайлѣ, горныя вершины поднимаются остроконечными пиками; долины глубоки и усѣяны озерами; возвышенности спускаются къ морю, оставляя мало мѣста, или почти совсѣмъ ничего, для береговыхъ низменностей; заливы же глубоко проникаютъ въ долины, часто обнимая собою группы горъ и превращая ихъ такимъ образомъ въ острова. А на в. отъ долины Тэя горныя вершины округлены; долины немногочисленны и расположены на значительной высотѣ; озера, за исключеніемъ небольшихъ горныхъ водоемовъ, почти совсѣмъ отсутствуютъ; и возвышенности приближаются къ морю лишь въ одномъ пунктѣ Стонгэвна, къ с. отъ котораго вдается въ море трехугольная низменность обширнаго полуострова Бе́кэна (Buchan), продолжающагося къ з. низменной полосой береговъ шириною въ 15 км. вплоть до Гленмора. Считаютъ, что половина всей Шотландіи лежитъ къ с. отъ Хайлэндсовъ. Остальная часть страны занята такъ-наз. Срединной равниной (Midland Plain) и южными возвышенностями. Обѣ эти полосы земель тянутся съ с.-в. на ю.-з., при средней широтѣ въ 65—80 км. Срединная равнина значительно урѣзана въ своихъ размѣрахъ глубоко вдающимися углами береговой линіи, особенно тамъ, гдѣ она образуетъ три большія устья, носящія назв. ферсовъ (firth—заливъ) Тэйскаго, Фортскаго и Клайдскаго. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ Сѣверное м. и Атлантич. воды отдѣлены едва 65 км., Южныя же горы тянутся на втрое большее разстояніе отъ башнеобразныхъ скалъ мыса Сентъ-Эббсъ-Нэса до двойнаго полуострова Ринсъ-офъ-Галлоуэй, имѣющаго форму причудливаго молотка. На Срединной равнинѣ поднимается съ ю.-з. на с.-в. длинный рядъ холмовъ, извѣстн. въ разн. мѣстахъ подъ назван. Леннокскъ (550 м.), Охилъ (720), и Сидло (427); къ ю. отъ Клайдскаго залива возвышается цѣпь холмовъ Пентлэнда (562 м.), тогда какъ широк. и плоск. долина Страсмо́ра разстилается въ сѣверной части равнины, у подножія Гайлэндсовъ. Южнѣе 56-ой параллели мы вступаемъ въ область Центральныхъ возвышенностей Великобританіи, простирающихся въ видѣ обширнаго трехугольника отъ Сентъ-Эббсъ-Нэса на 200 км. къ ю.-з., по направленію къ Ирландіи, и на 320 км. прямо къ ю., по направленію къ Дербиширскому Пику. Съ з. въ это обширное плато врѣзается Солуэйскій заливъ, а все оно раздѣляется на три массивныя глыбы глубокими траншеями, дающими мѣсто на с. верховьямъ рѣки Тайна, а на ю. истокамъ Эра (Aire). Сѣверный позвонокъ плато образованъ Юж-

Виды Великобританіи.

Вершина Сноднъ. Видъ съ озера Линнъ Ллидо (Уэльсъ).



ными возвышенностями Шотландіи и параллельной имъ, но болѣе короткой, цѣпью Чивіэтовъ, тянущейся на границѣ между Шотландіей и Англіей. Средній позвонокъ состоитъ изъ горъ Кемберлэнда, которымъ часто даютъ назв. Озерныхъ горъ (Lake Mountains), и главной части Пеннинскаго хребта. Наконецъ, южн. позвонокъ включаетъ южную, болѣе низкую часть Пеннинскаго хребта и достигаетъ своей наибольшей высоты въ Пикѣ. Упомянемъ въ числѣ наиболѣе замѣчательныхъ особенностей этой части территоріи. Иденскую равнину, образованную глубокой долиной рѣки Идна, извивающагося между Озерными горами и главной частью Пеннинскаго хребта. На центральномъ плато поднимаются слѣдующія вершины: въ Южныхъ возвышенностяхъ гора Меррикъ на 842 м.; Бродло (Broad Law), въ 65 км. къ с.-в., на 830 м.; цѣпь Чивіэтовъ — на 816 м. Южнѣе, горн. массивъ слегка еще повыш. и достигаетъ 878 м. въ Скофелѣ, 950 м. въ Гелвéллинѣ, 930 м. въ Скиддо,— высочайшихъ горахъ Озерной страны,— и 883 м. въ Кроссфеллѣ, кульминаціон. пунктѣ Пеннинскаго хребта. Еще болѣе къ югу, Ингльберо имѣетъ лишь 723 м., Уэрнсайдъ—736 и Пенигентъ—693. Наконецъ, Пикъ (The Peak—въ Дербиширѣ), несмотря на свой громкій эпитетъ „Высокій“ (High), поднимается только на 636 м. А далѣе къ ю. горы быстро склоняются къ Англійской равнинѣ, образуя острые языки возвышенностей, идущихъ по направленію къ Ноттингэму и къ Стоку. Уэльскія горы проще по своему устройству, чѣмъ самъ обширный полуостровъ, хребтомъ котор. они являются. Возвышенности, дѣйствительно, носятъ характеръ лишь незначительныхъ холмовъ на Лланскомъ полуостровѣ къ с. и Пемброкскомъ къ ю., тогда какъ сѣвернѣе Лланна о-въ Энглси представляетъ собою низменность. Уэльскія горы образуютъ въ совокупности приблизительно прямоугольникъ, который тянется въ длину съ сѣвернаго и до южнаго берега Уэльса, при чемъ восточный край этихъ возвышенностей направляется параллельно Пеннинскому хребту и совпадаетъ въ общихъ чертахъ съ историческою границею Уэльскаго княжества. Эта граница проходитъ приблизительно на высотѣ 300 м. надъ уровнемъ моря. Но на полдорогѣ отъ нея отдѣляется группа болѣе низкихъ холмовъ, которыя направляются къ с.-в. черезъ южную часть графства Шропширъ, идя какъ бы на встрѣчу къ юго-западному отрогу Пика; а къ ю. и ю.-в. возвышаются столь же скромные холмы, доходящіе до Глостерскаго и Уилтширскаго графствъ. Лишь немногія изъ этихъ горъ превосходятъ своей высотой 300 м.: то— Кли (546 м.), затѣмъ, далѣе къ ю.-в., Малвернъ (425 м.) и, еще болѣе къ ю., Котсуолдъ (346 м.); тогда какъ къ с. отъ Кли, на лѣвомъ берегу верхняго Северна, Рекнъ (Wrekin) достигаетъ 407 м. Эта сравнительно низкая полоса земель, широко вдающаяся между возвышенностями Уэльса и Пика и извѣстная подъ названіемъ Среднихъ Воротъ (Midland Gate), представляетъ собою одну изъ замѣчательнѣйшихъ чертъ географіи Британіи. Возвращаясь къ Уэльскимъ горамъ, мы должны сказать, что наиболѣе серьезные изслѣдователи Англіи видятъ въ нихъ остатки древняго плоскогорья, какъ то явствуетъ изъ почти одинаковой высоты нѣкоторыхъ наиболѣе значительныхъ вершинъ, сохранившихся отъ прежней поверхности; въ остальныхъ мѣстахъ первоначальная высота очень уменьшилась, благодаря явленіямъ обнаженія, вывѣтриванія и размытія почвы. Дѣйствительно, Кедръ-Айдрисъ на с. имѣетъ 893 м., Бреконъ (или Брекнокъ)-Биконсъ на ю. 886 м., а, между ними, Плинли́ммень — всего 752 м. Наиболѣе рѣзкій рельефъ горы Уэльса имѣютъ лишь въ крайнемъ с.-з. уголку, гдѣ рядъ холмовъ постепенно взмываютъ съ берега, начиная отъ мыса Гретъ-Ормса и достигая наибольшей высоты въ Сноднѣ (1.085 м.), гигантѣ англійскихъ горъ. Къ ю. отъ Уэльса, на южной сторонѣ Бристольскаго канала обозначаются два разбитые на части пояса возвышенностей, простирающіеся отъ в. къ з. параллельно между собою и къ Бристольскому каналу. Сѣверный изъ этихъ кряжей начинается Квентокскими возвышенностями (384 м.), въ западной части Со-

мерсетскаго графства, и продолжается Эксмурскимъ плато, которое къ з., въ прежнія геологическія времена, доходило до острова Лэнди. Южный же хребетъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ холмистыхъ массъ: на в.—Дартмура, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго является Гай-Уиллейсъ (621 м.); на з., за глубокой долиной рѣки Теймера,—Бодминъ-мура, достигающаго наивысшей точки въ Браунъ-Уилли (419 м.). Между этими двумя кряжами простирается широкая плодородная долина, занимающая почти весь сѣверъ Девонскаго графства. Еще далѣе къ з. или, точнѣе, къ ю.-з. мы вступаемъ въ область полуострова Корнуола, высота котораго незначительна, но поверхность изрѣзана скалистыми возвышенностями. Клинообразный полуостровъ продолжается къ ю.-з. и з. островами Силли (27 кв. км.). Къ в. отъ Девонскихъ и Кэмбрійскихъ возвышенностей и къ ю. и в. отъ Пеннинскихъ разстилается обширная Англійская низменность, занимающая почти треть всей Великобританіи. По близости отъ центральнаго пояса горъ поверхность этой равнины разнообразится отдѣльными холмами умѣренной высоты. Таковы, на с. Англіи, Сѣверно-Іоркскія горы, достигающія въ Кливлэндскихъ холмахъ, къ ю. отъ устья Тиса, 454 м., а въ центрѣ—уже извѣстные читателю Рекнъ, Малвернъ, Котсуолдъ. Общая же высота равнины колеблется между 180 и 300 м., за исключеніемъ мѣстности, спускающейся къ берегу Сѣв. моря, а изнутри огранич. очертаніями кривой, идущей отъ мыса Флэмберо черезъ Ноттингэмъ, Лестеръ (Leicester) и Бедфордъ къ Гаричъ (Harwich); на этомъ пространствѣ ни одна точка поверхности не поднимается выше 90 м. На крайнемъ ю.-в. Англіи тянутся два параллельныхъ хребта, называемые Сѣверными и Южными Даунсами. Сѣверный кряжъ достигаетъ максимума высоты на западѣ, гдѣ Комбъ поднимается на 283 м., тогда какъ, еще болѣе къ з., Уилтширскія горы, возвышающіяся къ с. отъ Солсберійской равнины, достигаютъ 294 м. Южный хребетъ Даунса не превышаетъ 248 м. (Дитчлингъ, въ вост. части). Между двумя кряжами Даунсовъ разстилается мѣстность Уильдъ (Вельдъ), получившая свое имя отъ стариннаго слова, обозначающаго лѣсъ. Наконецъ, на с. отъ западной части Сѣвернаго Даунса холмы Чилтернъ достигаютъ 253 м.

Если мы будемъ передвигаться къ з. отъ извѣстной читателю центральной линіи шотл.-англійскихъ возвышенностей, то, по ту сторону Ирландскаго моря и его двухъ проливовъ, мы встрѣчаемъ большой о-въ Ирландію, по устройству поверхности (но не по внутреннему строенію) представляющій рѣзкую противоположность съ Великобританіей. Здѣсь, дѣйствительно, нѣтъ обширныхъ, группъ возвышенностей, похожихъ на тѣ, которыя мы встрѣчали на Великобританскомъ о-вѣ. Равнина составляетъ преобладающую черту ирландскаго ландшафта, несмотря на то, что и тутъ находится значительное количество короткихъ хребтовъ и отдѣльныхъ горъ, подымающ. и на с., и на в., и на ю.-з. и на з.: изъ 33 графствъ Ирландіи почти половина заключаетъ возвышенности, превосходящія 600 м. Лишь въ одной части Ирландіи мы встрѣчаемъ полосу равнинной земли, откуда не видать горъ ни въ одной сторонѣ горизонта: на протяженіи 80 км. отъ Дублина на ю. до Дэндока на с. развертывается низкая линія побережья, составляющаго начало широкой низменности, которая простирается далеко внутрь страны къ з. и тянется на разстояніи 240 км. до того пункта, гдѣ горы Коннота поднимаются на берегу Атлантическаго океана рельефной каймой. Лишь въ Голуэй, въ Бэ́ллинѣ и еще двухъ-трехъ мѣстахъ эта центральная Ирландская низменность достигаетъ прибрежья океана. Наиболѣе высокими изъ отдѣльныхъ холмистыхъ группъ являются: горы Дерривэ, среди которыхъ Эрриголъ поднимается на 752 м. въ графствѣ Донеголъ, на с. острова; горы Морнъ (853 м.) въ графствѣ Даунъ, на с.-в. берегу Ирландіи; Легнаквилла (926 м.) на восточномъ берегу, къ ю. отъ Дублина, въ графствѣ Уикло; и, далѣе къ ю.-з., горы Голти (919 м.) въ графствѣ Типперэ́ри; еще далѣе въ

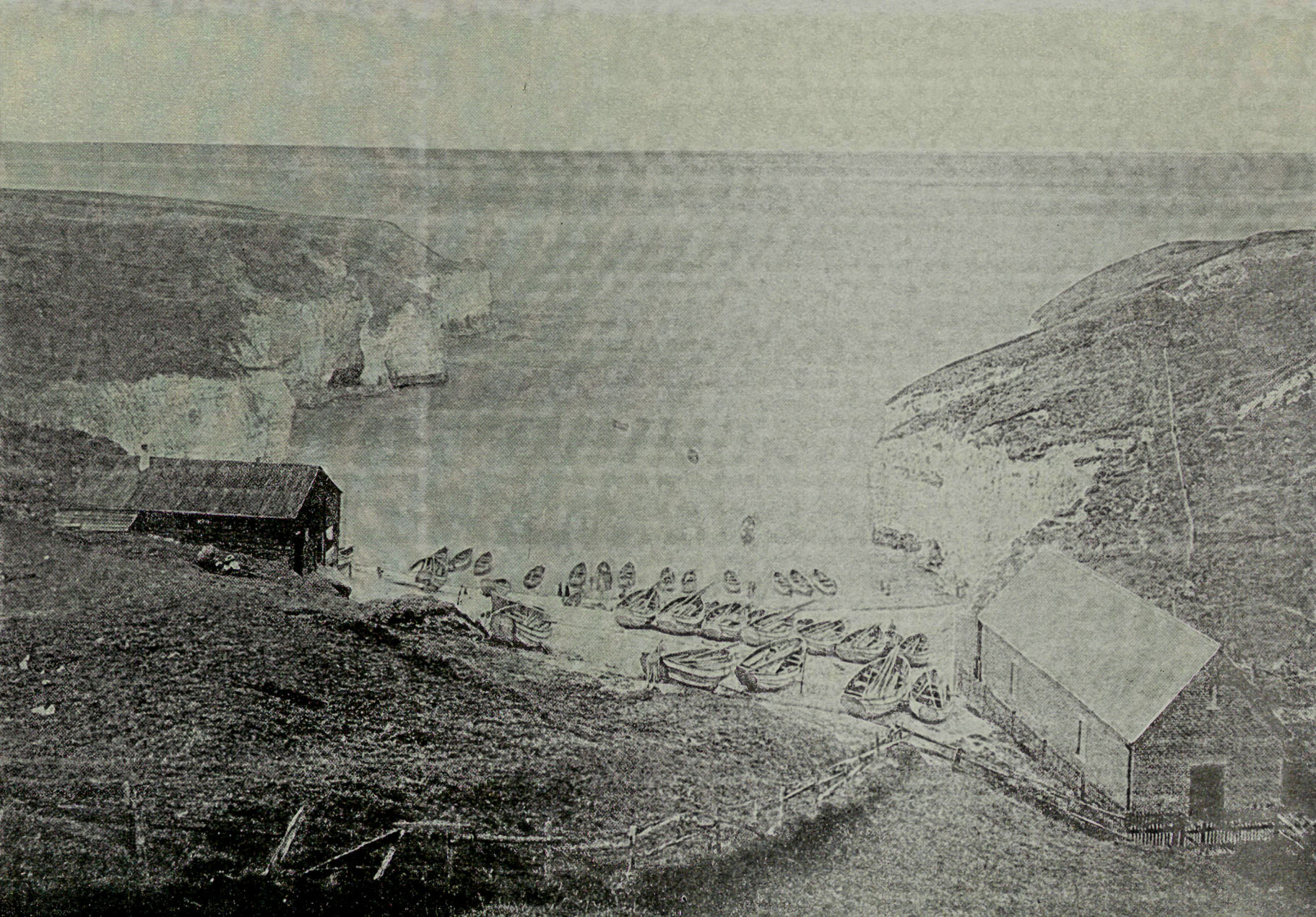
з., въ графствѣ Керри, высочайшій ирландскій кряжъ Макгилликедди, кульминаціонный пунктъ котораго Каррантьюогилъ достигаетъ 1040 м. надъ уровнемъ моря; наконецъ, завершая рядъ этихъ периферическихъ горъ въ извѣстномъ уже Коннотѣ, Коннемарскія горы, въ сѣв. части которыхъ вершина Муилри (Mweelrea) достигаетъ 819 м. Характерной особенностью Ирландіи и, главнымъ образомъ, ея центральной, равнинной части является громадное количество озеръ и озерецъ, равно какъ мѣстныхъ торфяныхъ болотъ, именуемыхъ „бо́гами“ (bogs) и представляющихъ собою нѣчто среднее между торфяной трясиной и озеромъ. Вслѣдствіе очень влажнаго климата, эти чрезвычайно сырыя пространства зачастую превращаются въ рядъ громадныхъ растительныхъ губокъ, впитывающихъ въ себя воду ручьевъ и атмосферическихъ осадковъ. Часто края этихъ водоемовъ, обрамленныхъ могущественными мшистыми валами, охватываютъ на подобіе плотинъ центральную водную массу и, уступая порою давленію накопляющейся жидкости, прорываются какъ естественныя запруды, разнося опустошеніе по всей окружающей странѣ. „Такимъ образомъ, въ 1821 г., торфяное болото Киналэди, расположенное возлѣ Телламора, въ центрѣ большой равнины, колыхаясь въ теченіе долгаго времени, словно бурное море, и издавая глухіе раскаты какъ-бы подземнаго грома, внезапно прорвалось: потокъ грязи, глубиною въ 18 м., устремился изъ трещины и, снося цѣлые дома и разрушая лѣса, которые находились на его пути, покрылъ собою площадь болѣе 12 кв. км.“ (Элизэ Реклю).

Переходя къ геологическому строенію Соединеннаго Королевства и начиная съ Великобританіи, мы должны прежде всего отмѣтить контрастъ между ю.-в. и с.-з. страны. На ю.-в. преобладаютъ почти исключительно, въ центрѣ, равнины, а у моря—низкіе берега, обращенные къ европейскому материку. На с.-з. поднимаются, какъ мы видѣли, скалистыя возвышенности, составляющія родъ могучаго барьера, котор. отгораживаетъ внутреннія части острова отъ океаническаго побережья. „На ю.-в. предъ нами пески, глины, хрупкія породы песчаника, мѣлъ и нѣжные известняки. А на с. и на з. песчаники отличаются по большей части твердостью и компактностью, превращающею ихъ въ кварцы; сдавленные слои глины образуютъ сланцы. Известняки носятъ кристаллическій характеръ, порою превращаясь въ мраморъ, и повсюду изобилуютъ вулканическія скалы, которыя, вмѣстѣ съ морскими отложеніями, подвергались процессу ломки и становились сланцами и гнейсами. Въ Великобританіи—что замѣчается долеко не повсюду на земномъ шарѣ—наиболѣе твердыя скалы являются вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшими и, несмотря на длинные періоды времени, поднимаются до сихъ поръ въ видѣ возвышенностей и пиковъ, тогда какъ болѣе новые и мягкіе юго-восточные слои были приведены къ уровню низменностей въ сравнительно короткіе геологическіе промежутки. Всюду, гдѣ буровыя скважины для отысканія воды или каменнаго угля достигали достаточной глубины, прорѣзая глину и мѣлъ ю.-в., эти новѣйшіе слои повсюду оказывались покоющимися на фундаментѣ изъ старѣйшихъ горныхъ породъ, которыя, какъ по своему строенію, такъ и по содержащимся въ нихъ ископаемымъ, тождественны съ горн. породами холмовъ сѣвера и запада. Матеріалъ низменностей произошелъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, главнымъ образомъ, отъ разрушенія с.-з. возвышенностей, но до нѣкоторой степени и отъ старыхъ горныхъ областей, нынѣ подвергшихся обнаженію и отчасти прикрытыхъ новѣйшими породами“ (Маккиндеръ). Чрезвычайно ясно это отношеніе между основными породами и прикрывающими ихъ наслоеніями выступаетъ въ Пеннинскомъ хребтѣ, состоящемъ изъ трехъ рядовъ слоевъ: самаго стараго и нижняго—горнаго известняка,—средняго и позднѣйшаго—жерновика—и верхняго, самаго недавняго и самаго значительнаго по своей толщѣ слоя,—глины и плитняка со спорадическими слѣдами угля, извѣстнаго подъ англійскимъ терминомъ Coal-

Виды Великобританіи.

Флемборо. Рыбачья пристань на Сѣверномъ морѣ (Іоркширъ).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."



ніе ордовиціанскихъ), составляющихъ Южныя шотландскія возвышенности. Что касается до пограничныхъ съ Англіей Чивіотовъ, то они образованы скопленіемъ вулканическихъ породъ, выбравшихся наружу благодаря процессамъ вывѣтриванія. Посреди Грэмпіенскаго кряжа массы гранита, окристаллизовавшіяся на глубинѣ, выступили на поверхность, вслѣдствіе исчезновенія верхнихъ слоевъ, и теперь поднимаются въ видѣ высочайшихъ вершинъ Британіи надъ окружающими слоями сланцевъ и аспида, обладающими меньшею способностью сопротивленія. Зап. край Сѣверныхъ Гайлэндсовъ, отъ м. Раса и до южной оконечности острова Скай (м. Слитъ, немного сѣвернѣе 57°), отлич. тѣмъ, что на немъ столь распростран. въ горахъ Шотландіи сланцы уступаютъ мѣсто древнѣйшимъ архейскимъ породамъ, выступившимъ изъ-подъ общей горной массы. Въ группѣ Внутреннихъ, т. е. ближайшихъ къ материку, Гебридскихъ острововъ, любопытно строеніе двухъ наиболѣе важныхъ островныхъ земель, Ская и Мэлля, которыя, какъ структурой, такъ и характеромъ своихъ породъ, отличаются отъ формацій материка. Начиная отъ вертикальныхъ скалъ прибрежья, достигающихъ порою 300 м. высоты, поверхность этихъ острововъ поднимается террассами, подобно ступенямъ гигантской лѣстницы, до столообразныхъ вершинъ. Эти голыя скалы—блестящей коричневой окраски; а террассы скатовъ, лишенныхъ древесной растительности, бросаются въ глаза зеленымъ цвѣтомъ своихъ пастбищъ. Порою высятся цѣлыя стѣны изъ безчисленныхъ колоннъ базальта, лава которыхъ образуетъ мѣстами обширныя пещеры, напоминающія церковные своды. Возлѣ западнаго берега большого острова Мэлля поднимается изъ океана маленькій, но знаменитый островокъ Стаффа, извѣстный своимъ, столько разъ воспроизводившимся на гравюрахъ и фотографіяхъ, „гротомъ Фингала“. „Внезапно, обогнувъ мысъ, вы находитесь у входа въ базальтовую пещеру со сводами, куда проникаете словно въ настоящій храмъ... Колонны изъ лавы, обладающія почти совершенной правильностью очертаній и столь легко наклоненныя, что ихъ можно принять за совершенно перпендикулярные столбы, возвышаются на 20 м. между среднимъ уровнемъ моря и тяжелыми сводами потолка. Водная аллея, ограниченная съ каждой стороны какъ бы правильной мостовой, постепенно суживается, словно для произведенія большаго эффекта перспективы, отъ 13 до 7 м. и замыкается, наконецъ, въ разстояніи 80 м. отъ входа“ (Элизэ Реклю). Слѣдуетъ замѣтить, кстати, что, идя далеко къ ю. и вступая на сѣверный берегъ Ирландіи, мы встрѣчаемся съ еще большими скученіями базальта, которыя принимаютъ особенно замѣчательный видъ въ знаменитомъ шоссе Гигантовъ, состоящемъ изъ 40.000 базальтовыхъ колоннъ, образующихъ въ этомъ мѣстѣ прибрежье и безпрестанно омываемыхъ волнами моря. Почти четверть общей массы этихъ приморскихъ скалъ состоитъ изъ желѣзной руды, которая придаетъ чрезвычайную прочность базальту и обусловливаетъ правильность его контуровъ, его тяжесть, его магнетическія свойства и, наконецъ, ту ржавчину, которая покрываетъ эти столбы, словно они сдѣланы изъ цѣльнаго желѣза.

Переходя къ геологической структурѣ Ирландіи, мы сможемъ легче усвоить себѣ ея общія черты, если мысленно срѣжемъ съ поверхности горы, состоящія изъ базальта и мѣла, въ сѣверной части Ирландіи и сведемъ такимъ образомъ поверхность графства Энтримъ къ низменности. Тогда окажется, что Ирландія своими различными частями воспроизводитъ по другую сторону морей геологическія особенности соотвѣтствующихъ частей Великобританіи. Такъ, Донеголскій полуостровъ, ограниченный на с.-в. Фѣлскимъ заливомъ, а на ю.-з. Донеголскимъ заливомъ, состоитъ изъ тѣхъ же древнихъ сланцевъ, направленныхъ къ ю.-з., какъ и горы шотландскаго острова Айлэй и Грэмпіенскихъ Гайлэндсовъ, отъ которыхъ этотъ полуостровъ былъ очевидно отдѣленъ въ прежніе геологическіе періоды. Далѣе къ ю.-в. ирландская группа Морнскихъ горъ, возвышающихся противъ острова Мэна, представляетъ напра-

вленіемъ и структурою своихъ породъ продолженіе Южныхъ возвышенностей Шотландіи. Морнскія горы отдѣлены отъ горъ графствъ Донегола, Тирона и Лондендéрри поясомъ низменностей, настоящій характеръ котораго ясно обнаруживается, если мы мысленно удалимъ Энтримское плоскогоріе, образовавшееся гораздо позже. Тогда мы увидимъ, что и Срединная шотландская равнина находитъ свое продолженіе по ту сторону Клайдскаго залива и канала св. Патрика, между Энтримомъ и оз. Нэ (Neagh), заходя далеко въ самое сердце Ирландіи. Даже каменноугольныя копи Эра (Ауг) и Лэнарка, расположеныя въ Срединной равнинѣ, находятъ свой pendant въ маленькомъ каменноугольномъ бассейнѣ Тирона къ ю.-з. отъ упомянутаго озера Нэ. Къ ю. отъ Ирландскаго моря на сторонѣ Великобританіи поднимаются горы Уэльса, а на сторонѣ Ирландіи маленькая возвышенность Уикло. „Одинаковые по геологическому возрасту, по строенію и по характеру ландшафта Уэльсъ и Уикло представляютъ такое разительное сходство, что мы должны разсматривать ихъ, какъ отдѣлившіяся части одной массы съ породами, еще болѣе древними, чѣмъ породы Кемберлэнда, о-ва Мэна и Морнскихъ горъ“ (Маккиндеръ). Центръ Ирландіи занятъ равниною, образованною почти горизонтальными и не потерпѣвшими никакого перемѣщенія слоями каменноугольнаго известняка, по большей части скрытаго подъ поверхностными слоями болотной и торфяной почвы. Эту аналогію Ирландіи и Великобританіи можно было бы продолжить и дальше, такъ какъ почти повсюду первая состоитъ изъ воспроизведенія геологическихъ особенностей второй. Такъ, по строенію южная Ирландія самымъ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ Южнымъ Уэльсомъ и юго-западной Англіей.

Намъ придется возвратиться къ болѣе подробной характеристикѣ строенія низменной, юго-восточной, части Великобританіи, которая въ особенности усердно изучалась мѣстными учеными, видѣвшими въ ней „рай геологовъ“ по необыкновенному разнообразію различныхъ формацій, встрѣчающихся на столь маломъ сравнительно пространствѣ. Всѣ эти формаціи равнинной Англіи принадлежатъ къ болѣе новымъ періодамъ, чѣмъ горныя породы с.-з. Англіи и Шотландіи. Такъ, направляясь отъ Лондона по діагонали на с.-з., къ Честеру, путешественникъ будетъ послѣдовательно проходить въ совершенно правильной постепенности наслоенія всѣхъ періодовъ, начиная отъ ранней третичной формаціи и кончая пермской формаціей и тріасомъ. Центръ равнины вокругъ Бирмингэма состоитъ изъ новыхъ красныхъ песчаниковъ и глинъ, которые расходятся оттуда въ трехъ разныхъ направленіяхъ: къ ю.-з., вдоль нижняго теченія Северна, по направленію къ Бристольскому каналу; къ с.-з., черезъ Среднія Ворота, по направленію къ Ливерпулю, и къ с.-в., вдоль нижняго теченія Трента и Іоркширской Узы къ устью Тиса. Къ з. и с. новые красные песчаники обрамляютъ Кембрійскія и Пеннинскія возвышенности, породы которыхъ ныряютъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ горъ подъ глину и пески равнины. Но на в. и ю.-в. эти песчаники прикрываются крутымъ откосомъ юрскаго известняка, который тянется по кривой линіи черезъ Англію, начиная Кливлэндомъ въ сѣверной части Іоркскаго графства, и кончая Котсуолдомъ на ю.-з. Глины и пески верхнихъ этажей юрской формаціи образуютъ почву между Оксфордомъ и Бедфордомъ и въ свою очередь ныряютъ подъ обрывистый изломъ мѣловыхъ породъ, простирающихся отъ мыса Флэмберо черезъ Чилтернъ къ холмамъ Дорсета, образуя параллельную кривую на с.-з. отъ юрскаго вала.

Гидрографія страны, конечно, опредѣляется главнымъ образомъ ея орографическими особенностями. Прежде всего, вслѣдствіе сдвинутаго къ з. положенія горныхъ хребтовъ, рѣки Англіи обладаютъ большею длиною къ в. отъ возвышенностей, чѣмъ къ з. отъ нихъ. На первый взглядъ исключеніе изъ этого правила составляетъ Севернъ (290 км. длины; судоходенъ отъ устья до Уэлшпуля), текущій, какъ извѣстно, къ в. отъ горной оси въ южномъ и юго-западномъ направленіи, чтобы впасть въ Бристольскій каналъ. Но истоки этой рѣки и верхніе притоки

ея направляются сначала, скатываясь съ Уэльскихъ возвышенностей, прямо на в., въ направленіи Темзы, и лишь въ Англійской равнинѣ образованная так. образ. рѣка перехватывается поперечнымъ русломъ Уоррикскаго Эвна (Avon, 105 км.), отклоняющаго его въ своемъ направленіи, т. е. къ ю.-з. Великій водораздѣлъ англійскихъ рѣкъ проходитъ поэтому не внутри страны, отъ с. къ ю., но гораздо западнѣе, а именно, отъ Чивіотовъ вдоль Пеннинскаго хребта, огибая южныя границы Чешира и внѣдряясь въ горы Уэльса между бассейнами Ди (145 км.) и Верхняго Северна, при чемъ эта гидрографическая линія далеко не повсюду совпадаетъ съ наиболѣе высокими частями страны. Цѣлый рядъ рѣкъ спускается такимъ образомъ на в. и ю.-в. отъ великаго англійскаго водораздѣла, называемаго обыкновенно Пеннино-Кэмбрійскимъ: Тайнъ (115 км., съ великолѣпнымъ судоходнымъ устьемъ), Уиръ (105 км., судоходенъ отъ Дерэма), Тисъ (120 км., судоходенъ отъ Стоктона)—всѣ три впадающія непосредственно въ Сѣверное море; Суэйлъ (около 100 км.), Юръ (80 км.), Ниддъ (50 км.), Уарфъ (100 км.), Эръ (113 км.), Колдеръ, Донъ (115 км.), Дéруэнтъ (около 100 км.), всѣ принадлежащія къ бассейну Іоркширской Узы, Трентъ съ Девомъ и Торномъ, уже извѣстный намъ Севернъ съ Вúрнуай. Трентъ (240 км., изъ нихъ судоходныхъ 148 км.) и Іоркширская Уза (92 км., судоходн. 69 км.) образуютъ Гемберъ, представляющій собою могучее устье въ 61 км. длины. Второй рядъ рѣкъ, текущихъ къ ю.-в., сбѣгаетъ съ крутого склона уже упомянутаго нами вала, состоящаго изъ юрскихъ известняковъ. Въ центрѣ Котсуолдъ питаетъ источники Темзы, которая направляется къ Оксфорду и, прорывая мѣловыя возвышенности, течетъ къ Рединту, орошаетъ Лондонъ и заканчивается получившимъ міровую извѣстность устьемъ. Длина этой важнѣйшей рѣки Англіи достигаетъ 365 км. (отъ верховьевъ до Ширнéса); она становится судоходной на 240 км. выше Лондона. Бристольскій Эвнъ спускается также, но южнѣе, съ Котсуолда и, огибая совершенно эту цѣпь, прорѣзаетъ себѣ путь къ западу у Бата и впадаетъ въ устье Северна. Къ с.-в. Большая Уза (230 км., половина судоходна), Ненъ (113 км.) и Уэллэндъ (также 113 км.) направляются въ страну болотъ и торфяниковъ, извѣстную подъ названіемъ Феновъ, и впадаютъ въ устье Уоша, прорываясь черезъ широкую брешь въ мѣловыхъ холмахъ Норфолька и Линкольншира. Наконецъ, третій рядъ рѣкъ сбѣгаетъ съ мѣлового вала, направляясь къ в. и ю.-в.; это—Іеръ (80 км.), Уэйвни (Waveney, 80 км.), Оруэлъ и Стуръ (Stour, 75 км.), Блэкуотеръ (65 км.) и Чемеръ (Chelmer, 46 км.)—всѣ, достигающія моря отдѣльными устьями. Что касается до рѣкъ южной Англіи, то онѣ принадлежатъ къ особой системѣ, такъ какъ второй англійскій водораздѣлъ простирается отъ графства Уилтшира къ Кенту вдоль оси поднятія Уильда, отбрасывая воды на с. въ направленіи къ Темзѣ, а на ю. въ направленіи къ Ламаншу. Къ первой категоріи принадлежатъ: Уэй (Wey, 56 км.), Моль (48 км.), Дэрентъ (32 км.), Мéдуэй (113 км.) и Кентскій Стуръ (65 км.); ко второй — Солсберійскій Эвнъ (77 км., судоходенъ отъ Солсбери), Тестъ, Итченъ, Эренъ (Arun, 59 км.) и Сессекская Уза (Ouse, 50 км.). Рѣчныя системы сѣвер. и запад. Великобританіи не поддаются такъ легко группировкѣ, какъ вслѣдствіе большой сложности устройства поверхности, такъ и вслѣдствіе болѣе ранняго появленія изъ океана тѣхъ частей острова, по какимъ проложили себѣ дорогу рѣки этихъ мѣстностей, неоднократно перемѣнявшія свои русла въ отдаленные геологическіе періоды. Можно во всякомъ случаѣ отмѣтить два основныя направленія этихъ рѣкъ: продольное, слѣдующее общей ориентировкѣ Великобританіи съ с. на ю., или, точнѣе выражаясь и принимая во вниманіе физическія очертанія почвы, съ с.-в. на ю.-з.; и поперечное, перпендикулярное первому. Наиболѣе рѣзко выраженнымъ типомъ поперечной рѣки въ Уэльсѣ является рѣка Уай (Wye; 210 км., судоходна снизу до Гэя), которая течетъ въ общемъ къ ю.-в., разрѣзая силурійскія, девонскія и каменноугольныя породы. Та-

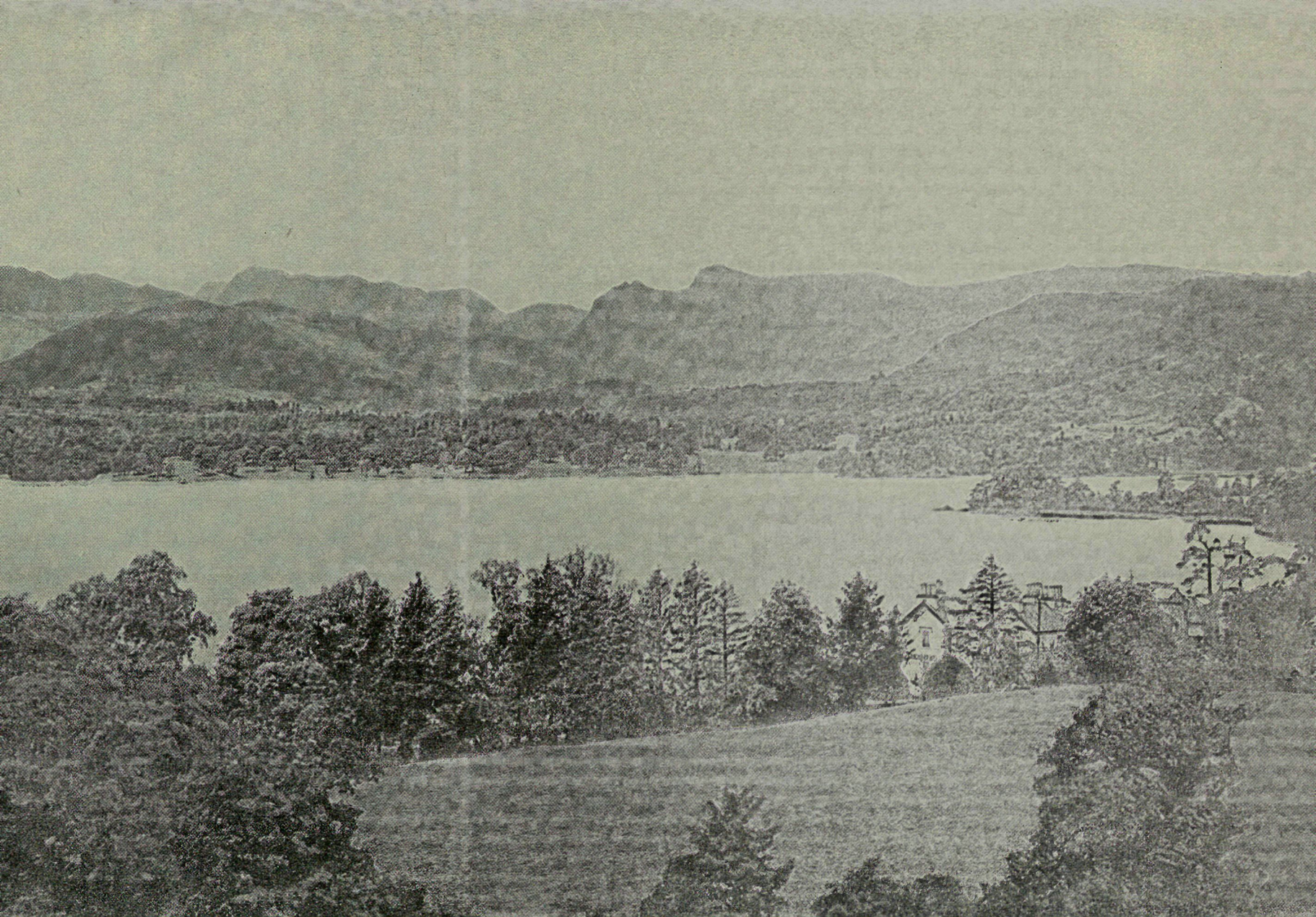
*

ково же почти параллельное Уаю теченіе болѣе короткой рѣки Эскъ (Usk; 92 км., изъ которыхъ 10 судоходны), прорѣзающей себѣ путь черезъ девонскіе песчаники такъ называемыхъ Черныхъ горъ. Наоборотъ, уэльская часть р. Северна занимаетъ продольную долину, оріентированную подъ прямымъ угломъ къ долинѣ Уая, и течетъ въ направленіи, параллельномъ къ Пеннино-Кэмбрійскому водораздѣлу. Продольными же по отношенію къ оріентировкѣ горныхъ породъ являются и верхнія теченія рѣкъ Тайви (Teify, 100 км.) и Тоуи (105 км.). Рѣка Ди (140 км.) принимаетъ то продольное направленіе, когда течетъ къ с.-в. черезъ графство Меріэнесъ, то поперечное, когда она течетъ на в. въ графство Денби (Denbigh), образуя долину Ллэнго́слена (Llangollen); ея устье, впадающее въ Ливерпульскую бухту, обращено къ с.-з., параллельно къ устью Ливерпульскаго Мерси (130 км.). Что касается до Шотландіи, то для надлежащаго пониманія группировки ея рѣчныхъ системъ, надо исходить прежде всего изъ ю.-в. направленія рѣкъ Эска (Esk, 45 км.), Эннэна (79 км.), Ниса (113 км., 22 судоход.) и Ди (61 км.), которыя спускаются съ Южныхъ возвышенностей къ Солуэйскому заливу и Ирландскому морю. Система рѣчныхъ долинъ въ Грэмпіенскихъ горахъ напоминаетъ своими существенными чертами гидрографію Южныхъ возвышенностей: и тамъ, и здѣсь поперечныя рѣки текутъ къ ю.-в., разрѣзая въ перпендикулярномъ направленіи слои поверхности; продольныя рѣки слѣдуютъ наоборотъ направленію породъ къ с.-в. или къ ю.-з. Очень характерно теченіе рѣки Тэя (193 км., судоходна вверхъ до Перта), которая, до самаго впаденія въ заливъ того же имени, состоитъ изъ ряда быстро перегибающихся и смѣняющихъ одна другую полосъ поперечнаго и продольнаго направленія. Клайдъ, наиболѣе важная рѣка Шотландіи (156 км., судоходна снизу до Глесго) течетъ по Южнымъ возвышенностямъ и Срединной равнинѣ къ с.-з., давая свое имя заливу, куда впадаетъ. Твидъ (156 км., изъ которыхъ 26 км. служатъ общею границею Шотландіи и Англіи, а послѣдніе 3 цѣликомъ принадлежатъ Англіи) направляется, наоборотъ, къ с.-в. Сѣверные Гайлэндсы даютъ начало рѣкамъ, которыя текутъ въ направленіи, поперечномъ къ общей оріентировкѣ страны, и впадаютъ въ Морэйскій заливъ, или въ извѣстную уже читателю трещину Гленмора. Самымъ виднымъ элементомъ гидрографіи Ирландіи является рѣка Шэннэнъ, длиннѣйшая изъ всѣхъ рѣкъ Соединеннаго Королевства (385 км., почти цѣликомъ судоходныхъ). Она беретъ начало въ 30 км. отъ Донеголской бухты и течетъ къ ю.-в. въ медленномъ бѣгѣ черезъ центральную равнину до Киллэло́, гдѣ она прорѣзываетъ себѣ путь сквозь высокіе холмы, образуя пороги, и, наконецъ, поворачиваетъ отъ Лимерика къ з., расширяясь въ устье, насчитывающее 100 км. въ длину до впаденія въ Атлантическій океанъ. Большая часть старыхъ ирландскихъ провинцій Ленстера и Мэнстера, т. е. ю.-в. и ю. Ирландіи, орошается рѣзко выраженными и правильными рѣчными системами. Овока, Слэйни (Slaney, около 100 км.), Барро (Barrow, 160 км., судоход. вверхъ до Эса́й—Athy); и его притоки Норъ (113 км.), Шуръ (Suir, 137 км., судох. отъ устья до Клэнмела), Блэкуотеръ (160 км., судоходна вверхъ до Малло), Бэндэнъ (Bandon, 64 км.)—всѣ текутъ вообще къ ю.-в., разрѣзая слои породъ, но нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности наиболѣе западныя, направляются также на довольно большомъ разстояніи по продольнымъ долинамъ съ з. на в. Часть ирландскихъ рѣкъ отличается своей склонностью къ образованію широкихъ озеръ неправильной формы. Такъ, почти половину теченія Шэннэна выше Киллэло́ захватываетъ тройное озерное расширеніе Эллена (35 кв. км.), Ри (111 кв. км.) и Дерга (126 кв. км.). Съ другой стороны озера Верхній Эрнъ (42 кв. км.) и Эрнъ (124 кв. км.) составляютъ половину всего теченія рѣки Эрна. У подножія горнаго обрамленія береговъ Коннота расположены озера Корибъ (184 кв. км.), Маскъ (92 кв. км.) и Коннъ (70 кв. км.), занимающія въ пунктѣ встрѣчи разныхъ гео-

Виды Великобританіи.

Озеро Уиндермиръ и Лангдельскія вершины (Вестморландъ).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."



логическихъ формацій положеніе, которое англійскіе географы сравниваютъ съ кривой линіей, образованной великими озерами въ Сѣверной Америкѣ или поясомъ озеръ сѣверо-западной Россіи. Эти озерные бассейны и многіе другіе меньшіе, равно какъ тѣ, которые запружены болотнымъ мхомъ, образовались на равнинной поверхности въ результатѣ размытія каменноугольныхъ известняковъ рѣчными волнами. Съ другой стороны Лохъ-Нэ (Lough Neagh; ирландское Lough соотвѣтствуетъ шотландскому Loch; этотъ терминъ обозначаетъ „озеро“ и „озерообразный заливъ“), величайшее изъ озеръ Соединеннаго Королевства (396 кв. км.), образовалось, по всей вѣроятности, вслѣдствіе закрытія истока полосою лавъ Энтрима. Перейдемъ къ озерамъ Великобританіи. Они гораздо меньше ирландскихъ. Большинство изъ нихъ, повидимому, такъ или иначе связано съ явленіями ледниковаго періода. Въ равнинахъ къ с. отъ Темзы, а въ особенности въ Чеширѣ, и въ Срединной равнинѣ Шотландіи существовали прежде многочисленныя малыя озерца, образованныя водами, которыя были запружены ледниковыми моренами. Но такъ какъ часть изъ нихъ понемногу оказалась загроможденною торфомъ, а часть была опорожнена рукою человѣка, то отъ этихъ прежнихъ бассейновъ осталось сравнительно очень мало. Таково озеро Лохъ-Ливенъ (14 кв. км.) въ Файфскомъ графствѣ. Безчисленныя маленькія озерца покрываютъ почву изъ архейскихъ гнейсовъ въ западныхъ частяхъ, находящихся на крайнемъ сѣверѣ Шотландіи графствъ Сетерлэнда (Sutherland) и Росса. Уже гораздо меньше такихъ озерныхъ бассейновъ встрѣчаемъ въ восточныхъ Грэмпіенскихъ горахъ, на Южн. возвышенностяхъ и въ гористыхъ областяхъ Уэльса. На южномъ склонѣ Грэмпіенскихъ горъ, совсѣмъ недалеко отъ границы Срединной равнины, разстилается, однако, самое обширное изъ шотландскихъ озеръ, Лохъ-Ломендъ (71 кв. км.), столько разъ воспѣтое поэтами. Но въ общемъ наиболѣе интересныя изъ британскихъ озеръ встрѣчаются въ глубокихъ долинахъ Гайлэндсовъ, а именно на з. отъ меридіана, проходящаго черезъ историческую мѣстность Килликрэ́нки, равно какъ въ углубленіяхъ горъ Кемберлэнда и Уэстморлэнда, въ области, носящей названіе Озерной страны (Lake District), которая дала имя „лэйкистовъ“ цѣлой школѣ англійскихъ поэтовъ. Наиболѣе обширнымъ изъ англійскихъ озеръ является Уиндермиръ (16,5 кв. км.). Къ с. отъ этого озера соединенныя съ нимъ небольшимъ потокомъ лежатъ оз. Райдэль-Уотеръ (Rydal Water) и Грэсмиръ, воспѣвавшіяся Уордсуортомъ, Кольриджемъ и Соути. Къ западу отъ Уиндермира находится озеро Конистонъ (5,7 кв. км.), тѣсно связанное съ именами Рескина и Теннисона. Вторымъ по величинѣ является Элсуотеръ (Ullswater, 11 кв. км.). Упомянемъ также о Бэ́ссентуэйтѣ (6 кв. км.), Деруэнтѣ (4,7 кв. км.), Серлмирѣ (Thirlmere), Беттермирѣ, Креммокѣ, Уа́стуотерѣ и Эннердэйлѣ. Изъ другихъ озерныхъ пространствъ, внѣ Озерной страны, заслуживаютъ вниманія лишь озера Норфолька (Норфокъ), „бродсы“ на языкѣ страны, и озера или „ми́ры“ Чешира.

Съ давнихъ поръ *климатъ* Великобританіи считается символомъ непостоянства. Но и въ этомъ непостоянномъ климатѣ можно отмѣтить нѣсколько отдѣльныхъ областей съ довольно ясно выраженными особенностями. Вообще, климатъ Великобританіи очень влажный и, принимая во вниманіе сѣверное положеніе страны, очень умѣренный. Ю.-в. страны представляетъ собою такую же противоположность с.-з. съ точки зрѣнія климатическихъ условій, какъ и по устройству поверхности и составу породъ. Такъ какъ господствующіе въ Соединенномъ Королевствѣ вѣтры проходятъ черезъ Ирландію и Шотландію въ ю.-в. направленіи, принося съ моря влагу, то океаническое побережье является наиболѣе дождливой частью. Съ другой стороны, ближе къ этому западному побережью возвышаются и наиболѣе значительныя горы и плоскогорія Великобританіи, что еще болѣе увеличиваетъ количество атмосферныхъ осадковъ. Наоборотъ, Великая англійская равнина образу-

етъ собою мѣстность, обладающую сравнит. сухимъ климатомъ: ея высота надъ уровнемъ моря незначительна; кромѣ того, она лежитъ внѣ обычнаго пути океаническихъ циклоновъ. На восточныхъ склонахъ и у восточнаго подножія горъ Англіи замѣчаются интересныя явленія относительной сухости въ непосредственной близи отъ чрезмѣрно орошаемыхъ мѣстъ. Правда, и эти по большей части подвѣтренные скаты получаютъ довольно значительную степень влаги. Но она ничто по сравненію съ тѣми громадными, почти тропическими количествами воды, которыя изливаются на западныхъ склонахъ возвышенностей, подвергнутыхъ прямому вліянію надвигающихся съ моря бурь. Эти полосы относительной сухости рѣзко выступаютъ островками на картѣ осадковъ къ в. отъ Дартмура и Уэльса и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Дублиномъ. Но всего рѣзче эти пояса земель, сравнительно защищенные отъ дождя, обнаруживаются на восточномъ берегу Шотландіи. Въ то время какъ на з. вершины Грэмпіенскихъ горъ смываются проливными дождями, изрывшими горы ущельями и долинами, къ в., на извѣстномъ уже читателю полуостровѣ Бекэнѣ и въ долинахъ Ди, Дона и Спея цифра атмосферныхъ осадковъ падаетъ до чрезвычайно незначительныхъ для Англіи размѣровъ. Такъ, средняя годовая высота дождя на обсерваторіи Бенъ-Нэвиса достигаетъ почти невѣроятной для такихъ сѣверныхъ широтъ высоты въ 3 м. 83 сант.; въ Гленкро, на сѣверномъ берегу, она все еще не менѣе 3 м. 25 сантм., тогда какъ въ Нэрнѣ, на восточномъ берегу, она падаетъ до 61 сант. Въ центральной гористой мѣстности Шотландіи находятся два острова земель съ высотою атмосферныхъ осадковъ, превосходящихъ въ годъ 2 м. Весь з., ю.-з. и отчасти ю. Ирландіи, равно какъ почти всѣ западныя гористыя мѣстности Великобританіи, получаютъ отъ 1 до 2 м. дождя въ годъ. Центральная и восточная часть Ирландіи и прилегающія къ горамъ Великобританіи холмистыя мѣстности имѣютъ отъ 1 м. до 75 сант. атмосферныхъ осадковъ. Еще восточнѣе и ниже въ равнинѣ количество осадковъ измѣняется отъ 75 до 65 сант. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточнаго берега Ирландіи, восточнаго берега Шотландіи и юго-вост. берега Англіи высота дождей падаетъ даже ниже этой послѣдней цифры. Интересно распредѣленіе температуры въ Великобританіи по временамъ года. Линіи равной лѣтней и равной зимней температуры образуютъ очень непохожія кривыя. Лѣтомъ іюльская изотерма, равная 60° Фаренгейта (около 16° или, точнѣе, 15,55° Цельсія), идетъ извилистымъ путемъ съ з. къ в. черезъ Ирландію, Уэльсъ и сѣверную Англію, образуя при этомъ выпуклость, обращенную къ сѣверу въ центрѣ Великобританскаго материка. Въ теплое время года прямое дѣйствіе солнечныхъ лучей сказывается даже въ очень влажномъ и умѣренно-солнечномъ климатѣ Англіи, и теплота замѣтно уменьшается отъ ю. къ с. Наоборотъ, январская изотерма, равная 40° Фаренгейта (4,44° Ц.), направляется съ ю. на с. вдоль западной части Шотландіи и восточной части Уэльса, и температура холоднѣйшаго мѣсяца сравнительно мало измѣняется на всемъ протяженіи Англіи съ южныхъ береговъ и до сѣверной оконечности. Зато разница въ зимней температурѣ обнаруживается по отношенію къ мѣстамъ, расположеннымъ на в. или з. отъ этой линіи. Дѣйствительно, къ в. отъ нея средняя температура января падаетъ ниже 4,44° Ц., тогда какъ Корнуолъ, Уэльсъ, вся Ирландія и западные берега Шотландіи имѣютъ болѣе высокую температуру. Причинами этой мягкости западныхъ англійскихъ зимъ являются вѣтры, дующіе съ теплаго сравнительно океана, и скрытая теплота, отдѣляемая частыми дождями. Современные изслѣдователи раздѣляютъ Англію на четыре климатическія области, или „квадранта“, при помощи уже упомянутыхъ линій средней іюльской и средней январской температуры. Ю.-в. часть, заключающая въ себѣ Лондонъ, Норичъ и Линкольнъ, отличается теплымъ лѣтомъ и холодной зимой; среднія температуры января и іюля разнятся на 20° Фаренгейта, т. е. на 11° съ небольшимъ Ц.,

и общій климатъ характеризуется сравнительной сухостью и континентальностью. С.-з. область, отмѣчаемая приблизит. пунктами Сторноуэя, Лондендéрри и Голуэя, прилегая къ морскому океаническ. побер., отличается влажностью и ровностью климата; здѣсь зима мягка, и лѣто прохладно; разницы въ среднихъ температурахъ не достигаютъ 11° Ц. Остальныя двѣ области, с.-в. и ю.-з., носятъ промежуточный характеръ. На с.-з., въ Эбердинѣ, Эдинбургѣ и Ньюкаслѣ зима холодна, и лѣто сравнительно прохладно, средняя годовая довольно низка, и климатъ отличается до извѣстной степени сухостью. Наконецъ, на ю.-з., въ Уотерфордѣ и Плимутѣ, лѣто тепло, зима мягка, средняя годовая сравнительно высока; климатъ ровный и влажный. Но еще яснѣе извѣстная противоположность въ климатахъ Англіи обнаруживается, если сравнивать среднія минимальныя температуры январскихъ ночей и среднія максимальныя температуры іюльскихъ дней. Средняя январская ночь на мысѣ Лэндсэндъ на 10° Фаренгейта, или 5,55° Ц., теплѣе той же ночи на в. Англійской равнины, въ болотистой мѣстности Феновъ; съ другой стороны, высшая температура средняго іюльскаго дня въ этой части равнины на столько же градусовъ выше соотвѣтствующей температуры дня на берегахъ Сѣверной Шотландіи. Рельефнымъ показателемъ общаго характера и частностей англійскаго климата является растительность. Извѣстно, что дѣятельное прозябаніе растеній можетъ совершаться въ Англіи лишь при температурѣ не ниже 42° Фаренгейта, т. е. 5,55° Ц., и при высотѣ дождей не менѣе 46 сант. Суммируя общее количество излишка градусовъ надъ этой температурой въ каждый изъ тѣхъ дней, когда температура достигаетъ этого минимума, мы получаемъ число градусовъ, выражающихъ приблизительно такъ называемую „растительную потенціальность климата“. Напр., въ теченіе 18-ти лѣтъ метеорологическихъ наблюденій въ Сентъ-Олбэнсѣ, недалеко отъ Лондона, было констатировано, что средняя сумма градусовъ между 1 января и днемъ наступленія жатвы пшеницы равняется 10 55° Ц. А такъ какъ пшеница въ Англіи созрѣваетъ лишь въ началѣ сент., то мы уже отсюда можемъ видѣть, какъ сравнительно незначительна здѣсь сила солнечной теплоты въ теплое время года. Вслѣдствіе этого маисъ не можетъ, напр., созрѣвать нигдѣ въ Британіи, а даетъ лишь ботву для корма скота. Съ другой стороны, благодаря продолжительности лѣтнихъ солнечныхъ дней и позднему максимуму дождей, пшеница и ячмень могутъ вызрѣвать даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи. Излишняя влажность воздуха вдоль океаническаго побережья является причиною того, что овесъ почти повсюду замѣнилъ пшеницу и ячмень, за исключеніемъ восточныхъ графствъ Англіи и Шотландіи. Въ частности, пшеница, пуская сравнительно глубокіе корни, можетъ успѣшно сопротивляться морозамъ и наступающей порою засухѣ англійской равнины, но во всякомъ случаѣ считается ненадежнымъ посѣвомъ вслѣдствіе недостатка надлежащей теплоты въ теченіе здѣшняго лѣта и многочисленности грозовыхъ бурь. Въ тѣхъ частяхъ Шотландіи и сѣверной Англіи, въ которыхъ вообще она можетъ расти, она по большей части вызрѣваетъ даже успѣшнѣе, чѣмъ на ю., вслѣдствіе сравнительной рѣдкости грозъ и большей равномѣрности временъ года въ вышеупомянутыхъ частяхъ Шотландіи и с. Англіи. Ячмень можетъ успѣшно расти и при менѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ пшеница, обладая способностью выдерживать бо̀льшую влажность. Но все же онъ вызрѣваетъ лучше въ пшеничныхъ областяхъ в. Англіи, хотя во время засухи страдаетъ больше пшеницы, такъ какъ пускаетъ менѣе глубокіе корни въ землю. Пастбища и луга являются поэтому наиболѣе приспособленными къ климату Англіи формами растительности. Влажность воздуха поддерживаетъ эту растительность въ хорошемъ состояніи, а частые дожди обезпечиваютъ ея ростъ. Ни морозы, ни засухи Англійской равнины не приносятъ пастбищамъ существеннаго вреда, хотя культура травъ достигаетъ наибольшихъ успѣховъ въ низменностяхъ

з. и с. страны. Находясь въ меньшей зависимости, чѣмъ зерновые хлѣба, отъ прямой солнечной теплоты, пастбища принимаютъ особенно могучій и роскошный видъ на океаническомъ побережьи, гдѣ царитъ, какъ выражаются англичане, „пасмурная теплота", приносимая вѣтрами морей. А на возвышенностяхъ трава замѣняется торфянымъ мхомъ болотъ, верескомъ, дрокомъ и папоротниками. Въ настоящее время растительность Британіи соотвѣтствуетъ тремъ различнымъ климатическимъ зонамъ. Низменности в. и ю.-в. носятъ земледѣльческій характеръ и обращены на воздѣлываніе зернового хлѣба. На низменностяхъ з. и с. разстилаются пастбища или воздѣлывается овесъ. Болотистая и торфяная почва преобладаетъ на возвышенностяхъ с. и з. Замѣтимъ, кстати, что въ Британіи осталось сравнительно очень мало лѣсистыхъ пространствъ, занимавшихъ громадныя территоріи въ доисторическія времена, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, кромѣ нѣкоторыхъ сохранившихся и по сіе время лѣсовъ, большіе стволы деревьевъ, часто встрѣчаемыхъ въ торфяныхъ болотахъ Шотландіи и Ирландіи. Подробности о земледѣліи ниже.

Посмотримъ же, какъ при данныхъ физическихъ условіяхъ выработались на почвѣ Англіи основы для человѣческой жизни и производительной дѣятельности. Къ числу важнѣйшихъ богатствъ страны принадлежатъ различные металлы и, въ особенности, минералы, достигающіе громадной важности въ породахъ каменноугольной формаціи. Неистощимые запасы каменнаго угля распространены особенно въ верхнемъ слоѣ этой формаціи, которому англичане даютъ названіе „Coal measures" (такъ называются угленосящіе сланцы и песчаники, подъ которыми лежатъ слои жерновика, прикрывающаго въ свою очередь горный известнякъ). Мы укажемъ здѣсь на важнѣйшія каменноугольныя залежи Соединеннаго Королевства, резюмируя результаты классическихъ трудовъ Эдуарда Гулля (Hull) для всей Великобританіи вообще и Роберта Дрона для Шотландіи—авторовъ, къ сожал. нѣск. грѣшащихъ частымъ недостаткомъ англійск. ученыхъ: чрезмѣрною любовью къ деталямъ сравнительно съ обобщающей группировкой. Обходя каменноугольные бассейны Англіи въ общемъ направленіи съ ю.-з. на с., на с.-в., спускаясь къ центру и снова возвращаясь на с., къ границамъ Шотландіи, Гулль отмѣчаетъ цѣлый рядъ бассейновъ, изъ которыхъ мы цитируемъ лишь главнѣйшіе. Въ Южномъ Уэльсѣ мы встрѣчаемъ Большой южно-уэльскій бассейнъ (Great Coal basin of South Wales), который, за исключеніемъ бассейна, смежнаго съ Клайдскимъ заливомъ, является обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ запасомъ угля во всей Британіи, а по толщинѣ, достигающей болѣе 3.000 м., занимающимъ первое мѣсто въ свѣтѣ. Раздѣленный Кармартенской бухтой на двѣ части, онъ охватываетъ пространство въ 906 англ. кв. миль (т. е. 2.347 кв. км.) и заключаетъ въ себѣ до сихъ поръ болѣе 28 милліардовъ англійскихъ, или около 28½ милліардовъ метрическихъ, тоннъ. На в. отъ предшествующаго бассейна простирается Бристольскій бассейнъ, тоже раздѣляющійся на двѣ части: сѣверную, лежащую въ Глостерскомъ графствѣ, и южную, гораздо большую, въ Соммерсетскомъ. Считаютъ, что на 388 кв. км. онъ заключаетъ болѣе 6 милліардовъ тоннъ, расположенныхъ до глубины въ 2.700 м. и могущихъ дать, за исключеніемъ различныхъ вычетовъ, болѣе 4 милліардовъ тоннъ доступнаго эксплуатаціи угля. Опуская затѣмъ немаловажные сами по себѣ, но все же второстепенные бассейны, находящіеся въ Глостерскомъ и Устерскомъ (Worcester) графствахъ, равно какъ Шрусберійскій и Шропширскій бассейны, мы переходимъ къ каменноугольнымъ копямъ сѣвернаго Уэльса, распадающимся на бассейнъ графства Денби (122 кв. км., 980 милліоновъ тоннъ) и на бассейнъ графства Флинтъ (91 кв. км., 783 милліона запаса). Идя далѣе на ю.-в., въ центръ Англіи, мы встрѣчаемся съ знаменитымъ бассейномъ Южнаго Стэффордшира, который, вслѣдствіе нахожденія въ немъ и большихъ залежей желѣза, далъ начало единственному въ мірѣ муравейнику, „Черной странѣ", столько разъ описывавшейся

Виды Великобританіи.

Фортъ Вилльямъ и вершина Бенъ Невисъ (Шотландія).

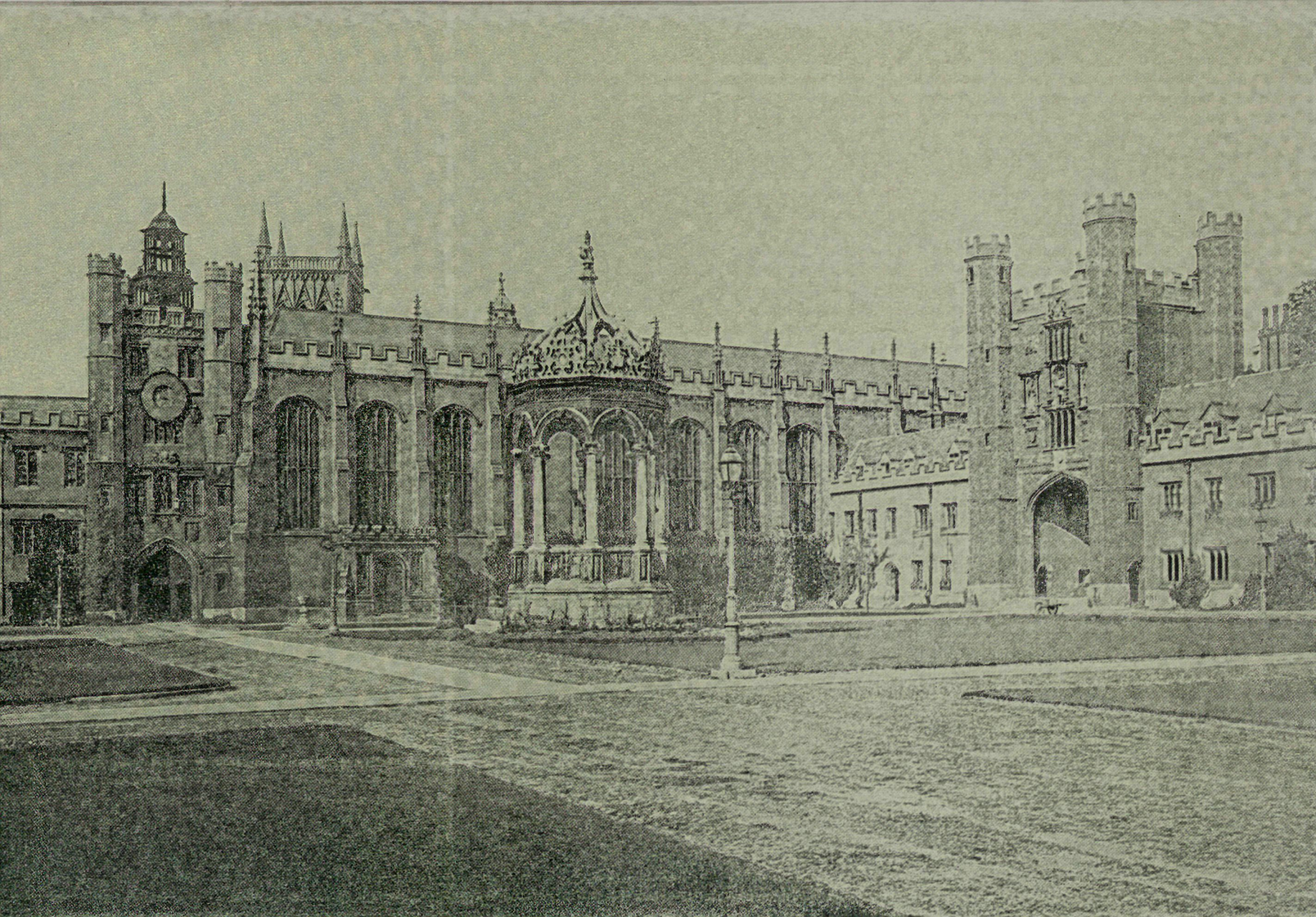
гуристами и учеными. Вотъ какъ изображаетъ ее Гулль: „Эта промышленная область всегда отличалась крайнимъ богатствомъ каменнаго угля и желѣзной руды, а близость ея къ городамъ Улвергэмтону, Дэдли и Бирмингэму сообщила необыкновенный толчокъ этимъ индустріальнымъ центрамъ. Можно сказать, что весь поясъ мѣстностей, соединяющихъ эти города, на разстояніи 12 миль, представляетъ собою одинъ громадный заводъ; и среди прекрасной ночи зрѣлище, развертывающееся со стѣнъ Дэдлійскаго замка, который возвышается въ центрѣ бассейна, пожалуй, единственное на всемъ земномъ шарѣ. Цѣлая полоса земли въ радіусѣ пяти или шести миль усѣяна копями, литейными заводами, доменными печами, фабриками и жилищами густо тѣснящагося населенія; въ наполненной густымъ дымомъ атмосферѣ языки огня изъ печей бросаютъ перемежающійся свѣтъ, который освѣщаетъ заревомъ все небо. Но эта панорама, разстилающаяся передъ нашими глазами, не представляетъ всей суммы человѣческаго труда. Ибо, между тѣмъ, какъ 10.000 паръ рукъ заняты работой на поверхности земли, по крайней мѣрѣ половина такого же числа работаетъ внутри, вырубая уголь, являющійся основнымъ двигателемъ всей совокупности машинъ, которыя грохочутъ наверху“. Поверхность этого бассейна равняется 240 кв. км. Количество угля, могущаго послужить предметомъ правильной разработки, превышаетъ 1.420 милліоновъ тоннъ. Сосѣднимъ къ нему бассейномъ является бассейнъ Сѣвернаго Стэффордшира, который, сравнительно со своимъ пространствомъ, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ запасовъ топлива въ Англіи. Дѣйствительно, на 195 кв. км. количество угля, остающагося для будущей разработки, равняется 4.438 милліонамъ. Далѣе къ с., за Чеширскимъ бассейномъ, лежитъ Ланкаширскій бассейнъ, обширныхъ и неправильныхъ очертаній, заключающій на 699 кв. км. запасъ въ 4.306 милліоновъ тоннъ. Еще далѣе къ с., на сѣверной сторонѣ Кембрійскихъ горъ, расположено богатое каменноугольное поле, отмѣчаемое пунктами Уайтгэвна, Уоркингтона и Мэрипорта. Имѣя въ длину болѣе 30 км., а въ ширину 8, этотъ бассейнъ заключаетъ въ себѣ болѣе полумилліарда тоннъ. Изъ каменноугольныхъ копей центра Англіи, мы упомянемъ бассейнъ гр-ва Уорникъ (Warwick), имѣющій важность не столько по своимъ размѣрамъ (78 кв. км.) и по своему богатству (860 милліоновъ), сколько по своей сравнительной близости къ столицѣ. Къ с.-в. отъ предыдущаго бассейна лежитъ Лестерскій бассейнъ, занимающій небольшое пространство къ ю. отъ долины Трента, но заключающій не менѣе 1.854 милліоновъ угля. Еще далѣе къ с. разстилается обширная система копей Ноттингэма, Дербишира и Іоркшира, которая въ сущности представляетъ собой одинъ больш. басс., превосход. своими размѣр. всѣ проч. басс. собств. Англіи и лишь на 388 кв. км. уступающій размѣрами знаменитому бассейну Южнаго Уэльса: его поверхность равна, дѣйствительно, 1.959 кв. км., а запасъ топлива, лежащаго отъ поверхности до 1.200 м. глубины, опредѣляется громадной цифрой въ 26.922 милліона тоннъ, изъ которыхъ болѣе 8 милліардовъ падаютъ на западную часть Іоркшира, около 11 милліардовъ на южную часть Іоркшира, а болѣе 7 милліардовъ на графство Дэрби и Ноттингэмъ. Наконецъ, на самомъ с. Англіи разстилается такъ наз. Великій сѣверный бассейнъ графствъ Дэрэма и Нортемберлэнда, занимающій пространство въ 1.774 кв. км., изъ которыхъ 282 прикрыты верхними слоями, и заключающій 9.094 милліон. тоннъ запасовъ. Если же къ нему присоединить смежное, но отдѣльное каменноугольное поле, находящееся на с.-з. Нортемберлэнда, то общее количество топлива, могущаго быть извлеченнымъ изъ этого бассейна, превзойдетъ 10.643 милліоновъ тоннъ. Переходя къ описанію каменноугольныхъ бассейновъ Шотландіи, мы должны предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній объ ихъ мѣстонахожденіи, на основаніи работъ Роберта Дрона. Уголь и встрѣчаемая зачастую рядомъ съ нимъ желѣзная руда находятся въ цѣломъ рядѣ бассейновъ каменноугольной формаціи, занимающей бо́льшую

часть центральной низменности, которая простирается отъ Клайдскаго залива въ с.-в. направленіи до Фортскаго залива. По ближайшемъ изслѣдованіи, каменноугольные бассейны Шотландіи могутъ быть раздѣлены на три области. Первая занимаетъ пространство шириною отъ 10 — 15 км. и болѣе, прорѣзая всю страну въ с.-в. направленіи, приблиз. отъ Гервэна (Girvan) въ Эрскомъ графствѣ до Элай (Elie) въ Файфскомъ. Эта область отличается наибольшимъ богатствомъ ископаемаго минерала. Вторая, с.-з., область обнимаетъ сѣверн. часть Эрскаго графства, графства Ренфру и части графствъ Лэнаркъ и Дэмбартона. Эта область—самая бѣдная углемъ. Наконецъ, с.-в. округъ заключаетъ въ себѣ восточныя части Лэнарка и графства Стерлингъ и Файфъ. Здѣсь запасы топлива нѣск. богаче, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Касаясь отдѣльн. бассейновъ, мы можемъ оставить въ сторонѣ сравнит. второстепенные, находящіеся въ г—хъ Дэмфри́сѣ, Эрѣ, Ренфру, и перейти къ каменноугольному бассейну Лэнарка, который доставляетъ ежегодно гораздо болѣе половины всего каменнаго угля, добываемаго въ Шотландіи. Дѣйствительно, поверхность Лэнаркскаго бассейна равняется приблизительно 780 кв. км., т. е. $^1/_4$ общей угольной площади всей Шотландіи, а производитъ этотъ бассейнъ 56% общей добычи. Почти весь добываемый здѣсь уголь извлекается изъ верхнихъ слоевъ. Общее количество угля, доступное для обработки, равняется 1.930 милліонамъ тоннъ, да въ запасѣ должно находиться около 900 милліоновъ. Немаловажное значеніе имѣетъ бассейнъ Стэрлингскаго графства, къ с. отъ Лэнаркскаго. Здѣсь копи деревни Слэмэннэнъ замѣчательны тѣмъ, что въ теченіе долгаго времени поставляли машинный уголь высшаго качества. Удобная для обработки часть минерала превышаетъ 260 милліоновъ, и количество запаса исчисляется въ 356 милліоновъ. Къ в. мы переходимъ въ область Ли́нлисгоскаго бассейна, гдѣ общее количество доступнаго обработкѣ угля превышаетъ 213 милліоновъ тоннъ, и болѣе 200 милліоновъ находится въ запасѣ. Могущественный бассейнъ находится въ старинномъ дѣленіи страны, извѣстномъ подъ именемъ Мидло́сіэна, нынѣ совпадающаго съ Эдинбургскимъ графствомъ. Здѣсь удобный для обработки уголь превосходитъ 712 мил. тоннъ, и 1.353 мил. находится въ запасѣ. Важенъ также бассейнъ графства Файфскаго, простирающійся на 440 кв. км. и заключающій въ себѣ около 1.248 милліон. тоннъ удобнаго для обработки каменнаго угля и около 982 милліоновъ въ запасѣ. Наконецъ, на днѣ Фортскаго залива залежи угля, по вычисленію геологовъ, заключаютъ не менѣе милліарда тоннъ. Каменноугольныя копи Ирландіи, имѣющія гораздо меньшее значеніе, чѣмъ копи Англіи и Шотландіи, могутъ быть раздѣлены линіею, проходящею посерединѣ страны съ з. на в., отъ Голуэйскаго залива къ Дублину, на двѣ части: южная часть, содержащая въ себѣ почти исключительно антрацитъ, представлена бассейнами графствъ Клэра, Лимерика, Корка, Типперэри, Куинсъ Каунти (Queen's County, или графство Королевы), Килке́нни и Карло; къ сѣверной группѣ, заключающей въ себѣ асфальтовый уголь, принадлежатъ копи Эригны (въ Коннотѣ), копи графства Тиро́на и копи Бэлликасля, находящіяся въ графствѣ Энтримъ. Наиболѣе важны въ экономическомъ смыслѣ залежи южной Ирландіи, которыя называются иногда Ленстерскимъ бассейномъ, хотя довольно значительнымъ отрогомъ они вдаются въ графство Типперэри. На противоположной сторонѣ острова большую роль играютъ копи Тиронскаго графства, заключающія значит. количества асфальтоваго угля и находящіяся вблизи отъ промышленныхъ районовъ сѣверной Ирландіи. Этотъ бассейнъ расположенъ къ с. отъ города Дэнгэннена. Центромъ его служитъ деревня, носящая характерное названіе Коль - Айлэнда („угольнаго острова“). Элстерскій каналъ ставитъ этотъ бассейнъ въ соприкосновеніе съ озеромъ Нэ. Наконецъ, Энтримскій бассейнъ, тянущійся вдоль береговъ залива Бэлликасль на з. и залива Мерлохъ на в., представляетъ собою бо́льшую важность съ научной точки зрѣнія, какъ послужившій исходнымъ

Виды Великобританіи.

Кембриджъ. Тринити колледжъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."



пунктомъ для геологическихъ изысканій, чѣмъ въ практическомъ отношеніи. Въ концѣ концовъ, по изслѣдованіямъ спеціальной королевской комиссіи, въ 1904 г., въ Соединенномъ Королевствѣ находилось 102 милліарда тоннъ доступнаго непосредственной обработкѣ угля, изъ которыхъ около 16 милліардовъ падало на долю Шотландіи, 177 милліоновъ—на долю Ирландіи, а остальные 86 милліардовъ представляли часть Англіи съ Уэльсомъ. Сверхъ того, запасы угля въ скрытыхъ слояхъ превосходили, по вычисленіямъ той же комиссіи, 40 милліардовъ тоннъ. Это даетъ общую цифру въ 142 милліарда тоннъ топлива,—запасъ, который не можетъ истощиться ранѣе 610 лѣтъ, если предположить, что каждый годъ будетъ добываться не менѣе 230 милліоновъ тоннъ, т. е. количества, отмѣченнаго статистикой 1903 г. Отсюда мы можемъ видѣть, до какой степени Англія богата „чернымъ хлѣбомъ индустріи“, какъ называютъ часто каменный уголь, питающій въ современномъ обществѣ гигантскую систему заводской и фабричной промышленности. Изъ металловъ въ настоящее время имѣетъ выдающееся значеніе на почвѣ Соединеннаго Королевства желѣзо. Оно встрѣчается въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ каменнымъ углемъ, какъ мы уже видѣли, въ копяхъ Дэдли и Улвергэмтона, и въ бассейнахъ Дэрэма (Durham) и Нортемберлэнда. Есть, однако, такія мѣстонахожденія желѣзной руды, гдѣ она встрѣчается отдѣльно отъ каменнаго угля. Къ числу ихъ принадлежатъ рудники холмовъ Кливлэнда, гдѣ добывается цѣлая треть англійск. желѣза, и рудники Фернэса (Furness), на с.-з. Ланкашира. Въ старину главнѣйшими производителями желѣза были лѣсистые округа, доставлявшіе необходимое топливо для плавки металла на той первобытной ступени развитія желѣзодѣлательнаго производства, когда металлъ плавился при помощи древеснаго угля, а не каменнаго. Таковы были желѣзные районы въ лѣсахъ Уильда (Кентъ и Сессексъ), въ Динскомъ лѣсу, возлѣ Глостера, и въ Арденскомъ лѣсу, возлѣ Бирмингэма. Второе, но гораздо менѣе важное по значенію, мѣсто въ ряду металловъ занимаетъ олово, создавшее такую извѣстность въ античномъ мірѣ отдаленнымъ „Касситеридамъ“ (англійскимъ островамъ). Но теперь эти рудники, находящіеся на Корнуолскомъ полуостровѣ, потеряли свою прежнюю роль снабдителей оловомъ всего земного шара съ тѣхъ поръ, какъ богатые оловянные рудники были найдены на Малайскомъ полуостровѣ и на островахъ Банка и Биллитонъ, лежащихъ въ Малайскомъ морѣ. Третье мѣсто по важности въ ряду металловъ занимаетъ свинецъ, также встрѣчающійся преимущественно въ Корнуолѣ, гдѣ попадается равнымъ образомъ и мѣдь. Главнымъ мѣсторожденіемъ свинца является въ Англіи рудникъ Олстонъ-Мура, въ окрестностяхъ горы Блэкфелъ, принадлежащей къ Пеннинскому хребту, изъ котораго добывается половина всего англійскаго свинца. Любопытно, что древнѣйшимъ горнымъ производствомъ было въ Англіи добываніе золота, практиковавшееся и въ Ирландіи. Но теперь эта отрасль промышленности отошла здѣсь въ область прошлаго, и золото добывается въ настоящее время въ очень небольшихъ количествахъ лишь кое-гдѣ въ Уэльсѣ. Если мы прибавимъ къ уже упомянутымъ предметамъ добывающей промышленности мѣдь Корнуола и Девонскаго графства, фаянсовую глину тѣхъ же мѣстностей, огнеупорную глину Устера, кирпичную глину нижняго бассейна Темзы, аспидныя ломки горъ Корнуола, Девона, Кемберлэнда и Уэстморлэнда, равно какъ соляныя копи графствъ Устерскаго и Честерскаго, наконецъ, каменныя ломки Іоркширскихъ песчаниковъ, батскаго известняка и портлэндскаго мрамора и цемента, то мы исчерпаемъ въ общихъ чертахъ ископаемыя богатства Англіи.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ подробностямъ размѣщенія крупныхъ и малыхъ отраслей человѣческаго труда, соотвѣтственно съ природными и климатическими условіями страны.

Въ послѣднее время, что касается до собственно Англіи, то ученые географы считаютъ цѣлесообразнымъ дѣлить ее на двѣ части: ю.-в., или

столичную (metropolitan), получающую это названіе отъ громаднаго скопленія жителей въ Лондонѣ и его окрестностяхъ и состоящую, главнымъ образомъ, изъ плодородной волнистой низменности, тщательно воздѣланной и въ настоящее время лишенной каменноугольныхъ копей; и с.-з. часть, гдѣ возвышаются двѣ обширныя группы возвышенностей,—Кембрійскія и Пеннинскія горы, высочайшія вершины которыхъ состоятъ изъ пастбищъ овецъ и изъ пустырей, обильно населенныхъ выводками тетеревовъ, служащихъ любимымъ предметомъ великосвѣтскаго охотничьяго спорта, тогда какъ болѣе низкіе склоны, вмѣстѣ съ разстилающимися кругомъ равнинами, содержатъ залежи каменнаго угля, выходящія на поверхность почвы, и питающія главнѣйшія отрасли англійской индустріи: это такъ называемая промышленная часть Англіи. Столичная, или ю.-в., Англія раздѣляется, въ свою очередь, кромѣ громадной метрополіи, на четыре области, располагающіяся въ различныхъ сторонахъ горизонта вокругъ Лондона: юго-восточную, сѣверо-восточную, сѣверо-западную и юго-западную области, изъ которыхъ послѣдняя, въ свою очередь, расчленяется на ближнюю и дальнюю область, доходящую до отдаленнаго Лэндсэнда. Ю.-в. область, состоящая приблизительно изъ трехъ графствъ: Кента, Серри и Сессекса, представляетъ собою одну изъ наиболѣе опредѣленныхъ по своему характеру мѣстностей всей Великобританіи. Это—страна земледѣлія, носящая однако мѣстами довольно разнообразный отпечатокъ, вслѣдствіе структуры своей почвы, которая покрыта то заросшими верескомъ пустырями, то лѣсами, то нѣкоторыми видами хозяйственныхъ растеній, занимающими здѣсь бóльшее мѣсто, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ низменностяхъ Британіи. Кентъ, напр., является главнымъ производителемъ хмѣля и однимъ изъ двухъ главнѣйшихъ поставщиковъ фруктовъ въ Британіи. С.-в. область столичной Англіи заключаетъ также три графства: Норфолькъ, Сэффолькъ (Сеффокъ) и Эссексъ.

Эта часть восточныхъ англійскихъ графствъ отличается преобладаніемъ пахотныхъ полей, на которыхъ производство зерновыхъ хлѣбовъ какъ нельзя лучше приспособляется къ широкимъ монотоннымъ очертаніямъ поверхности и на половину континентальному климату. Глины, являющіяся здѣсь отложеніями ледниковаго періода, подвергаются особенно дѣятельной обработкѣ плугомъ. С.-з. область, простирающаяся отъ угла, образуемаго рѣками Ли и Темзою, черезъ графства Мидлсексъ, Гарфордъ (Hertford), Кэмбриджъ, Гентингдонъ, Бедфордъ, Бекингэмъ, Оксфордъ, Норсэ́мтонъ и Ретлэндъ, отличается отъ другихъ дѣленій столичной Англіи въ томъ отношеніи, что удалена отъ берега моря и лишена очень рѣзкихъ физическихъ чертъ. И здѣсь земледѣліе играетъ важную роль. Но къ нему присоединяются и нѣкоторыя отрасли промышленности, связанныя съ жизнью сельскихъ округовъ, въ родѣ плетенія соломы и дѣланія деревянной мебели. Любопытно, что находящіеся здѣсь старинные университеты Оксфорда и Кэмбриджа имѣютъ своимъ экономическимъ основаніемъ очень обширныя земельныя владѣнія, давшія имъ возможность образовать въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ могучіе живые организмы. Наконецъ, ю.-з. область простирается, какъ мы уже сказали, отъ столицы до самаго юго-западнаго мыса Англіи и потому дѣлится на двѣ части: ближнюю и дальнюю. Первая, состоящая изъ четырехъ графствъ: Гэмпшира, Уилтшира, Беркшира и Дорсета, соотвѣтствуетъ древнему Вессексу и называется на мѣстномъ нарѣчіи собственно „югомъ Англіи“. Она напоминаетъ своими занятіями земледѣльческую область ю.-в. Но здѣсь тощіе пустыри, состоящіе изъ пастбищъ, годныхъ только для овецъ, занимаютъ довольно большое пространство на известковомъ плоскогоріи и налагаютъ на страну гораздо менѣе культурный отпечатокъ, чѣмъ какой носятъ сельскіе округа ю.-в. Цѣнность почвы здѣсь настолько сравнительно невысока, что какъ разъ въ этой мѣстности Англіи расположены главнѣйшіе пункты стоянокъ и стратегическіе лагери англійской арміи. Наконецъ, отдаленная часть ю.-з. области представляетъ собою длинный полуостровъ, внѣдряющійся въ кон-

Виды Великобританіи.

Оксфордъ. Колледжъ Магдалины.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."

тинентъ Англіи между графствами Глостеръ и Дорсетъ. Здѣсь плоскогорія раздѣляются низменностями на отдѣльные куски. Рядомъ съ высокими безлѣсными плато Дартмура и Эксмура, гдѣ нерѣдко можно встрѣтить еще оленя, разстилается Девонская равнина, извѣстная своими сочными зелеными пастбищами, своими глубоко врѣзающимися въ почву дорогами и стадами великолѣпнаго рогатаго скота, отличающагося красноватой шерстью. Совершенно особую мѣстность составляетъ конецъ Корнуола, гдѣ все—и оловянные и мѣдные рудники, и рыбныя ловли, и кельтское населеніе, ютящееся въ небольшихъ городкахъ,—придаетъ этому краю особую физіономію. Что касается до общаго характера западной Англіи, то здѣсь земледѣліе находится подъ вліяніемъ влажнаго океаническаго климата. Сыръ и сидръ до сихъ поръ составляютъ основу питанія сельскаго населенія. Но къ земледѣлію присоединяются рудники и мануфактуры Бристоля, каменныя ломки и рыбныя ловли. Въ 40 км. отъ Лэндсэнда лежитъ въ океанѣ маленькій архипелагъ острововъ Силли, отличающихся, благодаря морю, такимъ мягкимъ климатомъ, что здѣсь могутъ расти субъ-тропическія породы, и жители зарабатываютъ средства къ существованію отправкой раннихъ весенихъ цвѣтовъ на громадный лондонскій рынокъ. Что касается до промышленной Англіи, то она, говоря вообще, отличается отъ столичной болѣе широкимъ и однообразнымъ строеніемъ почвы. Она состоитъ изъ двухъ большихъ возвышенныхъ глыбъ, уже извѣстныхъ читателю,—Кембрійскаго и Пеннинскаго хребтовъ, и изъ равнины, образованной новымъ краснымъ песчаникомъ и глиной, которая, начинаясь у Среднихъ воротъ, съ одной стороны идетъ на с., черезъ Іоркскую долину, къ берегу Дэрэмскаго графства, а съ другой стороны—къ ю., спускаясь къ Бристольскому каналу. Кембрійскія и Пеннинскія возвышенности, равно какъ Южныя горы Шотландіи, заняты по большей части пастбищами овецъ, тогда какъ правильное фермерское хозяйство съ молочнымъ производствомъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ въ глинистыхъ, нѣкогда покрытыхъ лѣсомъ, низинахъ Чешира и долинъ Трента, Эвна и Северна. Любопытно, однако, что, несмотря на сравнительнее однообразіе своего природнаго характера, промышл. Англія представляетъ большее число мелкихъ дѣленій, чѣмъ столичная, вслѣдствіе той громадной пертурбаціи, которую вносили въ естественную жизнь страны разработка и развитіе различныхъ отраслей промышленности, связанныхъ съ обиліемъ ископаемыхъ богатствъ. Такъ, мы уже познакомились выше съ поразительнымъ видомъ такъ называемой Черной страны, получающей свой характерный отпечатокъ отъ необыкновенно дѣятельной разработки каменнаго угля и желѣзныхъ производствъ. Не менѣе интересно въ своемъ родѣ скопленіе промышленныхъ центровъ Кардиффа, Ньюпорта, Суонси, съ болѣе континентальнымъ Мерсиръ-Тидвилемъ (Merthyr-Tydfil), кот. живутъ эксплуатаціей обшир. каменноуг. бассейна Южнаго Уэльса, гдѣ флоты всего земного шара снабжаются почти бездымнымъ топливомъ, носящимъ характеръ антрацита. А передвигаясь отъ Уэльса къ в., мы встрѣчаемся съ рядомъ небольшихъ городовъ позади отъ Бристоля, гдѣ дѣятельно перерабатывается въ сукно шерсть овецъ съ холмовъ Котсуолда (старинн. имя, означ. „лѣсистыя горы съ хижинами пастуховъ“) и гдѣ, благодаря бристольскому топливу, суконная промышленность выдерживаетъ даже страшную конкурренцію западной части Іоркшира. Очень разнообразный центръ человѣческой дѣятельности представляетъ собой и находящійся къ с.-з. отъ только что изображенной мѣстности Герифордъ. Съ одной стороны, это—одинъ изъ наиболѣе сельскихъ округовъ Англіи, бросающійся въ глаза туристу своею красноватой почвой, красноватымъ же скотомъ и яблочн. садами. Но, съ другой стороны, тутъ же рядомъ, на с.-з., поднимаются безплодныя возвышенности, а вокругъ нихъ кипитъ промышленность. Въ сѣверномъ Уэльсѣ Чеширъ и обширный островъ Энглси принадлежатъ къ числу самыхъ цвѣтущихъ земледѣльческихъ округовъ Британіи, гдѣ высоко развито молочное хозяйство, на-

ходясь подъ благопріятнымъ вліяніемъ физическихъ условій, въ видѣ морской влажности, и соціальныхъ условій, въ видѣ сосѣдства обширныхъ рынковъ для сбыта. За устьемъ Мерси и къ с. отъ его нижняго теченія находится одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ районовъ англійской промышленности и торговли съ знаменитыми центрами: Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Первый изъ этихъ городовъ служитъ портомъ не только Манчестеру или манчестерскому промышленному округу, но всей высоко-индустріальной странѣ, лежащей между Ливерпулемъ, Лидсомъ и Бирмингэмомъ. Извѣстное физическое и соціальное единство, несмотря на нѣкоторое разнообразіе мѣстныхъ условій, представляетъ собою бассейнъ рѣки Гембера. Тутъ мы встрѣчаемъ и зеленыя пастбища, которыя занимаютъ обширное пространство въ Пеннинахъ и кормятъ многочисленныя стада овецъ, доставляющихъ, вмѣстѣ со стадами южныхъ возвышенностей Шотландіи, большое количество шерсти, дѣятельно обрабатываемой при помощи двигательной силы, доставляемой быстрыми потоками Уэстрайдинга. Тутъ же разстилаются и долины Іорка и Трента, нѣкогда покрытыя лѣсомъ, а нынѣ превращенныя въ обширные луга. Тутъ, наконецъ, лежатъ и нѣкогда широкія, а нынѣ все суживающіяся пшеничныя поля, расположенныя на холмахъ и возвышенностяхъ юрской и мѣловой формаціи, гдѣ пастбища все болѣе и болѣе берутъ верхъ надъ производствомъ зерновыхъ хлѣбовъ. Интересныя измѣненія въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій произошли на высокихъ плоскогоріяхъ Пеннинскихъ горъ, въ мѣстахъ нахожденія каменнаго угля. Здѣсь выросла цѣлая масса разнообразныхъ вѣтвей промышленности, процвѣтающихъ благодаря сосѣдству топлива, и скопилось обширное населеніе, если и не въ такихъ громадныхъ городахъ, какъ Манчестеръ и Бирмингэмъ, то въ обширн. центрахъ третьяго разряда въ родѣ Лидса, Шеффильда, Ноттингэма и Лестера, Брэдфорда и Галифакса, богатство которыхъ составляетъ обработка шерсти и желѣза. Наконецъ, самый сѣверъ графствъ Нортемберлэнда и Дэрэма, равно какъ горная мѣстность Іоркшира, образованная Кливлэндскими горами, составляютъ особую густо населенную область. Здѣсь главнымъ богатствомъ страны является уголь, находящійся въ близкомъ сосѣдствѣ съ моремъ: Ньюкасль одинъ изъ главныхъ угольныхъ портовъ міра. Производство машинъ и постройка кораблей выросли на этомъ общемъ основаніи. Относительно Шотландіи англійская научная географія вводитъ въ разсмотрѣніе два элемента: съ одной стороны крупную разницу въ устройствѣ поверхности между уже извѣстными читателю Гайлэндсами, Срединной равниной и Южными возвышенностями, а съ другой стороны—противоположность между западными и восточными берегами съ достигающими ихъ рѣками, которыя сбѣгаютъ въ разныя моря. Здѣсь Южныя возвышенности, пересѣченныя долинами Твида и Ниса, представляютъ собою одинъ изъ главныхъ районовъ овцеводства въ Великобританіи, — что явствуетъ уже изъ торговаго названія суконъ „твидъ“. Наиболѣе интересною чертою промышленной географіи Шотландіи является высокая степень ея централизаціи въ Глесго. Своими предмѣстьями Глесго представляетъ второй по числу жителей городъ въ Соединенномъ Королевствѣ, соперничая какъ портъ съ Ливерпулемъ, а какъ промышленный центръ съ Манчестеромъ. Близость перечисленныхъ нами выше каменноугольныхъ копей, находящихся въ сосѣдствѣ Глесго, объясняетъ эту черту мѣстности. Земледѣльческій характеръ страна снова принимаетъ въ низинѣ Страсмора, широкаго пояса плодородныхъ равнинъ, простирающихся къ с.-в. между Гайлэндсами и холмами Охилъ, Сидло и т. п. Раньше мы указали на характерныя особенности Ирландіи съ ея широкой центральной равниной и съ горами, поднимающимися главнымъ образомъ на периферіи, зачастую по близости отъ моря. Съ точки зрѣнія экономической дѣятельности отмѣтимъ нѣкоторые отдѣльные районы, напр., равнины графствъ Клэра и Лимерика, которыя заключаютъ самыя богатыя пастбища страны. Очень благопріятныя условія для земледѣлія

Виды Великобританіи.

Виндзорскій дворецъ.

существуютъ на ю.-в. Ирландіи, гдѣ бассейны рѣкъ, впадающія въ заливы Уэксфорда и Уотерфорда, производятъ 5/8 всего ячменя, воздѣлываемаго въ „Зеленомъ Эринѣ“.

Подведемъ итоги экономическимъ особенностямъ Соединеннаго Королевства въ связи съ его физико-географическими условіями. Ровный и влажный климатъ и благопріятныя историческія обстоятельства очень раздвинули въ Соед. Королевствѣ пространство земель, покрытыхъ травянист. породами. Сельская экономія характеризуется преобладаніемъ пастбищъ въ такой степени, что половина собственно Англіи и по меньшей мѣрѣ три четверти Ирландіи, Шотландіи и Уэльса заняты травами всякаго рода. Въ особенности пастбищный характеръ сельскихъ округовъ выступаетъ ярко на низинахъ Ирландіи, благодаря чему, хотя вся Ирландія равняется лишь 5/8 Англіи по величинѣ, она имѣетъ почти одинаковое съ большимъ островомъ количество рогатаго скота. Очень обильны скотомъ низменности Уэльса, въ особенности въ равнинномъ графствѣ Энглси и въ прилегающихъ частяхъ графства Карна́рвена на с. и въ гр. Карма́ртенѣ и Пемброкѣ на ю. Въ Шотландіи, несмотря на значительное число скота на Файфскомъ п.-о. и въ окрестностяхъ Уигтенской (Wigtown) бухты, общее количество скота составляетъ лишь половину того количества, какое мы находимъ въ Уэльсѣ, и 1/4 того количества, какое питаетъ Ирландія. А въ самой Англіи скотоводство имѣетъ столь различную степень напряженности, что въ Чеширѣ насчитываютъ, напримѣръ, въ 4 раза больше скота на кв. км., чѣмъ въ Кентѣ. Собственно Англія содержитъ обширныя стада овецъ, кормящихся по большей части на горныхъ пастбищахъ. Въ Ирландіи, которая въ три раза меньше Великобританіи, овецъ насчитывается въ шесть разъ меньше. Въ общемъ богатство Соединеннаго Королевства овцами достаточно явствуетъ изъ того факта, что австралійская колонія Новаго Южнаго Уэльса, которая является главной поставщицей шерсти всего земного шара, на площади, превышающей въ три раза площадь Британіи, имѣетъ овецъ лишь на 1/3 больше. Что касается до собственно земледѣльческаго производства, то въ Соединенномъ Королевствѣ клеверъ, рѣпа и друг. подобныя растенія, составляющія кормъ для скота, занимаютъ такое же пространство, какъ и зерновые хлѣба: пшеница, ячмень и овесъ, а именно 1/10 всей поверхности. Въ общемъ мы можемъ слѣдующимъ образомъ резюмировать распредѣленіе различныхъ продуктовъ на поверхности Соединеннаго Королевства. Гайлэндсы Шотландіи, покрытые верескомъ, служатъ пріютомъ тетеревамъ и оленямъ. Южныя Шотландскія возвышенности и Пеннинскія и Кембрійскія горы представляютъ собою горныя пастбища, на которыхъ пасутся многочисленныя стада овецъ. На Галлоуэйскомъ полуостровѣ, въ сѣверномъ и южномъ Уэльсѣ и Девонскомъ графствѣ, равно какъ на Ирландской низменности и въ с.-з. части центральной равнины Англіи процвѣтаютъ скотоводство и молочное хозяйство. Овесъ воздѣлывается почти повсюду въ низинахъ, но пшеница, а до нѣкоторой степени и ячмень, почти цѣликомъ сосредоточены на в. Англіи и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ восточной Шотландіи и ю.-в. Ирландіи. Корнеплодныя растенія и клеверъ являются характерной чертой высокоразвитаго фермерскаго хозяйства в. Англіи и Шотландіи, тогда какъ картофель и свиньи представляютъ собой главнѣйшіе продукты Ирландіи. Воздѣлываніе льна имѣетъ серьезное значеніе лишь на сѣверѣ Ирландіи, въ Эльстерѣ. Хмѣль широко распространенъ въ четырехъ графствахъ Англіи: въ Кентѣ и Сессексѣ на ю.-в., въ Герифордѣ и Устерѣ въ центрѣ. Графства Кентъ и Девонъ, а также долина Нижняго Северна, изобилуютъ фруктовыми садами. Въ Уильдѣ (Weald) и въ Шотландіи лѣсное хозяйство играетъ до сихъ поръ замѣтную роль. Рыболовство очень развито на всѣхъ берегахъ Британіи, такъ какъ мелкія моря въ особенности богаты рыбою. Англійскіе и шотландскіе порты на Нѣмецкомъ морѣ являются центрами современнаго пароходнаго рыболовства. Сторноуэй на Гебридскихъ островахъ, Пиль на островѣ Мэнѣ и порты

Корнуола сосредоточиваютъ рыболовную промышленность на западѣ. Оркадскіе и Шетлэндскіе острова, несмотря на свое отдаленное положеніе въ морѣ, добываютъ много рыбы, служащей въ соленомъ видѣ предметомъ вывоза въ Германію и Россію, тогда какъ изъ Корнуола дѣятельно вывозится въ Италію особая порода сардины (pilchard). Намъ остается прибавить, что географическое положеніе наиболѣе богатыхъ каменноугольныхъ бассейновъ опредѣлило собою и мѣстонахожденія нѣкоторыхъ отраслей экономической дѣятельности, казалось бы не имѣющихъ отношенія къ эксплуатаціи ископаемыхъ минераловъ. Таково хотя бы происхожденіе центровъ хлопчатобумажнаго производства. Такъ какъ, по остроумному замѣчанію англійскихъ экономистовъ, хлопчатую бумагу можно легче подвозить къ каменному углю, чѣмъ каменный уголь къ хлопчатой бумагѣ, то поэтому, напр., въ первой четверти прошлаго вѣка гигантская текстильная промышленность Южнаго Ланкашира развилась на каменноугольныхъ копяхъ западнаго склона Пеннинскаго хребта, гдѣ притомъ влажный климатъ, обусловленный направленіемъ западныхъ вѣтровъ, непосредственно несущихъ свою влагу на обращенные къ морю скаты горъ, позволяетъ въ особенности удачную обработку хлопчатой бумаги. Съ другой стороны, и шерстяная промышленность, получившая начало благодаря двигательной силѣ, доставляемой быстрыми рѣками Уэстрайдинга, посреди огромныхъ пастбищъ овецъ въ гористыхъ мѣстахъ, развилась какъ разъ на противоположномъ склонѣ Пеннинскаго хребта, гдѣ находится другая важная группа каменноугольныхъ копей.

Библіографія. Мы даемъ здѣсь лишь наиболѣе важныя и серьезныя сочиненія по физической географіи Соединеннаго Королевства. *Hughes*, „The Geography of British History. A Geographical Description of the British Islands of Successive Periods“ (Лондонъ, нѣсколько изданій съ 1863 г.); *A. C. Ramsay*, „The Physical Geography and Geology of Great Britain“ (Лондонъ, многочисленныя изданія съ 1864 г.); *Edward Hull*, „The Physical Geology and Geography of Ireland“ (Лондонъ, 1891 г., 2-е изд.); *его же*, „The Coal-Fields of Great Britain. Their History, Structure and Resources“ (Лонд., 1905 г., 5-е изд.); *Robert Dron*, „The Coal-Fields of Scotland (Лондонъ, 1902 г.); *C. A. Wood*, „A Modern Geography of the British Isles“ (безъ даты; современная популярная географія); *H. J. Mackinder*, „Britain and the British Seas“ (Оксфордъ, 1907 г., 2-е изд.); *его же*, „Our Own Islands“ (Лондонъ, 1906 г., 5-е изд.; популярное руководство); *Ellis, W. Heaton*, „The British Isles“ (Лондонъ, 1910 г.; изъ серіи „Scientific Geography“, представляющей концетрическіе ряды трактатовъ различной степени серьезности, отъ строго научныхъ до популярныхъ). *Н. Русановъ.*

Исторія. I. Исходные моменты. Съ какого времени вести исторію Великобританіи? Если отождествлять ее съ исторіей Англіи, то пришлось бы подняться до той эпохи, когда Англія заселена была племенами неизвѣстнаго происхожденія и нерѣдко обозначаемыми прозвищемъ *силлуровъ*; въ новѣйшихъ руководствахъ по англійской исторіи о нихъ говорится, какъ о смугломъ племени, не знавшемъ употребленія металловъ и выдѣлывавшемъ оружіе только изъ полированныхъ камней и костей. Они находились на самомъ низкомъ уровнѣ дикости, не знали воздѣлыванія почвы, жили охотой и рыбной ловлей; обиталищемъ служили имъ пещеры, ранѣе занятыя медвѣдемъ и волкомъ, или грубо сложенныя хижины. Всѣ эти данныя добыты археологіей, но цѣнности для исторіи англ. народа онѣ лишены, потому что не освѣщаютъ дальнѣйшаго хода его развитія. Дикарей смѣнили, не уничтоживъ вполнѣ, кельты; за кельтами явились римляне; за римлянами—германцы въ лицѣ саксовъ.

Въ 449 г. два полководца изъ племени ютовъ, живших къ сѣв. отъ саксонцевъ, впервые появились на берегахъ Темзы, призванные, по преданію, его кельтич. правителемъ для отпора тѣснившимъ его съ сѣв. пиктамъ и скоттамъ; они не согласились принять условленную плату за оказанную имъ услугу и постепенно завоевали Кентъ. Одинъ изъ двухъ полководцевъ

былъ убитъ, другой сдѣлался первымъ германск. правителемъ на островѣ. Ближайшіе завоеватели, предводимые Элла (Aella), уже были саксами и положили въ 477 г. начало королевству южныхъ саксовъ; отъ нихъ одно изъ графствъ Англіи доселѣ носитъ названіе „Сессекса". Одинъ за другимъ, благодаря новымъ нашествіямъ, повторявшимся съ промежутками въ двадцать и болѣе лѣтъ, возникли саксонскія королевства Вессексъ, Эссексъ, пока родственное саксамъ и жившее между ними и ютами на сѣверѣ племя, имен. „англами", не положило начала къ сѣверу отъ Эссекса т. наз. „Восточной Англіи" (East England), совпадающей нынѣ съ графствами Норфолькомъ и Сёффолькомъ. Въ теченіе VI в. совершилось дальнѣйшее завоеваніе англами и саксами восточныхъ береговъ острова, на кот. возникли къ сѣв. отъ р. Гумбера новыя королевства: Мерсія, Дейра, Бернпція. Около 570 г., послѣ 120 лѣтъ упорной борьбы, англы и саксы заняли прибл. половину острова. Ихъ поселенія не коснулись западнаго моря, на котор. продолжала держаться кельтич. народность, т. наз. бритты (*см.*), съ королевствами Кумбрія (Cumbria) на сѣв., Гвинэдъ (Gwynedd) на мѣстѣ тепер. Сѣв. Уэльса (Wales) и Дамнонія (Damnonia) на мѣстѣ тепер. Дэвоншира и Корнваллиса. Съ 577 г. герман. племена проникаютъ постепенно и въ эту западную часть Англіи, благодаря удачнымъ сраженіямъ подъ Дёргемомъ (Deorham) и Честеромъ (Chester). Завоеваніе обыкновенно сопровождалось раздѣломъ земель между дружинниками, при чемъ правитель удерживалъ значительную часть площади для королев. домэновъ. Каждый изъ членовъ дружины становился так. образ. главою цѣлаго округа, занятаго зависимыми отъ него людьми, членами его семьи, слугами и рабами. Въ вост. части страны кельтич. населеніе сохранилось въ слабой степени, но того же нельзя сказать о внутренности острова или о запад. областяхъ его. Кельты нигдѣ не были достаточно многочисленны для того, чтобы въ Англіи могло повториться то же, что въ Испаніи или Франціи, гдѣ туземное населеніе взяло верхъ надъ готами и франками, что, разумѣется, прежде всего отразилось на языкѣ—въ побѣдѣ роман. рѣчи надъ германской.

Сказать, что всѣ предшествующія судьбы Англіи до эпохи установленія въ ней англо-саксонскаго владычества не имѣли никакого значенія для будущихъ судебъ народа, было бы, разумѣется, невѣрно. Въ общественномъ укладѣ—особенно на его низахъ—въ теченіе не только столѣтій, но и тысячелѣтій, удерживается немало пережитковъ отдаленнѣйшаго прошлаго; англійскій фольклоръ въ свою очередь сохранилъ такіе слѣды; уцѣлѣли, вѣроятно, и въ ранней культурѣ англичанъ черты кельтич. и въ меньшей степени римскаго прошлаго. Раскрытіе всѣхъ этихъ, употребляя выраженіе С. А. Муромцева, „скрытыхъ фактовъ" не лишено, разумѣется, значенія для археологіи, этнографіи и этнологіи, но измѣнить сложившееся уже представленіе объ общемъ ходѣ развитія англ. народа всѣ установленныя этими науками данныя едва ли будутъ въ состояніи. Новѣйшіе изслѣдователи, отступая отъ примѣра Фримана, Стёбса, Грина, Поллока и Метленда, болѣе другихъ сдѣлавшихъ для раскрытія судебъ анг. обществ., правовой и конституц. исторіи, углубляются въ эти исходные моменты англ. жизни. Вслѣдъ за Райтомъ и Эльтономъ, Сибомъ и П. Г. Виноградовъ не прочь проникнуть въ тайны кельтич. и римской Англіи и задаться такими вопросами: въ какой мѣрѣ кельтическая племенная организація—напр., кельтическіе порядки землевладѣнія—наложила свою печать на средневѣковое помѣстье въ Англіи, какъ далеко пошла ея романизація и какое вліяніе римскіе порядки могли оказать на общественный укладъ позднѣйшаго по времени англо-саксонскаго общества. Несмотря на глубокій интересъ, связанный со всѣми этими вопросами, мы не можемъ вводить въ наше изложеніе передачу въ общемъ еще спорныхъ и гипотетическихъ теорій, мало измѣняющихъ пока установленную доктрину роста англійскихъ учрежденій въ непрерываемой цѣпи

отъ англо-саксонскихъ временъ до нашихъ дней. Отмѣтимъ, однако, нѣкоторые любопытные выводы, добытые изслѣдованіями недавняго времени,—изслѣдованіями, въ которыхъ нашему соотечественнику П. Г. Виноградову пришлось играть далеко не послѣднюю роль. Наибольшей оригинальностью отличаются труды Сибома, которому въ послѣдней своей книгѣ о племенномъ обычаѣ, выступающемъ въ англо-саксон. правѣ, удалось, какъ мнѣ кажется, вполнѣ доказать, что родовой бытъ лежитъ въ основѣ столько же кельтическихъ, сколько и германскихъ народностей, взаимодѣйствіе которыхъ съ романской культурой, завѣщанной намъ древностью, положило начало гражданственности Новой Европы. Идя по его пути и провѣряя его выводы, проф. П. Г. Виноградовъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Древнѣйшей соціальной организаціей на бриттской почвѣ, о которой мы можемъ себѣ составить болѣе или менѣе опредѣленное понятіе, есть организація кельтская; ей предшествовала другая, болѣе ранняя, но о которой мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія“. Даже при изслѣдованіи кельтской эпохи приходится въ значительной степени основываться на догадкахъ и предположеніяхъ, хотя наши свѣдѣнія и не ограничиваются одними полу-легендарными свидѣтельствами, но опираются на знакомство съ болѣе позднимъ по времени кельтическимъ правомъ Ирландіи и Уэльса и въ меньшей степени—съ правомъ шотландскаго народа отъ X, XI и XII стол. Эти умозаключенія отъ послѣдующаго къ предъидущему, разумѣется, весьма опасны и спорны, вотъ почему они, на нашъ взглядъ, не выходятъ изъ области гипотезъ. Съ этой оговоркой, для насъ не безразлично, разумѣется, то обстоятельство, что еще въ кельтическую эпоху можно было встрѣтить въ Англіи, рядомъ съ хуторами (tyddyn), и деревни (trev), жители которыхъ разселялись группами по родамъ и большимъ семьямъ, уподобляемымъ источниками „ложамъ“. Народъ жилъ главн. образ. скотоводствомъ, охотой, рыболовствомъ и пчеловодствомъ; земледѣліе носило еще переложный характеръ,—система т. наз. перемѣнной запашки земли (Runrig), по словамъ Виноградова, была, повидимому, широко распространена; земля не переходила въ вѣчное владѣніе къ опредѣленнымъ собственникамъ, а оставалась общей собственностью племенной общины; она передавалась отдѣльнымъ, составляющимъ общину хозяйствамъ, согласно установленнымъ правиламъ, при чемъ пахотные участки назначались по жребію. „Уэльскіе законы—продолжаетъ П. Г. Виноградовъ, передавая выводы Сибома— обнаруживаютъ еще коммунистическіе пріемы распредѣленія, а именно: участки поля разверстывались между отдѣльными членами сообщества, образованнаго для совмѣстнаго владѣнія пахотью и лугомъ, при чемъ каждый получалъ въ свое пользованіе полосу соотвѣтственно степени его участія въ общемъ предпріятіи,—такъ, одинъ за то, что онъ добылъ средства для пріобрѣтенія плуга, другой за то, что онъ управляетъ плугомъ, третій за то, что погоняетъ быковъ, четвертый, пятый, шестой, седьмой и т. д.—за поставку быковъ. Въ болѣе позднюю эпоху эти союзы для совмѣстной пахоты разсматриваются какъ свободно-договорныя ассоціаціи. Но не можетъ быть сомнѣнія, что первоначально онѣ были порождены той тѣсной связью, которая, благодаря общему жилищу и совмѣстной работѣ, возникала между членами большихъ хозяйствъ, о которыхъ мы говорили выше. Люди, жившіе въ одной племенной усадьбѣ, соединенные въ одну племенную деревню (trev), или хотя бы сообща владѣвшіе землею, какъ члены одной и той же племенной скотоводческой общины, имѣли, конечно, наибольшіе шансы для совмѣстной обработки земли, тѣмъ болѣе, что эта обработка, въ противоположность нашимъ современнымъ представленіямъ о сельскохозяйственной техникѣ, требовала скорѣе сотрудничества, чѣмъ индивидуальнаго труда: надѣленіе полосами „erws“ трудно было бы понять, исходя изъ какого-либо иного принципа“.

Рядомъ съ хуторскимъ хозяйствомъ, основу котораго составляютъ нераз-

дѣльныя семьи, или т. наз. „ложа“,— которыя въ Уэльсѣ въ XIII в. еще составляли группы въ 50— 60 членовъ и являлись своего рода общиной двоюродныхъ братьевъ,—мы встрѣчаемъ въ предѣлахъ населенной кельтами области и деревенскій видъ поселенья, въ которомъ, какъ показываетъ Сибомъ, а за нимъ Виноградовъ, каждый совершеннолѣтній житель деревни имѣлъ право на равную долю общинной земли, независимо отъ его родословной, такъ что, если, напр., въ деревнѣ имѣется 20 человѣкъ, то каждый изъ нихъ будетъ владѣть 1/20 частью всей общинной земли, нарѣзанной полосами, разсѣянными по всей деревенской территоріи. Сверхъ того онъ будетъ пользоваться извѣстными правами относительно совмѣстной запашки, общаго пастбища, охоты и рыбной ловли (см. *Виноградовъ*, „Средневѣковое помѣстье въ Англіи“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1910. XII, стр. 313, 319 и 317).

Эти данныя небезынтересно сопоставить съ позднѣйшими формами поселенія въ той же Британіи со времени появленія въ ней германцевъ. На 146-8 стран. своей англійской книги „О ростѣ помѣстья“ Виноградовъ говоритъ: „Мы видѣли, что среди кельтическихъ племенъ, поселившихся въ Британіи, замѣтно стремленіе къ разсѣянію по землѣ семейными группами. Каждая устраивала общую усадьбу съ окружающими ее хозяйственными постройками или основывала хуторъ изъ нѣсколькихъ домовъ, тѣсно примыкавшихъ другъ къ другу... Тевтонскіе завоеватели, наоборотъ, имѣли рѣшительное стремленіе къ концентраціи населенія въ селахъ, т. наз. „tuns“; они поставлены были въ необходимость поддерживать тѣсное общеніе въ интересахъ обработки и самозащиты. Тревожныя времена, наступившія съ ихъ нашествіемъ и продолжавшіяся до момента полнаго сложенія феодальной монархіи, не благопріятствовали поселенію отдѣльными усадьбами и хозяйствами... Вотъ почему подъ разными именами tun'овъ, ham'овъ, leys и thorpes англійскія и скандинавскія поселенія представляютъ собою не хутора, а болѣе обширныя группы—деревни. Это не значитъ, чтобы совершенно исчезли отдѣльные фермы и хутора: тамъ, гдѣ англо-саксонское общество граничило съ кельтическими, какъ и въ тѣхъ графствахъ, кот. медленно и въ слабой степени завоевываемы были у кельтовъ, можно было отмѣтить переходъ отъ кельтическаго „trev“ или хутора съ его небольшою группою усадебъ и семейныхъ общинъ къ обширнымъ поселеніямъ, или tun'амъ, характернымъ для среднихъ и восточныхъ графствъ“ („The Growth of the Manor“, стр. 146/8).

Если неполная смѣна кельтич. поселеній германскими объясняетъ намъ наличность въ Англіи XI и XII ст. хуторовъ рядомъ съ селами, то слѣды римскаго владычества на островѣ въ особенности сказываются въ фактѣ наличности въ Англіи городовъ. Виноградовъ дѣлаетъ то общее замѣчаніе, что о римскихъ порядкахъ на островѣ мы, къ сожалѣнію, можемъ судить только по фактамъ, относящимся къ провинціальному быту другихъ частей имперіи, а такія умозаключенія, основанныя на аналогіи, разумѣется, не лишены нѣкоторой опасности... „О римлянахъ извѣстно, говоритъ тотъ же изслѣдователь, что они не навязывали туземному населенію своихъ идеаловъ и своихъ учрежденій. Обезпечивъ сохраненіе своего собственнаго владычества и полученіе финансовыхъ выгодъ съ покоренныхъ, они обыкновенно довольствовались тѣмъ, что бросали сѣмена городского и сельскаго быта въ новую почву и ждали ихъ дальнѣйшаго развитія подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ высшей культурой и тѣмъ обаяніемъ, какое необходимо должны были имѣть покорители свѣта... Въ отношеніи къ гражданскому праву они терпѣли дальнѣйшее существованіе мѣстныхъ обычаевъ, насколько послѣдніе не входили въ конфликтъ съ ихъ собственнымъ правомъ и не предъявляли притязаній на иное значеніе, кромѣ мѣстнаго“ (ibid., стр. 45). Что касается до общественныхъ порядковъ, то преобладающій ихъ типъ—типъ городского поселенія, граждане котораго упра-

*

вляютъ всею округой, разумѣется, не сразу могъ быть пересаженъ въ варварскую среду и пустилъ корни только медленно.

Виноградовъ указываетъ на то, что при городской формѣ поселенія римская вилла является загороднымъ помѣстьемъ, но въ отдаленныхъ провинціяхъ, стоящихъ на низкой ступени культуры—а въ такихъ условіяхъ и была Британія—господствующей формой были „виціи“ въ смыслѣ деревень или селъ (ibid., 49—50).

„Въ тѣхъ провинціяхъ“, говоритъ Виноградовъ, „гдѣ селеніе или vicus возникло и развилось ранѣе римской эры, оно признаваемо было римлянами, какъ самоуправляющаяся единица“. Русскій ученый не раздѣляетъ точки зрѣнія Фюстель-де-Куланжа и немногихъ писателей, пошедшихъ по его стопамъ; онъ не думаетъ, что насажденіе частной собственности римлянами помѣшало сохраненію и развитію самостоятельныхъ крестьянскихъ общинъ, упоминаемыхъ въ Ѳеодосіевомъ кодексѣ и удержавшихся въ восточной половинѣ имперіи подъ наименованіемъ *метракомій*. Онъ опираетъ свои выводы на тексты Сикулла Флакка и Исидора, говорящихъ о совмѣстныхъ выпасахъ вициновъ или сосѣдей, т. е. о такихъ формахъ совмѣстнаго пользованія, которыя необходимо допускаютъ признаніе, что римляне не искоренили ранѣе ихъ установившихся кельтич. хуторскихъ и сельскихъ порядковъ съ тяготѣніемъ къ равенству въ пользованіи землею (ibid., 64, 65 и 67). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на ростъ латифундій и тѣхъ зависимыхъ отношеній патроната и кліентства, зародышъ которыхъ можно отмѣтить еще въ кельтической общинѣ (характерные примѣры представляютъ въ древней Ирландіи отношенія, возникающія между съемщиками скота и хозяиномъ послѣдняго; они описаны Мэномъ въ его „Древнѣйшей исторіи учрежденій“). Въ римскомъ колонатѣ можно видѣть зародышъ тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, съ которыми мы встрѣчаемся въ англо-саксон. періодъ. Прибавьте къ этому возникновеніе городовъ и большихъ дорогъ и вы исчерпаете тѣ вліянія, какія римское занятіе Англіи, со временъ императора Клавдія до момента отозванія римскихъ легіоновъ въ 410 г., способно было оказать на дальнѣйшія судьбы англ. народа, его общественныхъ и политич. учрежденій.

Отъ этой начальной эпохи, по отношенію къ которой возможно скорѣе строить гипотезы и умозаключенія, опирающіяся на аналогіи, чѣмъ приводить несомнѣнныя историческія свидѣтельства, перейдемъ къ періоду существованія въ Британіи англо-саксон. королевствъ. Подробное изложеніе событій англійской жизни въ этотъ періодъ не входятъ въ нашу задачу, такъ какъ имъ посвящена въ Словарѣ особая статья (Ш, 80/3). Мы отмѣтимъ только ростъ учрежденій, понимая подъ нимъ столько-же экономическіе, общественные, сколько и политическіе порядки, водворившіеся на островѣ въ періодъ времени отъ V по XI стол., къ которому относится окончательное завоеваніе его норманами. Внѣшнія событія, которыми знаменуется этотъ періодъ, сводятся къ постепенному возникновенію ряда королевствъ по мѣрѣ переселенія на островъ новыхъ и новыхъ колонистовъ изъ мѣстностей, расположенныхъ къ югу отъ Ютландіи и занятыхъ саксами и англами. То обстоятельство, что эти мѣстности въ послѣдующую эпоху характеризуются лѣтописцами, какъ покинутыя ихъ прежними обитателями, свидѣтельствуетъ о томъ, что масса переселенцевъ была весьма и весьма значительна. Но этотъ наплывъ тевтонцевъ послѣдовалъ не сразу: въ началѣ VII в. мы имѣемъ дѣло скорѣе съ дружинами, сопрождающими того или иного старѣйшину, т. наз. alderman'а, чѣмъ съ цѣлыми выселяющимися племенами. Въ своей „Новѣйшей исторіи Англіи“, вышедшей уже 19 изд., Оманъ слѣд. образ. и въ необыкновенно сжатомъ видѣ рисуетъ первоначальный порядокъ занятія саксами Англіи и внутренній бытъ основанныхъ ими первыхъ государствъ. Это были, указываетъ онъ, мелкія военныя монархіи; основу каждаго составляла дружина, сопровождавшая успѣшнаго предводителя—alderman'а. Участвовали въ нашествіи не цѣлыя эмигрирующія племена, но наиболѣе пред-

пріимчивыя личности изъ ихъ среды. Масса саксовъ, ютовъ или англовъ въ это время еще оставалась на континентѣ въ своихъ старыхъ жилищахъ. Когда счастливый вождь завоевывалъ округъ въ Британіи и принималъ титулъ короля, онъ надѣлялъ землею своихъ сподвижниковъ, удерживая большую часть ея на правахъ королевскаго домэна. На первыхъ порахъ завоеватели истребляли все туземное населеніе, но впослѣдствіи они предпочли принуждать его къ обработкѣ земли въ пользу новыхъ господъ. По мѣрѣ того, какъ завоеванія все болѣе и болѣе расширялись, семьи, не входившія въ составъ дружины, спѣшили переселиться на островъ, такъ что у короля оказывалось вскорѣ, помимо надѣленныхъ имъ сподвижниковъ, еще не мало другихъ англійскихъ подданныхъ. Послѣдствіемъ этого было то, что рядомъ съ селами, занятыми несвободнымъ населеніемъ начальниковъ рано прибывшихъ военныхъ бандъ, возникали и такія, которыя заняты были семьями одного и того же рода, добровольно снявшимися съ своихъ прежнихъ жилищъ на континентѣ и прибывшими колонизовать островъ. Когда намъ попадаются англійскія селенія съ наименованіями, напр.: Saxmundham, или Edmonton, или Wolverton,—мы вправѣ догадываться, что они были на первыхъ порахъ мѣстопребываніемъ такихъ владѣльцевъ, какъ Саксмундъ (Saxmund), Эдмундъ (Eadmund), Вульфгиръ (Wulfhere), и лицъ отъ нихъ зависящихъ. Но когда поселенія носятъ названія въ родѣ: Бекингема (Buckingham), или Гиллингема (Gillingham), или Паддингтона (Paddington), намъ трудно не видѣть въ немъ общей колоніи семей Buckings, Gillings или Paddings. Окончаніе „ing“ на старомъ англійскомъ языкѣ неизмѣнно обозначаетъ совокупность потомковъ, происходящихъ отъ общаго родоначальника. Первыя по времени англо-саксонскія королевства управлялись подъ начальствомъ старѣйшинъ, alderman'овъ или военныхъ начальниковъ, которымъ ввѣрялось управленіе отдѣльными округами; рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ управителей, отвѣтственныхъ за цѣлость королевской собственности и за правильное поступленіе платежей въ королевскую казну—каждый въ предѣлахъ своего округа. Болѣе обширныя королевства, какъ, напр., Вессексъ, вскорѣ раздѣлены были на „ширы“, или графства, каждое со своимъ alderman'омъ и шерифомъ, т. е. управителемъ ширы. Многія изъ этихъ ширъ удержались и по настоящій день. Верховный Совѣтъ королевства состоялъ изъ короля, alderman'овъ и извѣстнаго числа старыхъ дружинниковъ (Gesiths), находившихся при особѣ короля. Король обсуждалъ съ ними важнѣйшіе вопросы дня въ то время, какъ окружавшій собраніе народъ криками выражалъ свое сочувствіе или несочувствіе говорившимъ. Король не принималъ никакого важнаго рѣшенія, не опросивъ предварительно своихъ совѣтниковъ, которые извѣстны были подъ именемъ „витановъ“ или мудрыхъ служилыхъ людей. Если король умиралъ, или начиналъ управлять страною тиранически, или оказывался неспособнымъ,—витаны призваны были избрать новаго монарха, но изъ членовъ королевской династіи. Менѣе важные вопросы рѣшались на собраніи ширы, или графства, на которое сходились всѣ *свободные*; они созываемы были два раза въ годъ alderman'омъ и шерифомъ и разбирали подъ его главенствомъ свои споры и тяжбы; каждый *свободный* имѣлъ право голоса на этихъ собраніяхъ; дѣла еще меньшей важности разбирались на сельскихъ сходахъ. На эти собранія также должны были являться всѣ „свободные“. На нихъ разбирались споры сосѣдей, касающіеся пользованія ими полями и выпасами; такъ какъ тѣ и другіе лежали открытымъ полемъ, не огороженные, то пререканія были весьма часты. Отдѣльнымъ семьямъ принадлежали только усадьбы съ дворомъ, всему же селенію въ нераздѣльности—пустопорожнія земли, лѣса и вся земельная площадь послѣ уборки. Англо-саксы были, по преимуществу, сельскими поселенцами; на первыхъ порахъ они не знали, что дѣлать съ городами, основанными римлянами,—они только грабили и жгли ихъ, предоставляя имъ затѣмъ лежать въ развалинахъ. Повидимому, даже такіе большіе центры,

какъ Кентербери, Лондонъ и Басъ (Bath) оставались не заселенными долгое время послѣ ихъ разгрома тевтонскими завоевателями. Въ концѣ концовъ выгодность положенія и обиліе строительнаго матеріала, представляемаго развалинами, привлекли англосаксовъ къ поселенію въ нихъ,—и города эти были выстроены вновь. Мы можемъ судить о томъ, чѣмъ были на первыхъ порахъ англійскія городскія поселенія по самымъ ихъ названіямъ; они оканчивались, обыкновенно, словомъ: chester или caster, которое прибавлялось къ наименованію мѣстности, ранѣе занятой римской муниципіей. Такъ, напр., Винчестеръ (Winchester), Рочестеръ (Rochester), Дорчестеръ (Dorchester), Ланкастеръ (Lancaster). Chester и caster происходятъ отъ латинскаго castrum—огороженное мѣсто, своего рода—городище; рѣчь, очевидно, идетъ каждый разъ о городахъ, не вновь созданныхъ, а построенныхъ изъ римскихъ развалинъ.

Что касается до вѣрованій англосаксовъ, то они, какъ и всѣ германцы, были политеистами: обоготворяли Одина (Woden)—бога небесъ, Тора (Thor)—бога грозы и силы, Бальдера (Balder)—бога юности и весны. Храмовъ и священниковъ у нихъ было мало; весьма небольшое число жилыхъ поселеній сохранили въ своихъ наименованіяхъ память о богахъ и язычествѣ, таковы: Веднесбери (Wednesbury)—бургъ или укрѣпленный городъ Одина, Бальдерстонъ (Balderston)—тунъ или селеніе Бальдера, Сёндерсфильдъ (Thundersfield)—поле грома или Тора.

Важнѣйшимъ событіемъ въ Англіи съ конца VI в. было распространеніе въ ней христіанства. У каждаго изъ европейскихъ народовъ есть свои сказанія объ обращеніи въ христіанство; въ Англіи эти сказанія носятъ менѣе легендарный характеръ не потому, что восходятъ до болѣе близкаго къ намъ времени, но такъ какъ нашли засвидѣтельствованія одновременно и въ англійскихъ, и въ континентальныхъ источникахъ. Согласно сказанію, папа Григорій, еще будучи діакономъ, однажды увидѣлъ на рынкѣ въ Римѣ группу бѣлолицыхъ рабовъ съ золотистыми волосами. — Откуда они? спросилъ привезшаго ихъ торговца Григорій.—Они англы.—Не англы, а ангелы, былъ отвѣтъ Григорія.—Діаконъ, гласитъ легенда, сталъ пророчествовать, что не пройдетъ много лѣтъ, и они буд. пѣть „аллилуіа“, т. е. будутъ обращены въ христіанство. Прошло, однако, значительно болѣе полустолѣтія прежде, чѣмъ бракъ кентскаго правителя Этельберта съ Бертою, дочерью короля франковъ—которая, какъ и всѣ ея родственники, была христіанкой—далъ папѣ мысль послать римскаго аббата Августина въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ иноковъ въ Англію для проповѣди Евангелія. Они нашли въ ней христіан. епископа, прибывшаго изъ Галліи, вмѣстѣ съ Бертою, и церковь св. Мартина, близъ королев. столицы въ Кентербери, гдѣ Берта со своей свитой имѣла возможность присутствовать при католич. богослуженіи. Миссіонеры, предводительствуемые Августиномъ, въ 597 г. высадились на островѣ Танетъ, въ той самой бухтѣ, къ которой сто годами ранѣе причалилъ корабль Генгиста. Годъ спустя послѣ ихъ прибытія король Этельбертъ принялъ христіанство. Изъ Кента христіанство распространилось по нѣкоторымъ сосѣднимъ королевствамъ; оно проникло, между прочимъ, въ Нортумбрію, и здѣсь распространенію его содѣйствовалъ бракъ дочери христіан. короля Кента съ Эдвиномъ (Eadwine), королемъ Нортумбріи. Вмѣстѣ съ королевой въ эту страну прибылъ и Паулинъ, одинъ изъ спутниковъ Августина. Подчиняясь мольбамъ супруги, Эдвинъ обѣщалъ сдѣлаться христіаниномъ въ случаѣ удачнаго похода на королевство Вессексъ. Старѣйшины или alderman'ы Нортумбріи были собраны имъ вскорѣ послѣ похода для совѣщанія о новой вѣрѣ. „О,король!“ воскликнулъ одинъ изъ нихъ, „жизнь человѣческая это — полетъ воробья черезъ горницу, въ которой сидишь при горящемъ огнѣ въ то время, какъ на дворѣ дождь и буря. Воробей влетаетъ въ одну дверь, очарованный свѣтомъ и тепломъ и улетаетъ въ другую, исчезая въ холодномъ мракѣ, изъ котораго онъ вышелъ. Такъ и жизнь человѣческая:

мы не знаемъ ни того, что было прежде, ни того, что будетъ послѣ. Если новое ученіе сообщитъ намъ что-либо на этотъ счетъ, то послѣдуемъ ему". Подъ вліяніемъ этихъ словъ, жрецъ Кольфи рѣшился принять новую вѣру. Побѣда христіанства, разумѣется, не была окончательной. Король Пенда (Penda) возстановилъ старую вѣру и видѣлъ въ ней одинъ изъ оплотовъ народной независимости. Сѣверная Англія обращена была поэтому въ христіанство значительно позднѣе южной, и оно проникло въ нее не изъ Кента, а изъ Ирландіи, благодаря вышедшимъ изъ нея миссіонерамъ. Гринъ, отмѣчая значеніе этого факта, указываетъ, что до высадки англовъ въ Британію, христіанство успѣло распространиться по всей Зап. Европѣ до береговъ Ирландіи; завоеваніе Британіи язычниками разбило христіанскій міръ на двѣ неравныя части: съ одной стороны лежали Италія, Испанія и Галлія, церкви которыхъ подчинены были римскому папскому престолу и стояли съ нимъ въ прямыхъ отношеніяхъ; съ другой стороны очутилась Ирландія, церковь которой была совершенно отрѣзана отъ другихъ церквей христіанскихъ націй. Христіанство принято было здѣсь съ энтузіазмомъ и вызвало быстрое развитіе литературы и искусства. Прошло не болѣе полувѣка со смерти распространителя христіанства св. Патрика, какъ ирландскіе миссіонеры стали работать и среди пиктовъ и скоттовъ, и среди фризовъ на сѣверн. побережьѣ Нѣмец. моря. Они основывали монастыри въ Бургундіи и на Аппенинахъ. На обнаженной скалѣ запад. берега Шотландіи одинъ изъ ирландскихъ миссіонеровъ, Колумба, поставилъ храмъ и основалъ новый очагъ для распространенія христіанства. Изъ этого очага вышелъ монахъ Айдаръ, кот. и создалъ епископскую каѳедру на о. Линдисфернъ въ Нортумбріи. Самъ Айдаръ ходилъ оттуда пѣшкомъ по Іоркширу, проповѣдуя Евангеліе. Послѣ смерти Пенды и водворенія владычества нортумбрійскаго короля Освію надъ Мерсіей, христіанство проникло и въ центральную Англію. Въ сѣверной Англіи и южной Шотландіи особую извѣстность пріобрѣлъ, какъ распространитель христіанства, миссіонеръ Кудбертъ. Много сохранилось о немъ сказаній: пѣшкомъ и на лошади онъ странствовалъ среди туземцевъ, внося христіанство въ самыя отдаленныя горныя деревушки; много монастырей возникло въ его время — монастырей, не связанныхъ строгимъ уставомъ Бенедикта. Братія, обыкновенно, собиралась вокругъ какого-нибудь знатнаго и престарѣлаго вельможи, желавшаго спасти свою душу. Въ числѣ этихъ монастырей одинъ прославился присутствіемъ въ немъ женщины-пророчицы, въ родѣ Деворы,—ее звали Гильдой; она была изъ царскаго рода; аббатство, ею воздвигнутое, лежало на утесахъ Уитби (Whitby), на берегахъ Сѣвер. моря. Совѣта Гильды добивались короли; мужской и женскій монастыри, которыми она управляла, стали разсадникомъ епископій и церковныхъ приходовъ. Особый блескъ бросило на Уитби имя Кэдмона, по преданію—пастуха, по призванію—поэта, который всю свящ. исторію изложилъ въ стихахъ. Вскорѣ между сѣверными церквами, созданными ирландскими миссіонерами, и южными, зависимыми отъ Рима, вспыхнула борьба. Хотя кентерберійская каѳедра и обнаружила притязаніе на главенство, но на сѣверѣ Англіи это главенство не признавалось. На соборѣ, созванномъ королемъ Освію въ 664 г. въ Уитби, споръ ирландскихъ церквей съ тѣми, центромъ которыхъ была кентерберійская каѳедра, рѣшенъ былъ въ смыслѣ, благопріятномъ для послѣдней. Этотъ фактъ имѣлъ громадное значеніе: благодаря ему сохранилось тѣсное общеніе Англіи съ Римомъ.

Въ 668 г. Римъ отправилъ въ Кентербери епископомъ греческаго монаха Теодора изъ Тарса (Theodore of Tarsus). Теодоръ озаботился такимъ устройствомъ епархій, чтобы онѣ совпадали съ племенными подраздѣленіями и въ то-же время признавали господство кентерберійскаго стола. Въ его время, т. е. въ третьей четверти VII в., небольшія англосаксон. государства слились уже въ три главныхъ: Мерсію, Вессексъ и Нортумбрію. Два первыхъ признавали супрематство

послѣдней. Въ населеніи уже сказывалось стремленіе къ единству. Церковная политика Теодора немало содѣйствовала этому единству, дотолѣ опиравшемуся почти исключительно на силу оружія. „Единый престолъ единаго королевскаго примаса пріучилъ умы, пишетъ Гринъ, къ мысли объ единомъ тронѣ одного свѣтскаго правителя". Подчиненіе священника епископу, а епископа—главѣ церкви или „примасу" въ Кентербери, послужило образцомъ и для гражданской администраціи государства. Соборы, созываемые Теодоромъ, были первыми изъ національныхъ собраній для дѣла общаго законодательства; подъ ихъ вліяніемъ и въ позднѣйшее время старѣйшины, точнѣе—мудрые люди (wise men) Вессекса, Нортумбріи, Мерсіи стали сходиться на собраніе мудрыхъ—„витенагемотъ"—цѣлой Англіи. Каноническія правила, издаваемыя церковными синодами, проложили путь національной системѣ законодательства.

Съ христіанствомъ развилось въ Англіи и просвѣщеніе; оно достигло уже высокой ступени во времена Беды (*см.*) Достопочтеннаго (The venerable Baeda) изъ Нортумбріи. Онъ род. 10 лѣтъ спустя послѣ синода въ Уитби, имѣвшаго мѣсто, какъ мы сказали, въ 664 г. Въ собственномъ жизнеописаніи Беда говоритъ: „я провелъ всю мою жизнь въ одномъ монастырѣ, соблюдая правила моего ордена. Я находилъ удовольствіе въ наукѣ, преподаваніи и писательствѣ". Съ молодости Беда сдѣлался учителемъ; не считая чужестранцевъ, приходившихъ искать у него знанія, до 600 монаховъ были его обычными учениками въ Джарроу (Jarrow). Бокль называетъ Беду отцомъ англійской учености. И дѣйствительно, съ нимъ воскресла традиція классической культуры; въ его писаніяхъ появились впервые въ Англіи выдержки изъ Платона и Аристотеля, Сенеки и Цицерона, Лукреція и Овидія; Виргилій столь же сильно повліялъ на него, какъ позднѣе на Данте. Въ его „Исторіи церкви" разсказы о мученикахъ прерываются цитатами изъ Энеиды. Самъ Беда выступаетъ какъ стихотворецъ въ небольшой эклогѣ, описывающей приближеніе весны. Послѣ смерти Беды осталось 45 сочиненій; въ своихъ трактатахъ онъ излагалъ всѣ тогдашнія свѣдѣнія по астрономіи и метеорологіи, музыкѣ, физикѣ, философіи, грамматикѣ, риторикѣ, ариѳметикѣ и медицинѣ. Беда любилъ свой родной языкъ, и послѣдней его работой былъ переводъ по-англійски Евангелія отъ Іоанна. Въ своей „Исторіи церкви въ Англіи" онъ является первымъ англійскимъ историографомъ. Все, что намъ извѣстно о полутораста годахъ, протекшихъ со времени высадки миссіонера Августина, имѣетъ его своимъ источникомъ. Когда онъ говоритъ о событіяхъ своего времени, его разсказъ становится весьма подробнымъ. Не менѣе точны и полны тѣ части его повѣствованія, въ которыхъ онъ опирается на данныя, сообщенныя ему его кентскими друзьями, Алкуиномъ (Alcuin) и Нодгельмомъ. Англійская литература открывается сочиненіями Беды; онъ же является первымъ англійскимъ ученымъ—первымъ теологомъ и, можно сказать, первымъ естествоиспытателемъ Англіи. Къ Бедѣ восходятъ и первыя точныя свидѣтельства объ экономической и общественной исторіи Англіи,—я воспользовался ими въ I томѣ моего „Экономическаго роста Европы".

Чтобы выяснить то вліяніе, какое на дальнѣйшія судьбы переселившихся въ Англію саксовъ оказали позднѣйшія нашествія скандинавскихъ народностей—датчанъ и норманъ,—я считаю полезнымъ вкратцѣ изложить здѣсь тѣ общія заключенія, къ какимъ позволяетъ притти касательно общественнаго и, въ частности, экономическаго быта англосаксовъ знакомство съ ихъ древнѣйшими законодательными памятниками, грамотами, житіями святыхъ и историческими свидѣтельствами, передаваемыми намъ, главнымъ образомъ, Бедой.

Такъ какъ свободной земли было много въ населенной британами Англіи и такъ какъ въ позднѣйшихъ войнахъ съ ними саксонцы воздерживались, какъ мы видѣли отъ поголовнаго истребленія, то немудрено, что въ нѣкоторыхъ житіяхъ святыхъ, — между прочимъ, въ житіи еп. Эльфрида, напис. во втор. полов. VII в., —

можно найти указанія на то, что клирики и монахи, не принимавшіе непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, удержали часть своихъ прежнихъ владѣній. Древнѣйшіе законы, въ томъ числѣ—короля Этельберта, заключаютъ въ себѣ постановленія, направленныя къ защитѣ церковной собственности; англо-саксонскія грамоты, относящіяся къ той же эпохѣ, т. е. къ началу VII в., упоминаютъ о новыхъ пожалованіяхъ земли какъ прежнимъ обителямъ, такъ и возникшимъ недавно. Болѣе всего пострадали, разумѣется, отъ англосаксонскихъ нашествій высшіе классы кельто-римскаго общества: ихъ земли захвачены были англосаксонскими королями, сдѣлались „terra regis“; вся же никому неприсвоенная земельная площадь, подъ наименованіемъ Folkland'a, или народной земли, подчинена была дѣйствію народнаго обычая, регулировавшаго порядки пользованія и распоряженія ею.

Въ отличіе отъ королевскихъ земель, отчужденіе которыхъ зависѣло отъ монарха, какъ ихъ собственника, Folkland подлежалъ отчужденію не иначе, какъ съ согласія духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ. Грамоты прямо упоминаютъ о такомъ согласіи, но еще рѣзче отличіе народной земли въ этомъ отношеніи отъ королевской выступаетъ въ извѣстной англосаксонской поэмѣ о Беовульфѣ: раздавая собственное имущество приближеннымъ, король въ ней воздерживается отъ надѣленія кого бы то ни было народной землей. Въ теченіе всего VII и въ слѣдующихъ стол. король раздаетъ участки ея не иначе, какъ въ Высшемъ Совѣтѣ страны—витенагемотѣ. Различіе королевской и народной земли исчезаетъ только со временъ норманскихъ правителей Англіи, когда распоряженіе землями сосредоточивается всецѣло въ рукахъ короля. Прежніе англійскіе историки, за исключеніемъ одного Спельмана, писателя XVII в., отождествляли Folkland, или „народную землю“, съ римскимъ „ager publicus“. Виноградовъ первый далъ иное толкованіе этому термину, указавъ на то, что Folkland отличается отъ Bocland'a, или земли,доставшейся кому-либо по письменнымъ актамъ, тѣмъ, что пользованіе и распоряженіе имъ опредѣляется обычаемъ. Но если такова была природа „народной земли“, то, спрашивается, какому обычаю она подчинялась? Конрадъ Мауреръ сдѣлалъ попытку показать, что этимъ обычаемъ былъ обычай, присущій родовымъ порядкамъ. Весь англосаксонскій строй носитъ на себѣ еще печать этихъ порядковъ. Въ поэмѣ о Беовульфѣ упоминается о городищахъ, занятыхъ цѣлымъ родомъ „маагбургъ“. Въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій послѣ завоеванія еще сохранились слѣды родовой мести и выступленія родственниковъ на судѣ въ роли соприсяжниковъ или свидѣтелей доброй славы обвиняемаго. Немудрено, если въ такихъ условіяхъ англосаксамъ извѣстны были и земли, отчужд. котор. чужеродцамъ возможно было лишь при условіи согласія родственниковъ (см. „Экономическій ростъ Европы“ I, 341).

Въ своей „Исторіи англійскаго помѣстья“ проф. П. Г. Виноградовъ настаиваетъ на той мысли, что рядомъ съ родовыми поселеніями мы встрѣчаемъ у англосаксовъ нераздѣльносемейное владѣніе землею. „Правила, которымъ подчинена была эта семейная собственность, установлены были народнымъ обычаемъ“, говоритъ Виноградовъ, „земля, подчинявшаяся ему, и носила названіе „народной земли“ —folkland; ее противополагали землѣ, свободной отъ дѣйствія такого обычая—bocland“. На послѣдней сказывалось одинаково вліяніе церкви и законодательной дѣятельности короля съ его витанами. Ими было вызвано къ жизни письменное засвидѣтельствованіе факта перехода земли изъ однѣхъ рукъ въ другія „книгой“, откуда и прозвище ея—„книжная земля“ (bocland). Отличительнымъ признакомъ такой книжной земли была свобода распоряженія ею путемъ дареніяпродажи и завѣщанія (см. *Виноградовъ*, „The Growth of the Manor“, 141/3).

Англосаксонское селеніе, какъ и городище, заключаетъ въ себѣ рядъ семейныхъ дворовъ, имѣющихъ равныя права на землю; они пользуются ею не въ формѣ отрубныхъ участковъ, а полосами, разсѣянными на протяженіи

всей территоріи селенія. Составленные изъ такихъ полосъ надѣлы сосредоточились въ рукахъ дворовъ и занимающихъ ихъ семей так. обр., что не всѣ дворы или семьи имѣли полный надѣлъ и что рядомъ съ полными надѣлами встрѣчались и половинные, и надѣлы въ 1/4 часть полнаго, иначе извѣстные подъ названіемъ „виргатъ“. Наконецъ, были надѣлы, равные 1/8 части цѣлаго надѣла—„полу-виргаты“ или еще „bovata“, иначе „надѣлъ одного быка“ (bos). Сибомъ первый сдѣлалъ попытку объяснить англосаксонскую систему общиннаго владѣнія господствовавшей въ то время системой обработки полей тяжелыми плугами, поднять которые могли не пара, а нѣсколько паръ впряженныхъ животныхъ. Тѣ дворы, которые не имѣли достаточнаго числа ихъ для поднятія плуга, пользовались услугами сосѣдей. Извѣстный и нашему крестьянству обычай „супряги“ держался и среди свободныхъ крестьянъ, т. наз. „ceorls“, Англіи. Восьмиголовая упряжь Сибомомъ считается нормальной. Дворъ, способный поставить всѣхъ 8 быковъ, пользовался полнымъ надѣломъ; тѣ же дворы, которые ставили—кто четыре, кто два, а кто всего-на-всего одного быка, получали соотвѣтственно только часть надѣла: половину, четверть или такъ называемую „виргату“ и даже восьмую часть, часть одного быка, иначе говоря—бовату.

Виноградовъ принимаетъ, въ общемъ, теорію Сибома и слѣдующимъ образомъ рисуетъ себѣ систему землепользованія въ англосаксонской Англіи,—систему, принятую въ расчетъ и при распредѣленіи налоговыхъ тягостей и нѣсколько затемненную возникшей на ея почвѣ фискальной организаціей. Земли селенія лежатъ неогороженныя; это даетъ возможность пользоваться на началѣ нераздѣльности всѣми пустопорожними участками. Число ихъ было весьма значительно, а обращеніе ихъ подъ обработку путемъ поднятія нови обставлено извѣстными правилами. Рѣдкіе и высоко цѣнимые луга подлежали особому порядку пользованія, извѣстному и въ послѣдующія времена подъ названіемъ „Runrig-system“, т.-е. очередное пользованіе, при которомъ одни и тѣ же участки переходятъ въ теченіе ряда лѣтъ отъ одного двора въ руки другого, третьяго и т. д. въ цѣляхъ уравнительнаго пользованія. Что касается до пахотной земли, то она распадалась на полные и частичные надѣлы, при чемъ тѣ и другіе состояли изъ полосъ, разсѣянныхъ по „конамъ“ и полямъ одного и того же селенія. Каждый дворъ, какъ общее правило, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ количество земли, достаточное для образованія цѣлаго надѣла или части его, при чемъ на первыхъ порахъ болѣе вѣроятнымъ является равенство самыхъ надѣловъ.

Мірское владѣніе, съ поступленіемъ подъ общій выпасъ пахотныхъ земель и луговъ послѣ уборки, необходимо предполагаетъ существованіе обязательнаго сѣвооборота и производство сельскохозяйственныхъ работъ въ опредѣленные сроки. Что касается до дворовыхъ участковъ, то они состоятъ въ нераздѣльномъ пользованіи тѣхъ семей, къ которымъ они были пріурочены.

Въ англосаксонскомъ законѣ короля Ины упоминается уже о „дѣлянкахъ“ или участкахъ, доставшихся по раздѣлу (терминъ, употребляемый для нихъ, это Gedál-land). Есть, слѣдовательно, и основаніе считать эти порядки весьма старинными, такъ какъ эти законы принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ (см. *Виноградовъ*, „The Growth of the Manor“, 165—185).

Въ общемъ очеркѣ судебъ англійскаго народа мы поневолѣ должны ограничиться сообщеніемъ этихъ краткихъ свѣдѣній о происхожденіи такихъ порядковъ землевладѣнія, которые до нѣкоторой степени сближаютъ земельный бытъ англійскаго крестьянства съ нашимъ. Порядки эти далеко не составляютъ особенности одной Англіи; подъ другими названіями, нѣмецкими и латинскими, мы встрѣчаемъ полные и половинные надѣлы и на континентѣ Европы (они извѣстны въ средневѣковой Франціи подъ названіемъ „mansus“, полный и половинный, а въ средневѣковой Германіи подъ прозвищемъ „Hufen“, при чемъ встрѣчаются одинаково и ganze и halbe Hufen). Нигдѣ, однако, система открытыхъ полей и разсѣянныхъ на всемъ протяженіи

сельской территоріи „дѣлянокъ“ (т. наз. „strips“ и „seliones“, изъ совокупности которыхъ составляется надѣлъ) не выступаетъ такъ рѣзко и не держится такъ долго, какъ въ Англіи. Первыя массовыя огораживанія восходятъ всего къ концу XV и къ первой половинѣ XVI в.; они продолжаются въ XVII и принимаютъ особенно широкіе размѣры только къ концу XVIII и началу XIX стол.

Такимъ образомъ Англія, долгое время считавшаяся образцовой страной частной собственности, въ дѣйствительности прожила значительно болѣе тысячелѣтія при общинномъ пользованіи. Оно отличается отъ нашего отсутствіемъ періодическихъ передѣловъ, но его можно сблизить съ тѣмъ порядкомъ землепользованія, который на сѣверѣ Россіи извѣстенъ былъ подъ именемъ „долевого землевладѣнія“. На это обстоятельство указано было мною въ моемъ „Экономическомъ Ростѣ Европы“. Напомню, что при долевомъ владѣніи также нѣтъ періодическихъ передѣловъ, и отдѣльные дворы пользуются равными долями въ общихъ поляхъ, при чемъ доли эти также составлены изъ полосъ или дѣлянокъ, разсѣянныхъ въ земляхъ разнаго качества и засѣваемыхъ разными хлѣбами, озимыми и яровыми [1]).

Съ конца VIII стол. начинается въ Англіи періодъ новыхъ нашествій народовъ скандинавскаго міра; они предпринимаются не цѣлыми племенами, а компаніями „повольниковъ“, подъ предводительствомъ нерѣдко избранныхъ вождей—викинговъ. Въ средѣ этихъ вождей мы не находимъ королей ни Даніи, ни Норвегіи, а вонтелей, не принадлежащихъ къ правящимъ династіямъ и выдѣляющихся своей храбростью и предпріимчивостью. Викинги „пѣнили море“ на своихъ деревянныхъ ладьяхъ, образцы кот. можно видѣть въ „Сѣверныхъ музеяхъ“ Стокгольма и Копенгагена. Въ нашей исторіи типомъ ихъ являются Аскольдъ и Диръ; такіе же викинги извѣстны всему Западу, не исключая и Византіи. Ими основаны такія княжества, какъ Неаполитанское въ связи съ Сициліей и Норманское. Завоеватель Англіи выйдетъ изъ среды династіи, положившей основаніе послѣднему княжеству; но болѣе двухсотъ лѣтъ пройдетъ между первыми попытками викинговъ положить основу своему владычеству на британскомъ островѣ и битвою подъ Гестингсомъ, которою упрочено владычество надъ Англіей Вильгельма Норманскаго. Пока въ Эссексѣ продолжалось владычество Эгберта (Egberth, 802—839), викингамъ приходилось довольствоваться высадками съ цѣлью грабежа въ однихъ только сѣверныхъ княжествахъ, гдѣ они обирали церкви и монастырскія обители. Въ послѣдній годъ своего правленія Эгберту пришлось встрѣтиться съ датчанами въ открытомъ сраженіи въ окрестностяхъ Плимута, и онъ нанесъ имъ и ихъ союзникамъ, кельтамъ Корнвалля, жестокое пораженіе. Послѣ его кончины, въ правленіе короля Этельвульфа (839—858), датчане дѣлаютъ первую попытку осѣсть въ Англіи. Съ этою цѣлью они занимаютъ островъ Танетъ и обращаютъ его въ укрѣпленный лагерь. Во второй половинѣ IX в. датчане проникаютъ во всѣ части королевства,—не только въ Нортумбрію и Мерсію, но и въ Вессексъ, древнюю столицу котораго, Винчестеръ, они подвергаютъ сожженію (864 г.). Три года спустя отдѣльныя полчища, предводительствуемыя викингами, образуютъ союзъ, именующій себя „Великой Арміей“; подъ руководительствомъ двухъ начальниковъ, Ингвара (Ingwar) и Губба (Hubba) они овладѣваютъ Нортумбріей, грабятъ городъ Іоркъ и приступаютъ къ раздѣлу земель между собою, начиная

[1]) Первый, обратившій вниманіе на общинное землевладѣніе въ Англіи въ средніе вѣка, былъ нѣмецкій экономистъ Нассе; изъ англичанъ—Сибомъ далъ наиболѣе полную характеристику системы открытыхъ полей въ своей извѣстной книгѣ о сельскихъ общинахъ въ Англіи. Тѣмъ же вопросомъ занялись послѣ него рядъ изслѣдователей, изъ которыхъ можно указать на Гомма и на проф. Виноградова. Книга русскаго экономиста Сокальскаго „Англо-саксонская община“ мало отвѣчаетъ своимъ заглавіемъ внутреннему содержанію; въ ней читатель не найдетъ попытки освѣтить систему землепользованія въ эпоху англосаксовъ, а одну только ходячую въ то время теорію о Folkland'ѣ, какъ о землѣ, принадлежащей всему англійскому народу и сходной поэтому съ римскимъ „ager publicus“.

отъ Тиссы до Трента. Англійское населеніе было частью перебито, частью обращено въ рабство. Датское владычествоупрочивается такимъ образомъ прежде всего въ предѣлахъ бывшаго королевства Дейра (Deira), которое переходитъ въ ихъ лицѣ снова въ руки язычниковъ. Такъ какъ земли въ Дейрѣ не хватило для всѣхъ датчанъ „Велиой Арміи“, то часть ея подъ начальствомъ Ингвара, направляется въ Восточную Англію — теперешнія графства Норфолькъ и Сёффолькъ—и послѣ удачнаго сраженія, въ которомъ перва взятъ былъ въ плѣнъ, а затѣм убитъ правитель Эдмундъ, они пристаютъ къ новому раздѣлу земель; но поселенія ихъ въ этой части Англіи менѣе густы, чѣмъ на сѣверѣ. Не такъ удачна была попытка датчанъ строиться въ Эссексѣ, гдѣ въ сраженіи подъ Эшдоуномъ (Ashdown) (871 г.) они были разбиты на голову молодымъ королемъ Альфредомъ (*см.*), остановившимъ, так. обр., ихъ дальнѣйше распространеніе на югъ. Битва подъ Эшдоуномъ была первымъ изъ военныхъ успѣховъ Альфреда. Продолжительная война съ датчанами, которую ведетъ этотъ герой народныхъ сказаній, заканчивается миромъ съ однимъ изъ ихъ предводителей Гутрумомъ (Guthrum). Благодаря тому договору въ руки датчанъ переходятъ Нортумбрія, восточная Англія съ восточной частью Мерсіи и Эссексъ. Всѣ же остальныя земли южной части острова сосредоточиваются въ рукахъ Альфреда, т. е. нетолько Вессексъ и Сёссексъ съ Кентомъ, но и западная часть Мерсіи.

Гутумъ принимаетъ христіанство и становится владыкою восточной Англіи, другой же датскій король правитъ Іоркомъ. Между обоими датскими княжествами, такимъ образомъ раздѣленными, тянутся земли такъ называемыхъ „пяти бурговъ“: Ноттингема, Линкольна, Дэрби, Лейчестера и Стамфорда. Эти городскіе округи имѣютъ своихъ самостоятельныхъ начальниковъ въ лицѣ особыхъ „ярловъ“,—терминъ, которымъ датчане обозначали военныхъ предводителей. Небезынтересный, но далеко еще не рѣшенный вопросъ, въ чемъ сказалось вліяніе датчанъ въ Англіи. Географическія наименованія, въ которыхъ воспроизводится слово „бю“ (by), означающее земельное владѣніе, обычны на протяженіи сѣверныхъ и восточныхъ графствъ; судя по этимъ названіямъ, датскія поселенія были особенно густо разсѣяны въ графствахъ Іоркъ, Линкольнъ, Ноттингемъ и Лейчестеръ; менѣе густо—въ вост. Англіи, и всего слабѣе—въ запад. части занятой ими области. Так. образ. въ долинахъ Трента и Узы датская кровь представляетъ бо́льшую примѣсь къ англійской и несравненно меньшую—на побережьи Нѣмецкаго моря, а тѣмъ болѣе—къ западу и югу. Проф. Оманъ говоритъ, что датчане очень быстро переняли англо-саксонскіе обычаи. На разстояніи немногихъ лѣтъ всѣ они перешли въ христіанство, а ихъ языкъ былъ такъ близокъ къ старо-англійскому, что сдѣлалась возможной ассимиляція его съ языкомъ покореннаго населенія. Отличія сказались въ созданіи діалекта, несходнаго съ тѣмъ, на которомъ говорили жители южныхъ графствъ, но и эти особенности съ теченіемъ времени стали сглаживаться. Временнымъ послѣдствіемъ нашествій датчанъ было опустошеніе сѣверной и отчасти восточной Англіи. Оманъ полагаетъ также, что однимъ изъ послѣдствій датскихъ нашествій было ускореніе процесса феодализаціи въ Англіи, т. е. исчезновеніе свободныхъ среднихъ и мелкихъ собственниковъ. Они признали надъ собою патронатъ „сильныхъ людей“, стали получать отъ нихъ покровительство и судебную защиту въ обмѣнъ за военную службу и платежъ извѣстныхъ сборовъ. Земля, попрежнему, осталась въ рукахъ крестьянина, но изъ свободнаго онъ сдѣлался теперь зависимымъ.

Проф. П. Г. Виноградовъ также допускаетъ переустройство общества на болѣе аристократическихъ основахъ въ теченіе „датскаго періода“ англійской жизни и при томъ въ предѣлахъ не одной занятой датчанами площади. Въ періодъ саксовъ и англовъ обложеніе,—указываетъ онъ,—было довольно слабымъ; оно возросло съ того момента, когда пришлось откупаться отъ датскихъ нашествій и погромовъ

уплатой имъ т. наз. *датской дани* (Danegeld). Съ этого времени hyde или *гайда* земли, т. е. земля семьи или двора, становится по преимуществу единицею обложенія и должна удовлетворять повышенному размѣру военныхъ и фискальныхъ обязательствъ („Ростъ помѣстья", 227). Тотъ же писатель указываетъ на то, что въ графствахъ, какъ Норфолькъ и Сёффолькъ, въ которыхъ удержались слѣды датскаго вліянія, лично свободные, но крѣпкіе къ землѣ крестьяне-собственники, socmen'ы, встрѣчаются въ значительно большемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Англіи. Въ своей книгѣ объ „англійскомъ обществѣ въ XI в." Виноградовъ попутно разсматриваетъ вопросъ о томъ, въ чемъ могло сказаться датское и. вообще, скандинавское вліяніе въ Англіи, и отмѣчаетъ слѣд. наиболѣе бьющія въ глаза особенности тѣхъ округовъ, въ которыхъ было много поселеній датчанъ. Мы видѣли, что въ этомъ положеніи оказалась область т. наз. „пяти городовъ", расположенныхъ между Іоркширомъ и двумя восточными графствами, Норфолькомъ и Сёффолькомъ. Небезынтересно поэтому отмѣтить, что въ окрестностяхъ двухъ изъ этихъ городовъ, Линкольна и Стамфорда, а также Іорка, Честера и Кембриджа, мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ скандинавскимъ институтомъ т. называемыхъ Lagman, извѣстныхъ также подъ прозвищемъ „judices" (судей). Въ скандинавскомъ правѣ эти Lagman'ы должны были излагать передъ народнымъ судомъ законъ, подлежавшій примѣненію въ разсматриваемомъ случаѣ. Въ названныхъ мѣстностяхъ „лагманы" являются своего рода наслѣдственной должностью. Рядомъ съ ними упомянемъ, какъ объ особенности датскихъ округовъ, учрежденіе 12-ти старшихъ „тановъ", кот. выступаютъ въ роли обвинителей послѣ принесенія ими присяги на мощахъ. Судъ, въ кот. они появляются—судъ Сотни. Въ датскихъ округахъ онъ носитъ названіе Wapentake, т. е. мѣсто, въ которомъ люди являются съ оружіемъ въ рукахъ или берутъ его въ руки („English Society in the Eleventh Century", 5—6).

Въ населенныхъ датчанами мѣстностяхъ число лично свободныхъ людей, владѣющихъ скромнымъ состояніемъ, какъ общее правило, болѣе значительно, чѣмъ въ другихъ. Они извѣстны или подъ датск. прозвищемъ „drengs", которому соотвѣтствуетъ латинское „puer", или подъ названіемъ свободныхъ людей—„liberi homines" и socmen'овъ. Преобладаніе въ восточныхъ, на половину датскихъ графствахъ,—особенно въ граф. Линкольнъ, Ноттингемъ, Іоркъ, Норфолькъ и Сёффолькъ—класса socmen'овъ, образующихъ въ помѣстьяхъ цѣлыя группы свободныхъ людей, изъ кот. одни въ правѣ распоряжаться своими землями, а другіе лишены этого права и, въ общемъ, отвѣчаютъ понятію свободныхъ крестьянъ, признается Виноградовымъ однимъ изъ проявленій скандинавскаго вліянія въ этихъ частяхъ Англіи (ibid., 420, 436, 441).

Тотъ же писатель справедливо указываетъ еще на одну особенность провинцій, въ которыхъ число датскихъ поселеній было особенно значительно: въ нихъ вполнѣ отсутствуютъ слѣды родовыхъ порядковъ; ихъ, очевидно, не могло быть между членами бандъ пиратовъ, которыя подъ предводительствомъ избранныхъ ими вождей, викинговъ, осѣдали по преимуществу въ восточ. Англіи. За отсутствіемъ родовыхъ поселковъ мы находимъ въ занятыхъ датчанами графствахъ поселки сельскіе; кровныя отношенія замѣняются здѣсь отношеніями сосѣдства (ibid., 477 и 478).

Въ обществѣ, въ которомъ миръ ежечасно можетъ быть нарушенъ набѣгами чужеземцевъ—будутъ ли ими, какъ у насъ, татары или, какъ въ Англіи IX в., датчане,— необходимо растетъ нужда въ военной защитѣ и покровительствѣ сильныхъ. Немудрено поэтому, если система индивидуальнаго поручительства, какую мы находимъ у англо-саксовъ, складывается окончательно въ царствованіе Альфреда, которое все было занято борьбою съ датчанами. Въ моемъ „Экономическомъ ростѣ Европы" я говорю по этому поводу слѣд.: „Съ упадкомъ родовой солидарности, при слабомъ еще развитіи государственной власти,

охрану мира приходилось возлагать на лицъ, имущественное положеніе которыхъ само являлось надежнымъ ручательствомъ соблюденія ими тишины и спокойствія или, по меньшей мѣрѣ, исправнаго несенія штрафовъ, падающихъ на нарушителей порядка. По законодательству Альфреда людямъ свободнаго званія предоставлялось пріискивать въ средѣ землевладѣльцевъ лицъ, готовыхъ принять ихъ подъ свою руку. На практикѣ это поручительство землевладѣльцевъ имѣло своимъ послѣдствіемъ отвѣтственность ихъ передъ судами за своевременную явку всѣхъ заподозрѣнныхъ въ нарушеніи мира. Въ этомъ видѣ англо-саксонскій институтъ индивидуальнаго поручительства можетъ быть сближенъ съ тѣмъ, о которомъ на континентѣ Европы говорится въ законодательствѣ Карла Лысаго отъ 847 г.; оно обязываетъ каждаго свободнаго человѣка выбрать себѣ старшаго—„сеньера"—въ лицѣ ли короля или людей, связанныхъ съ ищущимъ поручителя обязанностью вѣрности (fideles). При позднѣйшихъ правителяхъ, какъ видно изъ т. наз. законовъ Этельстана, пріисканіе поручителя признается уже обязанностью родственниковъ малоземельнаго или обезземеленнаго человѣка; если родственники не помогаютъ ему въ этомъ, онъ самъ долженъ направить всѣ свои усилія къ той же цѣли и подлежитъ въ противномъ случаѣ отвѣтственности передъ „сотеннымъ судомъ".

Обязательное пріисканіе поручителя, очевидно, было неблагопріятно дальнѣйшему сохраненію свободныхъ общинъ и содѣйствовало росту помѣстья. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, какъ не къ уступкѣ земли въ собственность помѣщика, т. наз. „глафорда", могло вести вступленіе въ число его кліентовъ? Вознагражденіемъ глафорда былъ переходъ въ его руки права собственности (dominium eminens), а это обстоятельство, очевидно, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что изъ страны свободнаго крестьянскаго землевладѣнія Англія становилась страною латифундій; мѣсто свободныхъ общинъ заняли въ ней зависимыя отъ владѣльцевъ помѣстья или „manor". Этимъ объясняется причина, по которой ко временамъ Вильгельма Завоевателя число лицъ, владѣющихъ землею въ собственность, т. наз. „аллодіаріевъ", становится весьма незначительнымъ.

Въ числѣ крупныхъ собственниковъ мы находимъ не мало церквей и монастырей. Въ письмѣ къ королю Эгберту Беда жалуется на то, что благодаря расточительности, съ какой раздаются казенныя земли церквамъ и монастырямъ, скоро не останется чѣмъ надѣлять членовъ служилаго сословія (см. „Экономическій ростъ Европы", т. I, 413).

Крупное помѣстное владѣніе только подготовило почву для постепенной феодализаціи англо-саксонскаго общества. Если выражать словомъ „феодализмъ" родовое, а не видовое понятіе, если не пріурочивать этого термина къ тѣмъ специфическимъ формамъ, какія во Франціи, въ эпоху первыхъ Капетинговъ, или въ Германіи, при Вельфахъ и Гогенштауфенахъ, принялъ процессъ сосредоточенія политическихъ правъ въ рукахъ помѣщиковъ, то нѣтъ основанія отрицать феодализма въ Англіи къ эпохѣ норманскаго нашествія. Не всѣ стороны феодализма выступаютъ, однако, въ это время въ одинаково законченномъ видѣ. Всего менѣе затронуто процессомъ феодализаціи военное устройство: войско все еще остается всенароднымъ ополченіемъ свободныхъ людей; но рядомъ съ народной милиціей или „fyrd" встрѣчаются и дружины, составленныя изъ лицъ, связанныхъ съ княземъ особой вѣрностью (fidelitas) (см. Maitland, „Domesday and beyond", 305, 308).

Англо-саксонская система вотчинныхъ судовъ также представляетъ большое сходство съ патримоніальной юстиціей на континентѣ Европы. Въ моей „Исторіи полицейской администраціи въ Англіи" еще въ 1877 г. сдѣлана была попытка показать англо-саксон. происхожденіе этой вотчинной юстиціи. И раньше меня тотъ же вопросъ поднятъ былъ рядомъ изслѣдователей какъ англійскихъ, такъ и нѣмецкихъ. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ грамотъ о предоставленіи владѣльцамъ помѣстья или „manor" судебныхъ правъ относятся къ періоду

правленія датской династіи. Исключеніе составляетъ только одна хартія короля Ины, предоставляющая одному монастырю право суда въ случаяхъ убійствъ и присвоенія чужого имущества; но постоянное упоминаніе въ позднѣйшихъ источникахъ датскаго періода о томъ, что новыя привилегіи выдаются только въ подтвержденіе прежнихъ, указываетъ на происхожденіе вотчинной юстиціи еще до упроченія датскаго владычества въ Англіи. Несомнѣнно, однако, что развитіе въ особенности высшей юстиціи въ рукахъ помѣщиковъ совпадаетъ съ періодомъ господства датской династіи. Нѣмецкій изслѣдователь Zöpfel объясняетъ это сознательнымъ желаніемъ датчанъ расположить въ свою пользу земельную аристократію. На первыхъ порахъ въ грамотахъ не заходитъ рѣчи о правѣ вотчинныхъ судей судить убійство; объ этомъ упоминается лишь въ болѣе позднихъ источникахъ. Къ концу англо-саксонскаго періода, въ эпоху полнаго господства духовной и свѣтской аристократіи, полицейско-уголовная юрисдикція владѣльцевъ помѣстья достигаетъ полнаго своего развитія. Вотчинному суду подчинены не только крѣпостные люди, но и socmen'ы, т. е. люди, лично свободные и владѣющіе землями. Рядомъ съ нарушеніемъ мира, вѣдѣнію суда подлежатъ и другія преступленія, какъ противъ нравственности, такъ и противъ имущества. Наказанія не сводились къ однимъ штрафамъ; въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ судья-помѣщикъ могъ объявить осужденнаго преступника стоящимъ внѣ закона, послѣ чего имущество его конфисковывалось въ пользу общины. Право судить убійцъ рѣдко упоминается въ числѣ функцій вотчиннаго суда. Король обыкновенно удерживалъ это право за собою и за королевскими судьями („Исторія полицейской администраціи въ Англіи". Прага, 1877, стр. 122—127).

II. *Датскія поселенія и норманское завоеваніе.* Съ національной борьбою англо-саксовъ съ датчанами неразрывно связано имя самаго популярнаго изъ правителей острова, героя безчисленныхъ легендъ и сказаній, короля-мудреца и короля-реформатора—Альфреда (871—901). „Альфредъ—первый изъ нашихъ королей, съ которымъ связано у насъ опредѣленное представленіе, какъ объ одномъ изъ дѣйствительныхъ основателей англійской монархіи", говоритъ одинъ новѣйшій историкъ, Флетчеръ. Англія, отвоеванная имъ у датчанъ, сводилась къ узкой полосѣ земли въ юго-западной части острова, отъ моря на югѣ и до линіи, проведенной на сѣверѣ между Честеромъ и Лондономъ. Но Альфреду удалось избавить ее отъ такого повальнаго погрома и террора, какого странѣ больше никогда не пришлось переживать. Этого было достаточно, чтобы сдѣлать его имя дорогимъ для всякаго англійскаго очага; онъ былъ не только солдатомъ, но и матросомъ, строителемъ церквей, ученымъ, изобрѣтателемъ, организаторомъ государства и его историкомъ. Всѣ свои изумительныя способности онъ направилъ на благо народа. Мы не станемъ распространяться о войнахъ Альфреда съ датчанами и ограничимся указаніемъ, что со времени мира съ Гутрумомъ, въ 878 г., начался не только переходъ къ мирной жизни датчанъ на островѣ, но и отливъ ихъ во Францію. Произошелъ ли онъ оттого, что ихъ численность уменьшилась, или что берега Франціи показались болѣе заманчивыми для ихъ набѣговъ, или причина перемѣны лежитъ въ самомъ характерѣ Альфреда, „какъ великаго воителя", мы сказать не можемъ. Несомнѣнно только одно, что мелкіе набѣги и возстанія, которыми ознаменовался конецъ царствованія Альфреда, были всѣ легко подавлены. Альфредъ положилъ основаніе англійскому флоту; этимъ флотомъ стала охраняться морская граница, а при его преемникахъ флотъ настолько окрѣпъ, что во времена Эдгара англійскіе корабли уже не довольствовались охраной одной южной границы, но огибали въ своихъ плаваніяхъ весь островъ. Въ немногіе промежутки между войнами съ датчанами Альфредъ озаботился возстановленіемъ разрушенныхъ поселковъ и новой колонизаціей частей Англіи, освобожденныхъ имъ отъ датчанъ. Онъ призвалъ иностранныхъ ученыхъ въ

англійскія школы, озаботился переводомъ на языкъ саксовъ многихъ латинскихъ сочиненій и предпослалъ этимъ переводамъ свои краткія предисловія; при немъ, начиная съ 887 г., стали вести хронику событій на саксон. яз., и при немъ также положено было начало кодификаціи не столько законовъ, сколько обычаевъ, общихъ всему англо-саксонскому народу. Мы не можемъ сказать утвердительно, на какихъ началахъ была построена имъ организація военныхъ силъ страны, но весьма вѣроятно, что онъ призвалъ каждую сотню или „hundred“ къ поставкѣ ему извѣстнаго числа воиновъ. Другой новѣйшій историкъ, Оманъ, приписываетъ Альфреду и окончательную организацію служилаго сословія, т. наз. „tan“-овъ, въ число которыхъ вошли всѣ крупные землевладѣльцы, связанные отнынѣ обязательствомъ служить королю одинаково въ его дружинѣ и въ его совѣтѣ. Что касается до народной милиціи, или „fyrd“, то Альфреду приписывается раздѣленіе ея на двѣ части, изъ которыхъ одна будто бы занималась обработкой полей въ то время, какъ другая уходила на войну—система, очевидно, напоминающая порядки, которые Юлій Цезарь нашелъ у свевовъ. Нужно ли приписанное Альфреду считать сказаніемъ или реальнымъ фактомъ, я рѣшить не берусь. За Альфредомъ признаютъ поощреніе и мореходства и торговли; имъ, якобы, снаряжена была экспедиція капитана Оссера въ сѣверныя моря, поведшая къ открытію Нордкапа, и къ нему же возводится правило, по которому ряды служилаго сословія тановъ могли пополняться купцами, трижды переплывшими съ торговыми цѣлями Ламаншъ.

Объединеніе Англіи подъ властью одного правителя совершилось не ранѣе правленія Эдуарда Старшаго (901—925), сына Альфреда. Онъ завершилъ дѣло отца, разбивъ на голову послѣдняго изъ королей восточной, датской, половины острова въ 921 г., послѣ чего и царство его, т. е. теперешнія графства Норфолькъ и Сёффолькъ были инкорпорированы Вессексомъ. Къ концу правленія Эдуарда не только вся страна къ югу отъ рѣки Гумбера сосредоточилась въ рукахъ англо-саксовъ, но и датчане Нортумбріи признали ихъ короля своимъ верховнымъ правителемъ; мало этого—шотландцы провозгласили его отцомъ и господиномъ на многолюдномъ собраніи въ Дорѣ въ 924 г. Его преемникъ Этельстанъ (Aethelstan) присоединилъ къ королевству занятую датчанами Нортумбрію и, когда дѣти послѣдняго датскаго правителя Іорка вздумали поднять возстаніе при поддержкѣ ирландцевъ, шотландцевъ и кимвровъ, онъ разбилъ соединенное ополченіе въ самой кровопролитной изъ битвъ, доселѣ веденной королями изъ династіи Альфреда,—въ битвѣ подъ Брунанбургомъ. Послѣ этого и шотландцы, и кельты Уэльса и Корнваля, и датчане Нортумбріи одинаково смирились предъ нимъ. Его признавали самымъ могущественнымъ правителемъ на Западѣ Европы; всѣ сосѣдніе короли искали его союза. Одна изъ его сестеръ вышла замужъ за императора Оттона I, другая за Карла Простодушнаго, короля западныхъ франковъ, а остальныя три—за короля Арля, за графа Парижскаго и за графа Фландрскаго.

При преемникахъ Этельстана положено было начало широкому владычеству духовенства; оно стоитъ въ причинной связи съ предпринятой епископомъ Дёнстаномъ реформой монастырей. Онъ стремился къ упроченію въ нихъ правилъ св. Бенедикта о бѣдности, цѣломудріи и покорности. Произведенныя въ этомъ направленіи реформы ни мало не повели къ сокращенію размѣровъ монастырской собственности; имѣя неограниченное вліяніе на короля Эдреда (Eadred), „будучи при немъ“, какъ выражается его біографъ, „не только равнымъ съ монархомъ правителемъ, но и повелителемъ надъ королемъ“ („quasi rex et regis imperator“), Дёнстанъ воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы надѣлить храмы, вызванные имъ изъ развалинъ или вновь сооруженные, обширными „наслѣдствами“. Съ этого времени начался безостановочный ростъ церковныхъ латифундій въ такихъ размѣрахъ, что къ эпохѣ завое-

ванія Англіи Вильгельмомъ $^{7}/_{12}$ земельной площади, занятой однимъ графствомъ Нортумберландъ, очутились въ рукахъ всего-на-всего четырехъ монастырей (см. мой „Экономическій ростъ Европы“, I, 414—423).

Ростъ крупнаго землевладѣнія столько же свѣтскихъ, сколько и духовныхъ сеньоровъ, и феодальной системы объясняетъ намъ причину упадка королевской власти и ослабленія оборонительныхъ силъ страны. Это позволило датчанамъ въ концѣ X стол. сдѣлать новыя попытки къ завоеванію Англіи. Первое массовое нашествіе восходитъ къ 991 г. Англосаксы обращаются къ новому средству отстоять свою независимость: они откупаются отъ иноземцевъ деньгами, но этотъ пріемъ, разумѣется, только разжигаетъ аппетитъ датчанъ, и съ этого года по 1014 они не перестаютъ вымогать своими набѣгами все новые и новые платежи. Они извѣстны подъ названіемъ *датскихъ денегъ*(Danegeld),—а для ихъ взиманія вводится особая система обложенія крестьянскихъ дворовъ и ихъ надѣловъ; единицей этого обложенія является „гайда“, т. е. комплексъ земельныхъ полосъ, разсѣянныхъ въ различныхъ „конахъ“ и поляхъ одной и той же сельской общины. Такъ какъ гайда земли разсчитана на обработку тяжелымъ плугомъ съ восьмиголовой упряжью, то она является болѣе или менѣе постоянною величиною, колеблющейся около 120 акровъ (см. *Vinogradoff*, „English Society in the Eleventh Century“, стр. 146). Въ мѣстностяхъ, занятыхъ датчанами, та же гайда слыветъ подъ названіемъ „carucata“, отъ слова „caruca“—тяжелый плугъ. Въ этомъ названіи еще яснѣе выступаетъ связь единицы обложенія съ количествомъ земли, поднимаемымъ однимъ плугомъ съ восьмиголовой упряжью. И каруката содержитъ въ себѣ, подобно гайдѣ, 120 акровъ (ibid., стр. 147). Эти хозяйственные комплексы въ качествѣ фискальныхъ единицъ продолжаютъ держаться въ теченіе всего столѣтія, отдѣляющаго новыя нашествія сѣверныхъ народовъ, и въ частности датчанъ, отъ завоеванія Англіи Вильгельмомъ Нормандскимъ. Немудрено поэтому, если въ предпринятой послѣднимъ описи земельныхъ владѣній завоеваннаго имъ государства мы встрѣчаемся съ дѣленіемъ помѣстій въ цѣляхъ налоговаго обложенія на гайды и карукаты, съ составляющими ихъ виргатами и боватами. „Датскимъ деньгамъ“ суждено было сдѣлаться не только первою формою прямой земельной подати въ Англіи, но и источникомъ позднѣйшей фискальной системы, опирающейся на хозяйственный комплексъ полныхъ и половинныхъ дворовъ и даже „четвертей“ и „восьмушекъ“ одного двора.

Съ 1016 г. датскимъ нашествіямъ наступаетъ конецъ. Въ Англіи воцаряется датскій король Канутъ. По договору съ Эдмундомъ, онъ дѣлитъ съ нимъ владычество надъ нею такимъ образомъ, что въ его руки отходятъ датскіе округа Нортумбріи и „пяти городовъ“, тогда какъ Эдмундъ удерживаетъ за собою Вессексъ, Кентъ, Лондонъ и Восточную Англію. Не прошло, однако, и года, какъ Эдмундъ былъ измѣннически убитъ Эдрикомъ, и ранѣе этого интриговавшимъ въ пользу датчанъ. Таны Вессекса собираются на „витенагемотъ“ и отдаютъ корону Англіи Кануту. Канутъ правилъ въ теченіе 19 лѣтъ одновременно и въ Даніи, и въ Норвегіи, и въ Англіи (1016—1035), но онъ особенно охотно пребывалъ въ послѣдней. Язычникъ до момента ея завоеванія, онъ принялъ крещеніе, женился на Эммѣ, вдовѣ покойнаго короля, удержалъ при себѣ лишь небольшую постоянную армію изъ датчанъ, оплачиваемую имъ періодически взимаемымъ Danegeld'омъ, и постарался править страною не какъ завоеванной провинціей, а какъ центромъ своихъ обширныхъ владѣній.

Съ именемъ Канута связано упраздненіе большихъ alderman'ствъ, т. е. тѣхъ крупныхъ административно-феодальныхъ комплексовъ, которые въ годы, предшествовавшіе его воцаренію, не мало препятствовали централизаціи власти въ рукахъ короля и упроченію порядка и силы государства. Но нельзя сказать, что Канутъ былъ объединителемъ и врагомъ того, что можно было бы назвать—за недостаткомъ другого термина въ русскомъ яз.—удѣлами, такъ какъ онъ

въ сущности, только замѣнилъ англо-саксонскихъ alderman'овъ датскими „ярлами“ (отъ слова „jarl“ происходитъ англійское „earl“, что значитъ „графъ“). Канутъ не отмѣнилъ системы удѣловъ, какъ не упразднено было имъ и дѣленіе Англіи на датскую и саксонскую половину. Нортумбрія и Восточная Англія даны были въ управленіе двумъ датскимъ ярламъ, тогда какъ Вессексъ и Мерсія—двумъ англійскимъ, графу Годвину и графу Леофрику. Англійскіе историки ставятъ Кануту въ особую заслугу то довѣріе, съ какимъ онъ относился къ туземному населенію; онъ удержалъ при себѣ небольшой отрядъ въ 2—3.000 человѣкъ датской дружины, исполнявшей при немъ обязанности военной свиты. Онъ не роздалъ земель Англіи ни ея членамъ, ни другимъ датчанамъ, удержалъ на высшихъ постахъ англійскихъ уроженцевъ и даже нерѣдко посылалъ ихъ въ Данію для исполненія обязанностей епископовъ и свѣтскихъ сановниковъ. Правители Уэльса и Шотландіи охотно признавали надъ собою его верховенство. Малькольму, королю шотландскому, Канутъ даровалъ даже часть сѣверной Англіи, бывшаго королевства Берниціи, въ вассальное держаніе. Тѣмъ самымъ проложенъ былъ путь распространенію англ. языка и англ. культуры въ плоскостной части королевства.

При преемникахъ Канута или Кнута распалось его царство: вспыхнуло возстаніе въ Норвегіи, датчане признали своимъ королемъ его законнаго сына Гартакнута (Harthacnut'a), а англичане—его незаконнаго сына, Гарольда. Одинъ Годвинъ, графъ Вессекскій, высказался въ пользу Гартакнута и заставилъ принесть ему присягу всѣхъ, кто жилъ къ югу отъ Темзы въ предѣлахъ его княжества. Братья враждовали между собою, и Гарольду удалось овладѣть Вессексомъ, на защиту котораго не было прислано вовремя войска правителемъ Даніи. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Англія снова осталась безъ короля, въ виду кончины Гарольда. Гартакнутъ прибылъ въ нее съ большимъ ополченіемъ и упрочилъ въ ней свое владычество; жителей стали облагать высокими поборами въ пользу датскихъ воиновъ, и, если бы не неожиданная смерть, постигшая короля въ 1042 г., Англія снова испытала бы на себѣ всѣ невыгоды подчиненія иноземному правителю.

Со смертью Гартакнута пресѣклась датская династія. Собранные на совѣтъ витаны рѣшили призвать на престолъ члена саксон. династіи, къ которой принадлежалъ Альфредъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что Гартакнутъ призвалъ къ себѣ Эдуарда, сына послѣдняго короля саксонской крови, правившаго Англіей до Канута. Эдуардъ приходился ему братомъ по матери, Эммѣ, на которой, какъ мы видѣли, женился Канутъ. Эдуардъ долгое время жилъ передъ этимъ въ Нормандскомъ герцогствѣ и завязалъ тамъ отношенія съ будущимъ его правителемъ Вильгельмомъ. Въ это время Нормандіей правилъ еще герцогъ Ричардъ, братъ Эммы; состоя при нормандскомъ дворѣ, Эдуардъ въ значительной степени забылъ родную рѣчь и сталъ, по самымъ привычкамъ своимъ, французомъ. Своимъ возвращеніемъ въ Англію онъ, въ значительной степени, обязанъ былъ Годвину (Godwine), правителю Вессекса. Женившись на его дочери, Эдитѣ, онъ ввѣрилъ ему администрацію королевства. Въ Годвинѣ Эдуардъ нашелъ, однако, рѣшительнаго противника своимъ нормандскимъ любимцамъ, которымъ онъ охотно ввѣрялъ епископскія каѳедры, въ томъ числѣ и архіепископскій столъ въ Кентербери. Ходилъ слухъ, что Эдуардъ обѣщалъ даже корону Англіи Вильгельму, незаконному сыну норманд. герцога, на что онъ, разумѣется, не имѣлъ права, такъ какъ въ дѣйствительности распоряжались передачей престола члены служилаго сословія, собранные на витенагемотъ. Послѣдствіемъ несогласій было возстаніе Годвина; онъ собралъ ополченіе изъ людей Вессекса, за что и объявленъ былъ стоящимъ внѣ закона рѣшеніемъ витенагемота. Послѣ этого онъ бѣжалъ во Фландрію; но въ 1052 г. витенагемотъ снялъ съ него опалу, и король Эдуардъ поставленъ былъ въ необходимость возстановить его на прежнемъ посту. Домъ Годвина продолжалъ играть главенствующую

роль въ послѣднія четырнадцать лѣтъ царствованія Эдуарда. Вессексъ оставался во власти Годвина, Восточная Англія поставлена была подъ управленіе его второго сына, Гарольда, а старшій сынъ „великаго графа“, Тостигъ, сдѣлался ближайшимъ фаворитомъ короля Эдуарда. Со смертью Годвина его вліяніе перешло къ сыну его, Гарольду, человѣку весьма популярному—особенно на югѣ Англіи,—несомнѣнно способному и дѣловитому. Во время его руководительства дѣлами Англіи было послано въ Шотландію войско, чтобы низложить героя шекспировской трагедіи Макбета, захватившаго престолъ убитаго имъ короля Дункана. Макбетъ палъ въ сраженіи, и престолъ былъ возвращенъ старшему сыну шотланд. короля Малькольму.

Управленіе Англіи Гарольдомъ ознаменовалось также удачнымъ походомъ противъ кельтовъ Уэльса. Тѣснимые войскомъ Гарольда, возставшіе убили собственнаго короля и смиренно положили его голову къ ногамъ англійскаго правителя. Но послѣдній самъ вскорѣ сдѣлался плѣнникомъ графа Понтье, къ владѣніямъ котораго онъ долженъ былъ причалить, ища защиты отъ морской бури. Такъ какъ графъ Понтье былъ вассаломъ Вильгельма, сдѣлавшагося уже герцогомъ Нормандіи, то послѣдній освободилъ Гарольда и привлекъ его къ своему двору въ Руанѣ; здѣсь Гарольдъ прожилъ нѣкоторое время, частью какъ гость, частью какъ заложникъ. Онъ ходилъ съ Вильгельмомъ въ походъ противъ бретонцевъ и посвященъ былъ имъ въ рыцари. Его согласились отпустить обратно въ Англію, но подъ условіемъ поддерживать кандидатуру Вильгельма на англійскій престолъ въ случаѣ смерти Эдуарда. Вильгельмъ ссылался при этомъ на обѣщаніе послѣдняго, въ виду чего и Гарольдъ поклялся стоять за него. Когда получена была присяга въ церкви, Вильгельмъ указалъ Гарольду на то, что подъ ризою, надъ которой эта присяга была принесена, лежали мощи святыхъ Нормандіи,—что, разумѣется, должно было сдѣлать присягу еще болѣе крѣпкой. Поэтому, когда умеръ король Эдуардъ и Гарольдъ самъ былъ выбранъ королемъ собраніемъ витановъ, Вильгельмъ Нормандскій объявилъ его поведеніе клятвопреступнымъ. Въ дѣйствительности же Гарольдъ сталъ королемъ и по завѣщанію Эдуарда, сдѣланному устно на смертномъ одрѣ, и въ виду выбора его витенагемотомъ. Немудрено поэтому, если онъ далъ отрицательный отвѣтъ на настоянія Вильгельма, переданныя ему особыми посланниками. Тогда Вильгельмъ рѣшился добиться престола иначе: онъ владѣлъ большими сокровищами и имѣлъ немало вассаловъ; его военная репутація была велика. Поэтому когда онъ объявилъ по всей Европѣ о своемъ намѣреніи предпринять походъ на Англію и о готовности оплатить службу всякаго, кто добровольно войдетъ въ его ополченіе, землями въ завоеванной странѣ,—тысячи наемниковъ изъ Франціи, Бретани, Фландріи и Аквитаніи поспѣшили предложить ему свои услуги. Его армія оказалась составленной изъ нормандцевъ всего-на-всего на одну треть. Шесть мѣсяцевъ потребовалось для подготовки похода и постройки флота, способнаго оказать противодѣйствіе судамъ Гарольда. Прежде, чѣмъ пуститься въ путь, Вильгельмъ испросилъ благословенія папы на предстоящій походъ, ссылаясь на нарушеніе Гарольдомъ святости присяги. Папа Александръ послалъ ему свое благословеніе и освященное знамя.

Гарольду пришлось сразу встрѣтиться съ двумя врагами.—Король Норвегіи, Гарольдъ-Гардрада, уступая настояніямъ изгнаннаго изъ Англіи еще при Эдуардѣ брата Гарольда, Тостига, высадился на сѣверѣ и послѣ кровопролитнаго сраженія подъ самыми стѣнами Іорка овладѣлъ имъ. Въ то время, какъ Гарольдъ двинулся, чтобы отразить это нашествіе, и разбилъ на голову полчища новаго викинга, пришло извѣстіе, что Вильгельмъ Нормандскій переправился черезъ Па-де-Кале и что 100.000 человѣкъ высадились вмѣстѣ съ нимъ въ Сёссексѣ. Гарольду оставалось одно: призвать графовъ Мерсіи и Нортумбріи къ оказанію ему дѣятельной помощи и собрать въ Лондонѣ народное ополченіе, или „fyrd“ отъ Восточной Англіи, Кента и Вессекса. Графы Мерсіи и

*

Нортумбріи не спѣшили съ исполненіемъ его приказа, и Гарольду съ недостаточнымъ войскомъ пришлось одному напасть на укрѣпленный лагерь, устроенный Вильгельмомъ недалеко отъ берега въ Гестингсѣ. Очевидно, не разсчитывая на свои силы, Гарольдъ рѣшился принять оборонительное положеніе и занялъ довольно выгодную позицію на холмѣ Сенлакъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построено было впослѣдствіи аббатство „Battle Abbey". Многіе, въ томъ числѣ его братья, совѣтовали ему ждать прибытія сѣверныхъ ополченій, а пока озаботиться тѣмъ, чтобы войско Вильгельма оставить безъ припасовъ. Но Вильгельмъ, боясь этого, не счелъ нужнымъ медлить и, узнавъ о пребываніи Гарольда въ Сенлакѣ, направилъ на него свои ополченія. Нормандская конница встрѣтилась съ пѣшимъ войскомъ Гарольда, занимавшимъ весь южный склонъ холма; хорошо вооруженнымъ кавалеристамъ пришлось имѣть дѣло съ полчищами, быстро набранными и въ которыхъ не мало было крестьянъ, принесшихъ съ собою, за неимѣніемъ другого оружія, дубины и косы.

Вильгельмъ разбилъ свое наемное войско на части: французовъ, фламандцевъ и бретонцовъ; но центръ арміи составили уроженцы Нормандіи. Въ каждой части впереди конницы выстроены были въ два ряда стрѣлки-пѣхотинцы. Въ теченіе многихъ часовъ побѣда не склонялась ни въ ту, ни въ другую сторону, пока Вильгельмъ не отозвалъ своей конницы и не заставилъ пѣхотинцевъ обстрѣливать англійское войско изъ луковъ. Ополченія графствъ не устояли противъ желанія сразиться съ нападавшимъ врагомъ и съ яростью набросились на нормандцевъ. Преслѣдуя ихъ, они разсѣялись въ разныя стороны; Вильгельмъ поспѣшилъ направить на нихъ свою конницу, она часть ихъ перебила, и обратила остальныхъ въ бѣгство. Одна личная дружина Гарольда продолжала отстаивать его знамена, и Вильгельму пришлось до самой ночи обстрѣливать ее своей пѣхотой, пуская въ ходъ нерѣдко и конницу. Стрѣла сразила самого Гарольда, проникнувъ въ его правый глазъ; одинъ за другимъ пали и ближайшіе его сподвижники. Тогда только нормандцамъ удалось пробить стѣну англійскихъ щитовъ, овладѣть знаменами и пронзить копьями умирающаго короля.

Вильгельмъ ожидалъ встрѣтить дальнѣйшее сопротивленіе и потому окольной дорогой пошелъ на Лондонъ; но Дувръ, Кентербери, Винчестеръ сдались ему безъ боя; сѣверные графы распустили свои ополченія, а нотабли Лондона, съ архіепископомъ іоркскимъ во главѣ, поспѣшили въ главную квартиру завоевателя въ Беркгемстедѣ съ предложеніемъ избрать его въ верховные правители, послѣ чего онъ вошелъ въ столицу. Здѣсь, избранный витенагемотомъ, по старому англо-саксонскому образцу, онъ въ самый день Пасхи 1066 г. возложилъ на себя корону.

Всѣ эти событія нашли слѣдующее отраженіе въ обществен. и политическ. укладѣ Англіи. Они вызвали на долгіе годы большую рознь въ населеніи; она усилилась еще послѣ кроваваго подавленія возстаній въ западныхъ и сѣверныхъ графствахъ, вызванныхъ въ значительной степени жестокимъ управленіемъ брата Вильгельма, епископа Байё, по имени Одо. Онъ оставленъ былъ Завоевателемъ во главѣ администраціи вновь присоединеннаго имъ края въ 1067 г., когда Вильгельму пришлось временно отбыть въ Нормандію. Возстаніе охватило собою Вессексъ, куда были вызваны дѣти Гарольда и поставлены во главѣ ополчившихся. Одновременно въ Нортумбріи провозглашенъ былъ королемъ членъ дворянства, Эдгаръ, а въ Мерсіи—танъ Эдригъ,—оба англо-саксы. Вильгельмъ поспѣшилъ обратно въ Англію и послѣ продолжительной осады Экзетера, гдѣ заперлись дѣти Гарольда, онъ взялъ этотъ городъ. Послѣднимъ же потомкамъ англо-саксонск. правителей Вессекса удалось бѣжать въ Ирландію. Изъ Вессекса Вильгельмъ двинулся на сѣверъ, чтобы очистить графства Глостеръ и Ворчестеръ отъ повстанцевъ. Эдригъ бѣжалъ въ Уэльское княжество, а въ сѣверной части Англіи, послѣ окончанія въ ней мятежа, посаженъ былъ правителемъ графъ Робертъ де-Коминъ. Подавленіе мятежа сопровождалось конфискаціей имуществъ, по-

шедшихъ на надѣленіе военныхъ сподвижниковъ Вильгельма.

Весною 1069 г. вспыхнуло новое возстаніе, на этотъ разъ въ Нортумбріи. Во главѣ его сталъ Вольдгофъ, сынъ бывшаго побѣдителя надъ Макбетомъ Сиварда (Siward). И шотландскій, и датскій короли обѣщали поддержку. Повстанцамъ удалось овладѣть Іоркомъ, частью перебить, частью взять въ плѣнъ занимавшій его норманскій гарнизонъ. Возстаніе подавлено было Вильгельмомъ огнемъ и мечемъ. Историкъ Оманъ, повторяя утвержденіе Фримана и Грина, говоритъ о томъ, что отъ рѣки Гумбера до Тиссы все населеніе было перебито, изведено голодомъ или изгнано изъ прежнихъ предѣловъ. Одни бѣжали въ Шотландію и поселились въ ней, другіе искали убѣжища въ лѣсахъ, живя въ нихъ на подобіе дикарей. Двадцать лѣтъ спустя, когда приступлено было къ земельной описи этой части Англіи, Іоркширъ оказался дикимъ полемъ, почти лишеннымъ жигелей.

Можно судить, каковы стали отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителямъ послѣ такихъ погромовъ. Норманнамъ пришлось постоянно считаться съ возможностью не столько новыхъ возстаній, сколько частныхъ заговоровъ и актовъ мести. Чтобы обезопасить себя отъ этого, они прибѣгли къ мѣрамъ, которымъ мы не можемъ найти подобія въ другихъ странахъ. Вмѣсто личнаго поручительства, введеннаго въ Англіи еще законами Эдгара и Этельреда и упроченнаго въ правленіе Канута, установлена была отвѣтственность десятенъ и сотенъ. Мы узнаемъ о ней изъ законодательныхъ текстовъ, которые носятъ названія сводовъ Эдуарда-Исповѣдника и законовъ Генриха I, но едва-ли могутъ быть приписаны тому или другому, а являются частными компиляціями того наполовину народн. обычая, наполовину права указнаго (т. е. созданнаго правителями государства при участіи высшихъ совѣтовъ страны), какими на континентѣ Европы были всякаго рода варварскіе законы, или „правды“, не исключая и Ярославовой.

И въ томъ, и въ другомъ сборникѣ не указывается причинъ, по которымъ норманами установлена была новая система охраны мира. Но открыть эти причины немудрено, если вспомнить, что послѣдствіемъ завоеванія и кроваваго подавленія народныхъ мятежей, сопровождавшагося конфискаціей имущества и передачей земель въ собственность пришельцевъ-норманновъ, явилась необходимость восполнить систему поручительства помѣщиковъ или глафордовъ за свободныхъ и несвободныхъ людей, поселенныхъ на ихъ земляхъ, поручительствомъ всѣхъ жителей сотни. Отвѣтственность сосѣдства (homines de visnetu) за убійство французскаго выходца (homo francus), о которомъ говорится въ мнимыхъ законахъ Вильгельма Завоевателя, въ другомъ памятникѣ, въ Хартіи Вильгельма, уже принимаетъ форму денежной отвѣтственности всѣхъ жителей сотни за совершенныя въ ея предѣлахъ убійства. Когда эта круговая порука жителей сотни, извѣстная подъ простонароднымъ названіемъ *Englishery* (названіе, въ которомъ ясно выступаетъ фактъ отвѣтственности англосаксовъ за убійство пришлыхъ завоевателей), въ свою очередь, была восполнена отвѣтственностью болѣе тѣсныхъ и искусственныхъ союзовъ 10-ти или 12-ти дворовъ, смотря по мѣстности, связанныхъ круговой порукой,—сказать трудно. Въ спеціальномъ изслѣдованіи, посвященномъ этому вопросу еще въ 1877 г., я представилъ ту догадку, что т. наз. десятни, *деценьі*, обязаны своимъ происхожденіемъ недошедшему до насъ законодательному акту, время происхожденія котораго относится, вѣроятно, къ первой половинѣ XII в. Отвѣтственность десятенъ получила въ простонародьи назв. *frank-pledge* и вызвала въ свою очередь къ жизни цѣлый рядъ учрежденій, изъ которыхъ нѣкоторыя удержались и въ позднѣйшія столѣтія. Обязанность быть вписанными въ составъ „деценъ“, или десятенъ постепенно распространена была съ свободныхъ обывателей на всѣхъ лицъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ. Круговая порука (frank-pledge), какъ мы сказали, замѣнила собою старинную англо-саксонскую систему индивидуальнаго поручительства. Какъ въ

селеніяхъ, занятыхъ свободнымъ людомъ, такъ и въ помѣстьяхъ съ ихъ крѣпостнымъ населеніемъ, децены и лица, стоявшія во главѣ ихъ, т. наз. „верховные поручители“, призваны были объявлять властямъ о преступленіяхъ и выдавать ихъ виновниковъ въ сотняхъ—управителю графства, прежнему англо-саксонскому шерифу, со времени завоеванія именуемому по нормано-французскому образцу „вице-графомъ“; въ изъятыхъ же отъ подвѣдомственности шерифу „свободахъ“ (franchises), т. е. въ предѣлахъ вѣдомства вотчинной юстиціи и полиціи, такія же заявленія дѣлаемы были деценами помѣстному правителю. Въ случаѣ утайки преступленія какъ члены десятенъ, такъ и ихъ начальники или главные поручители, должны были платить штрафъ (amerciament), размѣръ котораго зависѣлъ отъ важности преступленія и опредѣляемъ былъ: въ сотнѣ—шерифами, а въ „свободахъ“—управителями (бальифами). Съ теченіемъ времени „десятни“ изъ личныхъ союзовъ становятся все болѣе и болѣе союзами территоріальными; отвѣтственность стоящихъ во главѣ ихъ поручителей (capitales plegii) заступаетъ мѣсто той, которую несли входившія въ десятню семьи. Контроль за тѣмъ, чтобы все населеніе сотни было записано въ десятни или „децены“, падаетъ на шерифа или вице-графа и заступающаго его въ „свободахъ“ вотчиннаго агента. Для этого тотъ и другой въ опредѣленные сроки производятъ т. наз. „смотръ“ деценъ или союзовъ круговой поруки (view of frank-pledge). Эти собранія служатъ съ теченіемъ времени и для другихъ административныхъ цѣлей,—въ такой же степени, какъ и для цѣлей полицейско-судебныхъ. Изъ обязательства начальниковъ десятенъ доводить о преступленіяхъ до свѣдѣнія начальства подъ страхомъ денежной отвѣтственности развивается съ теченіемъ времени извѣстный одной только Англіи институтъ обвинительныхъ присяжныхъ или т. наз. Grand-Jury. Со времени завоеванія и до втор. полов. XII в. обвиненіе преступниковъ производится всѣми жителями сотни или одними начальниками десятенъ; прежде, т. е. въ теченіе англосаксон. періода, изъ среды индивидуальныхъ поручителей - помѣщиковъ брали 12 старшихъ тановъ; о нихъ говорятъ законы англосаксонскаго правителя Этельреда. Система эта уступила мѣсто въ норманскій періодъ, вмѣстѣ съ замѣной личнаго поручительства отвѣтственностью десятенъ, предстаавленію своего рода обвинительныхъ актовъ начальниками надъ этими десятнями. Такая практика удержалась въ вотчинныхъ судахъ и въ позднѣйшія столѣтія, до начала XIV в., когда и въ нихъ, слѣдуя примѣру королевскихъ судовъ, замѣнили ее институтомъ т. наз. „великаго жюри“.

Если однимъ изъ послѣдствій завоеванія было усиленіе общественной розни властвующихъ и подвластныхъ, пришлыхъ завоевателей и покоренныхъ туземцевъ, что въ свою очередь повело къ перемѣнамъ въ самыхъ порядкахъ охраненія мира и обнаруженія преступленій, то то же завоеваніе обусловило собою цѣлый переворотъ въ земельномъ строѣ и въ опирающемся на немъ соціальномъ и политическомъ укладѣ. Оно завершило собою ранѣе начавшійся процессъ феодализаціи страны, довело до минимума число „свободныхъ“ владѣльцевъ въ ней и повело къ тому, что по образцу сѣверной Франціи, въ томъ числѣ Нормандскаго герцогства, и въ Англіи было установлено, что никто не можетъ держать землю иначе, какъ въ зависимости отъ короля, на правахъ прямого или второстепеннаго его вассала. Насаждая так. обр. континентальные порядки феодализма, завоеватель въ то же время принялъ мѣры защиты центральной власти противъ развитія центробѣжныхъ силъ, подобныхъ тѣмъ, которыя одновременно или нѣсколько раньше выступили на континентѣ Европы, разлагая монархію послѣднихъ Каролинговъ и первыхъ Капетинговъ на полу-самостоятельныя княжества.

Каждое изъ только что указанныхъ послѣдствій завоеванія Англіи должно быть разсмотрѣно въ отдѣльности. Начнемъ нашъ обзоръ съ переворота, произведеннаго завоеваніемъ въ сферѣ земельныхъ отношеній.

Онъ стоитъ въ тѣсной связи съ введеніемъ феодальныхъ порядковъ по французскому образцу. Англосаксонская хроника подъ 1067 г. упоминаетъ о раздачѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ земель своимъ сподвижникамъ изъ конфискованнаго у англосаксовъ недвижимаго имущества. Эта раздача производилась на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ установляемы были феоды въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Франціи. Размѣръ требуемой службы, порядокъ наслѣдованія феода, феодальная инвеститура, опека сеньера надъ личностью и имуществомъ малолѣтняго вассала, право его давать или отказывать въ согласіи на заключеніе брака дочери вассала и многое, и многое другое, связанное съ феодализмомъ, введено было въ Англіи по норманскому образцу, который, въ свою очередь, сложился подъ вліяніемъ порядковъ, установившихся во Франціи (см. *Виноградовъ*, „English Society in the Eleventh Century“, 41).

Особенно наглядно выступаетъ сходство установленной Вильгельмомъ системы съ континентальной въ томъ обстоятельствѣ, что прямые вассалы короля, т. наз. „бароны“, сосредоточивали въ своихъ рукахъ число рыцарскихъ леновъ, равное пяти или производному отъ пяти; но въ сѣверной Франціи и въ нормандскомъ герцогствѣ обычнымъ было надѣленіе прямыхъ вассаловъ т. наз. „констабуляріями“ (Constabularii), при чемъ каждое состояло изъ 10 рыцарскихъ леновъ.

То обстоятельство, что при переходѣ лена или феода (feudum, fevum) въ порядкѣ законнаго наслѣдованія феодалъ получалъ реальный выкупъ (relevium, relief), въ разъ навсегда опредѣленномъ размѣрѣ (съ бароніи—сперва 100 фунтовъ, а потомъ 100 марокъ, съ рыцарскаго лена—100 шиллинговъ), свидѣтельствуетъ о томъ, что, при различіи въ числѣ гайдъ, или земельныхъ комплексовъ одного двора, бароніи и рыцарскіе лены представляли опредѣленныя имущественныя единицы, достаточно доходныя, чтобы сдѣлать возможнымъ выставлять отъ каждаго по меньшей мѣрѣ одного вооруженнаго всадника, а отъ бароніи—число, соотвѣтственно въ нѣсколько разъ большее.

Не пускаясь въ дальнѣйшія подробности, мы скажемъ, что и самые термины, которые употреблялись для обозначенія поступающихъ въ руки вассаловъ имущественныхъ комплексовъ, какъ и тѣ, которые служили для обозначенія ихъ правъ и обязанностей, заимствованы изъ Франціи. Но и этого мало; изъ той же Франціи, и, въ частности, сѣверной ея половины, гдѣ господствовало правило „нѣтъ земли, которая не имѣла бы сеньера“ (nulle terre sans seigneur), перенесены были въ Англію и тѣ порядки, въ силу которыхъ верховнымъ собственникомъ всей земли признанъ былъ король, какъ высшій сюзеренъ, и всѣ земельныя владѣнія стали считаться производными отъ него, т. е. существующими въ силу надѣленія королемъ своихъ прямыхъ вассаловъ, а послѣдними—второстепенныхъ вассаловъ того же короля (ibid., 41, 43, 232, 235 и 236).

На правахъ исключенія упоминается о наличности въ томъ или другомъ графствѣ „свободныхъ“ земель, къ которымъ примѣняется въ земельной описи, произведенной по приказанію Вильгельма Завоевателя и извѣстной подъ именемъ „Книги Суда“, опять-таки французскій терминъ „аллодъ“ или „alleu“, означавшій на югѣ Франціи—гдѣ правило о принадлежности всякой земли сеньеру не было извѣстно—ни отъ кого не зависимую, полную собственность. По французскому же образцу бароніи и рыцарскіе лены обложены были не одной только военной службой, но и упомянутыми выше повинностями феодальнаго характера, совокупность которыхъ обозначена была опять-таки заимствованнымъ изъ Франціи терминомъ „forinsecum servitium“ (ibid., 39).

При всемъ сходствѣ англійскихъ феодальныхъ порядковъ съ континентальными и, въ частности, съ тѣми, какіе существовали въ сѣверной части Франціи и герцогствѣ Нормандіи, установленная Вильгельмомъ система представляетъ тѣмъ не менѣе существенныя и сознательно проведенныя особенности. Король, при

своихъ земельныхъ пожалованіяхъ, желалъ избѣжать тѣхъ послѣдствій, какія имѣло сосредоточеніе въ рукахъ одного вассала, вмѣстѣ съ громаднымъ комплексомъ земель, лежащихъ въ одной мѣстности, и неограниченныхъ правъ по суду и полиціи. Онъ, поэтому, старался разсѣять имѣнія своихъ прямыхъ вассаловъ на протяженіи значительнаго числа графствъ, мѣшая тѣмъ самымъ образованію такихъ крупныхъ леновъ, какіе мы одновр. находимъ во Франціи и которые, разумѣется, явились препятствіемъ къ сохраненію цѣлости и нераздѣльности французскаго государства. Еще Галламомъ отмѣчена была эта счастливая особенность земельной политики Вильгельма, и тѣмъ же Галламомъ указано на то, что, въ отличіе отъ французскихъ королей, завоеватель Англіи сознательно воздержался отъ надѣленія своихъ прямыхъ вассаловъ правомъ казнить смертью и членовредительствомъ и сохранилъ за своими судами рѣшающій голосъ въ формѣ апелляціи.

„Феодальныя помѣстья англонорманскихъ бароновъ, со времени завоеванія“, говоритъ Галламъ, „были далеко не такъ обширны, какъ во Франціи. Графъ Честерскій владѣлъ, правда, всѣми графствами этого имени, а графъ Шрьюсберійскій — всѣмъ графствомъ Шропширъ, но эти владѣнія по своему протяженію не выдерживаютъ сравненія съ герцогствомъ Гвіенскимъ или графствомъ Тулузскимъ“. Помѣстья бароновъ, сопровождавшихъ Вильгельма Завоевателя въ Англію, были, вообще, весьма разбросаны, такъ, напр., Робертъ, графъ Моретонъ, получившій наибольшій надѣлъ сравнительно съ остальными сподвижниками, владѣлъ 248 помѣстьями въ Корнваллисѣ, 44 въ Сёссексѣ, 196 въ Іоркширѣ, 99 въ графствѣ Норсгэмптонѣ. Такая разбросанность владѣній, по мнѣнію Галлама, возникла не благодаря случайности; въ основу ея былъ положенъ сознательный политическій разсчетъ. Незначительное протяженіе помѣстій и то обстоятельство, что въ составъ владѣній одного и того же барона входили владѣнія въ разныхъ графствахъ, сдѣлались естественными препятствіями къ развитію патримоніальной или вотчинной юстиціи по типу французской. Правда, т. наз. „honors“, объединявшіе собою нѣсколько помѣстій, имѣли право суда въ каждомъ изъ нихъ. Но этотъ судъ не былъ общимъ для всѣхъ помѣстій, а держался отдѣльно для каждаго.

Ограниченная со временъ завоеванія въ своемъ территоріальномъ протяженіи, вотчинная юстиція одновременно была ограничена и въ своей компетенціи. Право наказывать смертью и членовредительствомъ съ этого времени и навсегда было удержано за одними королевскими судами. Вѣкъ спустя, во втор. пол. XII ст., королевская власть стремится положить предѣлъ и всякой независимости вотчинныхъ судовъ; но и ранѣе этого, со времени завоеванія, неосуществленіе вотчиннымъ судьею предоставленной ему власти давало право лицамъ заинтересованнымъ искать правосудія въ судахъ королевства. Въ актѣ 1166 г., извѣстномъ подъ назв. „Кларендонской Ассизы“, прямо выражено право королев. судей и сановниковъ, въ частности, управителей графства, прежнихъ шерифовъ, нынѣ ставшихъ вицеграфами, входить въ предѣлы изъятыхъ отъ подвѣдомственности имъ помѣстныхъ или вотчинныхъ судовъ для задержанія столько же убійцъ, сколько грабителей и воровъ и всѣхъ объявленныхъ стоящими внѣ закона, для производства личнаго задержанія виновныхъ. Не удается также установить между вотчинными судами зависимость инстанцій; тогда какъ во Франціи одни изъ этихъ судовъ становятся низшими, а другіе—высшими, въ Англіи зародыши такого развитія парализованы въ корнѣ постановленіями королей, принятыми во второй половинѣ XIII в. „Никто помимо короля“, значится въ одномъ изъ такихъ постановленій, „не можетъ держать суда de falso judicio“; т. е. о неправильномъ приговорѣ, постановленномъ однимъ изъ тѣхъ, кто держитъ отъ короля землю на зависимыхъ отношеніяхъ. Такого рода разбирательства, „placita“, принадлежатъ по праву одной только коронѣ и отвѣчаютъ достоинству одного короля. Посылаемые по графствамъ странствующіе судьи (justi-

ces itinerant) заботятся о сохраненіи за королемъ въ этомъ отношеніи его прерогативъ (см. мою „Исторію полицейской администраціи и суда въ англійскихъ графствахъ“. Прага, 1877, стр. 132—137).

Ограничивъ вышеуказанными мѣрами права феодальн. собственниковъ и парализовавъ ими возможность развитія въ государствѣ центробѣжныхъ силъ, феодальнаго сепаратизма, Вильгельмъ Завоеватель и его ближайшіе преемники обезпечили также цѣлость и единство государства строгой поддержкой системы административной и судебной централизаціи. Съ этой цѣлью въ графствахъ во главѣ управленія, полиціи и финансовъ поставлены были постоянные агенты, въ лицѣ т. наз. вице-графовъ, или *шерифовъ*. Шерифу принадлежало высшее охраненіе мира столько же въ ввѣренной ему провинціи, сколько и въ расположенныхъ въ ней „свободахъ“. Въ качествѣ охранителя мира, онъ производилъ періодическій смотръ союзамъ круговой поруки, десятнямъ или „деценамъ“. Въ качествѣ высшаго въ графствѣ финансоваго агента, онъ озабоченъ былъ сборомъ поступающихъ съ графства налоговыхъ платежей, снималъ иногда ихъ на откупъ у государства или получалъ слѣдуемую за такой откупъ сумму отъ городскихъ управленій въ томъ случаѣ, если имъ удавалось войти съ центральнымъ правительствомъ въ соглашеніе насчетъ платежа въ казну, взамѣнъ всякихъ другихъ налоговъ и сборовъ, наперед установленной суммы; такія соглашенія облекаемы были въ договорную форму и обозначались прозвищемъ „firma burgi“.

Всѣ поступавшія къ шерифу суммы отъ налоговъ, откуповъ, штрафовъ, какъ и доходы отъ казенныхъ имѣній или „домэновъ“ и феодальные поборы съ прямыхъ ленниковъ короля, управитель графства препровождалъ въ государственное казначейство (послѣднее, какъ и въ Нормандіи, носило названіе „exchequer“, по латыни „scacarium“, что значитъ „шахматная доска“,—названіе, данное ему отъ черепичной крыши, составленной изъ четырехугольниковъ, окрашенныхъ въ два разныхъ цвѣта и чередовавшихся въ опредѣленномъ порядкѣ).

Централизація установлена была и по отношенію къ суду. Главою судебнаго персонала въ первые вѣка, слѣдовавшіе за завоеваніемъ, считался король, а его замѣстителемъ—верховный юстиціарій (justiciarius magnus). Должность его исчезаетъ со временемъ, но зависимость суда отъ короны сохраняется въ самомъ названіи одного изъ высшихъ судовъ „судомъ королевской скамьи“ (King's Bench). Это—древнѣйшій изъ верховныхъ судовъ Англіи; къ нему присоединяется со временемъ судъ, установленный при казначействѣ и потому носящій имя послѣдняго (Court of Exchequer). Наконецъ, для гражданскихъ тяжбъ создается третій верховный судъ Court of Common Pleas (судъ общихъ тяжбъ). Постоянное пребываніе его въ Лондонѣ обѣщано Великой Хартіей Вольностей 1215 г. Всѣ три суда обнимаются общимъ понятіемъ „королевскихъ судовъ“.

Уголовное правосудіе осуществлялось, по преимуществу, судомъ королевской скамьи, гражданское—судомъ общихъ тяжбъ; наконецъ, фискальное, т. е. поводъ къ которому давали споры съ казною,—судомъ казначейства. Съ царствованія Генриха III нѣтъ болѣе упоминанія о назначеніи верховнаго судьи Англіи, юстиціарія, и верховные суды подчинены непосредственно королю. Еще ранѣе, со временъ Генриха I, мы встрѣчаемъ упоминаніе о посылкѣ особыхъ странствующихъ судей въ провинціи для разбирательства на мѣстахъ. Имъ поручается разбирательство всякаго рода дѣлъ или только тѣхъ или другихъ видовъ ихъ, прямо упомянутыхъ въ сообщаемыхъ судомъ полномочіяхъ (см. *Maitland*, „The Constitutional History of England“, 133—141).

Избѣгая всякихъ техническихъ подробностей, мы ограничиваемъ сказаннымъ очеркъ ближайшаго вліянія, оказаннаго завоеваніемъ въ дѣлѣ централизаціи управленія и суда.

Вильгельмъ Завоеватель стремился, какъ мы сказали, къ концентраціи и земельнаго владѣнія: никто не долженъ

былъ впредь пользоваться недвижимыми имуществами иначе, какъ въ зависимости отъ короля—верховнаго собственника и верховнаго сюзерена. Говоря объ Англіи, король употреблялъ выраженіе „terra mea, dominium meum“ — „моя земля, мое владѣніе“.

Лѣтописцы приписываютъ ему дѣленіе Англіи на 60 слишнимъ тысячъ рыцарскихъ леновъ, изъ которыхъ онъ удерживаетъ за казною въ доменіальную собственность всего 1.500; остальные же раздаетъ своимъ сподвижникамъ, а также церквамъ и монастырямъ въ наслѣдственное ленное владѣніе. Герардъ дю-Бари, писатель XII в., говоритъ, что оставленныя за казною земли давали правительству громадный доходъ, и это, вмѣстѣ съ конфискованными драгоцѣнностями, сдѣлало изъ Вильгельма самаго богатаго короля въ мірѣ.

Вильгельмъ не обходился, однако, безъ обложенія своихъ подданныхъ прямой податью, или „geld“, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру своего прямого предшественника, Эдуарда Исповѣдника. При немъ существовали также поборы съ дворовъ и дворовыхъ участковъ, такъ наз. „gafol“.

Для распредѣленія всѣхъ этихъ платежей потребовались одновременно перепись населенія и опись имуществъ на протяженіи всей Англіи. Она произведена была между 1085 и 1087 г. Вильгельмъ возложилъ заботу о ней на особыхъ комиссаровъ, „королевскихъ бароновъ“; имъ надлежало удостовѣриться въ налоговой способности отдѣльныхъ villae путемъ опроса подъ присягою шерифа, всѣхъ бароновъ или непосредственныхъ ленниковъ Эдуарда Исповѣдника и всѣхъ французскихъ выходцевъ, получившихъ земли вслѣдъ за завоеваніемъ, наконецъ—сотенныхъ собраній, составленныхъ изъ слѣдующаго представительства отдѣльныхъ виллъ: мѣстнаго священника, управителя и шести крестьянъ, или villani. Удовлетвореніе этому требованію предполагало объѣздъ комиссарами всѣхъ сотенъ графства и докладъ въ сотенномъ собраніи восемью вышеупомянутыми лицами отъ каждой villa объ именахъ какъ отдѣльныхъ помѣстій, такъ и лицъ, которыя владѣли ими при Эдуардѣ Исповѣдникѣ и нынѣ владѣютъ. Присяжные должны были дать отвѣтъ и на слѣдующіе вопросы: сколько имѣется гайдъ въ помѣстьѣ, сколько плуговъ на хозяйскомъ дворѣ и сколько ихъ числится за зависимымъ населеніемъ, а также—какъ составлено послѣднее, сколько въ немъ виллановъ, или крѣпостныхъ, котаріевъ, или не имѣющихъ надѣла батраковъ, сервовъ, или рабовъ, свободныхъ людей (liberi homines) и подчиненныхъ вотчинному суду, но пользующихся, какъ мы это увидимъ, правомъ свободнаго отхода сокменовъ. Присяжные должны были показать еще, сколько въ имѣніи лѣса, луга, пастбищъ, мельницъ, рыбныхъ улововъ, сколько къ нему прибавлено или отнято, какая была его общая стоимость прежде и какая теперь, сколько держали или держатъ въ немъ земли свободные люди. На все это надо было дать тройной отвѣтъ, имѣя въ виду положеніе вопроса, во-первыхъ, во времена Эдуарда Исповѣдника, во-вторыхъ, въ моментъ земельныхъ пожалованій Вильгельма и, въ третьихъ, наличное состояніе. Отъ присяжныхъ требовалось также, чтобы они заявили, нельзя-ли казнѣ получать въ будущемъ съ отдѣльныхъ имѣній больше того, что она получаетъ нынѣ.

Повелѣніе короля было исполнено въ малѣйшихъ подробностяхъ; опись произведена была такъ подробно, что потребовалось 450 страницъ большого формата для передачи всѣхъ показаній присяжныхъ. По всей вѣроятности, неудобства, связанныя съ такой детальной и потому медленной регистраціей, повели къ упрощенію первоначальнаго плана работы и дали возможность описать цѣлыхъ тридцать графствъ въ одномъ томѣ, заключающемъ въ себѣ всего-на-всего 382 страницы. Раундъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, признаетъ этотъ томъ позднѣйшимъ. Въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, какъ и въ текстѣ самого Думсдебукъ, онъ справедливо не видитъ доказательствъ того, чтобы редакція „Книги Суда“ была закончена, какъ это думали прежде, въ теченіе одного года. Этотъ годичный срокъ можно, самое большее, принять въ от-

ношеніи къ производству одной описи, т. е. составленію черновыхъ отчетовъ.

Названіе *Думсдебукъ*, т. е. *Книга Суда*, придано предписанной Вильгельмомъ переписи не ранѣе XII ст. До этого времени она извѣстна была подъ разными наименованіями, между прочимъ,—книги о Казнѣ (Liber de thesauro) и книги Святого Эдуарда Quere in libro sancti Edwardi). Этотъ памятникъ является первымъ по времени источникомъ, между прочимъ, и для изученія экономическаго и общественнаго строя англійскаго помѣстья.

Въ своей книгѣ, посвященной характеристикѣ англійскаго общества въ XI в., проф. Виноградовъ, опираясь на данныя Книги Суда, указываетъ на наличность въ Англіи въ это время слѣдующихъ сословно-классовыхъ группъ: унаслѣдованныхъ отъ англо-саксонск. періода тановъ, находящихся въ равномъ съ ними положеніи вассаловъ и министеріаловъ по континентальному образцу, при чемъ между тѣми и другими можно различать лицъ, состоящихъ въ свитѣ короля, и лицъ, находящихся въ тѣхъ же отношеніяхъ къ королевѣ, къ графамъ и епископ. *Таны* попрежнему—члены служилаго сословія, несущіе прежде всего военную службу. Нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ всего-на-всего количествомъ земли, обрабатываемымъ однимъ плугомъ, нерѣдко даже половиной и третью такого участка; въ такомъ случаѣ они часто обложены своего рода „общественными помочами“ по отношенію къ королю и участвуютъ въ оранкѣ принадлежащихъ ему помѣстныхъ земель. Это обстоятельство сближаетъ ихъ съ поселянами, т. наз. „villani“. И все-же ихъ общественное положеніе не одинаково. Они участвуютъ въ помѣстномъ судѣ и присутствуютъ на народныхъ собраніяхъ. Подъ какимъ-бы именемъ мы ихъ ни встрѣчали, подъ именемъ-ли *дренговъ*, просто „людей“ (homines) или владѣльцевъ свободной земли—„аллодіаріевъ“, обще всѣмъ имъ то, что въ ихъ рукахъ находится свободная земля, terra libera. Низшую категорію по отношенію къ служилому сословію составляютъ *люди просто свободные, liberi homines*; они особенно многочисленны въ восточной части Англіи, держатъ въ своихъ рукахъ весьма небольшіе участки земли; одни вправѣ отчуждать эти участки, другіе не вправѣ, изъ чего слѣдуетъ что свободное состояніе, за ними признаваемое, обусловлено не характеромъ снимаемыхъ ими участковъ, а собственнымъ ихъ правомъ осуществлять функціи свободныхъ людей и на судѣ, и на народныхъ собраніяхъ.

Особенно многочисленъ мелкій свободный людъ, какъ уже было сказано нами, въ графствахъ, населенныхъ датчанами. Ниже по своему общественному положенію стоятъ такъ наз. *socmen'ы*; ихъ особенность составляетъ подвѣдомственность вотчинному суду, soc. Съ этой чертою соединяется и другая: невозможность покинуть землю, на которой они сидятъ, крѣпость къ ней, adscriptio glebae; они—люди свободные, но крѣпкіе къ землѣ. Большинство несетъ повинность и производитъ платежи, но болѣе легкіе, чѣмъ тѣ, которые падаютъ на виллановъ. Мы встрѣчаемъ socmen'овъ на протяженіи всей Англіи, но они опять-таки всего болѣе многочисленны въ занятыхъ датчанами графствахъ сѣвера и востока: здѣсь мы находимъ ихъ въ помѣстьяхъ, сидящими не въ одиночку, а цѣлыми группами въ десятки и даже сотни человѣкъ. Одни изъ нихъ владѣютъ участками въ открытыхъ поляхъ, образуя своего рода свободное надѣльное крестьянство, другіе имѣютъ хутора или фермы.

Наконецъ, обширную группу составляютъ *вилланы*; изъ 240.000 дворовъ, о которыхъ заходитъ рѣчь въ земельной описи Вильгельма, 100.000 приходятся на долю виллановъ. Это—почти сплошь надѣльное крестьянство; дворы виллановъ держатъ полные или неполные надѣлы, при чемъ полнымъ считается сумма дѣлянокъ въ разныхъ поляхъ, способная быть воздѣланной однимъ плугомъ. Вилланы съ полнымъ надѣломъ сотвѣтственно ставятъ одинъ плугъ съ восьмиголовой упряжью; вилланы, владѣющіе половиннымъ надѣломъ, dimidia hyda, — на половину меньше. Отъ владѣнія полнымъ или половиннымъ надѣломъ сами вилланы получаютъ названія: „pleni et dimidii“. Земля помѣстья, какъ общее правило, состоитъ изъ двухъ частей:

земли въ личномъ владѣніи помѣщика, domaine, или demesne, и земли поселянъ, terra villanorum.

Классъ виллановъ составился столько-же изъ свободныхъ поселянъ, ceorl'ей, ставшихъ крѣпостнымъ и барщиннымъ крестьянствомъ, сколько изъ поселенныхъ на земляхъ помѣстья рабовъ, англо-саксонскихъ „theows"; другими словами, и въ образованіи англійскаго крѣпостного крестьянства мы встрѣчаемъ одновременно и свободныхъ людей, экономическая зависимость которыхъ отъ помѣщиковъ имѣла послѣдствіемъ крѣпость къ землѣ, и рабовъ или холоповъ, обращенныхъ въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и обложенныхъ барщиной,—точь въ точь, какъ это было у насъ согласно изслѣдованіямъ проф. Ключевскаго.

Отличительная черта виллановъ—это тяжесть возложенныхъ на нихъ службъ; она поглощаетъ значительное число дней недѣли. Меньшія службы несутъ два другіе класса, также несвободныхъ людей, о которыхъ заходитъ рѣчь въ Книгѣ Суда,—я разумѣю *бордаріевъ* и *котаріевъ*; они держатъ небольшіе участки земли въ пять, рѣдко въ десять или двѣнадцать акровъ. Эти участки не входятъ въ составъ надѣльныхъ земель и, наоборотъ, довольно часто встрѣчаются на земляхъ, удержанныхъ въ личномъ завѣдываніи помѣщика. Самое названіе „bordarii" происходитъ отъ слова „borda", равнозначительнаго съ „mansura", т. е. жилищемъ (см. *Vinogradoff*, „English Society in the Eleventh Century", стр. 457). Въ этомъ случаѣ bordarii являются не болѣе, какъ сельскохозяйственными батраками, поселенными помѣщикомъ на собственной землѣ, подъ условіемъ производства опредѣленныхъ сельскохозяйственныхъ работъ. Они или получали отъ помѣщика необходимый рабочій инвентарь, или, владѣя лишь частью его, обращались къ „супрягѣ". Въ числѣ ихъ могло быть не мало и поселенныхъ рабовъ.

„Книга Суда" при описаніи отдѣльныхъ помѣстій говоритъ о наличности, рядомъ съ бордаріями, и такъ называемыхъ „котаріевъ", что̀ одно уже, повидимому, исключаетъ возможность отождествлять ихъ съ первыми. Въ дѣйствительности трудно, однако, провести какія либо различія между тѣми и другими. Не считать ли, что „котаріи"—только перенесенный съ континента французскій терминъ, отъ слова „côte", для обозначенія того же понятія, что̀ и bordarii, т. е. владѣльца жилища и небольшого участка земли? Въ такомъ случаѣ оба термина стояли бы другъ къ другу въ томъ же отношеніи, въ какомъ франко-норманское „miles" къ англосаксонскому тану. Котаріями могли быть и сельскіе рабы, исполнявшіе между прочимъ опредѣленную обязанность—ходить за плугами, и владѣльцы разбившихся на мелкіе участки крестьянскихъ надѣловъ, виргатъ и полувиргатъ. Между бордаріями и котаріями не мало было и вольноотпущенниковъ, нерѣдко упоминаемыхъ подъ названіемъ coliberti. Виноградовъ высказываетъ ту догадку, что отпускаемы были на волю не отдѣльныя лица, а цѣлыя группы ихъ, почему употребительнымъ и сдѣлался терминъ не „liberti", а „coliberti" (ibid., стр. 468).

Ни одинъ изъ указанныхъ классовъ не обособленъ отъ другого настолько рѣзко, чтобы между ними не существовало переходныхъ формъ: таны, свободные люди и socmen'ы различаются только степенью „свободы",—отсюда такое сочетаніе словъ, какъ „свободные таны" и „свободные сокмены". Вилланы, въ свою очередь, имѣютъ двойной источникъ происхожденія: изъ лицъ, постепенно теряющихъ личную свободу благодаря экономической зависимости, и переводимыхъ изъ рабства въ крѣпостничество холоповъ. Самый этотъ переходъ, какъ и образованіе обширнаго класса вольноотпущенниковъ, объясняется столько же христіанской проповѣдью, сколько и развитіемъ земледѣльческихъ занятій, требовавшихъ пріуроченія къ сельскохозяйственному труду постоянныхъ рабочихъ и потому прикрѣпленныхъ скорѣе къ землѣ, чѣмъ къ ея обладателю-помѣщику (ibid., 470).

Когда составлена была опись земель, владѣній, военныхъ и фискальныхъ обязательствъ всѣхъ землевладѣльцевъ Англіи, Вильгельмъ созвалъ ихъ на большое собраніе въ Солсбери

въ 1086 г. и здѣсь принялъ присягу въ феодальной вѣрности (hommage) отъ всѣхъ, какъ прямыхъ, такъ и второстепенныхъ вассаловъ; они клятвою скрѣпили обязательство слѣдовать за королемъ во всѣхъ его войнахъ, даже тѣхъ, которыя подняты были бы противъ ихъ ближайшихъ сеньеровъ.

Ш. Англія при ближайшихъ преемникахъ Вильгельма, при Плантагенетахъ, Ланкастерахъ и Іоркахъ. Въ общемъ очеркѣ судебъ Великобританіи приходится отвести мало мѣста личной исторіи ея правителей. Мы не будемъ, поэтому, говорить о возстаніяхъ, омрачившихъ послѣдніе годы жизни Завоевателя, въ которыхъ не послѣднюю роль играли его собственные сыновья, старшій — Робертъ и младшій — Вильгельмъ. Мы отмѣтимъ только тотъ фактъ, что въ этихъ возстаніяхъ сказалась уже центробѣжная сила, какая выступаетъ въ искусственныхъ политическихъ тѣлахъ, каковымъ была разноплеменная англо-норманская монархія, раздѣленная моремъ на двѣ неродственныя другъ другу части, изъ которыхъ одна имѣла французскую культуру и французскія учрежденія, а другая—германо-скандинавскія. Въ волненіяхъ, произошедшихъ въ предѣлахъ французскихъ владѣній Вильгельма и поддержанныхъ собственнымъ его сыномъ, Робертомъ, требовавшимъ уступки ему Нормандскаго герцогства, какъ и въ попыткахъ прямого сюзерена Вильгельма—короля Франціи, Филиппа, вооружить сына противъ отца надо видѣть одну изъ тѣхъ обычныхъ феодальныхъ усобицъ, которыми полна будетъ исторія и ближайшихъ царствованій. Мощной рукою Вильгельма Рыжаго и Генриха I этотъ феодальный сепаратизмъ въ самой Англіи временно будетъ подавленъ, и будетъ положено начало почти неограниченной монархической власти. Но въ эпоху соперничества изъ-за престола двухъ претендентовъ, Стефана и Матильды, возродится эта усобица, и для Англіи одно время возникнетъ опасность сдѣлаться жертвой самосуда и кулачнаго права въ такой же степени, въ какой стала ею Германія въ эпоху Великаго Междуцарствія. Родоначальнику новой династіи Плантагенетовъ, Генриху II, удастся, однако возстановить миръ въ королевствѣ и потребовать отъ бароновъ снесенія ихъ феодальныхъ замковъ.

Въ царствованіе Вильгельма I подвергаются нормированію отношенія англійской церкви къ папской власти. Ученый монахъ изъ Павіи, Ланфранкъ, посаженъ былъ Вильгельмомъ во главѣ англійской церкви, а епископскія мѣста перешли изъ рукъ англосаксовъ въ руки норманновъ и другихъ иноземцевъ. Ланфранкъ продолжалъ въ Англіи дѣло Дёнстана и другихъ поощрителей монашества, до нѣкот. степени въ ущербъ прочему духовенству. До занятія Ланфранкомъ архіепископскаго стола въ Кентербери случаи нарушенія церковн. законовъ вѣдались свѣтскими судами, въ частности, тѣми большими совѣтами тановъ, посѣщаемыми архіепископами, епископами и аббатами, которые въ Англіи эпохи завоеванія заняли мѣсто рано исчезнувшихъ народныхъ вѣчъ. Въ этихъ „витенагемотахъ“ судились люди за двоебрачіе, за нарушеніе клятвы, за колдовство и ересь. Ланфранкъ потребовалъ созданія особыхъ церковныхъ судовъ, поставленныхъ въ зависимость отъ епископа, и отнялъ у королевской юстиціи право производить слѣдствіе въ церковныхъ дѣлахъ. Вильгельмъ далъ на это свое согласіе, и такая уступка, разумѣется, укрѣпила связь Англіи съ Римомъ. Но когда папскій престолъ, занятый въ это время ревнителемъ теократіи, Григоріемъ VII Гильдебрандомъ, сдѣлалъ королю опредѣленное предложеніе подчинить Англію главенству папы, какъ страну, пріобрѣтенную съ папскаго благословенія, и принесть ему, соотвѣтственно, присягу въ вѣрности (hommage), Вильгельмъ категорически отклонилъ это предложеніе; онъ въ то же время высказалъ рѣшимость объявить стоящимъ внѣ закона всякое духовное лицо, которое вздумало бы апеллировать въ Римъ или приносить жалобы папскому двору на рѣшенія, принятыя въ Англіи. Онъ запретилъ также членамъ духовенства отлучать отъ церкви его рыцарей за нарушеніе церковн. законовъ, не испросивъ на то предварительнаго согласія короля. Так. образ. и въ сферѣ

отношеній государства и церкви поставлены были въ Англіи въ царствованіе Вильгельма I тѣ спорные вопросы, которые поведутъ къ горячимъ столкновеніямъ свѣтской и духовной власти въ правленіе королей изъ норманской династіи и, въ особенности, при первомъ изъ королей, принадлежащихъ къ анжуйскому дому Плантагенетовъ,—я разумѣю Генриха II.

Отмѣтимъ, наконецъ, завершеніе при Вильгельмѣ I вѣковыхъ попытокъ датчанъ основаться въ Англіи или, по меньшей мѣрѣ, вымогать выкупъ съ ея правителей. Въ 1084 г. Канутъ, король Даніи, въ послѣдній разъ пригрозилъ походомъ на островъ, т. е. возобновленіемъ тѣхъ предпріятій „пѣнителей моря“, викинговъ, которыми наполнено цѣлое столѣтіе англійской жизни. Вильгельмъ отвѣтилъ на эти угрозы тяжелымъ обложеніемъ собственныхъ подданныхъ „датскими деньгами“, въ намѣреніи затратить ихъ на снаряженіе войска; такого высокаго налога Англія еще не знала. Датскій король не привелъ въ осуществленіе своихъ намѣреній, и можно сказать, что съ этого времени миновала всякая опасность новыхъ нашествій.

При ближайшемъ преемникѣ Завоевателя сразу поставленъ былъ вопросъ о томъ, оставаться ли всѣмъ его владѣніямъ подъ одной державой, или распасться на двѣ составныя части: французскую и англійскую. Вильгельмъ завѣщалъ старшему сыну Роберту — Нормандію, а Вильгельму Рыжему—Англію. Младшій же сынъ короля, Генрихъ, получилъ отъ него въ наслѣдство не удѣлъ, а только большую для того времени сумму въ 5.000 фунтовъ. При извѣстіи о кончинѣ своего отца, Вильгельмъ Рыжій поспѣшилъ въ Англію и былъ коронованъ Ланфранкомъ; но норманскіе бароны, бывшіе сподвижники его отца, подъ предводительствомъ Одо, епископа Байё, родного дяди короля, подняли на него знамя возстанія подъ предлогомъ, что, какъ старшему сыну, Роберту по началу первородства должны были достаться владѣнія покойнаго монарха по обѣимъ сторонамъ Ламанша. Вильгельмъ Рыжій въ этомъ столкновеніи возложилъ свои надежды на англосаксонскую милицію, т. е. на покоренное туземное племя. Съ его помощью онъ подавилъ возстаніе норманскихъ бароновъ и не далъ времени Роберту прибыть въ Англію для „добыванія“ себѣ стола. Все свое царствованіе Вильгельмъ Рыжій провелъ въ войнахъ съ сосѣдними правителями Шотландіи и Южнаго Уэльса; ему удалось присоединить къ Англіи одно время признававшій надъ собой шотландское верховенство Кумберландъ и, что еще важнѣе, престолъ Шотландіи перешелъ въ его царствованіе въ руки правителя, который, подъ вліяніемъ своей матери изъ англосаксонскаго рода, королевы Маргариты, жены Малькольма, получилъ англійское воспитаніе и обезпечилъ преобладаніе англійской рѣчи во всей плоскостной половинѣ страны. Одновременно англійское вліяніе распространяется и на Уэльсъ, гдѣ норманскіе бароны силой оружія захватываютъ себѣ новыя владѣнія или вступаютъ въ бракъ съ княжескими семьями герцогства и становятся, так. обр., законными преемниками бездѣтныхъ правителей.

Вильгельму удается также возсоединить съ Англіей и Нормандское герцогство не оружіемъ, а деньгами; онъ выплачиваетъ своему старшему брату, Роберту, 666 фунтовъ, что позволяетъ послѣднему отправиться въ первый крестовый походъ, а Вильгельму—стать во главѣ Нормандскаго герцогства.

При Вильгельмѣ Рыжемъ обостряются отношенія между церковью и государствомъ; не довольствуясь жестокими поборами со своихъ подданныхъ, вызываемыми ростомъ военныхъ издержекъ, Вильгельмъ примѣнилъ и къ епископскимъ столамъ ту же систему незамѣщенія ихъ, въ случаѣ вакансіи, въ теченіе ряда лѣтъ съ цѣлью пользоваться это время ихъ доходомъ, къ какой онъ не разъ обращался, когда возникалъ вопросъ о передачѣ свѣтскаго феода за смертью его владѣльца въ руки наслѣдниковъ. Король встрѣтилъ въ лицѣ новаго архіепископа кентерберійскаго, Ансельма, энергичнаго противника такой политики. Не пожелалъ Ансельмъ допустить также передачи ему королемъ внѣшняго знака его церковнаго верхо-

венства въ Англіи, т. наз. „pall“, настаивая на томъ, что церковные дары не могутъ исходить отъ главы свѣтской власти. Споръ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что Ансельмъ самъ, съ главнаго алтаря собора въ Кентербери, принялъ этотъ „pall“, къ немалой ярости монарха, наложившаго на него высокій штрафъ подъ предлогомъ неисполненія имъ обязанностей вассала. Ансельмъ покинулъ Англію для папскаго двора и вернулся въ нее обратно только послѣ смерти короля. Вильгельмъ лишился жизни неожиданно во время охоты въ Newforest, въ граф. Гэмпширъ, отъ неправильно пущенной стрѣлы его ближайшаго любимца Тирреля (Tyrrel). Пользуясь тѣмъ, что старшій братъ умершаго, Робертъ, былъ на Востокѣ, Большой Совѣтъ королевства, этотъ преемникъ англо-саксонскаго витенагемота, избралъ на царство младшаго сына Вильгельма Завоевателя, Генриха, а послѣдній поклялся править страною по законамъ Эдуарда Исповѣдника, т. е. по туземному обычному праву. Так. образ. еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ при Вильгельмѣ Рыжемъ, сказалась готовность новаго правителя порвать съ франко-норманскими порядками и перейти въ положеніе законнаго преемника англо-саксонскихъ властителей. Молодой король обѣщалъ также положить конецъ произвольнымъ поборамъ, чрезмѣрнымъ штрафамъ и продолжительному незамѣщенію вакантныхъ леновъ законными наслѣдниками умершихъ вассаловъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Онъ поспѣшилъ, поэтому, назначить новыхъ епископовъ и монастырскихъ настоятелей; возлагая отвѣтственность за вымогательства, отъ которыхъ страдали жители Англіи при его отцѣ, на ближайшаго совѣтника послѣдняго—Ральфа Фламбарда, Генрихъ бросилъ его въ тюрьму.

При Генрихѣ I норманская аристократія, подъ предводительствомъ графа Шрьюсберійскаго, Роберта, изъ Бэлэма, дѣлаетъ попытку обезпечить себѣ ту же независимость, которая одновременно была завоевана ею на континентѣ; подъ предлогомъ поддержки правъ вернувшагося съ Востока старшаго брата короля, Роберта, бароны подымаютъ знамя возстанія. Король, зная, насколько его братъ нуждается въ деньгахъ, устраняетъ опаснаго соперника при самой высадкѣ его въ Англію предложеніемъ ему 3.000 фунтовъ и немедля направляетъ всѣ свои силы противъ Роберта изъ Бэлэма и другихъ бароновъ. Послѣ удачной осады двухъ-трехъ замковъ, заговорщики принуждены сдаться; король даритъ имъ жизнь,—но конфискуетъ всѣ ихъ владѣнія, а главнаго вождя ихъ заставляетъ покинуть королевство. Так. обр. Генрихъ I выступаетъ не только союзникомъ и покровителемъ покоренныхъ англо-саксовъ, но и противникомъ прежнихъ сподвижниковъ Завоевателя, зазнавшихся норманскихъ бароновъ. Чтобы укрѣпить свою связь съ туземнымъ населеніемъ, онъ ищетъ брака съ принцессой изъ дома Альфреда. Дочь шотландскаго короля Малькольма и Маргариты, сестры Эдгара, становится англ. королевой. Это обстоятельство, быть можетъ, и внушило автору анонимнаго трактата, появившагося какъ разъ въ это время и озаглавленнаго „Діалогъ о Казначействѣ“, мысль о томъ, что путемъ браковъ достигнуто такое единеніе побѣдителей съ побѣжденными, что никто болѣе не въ состояніи сказать, чѣмъ нормандецъ отличается отъ англо-сакса.

Ближайшимъ послѣдствіемъ подавленія феодальной неурядицы было упроченіе монархическаго начала. Но всесильный въ борьбѣ съ своими баронами, Генрихъ I встрѣчаетъ большія трудности, когда рѣчь идетъ о новыхъ притязаніяхъ главы вселенской церкви, папы Григорія VII, и вѣрнаго истолкователя его мыслей Ансельма, епископа кентерберійскаго, вернувшагося къ прежнему служенію послѣ смерти Вильгельма Рыжаго. Ансельмъ не желалъ приносить присяги королю, какъ своему сюзерену, утверждая, что свои права онъ держитъ отъ Бога, а не отъ короля. Послѣ долгихъ препирательствъ архіепископъ и король сошлись въ Нормандіи въ 1106 г. и достигли соглашенія; выработанныя ими правила впослѣдствіи послужили образцомъ при составленіи Вормсскаго конкордата, рѣшившаго споръ императора съ папою по вопросу объ инвеститурѣ.

Было принято, что, какъ владѣлецъ принадлежащихъ кентерберійской церкви леновъ, архіепископъ приноситъ феодальную присягу королю; символы же своей духовной власти, кольцо и посохъ, онъ беретъ съ алтаря каѳедральнаго собора, присваивая ихъ себѣ собственноручно, какъ дары Божіи.

Царствованіе Генриха I ознаменовано новой и удачной попыткой возсоединить Нормандское герцогство съ Англіей. Генрихъ не прощалъ своему брату Роберту попытки возстановить противъ него англійскихъ феодаловъ и съ ихъ помощью овладѣть престоломъ. Въ 1106 г. оба соперника сошлись въ битвѣ подъ Тэншбрэ (Tinchebray). Она кончилась полнымъ пораженіемъ Роберта и заключеніемъ его въ замокъ Кардифъ, въ которомъ онъ пробылъ до конца своихъ дней. Попытки его сына вернуть себѣ Нормандію не имѣли успѣха.

Генрихъ I положилъ также начало позднѣйшему притязанію Анжуйскаго дома на наслѣдованіе франц. престола выдачей въ замужество своей дочери, Матильды, за сына Фулька, графа Анжу, съ которымъ ему не разъ приходилось воевать на континентѣ.

Когда скончался король, въ 1135 г., для его дочери открылась возможность наслѣдованія англ. престола, такъ какъ единственный сынъ Генриха, Вильгельмъ, погибъ на морѣ, причаливая къ берегу Англіи. Большой Совѣтъ королевства не былъ расположенъ передать престолъ въ руки женщины, жены иноземнаго правителя; имѣя это въ виду, король сдѣлалъ попытку связать присягой важнѣйшихъ сановниковъ королевства въ томъ, что они будутъ стоять за возведеніе на престолъ его дочери. Но какъ только стало извѣстно о кончинѣ короля, Большой Совѣтъ высказался въ пользу Стефана изъ Блуа, племянника покойнаго монарха,—человѣка близкаго Генриху и принесшаго ему присягу въ готовности поддерживать права Матильды. Такъ какъ послѣдняя была въ моментъ смерти ея отца въ Анжу, то брату Стефана, епископу винчестерскому, удалось склонить въ его пользу большинство членовъ Совѣта. Жители Лондона желали воцаренія Стефана и привѣтствовали его по случаю коронаціи. Необыкновенная расточительность, съ которой Стефанъ сталъ располагать казенными имуществами въ пользу своихъ приверженцевъ, и его снисходительное отношеніе къ захвату власти феодальными сеньерами въ скоромъ времени разссорили его съ лондонцами и всѣмъ, вообще, англійскимъ простонародьемъ. Послѣ ряда мелкихъ возстаній вспыхнуло одно общее, въ 1138 г. Матильда нашла поддержку въ королѣ шотландскомъ, Давидѣ, и Робертѣ, графѣ Глостерскомъ, одномъ изъ незаконныхъ сыновей покойнаго короля Генриха. Шотландцы стали грабить сѣверныя провинціи королевства, пока бароны и іомены Іоркшира, предводительствуемые епископомъ, не остановили ихъ набѣга жестокимъ пораженіемъ. Стефану удалось въ концѣ концовъ откупиться отъ шотландцевъ надѣленіемъ сына короля Давида сѣверными графствами, Нортумберландомъ и Кумберландомъ, какъ своего вассала; но отъ этого его шансы удержать за собой престолъ Англіи, разумѣется, не возросли.

Когда Матильда высадилась на англ. берегъ въ граф. Сёссексъ, на ея сторону стало не мало феодальной знати съ братомъ короля, епископомъ винчестерскимъ, во главѣ. Битва подъ Линкольномъ, въ 1141 г., кончилась къ ея выгодѣ. Епископъ кентерберійскій, а за нимъ многіе епископы и бароны принесли ей присягу въ вѣрности. Но своей надменностью и нежеланіемъ отпустить на свободу взятаго въ плѣнъ Стефана она вскорѣ возстановила противъ себя многихъ изъ своихъ сторонниковъ. Особенно возмутило жителей Лондона обложеніе ихъ высокой прямой податью (tallage). Жители Лондона вооружились и изгнали королеву изъ стѣнъ города. Стефана ей вскорѣ пришлось выдать въ обмѣнъ на Роберта Глостерскаго. Не удалось Матильдѣ удержаться ни въ Винчестерѣ, ни въ Оксфордѣ, которые подверглись осадѣ приверженцевъ Стефана, во главѣ которыхъ стояла его жена, также по имени Матильда. Англіи предстояло пережить долгіе годы междоусобицы, въ теченіе

которыхъ отдѣльные феодальные владѣльцы, преслѣдуя цѣли грабежа и захвата чужихъ земель, не разъ переходили изъ одного лагеря въ другой. Заканчивающаяся къ этому времени англо-саксонская хроника говоритъ, что страна покрылась укрѣпленными замками, которыми владѣли діаволы. Людей, слывшихъ богатыми, феодалы бросали въ тюрьмы и подвергали жестокой пыткѣ съ цѣлью вымогательства. Лѣтописецъ, заканчивая свое повѣствованіе, говоритъ: „Достаточно было тремъ-четыремъ всадникамъ показаться на дорогѣ, ведущей въ деревню, и населеніе ея разбѣгалось“.

Междоусобная война кончилась не ранѣе 1153 г., когда сынъ Матильды, будущій король Генрихъ II, явившись въ Англію, согласился признать за Стефаномъ право сохранить престолъ до конца своихъ дней, но подъ условіемъ, что онъ, какъ потерявшій своего единственнаго сына, признаетъ Генриха наслѣдникомъ. Когда годъ спустя Стефанъ скончался, на англійскій престолъ вступила новая, *анжуйская династія*, извѣстная также подъ именемъ *Плантагенетовъ*.

Съ этого времени Англія входитъ въ составъ обширныхъ владѣній, принадлежащихъ Анжуйскому дому во Франціи—владѣній, постепенно охватившихъ собою добрую ея половину: Нормандію, Бретань, Мэнъ, Анжу и Турэнъ, Пуату, Овернь, Аквитанію и Гасконь. Короли изъ династіи Плантагенетовъ—за исключеніемъ развѣ одного Генриха II—далеко не проводятъ всего своего времени въ Англіи. Ричардъ I Львиное Сердце за все свое царствованіе прожилъ въ ней не болѣе семи мѣсяцевъ. Братъ его, Іоаннъ Безземельный, также весьма часто отлучался изъ ея предѣловъ. Это обстоятельство должно быть учтено при объясненіи причинъ, по которымъ англійскому народу удалось положить въ теченіе этихъ трехъ царствованій довольно прочныя основы своему самоуправленію, какъ въ общихъ дѣлахъ королевства, такъ и въ его мѣстныхъ дѣлахъ. Но еще въ бо́льшей степени содѣйствовали этому задолженность англійскихъ королей, постоянно занятыхъ войнами, какъ на континентѣ Европы, такъ и въ Шотландіи и Уэльсѣ, кромѣ того, принимавшихъ дѣятельное участіе въ крестовыхъ походахъ и настолько вовлеченныхъ въ кругъ общеевропейской политики, что имъ приходилось одновременно имѣть врагами и своего сосѣда—короля французскаго и отдаленнаго австрійскаго герцога. Ричардъ I попалъ въ плѣнъ именно къ послѣднему, перешелъ изъ его рукъ въ руки императора германскаго и вернулъ себѣ свободу цѣною выкупа, павшаго всей своей тяжестью на его подданныхъ. Англичане использовали частую нужду въ деньгахъ своихъ воинствующихъ правителей для того, чтобы выговорить себѣ, взамѣнъ имущественныхъ пожертвованій, право выбора городскихъ головъ, нѣкоторыхъ органовъ полиціи безопасности и судебныхъ слѣдователей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добиться въ предѣлахъ своихъ муниципій права выбора формы обложенія и самост. разверстки падавшихъ на нихъ налоговъ. Когда къ финансовымъ затрудненіямъ ихъ правителей присоединились новыя, вызванныя притязаніями папскаго двора на всемірное господство, англичане не только сумѣли отстоять свою независимость и самоопредѣленіе въ дѣлахъ государственныхъ, но и наложили на своего монарха извѣстныя законодательныя ограниченія, не отступая передъ мыслью о возстаніи и даже о государственной измѣнѣ, — приглашеніи на престолъ иноземнаго правителя, — лишь бы добиться обезпеченія личной свободы, участія народныхъ представителей въ законодательствѣ, самообложеніи, контролѣ за финансовой администраціей и общимъ ходомъ внутренней и внѣшней политики. Правленіе Плантагенетовъ, длившееся отъ 1154 по 1399 г., есть та эпоха англ. жизни, когда складываются особенности государственнаго и общественнаго уклада, обособляющаго Англію отъ другихъ государствъ Европы.

Первый представитель династіи не только выходитъ побѣдителемъ изъ столкновенія съ феодальной анархіей, но и упрочиваетъ въ странѣ, можно было думать—надолго, зданіе неограниченной монархіи. Ему приходится

встрѣтить отпоръ только въ церкви и ея притязаніи главенствовать надъ свѣтской властью; но король настолько силенъ, что и этотъ споръ оканчивается, въ концѣ концовъ, соглашеніемъ, вводящимъ въ извѣстныя границы непримиримыя, повидимому, требованія враждующихъ сторонъ. Однако, къ концу XIV стол. о неограниченности королевской власти не можетъ быть болѣе рѣчи, послѣ того, какъ Эдуардъ II и Ричардъ II силой низведены были съ престола послѣ продолжительныхъ, но неудачныхъ попытокъ упрочить свое самовластіе. Англія стала не только сословной, но, можно сказать, и конституціонной монархіей. Она сдѣлалась, въ отличіе отъ Франціи, также страною свободныхъ людей, по выраженію одного изъ ея раннихъ политическихъ писателей, Фортескью, отъ середины XV ст. Генрихъ II застаетъ большинство народа въ крѣпостномъ состояніи; Ричардъ II, послѣдній изъ Плантагентовъ, становится лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ возстаніемъ, издаетъ требуемое отъ него отпущеніе на волю, нарушаетъ данное слово по настояніямъ своего парламента и мститъ возставшимъ жестокими казнями. Тѣмъ не менѣе, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ Англіи не остается почти и слѣдовъ крѣпостного права, и этотъ переворотъ совершается не подъ давленіемъ новыхъ и удачныхъ мятежей и не благодаря законодательнымъ мѣропріятіямъ, а вслѣдствіе переживаемой страною экономической эволюціи—перехода отъ экстенсивнаго земледѣлія къ овцеводству, съ цѣлью сбывать шерсть за границу.

Правленіе Плантагенетовъ начинается, сказали мы, включеніемъ Англіи въ составъ обширныхъ земель, лежащихъ по ту сторону Ламанша, но уже при третьемъ своемъ правителѣ Анжуйская династія теряетъ безповоротно Нормандское герцогство. На сѣверѣ Франціи ей удается овладѣть только однимъ городомъ Калэ и удержать его въ своихъ рукахъ въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій. Всего долѣе англичане сохраняютъ свои владѣнія въ Аквитаніи и Гаскони, причемъ Бордо является ихъ важнѣйшимъ портомъ на континентѣ, — если не считать такимъ Калэ.

Плантагенеты не теряютъ надежды не только вернуть себѣ потерянныя провинціи, но и соединить въ своемъ лицѣ обѣ короны—Англіи и Франціи. Съ этою цѣлью Эдуардъ III предъявляетъ притязанія на французскій престолъ и открываетъ своими походами начало столѣтней войны съ Франціей, несравненно большимъ бременемъ павшей на французское, чѣмъ на англійское населеніе, такъ какъ она происходила все время на континентѣ. Правленіе Плантагенетовъ ознаменовано несравненно большими успѣхами въ предѣлахъ Великобританіи; при нихъ совершается окончательное завоеваніе Уэльса, происходитъ первое по времени занятіе англичанами Ирландіи, гдѣ они сколько-нибудь прочно устраиваются только въ восточной части острова, въ т. наз. Пеллѣ. Что касается до Шотландіи, то она только въ царствованіе Эдуарда I поступаетъ во власть англ. правителей, которымъ затѣмъ приходится удовольствоваться одними правами верховныхъ сюзереновъ по отношенію къ монархіи, основанной выходцами изъ Англіи. Не ранѣе XVII ст. и вступленія на престолъ Іакова I происходитъ личная унія обоихъ королевствъ. Реальная же унія наступаетъ почти цѣлыхъ два вѣка спустя.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ важнѣйшій событія, развернувшіяся въ Англіи въ правленіе королей изъ династіи Плантагенетовъ. Ихъ можно передать словами: завоеваніе народомъ личной неприкосновенности, участія въ мѣстномъ управленіи и судѣ, законодательствѣ, налоговомъ обложеніи и до нѣкоторой степени контролѣ за общимъ направленіемъ не столько внѣшней, сколько внутренней политики. Прибавимъ къ этому раскрѣпощеніе, достигнутое цѣною созданія крупной земельной собственности, временное объединеніе сѣверной и южной части острова подъ властью англійскихъ монарховъ въ Шотландіи и неизмѣнный ростъ англійскаго языка и культуры, не только въ Уэльсѣ и Шотландіи, но и въ восточной части Ирландіи. Подведши итогъ всему, что

сдѣлано было въ тѣ столѣтія, когда во главѣ Англіи стояла Анжуйская династія, перечислимъ наиболѣе выдающіяся явленія англійской жизни въ каждое изъ царствованій.

Генрихъ II провелъ бо́льшую часть своего княженія за предѣлами Англіи, которая все время управлялась его юстиціаріями, своего рода регентами. Ему удается при ихъ содѣйствіи положить конецъ феодальному безправію и снести съ лица земли 375 „прелюбодѣйныхъ замковъ“, т. е. такихъ, которые воздвигнуты были помимо разрѣшенія короля. Онъ возвращаетъ себѣ отъ Шотландіи уступленныя его предшественникомъ сѣверныя графства и собирается завоевать Ирландію, на что его уполномочиваетъ булла папы Александра IV, родомъ англичанина. Предлогомъ выставляется то обстоятельство, что ирландцы якобы впали въ ересь,—обвиненіе, оправдываемое ихъ нежеланіемъ признавать папскую власть. Правленіе Генриха II особенно извѣстно этой первой попыткой овладѣнія Ирландіей, въ которой главная роль пришлась, однако, на долю не короля, а отдѣльныхъ англ. феодаловъ; во главѣ ихъ сталъ Ричардъ де-Клэръ, графъ Пемброкскій. Только въ 1171 г. король прослѣдовалъ самъ на островъ, гдѣ получилъ присягу въ феодальной вѣрности и покорности со стороны какъ овладѣвшихъ частью острова англ. феодаловъ съ Пемброкомъ во главѣ, такъ и отъ мелкихъ правителей не подпавшихъ подъ власть англичанъ кельтическихъ округовъ Ирландіи.

Этому рѣшенію ирландскаго вопроса предшествовало начавшееся еще въ 1162 г. столкновеніе Генриха II съ имъ же назначеннымъ архіепископомъ въ Кентербери Томасомъ Бекетомъ. Оно вызвано было притязаніями римской куріи и вѣрнаго истолкователя ея политики въ Англіи, Бекета, на подчиненіе церковнымъ судамъ всѣхъ дѣлъ, гражданскихъ и уголовныхъ, въ которыхъ одной изъ сторонъ являлся клирикъ; а такъ какъ церковные суды налагали только церковныя наказанія, то даже убійства, совершенныя лицомъ изъ духовенства, хотя бы поддіаконами и сакристанами, обходились безъ кроваваго возмездія.

Одинъ случай подобнаго рода привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе: король на собраніи Большого Совѣта въ Вестминстерѣ предложилъ назначить комиссію для разслѣдованія вопроса о томъ, по какому закону должны судиться преступные клирики. Бекетъ увидѣлъ въ этомъ нарушеніе привилегій церкви и епископы присоединились къ его мнѣнію. Назначенный Большимъ Совѣтомъ комитетъ представилъ свой докладъ новому собранію того же Большого Совѣта въ Кларендонѣ, откуда и самое названіе принятаго совѣтомъ закона — *Кларендонскія конституціи*. Въ этомъ законодательномъ актѣ отъ 1164 г. постановлено, что послѣ разсмотрѣнія церковнымъ судомъ дѣла обвиняемаго въ преступленіи клирика и признанія его виновнымъ, церковный судъ обязанъ передать его въ руки свѣтскаго суда, который и подвергнетъ его тому же наказанію, что и мірянина въ равныхъ условіяхъ. Въ тяжбахъ человѣка изъ духовнаго зва ія съ мірянином рѣшеніе принадлежитъ королевскому суду. Ни одинъ баронъ не долженъ подвергаться церковному наказанію—отлученію отъ церкви — безъ согласія короля. Лицамъ духовнымъ запрещается апеллировать въ Римъ и ѣздить туда иначе, какъ съ королевскаго разрѣшенія. Бекетъ не пожелалъ признать Кларендонскихъ конституцій и вскорѣ покинулъ Англію. Въ теченіе шести лѣтъ онъ жилъ подъ покровительствомъ франц. короля,—врага Генриха II, возстановляя его противъ послѣдняго и побуждая папу Александра III отлучить Генриха отъ церкви. Но папа, занятый борьбою съ импер. Фридрихомъ Барбароссою, не рѣшался на этотъ шагъ. Въ 1170 г. вражда короля и архіепископа вспыхнула новымъ пламенемъ: король пожелалъ при жизни пріобщить къ престолу своего сына, пятнадцатилѣтняго юношу Генриха. За отсутствіемъ Бекета онъ обратился къ архіепископу іоркскому; это привело кентерберійскаго въ ярость. Онъ убѣдилъ папу пригрозить интердиктомъ, т. е. запре-

*

щеніемъ служить литургію во всей Англіи и отправлять въ ней таинства. Генрихъ счелъ нужнымъ уступить и дозволилъ возвращеніе Бекета въ Англію, а Бекетъ воспользовался возможностью вернуться въ нее для того, чтобы отлучить отъ церкви архіепископа іоркскаго и тѣхъ изъ королевской свиты, которыхъ онъ правильно или неправильно обвинялъ въ присвоеніи имуществъ, принадлежащихъ кентерберійскому столу. При извѣстіи о такомъ поведеніи примаса Англіи, Генрихъ не удержался отъ того, чтобы не воскликнуть: „Неужели изъ всѣхъ лѣнтяевъ, мною содержимыхъ на службѣ, не найдется ни одного, кто отомстилъ бы за меня этому проклятому попу?“ Три рыцаря, до которыхъ дошелъ слухъ объ этомъ, на свой страхъ выступили такими мстителями и убили Бекета во время совершенія имъ обѣдни. Генрихъ прямого участія въ этомъ убійствѣ не принималъ; но это не помѣшало папѣ призвать его къ отвѣту. Какъ бы въ искупленіе своей невольной вины, Генрихъ предпринялъ своего рода крестовый походъ въ Ирландію, какъ страну, отпавшую отъ римскаго стола.

По возвращеніи изъ Дублина, король встрѣтился съ уполномоченными папы и согласился поддерживать его противъ императора, отмѣнить Кларендонскія конституціи и даже предпринять новый походъ съ цѣлью освобожденія Гроба Господня отъ невѣрныхъ. Но возстаніе собственныхъ сыновей, подстрекаемыхъ его женою, Элеонорой изъ Аквитаніи, и королемъ француз. Людовикомъ VIII, долгое время мѣшало ему принять мѣры къ исполненію послѣдняго обѣщанія. Возстаніе сыновей, требовавшихъ уступки имъ въ правленіе: одинъ—Нормандіи, другой—Англіи, поддерживалось феодальной знатью. Генрихъ разбилъ сторонниковъ Ричарда въ Пуату, а его юстиціарій, де-Люси, взялъ въ плѣнъ одного изъ главныхъ приверженцевъ, Ричарда, графа Лейчестерскаго, и завладѣлъ замками мятежныхъ бароновъ. Побѣда короля сопровождалась амнистіей дѣтямъ, но не женѣ, съ которой онъ отказался жить впредь подъ одной кровлей; рыцарскіе замки заговорщиковъ были срыты до основанія, а поддерживавшій притязанія Ричарда король шотландскій принужденъ былъ принести присягу англійскому монарху, какъ сюзерену Шотландіи (1174).

Восемь лѣтъ спустя снова вспыхнуло возстаніе и снова во главѣ его стали сыновья Генриха,—старшій Генрихъ и младшій—Джофрей (Geoffrey). Причиной ихъ недовольства было якобы несправедливое распредѣленіе при жизни королемъ оставляемаго имъ наслѣдства между своими дѣтьми. Внезапная смерть обоихъ непокорныхъ сыновей (одного отъ лихорадки, другого—отъ случайно нанесенной ему въ турнирѣ раны) положила конецъ возстанію. Король въ состояніи былъ приступить къ исполненію давнишняго обѣщанія и оповѣстить о своемъ участіи въ новомъ, третьемъ крестовомъ походѣ. Съ нимъ долженъ былъ отправиться и старшій изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей, Ричардъ, и король французскій, Филиппъ II; бароны обоихъ королевствъ обѣщали послѣдовать за своими сюзеренами, а Большой Совѣтъ Англіи предписалъ производство тяжкаго побора, подъ названіемъ „саладиновой десятины“, равнаго десятой части не дохода, а всего имущества. Это — первый случай наложенія въ Англіи податей на движимость. „Датскія деньги“ и другія подати взимались пока только съ недвижимыхъ имуществъ. Въ царствованіе Генриха II установленъ былъ и другой видъ налога, т. наз. „scutagium“, т. е. налогъ со щита: лицамъ, не желавшимъ отправиться въ заморскій походъ противъ Франціи въ 1159 г., дозволено было откупиться деньгами; рыцарство пріобрѣло возможность избавить себя такимъ платежемъ отъ личнаго участія въ походѣ, а король на полученныя средства—пригласить на службу наемныя дружины.

Генрихъ II уже совершенно собрался въ походъ, когда вспыхнуло третье возстаніе, во главѣ котораго сталъ будущій король Англіи, Ричардъ. Генрихъ спѣшилъ примириться съ нимъ и по этому случаю узналъ, что и любимѣйшій изъ его сыновей, Іоаннъ, тайно поддерживалъ брата. Это извѣстіе убило его. Ричардъ унаслѣдовалъ

всѣ его владѣнія, за исключеніемъ присоединенной имъ въ 1167 г. Бретани, которая досталась внуку короля, Артуру, сыну убитаго въ турнирѣ Geoffrey'я.

Такъ какъ еще за два года до восшествія на престолъ, Ричардъ вступилъ въ число крестоносцевъ, то единственной его заботой по воцареніи было пріобрѣсть нужныя средства для осуществленія своего намѣренія—освободить Гробъ Господень отъ Саладина. Онъ сталъ отчуждать земли и должности, продавая епископ. лены, кому за 1.000, а кому и за 3.000 фунт. и соглашаясь на то, чтобы, взамѣнъ выкупа, города, съ Лондономъ во главѣ, пріобрѣтали право выбора своихъ мэровъ. Съ его царствованія и по настоящій день избираемый городской голова лондонскаго сити носитъ титулъ „лорда-мэра". Ричардъ I не отступилъ передъ мыслью освободить и шотландскаго короля отъ присяги вассала и признать независимость его княженія подъ условіемъ единовременной уплаты имъ 10.000 марокъ или, что то же, 6.666 фунт. Овладѣвшій англійскимъ населеніемъ по поводу предстоящаго крестоваго похода религіозный фанатизмъ сказался жестокимъ истребленіемъ евреевъ, которые дотолѣ жили свободно подъ покровительствомъ англійскихъ монарховъ, считавшихъ ихъ своей „королевской собственностью", а потому не отказывавшихъ себѣ въ частыхъ поборахъ и добровольныхъ—только по имени — приношеніяхъ. По случаю воцаренія Ричарда, старшины евреевъ явились съ подарками, но лондонская чернь отвѣтила на эти приношенія грабежами въ еврейскомъ кварталѣ; примѣру Лондона послѣдовали и друг. города: Норвичъ, Стамфордъ, Линкольнъ, Іоркъ. Всюду евреевъ убивали массами; осаждаемые толпою евреи Іорка, чтобы не отдаться живыми въ руки враговъ, собственноручно перебили женъ и дѣтей и зажгли со всѣхъ сторонъ укрывавшій ихъ замокъ. Такимъ образомъ уже въ царствованіе Ричарда I ярко сказалась та нетерпимость къ евреямъ, которая повела къ изгнанію ихъ изъ Англіи въ правленіе Эдуарда I.

Бо́льшая часть царствованія Ричарда протекла внѣ предѣловъ королевства,—въ войнахъ съ невѣрными, въ завоеваніи о-ва Кипра, въ осадѣ Акры, въ препирательствахъ и ссорѣ съ франц. королемъ Филиппомъ и австрійск. герц. Леопольдомъ, которому и удалось взять его въ плѣнъ въ то время, какъ на обратномъ пути онъ думалъ подъ чужимъ именемъ пробраться черезъ Вѣну. Герцогъ выдалъ его въ цѣпяхъ императору Генриху VI, а послѣдній, подъ предлогомъ совершенія имъ всякаго рода преступленій, въ томъ числѣ—отнятія Кипра, бросилъ его въ тюрьму, претендуя на то, что онъ, какъ императоръ, въ правѣ судить его, какъ сюзеренъ своего вассалла. Англичанамъ пришлось выкупать короля изъ плѣна и съ этой цѣлью затратить 100.000 фунт. Для этого нельзя было обойтись безъ того, чтобы не обложить населеніе высокой податью въ четвертую часть всѣхъ движимыхъ имуществъ и въ 20 шиллинговъ съ каждаго рыцарскаго лена. Король Франціи, Филиппъ-Августъ, воспользовавшись недовольствомъ, вызваннымъ этими жестокими поборами, приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы вызвать возстаніе противъ Ричарда. Во главѣ его сталъ собственный братъ короля, Іоаннъ; императоръ отпустилъ Ричарда не ранѣе, какъ вынудивъ отъ него присягу, которой Англія признавалась леномъ Имперіи. Но ни Ричардъ, ни англичане не намѣрены были придавать какую-либо силу этой клятвѣ. Ричардъ, получивъ свободу, поспѣшилъ усмирить начавшееся возстаніе. Іоаннъ бѣжалъ на континентъ и прощенъ былъ великодушнымъ монархомъ. Съ Филиппомъ-Августомъ война была продолжена, и король Англіи поспѣшилъ въ Нормандію вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ плѣна для отраженія врага. Послѣднія шесть лѣтъ жизни прошли въ защитѣ континентальныхъ владѣній; это стоило англичанамъ немалыхъ затратъ, для чего потребовались высокіе налоги, подымавшіе лондонскую чернь противъ правительства. Во главѣ одного изъ нихъ сталъ простолюдинъ Вильямъ Фицъ - Осбертъ (William Fitz - Osbert), прозванный „Длинная Борода" (Longbeard); онъ укрѣпился съ мятежниками въ одной изъ церквей Лондона; но королевскій

намѣстникъ или юстиціарій осадилъ церковь, ранилъ предводителя возстанія, взялъ его въ плѣнъ и поднялъ на висѣлицу. Такимъ образомъ еще за нѣсколько лѣтъ до движенія высшихъ бароновъ королевства противъ Іоанна, преемника Ричарда, уже накоплялись поводы недовольства и слѣдовали вспышки возстанія на самыхъ низахъ англійскаго общества. Ричардъ умеръ при осадѣ замка Châlus, принадлежавшаго одному изъ его вассаловъ въ Аквитаніи, и на престолѣ воцарился тотъ самый Іоаннъ, который дважды выступалъ въ роли заговорщика, и противъ отца, и противъ брата. Онъ вскорѣ опозорилъ себя третьимъ злодѣяніемъ—убійствомъ собственнаго племянника, Артура, а этотъ актъ (апрѣль 1203 г.) имѣлъ въ высшей степени тяжелыя послѣдствія. Филиппъ-Августъ воспользовался имъ, чтобы призвать короля Англіи къ отвѣту, какъ своего вассала, а такъ какъ Іоаннъ не явился на его судъ, то постановленный надъ нимъ приговоръ свелся къ конфискаціи всѣхъ континентальныхъ владѣній англійскаго короля. Чтобы привести этотъ приговоръ въ исполненіе, Филиппъ завладѣлъ Нормандіей; Іоаннъ Безземельный попробовалъ было отстоять ее, но крѣпость за крѣпостью сдавалась Филиппу, и Іоаннъ бѣжалъ въ Англію, послѣ чего Руанъ и другіе города Нормандіи перешли къ французскому королю, а на слѣдующій годъ Филиппъ продолжилъ свои военные успѣхи завоеваніемъ Анжу и Турэни. Въ 1207 г. онъ напалъ на Аквитанію и захватилъ Пуату и сѣверную Гвіень. Изъ всѣхъ владѣній Плантагенетовъ на континентѣ Европы въ рукахъ короля остались только приморскія крѣпости Бордо и Ла-Рошель съ южною частью Гвіени. Немудрено, если современники прозвали Іоанна „Безземельнымъ“. Потеря заморскихъ владѣній имѣла то благодѣтельное послѣдствіе, что сосредоточила отнынѣ вниманіе королей изъ династіи Плантагенетовъ исключительно на англійскихъ владѣніяхъ, а, по ихъ примѣру, и англо-норманскіе феодалы обратились въ настоящихъ англичанъ. Новая война съ французами заставила Іоанна Безземельнаго заключить въ 1208 г. миръ съ Филиппомъ, согласно которому Аквитанія и Гасконь остались за англійскимъ правителемъ, но онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ прочихъ своихъ владѣній.

Не успѣла окончиться неудачная борьба съ Франціей, какъ вспыхнула новая съ папскимъ дворомъ, во главѣ котораго стоялъ въ это время стремившійся ко всемірному господству Иннокентій III. Столкновеніе снова вызвано было вопросомъ о замѣщеніи епископскаго стола въ Кентербери; каноники избрали своего кандидата, король-же настаивалъ на своемъ правѣ назначенія, а папа послалъ въ Кентербери собственнаго ставленника, англійскаго кардинала, Стефана Лэнгтона. Іоаннъ Безземельный вздумалъ воспрепятствовать его пріѣзду, а Иннокентій III отвѣтилъ на это интердиктомъ, т. е. запретомъ всякой церковной службы въ Англіи и совершенія даже такого обряда, какъ погребеніе. Приказъ папы былъ исполненъ; но епископы, объявившіе своей паствѣ о папскомъ запретѣ, спѣшили покинуть Англію, боясь королевскаго гнѣва. Іоаннъ Безземельный захватилъ земли и имущества кентерберійскаго аббатства, присвоилъ себѣ доходы покинувшихъ Англію епископовъ и объявилъ, что, пока интердиктъ не будетъ снятъ, англійскимъ судамъ запрещено будетъ судить гражданскія тяжбы лицъ духовнаго званія. Папа не остался въ долгу и объявилъ Іоанна лишеннымъ престола; Филиппу, королю Франціи, какъ его сюзерену, поручено было привести въ исполненіе этотъ приговоръ. Въ 1213 году король французовъ, подчиняясь папскому рѣшенію, сталъ собирать армію и флотъ въ Нормандіи. Англійскіе бароны не прочь были воспротивиться затѣваемому походу силой, но король испугался и сталъ искать примиренія съ папою; онъ не только согласился признать Лэнгтона архіепископомъ и вернуть церкви ея земли и доходы, но не отступилъ даже передъ мыслью объявить Англію леномъ папскаго стола. Посланецъ Иннокентія III, Пандольфъ, получилъ изъ рукъ Іоанна Безземельнаго корону Англіи и возложилъ ее снова на голову короля, какъ даръ папы. Тщетны были заявленія бароновъ

о своемъ нежеланіи мѣнять законы Англіи. Когда стало извѣстнымъ поведеніе Іоанна, недовольство сдѣлалось всеобщимъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ исполненія королемъ папскихъ велѣній былъ запретъ Иннокентія III французскому королю предпринять походъ въ Англію. Не дожидаясь послѣдствій этого запрета, англійскій флотъ напалъ на французскій, частью овладѣлъ имъ, частью потопилъ его. Но этотъ военный успѣхъ не измѣнилъ отношенія бароновъ къ королю; по своемъ прибытіи въ Англію, архіепископъ Лэнгтонъ убѣдилъ феодальную знать потребовать отъ Іоанна изданія грамоты, подобной той, какая выдана была Генрихомъ I всему англійскому народу; она должна была заключать въ себѣ торжественное обѣщаніе не прибѣгать къ насильственнымъ поборамъ и держаться разъ установившихся порядковъ. Предложеніе архіепископа, сдѣланное въ соборѣ св. Павла, принято было сочувственно. Продолжавшаяся война съ Франціей, въ союзѣ съ германскимъ императоромъ, ознаменовалась извѣстной битвой подъ Бувиномъ, 27 іюля 1214 г., въ которой побѣда осталась на сторонѣ французовъ. Хотя Іоаннъ и не участвовалъ въ сраженіи, но онъ призналъ себя побѣжденнымъ и поспѣшилъ вернуться въ Англію. Такъ какъ въ послѣднемъ походѣ часть англійскихъ бароновъ не пожелала послѣдовать за королемъ, то онъ вернулся въ намѣреніи призвать ихъ къ отвѣту. Дѣйствуя заодно съ духовенствомъ и его главою, архіепископомъ кентерберійскимъ, бароны собрались въ ноябрѣ 1214 г. въ Bury-St.-Edmund. На этомъ митингѣ присутствовали одни только феодалы сѣверной Англіи; они высказались за дарованіе королемъ грамоты о свободахъ, установили важнѣйшія статьи этого акта и рѣшили предстать предъ королемъ на Рождествѣ вооруженными съ цѣлью поддержать это требованіе. Въ испугѣ Іоаннъ обратился къ папѣ, обѣщалъ отправиться въ крестовый походъ и сталъ набирать войско наемниковъ; но вскорѣ ему пришлось убѣдиться въ томъ, что настроеніе феодальной аристократіи сѣвера раздѣляется большинствомъ бароновъ. Въ долинѣ Рённимеда (Runnymede) онъ встрѣтился съ ними и принесъ торжественную клятву въ соблюденіи требованій Великой Хартіи, текстъ которой предложенъ былъ ему для подписи епископомъ Лэнгтономъ, ставшимъ во главѣ депутаціи, въ которой въ равномъ числѣ представлены были, какъ бароны, ставшіе уже въ ряды возставшихъ, такъ и не прибѣгавшіе еще къ оружію.

Ходъ событій, приведшихъ къ этому исходу, былъ слѣдующій. Въ монастырѣ Св. Албана феодальная знать и высшее духовенство подняли вопросъ о томъ, какія земли должны быть возвращены аббатствамъ и епископіямъ, какъ неправильно у нихъ конфискованныя. Собраніе сочло необходимымъ призвать для предварительнаго соглашенія съ нимъ представителей отъ графствъ и селъ. 1213-й годъ есть такимъ образомъ первый годъ, когда, кромѣ прямыхъ ленниковъ короля, на политической аренѣ выступаютъ уполномоченные и отъ другихъ классовъ общества. Представительство графствъ получило, впрочемъ, правительственное признаніе не ранѣе 1258 г.; тѣмъ не менѣе 1213-й г. долженъ быть отмѣченъ, такъ какъ къ нему относится первая попытка установить представительство отъ народа.

Въ виду такого образа дѣйствій со стороны своихъ подданныхъ король собираетъ войско и готовится къ открытому сопротивленію.

Въ Стамфордѣ собирается въ свою очередь ополченіе свѣтскихъ бароновъ, которымъ предводительствуетъ Робертъ Фицвальтеръ. Король расчитываетъ на поддержку лондонскихъ гражданъ и думаетъ, при помощи ихъ, одолѣть мятежъ, но горько ошибается. Проходитъ немного дней и граждане Лондона открываютъ ворота мятежнымъ лордамъ, послѣ чего королю, конечно, не остается ничего другого, какъ подписать предложенную ему *Великую Хартію* (именно 15 іюня 1215 г.).

Хартія эта легла въ основу всего дальнѣйшаго политическаго развитія Англіи. Англичане считаютъ ее своимъ основнымъ закономъ. Каждое новое царствованіе открывается съ этихъ поръ подтвержденіемъ Великой Хартіи.

Разсмотримъ теперь по группамъ важнѣйшія постановленія ея, заключающіяся въ 65 статьяхъ; въ этихъ статьяхъ, изложены всѣ тѣ злоупотребленія, отъ которыхъ страдалъ англійскій народъ, и приняты мѣры къ ихъ постепенному устраненію.

На первомъ планѣ стоятъ въ ней статьи, имѣющія въ виду интересы церкви. Король обязуется соблюдать тѣ требованія, которыя предъявлены были къ нему духовенствомъ и папой. Избраніе епископовъ будетъ зависѣть впредь отъ самого духовенства; оно будетъ имѣть свои особые суды и освобождается отъ налоговъ. Далѣе идутъ статьи, имѣющія въ виду интересы свѣтскихъ владѣльцевъ, которые такъ страдали отъ произвола норманскихъ королей въ дѣлѣ обложенія. Король обѣщаетъ не взимать произвольныхъ феодальныхъ выкуповъ за подтвержденіе правъ наслѣдника на ленъ его отца, а довольствоваться впредь опредѣленнымъ размѣромъ его въ 100 ф. ст. съ прямаго ленника, въ 100 шиллинговъ съ рыцарскаго владѣльца и пр. Приняты мѣры, чтобы король не злоупотреблялъ и правомъ феодальной опеки; поступившее въ опеку короля имущество должно быть возвращено наслѣднику, по его совершеннолѣтіи; озаботились и тѣмъ, чтобы король не принуждалъ къ насильственному браку вдовъ своихъ вассаловъ и не выдавалъ въ замужество ихъ дочерей по своему личному усмотрѣнію.

Замѣчательная черта этихъ постановленій та, что они принимаютъ во вниманіе не одни интересы прямыхъ вассаловъ короля. Всѣ выговоренныя права признаются равно обязательными и для вассаловъ короля по отношенію къ ихъ подвассаламъ.

За этими статьями феодальнаго характера слѣдуютъ статьи, гарантирующія правильное отправленіе правосудія мѣстными органами. Прежній произволъ въ наложеніи денежныхъ штрафовъ устраненъ. Каждый долженъ подвергаться пенѣ сообразно совершенной имъ винѣ; самое обложеніе штрафомъ предоставляется не произволу королевскихъ чиновниковъ, а зависитъ отъ воли 12 лицъ, взятыхъ изъ сосѣдства (de visneto), 12 присяжныхъ. Въ былое время король и его чиновники торговали правосудіемъ, отнынѣ, говорится въ Хартіи, король не въ правѣ отказывать кому-либо въ разбирательствѣ его дѣла. Гражданскіе иски не должны разбираться иначе, какъ въ Судѣ общихъ тяжбъ.

Въ Великой Хартіи мы находимъ также статьи, имѣющія въ виду избавить отъ стѣсненій торговлю, стѣсненій, наложенныхъ на нее фискальной политикой королей. Иноземные купцы могутъ отнынѣ торговать свободно въ предѣлахъ всей Англіи и не подлежатъ тѣмъ разнообразнымъ поборамъ, какіе были установлены съ нихъ прежде.

Важнѣйшія статьи Хартіи—тѣ, которыя содержатъ въ себѣ конституціонныя гарантіи, гарантіи, имѣющія въ виду обезпечить неприкосновенность личности и собственности. Онѣ гласятъ:

„Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть взятъ, или посаженъ въ тюрьму, или объявленъ стоящимъ внѣ закона, или подвергнутъ конфискаціи имущества, иначе какъ по приговору своихъ равныхъ и по закону страны.

Ни выкупныя деньги (избавляющія отъ воинской службы), ни денежныя пособія не будутъ налагаемы въ нашемъ королевствѣ иначе, какъ общимъ совѣтомъ королевства, за исключеніемъ трехъ случаевъ: плѣна короля, замужества старшей дочери и посвященія въ рыцари старшаго сына. Каждый разъ мы будемъ взимать только благоразумную денежную помощь; того же порядка мы будемъ держаться въ отношеніи къ помощи города Лондона“.

Такимъ образомъ, произвольные аресты, какъ и произвольныя конфискаціи и произвольное обложеніе населенія налогами отнынѣ отмѣняются разъ навсегда. Многое изъ этого было подтверждено впослѣдствіи въ знаменитомъ актѣ Habeas corpus (временъ Карла II). Только что упомянутыя двѣ статьи Великой Хартіи создали тѣ двѣ гарантіи, которыя должны лежать въ основѣ всякой конституціи,—свободу личности и неприкосновенность собственности.

Чтобы сдѣлать изъ правила о свободѣ отъ произвольнаго обложенія не

голый звукъ, а жизненное начало. Іоаннъ Безземельный принимаетъ на себя слѣдующее обязательство: „для того, чтобы держать общій совѣтъ королевства и для обложенія подданныхъ пособіями въ другихъ случаяхъ, кромѣ трехъ указанныхъ выше, и для сбора выкуповъ отъ воинской службы, мы распорядимся призывомъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и важнѣйшихъ бароновъ нашими личными призывными письмами и, кромѣ того, мы озаботимся тѣмъ, чтобы чрезъ посредство нашихъ шерифовъ и бальифовъ были созваны въ извѣстный день всѣ, вообще, кто держитъ землю въ прямой отъ насъ зависимости. Они должны собраться не позже 40 дней въ извѣстномъ мѣстѣ; и во всѣхъ этихъ нашихъ письмахъ мы изложимъ причины созыва, и когда приглашенія, такимъ образомъ, будутъ посланы, дѣлу долженъ быть данъ ходъ въ назначенный день, хотя бы и не прибыли всѣ, кто былъ призванъ“.

Это—первое упоминаніе о парламентѣ, еще обозначаемомъ старымъ наименованіемъ общаго или большого совѣта (generale или magnum consilium). Въ него призываются члены церковной и свѣтской знати, и начало представительства прилагается къ посылкѣ депутатовъ одними прямыми ленниками короля, его tenentes in capite.

Чтобы постановленія Великой Хартіи не остались мертвой буквой, избрана была 25-тичленная комиссія, которая отнынѣ должна слѣдить (такъ сказано въ 65-й ст. Вел. Хартіи) за выполненіемъ королемъ всего имъ обѣщаннаго. Какъ только король отступитъ отъ постановленій Хартіи, комиссія вправѣ будетъ сдѣлать ему заявленіе о несоотвѣтствіи его дѣйствій съ требованіями подписаннаго имъ акта. Въ случаѣ непринятія королемъ этого заявленія, призываются къ вооруженному сопротивленію всѣ жители королевства; у короля отымаются замки, щадится лишь его жизнь, равно какъ и жизнь королевы и наслѣдника престола. Захваченными замками короля бароны вправѣ владѣть до тѣхъ поръ, пока король не согласится снова соблюдать Хартію.

Несмотря на все это, король нѣсколько разъ порывается обойти ея постановленія и въ дѣлѣ нарушенія даннаго имъ слова находитъ поддержку въ папѣ. Этотъ послѣдній, опасаясь, чтобы новый порядокъ вещей не отразился невыгодно на финансовыхъ интересахъ римскаго стола, отлучилъ отъ церкви всѣхъ бароновъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, и призналъ короля свободнымъ отъ обязанности приводить въ исполненіе Великую Хартію. Члены исполнительной комиссіи обратились тогда къ осуществленію права сопротивленія, призвавъ къ участію въ немъ все англійское общество.

Въ трактатѣ, принадлежащемъ Герарду Кембрійскому, приводится правило, что неисполненіе королемъ присяги даетъ подданнымъ право замѣнить одну династію другою. Англійскіе бароны, проникнутые этимъ убѣжденіемъ, ведутъ открыто переговоры съ Людовикомъ, сыномъ французскаго короля, Филиппа Августа, насчетъ принятія имъ англійской короны на мѣсто низлагаемаго ими Іоанна Безземельнаго, отказываются выступить съ послѣднимъ въ походъ во Францію для того, чтобы отвоевать у Филиппа Нормандію. Іоаннъ Безземельный въ свою очередь неоднократно настаиваетъ на томъ, что постановленія Великой Хартіи для него необязательны, ибо самъ папа, Иннокентій III, верховный сюзеренъ Англіи, разрѣшилъ его отъ присяги слѣдовать ея постановленіямъ. И дѣйствительно, Иннокентій III, по ходатайству короля, осудилъ поведеніе архіепископа Лэнгтона, пригласилъ его въ Римъ для объясненій и пригрозилъ отлученіемъ отъ церкви всякому, кто подниметъ оружіе на Іоанна.

Это рѣшеніе папскаго стола не запугало бароновъ. Они подымаютъ знамя возстанія. Но первыя ихъ дѣйствія неуспѣшны. Іоаннъ беретъ Рочестеръ, предаетъ казни весь его гарнизонъ и двигается затѣмъ на сѣверъ, въ Бервикъ, опустошая все на своемъ пути. Возмущенные его поведеніемъ бароны не отступили передъ явной измѣной, какъ мы сказали, и предложили корону сыну французскаго ко-

роля Людовику. Это рѣшеніе было политической ошибкой, такъ какъ въ глазахъ большинства французскій король являлся врагомъ англійской націи; немудрено, если многіе изъ тѣхъ, кто готовъ былъ поддержать возставшихъ, въ рѣшительную минуту уклонились отъ выполненія своего намѣренія. Призванный на англійскій престолъ наслѣдникъ французскаго короля высадился въ Кентѣ, прибылъ въ Лондонъ и вскорѣ овладѣлъ всей восточной Англіей; но купцы и моряки Пяти Портовъ, т. е. Ноттингема, Линкольна, Дерби, Лейчестера и Стамфорда, отказались открыть ему ворота. Іоаннъ Безземельный двинулся въ походъ, взялъ Линкольнъ и направился къ югу. Въ то время, какъ его армія, пользуясь отливомъ, двигалась морскимъ берегомъ, буря внезапно залила аріергардъ, при чемъ погибли вмѣстѣ съ людьми провіантъ и королевская казна. Самъ Іоаннъ едва избѣжалъ смерти. Онъ заболѣлъ на слѣдующій же день и умеръ недѣлю спустя, 19 окт. 1216 г. Ходили слухи о томъ, что онъ былъ отравленъ. Его кончина многимъ развязала руки. Наслѣдникомъ оказался девятилѣтній ребенокъ, бывшій въ это время на попеченіи Вильяма Маршала, графа Пемброкскаго, одного изъ тѣхъ крупныхъ феодаловъ, которые отказались признать королемъ Людовика. Онъ поспѣшилъ съ коронаціей молодого короля въ Глостерѣ, внушилъ ему мысль о признаніи Великой Хартіи Вольностей и тѣмъ самымъ вырвалъ почву изъ подъ ногъ Людовика и его приверженцевъ, такъ какъ они больше не могли выдавать себя за единственныхъ поборниковъ конституціонныхъ вольностей; одинъ за другимъ они стали переходить теперь на сторону Генриха. Два неудачныя сраженія окончательно рѣшили судьбу французскаго претендента,—одно на сушѣ подъ Линкольномъ, другое на морѣ. Небольшая англійская флотилія встрѣтилась съ французскими подкрѣпленіями на морѣ и разбила ихъ на голову; это была первая морская побѣда англичанъ. Во главѣ французскихъ судовъ стоялъ извѣстный своей жестокостью пиратъ Евстафій, прозванный „монахомъ“; онъ былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ. Людовику послѣ этого осталось только покинуть Англію; его приверженцамъ дана была амнистія, и они получили обратно конфискованныя у нихъ владѣнія. Чтобы ускорить отбытіе самого Людовика на континентъ, ему выплачено было изъ казначейства 10.000 марокъ. Пемброкъ оставался регентомъ до своей кончины въ 1219 г., затѣмъ замѣненъ былъ великимъ юстиціаріемъ Губертомъ-де-Бёргъ (Hubert de Burgh). Его управленіе Англіей, ознаменовавшееся подавленіемъ новыхъ попытокъ возстанія и отказомъ признать Англію папскимъ леномъ, продолжалось до 1227 г., когда, въ виду достигнутаго имъ совершеннолѣтія, Генрихъ III самъ принялъ бразды правленія и удержалъ Губерта-де-Бергъ только въ роли юстиціарія, да и то не надолго. Въ 1232 г. онъ не только отставилъ его отъ должности, но и бросилъ въ тюрьму, недовольный тѣмъ, что юстиціарій противился его рѣшенію начать войну съ Франціей. Война эта кончилась пораженіемъ подъ Тальебуромъ въ 1242 г. и ни въ чемъ не измѣнила прежняго положенія вещей; англичане продолжали владѣть во Франціи Гвіенью и Бордо. Англійская нація вскорѣ пріобрѣла новые поводы къ недовольству королемъ. Какъ ревностный католикъ, онъ сталъ поддерживать папу Александра IV въ его борьбѣ съ импер. Фридрихомъ II изъза обладанія Сициліей и обѣщалъ ему 140.000 мар. для покрытія издержекъ похода, не связаннаго для Англіи ни съ какими выгодами. Большой Совѣтъ не только отказалъ королю въ этой денежной субсидіи, но и потребовалъ отъ него, чтобы онъ не управлялъ впредь королевствомъ съ совѣтниками по собственному выбору,—въ большинствѣ случаевъ иностранцами, родственниками его жены, Элеоноры изъ Прованса.

Запуганный этими заявленіями, Генрихъ созвалъ новое собраніе своихъ совѣтниковъ въ Оксфордѣ въ 1258 г.; оно получило въ исторіи извѣстность подъ назв. *Сумасшедшаго парламента*, такъ какъ на немъ приняты были рѣшенія, имѣвшія своей задачей поста-

вить правительство подъ контроль двадцатичетырехчленной комиссіи, въ составъ которой вошли въ равномъ числѣ сторонники короля и избранники недовольныхъ имъ графовъ и бароновъ. Эта двадцатичетырехчленная комиссія должна была заняться реформою королевства и между прочимъ постановила, что трижды въ годъ будетъ собираться парламентъ (см. *Adams and Stephens*, „Select Documents of English Constitutional History“, 57—62).

Король снова обратился къ папѣ съ просьбой освободить его отъ присяги, данной имъ въ соблюденіи принятыхъ въ Оксфордѣ постановленій. Его просьба была уважена. Послѣ этого король въ 1261 г. овладѣлъ силою лондонскимъ Тоуэромъ и собралъ армію. Чувствуя себя, однако, недостаточно сильнымъ, чтобы противостоять врагамъ, Генрихъ III рѣшился передать свою распрю на посредническое разбирательство Людовика Святого, короля Франціи, въ молодости бывшаго претендентомъ на англійскій престолъ. Послѣдній призналъ его связаннымъ Великой Хартіей, но свободнымъ отъ исполненія рѣшеній, принятыхъ въ Оксфордѣ, какъ несогласныхъ съ королевскимъ достоинствомъ. Послѣ этого противникамъ Генриха не оставалось другого средства, какъ рѣшить свою распрю съ нимъ на полѣ битвы. Подъ Льюисомъ король былъ разбитъ на голову. Предводитель феодальныхъ ополченій, Симонъ-де-Монфоръ (Simon de Montfort), графъ Лейчестерскій, взялъ въ плѣнъ короля и заставилъ его признать не только Великую Хартію, но и поставить себя подъ контроль тайнаго совѣта, избраннаго парламентомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ Симонъ-де-Монфоръ правилъ Англіей, и все это время король оставался подъ строгимъ надзоромъ. На парламентъ, созванный въ 1265 г. Симономъ-де-Монфоръ, впервые призваны были не только рыцари отъ графствъ, но и по два уполномоченныхъ отъ каждаго изъ городовъ и мѣстечекъ королевства. Всѣ рѣшенія, принятыя Симономъ-де-Монфоръ и поддерживавшей его партіей бароновъ, получили признаніе парламента. Положеніе регента королевства вскорѣ, однако, было поколеблено ссорою съ однимъ изъ двухъ соправителей, которые даны были ему парламентомъ, а именно графомъ Симономъ Глостерскимъ, недовольнымъ тѣмъ, что ему отказывали въ дѣятельномъ участіи въ дѣлахъ государства. При его участіи наслѣдникъ престола, принцъ Эдуардъ, скрылся отъ лицъ, надзору которыхъ онъ былъ порученъ Симономъ-де-Монфоръ. Въ битвѣ подъ Ившэмомъ (Evesham) Эдуардъ встрѣтился съ феодальными дружинами и разбилъ ихъ. Симонъ-де-Монфоръ оказался въ числѣ убитыхъ, и та-же судьба едва не постигла короля Генриха, котораго онъ держалъ въ своемъ лагерѣ.

Король возстановленъ былъ въ своихъ правахъ, и междоусобная война кончилась въ окт. 1266 г. торжественнымъ подтвержденіемъ старинныхъ хартій и актомъ амнистіи, не избавившимъ, однако, феодальныхъ бароновъ отъ уплаты королю штрафовъ. Въ послѣдніе годы царствованія Генриха принцъ Эдуардъ, вмѣстѣ съ графомъ Глостерскимъ, пріобрѣли рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ. Престарѣлый король охотно слушался ихъ и не обнаруживалъ прежняго довѣрія къ иностранцамъ. Незадолго передъ смертью короля, наслѣдникъ престола, Эдуардъ, отправился въ крестовый походъ, гдѣ онъ прославился взятіемъ Назарета. Извѣстіе о кончинѣ отца застало его въ то время, какъ онъ продолжалъ еще сражаться съ сарацинами. Расположеніе къ нему націи сказалось въ возведеніи его на престолъ во время его отсутствія и помимо всякаго избранія парламентомъ въ 1272 г. Только 2-го августа 1274 г. онъ высадился на англійскій берегъ.

Въ лицѣ Эдуарда мы имѣемъ самаго популярнаго изъ Плантагенетовъ, много содѣйствовавшаго упроченію въ Англіи парламентскихъ порядковъ, законодателя, прославившагося рядомъ мѣръ, направленныхъ противъ роста церковныхъ имуществъ и дальнѣйшаго расхищенія казенныхъ земель, продолжателя той политики, какой еще Вильгельмъ Завоеватель держался по отношенію къ феодальной знати, и устроителя англійской арміи съ помощью извѣстнаго Винчестерскаго Статута отъ 1285 г. Изъ всѣхъ его законодатель-

ныхъ мѣръ всего одна, какъ вызванная религіознымъ фанатизмомъ, не можетъ разсчитывать на наше сочувствіе. Въ 1290 г. Эдуардъ изгналъ изъ Англіи евреевъ, признаваемыхъ имъ не только врагами Христа, но ростовщиками и фальшивомонетчиками. Евреямъ дано было всего три мѣсяца для оставленія королевства. Въ теченіе 360-ти лѣтъ они остались за его предѣлами, если не говорить о тѣхъ, которые подъ именемъ ломбардскихъ купцовъ, т. е. выходцевъ изъ Италіи, получали разрѣшеніе производить кредитныя операціи и вскорѣ явились въ такомъ числѣ въ Лондонѣ, что съ ихъ именемъ связано названіе одной изъ улицъ Сити, доселѣ являющейся средоточіемъ банковой дѣятельности.

Изъ внѣшнихъ событій, прославившихъ царствованіе Эдуарда I, мы отмѣтимъ окончательное завоеваніе Уэльса послѣ подавленія въ немъ возстанія Левелина, туземнаго правителя сѣверной части княжества, вступившаго въ переговоры съ французами. Во время войнъ, вызванныхъ этимъ возстаніемъ, Левелинъ былъ убитъ, а его братъ, Давидъ, взятый въ плѣнъ, подвергнутъ былъ суду парламента и за измѣну приговоренъ къ повѣшенію и четвертованію. Присоединеніе Уэльса сопровождалось введеніемъ въ него англійскихъ порядковъ. Только немногіе кельтическіе обычаи были удержаны въ силѣ, какъ слѣдуетъ изъ содержанія статута, изданнаго для княжества въ 1284 г.

Правленіе Эдуарда I ознаменовано также первымъ по времени соединеніемъ Шотландіи съ Англіей. За прекращеніемъ династіи Малькольма, шотландскій престолъ стали оспаривать два претендента, оба—родомъ изъ Англіи. Эдуардъ призванъ былъ высказаться въ пользу одного изъ нихъ и отдалъ предпочтеніе Джону Балліолю (John Balliol), какъ ближайшему родственнику. Балліоль принесъ ему присягу, какъ сюзерену, и былъ коронованъ въ Сконѣ въ 1292 г. Опираясь на свои права верховенства, Эдуардъ сталъ требовать переноса въ англійскіе суды апелляцій на рѣшенія, принятыя въ Шотландіи; это вызвало недовольство и побудило шотландцевъ искать союза съ Франціей. Эдуардъ призвалъ Балліоля дать ему отвѣтъ въ своемъ поведеніи и, въ виду его неявки, открылъ походъ противъ Шотландіи, разбилъ Балліоля на голову въ битвѣ при Денбарѣ въ 1296 г. и, собравъ шотландскій парламентъ, привелъ къ присягѣ важнѣйшихъ феодальныхъ владѣльцевъ страны, объявивъ имъ, что будетъ править ею самъ, не внося никакихъ измѣненій въ мѣстные законы и даруя полную амнистію сторонникамъ Балліоля.

Въ ближайшемъ году въ Шотландіи вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго сталъ Вильямъ, родомъ изъ герцогства Уэльскаго и потому прослывшій подъ названіемъ „Уоллосъ“, т. е. уэльсецъ. Битва подъ Фалькиркомъ окончилась для него пораженіемъ; онъ убѣжалъ въ горы и оттуда, опираясь на кланы сѣверной Шотландіи, продолжалъ вести партизанскую войну, пока въ 1305 г. онъ не былъ выданъ и казненъ въ Лондонѣ, какъ измѣнникъ. Но этимъ еще не кончилось противодѣйствіе Шотландіи англійскому занятію. Робертъ Брюсъ (Robert Bruce), внукъ того Брюса, который оспаривалъ у Балліоля въ 1292 г. право на шотландскій престолъ, въ 1306 г. попробовалъ вызвать новое возстаніе въ Шотландіи. Онъ возложилъ на себя корону, но вскорѣ былъ разбитъ ополченіемъ, посланнымъ противъ него Эдуардомъ. Долгое время онъ скитался въ горахъ сѣвера, теряя все большее число своихъ приверженцевъ. Эдуардъ обѣщалъ большую сумму денегъ за выдачу его живымъ или мертвымъ. Въ 1307 г. разнеслась вѣсть о новой его высадкѣ въ Шотландію изъ Аргайльшира, гдѣ онъ одно время скрывался на островѣ. Престарѣлый король рѣшился самъ сѣсть на коня и пойти походомъ противъ него. Четырехдневная болѣзнь во время похода вскорѣ положила конецъ славному царствованію, а преемникъ престола. Эдуардъ II, подъ предлогомъ участія въ похоронахъ отца, покинулъ Шотландію, оставивъ ее въ рукахъ Брюса.

Въ исторіи средневѣковой Англіи царствованіе Эдуарда I является своего рода „золотымъ вѣкомъ“. При

немъ достигнуто было, какъ мы видѣли, временное объединеніе подъ единой властью всѣхъ частей острова, упрочено зданіе мѣстнаго самоуправленія и созданъ англійскій парламентъ въ томъ видѣ, который въ теченіе ближайшихъ столѣтій будетъ считаться образцовымъ. Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы изберемъ правленіе Эдуарда центромъ картины соціальнаго и политическаго уклада средневѣковой Англіи. Въ настоящее же время отмѣтимъ тотъ фактъ, что новый король, сынъ Эдуарда, своимъ легкомысліемъ, способностью подчиняться вліянію неудачно выбранныхъ совѣтниковъ, неуспѣхами на войнѣ и неумѣніемъ удержать поэтому недавнія завоеванія, сдѣланныя его отцомъ, настолько возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе руководящихъ сферъ, что феодальная знать сперва подчинила его, по примѣру Генриха III, контролю особаго, избраннаго парламентомъ комитета, а затѣмъ, съ цѣлью избавиться отъ временщиковъ, захватившихъ всю власть, вызвала смѣщеніе его съ престола парламентомъ. Трагедія Эдуарда II кончилась тайнымъ его убійствомъ въ сент. 1327 г. Рядъ пораженій, понесенныхъ Англіей въ лицѣ ея неудачнаго правителя, начался оставленіемъ похода, предпринятаго Эдуардомъ I въ Шотландію. Нерадивый король передалъ бразды правленія Пирсъ Гавестону (Piers Gaveston), котораго онъ открыто называлъ своимъ „добрымъ братомъ“ и женилъ на собственной племянницѣ. Когда бракъ съ дочерью французскаго короля заставилъ его временно покинуть Англію, Гавестонъ сдѣлался регентомъ. Гордые феодалы не снесли такой обиды и заставили короля временно удалить этого чужеземца (родиной его была Гасконь). Король поручилъ ему отвѣтственный постъ лорда-уполномоченнаго въ Ирландіи и при первой возможности снова вернулъ его къ роли главнаго министра. Шотландская война продолжалась къ явной невыгодѣ Англіи: одна крѣпость за другой сдавалась Брюсу и общественное мнѣніе требовало, чтобы во главѣ похода сталъ самъ король. Ненависть къ временщику усилилась благодаря его презрительному отношенію къ такимъ вождямъ англійской аристократіи, какъ графы Ланкастеръ, Пемброкъ и Уоррикъ. Этимъ тремъ лордамъ въ 1310 г. удалось повести удачный походъ въ парламентѣ противъ королевскаго фаворита и захватить власть въ свои руки. Слѣдуя тому прецеденту, какой созданъ былъ въ Оксфордѣ въ 1258 г., когда вотированы были извѣстныя мѣропріятія, сдерживавшія свободу выбора королемъ Генрихомъ III своихъ совѣтниковъ, парламентъ избралъ изъ своей среды комитетъ въ 21 человѣкъ; члены его получили назв. „лордовъ-устроителей королевства“; имъ поручено было намѣтить необходимыя реформы. Архіепископъ кентерберійскій и всѣ столпы англійскаго дворянства вошли въ его составъ, но руководящая роль въ немъ выпала въ удѣлъ двоюродному брату короля, графу Ланкастерскому. Тщетно король жаловался на то, что съ нимъ поступаютъ, какъ съ сумасшедшимъ, не позволяя ему управлять собственнымъ достояніемъ. Кончившійся безъ всякихъ результатовъ походъ его въ Шотландію имѣлъ послѣдствіемъ, что его заставили подписать рядъ мѣропріятій, предложенныхъ лордами-устроителями королевства. Онъ принужденъ былъ согласиться на то, чтобы удалить отъ себя Гавестона, не выбирать болѣе ближайшихъ совѣтниковъ безъ согласія лордовъ, не взимать пошлинъ и другихъ поборовъ, кромѣ тѣхъ, которые установлены будутъ парламентомъ, и согласиться на реформу правосудія. Скрѣпивъ своей подписью всѣ эти документы, Эдуардъ вслѣдъ затѣмъ издалъ, послѣ удаленія своего на сѣверъ, указы, заявлявшіе, что все обѣщанное имъ исторгнуто было у него угрозами и потому лишено всякой силы. Тогда Ланкастеръ и его друзья рѣшили взяться за оружіе и осадили замокъ Скарборо (Scarborough), занятый въ это время Гавестономъ. Послѣдній согласился сдать крѣпость, подъ условіемъ, что его предадутъ суду парламента; но едва онъ оказался въ рукахъ враговъ, какъ они убили его. Графъ Уоррикъ и графъ Ланкастеръ или участвовали въ этомъ злодѣяніи, или не воспротивились ему вовремя. Король продолжалъ воевать съ шот-

ландцами, потерпѣлъ пораженіе подъ Банокбёрномъ, послѣ кот. Робертъ Брюсъ сдѣлался всѣми признаваемымъ королемъ къ сѣв. отъ р. Твидъ. Разбитый на голову, Эдуардъ не въ состояніи былъ болѣе противиться честолюбію Томаса Ланкастерскаго, который съ этого времени (1314) не только сдѣлался дѣйствительнымъ правителемъ Англіи, но и поставилъ самого короля въ необходимость ограничить свои издержки и издержки своего двора всего на всего десятью фунт. въ день. Четыре года продолжалось правленіе Ланкастера. Въ теченіе ихъ Брюсъ успѣлъ возвести на ирландскій престолъ своего брата Эдуарда,—правда, на короткій срокъ. Два года спустя лорду Мортимеру удалось, пользуясь несогласіями, возникшими между мѣстными вождями кельтическихъ округовъ Ирландіи, отвоевать Дублинъ и „Пэлль“ для Англіи послѣ того, какъ въ сраженіи подъ Ассенри перебиты были приверженцы Эдуарда Брюса—О'Коноры (O'Connor) и палъ самъ недавно вѣнчаный король Ирландіи. Менѣе удачны были попытки англичанъ воспротивиться походамъ Роберта Брюса въ Англію; онѣ ознаменованы были опустошеніемъ сѣверныхъ графствъ Дёргема и Іорка, взятіемъ пограничнаго съ Шотландіей города Бёрвика, что вмѣстѣ взятое побудило Ланкастера искать мира. Эти военныя неудачи были причиной, по которой Эдуарду удалось снова вернуть себѣ власть послѣ того, какъ вліятельные въ западной Англіи Деспенсеры стали на его сторону. Ланкастеру пришлось бѣжать, а король воспользовался упроченіемъ своего престола для кровавой расправы со своими политическими противниками. Въ 1322 г. Томасъ, графъ Ланкастерскій, выданный милиціей сѣверныхъ графствъ, былъ казненъ вмѣстѣ съ 8 другими баронами и 30 рыцарями. Лордъ Мортимеръ и другіе приверженцы низвергнутаго правительства потеряли свои земли и должны были уйти въ изгнаніе, а король снова подпалъ подъ вліяніе своихъ недавнихъ союзниковъ Деспенсеровъ, отца и сына, которые своей надменностью и стяжательствомъ скоро стали столь же ненавистны, какъ и прежній временщикъ Гавестонъ. Когда супруга короля Эдуарда, во время посѣщенія двора своего брата, короля французскаго Карла IV, встрѣтилась въ Парижѣ съ опальнымъ Мортимеромъ и вступила съ нимъ въ связь, ея любовнику удалось вовлечь ее въ новый заговоръ противъ короля Эдуарда и всемогущихъ Деспенсеровъ. По его наущенію, она вызвала къ себѣ во Францію своего сына Эдуарда, послѣ чего мужу поставлено было требованіе удалить Деспенсеровъ, какъ оскорбившихъ королеву. Когда послѣдовалъ отказъ, Изабелла съ Мортимеромъ, во главѣ наемныхъ дружинъ изъ Фландріи, переѣхали Ламаншъ, обезпечили себѣ поддержку родственниковъ и сторонниковъ казненныхъ Эдуардомъ лордовъ и стали грозить Лондону. Сама королева очутилась во главѣ войска настолько сильнаго, что король бѣжалъ въ Уэльское княжество вмѣстѣ съ Деспенсерами, но всѣ трое захвачены были на пути, на разстояніи нѣсколькихъ недѣль. Съ Деспенсерами развязка была недолгая, короля же взяли въ плѣнъ и посадили въ замокъ Кенильуёрсъ (Kenilworth), въ нояб. 1326 г. Созванный королевой отъ имени принца Эдуарда парламентъ обвинилъ короля въ нарушеніи данной имъ при коронаціи присяги, въ сознательномъ нерадѣніи къ дѣламъ страны, въ передачѣ управленія въ руки недостойныхъ фаворитовъ, въ потерѣ Шотландіи и Ирландіи, наконецъ, въ казни своихъ политическихъ враговъ помимо суда. На всѣхъ этихъ основаніяхъ парламентъ призналъ Эдуарда недостойнымъ удержать власть въ своихъ рукахъ, лишилъ его престола и выбралъ ему преемникомъ его малолѣтняго сына Эдуарда; король же отданъ былъ въ руки брата убитаго имъ Томаса Ланкастерскаго и выданъ былъ имъ Мортимеру и королевѣ, которые посадили его въ крѣпость Бёркли (Burkley). Онъ подвергнутъ былъ здѣсь жестокому обращенію, разсчитанному на то, чтобы побудить его къ самоубійству, а когда эти ожиданія не осуществились, тюремщики убили короля.

Въ малолѣтство Эдуарда III Англіей правилъ Мортимеръ, любовникъ королевы, хотя и былъ назначенъ совѣтъ съ Генрихомъ Ланкастерскимъ во гла-

вѣ для руководительства четырнадцатилѣтнимъ монархомъ. Война съ Шотландіей велась неудачно, недовольство въ народѣ росло, миръ съ Брюсомъ заключенъ былъ подъ условіемъ отказа отъ всѣхъ правъ на шотландскій престолъ. Пришлось вернуть корону, захваченную Эдуардомъ и увезенную имъ въ Лондонъ, и выдать въ замужество за сына Брюса собственную сестру короля, Іоанну. Попытки Генриха Ланкастера, а за нимъ Эдмунда, графа Кентскаго, низвергнуть владычество Мортимера кончились неудачно: первый подвергнутъ былъ высокимъ штрафамъ, второй—казненъ. Но чего не удалось достигнуть вождямъ феодальной знати, то осуществлено было самимъ молодымъ монархомъ: ночью, во главѣ небольшой кучки людей, восемнадцатилѣтній юноша-король въ замкѣ Ноттингемъ въ окт. 1330 г. проникъ въ покои королевы, своей матери, тайнымъ ходомъ и на ея глазахъ, пренебрегая ея слезами и проклятіями, захватилъ въ свою власть Мортимера. Онъ преданъ былъ затѣмъ суду пэровъ, которые приговорили его къ казни. Эдуардъ не замедлилъ распорядиться ея исполненіемъ; королеву-же Изабеллу онъ помѣстилъ въ „почетную тюрьму“, гдѣ ей пришлось прожить еще много лѣтъ.

Правленіе Эдуарда ознаменовалось прежде всего удачными войнами съ Шотландіей; послѣдствіемъ ихъ было возведеніе Англіей на престолъ противника Брюса, Эдуарда Балліоля, но не надолго: послѣ нѣсколькихъ лѣтъ правленія, этотъ поддерживаемый чужеземцами правитель, уступившій Англіи часть сосѣднихъ съ ней шотландскихъ земель и принесшій Эдуарду присягу, какъ своему сюзерену, былъ низвергнутъ, и для малолѣтняго Давида Брюса, сына счастливаго противника первыхъ двухъ Эдуардовъ, открылась возможность новаго возвращенія на престолъ при поддержкѣ Франціи.

Ставя въ вину французамъ и королю Филипу VI укрывательство молодого Брюса, Эдуардъ III возобновилъ войну съ Франціей и, предъявивъ права на ея престолъ, положилъ начало борьбѣ, продолжавшейся 100 л. Его притязанія не имѣли реальной почвы. Хотя пэры Франціи и выставили противъ него то основаніе, что по салическому закону, варварской правдѣ франковъ, говорившей объ одномъ наслѣдованіи недвижимой собственности, тронъ не переходитъ къ женской линіи, но на самомъ дѣлѣ Эдуардъ не могъ претендовать на престолъ Франціи и потому, что имѣлся болѣе близкій родственникъ—мужчина, происходившій по прямой линіи отъ брата королевы Изабеллы, матери Эдуарда III и дочери Филиппа IV французскаго. Этимъ лицомъ былъ Карлъ, король Наварры. Англійскіе историки нашего времени указываютъ на то обстоятельство, что Эдуардъ III, повидимому, самъ не былъ увѣренъ въ правотѣ своихъ притязаній и предъявилъ ихъ съ цѣлью поощренія торговыхъ интересовъ Англіи. „Англія озабочена была“, говоритъ одинъ изъ недавнихъ бытописателей англійской жизни въ періодъ времени отъ 1350 по 1360 г., Сесиль Дженъ, „сохраненіемъ Гвіени и Гаскони—этихъ обломковъ ранѣе принадлежавшаго ей Аквитанскаго княжества, такъ какъ они обнимали собою бассейнъ Гаронны и два важныхъ приморскихъ порта, Байонну и Бордо. Города эти были средоточіемъ винной торговли—одного изъ главныхъ источниковъ англійскаго благосостоянія. Но еще большее значеніе имѣла для Англіи по тѣмъ же причинамъ Фландрія, въ которой не прекращалась вражда торговыхъ городовъ Гента, Антверпена и Брюгге съ графомъ Фландрскимъ. Послѣдній находилъ ближайшую поддержку въ своемъ сюзеренѣ, королѣ Франціи, города же Фландріи, связанные торговымъ обмѣномъ съ Англіей, искали въ ней свою опору. Такъ какъ Англія сбывала во Фландрію свою шерсть, то торжество графа фландрскаго и его сюзерена, короля Франціи, было бы роковымъ ударомъ для англійской торговли. Вскорѣ по восшествіи Эдуарда III на престолъ, Филиппъ Валуа, родоначальникъ новой династіи французскихъ правителей, нанесъ фландрскимъ городамъ жестокое пораженіе; но они снова поднялись подъ руководствомъ Іакова ванъ Артевельде, пивовара изъ Гента; этотъ своего рода народный трибунъ обратился за помощью въ Англію. Же-

ланіе избѣжать подчиненія Фландріи французскому владычеству и было ближайшей причиной начатія Эдуардомъ войны; но такъ какъ война въ защиту торговыхъ интересовъ не отвѣчала феодальнымъ понятіямъ того времени, то король рѣшилъ предъявить свои титулы на французскій престолъ и так. образ. оправдать свое поведеніе, которое въ противномъ случаѣ могло считаться нарушеніемъ присяги по отношенію къ законному сюзерену, отъ котораго онъ держалъ Гвіень и Гасконь" (см. *L. Cecil Jane*, „The Coming of Parliament", Lond. 1905, стр. 13—17).

Мы, разумѣется, не станемъ слѣдить за ходомъ военныхъ дѣйствій во Франціи ни въ царствованіе Эдуарда III, ни во все время продолженія столѣтней войны; мы отмѣтимъ только нѣкоторыя послѣдствія, какія эта война имѣла въ самомъ началѣ для внутреннихъ судебъ королевства. „До Эдуарда III", говоритъ Дженъ, „сила англійской арміи лежала въ феодальной конницѣ, но уже при Эдуардѣ I, въ битвѣ подъ Фалькиркомъ, выступило все значеніе стрѣлковъ—пѣхотинцевъ. Пораженія, нанесенныя французамъ Эдуардомъ I подъ Креси и Пуатье, поставили внѣ сомнѣнія превосходство пѣхоты; но стрѣлки составляли плебейскую часть средневѣковой арміи: они вербовались изъ среды людей, не владѣвшихъ вовсе землею или въ рукахъ которыхъ сосредоточивались лишь мелкіе участки. Феодальные бароны считали недостойнымъ для себя служить въ рядахъ пѣхотинцевъ. Естественнымъ послѣдствіемъ упадка конницы и роста пѣхоты было нанесеніе существеннаго удара феодальной знати, значеніе которой опиралось на ея роли на войнѣ". (Ibid., 21—22).

Не меньшія побѣды одержалъ и англійскій флотъ надъ французскимъ въ битвѣ подъ Слюисомъ (Sluys), а такъ какъ флотъ этотъ составленъ былъ главнымъ образомъ изъ торговыхъ кораблей, снаряжаемыхъ такъ наз. cinq ports, и экипажъ которыхъ состоялъ преимущественно изъ рыболововъ, т. е. опять-таки изъ простонародья, то легко судить о томъ, какое вліяніе все это должно было имѣть на поднятіе въ общественномъ мнѣніи т. наз. коммонеровъ, т. е. простолюдиновъ, и насколько это должно было содѣйствовать ихъ побѣдамъ и въ гражданскомъ быту въ роли низшихъ органовъ мѣстнаго управленія и депутатовъ отъ общинъ и городовъ.

Военныя дѣйствія завершились взятіемъ Калэ, которое съ этого времени въ теченіе двухсотъ лѣтъ оставалось въ рукахъ англичанъ, оказывая немалыя услуги и англ. товговлѣ. Въ немъ открытъ былъ складъ для продажи производим. Англіей шерсти, the staple, а шерсть слыла англ. товаромъ по преимуществу и шла на выдѣлку тонкихъ суконъ, какъ во Фландріи, такъ и для флорентинскаго цеха „калимала", заступая мѣсто шерсти тонкорунныхъ овецъ Арагоніи. Въ стихотворномъ произведеніи первой половины XV в., „Libell of english Policy", оптовый отпускъ шерсти, развозимой затѣмъ ганзейскими купцами по всему континенту, считается однимъ изъ источниковъ благосостоянія и англійскихъ сельскихъ хозяевъ, и казны.

Война съ Франціей имѣла и то послѣдствіе для внутренней жизни англичанъ, что, требуя усиленнаго обложенія страны, она вызывала въ парламентѣ естественное желаніе усилить его контроль за издержками, воспрепятствовать произвольнымъ поборамъ, производимымъ безъ согласія парламента, и установить отвѣтственность совѣтниковъ короля передъ самимъ парламентомъ, который въ 1341 г. сталъ снова настаивать на участіи въ ихъ выборѣ. Въ свою очередь, королевскіе совѣтники, которымъ монархъ не прочь былъ приписать свои неудачи во Фландріи, гдѣ его войско задержано было подъ крѣпостями, занятыми пограничными французскими гарнизонами, не пожелали мириться съ произвольными отставками и преслѣдованіями недовольнаго ихъ поведеніемъ монарха. Въ отвѣтъ на обвиненіе въ присвоеніи себѣ суммъ, поступавшихъ отъ налоговъ, канцлеръ королевства и епископъ кентерберійскій потребовали въ 1341 г. суда пэровъ, т. е. равныхъ имъ по своему общественному положенію членовъ верхней палаты, и прецедентъ въ этомъ отношеніи былъ

созданъ въ ея пользу, так. образ., еще въ первой половинѣ XIV в.

Моровая язва, занесенная изъ Константинополя и венеціанской колоніи на Азовскомъ морѣ—Таны, близъ нынѣшняго Азова, сперва въ Геную и Марсель, а затѣмъ и во всѣ страны Европы, опустошила Англію въ 1348 г., унеся отъ трети до половины ея населенія. Ею пріостановлены были на два года и военныя дѣйствія во Франціи. Она имѣла повсюду въ Европѣ, въ томъ числѣ и въ Англіи, то послѣдствіе, что вызвала полную революцію цѣнъ на всѣ товары, а также на трудъ. Ея экономическія послѣдствія изучены были мною въ III т. „Экономическаго роста Европы"; они въ Англіи были, въ общемъ, тѣ же, что и на континентѣ. По державшемуся въ средніе вѣка представленію о справедливой цѣнѣ, она должна была обезпечивать землевладѣльцу, купцу и ремесленнику возможность вести „приличествующій ихъ состоянію образъ жизни". Ѳома Аквинатъ въ XIII в. въ этомъ, именно, смыслѣ понимаетъ justum praecium, т. е. справедливую цѣну на товары и трудъ. Внезапное повышеніе цѣнъ и заработной платы почти вдвое противъ прежняго, разсматривалось поэтому, какъ дѣйствіе несправедливое и подлежащее преслѣдованію. Подобно другимъ правительствамъ, и англійское принимало мѣры къ его подавленію. Въ этомъ смыслѣ, 18 іюля 1350 г. король, посовѣтовавшись съ магнатами, издаетъ указъ или такъ называемую ordinance, которая обязываетъ лицъ обоего пола, не имѣющихъ опредѣленнаго занятія въ сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ или ремеслѣ, не отказываться отъ службы рабочаго, одинаково, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, и довольствоваться при этомъ тѣмъ жалованіемъ или содержаніемъ, какое хозяева давали своимъ слугамъ въ теченіе послѣднихъ пяти или шести лѣтъ. Виновнымъ въ полученіи или платежѣ болѣе высокой платы или въ непринятіи работы, или въ оставленіи хозяевъ раньше срока, или наймѣ большаго, чѣмъ нужно, числа рабочихъ, грозятъ штрафомъ и даже тюремнымъ заключеніемъ.

Содержаніе указа воспроизводится съ существенными дополненіями статутомъ 1351 г. о рабочихъ и слугахъ, изданнымъ вновь созваннымъ парламентомъ. Можно сказать, что съ этого времени и до царствованія Елизаветы включительно государственная власть признаетъ за собою право регулированія заработной платы, при чемъ опредѣленіе ея размѣра переходитъ къ мировымъ съѣздамъ, установляющимъ срочные тарифы на трудъ и уполномоченнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлять приговоры противъ тѣхъ рабочихъ и хозяевъ, которые позволятъ себѣ не считаться съ этими тарифами.

Регламентація отношеній рабочаго люда къ хозяевамъ, къ явному ущербу перваго и наперекоръ закону спроса и предложенія, вызвала во всей Европѣ, въ томъ числѣ и въ Англіи, первыя попытки образованія союзовъ между рабочими, столько-же временныхъ, сколько и постоянныхъ, съ цѣлью противопоставить насильственнымъ мѣропріятіямъ короля и владѣтельныхъ сословій силу свободнаго соединенія.

Очень вѣроятно, что такіе союзы зародились и ранѣе въ городахъ, по примѣру тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ гильдій, въ которыя организованы были предприниматели; но въ настоящее время, рабочіе союзы возникаютъ и въ селахъ. Во Франціи къ экономическимъ послѣдствіямъ моровой язвы 1348 г., извѣстной подъ названіемъ „черной смерти", надо отнести появленіе первыхъ „compagnonnages". Въ Англіи союзы сельскаго люда упоминаются парламентскими актами, какъ существующіе, къ концу царствованія Эдуарда III и даже ранѣе, такъ какъ парламентъ 1351 г. уже говоритъ о лицахъ, подстрекающихъ своихъ товарищей - рабочихъ къ противодѣйствію властямъ, настаивающимъ на соблюденіи статута о рабочихъ и слугахъ. Въ петиціяхъ, представленныхъ палатой общинъ королю Ричарду II въ самый годъ его воцаренія, заходитъ также рѣчъ о томъ, что крѣпкіе къ землѣ крестьяне вошли въ соглашеніе другъ съ другомъ и связали себя обѣщаніемъ противиться силою сеньёрамъ. Есть основаніе думать, что причиной ихъ недовольства было стремленіе помѣщиковъ заста-

вить крестьянъ вмѣсто оброка опять отбывать барщину, что, въ свою очередь, вызывалось повышеніемъ заработной платы за сельскій трудъ. Но, чтобы уклониться отъ барщины, тѣ изъ крестьянъ, которые не владѣли значительными надѣлами, а жили въ селахъ на положеніи батраковъ и слугъ (бордаріи и котаріи), не прочь были сняться со своихъ мѣстъ и уйти въ другія графства, гдѣ ихъ происхожденіе не было извѣстно, и еще чаще въ города съ цѣлью стать въ нихъ ремесленниками,—наконецъ, за границу, куда ихъ привлекала болѣе высокая плата за сельскій трудъ. Въ 46-й годъ правленія короля Эдуарда парламентъ прямо заявляетъ жалобу на этотъ счетъ (см. мой „Экономическій ростъ Европы“, III, 352—365).

Въ союзахъ сельскихъ рабочихъ и недовольныхъ оживленіемъ барщины крѣпостныхъ крестьянское возстаніе временъ Ричарда II, извѣстное подъ именемъ *возстанія Уота Тайлера* (Wat Tyler's rebellion), нашло готовые кадры. Но оно вспыхнуло не сразу, а всего въ 1381 г., на разстояніи болѣе чѣмъ 30-ти лѣтъ со времени опустошенія Англіи моровою язвою и изданія парламентомъ статутовъ о рабочихъ и служителяхъ.

Прерванныя чумою военныя дѣйствія съ Франціей были возобновлены въ 1355 г. и ознаменовались жестокими подвигами сына короля Эдуарда, Чернаго Принца. Въ битвѣ подъ Пуатье Іоаннъ, король французскій, былъ взятъ въ плѣнъ (въ 1356 г.). Во Франціи наступила анархія, ознаменовавшаяся удачнымъ возстаніемъ парижской буржуазіи подъ предводительствомъ Этьена Марселя, прево купцовъ, а въ селахъ вспыхнула жакерія, т. е. безпощадная рѣзня феодальныхъ собственниковъ ихъ крестьянами, сопровождавшаяся поджогами замковъ и истребленіемъ хранившихся въ нихъ актовъ укрѣпленія по имуществу, которые заключали въ себѣ, между прочимъ, запись крестьянскихъ службъ и платежей. Первая французская коммуна завязала сношенія съ „жаками“, и можно было ожидать, что народному демосу селъ и городовъ, въ союзѣ съ буржуазіей, удастся произвести цѣлый переворотъ въ общественномъ и, отчасти, политическомъ укладѣ Франціи. Но „жаки“ были побѣждены и подверглись безжалостному избіенію, а первая парижская коммуна была подавлена. Послѣ новыхъ погромовъ Франціи высадившимися на берегъ въ 1359 и 1360 гг. англійскими войсками, опустошившими все на своемъ пути отъ Реймса до Парижа, заключенъ былъ миръ въ Бретиньи въ 1360 г., который обезпечилъ англичанамъ владѣніе Калэ и Понтье. За короля Іоанна обѣщанъ былъ выкупъ въ 3.000.000 кронъ золотомъ, который, однако, въ дѣйствительности, никогда не былъ уплаченъ вполнѣ. Миръ въ Бретиньи сопровождался миромъ съ Шотландіей, при чемъ захваченный въ плѣнъ король Давидъ былъ освобожденъ за выкупъ въ 90.000 марокъ.

Годы, когда происходили эти событія, характеризуются широкимъ подъемомъ англійской торговли и промышленности. Въ восточную Англію Эдуарду удалось привлечь ткачей изъ Фландріи, которые образовали здѣсь цѣлыя поселенія; главнымъ предметомъ обмѣна оставались шерсть и металлы, въ томъ числѣ свинецъ. Англичане на своихъ судахъ не плавали далѣе береговъ Норвегіи и сѣверной Испаніи; обмѣнъ производился, главнымъ образомъ, на ганзейскихъ судахъ, и купцы, принадлежавшіе къ союзу этихъ сѣверогерманскихъ городовъ, имѣвшихъ факторіи и въ Ригѣ, и въ Новгородѣ, и въ Бергенѣ, открыли такую же факторію въ Лондонѣ (отъ желѣзной крыши, покрывавшей ея дворъ, она получила названіе „steel-yard“ и просуществовала до великаго пожара, истребившаго ее въ царствованіе Елизаветы, послѣ чего привилегіи факторіи больше не возобновлялись. Послѣдніе годы правленія Эдуарда III омрачились возстаніями въ предѣлахъ французскихъ владѣній Англіи, пораженіями, нанесенными англійскому оружію знаменитымъ Дюгескленомъ, и потерей почти всѣхъ принадлежавшихъ Англіи провинцій на континентѣ, за исключеніемъ городовъ Бордо, Байоны и Калэ.

Семилѣтіе отъ 1370 по 1377 г. — годъ кончины Эдуарда III—ознаменовано зарожденіемъ перваго по времени

(если не говорить объ Абелярѣ) реформаціоннаго движенія. Родоначальникомъ его явился *Джонъ Виклефъ* (род. въ 1320 г., ум. въ 1384 г.), священникъ, одно время стоявшій во главѣ коллегіи Белліоль въ Оксфордѣ. Такъ какъ онъ проповѣдывалъ, между прочимъ, отобраніе церковныхъ имуществъ для раздачи ихъ служилому сословію и не прочь былъ, подобно своему великому преемнику Лютеру, обвинять въ неразумѣніи крестьянъ, не желавшихъ нести барщины и платить оброка свѣтскимъ владѣльцамъ, то онъ пріобрѣлъ дѣятельную поддержку въ Джонѣ Гонтѣ, герцогѣ Ланкастерскомъ, и, вообще, въ средѣ феодальной аристократіи.

Въ догматическомъ отношеніи ученіе Виклефа подымало вопросы, близкіе къ тѣмъ, какіе вѣкъ спустя вызвали отпаденіе отъ римской церкви Іоанна Гусса; мысль послѣдняго не разъ питалась твореніями Виклефа, и многія изъ рукописныхъ сочиненій послѣдняго сравнительно недавно были изданы обществомъ Виклефа въ Лондонѣ на основаніи рукописей, хранящихся частью въ Прагѣ, частью въ Вѣнѣ. Проповѣдь, всего болѣе подѣйствовавшая на низы англійскаго общества и англійскаго духовенства, въ частности, была проповѣдью нестяжанія, отказа отъ церковныхъ имуществъ и даже отъ вознагражденія за требы. Странствующіе пресвитеры, такъ ярко изображенные главою зарождавшейся въ это время англійской литературы, Чосеромъ, разносили по всей Англіи посѣянныя Виклефомъ сѣмена, обращаясь со своими проповѣдями, по преимуществу, къ простонародью и получая въ высшихъ рядахъ церкви названіе *лоллардовъ*, вѣчно ворочающихъ языкомъ болтуновъ. Многіе изъ нихъ, какъ, напр., Боллъ, одинъ изъ вожаковъ будущаго крестьянскаго возстанія, шли далѣе учителя, не устанавливая различія между церковными и свѣтскими помѣстьями и позволяя себѣ высказывать сомнѣніе въ томъ, чтобы владѣющее землею дворянство было установлено самимъ небомъ. „Когда Адамъ пахалъ и Ева пряла,— гдѣ былъ въ то время англійскій джентльменъ?“ значится въ одной изъ виршъ, приписываемыхъ Боллу современнымъ лѣтописцемъ. Въ другихъ стихотворныхъ произведеніяхъ того же времени лоллардовъ обвиняютъ въ томъ, что они высказывались противъ уплаты священникамъ не только жалованья, но и церковной десятины, и въ то же время совѣтовали крѣпостнымъ крестьянамъ, сервамъ, отказывать въ своей службѣ помѣщикамъ (см. „Political Poems“, изд. Wright'омъ, I, 236. См. также для всего, касающагося Виклефа и его времени, соч. *George Macaulay Trevelyan*, „England in the age of Wycliffe“, 1899).

Благодаря покровительству герцога Ланкастерскаго, Виклефъ и его ближайшіе послѣдователи не подверглись преслѣдованію; нѣкоторые лолларды, какъ принявшіе участіе въ крестьянскомъ востаніи 1381 года, были казнены, въ томъ числѣ Боллъ; но признаніе послѣдователей Виклефа еретиками, подлежащими сожженію на кострѣ, воспослѣдовало много времени спустя, уже въ царствованіе правителя изъ новой династіи, Генриха IV Ланкастера, согласившагося скрѣпить своей подписью статутъ De Haeretico Comburendo отъ 1401 г., уступая совѣтамъ жестокаго и фанатическаго епископа Арунделя (брата того, которымъ былъ казненъ послѣдній король изъ династіи Плантагенетовъ, Ричардъ II).

Царствованіе Ричарда II, такъ печально закончившееся, открылось крестьянскимъ возстаніемъ, которому, судя по его временному успѣху, мы не находимъ равнаго въ исторіи среднихъ вѣковъ. Какъ причины этого возстанія, такъ и ходъ его изложены мною во II томѣ „Экономич. роста Европы“ на основаніи впервые использованныхъ мною судебныхъ актовъ центральнаго архива въ Лондонѣ (этими же актами воспользовались впослѣдствіи, и совершенно независимо отъ меня, молодой французскій историкъ Réville, московскій проф. Петрушевскій и кембриджскій проф. Оманъ). При выясненіи причинъ возстанія я сознательно опустилъ тѣ, которыя стояли въ связи съ политическими событіями, переживавшимися Англіей; о нихъ трудно было заводить рѣчь въ сочиненіи, посвященномъ экономическому росту Европы, но я

*

счелъ нужнымъ ввести для освѣщенія движущихъ силъ возстанія данныя изъ литературы того времени, яркое изображеніе Чосеромъ, Виклефомъ, Гоуэромъ, Ленглендомъ и другими современными писателями различныхъ настроеній англійскаго общества въ эпоху уже начавшагося разложенія феодальной системы.

Мой общій выводъ—тотъ, что въ экономическомъ положеніи поднявшихся народныхъ массъ и въ отношеніи къ нимъ владѣтельныхъ сословій имѣлось достаточно причинъ для недовольства и что реформаціонному движенію, открывшемуся въ Англіи съ Виклефомъ, принадлежитъ только косвенное и второстепенное вліяніе на возстаніе крестьянства. Едва ли также главнымъ поводомъ къ движенію было установленіе малолѣтнимъ Ричардомъ (или, вѣрнѣе, правившимъ за него Джономъ Гонтомъ, герцогомъ Ланкастерскимъ) въ 1379 г. подушной подати. Эта подать, подъ названіемъ poll-tax, на простыхъ земледѣльцевъ падала въ размѣрѣ четырехъ пенсовъ, а на герцоговъ и архіепископовъ въ размѣрѣ 8 фунт. 13 шилл. и 4 пен. Налогъ этотъ сопровождался въ 1380 г. еще болѣе высокимъ, но также прогрессивнымъ побором, при которомъ наименьшимъ размѣромъ обложенія со всякаго взрослаго мужчины или женщины былъ шиллингъ, а наивысшимъ—фунтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, судя по свидѣтельству лѣтописей, взиманіе poll-tax'а и было той искрой, отъ которой разгорѣлся мятежъ, но въ большей части страны недовольные возстановленіемъ барщины крестьяне и организованные въ союзы сельскіе батраки являлись уже заранѣе готовыми кадрами народнаго движенія, а странствующіе и приходскіе священники своими проповѣдями противъ князей церкви и вымогающихъ барщину свѣтскихъ владѣльцевъ воспламенили этотъ горючій матеріалъ, который залилъ сплошнымъ пожаромъ цѣлыя графства восточной и южной Англіи.

Подводя итогъ собственнымъ изслѣдованіямъ, Оманъ, въ своемъ общемъ очеркѣ англ. исторіи, появившемся въ 1910 г., указываетъ на то, что возстаніе почти одновременно вспыхнуло и въ Кентѣ, и въ Эссексѣ, и въ Герфордширѣ, распространяясь изъ Эссекса въ восточныя графства Норфолькъ и Сёффолькъ и стягивая къ Лондону крестьянскія дружины изъ сосѣднихъ къ нему графствъ. Какъ и во Франціи, городское простонародье столицы не отнеслось враждебно къ возставшимъ крестьянамъ, и выборные старѣйшины или alderman'ы двухъ предмѣстій допустили мятежниковъ къ переходу Темзы по лондонскому мосту и тѣмъ открыли крестьянскимъ бандамъ возможность разграбить дворецъ герцога Ланкастерскаго на улицѣ Стрендъ, адвокатскую корпорацію въ „Темплѣ“ (нѣкогда служившемъ мѣстопребываніемъ тампліерамъ), наконецъ, частныя жилища фландрскихъ и ломбардскихъ купцовъ и юристовъ, представителей двухъ ненавидимыхъ простымъ народомъ профессій. Неистовства продолжались и въ предѣлахъ сити; городская крѣпость, или тоуэръ, въ которой засѣдалъ въ это время Совѣтъ короля, занятъ былъ мятежниками; отъ ихъ рукъ погибли архіепископъ кентерберійскій, Симонъ Сетбёри, канцлеръ королевства, Робертъ Гельси, государственный казначей Легъ. Молодой король согласился на свиданіе съ мятежниками на слѣдующій день послѣ совершенныхъ ими злодѣяній. Оно послѣдовало за стѣнами города, на полѣ, извѣстномъ подъ назв. Смисфильдъ (Smithfield). Здѣсь одинъ изъ предводителей возстанія, Уотъ Тайлеръ, былъ убитъ мэромъ Лондона въ ту самую минуту, когда онъ рѣшился взяться за оружіе въ присутствіи короля. Но король съ самообладаніемъ, не отвѣчавшимъ его юному возрасту, остановилъ готовыхъ отомстить за смерть своего вождя крестьянъ обѣщаніемъ выдать имъ освободительныя грамоты, послѣ чего участники движенія мирно разошлись по домамъ. Король, повидимому, не разсчитывалъ на то, что собранный имъ парламентъ не одобритъ односторонняго распоряженія тѣмъ, что феодальные владѣльцы считали своимъ законнымъ наслѣдіемъ. Подчиняясь требованіямъ парламента, король отправилъ въ графства судей, передъ которыми предстали участники мятежа и

его руководители. Воздвигнуты были висѣлицы, и пошла кровавая расправа. И все же на разстояніи полустолѣтія отъ крѣпостного права въ Англіи не осталось слѣда, такъ какъ экономическія условія оказались неблагопріятными для его дальнѣйшаго сохраненія.

Крестьянское возстаніе было однимъ изъ выраженій давно начавшагося упадка средневѣковаго строя. Съ тѣхъ поръ, какъ пѣхотинецъ-стрѣлокъ сталъ вытѣснять собою закованнаго въ желѣзо всадника-рыцаря въ роли вершителя сраженій, феодальное общество необходимо должно было уступить мѣсто обществу буржуазному, разсчитывающему на массовую силу воиновъ изъ простого народа для обезпеченія побѣды на войнѣ. Изобрѣтеніе пороха, обращая артиллерію въ главный факторъ военныхъ успѣховъ, оказало, разумѣется, вліяніе въ томъ же направленіи. Объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія заходитъ уже рѣчь у лѣтописцевъ при описаніи сраженія подъ Креси въ царствованіе Эдуарда III. Въ позднѣйшихъ столкновеніяхъ Ланкастерскихъ правителей съ французскими королями огнестрѣльное оружіе пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, но хорошую артиллерію могъ завести у себя только располагающій государственною казною король. Феодальныя дружины, поэтому, становились все болѣе и болѣе анахронизмомъ и уступали мѣсто наемнымъ. Не разсчитывая болѣе на защиту своихъ феодальныхъ сеньеровъ и полагаясь въ этомъ отношеніи гораздо больше на короля и его войско наемниковъ, крестьянство не видѣло причины мириться съ тѣми порядками вынуждаемой закономъ и обычаемъ барщины, которые являлись въ натуральномъ хозяйствѣ матеріальнымъ вознагражденіемъ феодаловъ за ихъ заступничество.

Съ ростомъ цѣнъ на сельскій трудъ уплата взамѣнъ барщины болѣе или менѣе неизмѣнныхъ оброковъ становилась съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе желательной для массы сельскаго люда. Этимъ объясняется, почему такъ наз. *копигольдъ*, т. е. вѣчно наслѣдственная крестьянская аренда подъ условіемъ платежа оброка, все чаще и чаще начинаетъ заступать мѣсто личной службы крестьянина и его личныхъ приношеній, а это производитъ цѣлый переворотъ въ деревнѣ, содѣйствуя росту договорныхъ отношеній между собственниками и воздѣлывателями взамѣнъ прежняго господства стародавняго обычая. Это обстоятельство, въ свою очередь, начинаетъ привлекать въ деревню и нѣсколько болѣе зажиточныхъ людей, готовыхъ влагать свои сбереженія въ землю и вести болѣе интенсивное хозяйство на свой рискъ. Іоменъ, которымъ гордится Англія эпохи Тюдоровъ, зародился, разумѣется, столѣтіями ранѣе. Онъ вышелъ изъ той же среды оброчныхъ крестьянъ, бывшихъ барщинныхъ, которые теперь не прочь были снимать въ придачу къ своимъ наслѣдственнымъ надѣламъ и участки, сдаваемые помѣщикомъ въ аренду.

Говоря это, я хочу сказать, что свободные съемщики и были первыми іоменами, такъ что епископъ Латимеръ былъ правъ, говоря: „отецъ мой былъ іоменомъ и не владѣлъ землею въ собственность“. Хозяйственный разсчетъ подсказывалъ этой зарождающейся сельской буржуазіи руководствоваться въ своей дѣятельности указаніями международнаго рынка, а послѣдній предъявлялъ все большій и большій запросъ на англійскую шерсть, вывозимую, какъ мы видѣли, оптомъ за границу. Влажный и сравнительно мягкій климатъ, дѣлая возможнымъ содержаніе стадъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ на богатыхъ травою зеленыхъ лугахъ, объясняетъ причину начавшагося уже въ XIV в. роста овцеводства въ ущербъ земледѣлію; а это на разстояніи нѣсколькихъ десятилѣтій должно было повести къ отливу части сельскаго люда въ города, въ промышленные и торговые центры, сдѣлать изъ развитія туземныхъ промысловъ одно изъ необходимыхъ условій благосостоянія не одного класса предпринимателей, но и народныхъ массъ. Немудрено, если Эдуардъ III не жалѣлъ средствъ на переселеніе опытныхъ ткачей изъ Фландріи, надѣясь, что они обучатъ его подданныхъ производству тѣхъ тонкихъ суконъ, секретъ изготовленія

которыхъ долгое время раздѣляемъ былъ фландрскими ткачами съ флорентинскими и, вообще, сѣверо-и средне-итальянскими. Ростъ городовъ и промышленныхъ мѣстечекъ, сопровождавшійся возрастаніемъ и усиленіемъ средняго сословія, начинается поэтому уже съ XIV стол., а это сословіе, заодно съ крестьянствомъ, нуждается въ охранѣ внутренняго мира сильнымъ правительствомъ и потому склонно въ собственныхъ интересахъ подавлять феодальную безурядицу къ выгодѣ монарха и его самодержавія. Нечего удивляться поэтому, если, на ряду съ явными признаками разрыва крестьянства съ свѣтскими и духовными вассалами короля, разрыва, сказывавшагося и въ проповѣди нестяжанія, обращенной Виклефомъ и лоллардами къ церковнымъ магнатамъ и монастырскимъ обителямъ, и въ крестьянскомъ возстаніи 1381 г., прежде всего направленномъ противъ сохраненія крѣпостной зависимости и барщины, мы въ XIV в. видимъ уже попытки англійскихъ монарховъ освободиться отъ контроля парламента, добывать нужныя для правительства средства помимо него, что позволяло бы имъ не созывать своихъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ, вмѣстѣ съ уполномоченными отъ графствъ и городовъ, въ теченіе ряда лѣтъ. Отмѣтимъ тотъ фактъ, что Ричарду II современными лѣтописцами уже ставится въ вину передача власти въ руки сына зажиточнаго купца изъ Гено, Михаила де-ла-Поль, возведеннаго имъ въ званіе графа Сёффолькскаго. Противъ этого временщика феодальная знать въ лицѣ герцога Глостерскаго, графовъ Уоррика, Арунделя и Ноттингема и Генриха Болингброка (будущаго родоначальника новой династіи и сына всемогущаго регента Ланкастерскаго въ малолѣтство Ричарда II) направляетъ еще послушный ей парламентъ, и послѣдній привлекаетъ де-ла-Поля къ отвѣтственности не за нарушеніе имъ закона, а за нерадѣніе власти, будто бы сказавшееся въ томъ, что берега Англіи въ недостаточной степени ограждены были флотомъ отъ иноземнаго непріятеля. Несомнѣнно, неповинный въ этомъ, во всякомъ случаѣ, не противозаконномъ, а самое большее нецѣлесообразномъ поведеніи, Михаилъ де-ла-Поль тѣмъ не менѣе былъ осужденъ и подвергнутъ заточенію. Но какъ реагируетъ король на такое рѣшеніе своего парламента? Онъ дѣйствуетъ, какъ самодержавный правитель, отпускаетъ осужденнаго на свободу и возвращаетъ его на прежній постъ, заявляя, что онъ одинъ вправѣ выбирать своихъ совѣтниковъ. Феодальные роды подымаются противъ короля, поддерживаемые своими служителями, людьми, живущими на ихъ иждивеніи, носящими ихъ ливрею и играющими по отношенію къ нимъ роль дружинниковъ. Глостеръ, Уоррикъ, Арундель, Ноттингемъ и Болингброкъ идутъ войной на Лондонъ. Чтобы противостать этимъ знатнымъ людямъ, открыто принимающимъ наименованіе „лордовъ, апеллирующихъ къ королю на обвиняемыхъ ими въ измѣнѣ министровъ“ (lords appelant), король пробуетъ собрать ополченіе изъ своихъ друзей. Но оно разбито подъ Чеширомъ. Де-ла-Поль бѣжитъ во Францію, а король попадаетъ въ руки мятежныхъ лордовъ. Парламентъ созванъ Глостеромъ—парламентъ, получившій въ устахъ историковъ названіе „незнающаго пощады“. Подчиняясь волѣ мятежныхъ лордовъ, онъ казнитъ попавшихъ къ нему въ руки совѣтниковъ короля и вслѣдъ затѣмъ вотируетъ субсидію въ 20.000 фунт., которая вся идетъ въ даръ лордамъ-апелляторамъ. Тотъ же себялюбивый характеръ носитъ и вся не долѣе года продолжающаяся администрація только что упомянутыхъ лордовъ. Она ознаменовалась всего двумя благопріятными событіями: заключеніемъ мира съ Шотландіей и Франціей и перерывомъ, так. образ., Столѣтней войны. Въ 1389 г. Ричардъ далеко уже не былъ малолѣтнимъ; на вопросъ, внезапно поставленный имъ своему дядѣ, Томасу Глостеру: „а каковъ мой возрастъ?“, послѣдовалъ отвѣтъ: „вамъ уже 23 года“. „Въ такомъ случаѣ“, заявилъ король, „я достаточно возмужалъ, чтобы самому завѣдывать моими дѣлами“. Сказано, сдѣлано: Глостеръ отпущенъ и замѣненъ популяр-

нымъ епископомъ Вильямомъ Уайкгемомъ. Восемь лѣтъ продолжается его управленіе, восемь лѣтъ, ознаменовавшихся ростомъ начатаго Виклефомъ реформаціоннаго движенія; оно, какъ и его иниціаторъ, пользовалось сочувствіемъ Уайкгема. Самъ Виклефъ умеръ еще въ 1384 г., но его дѣло продолжали его ученики—лолларды; ихъ вліяніе настолько сильно, что въ 1394 г., подчиняясь имъ, общины Англіи собираются издать подобіе декларацiи противъ проповѣдуемыхъ римскою церковью ученій о почитаніи иконъ, о безбрачіи духовенства и о значеніи паломничества въ интересахъ вѣчнаго спасенія. Они не прочь признать и проводимый Виклефомъ догматъ, по которому о транссубстанціаціи, т. е. о переходѣ при таинствѣ евхаристіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христово, не должно быть рѣчи.

Ричардъ едва успѣлъ вернуться изъ Ирландіи, чтобы вовремя воспрепятствовать обнародованію этого документа, но онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ преслѣдованію подписавшихъ его и въ то же время воспользовался восемью годами, въ общемъ, счастливаго управленія королевствомъ при руководительствѣ Уайкгема и благопріятнымъ поворотомъ общественнаго мнѣнія въ свою пользу, чтобы осуществить давно лелѣянное намѣреніе и произвесть расправу съ лордами-апелляторами, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, которыхъ онъ, какъ Генриха Болингброка, не успѣлъ склонить на свою сторону. Подъ предлогомъ новыхъ замысловъ возстанія Глостеръ, Арундель и Уоррикъ были схвачены и брошены въ тюрьму. Арундель затѣмъ преданъ суду и казненъ, Глостеръ тайно убитъ въ Калэ, Уоррикъ сосланъ пожизненно на о. Мэнъ. И прочимъ лордамъ, нѣкогда дѣйствовавшимъ противъ Ричарда, не пришлось ждать долго его мести. Въ 1398 г. они посланы были въ изгнаніе. Въ числѣ потерпѣвшихъ оказался и Генрихъ Болингброкъ. Когда отецъ его, Ланкастеръ, умеръ въ слѣдующемъ году, король захватилъ принадлежавшія ему въ герцогствѣ земли и отказался признать его титулы за сыномъ. Чтобы не созывать парламента, онъ одновременно сталъ прибѣгать къ насильственнымъ займамъ у людей зажиточныхъ и на добытыя так. образ. средства завелъ постоянное войско стрѣлковъ.

Изъ всѣхъ англ. правителей XIV в. никто больше Ричарда не заботился объ упроченіи британскаго владычества въ Ирландіи, которая со времени гибели Эдуарда Брюса впала въ совершенную анархію. Но его попытки не были успѣшны; послѣ убійства туземцами его двоюроднаго брата Роджера Марчъ въ 1398 г., Ричардъ самъ отправился въ Ирландію. Его отсутствіемъ воспользовались всѣ недовольные: высшее дворянство, жаловавшееся на произволъ, граждане Лондона, страдавшіе отъ насильственныхъ займовъ, духовенство, недовольное терпимостью къ лоллардамъ. Такое настроеніе стало извѣстнымъ Генриху Болингброку, и онъ внезапно явился въ Іоркширъ добиваться возстановленія его въ правахъ на владѣніе Ланкастерскимъ княжествомъ, которое досталось ему отъ отца, но удержано было королемъ въ собственныхъ рукахъ. Регентъ королевства, Эдмундъ Іоркскій, думалъ было собрать войско для его усмиренія, но Болингброкъ постарался разсѣять вызванныя имъ опасенія; оставленный на свободѣ, онъ нашелъ поддержку въ Перси (Регсу), графѣ Нортумберландскомъ, и во многихъ другихъ сѣверныхъ лордахъ. Неожиданно для всѣхъ онъ захватилъ трехъ министровъ Ричарда и распорядился повѣсить ихъ. При извѣстіи о появленіи Болингброка въ Англіи, Ричардъ собрался въ обратный путь. Онъ былъ задержанъ нѣкоторое время въ Дублинѣ неблагопріятными восточными вѣтрами и прибылъ въ Англію, когда регентъ уже успѣлъ распустить по домамъ собранныя имъ одно время уэльскія ополченія. Когда Ричардъ съ незначительной свитой пріѣхалъ въ замокъ Флинтъ, онъ былъ окруженъ ополченіемъ, собраннымъ Перси, графомъ Нортумберландскимъ, и принужденъ былъ сдаться ему. Болингброкъ, съ которымъ Перси дѣйствовалъ заодно, доставилъ короля подъ строгимъ конвоемъ въ Лондонъ.

Здѣсь спѣшно собранный парламентъ угрозами заставилъ Ричарда отказаться отъ престола. Послѣ этого Болингброкъ самъ предъявилъ свои права на англійскую корону, хотя имѣлся ближайшій наслѣдникъ, Эдмундъ, графъ Марчъ, сынъ убитаго въ Ирландіи Роджера. Парламентъ, тѣмъ не менѣе, провозгласилъ Болингброка королемъ Англіи подъ именемъ Генриха IV, Ричардъ же посланъ былъ въ замокъ Понтефрактъ. О его дальнѣйшей судьбѣ никто болѣе ничего не слышалъ,— вѣроятно, онъ былъ убитъ съ вѣдома Генриха его довѣренными лицами. Можно было ожидать, что права новаго монарха подвергнутся оспариванію съ разныхъ сторонъ. И дѣйствительно, два мѣсяца спустя послѣ его воцаренія уже вспыхнула гражданская война; во главѣ партіи, враждебной королю, стали родственники и фавориты Ричарда; они надѣялись насильственно овладѣть Генрихомъ и выпустить Ричарда изъ замка. Одинъ изъ участниковъ заговора оказался вскорѣ измѣнникомъ и довелъ обо всемъ до свѣдѣнія Генриха; одинъ за другимъ заговорщики были задержаны и казнены безъ всякаго процесса. Чтобы сдѣлать невозможными дальнѣйшія попытки къ возстановленію Ричарда на престолѣ, Генрихъ IV распорядился выставить трупъ его въ Лондонѣ. Но и это показалось неубѣдительнымъ: нашлись люди, утверждавшіе, что трупъ, выставленный въ церкви Св. Павла въ Лондонѣ, не Ричарда, а очень похожаго на него лицомъ королевскаго каплана. Распространяли слухъ, что Ричардъ живетъ въ Шотландіи и, дѣйствительно, вскорѣ нашелся самозванецъ, котораго король Шотландіи Робертъ III содержалъ при своемъ дворѣ, принимая его за дѣйствительнаго короля Ричарда.

Правленіе Генриха IV было однимъ изъ самыхъ несчастныхъ; оно прошло въ подавленіи мятежей, въ неудачныхъ войнахъ съ Шотландіей и Франціей и въ преслѣдованіи лоллардовъ. Королю, ставленнику парламента, пришлось подчинить ему провѣрку счетовъ своей администраціи и слѣдовать его совѣту при выборѣ министровъ.

Съ 1409 по 1412 г. дѣйствительнымъ правителемъ Англіи сталъ сынъ короля, принцъ Генрихъ. Король боялся, что его принудятъ отказаться отъ власти въ пользу старшаго сына; поэтому онъ не рѣшился ввѣрить ему начальство надъ войскомъ, отправлявшимся во Францію, и предпочелъ поставить во главѣ ополченія второго своего сына, герцога Кларенскаго. Въ 1413 г. Генрихъ IV скончался отъ давно мучившей его болѣзни, и для молодого принца, героя историческихъ хроникъ Шекспира, открылась возможность короткой, правда, но блестящей карьеры. Онъ сдѣлался популярнѣйшимъ изъ англійскихъ правителей, благодаря военнымъ успѣхамъ во Франціи, корону которой ему удалось возложить на свою голову. Онъ былъ также въ большой милости у церкви, какъ ея покорный сынъ, готовый искоренять ересь лоллардовъ. Лолларды отвѣтили новымъ возстаніемъ черни; оно вспыхнуло въ ночь св. Мартина близко къ воротамъ города, но сразу было подавлено королемъ, который на слѣдующій же день повѣсилъ 40 человѣкъ изъ участниковъ возстанія и съ этого времени преслѣдовалъ лоллардовъ, считая ихъ столько же собственными своими врагами, сколько и врагами церкви. Превосходный предводитель на войнѣ, Генрихъ не отступалъ передъ жестокимъ избіеніемъ военнопленныхъ на полѣ битвы, если по его мнѣнію это нужно было для обезпеченія успѣха войны. Сраженіе при Азенкурѣ 1415 г. упрочило на вѣки его славу, такъ какъ при потерѣ всего-на-всего 200 человѣкъ, ему удалось перебить 1.500 рыцарей и дворянъ и взять въ плѣнъ 10.000 французскихъ воиновъ, изъ которыхъ 8.000 принадлежали къ дворянской крови. Этотъ успѣхъ достигнутъ былъ главнымъ образомъ благодаря тому, что французское войско, въ пять разъ болѣе сильное, чѣмъ его собственное, по преимуществу состоя изъ феодальной конницы, увязло въ мокромъ грунтѣ (сраженію предшествовалъ рядъ дождливыхъ дней), стрѣлки же Генриха V имѣли возможность издали поражать безпомощныхъ всадниковъ, которымъ тяжелое вооруженіе не позволяло выбраться изъ трясины.

Генрихъ смотрѣлъ на военно-плѣнныхъ, какъ на одинъ изъ источниковъ обогащенія своей казны, требовалъ отъ нихъ высокихъ выкуповъ и, затрачивая на поддержку арміи эти доставленныя ему побѣдой средства, избѣгалъ созыва парламента. Франція раздираема была въ это время начавшимся еще при жизни Генриха IV соперничествомъ арманіаковъ и бургундцевъ. Герцогъ Бургундскій вступилъ въ союзъ съ Генрихомъ. Еще годомъ ранѣе на его сторону сталъ и императоръ Сигизмундъ, прибывшій въ Лондонъ, чтобы расположить религіозно настроеннаго короля къ поддержкѣ его усилій — положить конецъ дальнѣйшимъ препирательствамъ авиньонскихъ папъ съ римскимъ и распространенію Гуссовой ереси, явившейся какъ бы продолженіемъ движенія лоллардовъ и питаемой доктринами Виклефа. Констанцскій Соборъ, созванный императоромъ, какъ извѣстно, кончился осужденіемъ и казнью Гусса.

Въ исторіи внутренней жизни Англіи нѣтъ мѣста для подробнаго изложенія военныхъ успѣховъ Генриха V; мы ограничимся поэтому указаніемъ, что результатомъ его трехъ походовъ во Францію было возвращеніе въ руки англичанъ не только Нормандскаго герцогства, давно ими утеряннаго, но и признаніе французами по договору въ Труа, что послѣ смерти короля Карла VI, давно впавшаго въ безуміе, Генрихъ станетъ французскимъ монархомъ. Ему обѣщана была рука дочери короля, Екатерины. Королева Изабелла Баварская, жена Карла VI, тѣмъ охотнѣе пошла на эти требованія, что ненавидѣла своего сына, дофина, или наслѣдника престола, будущаго короля Карла VII. Договоръ въ Труа подписанъ былъ въ 1420 г. и передалъ въ руки Генриха V всю Францію къ сѣв. отъ Луары. Можно судить, съ какимъ торжествомъ онъ принятъ былъ послѣ своего возвращенія въ Англію. Но въ его отсутствіе англійскія войска потерпѣли пораженіе, и Генриху пришлось отправиться въ третій походъ во Францію. При осадѣ города Мо онъ простудился, больнымъ доставленъ былъ въ Парижъ и скончался въ замкѣ Венсенъ на 35 г. жизни въ авг. 1422 г.

Въ малолѣтство его сына, Генриха VI, руководительство военными дѣлами во Франціи перешло къ старшему брату покойнаго короля, герцогу Бедфордскому; регентомъ же былъ назначенъ, по волѣ умершаго, его младшій братъ, Гёнфрей, герцогъ Глостерскій. Пока жилъ Бедфордъ, успѣхи англичанъ во Франціи росли безостановочно. Въ 1422 г. умеръ сумасшедшій король Карлъ VI, и въ октябрѣ Бедфордъ добился провозглашенія Генриха VI королемъ Франціи. Дальнѣйшимъ успѣхамъ англичанъ одно время грозила опасность отпаденія Бургундіи, вызванная безумнымъ рѣшеніемъ, принятымъ вопреки Бедфорду регентомъ королевства, Глостеромъ. Не стѣсняясь своимъ бракомъ, Глостеръ рѣшился принять предложеніе Жакелины, графини Голландіи и Гено, уже состоявшей въ замужествѣ, вступить съ нею въ новый бракъ. Онъ надѣялся обезпечить тѣмъ за собою владѣніе Нидерландами. Мужемъ Жакелины былъ двоюродный братъ герцога Бургундскаго. Легко понять, какое впечатлѣніе появленіе Глостера въ Нидерландахъ произвело на герцога Бургундскаго; онъ намѣревался уже расторгнуть свой союзъ съ англичанами, когда пораженіе Глостера на континентѣ и бѣгство его въ Англію послужило развязкой созданнаго имъ невозможнаго положенія. Герцогъ Бургундскій остался союзникомъ Англіи.

Военные успѣхи англичанъ продолжались до тѣхъ поръ, пока при осадѣ Орлеана имъ пришлось встрѣтиться съ первымъ подъемомъ французскаго національнаго чувства, вызваннымъ простой крестьянкой изъ Домреми, по близости къ Шампани,—Іоанной, знаменитой Дѣвой Орлеанской. Дофинъ Карлъ согласился ввѣрить ей небольшой отрядъ, постепенно увеличившійся благодаря присоединенію добровольцевъ; во главѣ его она не только проникла въ Орлеанъ, освободила его отъ осады и осуществила свое намѣреніе вѣнчать Карла королемъ Франціи въ Реймсѣ (17 іюля 1429 г.), но и водрузила бѣлое знамя вѣнчаннаго ею монарха въ Иль-де-Франсѣ и Шампани, послѣ чего владѣнія англичанъ снова ограничились Нормандіей, Пикардіей и Мэ-

номъ. Отстаивая Компіэнь отъ осаждавшей его бургундской арміи, Іоанна попала въ плѣнъ къ бургундцамъ, которые передали ее въ руки Бедфорда. Послѣдній добился осужденія ея, какъ колдуньи, трибуналомъ, главою котораго былъ епископъ Бове, а судьями—члены французскаго духовенства. Она была приговорена къ сожженію, и умерла на кострѣ въ Руанѣ въ 1431 г. Шансы англичанъ отъ этого, однако, не усилились. Патріотизмъ проявился съ новой силою въ рядахъ французовъ, объединяя горожанъ и крестьянъ съ дворянами. Бедфордъ разсчитывалъ, что коронація десятилѣтняго Генриха VI въ Парижѣ повернетъ ходъ событій въ его пользу; но въ виду постоянныхъ несогласій съ регентомъ и образованія въ Англіи партіи, благопріятной миру, Бедфордъ согласился, скрѣпя сердце, на веденіе переговоровъ; когда послы герцога Бургундскаго Филиппа сошлись съ уполномоченными обоихъ королей въ Аррасѣ и англичане не пожелали удовлетвориться одной Нормандіей и Гвіенью подъ условіемъ отказа со стороны Генриха отъ королевскаго титула, герцогъ Бургундскій внезапно сталъ на сторону Франціи, выговоривъ себѣ въ награду за такую измѣну уступку ему графствъ Макона и Окзера. Переговоры кончились ничѣмъ. Послѣдовавшая затѣмъ кончина Бедфорда, въ связи съ измѣной герцога Бургундскаго, имѣла то послѣдствіе, что англичанамъ пришлось отнынѣ только отстаивать свои владѣнія въ Нормандіи и Мэнѣ. Эта миссія ввѣрена была родственнику короля Ричарда, герцогу Іоркскому, родоначальнику той династіи, которая потомъ оспаривала англійскій престолъ у Ланкастеровъ. Его войны на первыхъ порахъ были успѣшны, и англичанамъ удалось отвоевать отдѣльныя части оставшихся въ ихъ рукахъ владѣній, но партія, благопріятная въ Англіи прекращенію войны, имѣвшая главой кардинала Бофора, вопреки оппозиціи Глостера, добилась заключенія мира въ Тулѣ; условіемъ было выставлено возвращеніе французамъ Мэна, сохраненіе за англичанами одной Нормандіи и женитьба молодого Генриха на родственницѣ французскаго короля, Маргаритѣ изъ Анжу. Извѣстіе о мирѣ вызвало взрывъ негодованія въ Англіи. Въ теченіе пятилѣтняго перерыва военныхъ дѣйствій окончательно сложились враждовавшія впослѣдствіи при лондонскомъ дворѣ партіи Ланкастеровъ и Іорковъ. Кончина въ 1447 г., на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, двухъ соперниковъ, регента графа Глостера и кардинала Бофора, открыла мѣсто новымъ дѣятелямъ. Глостера смѣнилъ герцогъ Іоркскій, который оказался ближайшимъ по крови родственникомъ короля; отсюда тѣ опасенія, какія онъ внушалъ королевѣ Маргаритѣ и шедшимъ заодно съ ней племянникамъ покойнаго кардинала Бофора, графамъ Сомерсетскому и Сёфолькскому. По настояніямъ герцога Іоркскаго, война съ Франціей возобновилась въ 1449 г., но на этотъ разъ она оказалась совершенно несчастной для англичанъ: городъ за городомъ стали отпадать отъ нихъ, и вскорѣ въ ихъ рукахъ остались только Шербургъ, Канъ и Гарфлеръ. Новое неудачное сраженіе при Форминьи имѣло подслѣдствіемъ потерю Нормандіи и на этотъ разъ — навсегда.

Этотъ ударъ отразился въ Англіи *возстаніемъ Кэда*. Возстаніе это не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, во главѣ котораго стоялъ Уотъ Тайлеръ (Wat Tyler), если не считать поддержки его лондонскимъ простонародьемъ и самосправы съ лордомъ-казначеемъ и нѣкоторыми другими сторонниками партіи графовъ Сёфолька и Соммерсета, смѣнившихъ Бофора. Кэдъ былъ военнымъ авантюристомъ, одно время служившимъ подъ начальствомъ герцога Іоркскаго въ Ирландіи. Онъ выдавалъ себя за родственника Мортимера и агента герцога Іоркскаго. Его сторонники стали грабить дома и лавки. Король поспѣшилъ на помощь лондонцамъ, и ополченіе Кэда было разсѣяно; самъ Кэдъ послѣ пораженія своихъ приверженцевъ успѣлъ спастись и скрылся въ лѣсу, но нѣсколько дней спустя былъ найденъ и убитъ. Едва возстаніе было подавлено, какъ герцогъ Іоркскій внезапно вернулся въ Лондонъ изъ Ирландіи и сталъ во главѣ

оппозиціи. Когда вслѣдъ затѣмъ въ 1451 г. пришло изъ Франціи извѣстіе, что французы напали на Гвіень и принудили Бордо къ сдачѣ, герцогъ Іоркскій взялся за оружіе, чтобы заставить короля смѣнить своихъ совѣтниковъ—сторонниковъ мира. Король въ свою очередь собралъ войско и встрѣтился съ герцогомъ Іоркскимъ въ Кентѣ. Ни одинъ не рѣшился начать первымъ нападеніе. Дѣло кончилось тѣмъ, что король обязался предать графа Соммерсета суду его пэровъ и послать войско въ защиту Гвіени. Такъ какъ гасконцы сами не желали оставаться подъ властью французовъ и прислали просить о помощи, то рѣшено было ввѣрить Тальботу, графу Шрьюсберійскому, заботу о возвращеніи Бордо въ руки англичанъ. Это порученіе было выполнено имъ успѣшно; Бордо сдался его небольшой арміи въ 50 тысячъ человѣкъ. Но въ слѣдующемъ году (1453) онъ былъ разбитъ на голову въ кровопролитномъ сраженіи подъ Кастильономъ и палъ самъ во время сраженія. Доведенный до крайности благодаря отсутствію припасовъ, Бордо, послѣ новой трехмѣсячной осады, сдался французамъ, а съ нимъ потеряны были послѣднія владѣнія Англіи въ бывшемъ герцогствѣ Аквитанскомъ. На разстояніи немногихъ мѣсяцевъ послѣ этихъ событій начинается открытая вражда обоихъ домовъ Ланкастера и Іорка; она извѣстна въ исторіи подъ наименованіемъ *войны двухъ розъ*. *Бѣлая* была знаменемъ сторонниковъ Іорка, *красная* сдѣлалась эмблемой рода Ланкастеровъ. Права перваго дома на престолъ Англіи основывались на томъ, что, какъ наслѣдникъ Мортимера, онъ являлся старшей линіей преемниковъ Плантагенетовъ; вторые считали себя членами династіи, возведенной на престолъ англійскимъ парламентомъ. Мы, разумѣется, не будемъ касаться подробностей этой войны, изображенной яркими красками Шекспиромъ, — намъ интересны въ ней ея соціальная сторона и вызванныя этимъ феодальнымъ междоусобіемъ политическія послѣдствія. Чтобы понять ея причины, надо сблизить ее съ слѣдующими фактами. За 100 лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ алой и бѣлой розы, совершилась концентрація земельной собственности Англіи въ рукахъ небольшой части дворянскихъ семей; Палата лордовъ въ серединѣ XV в. насчитывала только треть изъ тѣхъ членовъ, которые засѣдали въ ней въ царствованіе Эдуарда I. Уцѣлѣвшія феодальныя династіи сосредоточили въ своихъ рукахъ всю массу земель, прежде принадлежавшихъ исчезнувшимъ родамъ. И это случилось въ то самое время, когда войска, служившія англійскимъ королямъ въ ихъ походахъ на Францію, были распущены, и лицамъ, входившимъ въ ихъ составъ, не осталось другихъ средствъ къ жизни, какъ образовать феодальныя дружины и носить ливрею, (т. е. геральдическій костюмъ тѣхъ родовъ, которые готовы были оплачивать ихъ услуги). Правительство Генриха VI было слабо, что позволило аристократическимъ родамъ безнаказанно нарушать миръ постоянными столкновеніями между собою. Къ поддержкѣ притязаній борющихся изъ-за престола династій присоединялось желаніе отмстить обиды и ранѣе пролитую кровь. Оно характерно высказывалось въ такихъ, напримѣръ, случаяхъ: когда въ сраженіи подъ Векфильдомъ семнадцатилѣтній юноша, графъ Рютландъ, упалъ къ ногамъ лорда Клиффорда и умолялъ пощадить его жизнь, онъ услышалъ въ отвѣтъ: „твой отецъ убилъ моего отца, а теперь я убью тебя“. Таковы были руководившіе войною мотивы, конечнымъ же послѣдствіемъ ея явилось завершеніе начавшагося еще при Ричардѣ поворота въ пользу самодержавія. Временно это движеніе было остановлено слабостью притязаній Ланкастерской династіи на престолъ Англіи, необходимостью опирать свои права на нее выборомъ парламента; при частыхъ военныхъ походахъ Генриха V и Генриха VI приходилось считаться съ народнымъ представительствомъ для полученія средствъ къ веденію войны. Наконецъ, росту абсолютизма мѣшала и сила феодальныхъ родовъ, въ средѣ которыхъ короли находили не одну поддержку, но и противодѣйствіе своему владычеству. Вліяніе этихъ феодаловъ

сказывалось и въ верхней палатѣ, въ которой они засѣдали на правахъ лордовъ королевства, и въ нижней, въ которую они, въ особенности со времени установленія избирательнаго ценза при Генрихѣ VI, имѣли возможность проводить лицъ, державшихъ землю въ прямой отъ нихъ зависимости, хотя и на свободныхъ отношеніяхъ. Мѣстное вліяніе, какимъ пользовались отдѣльные аристократическіе роды въ тѣхъ или другихъ частяхъ Англіи, объясняетъ намъ причину, по которой Іорки могли опереться всего болѣе на одну половину страны, а Ланкастеры на другую, почему Іорки были сильнѣе въ южныхъ и среднихъ графствахъ, а Ланкастеры— въ герцогствѣ Уэльскомъ и на сѣверѣ; въ этихъ именно графствахъ и расположены были латифундіи сторонниковъ борющихся династій.

Іорки въ большей степени, чѣмъ Ланкастеры, считали возможнымъ опираться на простонародье и изводить феодальную знать; въ битвѣ подъ Норсгэмптономъ Уоррикъ, прозванный впослѣдствіи „the King-Maker“, т. е. дѣлателемъ королей, представляя интересы Іоркскаго дома, щадитъ въ сраженіи коммонеровъ и не убиваетъ никого, кромѣ рыцарей и дворянъ. Въ сраженіи подъ Таутономъ, величайшимъ изъ тѣхъ, какими ознаменовался періодъ англійской смуты XV ст., 42 рыцаря были казнены на мѣстѣ, не считая двухъ лордовъ, заодно съ ними взятыхъ въ плѣнъ; такъ безпощадно относились къ аристократической знати Уоррикъ и поддерживаемый имъ молодой король изъ династіи Іорковъ. Опираясь на свои законныя права, Эдуардъ IV не ставитъ вопроса объ избраніи парламентомъ и послѣднему остается только признать за нимъ его законное наслѣдіе, объявляя въ то же время узурпаторами трехъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ королей Ланкастерской династіи. Не пугаетъ Эдуарда разрывъ и съ всемогущимъ Уоррикомъ. Онъ не боится удалить изъ числа своихъ совѣтниковъ въ 1467 г. всѣхъ сторонниковъ могущественнаго феодала, а два года спустя онъ идетъ на него войною и заставляетъ бѣжать изъ Англіи. Когда Уоррикъ переходитъ на сторону Ланкастеровъ и увлекаетъ за собою и собственнаго брата короля, Кларенса, Эдуардъ ищетъ поддержки не въ феодальныхъ ополченіяхъ, а въ наемныхъ дружинахъ, снарядить которыя ему помогаетъ заморскій зять, герцогъ Бургундскій. Когда битва подъ Тьюксбери оканчивается для него полной побѣдой, онъ на слѣдующій же день послѣ выиграннаго сраженія предаетъ казни послѣднихъ магнатовъ изъ среды сторонниковъ Ланкастеровъ. Правитъ онъ Англіей, какъ неограниченный властитель, рѣдко созывая парламентъ, имѣя возможность жить доходомъ отъ конфискованныхъ имъ имѣній и отъ насильственныхъ займовъ, выдаваемыхъ, какъ бы въ насмѣшку, за добровольныя приношенія (benevolences). И все же его владычество менѣе тягостно для простонародья, такъ какъ, чтобы не созывать парламента въ теченіе пяти лѣтъ, онъ не испрашиваетъ субсидій и предпочитаетъ взять съ французскаго короля Людовика XI 75.000 золотыхъ кронъ единовременно и по 50.000 ежегодно за отказъ отъ поддержки притязаній герцога Бургундскаго и своихъ собственныхъ на Нормандію. И самъ Ричардъ III, этотъ чернѣйшій изъ всѣхъ тирановъ, по описанію Шекспира, не прочь привлечь къ себѣ простой народъ отмѣной на будущее время всякихъ насильственныхъ займовъ (benevolences) и готовностью внести въ парламентъ законъ противъ огораживаній (т. е. противъ насильственнаго упраздненія системы открытыхъ полей и наслѣдственнаго держанія крестьянами ихъ надѣловъ въ земляхъ помѣстья), а представитель новой династіи, Генрихъ VII Тюдоръ, счастливый побѣдитель Ричарда въ битвѣ подъ Босуорсомъ, осуществляетъ это обѣщаніе принятіемъ первыхъ законодательныхъ мѣръ, клонящихся къ защитѣ мірского землепользованія. Въ то же время онъ подкашиваетъ въ корнѣ военное могущество феодальныхъ родовъ, заставляя ихъ распустить свои свиты и не держать болѣе при себѣ частныхъ дружинъ. Къ концу столѣтія, къ 1500 г., отъ старыхъ дворянскихъ родовъ уцѣлѣли

только пэры Нортумберланда, Вестморланда, Арунделя, Бекингема, Дэвона и Оксфорда; къ нимъ прибавились герцоги Норфолькскіе, титулъ которыхъ возстановленъ Генрихомъ VIII, для семьи Говардовъ (Howard). Если намъ и попадаются нѣкоторыя старинные родовые титулы въ эпоху Тюдоровъ, то ихъ несутъ далеко не прежнія династіи, въ рукахъ лицъ, облеченныхъ ими, не сосредоточиваются болѣе тѣ громадныя владѣнія, на которыя опиралось могущество этихъ династій. Уоррики и Сомерсеты, Сеффольки и Герфорды въ XVI ст.—креатуры Тюдоровъ, выходцы изъ простонародья.

Мы покончили съ общимъ очеркомъ политической исторіи Англіи съ древнѣйшихъ временъ и до воцаренія Тюдоровъ, т. е. до того момента англійской жизни, когда начавшееся еще при Ричардѣ II стремленіе къ единодержавію завершилось, если не упраздненіемъ парламента, то, по крайней мѣрѣ, рѣдкимъ его созывомъ и управленіемъ страною, какъ общее правило, королемъ и его Тайнымъ совѣтомъ. Прежде чѣмъ перейти къ тому періоду исторіи, который извѣстенъ въ Англіи подъ названіемъ „періода абсолютизма“, мы бросимъ бѣглый взглядъ на судьбы англійскихъ владѣтельныхъ и не владѣтельныхъ классовъ въ то время, когда сложилась система мѣстнаго самоуправленія въ Англіи, зародился и окрѣпъ англійскій парламентъ. Мы сказали уже, что эта эпоха начинается съ царствованія Ричарда I и его брата Іоанна Безземельнаго и оканчивается единовластіемъ Іоркскаго дома.

IV. Сельскій бытъ Англіи (*село*; *помѣстье*; *крѣпостное право*; *эмансипація*). Сліяніе англосаксовъ и норманновъ въ одинъ народъ открываетъ собою этотъ періодъ. Завершаетъ же его упроченіе въ Англіи образа правленія „наполовину монархическаго, наполовину республиканскаго“, по выраженію перваго изъ его теоретиковъ, сэра Джона Фортескью, канцлера королевства при Генрихѣ VI и автора латинскаго трактата „Похвала англійскимъ законамъ“. Въ промежутокъ между обоими важнѣйшими явленіями англійской жизни происходитъ не столько отмѣна, сколько вымираніе крѣпостного права; развивается мѣстное самоуправленіе, возникаетъ представительный строй и конституція,—та самая, изъ-за сохраненія которой завяжется борьба между парламентомъ и королевской властью въ послѣдніе годы правленія Елизаветы Тюдоръ и въ царствованіе двухъ первыхъ монарховъ изъ династіи Стюартовъ. Всѣ эти явленія настолько значительны сами по себѣ, что знакомство съ ними, хотя бы и въ бѣгломъ очеркѣ, необходимо для правильнаго пониманія судебъ англійскаго народа. Начнемъ съ изученія общественнаго развитія Англіи со временъ послѣднихъ двухъ Плантагенетовъ и оканчивая вступленіемъ на престолъ династіи Тюдоровъ. Нашъ очеркъ естественно долженъ обнять собою краткое изложеніе судебъ высшихъ сословій въ Англіи, жителей деревни и жителей города.

Крестьянство. Въ своей исторіи англ. помѣстья проф. Виноградовъ касается древнѣйшаго строя деревни и изображаетъ его приблизительно въ слѣд. видѣ. Въ ея административномъ строѣ мы должны отмѣтить существованіе бокъ-о-бокъ единоличныхъ управителей или старостъ, „герефа“, и коллегіальнаго совѣта, своего рода сельскаго вѣча, одновременно административнаго и судебнаго органа. Старосты часто выбирались изъ свободныхъ людей; всякій разъ, когда сельскимъ поселеніямъ приходилось играть какую-либо административно-политическую роль, старосты выступали въ качествѣ ихъ необходимыхъ представителей. Появляются ли села передъ лицомъ королевскихъ судей или королевскихъ коммиссаровъ для производства какого-либо обслѣдованія—въ число составляющихъ депутацію четырехъ или шести человѣкъ постоянно включается староста, а ближайшимъ его коллегой является священникъ. Въ старостѣ соединялись двѣ должности: управляющаго землями помѣщика и главы крестьянской общины,—приказчика и вождя деревни.

У насъ мало данныхъ для того, чтобы судить, какъ составлены были сельскіе сходы, или „halimots“; мы встрѣчаемъ упоминаніе о нихъ въ

Книгѣ Суда: старосты собираютъ ихъ для разрѣшенія вопросовъ мѣстнаго управленія. Обязанность посѣщать созываемые старостами мѣстные сходы не разъ упоминается въ томъ же памятникѣ; село имѣетъ свой особый сходъ, отличный отъ собраній сотеннаго суда и отъ собраній графствъ.

Деревенскіе сходы, по всей вѣроятности, устраивались подъ открытымъ небомъ; въ позднѣйшее время мы находимъ ихъ установляющими мѣстные распорядки и постановляющими штрафы съ нарушителей издаваемыхъ ими обязательныхъ постановленій; этимъ постановленіямъ подчинялись не одни крѣпостные, но и свободные держатели. Пайщикъ, участвовавшій въ общемъ хозяйствѣ села,—а такимъ, какъ мы видѣли, былъ всякій владѣлецъ надѣла, полнаго или частичнаго, — участвовалъ и въ платежѣ податей, онъ состоялъ въ этомъ отношеніи въ складчинѣ съ прочими жителями села (in scott and lot); село же сносилось по вопросу объ этихъ платежахъ съ шерифомъ и казною. Подати налагались правительствомъ на графства, затѣмъ распредѣлялись на сотни и, наконецъ, раскладывались между сельскими поселеніями, которыя затѣмъ распредѣляли приходившіяся на ихъ долю суммы между своими членами. Сборъ по „гайдамъ“, съ котораго начинается въ Англіи исторія податнаго обложенія, какъ и сборъ „датскихъ денегъ“, возлагался на округа: весь округъ, въ цѣломъ—и въ отдѣльности, составляющія его единицы, города и деревни,—сообща отвѣчали за взносъ всей суммы и гарантировали ея поступленіе круговой порукой. Сборы производились не всегда деньгами, а также натурой; деревенскія вѣча распредѣляли какъ эти сборы, такъ и повинности. Сельскій сходъ выступалъ и въ роли собранія союза пайщиковъ, пользующихся правами на землю, ведущихъ хозяйство до нѣкоторой степени сообща, собранія владѣльцевъ полныхъ и половинныхъ виргатъ и боватъ. Для того, чтобы система наслѣдственныхъ держаній могла оставаться болѣе или менѣе неизмѣнной, необходимо было найти средство для поддержанія единства паевъ. Эта неизмѣнность въ скандинавскомъ и древне-германскомъ правѣ обезпечена была до нѣкоторой степени запретомъ допускать женщинъ къ наслѣдованію земли. Вѣроятно, нѣчто подобное существовало и въ Англіи по отношенію къ т. наз. фолькланду; сказать, однако, что крестьянскія наслѣдства всегда и всюду являлись неподлежащими раздѣлу, нельзя въ виду существованія не въ одномъ Кентѣ, но также и въ графствѣ Сёссексъ, несомнѣнно еще со временъ англосаксовъ, т. наз. обычая *гавелькайндъ* (gavelkind). Въ русской литературѣ высказано было то мнѣніе, что съ древнѣйшихъ поръ въ Англіи, какъ и въ нѣкоторыхъ странахъ континентальной Европы, занятыхъ также германцами, установился порядокъ единонаслѣдія. Какъ позднѣе въ феодальной средѣ недвижимое имущество доставалось одному старшему сыну (маіоратъ), такъ въ крестьянствѣ— одному младшему (миноратъ). Такой обычай извѣстенъ былъ въ средневѣковой Англіи подъ назв.—*боро-инглишъ* (borough english), т. е. обычай англійскаго или англосаксонскаго поселенія. Есть поэтому основаніе предполагать, что всюду, гдѣ были саксы,—а крестьянскій классъ главнымъ образомъ составился изъ нихъ, — дѣйствовалъ и этотъ обычай, впослѣдствіи удержавшійся главн. обр. въ городскихъ округахъ. Если стать на эту точку зрѣнія, то придется въ равномъ раздѣлѣ наслѣдства Кента видѣть пережитокъ кельтскихъ порядковъ, т. е. не общее правило, а исключеніе.

Мнѣ кажется, что нѣтъ возможности остановиться на той мысли, что общимъ правиломъ было единонаслѣдіе младшаго сына, или чтобы этотъ порядокъ гдѣ-либо былъ древнѣйшимъ; всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ его, ему предшествуетъ начало совмѣстнаго обладанія всей семьею, всѣми сонаслѣдниками крестьянскимъ дворомъ и его надѣломъ. „До норманскаго завоеванія“, пишетъ Виноградовъ, „весьма часто встрѣчалось нераздѣльное обладаніе имуществомъ всѣми сонаслѣдниками (in paragio)“. Такой обычай распространенъ былъ между членами высшаго сословія, танами, но мы находимъ его и въ крестьянской сре-

дѣ. Будемъ ли мы признавать существованіе на первыхъ порахъ нераздѣльности крестьянскаго двора или допустимъ установленіе еще въ англосаксонскую эпоху принципа наслѣдованія его младшимъ сыномъ вмѣстѣ со всѣмъ надѣломъ—намъ одинаково легко будетъ понять, почему въ англійскихъ селеніяхъ такъ долго держалась, помимо всякихъ частныхъ или общихъ передѣловъ, неизмѣнность надѣла. Но и она должна была со временемъ уступить мѣсто ихъ дробленію на части; оно не сдѣлалось, однако, произвольнымъ, а было пріурочено къ требованіямъ, вытекавшимъ изъ хозяйственной практики т. наз. „супряги“, т. е. участія дворовъ въ поставкѣ рабочаго скота для впряги въ общій плугъ. Такъ какъ ходячей практикой былъ тяжелый плугъ съ упряжью въ шесть или восемь головъ, то признано возможнымъ дробленіе надѣла, такимъ образомъ, чтобы низшей единицей была, по крайней мѣрѣ, бовата земли—земля одного быка, одного изъ восьми, впрягаемыхъ въ плугъ; это значило, что дробленіе не могло итти далѣе восьмой части.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на правовое положеніе крестьянства въ первыя два столѣтія, слѣдовавшія за завоеваніемъ. Съ норманскимъ нашествіемъ прекратился свободный переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, который существовалъ еще въ англосаксонскій періодъ, и въ то же время положеніе рабовъ поднялось до уровня крѣпостныхъ. Хотя источники и различаютъ „servi“ отъ „nativi“, но надѣленные землею рабы такъ же крѣпки къ землѣ, какъ и надѣльные крестьяне; на виллана перешло старинное уподобленіе раба вещи, чѣмъ объясняется и то, что всѣ пріобрѣтенія, имъ сдѣланныя, считаются собственностью господина. Одинъ юридическій писатель XII в., Гленвиль, открыто провозглашаетъ это начало. Судьба крѣпостнаго крестьянина или виллана не можетъ измѣниться по его волѣ. Это признаетъ авторъ составленнаго въ эпоху Генриха I трактата о казначействѣ, говоря, что людямъ крѣпкимъ къ землѣ, которыхъ мы называемъ вилланами, нельзя выйти изъ своего состоянія при несогласіи на то ихъ господъ. То же заявляетъ Гленвиль, отказывая крестьянамъ въ возможности откупиться отъ помѣщика своими сбереженіями, такъ какъ послѣднія принадлежатъ хозяину. Крестьянину недоступны, поэтому, занятія, предполагающія необходимо свободное состояніе: воинская служба, вступленіе въ священническій санъ и вообще—въ ряды духовенства. Въ первоначальной своей редакціи Assize of arms 1181 г., по вѣрному замѣчанію Метленда, имѣетъ въ виду вооруженіе однихъ только свободныхъ людей.

Въ свою очередь Кларендонскія постановленія, въ XVI своей главѣ, запрещаютъ посвященіе въ духовенство крестьянскихъ дѣтей безъ согласія собственника, на земляхъ котораго они рождены.

Въ мнимыхъ законахъ Генриха I, какъ и въ трактатѣ Гленвиля, крѣпостное состояніе представляется переходящимъ то отъ отца къ сыну, то съ молокомъ матери, всего же чаще наслѣдственнымъ въ обѣихъ линіяхъ, разъ этого желаетъ помѣщикъ.

Отсюда то послѣдствіе, что помѣщикъ можетъ воспротивиться браку своей крестьянки со свободнымъ человѣкомъ и, вообще, осуществляетъ контроль за выборомъ невѣстой супруга, такъ какъ этотъ выборъ можетъ повести къ потерѣ рабочей силы, представляемой наслѣдникомъ.

Въ протоколахъ вотчинныхъ судовъ можно встрѣтить упоминаніе о взиманіи штрафовъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ leger или letherwyte, съ лицъ, вступающихъ даже въ незаконное сожительство съ крестьянкой; эти штрафы поступаютъ въ пользу ея помѣщика. Въ одной рукописи дается такое именно толкованіе этому термину, не оставляющее сомнѣнія, что наказаніе назначено не за безнравственность,, а за нарушеніе правъ помѣщика.

Изъ крѣпостного состоянія нѣтъ другого выхода, кромѣ отпущенія на волю. Мнимые законы Генриха I говорятъ о выдачѣ такихъ вольныхъ въ церкви, на рынкѣ, на собраніи графства и сотни, въ присутствіи свидѣтелей и подъ условіемъ платежа 30

динаріевъ помѣщику съ каждаго отпускаемаго на волю лица. Но уже то обстоятельство, что такой платежъ противорѣчитъ принадлежности всей движимости крестьянина его господину, позволяетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы составитель только что упомянутой частной компиляціи имѣлъ въ виду дѣйствительную практику. Въ мнимыхъ законахъ Вильгельма Завоевателя также заходитъ рѣчь объ отпущеніи на волю передъ шерифомъ, другими словами—въ судѣ графства, при чемъ символомъ свободы является надѣленіе оружіемъ; но и этотъ текстъ надо считать позднѣйшей вставкой.

Современникъ Генриха II, Глэнвиль, признаетъ существованіе двухъ порядковъ отпущенія на волю, подобіе которымъ мы встрѣчаемъ и на континентѣ Европы. Господинъ или объявляетъ крѣпостного свободнымъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ нему и его наслѣдникамъ, или отчуждаетъ крѣпостного третьему лицу подъ условіемъ отпущенія его на волю.

Но и независимо отъ эмансипаціи, уходъ изъ помѣстья, сопровождающійся непрерывнымъ жительствомъ въ теченіе года и дня въ предѣлахъ города или вообще мѣста поселенія свободныхъ людей, имѣетъ послѣдствіемъ дальнѣйшую свободу отъ крѣпости.

Такъ какъ во многихъ городахъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, полное гражданство принадлежало только лицамъ, включеннымъ въ составъ такъ наз. торговой гильдіи,—которая, въ силу откупа у казны слѣдуемыхъ съ города поступленій, пріобрѣтала право автономнаго завѣдыванія его хозяйствомъ и управленіемъ,—то немудрено, что въ нихъ недостаточно было одного поселенія, но требовалось еще включеніе въ ряды этого пополняемаго путемъ выборовъ сообщества. Вотъ чѣмъ объясняется то, что Глэнвиль, говоря о выходѣ изъ крѣпостной зависимости такимъ, можно сказать, косвеннымъ способомъ, формулируетъ условія этого выхода слѣд. словами: „буде крѣпостной человѣкъ спокойно въ теченіе года и дня пробудетъ въ какомъ-либо привилегированномъ мѣстечкѣ, такъ что его даже примутъ въ составъ его жителей или въ *гильдію*, на правахъ гражданина, онъ тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ свободу отъ крѣпостнаго состоянія“.

Еще важнѣе для опредѣленія общественнаго положенія виллановъ то обстоятельство, что, какъ видно изъ законовъ Вильгельма Завоевателя, помѣщикъ не вправѣ былъ удалить съ земли ея воздѣлывателей до тѣхъ поръ, пока послѣдніе исправно несли лежавшія на нихъ службы.

Хотя приведенныя постановленія не говорятъ прямо о nativi, или крѣпостныхъ по рожденію, но послѣдняя статья редактирована такъ широко, что, очевидно, включаетъ и ихъ въ число тѣхъ terrarum coloni et terrarum exercitores, въ пользу которыхъ она издана. Есть въ ней и другая норма, которая не въ меньшей мѣрѣ призвана была обезпечить имущественные интересы крѣпостныхъ людей, чѣмъ только что упомянутая. Помѣстный обычай, регулировавшій размѣръ крестьянскихъ службъ и платежей, былъ возведенъ на степень общеобязательной нормы, объявлявшей, что воздѣлыватели земли не должны быть обременяемы свыше должнаго и разъ установленнаго.

Изъ сочетанія этихъ двухъ правилъ необходимо вытекало то, что крестьянинъ не могъ быть проданъ безъ земли, и новый собственникъ не вправѣ былъ предъявить къ нему большихъ требованій, чѣмъ тѣ, какія удовлетворяемы были имъ раньше. Такимъ образомъ положеніе крѣпостного даже по отношенію къ помѣщику не могло считаться безправнымъ; по отношенію же къ третьимъ лицамъ оно соединялось болѣе или менѣе съ преимуществами свободнаго состоянія. Это слѣдуетъ сказать во всякомъ случаѣ о сферѣ гражданскихъ правъ, если не публичныхъ. Тогда какъ право носить оружіе было ограничено, по крайней мѣрѣ въ XII в., одними свободными, право искать и отвѣчать на судѣ и выступать на немъ въ роли свидѣтеля признано было и за крѣпостными людьми. Древнѣйшіе протоколы вотчинныхъ судовъ середины XIII ст. представляютъ намъ крестьянъ участвующими въ составѣ обвинитель-

наго жюри и доводящими до свѣдѣнія помѣстныхъ властей о всѣхъ нарушеніяхъ мира и порядка, о всѣхъ захватахъ и присвоеніяхъ, о всѣхъ неисправностяхъ въ исполненіи службъ и платежей, имѣвшихъ мѣсто въ промежутокъ между двумя сессіями. При составленіи „Книги Суда“ тѣ-же крестьяне, въ числѣ четырехъ человѣкъ отъ каждаго помѣстья, съ управителемъ во главѣ, заявляютъ, какъ мы видѣли, короннымъ комиссарамъ о границахъ владѣній и о содержаніи обычаевъ, регулирующихъ службы, платежи, частныя и общинныя пользованія. На судебныхъ разъѣздахъ крѣпостное крестьянство устранено не отъ дачи показаній, а только отъ участія въ комиссіяхъ присяжныхъ.

Во второй половинѣ XIII в., въ моментъ редактированія Брактономъ его классическаго труда объ англійскихъ законахъ, еще нагляднѣе выступаетъ условный характеръ крестьянской несвободы, сказывавшейся только въ отношеніи къ помѣщику, но отнюдь не къ третьимъ лицамъ (см. мой „Экономическій ростъ Европы“, II, 53—56).

Спрашивается теперь, какъ построено было землевладѣніе крестьянъ въ эпоху полнаго расцвѣта въ Англіи феодализма, т. е. въ XIII в. Англійское помѣстье XIII стол. заключаетъ въ себѣ двѣ неравныя части, изъ которыхъ только одна поступаетъ въ разверстку между дворами; это то, что въ источникахъ извѣстно подъ названіемъ „земли виллановъ“, или крестьянъ помѣстья, иначе говоря— надѣльной земли. Она, употребляя обычную въ нашемъ сельскомъ быту терминологію, состоитъ изъ „коновъ“, или самостоятельныхъ земельныхъ комплексовъ; одинъ или нѣсколько такихъ „коновъ“ могутъ служить лугами, другіе состоятъ подъ посѣвомъ и разбиты на паи. Каждый дворъ крестьянскій, владѣющій полнымъ надѣломъ, или виргатой, соединяетъ въ своихъ рукахъ паи, или дѣлянки, разсѣянные по разнымъ конамъ. Дворы, къ которымъ пріурочены не цѣлые надѣлы, владѣютъ соотвѣтственно меньшими дѣлянками, но также въ разныхъ конахъ. Разбросанность дѣлянокъ, или паевъ (divisae или seliones) имѣетъ своимъ послѣдствіемъ чрезполосность, а она вызываетъ необходимость производства сельско-хозяйственныхъ работъ одновременно во всѣхъ частяхъ помѣстья, такъ какъ пахотныя земли должны поступить послѣ уборки подъ выпасъ сельскаго стада; съ этимъ связанъ и обычай общей оранки. Не этимъ обычаемъ вызвана въ жизнь надѣльная система, какъ ошибочно предполагаетъ Сибомъ, а, наоборотъ, существованіе надѣльной системы и общаго выпаса, въ связи съ чрезполосностью, сдѣлало необходимымъ тѣ порядки мірского хозяйства, при которыхъ каждый, кто живетъ въ предѣлахъ помѣстья, ставитъ въ опредѣленное время рабочій скотъ для впряги въ тяжелые плуги, или каруки. Владѣніе паемъ въ пахотныхъ земляхъ или только частью пая даетъ право на пользованіе угодьями: лугомъ, лѣсомъ и пастбищами. Въ судебныхъ протоколахъ XIII ст. упоминается о томъ, что право на пользованіе ими даетъ обладаніе „плугомъ земли“ (a carucate of land), т. е. полнымъ надѣломъ. Каждый владѣлецъ можетъ настаивать на томъ, чтобы на деревенскій выпасъ посылаемъ былъ только скотъ, перезимовавшій у хозяина, а, слѣд., не взятый имъ со стороны; о пользованіи дубовымъ лѣсомъ для выпаса свиней также говорится, какъ о правѣ крестьянина, осуществляемомъ имъ съ Петрова дня по праздникъ св. Мартина. Какъ общее правило, крестьяне, владѣющіе надѣлами, несутъ барщину и производятъ добавочныя работы въ страдную пору, не получая отъ помѣщика за эти яко-бы добровольныя „помочи“ ничего, кромѣ содержанія. Крѣпостныя службы обыкновенно отнимаютъ не болѣе трехъ дней въ недѣлю; что касается до „помочей“, то въ нихъ принимаютъ участіе, вмѣстѣ съ крѣпостными, и тѣ, кто вышелъ на оброкъ, нерѣдко также и свободные владѣльцы. Всѣ, кто держитъ землю отъ одного владѣльца, безъ различія свободныхъ и несвободныхъ, должны четыре раза въ годъ выходить со своими плугами и въ эти дни получаютъ содержаніе отъ помѣщика: одни ставятъ отъ себя

столько скота, сколько нужно для тяжелаго плуга, другіе только участвуютъ въ супрягѣ. Кто не имѣетъ скота, тотъ замѣняетъ участіе въ пахотѣ другими видами труда, напр., возведеніемъ живыхъ изгородей.

Экономическія и политическія условія нимало не вызывали въ Англіи XIII в. необходимости упраздненія крѣпостного права. Если вопросъ объ эмансипаціи былъ поставленъ на очередь городскими республиками Италіи XII и XIII вв., то это произошло подъ вліяніемъ ожесточ. борьбы буржуазіи съ феодализмомъ и въ виду сказавшагося среди городского населенія запроса на пріобрѣтеніе земли въ собственность или въ арендное держаніе. Ни того, ни другого въ Англіи еще не было въ это время. Условія англійскаго земледѣлія также не благопріятствовали освобожденію сельскаго труда; въ XII в. въ Англіи еще широко распространена была двухпольная система хозяйства, въ первой половинѣ XIII трехполье уже стало вытѣснять ее, но только въ XVI стол. оно становится болѣе или менѣе всеобщимъ; овцеводство также далеко не имѣло того распространенія, какое выпало ему въ удѣлъ въ XV и XVI вѣкъ. Если многіе крестьяне выходили на откупъ, то, какъ общее правило, сдѣлавши предварительно платежи въ пользу помѣщика; въ томъ случаѣ, когда откупщиками получаемаго помѣщикомъ дохода являлись сами крестьяне, имъ немудрено было замѣнить опредѣленныя службы денежнымъ оброкомъ и такимъ образомъ проложить путь къ замѣнѣ барщиннаго держанія оброчнымъ.

Когда говоришь объ англійскомъ *помѣстьѣ* въ средніе вѣка, то разумѣешь подъ нимъ нѣчто далеко не тождественное съ тѣмъ, чѣмъ въ наше время является „имѣніе“, будетъ ли то въ Россіи, Франціи, Германіи, или даже въ самой Англіи. Дѣло въ томъ, что тогда какъ имѣніе не болѣе, какъ сфера экономическихъ интересовъ того или другого частнаго лица, англійское помѣстье, какъ и всякое средневѣковое, является частью государственнаго тѣла. Помѣщикъ съ зависимымъ отъ него персоналомъ управителей, его агентовъ, не только собственникъ, а, слѣдовательно, и пользователь принадлежащихъ къ помѣстью земель и доходныхъ статей, онъ еще—дѣятельный органъ государственной власти, судья и администраторъ въ предѣлахъ того территоріальнаго округа, какой входитъ въ составъ его „манора“. Единственнымъ его отличіемъ отъ обыкновеннаго чиновника является, вмѣстѣ съ наслѣдственностью его должности, еще то обстоятельство, что самое осуществленіе этой должности доставляетъ ему цѣлый рядъ экономическихъ выгодъ въ формѣ всевозможныхъ пеней, налагаемыхъ имъ за полицейскіе проступки и уголовныя преступленія. Это соединеніе въ одномъ лицѣ собственника и господина, владѣльца и чиновника, и является причиной тому, что на англійское помѣстье среднихъ вѣковъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на низшее органическое подраздѣленіе государства, призванное играть ту самую роль, которую въ древней Германіи играла родовая марка и замѣнившее ее село, а въ Англіи XVI и слѣдующихъ столѣтій, вплоть до нашихъ дней,—церковный приходъ.

Отличіе помѣстья, какъ низшаго подраздѣленія государства, отъ высшихъ подраздѣленій его—графства и города, составляетъ та особенность, что въ помѣстьѣ владѣльческій и политическій характеръ такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что не является рѣшительно возможности отчетливаго разграниченія обѣихъ сферъ помѣщичьей власти. Сказать, какія дѣла вѣдаются помѣщикомъ въ силу присущаго ему владѣльческаго характера, а какія—въ силу представительства имъ государственной власти, какія обязанности населяющихъ помѣстье людей носятъ частно-правовой характеръ, а какія—характеръ политическій,—часто крайне трудно. Конечно, въ общихъ и главныхъ чертахъ можно распредѣлить помѣщичьи функціи, смотря по тому, направлено ли дѣйствіе ихъ исключительно къ извлеченію дохода, или же, наоборотъ,—къ охраненію мира или порядка и къ отправленію правосудія. Но по отношенію ко всѣмъ и каждому изъ помѣщичьихъ правъ и соотвѣтствующихъ

имъ обязанностей людей помѣстья—провести эти различія—дѣло мудреное. Въ самомъ дѣлѣ, къ какимъ правамъ, напр., можетъ быть отнесено хотя бы право произвольнаго обложенія крѣпостныхъ крестьянъ налогами, право феодальнаго выкупа (relief), право опеки и отдачи въ замужество, право, отчужденіе котораго за деньги, какъ любой доходной статьи, допускается законодательствомъ и юридической практикой? Если имѣть въ виду одинъ лишь источникъ происхожденія этихъ правъ, то необходимо признать ихъ правами политическими; если, наоборотъ, принять во вниманіе ихъ экономическую доходность, то не прочь будешь отнести ихъ въ категорію частныхъ правъ помѣщика. Но частноправовой и политическій элементъ повсюду тѣсно сплетены во всемъ, что носитъ названіе феодальныхъ правъ; въ этомъ ихъ особенность, и мы предпочитаемъ цѣлостное изложеніе всей суммы обязанностей, падавшихъ на разныя группы жителей помѣстья.

Простого знакомства съ любымъ изъ уцѣлѣвшихъ до насъ „ренталей“, или помѣстныхъ описей, достаточно для того, чтобы вынести убѣжденіе насчетъ сосредоточенія въ личномъ завѣдываніи помѣщика не болѣе какъ части входящей въ составъ помѣстья недвижимой собственности. Возьмемъ ли мы ренталь земель и владѣній, принадлежащихъ въ различныхъ графствахъ Англіи аббатству Рамзе, или однохарактерные съ нимъ памятники помѣстнаго быта, иллюстрирующіе территоріальный составъ имѣній аббатствъ Боксгревъ, Сентъ-Эдмундсбери, Питерборо, Св. Мартина-де-Белло и цѣлый рядъ другихъ, мы одинаково поражены будемъ незначительностью того, что можно назвать домеціальной землею помѣстья, и, наоборотъ, относительно большими размѣрами зависимаго землевладѣнія, какъ свободнаго, такъ и несвободнаго населенія помѣстья. Вотъ нѣкоторыя данныя, очевидно не требующія комментарія. Въ помѣстьѣ, принадлежащемъ аббатству Боксгревъ, въ графствѣ Сессексъ, изъ какихъ-нибудь 250 акровъ 177 находятся въ рукахъ второстепенныхъ владѣльцевъ земель и всего 23 акра въ личномъ завѣдываніи поставленнаго аббатомъ управителя. Въ помѣстьѣ Кокорильдъ, принадлежащемъ аббатству Св. Эдмунда, крѣпостныя владѣнія занимаютъ болѣе чѣмъ 480 акровъ, тогда какъ домеціальныя земли аббатства, вмѣстѣ съ землями, отданными въ зависимое владѣніе свободныхъ поселенцевъ, составляютъ лишь съ небольшимъ 1.000 акровъ. То же или приблизительно то же численное отношеніе крестьянскихъ земель съ помѣщичьимъ встрѣчается и въ помѣстьяхъ аббатства Рамзе въ Гентингдонширѣ. Такъ, о помѣстьи Гравеле мы читаемъ, что въ немъ половина всѣхъ земель состоитъ въ рукахъ крѣпостного населенія, а другая—въ завѣдываніи помѣщика и надѣленныхъ имъ лицъ. Послѣ сказаннаго немудрено, если въ царствованіе Елизаветы, въ эпоху окончательнаго перехода крѣпостнаго землевладѣнія въ оброчное (copyhold), судья Кокъ принималъ, что послѣднее занимаетъ не менѣе одной трети всѣхъ земель королевства. Не будетъ поэтому ошибкой, если мы допустимъ, по примѣру Роджерса и Сибома, что въ личномъ владѣніи помѣщика оставалось не болѣе третьей части земель помѣстья, и что остальныя двѣ трети не доставляли помѣщику иного дохода, кромѣ того, какой связанъ съ ежегоднымъ несеніемъ владѣльцами напередъ выговоренной ренты, натуральныхъ сборовъ, свободныхъ и крѣпостныхъ повинностей, наконецъ, цѣлаго ряда феодальныхъ правъ, падавшихъ, правда, на личность вассала, но отражавшихся тѣмъ не менѣе весьма существенно и въ сферѣ его имущественныхъ отношеній. Для завѣдыванія тѣми землями помѣстья, какія оставлены были въ непосредственномъ владѣніи самого помѣщика, послѣдній обращался къ содѣйствію непосредственно назначаемаго имъ самимъ или избираемаго жителями управителя (reeve). Эти управители вербовались изъ крѣпостного населенія, одной изъ тягостей котораго считалось обязательное принятіе на себя этой службы.

Я сказалъ, что управитель въ однихъ мѣстностяхъ назначаемъ, былъ

*

самимъ помѣщикомъ, а въ другихъ избираемъ жителями помѣстья. Прямыя доказательства существованія этого порядка сплошь и рядомъ встрѣчаются въ ренталяхъ. Въ одномъ изъ такихъ документовъ мы читаемъ, что въ помѣстьяхъ графа Арундель, помѣстьяхъ, расположенныхъ въ Уэльсѣ, управители, обозначаемые терминомъ prepositi, избираются крѣпостными людьми, совокупность которыхъ и принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ передъ помѣщикомъ (Mss. Br. Mus. Add. 10,013, fol. 3).

Повидимому, рядомъ съ обоими способами—назначенія и избранія—существовалъ еще и третій — отдача на откупъ; доказательствомъ этому служитъ неоднократно встрѣчаемое въ ренталяхъ упоминаніе о такъ наз. *фирмаріусѣ* (firmarius), какъ о лицѣ, замѣняющемъ собою управителя, или рива, и обязанномъ, взамѣнъ личной отчетности, къ платежу помѣщику одной лишь выговоренной напередъ суммы. При опредѣленіи этой послѣдней принимается въ расчетъ средняя земельная рента, капиталъ, затраченный на пріобрѣтеніе орудій обработки, и приблизительная стоимость крестьянскаго труда. Вотъ одинъ примѣръ изъ числа многихъ, наглядно иллюстрирующій характеръ такой отдачи дохода съ помѣщичьихъ земель на откупъ. Въ ренталѣ земель и владѣній аббатства Рамзе, неоднократно говорится о фирмаріусѣ, какъ о фактическомъ управителѣ помѣстья; мы одновременно встрѣчаемъ и категорическія заявленія о сдачѣ такому фирмаріусу, вмѣстѣ съ оставленными аббатствомъ въ личномъ его завѣдываніи землями, того, что въ документѣ, о которомъ идетъ рѣчь, обозначается терминомъ „stauramentum“; подъ этимъ разумѣется движимое имущество помѣстья, его живой и мертвый инвентарь.

Какъ непосредственный представитель помѣщичьей власти, управитель призванъ, подобно замѣщаемому имъ лицу, къ отправленію функцій двоякаго рода: съ одной стороны—къ завѣдыванію хозяйственной частью имѣнія, съ другой—къ отправленію тѣхъ государственныхъ функцій, которыя возложены на помѣщика. Въ болѣе или менѣе значительныхъ помѣстьяхъ эти послѣднія функціи обыкновенно отдѣляются отъ первыхъ и возлагаются на особое лицо, носящее или то же наименованіе, что и управитель, наименованіе бальифа, или же званіе *сенешала*. Послѣднее имѣетъ мѣсто въ помѣстьяхъ, владѣльцы которыхъ пользуются юрисдикціей, равной съ шерифами графствъ, другими словами—въ т. наз. honors. Въ рукахъ сенешала въ этомъ случаѣ соединяются право уголовнаго и гражданскаго суда надъ жителями нѣсколькихъ помѣстій, принадлежащихъ одному и тому же владѣльцу. Съ характеромъ его правъ и обязанностей обстоятельно знакомитъ насъ одинъ въ высшей степени цѣнный документъ, который намъ случайно удалось найти въ рукописяхъ Британскаго музея. Документъ этотъ приложенъ къ ренталю помѣстій графа Арунделя, составленному въ 22 г. правленія Ричарда II, и содержитъ перечень должностныхъ лицъ помѣстій съ обозначеніемъ порядка ихъ назначенія и предметовъ ихъ вѣдомства. О сенешалѣ мы читаемъ, что ему предоставлена какъ верховная охрана мира, такъ и отправленіе правосудія. Обстоятельнѣе предоставленныя ему функціи описаны нѣсколько далѣе въ той же рукописи по поводу перечисленія различныхъ судебныхъ случаевъ, подлежащихъ разсмотрѣнію вотчиннаго суда. Изъ этой части рукописи мы узнаемъ, что сенешалъ призванъ былъ ежегодно двукратно созывать въ каждомъ изъ помѣстій court leet, что вполнѣ соотвѣтствуетъ судебнымъ разъѣздамъ шерифа по сотнямъ ввѣреннаго ему графства. Эти двукратныя судебныя сессіи вѣдаютъ всевозможныя дѣла, начиная (рѣдко, впрочемъ) отъ убійствъ и оканчивая простымъ несоблюденіемъ полицейскихъ предписаній. Рядомъ съ этой судебной юрисдикціей сенешалъ имѣетъ чисто административныя обязанности—высшее управленіе мѣстной полиціей. Безъ его вѣдома ни одинъ пришлецъ не можетъ прожить болѣе трехъ дней подъ кровомъ того или другого изъ мѣстныхъ обывателей, не подвергая своихъ хозяевъ денежнымъ пенямъ. Имена всѣхъ жителей по-

мѣстья записываются по распоряженію сенешала въ особые списки — обстоятельство, доставляющее возможность бдительнаго надзора за выполненіемъ полицейскихъ предписаній.

Въ помѣстьяхъ, въ которыхъ судебная власть помѣщика ограничена была лишь гражданской и полицейской юрисдикціей, мѣсто сенешала иногда занималъ отличный отъ управителя бальифъ, чаще же, какъ уже сказано, лицо, одновременно надѣленное функціями того и другого. Предсѣдательство въ помѣщичьемъ судѣ и высшее завѣдываніе полиціей безопасности— вотъ къ чему сводятся функціи этого чиновника, близкаго по характеру принадлежащей ему власти къ сотенному старѣйшинѣ (hundred ealder) временъ англо-саксовъ. Такова вкратцѣ административная организація помѣстья,

Переходя къ вопросу о лицахъ, подвѣдомственныхъ ей, мы должны признать таковыми не только крѣпостныхъ, но и свободныхъ поселенцевъ помѣстья. Уцѣлѣвшіе протоколы вотчинныхъ судовъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что къ присутствію и участію въ нихъ призываемы были „всѣ свободные владѣльцы и другія лица, держащія въ помѣстьи землю и въ немъ пребывающія“. Стоитъ раскрыть протоколы любого изъ помѣщичьихъ судовъ XIV и XV в., чтобы найти въ нихъ случаи наложенія болѣе или менѣе тяжкихъ каръ на „сокменовъ“, на копигольдеровъ, на свободныхъ ремесленниковъ, поселенныхъ въ предѣлахъ помѣстья, на фермеровъ и т. д.

Въ отношеніяхъ обѣихъ категорій владѣльцевъ, свободныхъ и несвободныхъ, къ вотчинной юрисдикціи замѣчается лишь то различіе, что первые, т. е. свободные, одни поставляютъ присяжныхъ. При перечисленіи полномочій сенешала въ ренталѣ владѣній графа Арунделя въ Уэльсѣ прямо значится, что судебныя разслѣдованія производятся сенешаломъ „по скрѣпленному присягой вердикту 12 свободныхъ держателей“. Одни лишь монахи и священники свободны отъ подсудности помѣщику.

Англійское дворянство. Отъ села и помѣстья перейдемъ къ владѣльцу послѣдняго — англійскому дворянину, сквайру. Политика Завоевателя въ регулированіи положенія знати имѣла всеопредѣляющее значеніе для отношеній норманскихъ правителей къ феодальному дворянству. Обязавъ присягой себѣ не однихъ вассаловъ, но и подвассаловъ, Вильгельмъ съ самаго начала воспрепятствовалъ установленію между высшимъ дворянствомъ и низшимъ тѣхъ іерархическихъ отношеній, которыя повели на континентѣ Европы и, въ частности, во Франціи и Германіи, къ выдѣленію изъ государства полусамостоятельныхъ политическихъ тѣлъ: герцогствъ, княжествъ, маркизатовъ, бароній и земель подъ властью наслѣдственныхъ династій, только номинально признававшихъ верховенство короля Франціи или императора германскаго и требовавшихъ отъ своихъ вассаловъ неограниченной вѣрности и покорности. Благодаря политикѣ Завоевателя, никто въ Англіи не могъ сдѣлаться собственникомъ, иначе какъ подъ условіемъ стать вассаломъ короля и принять на себя, въ его пользу, несеніе рыцарскихъ службъ. Созданный завоеваніемъ порядокъ землевладѣнія и ленной зависимости былъ удержанъ въ Англіи цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ мѣропріятій. Уже въ первой четверти XIII ст. мы находимъ въ полномъ дѣйствіи правило, запрещающее прямымъ вассаламъ короля производство какихъ бы то ни было земельныхъ отчужденій, иначе какъ съ его согласія. Этимъ самымъ затруднено было образованіе той системы субинфеодацій, благодаря которой прямые вассалы короля становились во главѣ цѣлой іерархіи служилыхъ людей, держащихъ отъ нихъ землю на условіяхъ ленной зависимости и обязанныхъ по первому зову становиться подъ ихъ знамена. Только что указанное правило, вошедшее въ силу, вѣроятно, вслѣдъ за завоеваніемъ, было закрѣплено статутомъ „о прерогативѣ“. Въ подтвержденіи Великой Хартіи, сдѣланномъ въ 1217 г., запретъ отчужденій распространенъ былъ и на подвассаловъ; при отчужденіяхъ они не могутъ обойтись безъ предварительнаго согласія ихъ прямыхъ сюзереновъ. Къ концу XIII ст. ко всѣмъ

приведеннымъ мѣрамъ къ сохраненію въ неизмѣнномъ видѣ установленныхъ Вильгельмомъ земельныхъ порядковъ присоединяется еще одна. *Статутъ Quia emptores* объявляетъ всѣхъ, кто купилъ землю у подвассаловъ, прямыми ленниками того лица, которое является сюзереномъ по отношенію къ продавцу. Тѣмъ самымъ отнятъ на всегда у феодальныхъ владѣльцевъ политическій мотивъ къ отчужденію своихъ владѣній въ интересахъ созданія, какъ на континентѣ Европы, могущественнаго класса непосредственно зависимыхъ отъ нихъ подвассаловъ.

Въ самомъ англійскомъ дворянствѣ трудно провести на первыхъ порахъ какую-либо демаркаціонную линію между такъ называемымъ „высшимъ“ и „низшимъ“,—между тѣмъ, что со временемъ станетъ извѣстнымъ подъ названіемъ *nobility* и *gentry*. Всѣ и каждый изъ лицъ высшаго сословія несутъ общегосударственныя обязанности наравнѣ съ прочими свободными людьми королевства. Въ этомъ отношеніи Англія выгодно отличается отъ странъ континентальной Европы; „налогъ крови“, т. е. преимущественное участіе въ военной защитѣ государства, не освобождаетъ въ Англіи дворянина отъ обязанности раскошелиться на покрытіе государственныхъ издержекъ. Правда, въ Хартіи Генриха I отъ 1100 г. говорится объ освобожденіи пашенъ, входящихъ въ составъ земель въ личномъ завѣдываніи рыцарей, отъ всякихъ платежей и повинностей, кромѣ воинской, но такія изъятія не удерживаются со временемъ, и англійское дворянство, не въ примѣръ континентальному, несетъ общегосударственныя подати. Всякій, принадлежащій къ числу рыцарей, поставленъ въ одинаковыя условія по отношенію къ отбыванію воинской службы. Изданный въ 1181 г. законъ, извѣстный подъ именемъ „ассизы оружія“ (*assize of arms*), постановляетъ: „Каждый, кто держитъ рыцарскій ленъ, обязанъ имѣть кольчугу и шлемъ, щитъ и пику, и пусть каждый рыцарь имѣетъ столько кольчугъ, шлемовъ, щитовъ и пикъ, сколько въ его владѣніяхъ имѣется рыцарскихъ леновъ“. Ближайшая статья распространяетъ ту же обязанность на всѣхъ свободныхъ свѣтскихъ людей, доходъ которыхъ не менѣе 16 марокъ (см. *Adams and Stephens*, „Select documents of English Constitutional History“.—„Хартія Свободъ“ Генриха I.Стат. 11, стр. 6; ассиза оружія, 1181 г., ст. 1 и 2).

Изъ приведенныхъ текстовъ видно, что не только рыцари, но и свободные люди, имѣющіе опредѣленный закономъ достатокъ, несутъ равную службу; графы и большіе бароны только тѣмъ отличаются въ этомъ отношеніи отъ простыхъ рыцарей, что, владѣя большимъ числомъ рыцарскихъ леновъ, они ставятъ соотвѣтственно большее число вполнѣ вооруженныхъ всадниковъ.

Различіе высшаго и низшаго дворянства вызвано не различіемъ въ размѣрѣ землевладѣнія и не особымъ благородствомъ крови нѣкоторыхъ родовъ и даже не принадлежностью однихъ къ числу завоевателей, а другихъ — къ числу покореннаго туземнаго населенія, а исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что одни лица призывались съ самаго начала въ составъ Большого Совѣта короля, въ т. наз. „magnum consilium“, подъ именемъ котораго ожилъ съ эпохи норманскаго завоеванія англосаксонскій „Совѣтъ мудрыхъ тановъ“, а другіе не получали призывныхъ писемъ короля и не сидѣли въ его Совѣтѣ. *Большой Совѣтъ* устроенъ былъ въ Англіи на тѣхъ же началахъ, что и въ любой изъ феодальныхъ монархій: рядомъ съ архіепископами, епископами и нѣкоторыми аббатами, т. е. настоятелями монастырей, засѣдали въ немъ графы, таны и рыцари; на такой составъ указываетъ „Саксонская хроника“, прибавляя, что Вильгельмъ Завоеватель трижды въ годъ держалъ такія собранія: на Пасху—въ городѣ Винчестерѣ, на Пятидесятницу—въ Вестминстерѣ, на Рождество—въ Глостерѣ. Такіе же совѣты продолжали собираться и при преемникахъ Вильгельма. На вопросъ о томъ, по какимъ причинамъ тѣ или другія лица призываемы были въ совѣтъ, а другіе не призываемы, мудрено дать иной отвѣтъ, кромѣ слѣдующаго: одни принадлежали къ числу прямыхъ и при томъ крупныхъ ленниковъ короля, другіе къ этому числу не принад-

лежали. И архіепископы, и епископы, и аббаты сидятъ въ совѣтѣ на томъ основаніи, что держатъ свои значительные феоды непосредственно отъ монарха. На томъ же основаніи изъ числа свѣтскихъ ленниковъ не исключаются и простые рыцари, разъ они — tenentes in capite, т. е. не имѣютъ между собою и королемъ никакого посредствующаго владѣльца.

Немногіе законодательные акты эпохи первыхъ норманскихъ правителей принимаются королями при участіи Большого Совѣта. Въ числѣ его занятій была раздача графствъ и рыцарскихъ леновъ, рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ и, вообще, принятіе важнѣйшихъ государственныхъ мѣръ. Такъ какъ число прямыхъ вассаловъ было значительно и не переставало возрастать, то оказалось невозможнымъ призывать всѣхъ ихъ лично къ присутствію въ Совѣтѣ; пришлось сдѣлать выборъ, и король, разумѣется, далъ предпочтеніе наиболѣе вліятельнымъ и могущественнымъ, въ числѣ которыхъ несомнѣнно были наиболѣе богатые владѣльцы многихъ рыцарскихъ леновъ. Но въ принципѣ не обладаніе извѣстнымъ имуществомъ давало право получить призывное письмо отъ короля, а принадлежность къ числу прямыхъ его вассаловъ; равенство ихъ въ этомъ отношеніи сказалось наглядно и въ Великой Хартіи Вольностей 1215 г., 14 статья которой гласитъ, что „для установленія денежнаго пособія (aide), внѣ трехъ случаевъ (посвященія сына короля въ рыцари, выдачи въ замужество его старшей дочери или плѣна самого монарха, когда сборъ съ прямыхъ вассаловъ производится по феодальному обычаю), какъ и для установленія особаго выкупа отъ личнаго отправленія воинской службы, мы, король, призовемъ въ Общій Совѣтъ Королевства архіепископовъ, епископовъ аббатовъ, графовъ и высшихъ (majores) бароновъ лично и, сверхъ того, мы озаботимся тѣмъ, чтобы наши шерифы собрали всѣхъ тѣхъ, кто держитъ отъ насъ земли въ прямой зависимости“... Изъ этого текста ясно, что правительство признаетъ равныя права на присутствіе въ Совѣтѣ за всѣми прямыми вассалами короля. Одна физическая невозможность собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ имѣетъ послѣдствіемъ, что къ мелкимъ прямымъ вассаламъ со временемъ прилагается система представительства; къ личной явкѣ призываются и на ней настаиваютъ только тѣ, отцы которыхъ получали ранѣе призывныя письма. Въ этомъ направленіи происходитъ обособленіе высшаго дворянства отъ низшаго. Преимущество перваго — преимущество чисто политическое,—право участія въ высшемъ совѣтѣ государства и въ замѣнившей его со временемъ Палатѣ лордовъ; равенство всѣхъ призванныхъ въ этотъ совѣтъ или въ эту палату, выступаетъ въ самомъ ихъ названіи „пэрами“ королевства. Низшее дворянство не лишено всякаго участія въ государственной власти; но оно осуществляетъ свои права наряду со всѣмъ прочимъ свободнымъ населеніемъ королевства. На общихъ избирательныхъ собраніяхъ съ мелкими прямыми вассалами короля сходятся и второстепенные вассалы,—рыцари или воины, а также всѣ свободные люди графствъ и, отдѣльно отъ нихъ, все свободное населеніе городовъ, принадлежащихъ къ числу прямыхъ вассаловъ короля, призванныхъ имъ къ посылкѣ отъ себя того же числа уполномоченныхъ, какое посылаютъ графства. Все это—явленія позднѣйшаго времени и о нихъ будетъ рѣчь впереди; въ настоящее же время мы коснулись ихъ лишь настолько, насколько необходимо было выяснить обособленіе высшаго дворянства отъ низшаго. Чтобы прибавить къ сказанному еще одинъ штрихъ, мы подчеркнемъ тотъ фактъ, что въ своихъ низахъ дворянство сливается съ простымъ свободнымъ людомъ; поэтому т. наз. „gentry“, т. е. совокупность тѣхъ джентльменовъ, или „благовоспитанныхъ“ людей, изъ которыхъ слагается это не то сословіе, не то классъ обезпеченныхъ свободныхъ людей, участвующихъ и въ парламентскихъ выборахъ, и въ несеніи государственныхъ службъ, не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ слова сравниваемо ни съ низшимъ французскимъ дворянствомъ, съ т. наз. „noblesse de robe“, ни съ нѣмецкимъ „Ritter-

schaft"; первое создано гражданской службой и, прежде всего, службой въ судахъ, второе — службой военной, службой въ конницѣ. На первыхъ порахъ то же можетъ быть сказано и о низшемъ дворянствѣ въ Англіи, но со временемъ была допущена возможность откупаться отъ личнаго несенія рыцар. службы и стали довольствоваться однимъ взносомъ опредѣленной суммы денегъ взамѣнъ посвященія въ рыцари. Поэтому, когда настало время полной отмѣны феодальныхъ порядковъ въ эпоху республики и протектората, и эта мѣра была воспроизведена Карломъ II въ самый годъ реставраціи (1660), этимъ не былъ положенъ конецъ существованію англійскаго gentry, а только уничтожена окончательно связь его съ рыцарской службой.

Джентри продолжаетъ и по настоящее время, несмотря на демократизацію англійскихъ порядковъ, быть, вмѣстѣ съ высшимъ дворянствомъ, или nobility, преимущественнымъ слугою государства и въ сферѣ общаго завѣдыванія его дѣлами въ лицѣ нижней палаты парламента, и въ сферѣ мѣстнаго управленія.

Связь джентри съ послѣднимъ восходитъ къ эпохѣ сліянія въ одинъ англійскій народъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Пока продолжалась ихъ рознь, государство не могло обойтись безъ системы административной централизаціи, и мы находимъ ее въ полномъ ходу въ правленіе первыхъ норманскихъ королей, но уже къ концу XII в., путемъ браковъ и повседневнаго гражданскаго общенія, сглаживаются прежнія этнографическія различія, вызванныя завоеваніемъ. Это сліяніе позволяетъ правительству ввѣрить часть заботъ по мѣстному управленію мѣстнымъ землевладѣльцамъ изъ рядовъ джентри. Съ конца XII и въ особенн. съ XIII в. правительство переноситъ отдѣльныя административныя функціи съ назначаемыхъ имъ дотолѣ провинціальныхъ управителей—шерифовъ на вновь созданныя должности, къ замѣщенію которыхъ призываются исключительно мѣстные землевладѣльцы. Эти должности — должности слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ—коронёровъ, должности полицейскихъ приставовъ—констэблей, и также административныхъ чиновниковъ, задачу которыхъ составляетъ надзоръ за сохраненіемъ жителями спокойствія и тишины, т. наз. охранителей мира (conservatores pacis). Изъ этой послѣдней должности въ первой четверти XIV ст. развивается должность англійскихъ мировыхъ судей, съ того именно момента, когда къ административнымъ обязанностямъ охранителей мира присоединяется право суда по всѣмъ раскрываемымъ ими полицейскимъ проступкамъ. Постепенно въ рукахъ этихъ судей сосредоточивается не только забота объ охраненіи мира и то, что мы обнимаемъ понятіемъ полиціи безопасности, но и отдѣльныя вѣтви полиціи благосостоянія: такъ, напр., приведеніе въ исполненіе статута, опредѣлявшаго maximum заработной платы, статута о мѣрахъ и вѣсахъ и т. д.

Въ противность теоріи Монтескье, признающей начало раздѣленія властей панацеей политической свободы, англійскіе мировые судьи, не мало содѣйствовавшіе упроченію этой свободы, соединяютъ съ административными функціями и судебныя. Въ качествѣ судей они выступаютъ, однако, какъ общее правило, коллегіально, на малыхъ сессіяхъ, состоящихъ по меньшей мѣрѣ изъ двухъ мировыхъ судей, и на четыре раза въ году повторяющихся, т. наз. четвертныхъ съѣздахъ, на которые съѣзжаются судьи всего графства: и тѣ, и другіе извѣстны Англіи еще съ середины XIV в.

Установленіе должности мировыхъ судей не ведетъ за собою уничтоженія другихъ должностей, которыя ранѣе завѣдывали мѣстной полиціей и судомъ. Оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только сокращеніе ихъ функцій. *Шерифы*, нѣкогда всемогущіе управители графства, постепенно понижаются до роли судебныхъ приставовъ, обязанности которыхъ сводятся къ вызову въ судъ сторонъ, къ приведенію въ исполненіе приговоровъ и къ рѣшенію мелкихъ гражданскихъ тяжбъ, когда предметъ иска не превышаетъ собою 40 шилл., въ послѣднее время не иначе, однако, какъ съ спеціальнаго полномочія судовъ королевства.

Эмансипація крестьянъ. Мы изобра-

зили въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ судьбы англійскаго крестьянства и высшаго помѣстнаго сословія въ средніе вѣка до начала такъ неудачно кончившагося возстанія крѣпостныхъ людей въ царствованіе Ричарда II. Чѣмъ же, спрашивается, объяснить почти повсемѣстное исчезновеніе барщины въ Англіи XV и половины XVI ст., позволившее современнику Генриха VI Джону Фортескью признать за своей родиной то преимущество надъ Франціей, что она является страною свободныхъ людей? Эмансипація была произведена въ Англіи не въ законодательномъ порядкѣ; она явилась послѣдствіемъ самопроизвольнаго развитія, источникъ котораго лежалъ въ экономическихъ причинахъ. Подъ вліяніемъ естественнаго роста населенія и обусловленнаго имъ бо̀льшаго запроса на землю совершается мирный переворотъ въ сферѣ сельскаго хозяйства, сказывающійся въ замѣнѣ прежнихъ двухполья и трехполья новой системой хозяйства, требующей затраты капитала. Этотъ фактъ чреватъ послѣдствіями; интенсивное хозяйство не мирится съ существованіемъ системы открытыхъ полей и поступленіемъ луговъ и нивъ послѣ снятія урожая подъ общій выпасъ. Личный интересъ помѣщика побуждаетъ его положить конецъ системѣ оплаты подневольнаго труда крестьянина вздорожавшей въ своей цѣнности землею. Ростъ населенія привелъ къ возрастанію ренты, но помѣщикъ не могъ воспользоваться имъ, такъ какъ система вѣчнонаслѣдственнаго держанія крестьянами ихъ надѣловъ заставляла его довольствоваться неизмѣнными въ своей величинѣ повинностями и платежами. Эти послѣднія не только не возрастали, но, наоборотъ, падали въ виду быстраго обезцѣненія драгоцѣнныхъ металловъ, особенно съ конца XVI в., когда успѣли вполнѣ сказаться послѣдствія открытія въ Америкѣ богатыхъ залежей золота и серебра. Чтобы вознаградить себя за потерю дохода, помѣщикъ начинаетъ злоупотреблять принадлежащими ему хозяйственными монополіями (помолъ зерна, печеніе хлѣба, варка пива) и—что важнѣе—ограничиваетъ по возможности права общиннаго пользованія крестьянства, обременяетъ сельскіе выпасы собственными стадами или сдаетъ ихъ въ аренду третьимъ лицамъ. Увеличивающійся запросъ на англійскую шерсть, благодаря развитію сукнодѣлія во Фландріи и Нидерландахъ, къ чему въ XVI ст. присоединяется ростъ туземной шерстяной промышленности, только ускоряетъ наступленіе вышеуказанныхъ явленій. Въ результатѣ получается потеря крѣпостнымъ крестьяниномъ многихъ выгодъ, связанныхъ съ наслѣдственнымъ пользованіемъ надѣломъ. Сеньеры и вилланы такимъ образомъ одинаково заинтересованы въ XV и XVI вв. въ прекращеніи прежней системы совмѣстнаго владѣнія ими землей помѣстья. Помимо свободы самоопредѣленія, крестьянинъ ищетъ въ выкупѣ натуральныхъ службъ и платежей возможность избѣжать тяготѣющихъ надъ его хозяйственной дѣятельностью помѣщичьихъ монополій, обязательнаго сѣвооборота и не менѣе обязательнаго поступленія его луговъ и пашенъ послѣ уборки подъ общій выпасъ; онъ готовъ обмѣнять на личную свободу свое положеніе прикрѣпленнаго къ землѣ наслѣдственнаго пользователя и думаетъ соблюсти при этомъ свою выгоду, такъ какъ въ области обрабатывающей промышленности, быстро растущей наравнѣ съ обмѣномъ, онъ надѣется найти лучшую оплату своего труда.

Отдѣльныя стороны этого сложнаго процесса могутъ и должны быть отмѣчены хотя бы въ общихъ чертахъ. Подготовилъ крестьянскую эмансипацію переводъ на денежный оброкъ прежнихъ натуральныхъ службъ. О немъ заходитъ рѣчь еще въ XIII в., особенно во второй его половинѣ; онъ въ значительной степени облегченъ благодаря тому, что разнообразныя службы крестьянъ въ помѣстьѣ сведены къ опредѣленному числу работъ (opera или operationes); это позволяетъ подвести всѣ виды барщины подъ одинъ средній типъ; оставалось послѣ этого только установить средній денежный эквивалентъ, чтобы замѣнить барщину оброкомъ. До насъ дошли нѣкоторыя изъ тѣхъ соглашеній, бла-

годаря которымъ крѣпостное держаніе (tenementum in villenagio) перешло въ оброчное (copy-hold). Отъ начала XV в., если не отъ конца XIV, аббатство въ Edmondbury входитъ въ такой договоръ съ крестьянами нѣкоторыхъ изъ своихъ помѣстій; въ немъ значится, что впредь работы виллановъ замѣнены будутъ денежными платежами такимъ образомъ, что за каждый изъ трехъ дней работы, производимой ими еженедѣльно, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, они обязаны платить одинъ динарій; осенній рабочій день цѣнится дороже, а именно въ полтора динарія. Всякая работа, производимая съ помощью собственной лошади, оцѣнивается въ одинъ динарій, тогда какъ ручная — всего въ полдинарія. Переводъ натуральныхъ сборовъ на денежные производится благодаря предварительной оцѣнкѣ стоимости продуктовъ, очевидно, согласно ихъ рыночнымъ цѣнамъ. Ко времени Эдуарда IV переводъ повинностей въ денежный оброкъ представляетъ собою уже довольно обычное явленіе.

Съ этого времени одно отсутствіе судебной или исковой охраны продолжаетъ отличать copy-hold отъ свободнаго держанія (socage), но и въ этой охранѣ вскорѣ перестаетъ чувствоваться недостатокъ. Литльтонъ, который пишетъ свой трактатъ о земельныхъ держаніяхъ въ началѣ XVI в., еще отказываетъ копигольдерамъ въ правѣ вчинять искъ противъ помѣщика, но говоритъ, что между судьями встрѣчаются и такіе, которые признаютъ возможность подобнаго иска. Но, параллельно съ этимъ переходомъ отъ барщины къ оброку, идетъ и сосредоточеніе прежнихъ крестьянскихъ надѣловъ въ рукахъ помѣщика или его фермера, и огораживанье ихъ вопреки стародавнему обычаю, по которому вся надѣльная земля лежала открытымъ полемъ.

Многіе изъ прежнихъ „коновъ“ (wongs), ранѣе раздѣленныхъ на равные паи, сосредоточиваются всецѣло въ рукахъ немногихъ крестьянскихъ дворовъ. Этотъ процессъ округленія отмѣченъ и въ одной хроникѣ, текстомъ которой воспользовался проф. Охеньковскій (*Ochenkowsky*, „Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters“. Iena, 1879, стр. 37); въ ней говорится, что въ графствѣ Уоррикъ, тамъ, гдѣ прежде, во времена Эдуарда I, было до 80 крестьянскихъ усадебъ, теперь, въ серединѣ XV в., не осталось и четвертой части; гдѣ было 27 — уцѣлѣла одна, а гдѣ 12—ни единой. На мѣстѣ снесенныхъ деревень стоятъ одинокіе помѣщичьи дворы.

Въ протоколахъ вотчинныхъ судовъ XV в. весьма часто упоминается о возведеніи изгородей, препятствующихъ выпасу скота; въ числѣ дѣйствій, которыми ознаменовалось крестьянское возстаніе 1381 г., весьма обычнымъ является разрушеніе изгородей; въ бумагахъ Тайнаго совѣта короля отъ временъ Эдуарда III встрѣчаются также сѣтованія на то, что отрицаніе права общиннаго пользованія скошенными нивами и лугами грозитъ крестьянамъ полнымъ разореніемъ. Раздачѣ помѣщиками отдѣльныхъ участковъ пустоши въ обработку и огораживанію общинныхъ угодій англійскіе крестьяне обязаны значительнымъ сокращеніемъ тѣхъ имущественныхъ выгодъ, какія связаны были съ существованіемъ надѣльной системы. Борьба съ этими огораживаніями началась уже давно: еще Генрихъ III въ Мертонскомъ статутѣ запрещаетъ помѣщикамъ обращать пустоши подъ новь каждый разъ, когда нѣтъ возможности оставить въ рукахъ держателей земли достаточнаго выпаса (sufficiens pastura); при Эдуардѣ I мірское пользованіе крестьянъ получило защиту того же статута. Особенно обычными сдѣлались огораживанія къ концу XIV вѣка. Въ эпоху Ланкастеровъ они стали производиться и насильственно, почему Ричардъ III въ своей тронной рѣчи заявилъ о намѣреніи принять мѣры противъ нихъ, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему удаленію крестьянъ изъ помѣстій.

Помѣщики, очевидно, дорожили прежними порядками надѣльнаго пользованія, пока оно было связано съ несеніемъ барщины; по прекращеніи же ея они нашли для себя болѣе выгоднымъ отдавать землю въ краткосрочную аренду; имя этимъ новымъ арен-

даторамъ—*tenentes ad voluntatem*, т. е. съемщики чужой земли, удерживающіе ее въ своихъ рукахъ, пока собственнику угодно будетъ сохранить ее за ними. Ричардъ III упоминаетъ объ этомъ новомъ классѣ земельныхъ съемщиковъ, какъ составленномъ изъ людей пришлыхъ; „имъ, жалуется онъ, сдаются, по преимуществу, земли помѣстья во вредъ копигольдерамъ, т. е. оброчнымъ крестьянамъ“. Король желаетъ положить конецъ такой практикѣ на протяженіи собственныхъ земель и предписываетъ поэтому заключать арендные договоры только съ лицами, издавна державшими землю на правахъ королевскихъ вассаловъ. Такое рѣшеніе подсказано ему интересами военнаго дѣла, для котораго не безразлично, способны ли съемщики земли поставить ратниковъ въ поле, или нѣтъ. Тою же заботливостью вызваны и однохарактерныя мѣры Генриха VII, перваго изъ королей новой династіи. Сперва фермерами были, повидимому, люди нечуждые помѣстью,—болѣе или менѣе зажиточные, свободные оброчные держатели его земель. Таковы были тѣ іомены, о которыхъ упоминаетъ уже Чосеръ, а столѣтіе спустя Фортескью. Слово *іоменъ* происходитъ отъ двухъ: прилагательнаго „молодой“ и существительнаго „человѣкъ“ и само, слѣд., не указываетъ на то, каковъ былъ источникъ происхожденія этого класса; но Чосеръ называетъ ихъ „свободными домохозяевами“, а Фортескью говоритъ о нихъ, какъ о frankleines, „свободныхъ“. Въ XVI в. Томасъ Смисъ заявляетъ, что, не будучи джентльменами, они въ то же время — люди настолько достаточные, что могутъ жить, не прибѣгая къ низкимъ занятіямъ. Современникъ Елизаветы Гаррисонъ говоритъ, что обычнымъ было для нихъ арендованіе земель у джентльменовъ; они наживали значительное состояніе выкармливаніемъ скота; для обработки полей они держали не малое число батраковъ и наемныхъ рабочихъ. Епископъ Латимеръ говоритъ о своемъ отцѣ, что онъ былъ іоменъ и не имѣлъ собственныхъ земель. Соединяя всѣ эти признаки въ одно представленіе, мы склонны думать, что іомены были развившіеся отъ скотоводства и земледѣлія мѣстные обыватели—своего рода, среднее сословіе селъ—„tiers état rural“, употребляя терминъ, обычный во Франціи, или „хозяйственные мужики“, недалекіе отъ нашихъ „кулаковъ“. Писатели XV и XVI в. иногда прибѣгаютъ къ термину „lease-mongers“ (пожиратели арендъ), когда хотятъ обозначить лицъ, соединившихъ въ своихъ рукахъ земли многихъ крестьянскихъ дворовъ.

Опредѣлить съ точностью время, когда исчезли въ Англіи послѣдніе слѣды крестьянской несвободы, едва ли возможно, какъ и указать, когда впервые начался процессъ огораживанія и вытѣсненія оброчнаго крестьянства срочнымъ фермерствомъ.

Въ 1523 г. Фицгербертъ еще признаетъ существованіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ людей крѣпкихъ къ землѣ, а въ числѣ требованій, заявленныхъ участниками крестьянскаго возстанія въ Норфолькѣ въ 1549 г., имѣлось и отпущеніе этихъ крѣпостныхъ на свободу (*Page*, „The End of Villainage in England“, 380).

О борьбѣ съ огораживаніемъ идетъ рѣчь въ царствованіе Генриха VIII, и о вредѣ, причиняемомъ крестьянству ростомъ фермерства, пишутъ одинаково и Томасъ Моръ, канцлеръ Генриха VIII, и Гаррисонъ, современникъ Елизаветы; отмѣна же всего феодальнаго права, а съ нимъ вмѣстѣ и крѣпостной зависимости въ законодательномъ порядкѣ, относится ко времени протектората Кромвелля и подтверждена новымъ актомъ въ первый годъ реставраціи Стюартовъ.

Проф. Петрушевскимъ сдѣлана была тѣмъ не менѣе попытка по крайней мѣрѣ приблизительнаго пріуроченья къ извѣстнымъ столѣтіямъ важнѣйшихъ факторовъ этого перехода отъ барщиннаго къ вольнонаемному труду и отъ наслѣдственной крестьянской аренды къ фермерскому хозяйству.

Онъ относитъ къ XIII стол. замѣну барщиннаго труда оброкомъ и видитъ первыя указанія на это еще въ эпоху составленія „Діалога о казначействѣ“, т. е. въ XII в. Помѣстные обычаи гораздо ранѣе опредѣлили и число дней барщинной работы, и число „обще-

ственныхъ помочей“ (см. „Возстаніе Уота Тайлера“, часть II, стр. 142).

Что же касается до XIV ст., то уже въ первой его половинѣ выступаетъ, какъ послѣдствіе перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, обычная замѣна барщины оброкомъ и подневольныхъ тружениковъ свободными сельскими рабочими (ibid., 143).

Эта замѣна натуральныхъ службъ денежными платежами, обозначаемая терминомъ *коммутація*, разорвала, какъ выражается Д. М. Петрушевскій, „органическую связь“, соединявшую хозяйство лорда-помѣщика съ хозяйствомъ сельской общины, и побудила помѣщиковъ освободить отъ общиннаго пользованія земли въ ихъ личномъ завѣдываніи въ интересахъ болѣе интенсивной ихъ обработки (ibid., 149).

Стремленіе выдѣлиться изъ общины обнаруживали не одни помѣщики, но и другіе свободные держатели (ibid., 154); изъ общиннаго пользованія изъемлются не только пахотныя земли, но и тѣ пустоши (vastum), изъ которыхъ дѣлались нарѣзки земли новымъ хозяйствамъ (ibid., 157).

Прежде эти общинныя пустоши служили выпасомъ для крестьянскихъ стадъ,—теперь, по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, помѣщики стараются изъять ихъ отъ выпаса, не допускать производства на нихъ заимокъ крестьянами и заводятъ въ нихъ собственное хозяйство (ibid., 158—160). Къ тому-же времени относится развитіе арендныхъ отношеній (ibid., 166).

Крѣпостное наслѣдственное владѣніе смѣняется съемомъ земли на срокъ, который угодно будетъ установить самому помѣщику или договору сторонъ (отсюда различіе tenementum ad voluntatem и tenementum ad terminum annorum; рѣже встрѣчается tenementum ad totam. vitam. Ibid., 174).

Все это—явленія уже обычныя во второй половинѣ XIII в.; съ середины XIV, подъ вліяніемъ моровой язвы 1348 г. и внезапнаго сокращенія числа жителей, помѣщики дѣлаютъ попытку вернуться къ барщинному труду, какъ на это указано было еще Роджерсомъ. Протестъ противъ такой практики ведетъ къ крестьянскому возстанію временъ Ричарда II.

V. Дворянство и мѣстное самоуправленіе. Уже въ 1294 г. заходитъ рѣчь о правѣ жителей каждаго графства выбирать трехъ воиновъ при одномъ дьякѣ, которые носятъ въ источникахъ названіе „хранителей судебныхъ протоколовъ короны“.

Со временъ Генриха III постоянно заходитъ рѣчь о королевскомъ *коронёрѣ*; это тотъ изъ разъѣздныхъ судей, на котораго возложено въ фискальныхъ интересахъ веденіе списка лицъ, подвергшихся судебному преслѣдованію при разъѣздахъ королевскихъ судей. Со временемъ къ нему переходитъ производство слѣдствій о всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, послѣдствіемъ которыхъ является отобраніе въ казну имущества виновнаго. Таковы различные виды смертоубійства, нанесеніе тяжкихъ ранъ, а рядомъ съ этимъ и присвоеніе клада или обломковъ отъ кораблекрушенія. Коронеръ въ этихъ случаяхъ охранялъ интересы казны, и въ виду такого характера его первоначальныхъ функцій, возникъ и самый титулъ, ему присвоенный (отъ слова „корона“, казна, „коронеръ“— охраняющій интересы казны).

Констэбли, или выборные полицейскіе чиновники, упоминаются уже въ серединѣ XIII ст.; они слѣдятъ и за тѣмъ, чтобы всѣ, призванные нести службу въ ополченіи, имѣли при себѣ надлежащее вооруженіе; но они обязаны также открывать преслѣдованіе противъ лицъ, присвоившихъ себѣ право носить оружіе вообще, или не то, какое имъ полагается. Полицейскія функціи констэблей расширены со временемъ, и въ приносимой ими должностной присягѣ говорится о томъ, что они должны охранять миръ королевства, задерживать всѣхъ лицъ, производящихъ смуту и нарушающихъ спокойствіе, слѣдить за нищими, бродягами, лѣнтяями; если лица, подлежащія задержанію, будутъ противиться ему, констэбли вправѣ крикомъ призывать къ себѣ на помощь членовъ народнаго ополченія и преслѣдовать виновныхъ, пока они не дадутъ себя задержать (см. мою „Исторію полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ“, стр. 94—99).

Ко всѣмъ этимъ органамъ мѣстнаго

самоуправленія присоединяются къ концу XIII в. и въ теченіе XIV ст. такъ наз. *охранители мира* (conservatores pacis); о нихъ заходитъ рѣчь еще въ 1195 г., но подъ именемъ „воиновъ“ (milites), несущихъ тѣ же обязанности по отношенію къ поддержанію спокойствія и порядка, какія въ XIII в. возлагаются на „охранителей мира“. Когда Генрихъ III покончилъ договоромъ свою распрю съ возставшимъ противъ него феодальнымъ дворянствомъ, то подымать тревогу противъ нарушителей мира и преслѣдовать преступниковъ съ помощью аркебузъ и стрѣлъ, или другимъ легкимъ оружіемъ, предоставлено было въ селахъ четыремъ или шести лицамъ, надъ которыми въ графствахъ начальниками поставлено два свободныхъ, проникнутыхъ законностью и, болѣе или менѣе, могущественныхъ рыцаря. Не ранѣе временъ Эдуардовъ (въ частности Эдуарда II) мы видимъ, что такіе „охранители мира“ изъ селъ переходятъ въ сотни, т. е. въ тѣ округа, на которые раздѣлено графство; они подчинены верховнымъ „охранителямъ мира“, имѣющимъ пребываніе въ центрѣ графствъ.

Избраніе замѣняется назначеніемъ, въ которомъ участвуетъ король: „охранители мира“ остаются на мѣстахъ, пока королю будетъ угодно удержать ихъ. При Эдуардѣ III они превращаются въ *мировыхъ судей*. Съ шестого года правленія короля, по ходайству лордовъ и общинъ, они пріобрѣтаютъ право не только задерживать, но и наказывать (potestas castigandi et puniendi) всѣхъ противящихся имъ нарушителей мира. Въ статутѣ отъ 18 г. правленія Эдуарда III упоминается на англо-французскомъ языкѣ того времени о томъ, что два или три человѣка съ добрымъ именемъ (mieux vantés) въ каждомъ графствѣ должны быть назначены королемъ „охранителями мира“; съ другими, мудрыми и свѣдущими въ законахъ (sages et appris de la ley), они королевской комиссіей уполномочены слушать и оканчивать (oïer et terminer) дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, направленныхъ противъ мира. Къ мировымъ судьямъ переходитъ разбирательство и другихъ дѣлъ, напр., случаевъ поддѣлки мѣръ и вѣсовъ, продажи товаровъ и съѣстныхъ припасовъ по цѣнамъ выше тѣхъ, которыя были въ ходу въ предшествующее царствованіе, требованія или платежа высшей заработной платы, противъ той, какая существовала до чумы. Они не только задерживаютъ и судятъ, но еще вправѣ требовать отъ лицъ, заподозрѣнныхъ ими въ намѣреніи нарушить миръ, поручительства въ его соблюденіи (surety of the peace).

Въ ближайшее царствованіе устанавливаются между мировыми судьями іерархическія отношенія: рядомъ съ единоличнымъ судомъ и малыми сессіями мировыхъ судей, въ которыхъ принимали участіе не менѣе двухъ изъ нихъ, повторяются 4 раза въ годъ съѣзды судей одного и того же графства, т. наз. „четвертные съѣзды“, (quarter sessions); они вѣдаютъ одинаково и административныя и судебныя дѣла, осуществляя по отношенію къ единоличнымъ судьямъ роль апелляціонной инстанціи. Еще въ XIV в. мировые судьи, мѣста которыхъ заполнятся мѣстными землевладѣльцами, отказались, какъ люди обезпеченные, отъ всякаго вознагражденія; сдѣлавшись даровой, служба становится почетной. Когда при Елизаветѣ къ числу прочихъ органовъ мѣстнаго управленія въ графствѣ прибавленъ былъ еще начальникъ надъ милиціей, такъ наз. *лордъ-лейтенантъ*, то составленіе списка лицъ, на которыхъ возлагается даровое несеніе должности мирового судьи, было поручено этимъ начальникамъ надъ ополченіемъ графства. Какъ общее правило, лорды-лейтенанты вносили въ эти списки всѣхъ мѣстныхъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ; отъ короля зависѣло не согласиться на назначеніе того или другого лица, имя котораго онъ въ этомъ случаѣ прокалывалъ булавкой. Нѣсколько вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ короли перестали пользоваться этой возможностью; у кандидатовъ перестали спрашивать, къ какой партіи они принадлежатъ и любы ли или не любы ихъ политическіе взгляды правительству. „Если бы должность мировыхъ судей отправлялась надлежащимъ образомъ“, писалъ Елизаветин-

скій судья Кокъ, „во всемъ христіанскомъ мірѣ нельзя было бы найти ничего равнаго ей по достоинству“.

Если прибавить, что сперва все свободное населеніе, а съ середины XIV в. одни земельные собственники (фригольдеры) призываются къ участію въ гражданскихъ и уголовномъ судѣ, а также къ производству, совмѣстно съ коронерами, предварительнаго слѣдствія; что въ роли великоприсяжныхъ (Grand jury) земельные собственники предъявляютъ обвиненіе противъ всѣхъ обнаруженныхъ въ графствѣ злоумышленниковъ въ промежутокъ времени между двумя „судебными разъѣздами“ (т.-е. посѣщеніями графствъ членами верховныхъ королевскихъ судовъ), то намъ придется только выразить изумленіе передъ массою труда, принимаемаго на свои плечи мѣстнымъ джентри и, вообще, свободнымъ людомъ графства. То, что въ другихъ странахъ осуществляется чиновниками и судьями на жалованіи, въ Англіи съ XIII и XIV составляетъ сферу дѣятельности коллективныхъ и индивидуальныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а это имѣетъ, разумѣется, цѣлый рядъ выгодныхъ послѣдствій: примѣненіе закона и обычая людьми, знакомыми съ мѣстными условіями, отвлеченіе дворянства отъ вотчинной или патримоніальной юрисдикціи и пріуроченіе ея заботъ къ охранѣ общаго спокойствія и порядка, сравнительную дешевизну прецессовъ, удержаніе на мѣстахъ людей зажиточныхъ, болѣе тѣсное общеніе ихъ съ простымъ народомъ, возможность взаимнаго пониманія и дружной дѣятельности въ охранѣ завоеванныхъ правъ и вольностей.

Но все это имѣетъ и обратную сторону, заключающуюся въ томъ, что простой народъ подпадаетъ, такъ сказать, подъ опеку зажиточныхъ землевладѣльцевъ, а послѣдніе пріобрѣтаютъ возможность пользоваться своимъ вліяніемъ для проведенія своихъ классовыхъ интересовъ и въ управленіи, и при постановкѣ приговоровъ, и при выборѣ депутатовъ въ парламентъ, и при осуществленіи въ этомъ парламентѣ законодательной власти.

Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этой сторонѣ мѣстнаго самоуправленія въ Англіи въ позднѣйшую эпоху, когда она выступитъ съ особенной наглядностью,—въ настоящее же время перейдемъ къ краткому очерку судебъ англійской промышленности и торговли и въ связи съ ними—къ исторіи корпоративнаго устройства ремеслъ и внутренней организаціи городского управленія въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

VI. Ростъ промышленности и торговли до конца XV вѣка. Въ моемъ „Общественномъ строѣ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“ я старался, между прочимъ, провести тотъ взглядъ, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ Англія довольствовалась по преимуществу вывозомъ своей шерсти, составлявшей т. наз. „natural commodity“, естественный продуктъ страны, обложенный въ пользу казны высокой вывозною пошлиной. „Налогъ—говорилъ я—прежде всего падаетъ на шерсть, для чего установленъ и спеціальный контроль за ея отпускомъ и самый отпускъ дозволенъ лишь изъ небольшого числа туземныхъ и континентальныхъ портовъ, такъ называемыхъ „staple-towns“. Желаніе обезпечить Англіи производство шерсти побуждаетъ королей XIV и XV вв. запрещать вывозъ овецъ изъ Англіи; не довольствуясь этимъ, англійскіе патріоты въ теченіе всего XV ст. неоднократно возвращаются къ требованію запретить вывозъ самой шерсти. Такъ, въ „Lybel of englisH policy“, анонимномъ памфлетѣ временъ Ланкастерской династіи, написанномъ въ 1436 г., говорится о томъ, что голландцы въ Калэ покупаютъ овчиныя шкуры и шерсть, продаваемыя имъ англичанами. Мы знаемъ, куда шла эта англійская шерсть; она перерабатывалась фландрскими и флорентинскими ремесленниками (послѣдніе жили на „дурной улицѣ“, Calimala, откуда и самое названіе ихъ цеха), и затѣмъ подъ именемъ ипрскаго и флорентинскаго сукна расходилась по всѣмъ краямъ міра и широко покупалась наиболѣе зажиточными классами. Съ англійской шерстью могла соперничать только испанская, также поступавшая на выдѣлку преимущественно въ Италію. На ряду съ шерстью, Ан-

глія поставляла на международные рынки большое количество свинца. Свидѣтельство Фортескью о томъ, что его родина богата была также золотомъ и серебромъ, очевидно, не говоритъ о наличности въ ней залежей драгоцѣнныхъ металловъ, а только о томъ пристрастіи, какое сами англичане имѣли къ серебряной и вызолоченной посудѣ. Самъ Фортескью спѣшитъ прибавить, что не только во всемъ христіанскомъ мірѣ, но и среди язычниковъ нельзя найти государства, въ которомъ бы серебро было столь распространено, какъ у англичанъ. Венеціанскій дипломатъ, пишущій въ 1497 году свой извѣстный отчетъ объ Англіи, сообщаетъ, что нигдѣ нельзя найти столько драгоцѣнностей, какъ въ лондонскихъ лавкахъ, ни въ Миланѣ, ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, ни во Флоренціи. На одной только улицѣ—Стрендѣ имѣется 52 ювелирныхъ магазина. Что касается до пива, то первое упоминаніе о вывозѣ его за границу восходитъ всего-на-всего къ 1492 году, когда Генрихомъ VII разрѣшено было нѣкоему Джону-фламандцу забрать на свое судно 120 галлоновъ пива. Съ этого времени вывозъ пива быстро растетъ и достигаетъ значительныхъ размѣровъ въ половинѣ слѣдующаго столѣтія. Подобно другимъ видамъ національной промышленности, пивовареніе является предметомъ строгаго правительственнаго надзора. Пивоваренные заводы, расположенные въ Лондонѣ по берегамъ Темзы, не разъ подлежатъ денежному взысканію за отпускъ пива, неоплаченнаго пошлиною. Если къ означеннымъ предметамъ торговли прибавить еще кожи, то можно будетъ сказать, что мы исчерпали списокъ всѣхъ главныхъ статей англійскаго отпуска. Въ XV в. Англія, подобно дореформеной Россіи, продавала по преимуществу сырье и получала путемъ ввоза мануфактурныя издѣлія. Показанія Фортескью о преимущественномъ вывозѣ изъ Англіи шерсти, свинца, желѣза, соли, кожъ, воска и меда („The commodytees of England“, небольшой трактатъ, отпечатанный въ полномъ собраніи сочиненій, т. I, стр. 545) находятъ себѣ полное подтвержденіе и въ упомянутомъ „Lybel of English policy“ 1436 г., и въ свидѣтельствахъ иностранцевъ. Авторъ Lybel'я неоднократно возвращается къ той мысли, что Фландрія и черезъ ея посредство другія государства континента, въ частности Голландія, Брабантъ, Бранденбургъ, Испанія, Италія и Португалія, живутъ обработкой англійской шерсти и англійскаго свинца. Голландія предъявляетъ постоянный спросъ и на англійскія овчины, а венеціанцы и флорентинцы вывозятъ, сверхъ кожъ, еще и олово. Имп. Мануилъ, въ началѣ XV ст., и составитель венеціанскаго отчета отъ 1497 г. въ одно слово утверждаютъ, что Англія поставляетъ континенту предметы первой необходимости, и прежде всего шерсть, овчины, свинецъ и олово. Взамѣнъ вывозимаго изъ Англіи сырья, въ страну поступаютъ изъ-за границы по преимуществу предметы роскоши. Венеціанскій отчетъ говоритъ, что страна производитъ все необходимое для покрытія потребностей ея жителей, за исключеніемъ вина, поставляемаго Франціей, Испаніей и Португаліей. Въ „Lybel of english policy“ упоминается также объ овощахъ, которыя идутъ въ Англію изъ Зеландіи, Брабанта и Италіи, о растительныхъ маслахъ, отпускаемыхъ въ нее изъ послѣдней страны, а также изъ Испаніи и Португаліи, наконецъ, о тонкихъ полотнахъ, доставляемыхъ изъ Бретани, Шампани, Фландріи и Брабанта. За исключеніемъ перечисленныхъ предметовъ, всѣ остальныя статьи ввоза—предметы роскоши. Это или дорогія сукна, приготовляемыя въ Ипрѣ, Куртрэ и Флоренціи, или золотыя шелковыя ткани, кружева и ленты изъ Брабанта, или серебряная посуда и клинки, доставляемые нѣмцами изъ Богеміи и Венгріи, пряности, сушеные и вяленые фрукты и аптекарскіе товары, посылаемые Италіей и Испаніей (обо всемъ этомъ см. „Lybel of english policy“, 27—38—44). Зажиточность духовенства и дворянства обусловливала собою значительный ввозъ предметовъ роскоши. Объ одномъ Брабантѣ мы читаемъ въ Lybel, что изъ него Англія вывозитъ ежегодно больше товаровъ, чѣмъ всѣ прочія страны, вмѣстѣ взятыя. Но главнымъ центромъ англій-

ской торговли на континентѣ является Фландрія, съ городами Брюгге и Слюисъ на Свинѣ. Географическое положеніе этого порта, позволяющее подвозъ къ нему товаровъ, какъ съ моря, такъ и по рѣкѣ, причина тому, говоритъ Фортескью, что всѣ націи Европы избрали его главной стоянкой для своихъ коммерческихъ судовъ и главнымъ складомъ для своихъ товаровъ. Изъ сказаннаго ясно, что иноземная торговля Англіи не обходилась безъ посредниковъ и что такими посредниками были по преимуществу фламандцы. Хотя Фортескью и насчитываетъ въ Англіи до 24 хорошихъ гаваней, хотя эти гавани съ помощью трехъ судоходныхъ рѣкъ, Гумбера, Темзы и Северна, и могли быть приведены въ сообщеніе съ внутренними графствами, тѣмъ не менѣе отсутствіе собственнаго торговаго флота заставляло Англію уступить всю перевозочную торговлю въ руки частью ганзейскихъ купцовъ, въ томъ числѣ фламандцевъ, частью итальянскихъ. Въ одномъ Лондонѣ, по словамъ Уольфорда (*Walford*, „Fairs“, 1883), пользовавшагося данными лондон. муницип. архива, ганзейскіе купцы въ XV в. нагружали товаровъ въ три раза больше, чѣмъ туземные. Фискальная политика англійскихъ королей не мало содѣйствовала также переходу къ иностранцамъ всей перевозочной торговли. Такъ какъ иностранцы должны были платить вывозную пошлину, въ два раза большую противъ туземцевъ, то Эдуардъ III нашелъ выгоднымъ для казны запретить англичанамъ вывозъ товаровъ. Отпускъ ихъ за границу дозволенъ былъ лишь изъ небольшого числа спеціально предназначенныхъ для того правительствомъ туземныхъ и иностранныхъ рынковъ, т. наз. „staple towns“. Въ числѣ предметовъ отпуска первое мѣсто, какъ мы уже сказали, занимала шерсть. Отпускная торговля ею сосредоточилась всецѣло въ рукахъ иностранцевъ; туземцы ограничивались ея подвозомъ въ тѣ порты, изъ которыхъ дозволенъ былъ отпускъ.

Созданіе привилегированныхъ портовъ для вывоза шерсти восходитъ еще ко временамъ Эдуарда I. Такими „staple towns“ являются на континентѣ Европы—Брюгге и Калэ, позднѣе Антверпенъ и Миддельбургъ. Въ самой же Англіи—Лондонъ, Бристоль, Ньюкасль, Норвичъ, Іоркъ и нѣсколько другихъ менѣе важныхъ. Въ такихъ условіяхъ морская торговля въ Англіи велась по преимуществу ганзейцами и итальянцами. И тѣ, и другіе привозили въ Англію нужные ей товары, продавали ихъ оптомъ по одной цѣнѣ и спѣшили затѣмъ нагрузить собственные корабли англійскими товарами. Желаніе удержать торговлю въ розницу за туземными купцами вызвало еще въ XIII в. ограниченіе королями срока пребыванія иностранныхъ торговцевъ въ Англіи. Пріуроченный сперва къ 40 днямъ, этотъ срокъ въ XIV и XV вв. постепенно былъ расширенъ. При Ланкастерахъ иностранные купцы могли оставаться въ странѣ уже 9 мѣсяцевъ подрядъ. Иностраннымъ негоціантамъ запрещено было торговать иначе, какъ оптомъ, и употреблять при нагрузкѣ и разгрузкѣ своихъ товаровъ другихъ лицъ, кромѣ туземцевъ. Чтобы предупредить вывозъ золота и серебра изъ Англіи, законодательство требовало, чтобы иностранные купцы затрачивали сперва половину, а затѣмъ и всю сумму, вырученную ими отъ продажи привезенныхъ ими товаровъ, на закупку англійскихъ. На туземцевъ-хозяевъ возложенъ былъ надзоръ за тѣмъ, чтобы иностранные купцы не торговали въ розницу и не вывозили денегъ изъ Англіи; имъ предоставлено было съ этою цѣлью право получать на храненіе вырученныя этими купцами суммы. Но въ XV в. стремленіе поощрить собственныя мануфактуры побуждаетъ правительство запретить ввозъ иноземныхъ суконъ и вывозъ изъ Англіи овчинъ и желѣза. Такъ какъ туземные купцы ограничиваются самое бо̀льшее каботажной торговлей съ Англіей, Голландіей и Франціей (отнюдь, однако, не съ Норвегіей, куда они ранѣе привозили свои товары, но откуда они вытѣснены были Ганзою), то немудрено, если въ числѣ старшихъ гильдій и цеховъ нѣтъ въ Англіи ни одной корпораціи, занятіемъ которой служила бы внѣшняя оптовая торговля. Такъ какъ оптовой торговлею

создаются первые значительные капиталы, то понятно, почему отъ XV в. дошли до насъ имена всего-на-всего 3 или 4 негоціантовъ, владѣющихъ большими средствами и накопившихъ состояніе снаряженіемъ торговыхъ судовъ для отправки (каждый разъ съ разрѣшенія короля) шерсти, мѣховъ, овчинъ, олова и т. п. въ Пруссію, Италію и Исландію. Объ одномъ изъ нихъ, Ричардѣ Вайтингтонѣ, сообщается, что онъ оказалъ королю Генриху IV кредитъ въ 1.000 фунтовъ; въ то время богатѣйшіе члены дворянства и духовенства едва въ состояніи были собрать, съ тою же цѣлью, каждый 500 фунтовъ. Если принять во вниманіе, что цѣнность золота и серебра съ разсматриваемаго времени возросла по меньшей мѣрѣ въ 15 разъ, то эти 1.000 фунт. представляютъ собою капиталъ въ 150 тыс. рублей,—сумма, очевидно, не говорящая еще о несмѣтномъ богатствѣ. Въ самой Англіи накопленію капиталовъ въ рукахъ торговцевъ препятствовала регламентація цѣнъ правительствомъ и запрещеніе оптовыхъ закупокъ. Для того, чтобы установить дѣятельный контроль за торговлею, предписано было производить закупки и продажи не иначе, какъ на рынкахъ и ярмаркахъ. Въ цитированномъ нами выше сочиненіи Корнеліуса Уольфорда (Walford), посвященномъ вопросу объ исторіи ярмарокъ, мы находимъ небезынтересныя подробности о нихъ. Право держать ярмарки было предоставлено не только королю, но и нѣкоторымъ феодальнымъ владѣльцамъ. Законодательство уже со временъ Эдуарда III озабочено было мыслью ограничить извѣстнымъ срокомъ продолжительность этихъ ярмарокъ. Постановленія на этотъ счетъ приняты были статутомъ, изданнымъ въ Норсгэмптонѣ въ 1327 г. На ярмаркахъ держались особыя судебныя сессіи, на которыхъ суммарнымъ порядкомъ рѣшались споры продавцовъ и покупателей. Такіе же коммерческіе суды существовали и во Франціи, подъ именемъ „pieds puldreux“, по-латыни „curia pedis pulverosi“, по-англійски „Court of Pie Powder“. Каждое изъ этихъ названій указываютъ, что у сторонъ ноги въ пыли, т. е. что онѣ прибыли издалека. Съ 1321 г., т. е. съ царствованія Эдуарда II, особому чиновнику, королевскому „escheator“, порученъ былъ, между прочимъ, надзоръ за ярмарками. Ярмарка въ Стёрбриджѣ, близъ Кембриджа, сдѣлалась къ концу XIII в. самой значительной въ Англіи; эта ярмарка зависѣла отъ госпиталя прокаженныхъ, т. е. этотъ госпиталь надѣленъ былъ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ правомъ открывать ее въ день Воздвиженія Креста Господня на принадлежавшемъ ему лугу. Другой ярмаркой была ярмарка Св. Варѳоломея, право открытія которой предоставлено было пріорату въ Смисфильдѣ въ предмѣстьѣ Лондона. Въ актѣ 1288 г. говорится о ней, какъ о созданной предшественниками короля Эдуарда I и какъ о продолжающейся, согласно закону, не болѣе 3 дней. Половина получаемаго пріоромъ дохода отъ ярмарки должна была поступать въ казну. Что касается до рынковъ, то и на нихъ торговля была такъ же строго регулируема. Изъ „Liber albus“, содержащаго въ себѣ внутренніе распорядки Лондона, мы узнаемъ, что товары могли покупаться купцами на рынкахъ только по истеченіи нѣкотораго времени съ момента ихъ доставки, очевидно, съ цѣлью избѣжать оптовыхъ закупокъ и спекуляціи на разницу цѣнъ и съ цѣлью сдѣлать возможными прямыя сдѣлки между потребителями и производителями. Оптовыя закупки, особенно припасовъ, преслѣдуются и нравами, и законодательствомъ. Въ „Manuel des Pêchiers“ произносится проклятіе надъ тѣми, кто обыкновенно держитъ у себя долгое время извѣстный товаръ, напр., хлѣбъ, „pur plus gainer“, съ цѣлью выиграть при перепродажѣ, „не достигая тѣмъ нерѣдко на самомъ дѣлѣ ничего другого, какъ откармливанія мышей“. Съ другой стороны, законодательство Эдуардовъ задается мыслью о преслѣдованіи всѣхъ т. наз. „regrattors“, т. е. лицъ, занимающихся закупкой оптомъ для перепродажи по повышенной цѣнѣ. Фактъ, не лишенный интереса,—это полное запрещеніе на первыхъ порахъ всякихъ запасныхъ магазиновъ и созданіе ихъ ранѣе все-

го для храненія предметовъ иностраннаго ввоза. Только эти товары могли быть закупаемы оптомъ. Гильдія, составленная изъ такихъ оптовыхъ закупщиковъ иноземнаго товара, и прежде всего пряностей и бакалеи, извѣстна была первоначально подъ наименованіемъ „peppergers“, отъ слова „pepper“—перецъ, а затѣмъ подъ именемъ „grossers“, отъ глагола „to gross“ или „to ingross“—закупать оптомъ.

Если отъ XV ст. мы перейдемъ къ XVI, то рядомъ съ болѣе интенсивнымъ развитіемъ овцеводства, вызвавшимъ постепенное сокращеніе пахотей, намъ едва-ли придется отмѣтить ранѣе временъ Елизаветы рѣшительный переходъ Англіи отъ положенія страны, продающей за-границу сырье и покупающей оттуда мануфактурныя издѣлія, въ положеніе конкурента ганзейцевъ и голландцевъ въ захватѣ иноземныхъ рынковъ. Въ сочиненіи Эренберга, „Гамбургъ и Англія въ царствованіе Елизаветы“, какъ и въ книгѣ Шанца, „Объ англійской торговой политикѣ къ концу среднихъ вѣковъ, въ частности въ царствованіе Генриха VII и Генриха VIII“, можно найти не мало данныхъ для характеристики англійской торговой политики при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Изъ того описанія, которое Гвичардини даетъ торговлѣ Фландріи, можно притти къ тому заключенію, что еще въ 1497 г., когда казенные склады англійской шерсти перенесены были изъ Калэ въ Антверпенъ, англичане, вмѣсто того, чтобы сбывать, какъ прежде, одну шерсть, уже являются сами поставщиками суконъ, и при томъ на довольно высокую цифру, 30—40 тысячъ штукъ ежегодно въ одни Нидерланды. Бо̀льшая часть товара поступала въ Антверпенъ, гдѣ англійскія сукна сбывались на двухъ ярмаркахъ — весенней и осенней. Антверпенъ вполнѣ занялъ положеніе, ранѣе принадлежавшее Брюгге, послѣ того, какъ герцогомъ Максимиліаномъ въ 1482 г. повреждена была гавань Слюиса и вся Фландрія подверглась значительному опустошенію въ теченіе войны, продолжавшейся цѣлыхъ десять лѣтъ. Въ обмѣнъ на отпускаемыя сукна „broad cloth of London“ и „kerseys“, продолжаютъ поступать изъ Фландріи болѣе тонкія шерстяныя ткани, а также полотна. По словамъ Гвичардини, размѣръ всѣхъ торговыхъ операцій англичанъ съ Антверпеномъ во второй половинѣ XVI в. достигалъ цифры 12 милл. écus d'or. Если вѣрить показаніямъ другого современника, Marino Cavallo, отъ 1551 г., то англійскіе ввозъ и вывозъ находились другъ къ другу въ отношеніи 3 къ 5, т. е. англичане поставляли въ Антверпенъ значительно меньше товара, чѣмъ вывозили изъ него. Торговыя сношенія англичанъ съ голландцами регулированы были еще при Генрихѣ VII особымъ договоромъ отъ 1496 г., которымъ торговля объявлена была свободной для обѣихъ сторонъ, т. е. независящей отъ испрошенія предварительнаго согласія соотвѣтственныхъ правительствъ. Всякаго рода товары могли быть предметами обмѣна, въ томъ числѣ драгоцѣнные камни, шерсть, предметы потребленія, даже оружіе и лошади, но какъ ввозъ, такъ и вывозъ были обложены пошлиной. Въ случаѣ недостатка въ припасахъ, запрещался отпускъ ихъ за-границу. Предметомъ торговли могли быть одинаково, какъ туземные товары, такъ и иноземные. Съ этого времени идетъ рядъ торговыхъ договоровъ между обѣими странами, при чемъ предметомъ ихъ обыкновенно является установленіе того или другого отношенія къ ввозу англійской шерсти. Голландцы не прочь были запугивать возможностью замѣны ея испанской. Въ свою очередь, англичане не разъ грозили, въ случаѣ неуступчивости голландцевъ, перенести снова свои оптовые склады шерсти въ Калэ или Брюгге. Для англичанъ все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что Нидерланды не могутъ обойтись безъ англійской шерсти; они поэтому требовали все бо̀льшаго и бо̀льшаго пониженія пошлинъ на нее въ Голландіи. Въ то же время или, вѣрнѣе, съ середины XVI ст. англичане начинаютъ безпокоиться мыслью о томъ, что вывозъ ихъ главнаго продукта производится голландцами и на голландскихъ судахъ. Чтобы поощрить собственное судостроеніе и навигацію, министръ Генриха VIII, Кромвелль, не только

освобождаетъ иностранцевъ отъ необходимости уплачивать двойныя пошлины за англійскую шерсть при ея вывозѣ, но и ставитъ требованіе, чтобы этотъ вывозъ производимъ былъ иностранцами на англійскихъ судахъ. Тѣмъ самымъ наносится существенный ударъ привилегированному положенію Антверпена въ шерстяной торговлѣ. Центръ тяжести ея переносится въ Лондонъ; число вывозимыхъ изъ него суконъ возрастаетъ почти вдвое. Только съ момента окончательнаго разрыва Елизаветы съ католической Испаніей положенъ былъ конецъ свободному обмѣну, или такъ назыв. „intercursus“, между Англіей и зависящими еще отъ Испаніи Нидерландами. Съ 1584 г. англичане прекратили свои поѣздки въ Антверпенъ за товарами. Объясняя причины только что описанныхъ измѣненій, Шанцъ останавливается на той мысли, что англичане, до Эдуарда III поставлявшіе за границу одну шерсть, съ этого времени начали сбывать туда производимыя ими сукна. Это обстоятельство задѣло интересы нидерландскихъ ткачей; ихъ вліянію надо приписать частые перерывы въ товарномъ обмѣнѣ англичанъ съ голландцами. Тому же содѣйствовало и желаніе англичанъ поощрить собственное судостроеніе и навигацію въ ущербъ голландской каботажной торговлѣ. Эти двѣ причины, вмѣстѣ взятыя, повели къ прекращенію „intercursus“ и переносу центра шерстяного и суконнаго отпуска изъ Антверпена въ Лондонъ.

Въ средніе вѣка и даже въ XV ст. флорентинцы, и еще въ большей степени венеціанцы, генуэзцы, и отчасти луканцы, пріѣзжали сами въ Англію за покупкой англійскихъ товаровъ; они заходили въ англійскія гавани со своими галерами и на этихъ судахъ вывозили товары изъ Англіи. Суда, прибывавшія изъ Венеціи, были не частными судами; они принадлежали къ числу государственныхъ, сдаваемыхъ на откупъ съ публичныхъ торговъ. Можно судить о размѣрахъ венеціанскаго торга по тому, что за фрахтъ вывезенныхъ изъ Англіи въ Венецію товаровъ въ 1505 г. пришлось заплатить 17 тыс. дукатовъ. Вывозъ производился главнымъ образомъ изъ Саусгэмптона. Съ упадкомъ венеціанск. вывозной торговли пало и значеніе этого порта. Заключенный при Генрихѣ VII въ 1490 г. договоръ съ флорентинскимъ правительствомъ обезпечилъ свободный обмѣнъ товаровъ между обѣими странами. Флорентинцы обязывались не закупать англійской шерсти иначе, какъ въ томъ случаѣ, если она доставлена будетъ на англійскихъ судахъ. Англичане же—поставлять въ Пизу ежегодно столько шерсти, сколько необходимо для удовлетворенія запроса всѣхъ итальянскихъ государствъ, за исключеніемъ одной Венеціи. Венеціанцамъ однимъ разрѣшается вывозить ежегодно на своихъ судахъ 600 тюковъ шерсти. До 30 тысячъ человѣкъ жило въ Венеціи обработкою ея. Такъ какъ венеціанцы, при разрывѣ англичанъ съ Франціей, приняли сторону послѣдней, по крайней мѣрѣ въ 1513 г., то англичане предпочли прекратить съ ними торговый обмѣнъ. Въ теченіе 8 лѣтъ венеціанскія галеры не могли посѣщать англійскихъ береговъ. Это обстоятельство побудило самихъ англичанъ завести свои суда для посылки въ Средиземное море, и съ XVI ст. начинается отправка изъ Бристоля и Саусгэмптона такихъ судовъ въ Сицилію, Критъ, Хіосъ, Триполисъ, Бейрутъ и Сирію. Главными предметами торговли, поставляемыми венеціанцами, были вина и въ частности мальвазія, обложенная высокой пошлиной, несмотря на всѣ протесты венеціанцевъ,—обстоятельство, кот. опять-таки не разъ вызывало перерывъ торговыхъ сношеній. А это заставляло венеціанцевъ выписывать свою шерсть изъ Испаніи. Англичане начинаютъ сознавать невыгодность сосредоточенія въ рукахъ венеціанцевъ значительной части вывоза своихъ товаровъ. Мѣстные торговцы смотрятъ отнынѣ на прибытіе венеціанскихъ галеръ, какъ на препятствіе къ развитію англійскаго мореплаванія, а мануфактуристы ревниво слѣдятъ за сокращеніемъ количества обращающейся на мѣстномъ рынкѣ шерсти. Правительство поэтому возвращается къ мѣропріятіямъ, принятымъ еще Генрихомъ VII, запрещавшимъ иностранцамъ покупать шерсть въ періодъ времени отъ ея стрижки

*

до 2 февраля. Англійскіе государственные дѣятели ставили также венеціанцамъ въ вину самый характеръ привозимыхъ ими товаровъ, какъ то: пряностей, мыла, и т. п., и то, что венеціанцы совсѣмъ не привозятъ золотой и серебряной монеты. Купцы совѣтовали поэтому возобновить съ венеціанцами торговый обмѣнъ не раньше, какъ опредѣливъ предварительно въ договорѣ, какіе они будутъ поставлять товары и сколько будутъ привозить въ страну звонкой монеты. Венеціанцевъ хотѣли обязать не получать шерсти иначе, какъ изъ правительственныхъ складовъ въ Калэ, и вывозить извѣстное количество англійскихъ суконъ и полотенъ. Въ 1530 г. дѣло дошло до открытаго возстанія англійскихъ ткачей, задавшихся мыслью перебить всѣхъ венеціанскихъ купцовъ, такъ какъ ихъ закупки лишаютъ ткачей заработка. Послѣдствіемъ всего этого было то, что въ 1534 г. венеціанцы покинули Англію со своими судами, съ тѣмъ чтобы никогда болѣе не возвращаться въ нее. Съ этого времени, пишетъ Шанцъ, вся англо-венеціанская торговля сосредоточилась въ рукахъ самихъ англичанъ.

Тотъ же результатъ былъ достигнутъ, но только въ царствованіе Елизаветы, по отношенію къ ганзейскимъ купцамъ. 22% всего вывозимаго изъ Англіи сукна, 97% поступавшаго изъ нея воска и приблизительно 7% прочихъ товаровъ, въ моментъ восшествія на престолъ дома Тюдоровъ, представляли собою ежегодный грузъ отправлявшихся изъ Англіи ганзейскихъ судовъ. Ненавистно было англичанамъ въ привилегіяхъ, обезпеченныхъ ганзейской торговлѣ Утрехтскимъ договоромъ, то обстоятельство, что число членовъ союза постоянно возрастало и на новыхъ членовъ переходили преимущества, обезпеченныя прежнимъ. Въ 1534 г. Генрихъ VIII потребовалъ, чтобы англійскимъ купцамъ предоставлены были въ Гамбургѣ и Любекѣ тѣ же преимущества, что и туземнымъ. Но не ранѣе Елизаветы ганзейскіе купцы были совершенно устранены отъ торговли англійскими товарами.

VII. Англійскій городъ до XVI в. Средніе вѣка. Если бы теорія Маурера о развитіи городовъ изъ селъ, теорія, опирающаяся на такое безчисленное множество неоспоримыхъ свидѣтельствъ, еще нуждалась въ доказательствѣ, то она несомнѣнно нашла бы для себя обильный матеріалъ въ исторіи англійскихъ городовъ. Развились-ли они на мѣстахъ древнихъ римскихъ муниципій или нѣтъ, города въ обоихъ случаяхъ одинаково не отличаются на первыхъ порахъ ничѣмъ существеннымъ отъ окружающихъ ихъ селъ. Большая близость домовъ другъ къ другу, обведеніе подчасъ всего поселка стѣной или валомъ, все это — такія черты, которыя едва-ли могутъ дать поводъ историку, видящему главное отличіе города отъ села не въ тынѣ или оградѣ, а въ специфическомъ, одному городу свойственномъ характерѣ управленія, сомнѣваться въ томъ, что въ Англіи, какъ и на континентѣ, города на первыхъ порахъ были не болѣе, какъ селами и сообразно съ этимъ, подобно послѣднимъ, включены были въ общее управленіе графства или помѣстья. Книга Суда (Domesdaybook) не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ въ ней упоминаніе о мѣстностяхъ, нынѣ являющихся городами, какъ о такихъ, которыя составляютъ собственность короля или того или другого изъ лордовъ. Городскіе надѣлы состоятъ въ большинствѣ случаевъ въ рукахъ зависимыхъ отъ собственника владѣльцевъ, платящихъ ему ежегодную ренту и призываемыхъ, въ силу своихъ держаній, къ пользованію извѣстными общинными угодьями. Во главѣ управленія городомъ мы однообразно встрѣчаемъ назначаемаго королемъ или помѣщикомъ и рѣдко когда выбираемаго жителями управителя, обязанностью котораго является взиманіе съ домовладѣльцевъ годовой ренты, предсѣдательство въ вотчинномъ судѣ, носящемъ въ городахъ обыкновенно наименованіе portmen mote, наблюденіе за тѣмъ, чтобы жители были записаны въ десятни и исполняли всѣ обязательныя для нихъ полицейскія предписанія, столь многочисленныя въ норманскій періодъ англійской жизни.

Перечисленные въ Книгѣ Суда города и мѣстечки могутъ быть сгруппированы въ слѣдующія категоріи. Во-первыхъ, тѣ, которые расположены на доменіальныхъ земляхъ или земляхъ, доставшихся казнѣ на правахъ выморочныхъ или конфискованныхъ ею владѣній; во-вторыхъ, тѣ, которые входятъ въ составъ частныхъ помѣстій; въ-третьихъ, тѣ, жители которыхъ уже достигли свободнаго владѣнія своими усадьбами и участками, но, не имѣя самостоятельнаго управленія, подчинены шерифамъ графствъ, что отнюдь не мѣшаетъ имъ имѣть въ своихъ стѣнахъ зародыши будущаго гильдейскаго управленія. Къ первымъ могутъ быть отнесены Ярмутъ, Норфолькъ, Сетфордъ, Экзетеръ, Уолингфордъ, Бекингемъ, Іоркъ, Стаффордъ, Саусгемптонъ, Льюисъ, Уоррикъ и нѣкоторые другіе. О нихъ въ Книгѣ Суда сказано: сколько въ какомъ имѣется земли и горожанъ, какую ренту платятъ послѣдніе ежегодно королю за свои надѣлы и какими общинными правами пользуются они при владѣніи этими надѣлами. Книга Суда указываетъ также на выгоды, извлекаемыя королемъ отъ осуществленія имъ вотчинной юрисдикціи и связаннаго съ нею права наложенія ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ на товары. О многихъ бургахъ говорится, что въ нихъ король имѣетъ право собственника лишь по отношенію къ опредѣленному числу городскихъ держаній, тогда какъ другія отданы Эдуардомъ Исповѣдникомъ, его предшественниками или самимъ Вильгельмомъ въ собственность церквамъ, монастырямъ или свѣтскимъ лордамъ. Освѣтимъ сказанное нами примѣрами. Объ Ярмутѣ въ Книгѣ Суда сказано только, что въ немъ король вправѣ считать 70 гражданъ (burgenses) платящими ему ежегодную ренту. Подлинныя слова текста: „rex tenet LXX burgenses“ показываютъ, кто считался гражданиномъ въ это время; очевидно,—лишь лицо, платящее опредѣленную ренту за свой надѣлъ; другими словами, владѣлецъ городского вида оброчнаго держанія (soccage). Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ о Ярмутѣ, даетъ намъ Книга Суда объ Экзетерѣ. Король владѣетъ въ немъ 315 дворами (domus), изъ которыхъ 48 остаются пустыми со времени нашествія, а остальные платятъ ежегодную ренту. Граждане Экзетера въ совокупности пользуются участкомъ земли въ 12 плуговъ, расположеннымъ внѣ городской черты; за владѣніе имъ сборы поступаютъ ни къ кому иному, какъ къ самому городу (quae nullam consuetudinem reddunt, nisi ad ipsam civitatem). Очевидно, мы имѣемъ здѣсь указаніе на общинныя земли города, земли, отдаваемыя гражданами въ арендное держаніе частнымъ лицамъ съ вознагражденіемъ въ пользу города. Подобнаго же рода земли, на этотъ разъ эксплуатируемыя самими горожанами, упоминаются и при описаніи надѣловъ и платежей гражданъ Бекингема. Мы читаемъ въ Книгѣ Суда о пастбищѣ для городского стада, пастбищѣ, по всей вѣроятности, общемъ 27 указаннымъ въ текстѣ гражданамъ съ помѣщикомъ и его крѣпостными людьми. О гражданахъ Іорка, владѣющихъ надѣлами въ королевской землѣ, сказано, что они ежегодно платятъ королю „consuetudinem“, другими словами, обычаемъ установленные и неизмѣнные платежи. То же упоминаніе сдѣлано и по отношенію къ гражданамъ Гентингдона. Въ примѣненіи къ послѣднимъ прямо значится, что установленные обычаемъ платежи („consuetudines“) они несутъ за состоящіе въ ихъ владѣніи городскіе участки. Выводъ, который нельзя не сдѣлать на основаніи только что приведенныхъ данныхъ, состоитъ въ признаніи факта независимости городской ренты отъ произвола помѣщика и опредѣленія ея разъ навсегда мѣстными обычаями; другими словами городское держаніе (burgage tenure) является уже въ Книгѣ Суда видомъ свободнаго держанія (soccage), какимъ признаетъ его четыре вѣка спустя современникъ Эдуарда IV судья Литтльтонъ. Рядомъ съ рентою за свои участки, граждане многихъ городовъ несутъ еще въ пользу короля особые платежи—за пользованіе пастбищами (de pastura), за свободу отъ пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ на корабляхъ или сухимъ путемъ, за право держать портъ (de porto) (такъ, напр.,

въ Льюисѣ, въ Арунделѣ и другихъ мѣстахъ),—наконецъ, за право держать рынокъ. Король на правахъ частнаго владѣльца держитъ еще во многихъ городахъ свой вотчинный судъ, какъ видно изъ упоминанія о „saca et soca“; напр., въ городѣ Норвичѣ. Въ Кентербери это право въ свою очередь связано съ возможностью извлеченія опредѣленнаго дохода съ судебныхъ пошлинъ. Къ послѣднимъ присоединяются еще платежи, получаемые королемъ, какъ поручителемъ, съ городскихъ гражданъ, призванныхъ законами Вильгельма Завоевателя состоять подъ такимъ индивидуальнымъ надзоромъ и заступничествомъ. Въ Книгѣ Суда мы читаемъ поэтому, что граждане Норвича, сверхъ ренты, платятъ еще королю „de comendatione“, другими словами, за то, что состоятъ подъ его поручительствомъ.

По отношенію къ самому сбору идущихъ отъ нихъ доходовъ, королевскіе города могутъ быть раздѣлены на такіе, которые непосредственно платятъ всю причитающуюся съ нихъ сумму въ казначейство, и такіе, доходъ съ которыхъ включенъ въ ежегодную аренду графствъ шерифами. Къ послѣднимъ городамъ принадлежитъ, напр., Норсгемптонъ, о которомъ въ Книгѣ Суда сказано, что жители его платятъ ежегодно шерифу 30 фунт. 10 шилл., которые входятъ въ составъ его ежегодной суммы откупа (firma). Во многихъ городахъ, расположенныхъ на доменіальной землѣ, король получаетъ ренту лишь съ извѣстнаго числа участковъ. Остальные платятъ не ему, а тому или другому свѣтскому или духовному лорду, церкви, монастырю, помѣщику; такъ, напр., въ Норвичѣ, въ которомъ король владѣетъ двумя третями всѣхъ участковъ, а графъ Роджеръ Биготъ—одной третью, или въ Бекингемѣ, въ которомъ, вмѣстѣ съ королемъ, поземельными владѣльцами являются до 12 свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ, въ зависимости отъ которыхъ состоятъ по одному, по два, по четыре и по пяти городскихъ держаній.

Такое совмѣстное владѣніе городомъ большаго или меньшаго числа помѣщиковъ заодно съ королемъ могло возникнуть двоякимъ способомъ: или путемъ предоставленія королемъ въ даръ церкви и свѣтскимъ лордамъ части городскихъ земель и доходовъ, входившихъ нѣкогда въ составъ казенныхъ или доменіальныхъ владѣній, или же, наоборотъ, путемъ возвращенія королю части пожалованной имъ нѣкогда въ собственность городской земли (въ силу конфискаціи, напримѣръ). Послѣдній случай—именно тотъ, какой мы встрѣчаемъ въ Норвичѣ. Въ Книгѣ Суда значится, что въ прежнее время Роджеръ Биготъ владѣлъ всею лежащею подъ городомъ землею. Когда король вздумалъ основать въ городѣ укрѣпленный замокъ, Роджеръ согласился на то, чтобы владѣть впредь землею не одному, а совмѣстно съ королемъ. Такимъ образомъ въ городѣ оказалось одновременно два собственника: король и свѣтскій лордъ.

Города, о которыхъ только что шла рѣчь, представляютъ, такъ сказать, переходную ступень отъ королевскихъ къ владѣльческимъ. Единственное отличіе послѣднихъ городовъ отъ описанныхъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ жители платятъ ренту и другіе платежи не королю, а помѣщику, на земляхъ котораго расположены ихъ участки. Свѣтскій или духовный лордъ осуществляетъ въ названныхъ городахъ право вотчинной юстиціи и получаетъ въ свою пользу судебныя пошлины и пени (sacam, socam, forisfacturam).

Разсмотрѣнныя нами группы городскихъ поселеній заключаютъ въ себѣ всю совокупность англійскихъ городовъ, за исключеніемъ одного только Лондона. Лондонъ не упоминается Книгою Суда; тѣмъ не менѣе, на основаніи англо-саксонскихъ законовъ и нѣкоторыхъ грамотъ самого Вильгельма, мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о его правахъ и вольностяхъ въ предшествующій завоеванію періодъ. Свобода городскихъ держателей отъ періодической уплаты ренты — вотъ черта, отличающая его отъ городовъ указанныхъ нами выше группъ. Своимъ происхожденіемъ она обязана факту взятія на откупъ гражданами суммы слѣдуемыхъ съ нихъ правительству денежныхъ поступленій.

Вмѣсто того, чтобы взимать ихъ, какъ прежде, непосредственно съ самихъ жителей, съ помощью назначаемаго управителя, или бальифа, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ въ аренду шерифу, король входитъ въ соглашеніе съ самими жителями города, признаетъ за ними административную и судебную автономію, спеціально обозначенныя торговыя вольности и права и выговариваетъ себѣ одно лишь ежегодное полученіе напередъ опредѣленной денежной суммы. Съ этого времени городскія владѣнія изъ оброчныхъ становятся свободными; городъ обыкновенно начинаетъ самъ избирать свое начальство; граждане изъемлются отъ патримоніальной и королевской юрисдикціи и пріобрѣтаютъ право держать собственные суды, по образцу судовъ шерифа или помѣщика. Товары ихъ разъ навсегда объявляются свободными на протяженіи всего королевства какъ отъ ввозныхъ, такъ и отъ вывозныхъ пошлинъ. Разрѣшеніе держать рынокъ и вступать въ свободные союзы, гильдіи, обыкновенно сопровождаетъ собою только что перечисленныя права. Во главѣ управленія стоялъ, по всей вѣроятности, уже избираемый управитель, *ривъ*. Свобода отъ подсудности суду шерифа сопровождалась для гражданъ правомъ собственной юрисдикціи въ такъ назыв. „Court of the Hustings“, судѣ, упоминаемомъ еще въ мнимыхъ законахъ Эдуарда Исповѣдника.

Какъ въ королевскихъ, такъ и во владѣльческихъ, такъ, наконецъ, и въ свободныхъ городахъ къ участію въ городскихъ дѣлахъ допускаемы были только граждане, „Burgwara“ англосаксонскихъ грамотъ, обозначаемые въ Книгѣ Суда терминомъ „burgenses“. Если мы зададимся вопросомъ: кто въ англо-саксонскій періодъ въ правѣ былъ слыть гражданиномъ, то мы необходимо придемъ къ заключенію, что гражданиномъ считался владѣлецъ городского участка, лицо, державшее городской надѣлъ (burgage tenure).

Подобно гражданамъ континентальныхъ городовъ, англо-саксонскіе „Burgwara“ чувствовали потребность вступленія между собою въ тѣсные и постоянные союзы,—съ цѣлями не только религіозными и благотворительными, но и общежительными. Одной изъ таковыхъ является охрана мира, для достиженія которой граждане Лондона уже въ царствованіе Этельстана установили у себя особую гильдію, — съ правомъ изданія мѣстныхъ предписаній, регулирующихъ порядокъ взысканія, характеръ и размѣръ пеней съ лицъ, позволившихъ себѣ то или другое правонарушеніе въ средѣ самой гильдіи. Только благодаря крайней бѣдности уцѣлѣвшихъ до насъ свидѣтельствъ, мы не въ состояніи дать категорическій отвѣтъ на вопросъ: существовали ли однохарактерныя съ лондонской гильдіи и въ другихъ англо-саксонскихъ городахъ или нѣтъ. Рядомъ съ этими добровольными союзами имѣлись уже въ англо-саксонскій періодъ и другіе. Всѣ тѣ граждане города, которые занимались торговлею, входили въ составъ торговой гильдіи „gilda mercatoria“. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ норманскаго періода мы узнаемъ, что члены гильдіи призываемы были присягой увѣдомлять своихъ сочленовъ о лицахъ, занимающихся торговлею въ Лондонѣ и не состоящихъ въ то же время въ гильдіи, съ тѣмъ, чтобы дать возможность гильдейскому управленію немедленно включить ихъ въ число гильдейской братіи и распространить на нихъ гильдейскіе сборы. Изъ этихъ документовъ видно, что принадлежность къ торговой гильдіи не поставлена была въ зависимость отъ воли частныхъ лицъ, но что, наоборотъ, каждый гражданинъ, занимающійся торговлей, обязанъ былъ вступить въ составъ гильдейской братіи.

Такого рода заключеніе вполнѣ мирится съ утверждаемымъ Кэмбэлемъ фактомъ существованія въ англо-саксонскій періодъ запрета покупать и продавать иначе, какъ въ предѣлахъ города, и съ нерѣдкими упоминаніями въ Книгѣ Суда о принадлежности права держать рынокъ (mercatum) торговой гильдіи (gilda mercatoria). Такого рода предоставленіе было бы немыслимо, если бы въ составъ гильдіи не входили съ давнихъ поръ всѣ занятые торговлей граждане города. Прибавимъ къ сказанному, что въ составъ послѣднихъ

входили не одни купцы, что въ англо-саксонскій періодъ, какъ доказано Брентано, а за нимъ Гроссомъ, ремесленникъ обыкновенно являлся и продавцемъ продуктовъ собственнаго труда. Такимъ образомъ гильдейскими братьями въ англо-саксонскій періодъ являлись одновременно и купцы, и ремесленники.

Что касается до самой организаціи городскаго управленія, то о послѣдней мы имѣемъ лишь самыя скудныя и отрывочныя данныя. Они сводятся къ случайному упоминанію въ памятникахъ англо-саксонскаго періода объ ольдерменахъ городовъ, о собраніяхъ городскихъ гражданъ, обозначаемыхъ терминомъ portmen-mote, о городскихъ управителяхъ, portreeve. Сближенныя съ свидѣтельствами позднѣйшихъ источниковъ, — грамоты норманскихъ королей, подтверждающихъ старинныя вольности городовъ,—они тѣмъ не менѣе раскрываютъ передъ нами до нѣкоторой степени картину внутренней жизни англо-саксонскаго города. Портменмотъ оказывается административнымъ и судебнымъ собраніемъ городскихъ гражданъ, собраніемъ, функціи котораго вполнѣ совпадали съ тѣми, какія издревле принадлежали въ графствахъ—сотеннымъ сходамъ, а въ вотчинахъ — такъ называемымъ court leets. Существованіе въ англо-саксонскихъ городахъ періодическихъ собраній всего гражданства, собраній, которыя, согласно законамъ Эдгара, имѣли быть собираемы три раза въ годъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые города возведены были уже въ англо-саксонскій періодъ на степень сотенъ. Это послѣднее имѣло для города то значеніе, что граждане его переставали зависѣть попрежнему, наравнѣ съ остальными жителями графства, отъ общихъ органовъ сотеннаго управленія и пріобрѣтали собственный судъ и собственную администрацію въ лицѣ городского собранія и городского старѣйшины. Это городское собраніе, этотъ городской начальникъ въ своихъ правахъ и обязанностяхъ ничѣмъ не отличались отъ однохарактерныхъ имъ органовъ сотеннаго управленія. Немногіе уцѣлѣвшіе до насъ акты надѣленія церквей и монастырей частью городскихъ доходовъ королемъ или частными владѣльцами городовъ даютъ возможность довольно обстоятельной характеристики административно - судебной юрисдикціи городскихъ собраній. Въ одной изъ такихъ грамотъ, грамотѣ IX вѣка, напечатанной Кэмбэлемъ въ его сборникѣ англо-саксонскихъ хартій, прямо упоминается о взиманіи съ горожанъ въ пользу короля или частнаго владѣльца города цѣлаго ряда пеней за правонарушенія, совершонныя жителями города. Эти пени по самому своему наименованію являются вполнѣ тождественными съ тѣми, какія одновременно налагаемы были какъ въ сотенныхъ судахъ, такъ и въ судахъ тѣхъ вотчинъ, владѣльцы которыхъ спеціально надѣлены были правомъ уголовно-полицейской юрисдикціи. Наложеніе этихъ пеней предполагаетъ какъ существованіе періодически созываемаго судебнаго собранія, такъ и предоставленіе этому собранію нѣкоторыхъ слѣдственно-полицейскихъ функцій. Такимъ органомъ и былъ „portmen-mote“.

Въ немъ сосредоточивалась, несомнѣнно, вся сумма полицейскихъ и судебныхъ правъ города. Начальникъ города, *герефа*, обозначаемый въ одномъ мѣстѣ законовъ Этельстана терминомъ „Cyninges gereſa binnan port“ (королевскій герефа въ предѣлахъ города), являлся не болѣе, какъ предсѣдателемъ этихъ собраній и исполнителемъ ихъ приговоровъ. Назначаемый обыкновенно королемъ или помѣщикомъ, „герефа“ являлся избирательнымъ чиновникомъ, быть можетъ, въ одномъ только Лондонѣ да въ Кентербери, при чемъ въ послѣднемъ мѣстѣ онъ призванъ былъ къ раздѣлу предоставленныхъ ему функцій съ назначаемымъ королемъ товарищемъ.

О существованіи въ англо-саксонскихъ городахъ другихъ начальниковъ, помимо герефы, мы не находимъ иныхъ указаній, кромѣ тѣхъ, какія въ примѣненіи къ одному только Лондону содержатъ въ себѣ „Instituta Londoniae“. Въ этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о т. наз. *тунгерефѣ*, завѣдывавшемъ городскими пошлина-

ми съ ввозныхъ товаровъ и т. наз. „cassercl“, или сборщикѣ послѣднихъ. Рядомъ съ этими чиновниками въ законахъ Эдгара упоминается о 33 лицахъ, избираемыхъ гражданами большихъ городовъ, по всей вѣроятности, изъ среды торговаго люда, лицахъ, обязанностью которыхъ было присутствіе при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ и третейское разбирательство возможныхъ пререканій между продавцами и покупателями. Существованіе въ городахъ подобнаго рода агентовъ вполнѣ примиримо съ засвидѣтельствованнымъ грамотами фактомъ установленія въ каждомъ городѣ особыхъ полицейскихъ распоряженій, опредѣляющихъ какъ характеръ лицъ, допускаемыхъ къ торговой дѣятельности, такъ и качества продаваемаго товара.

Сказаннаго нами достаточно для установленія слѣдующихъ двухъ положеній: 1) города въ Англіи имѣютъ общее съ селами происхожденіе и общую съ ними судьбу, въ смыслѣ одинаковой зависимости отъ феодальной аристократіи, съ ея естественнымъ главою, королемъ; 2) процессъ развитія муниципальной жизни уже въ англо-саксонскій періодъ состоялъ въ замѣнѣ оброчныхъ городскихъ держаній свободными и установленіи хозяйственнаго, административнаго и судебнаго самоуправленія, путемъ взятія на откупъ городскихъ сборовъ самими гражданами.

Въ такомъ же направленіи процессъ этотъ продолжаетъ развиваться и въ теченіе всего періода правленія какъ норманской, такъ и анжуйской династіи. Съ каждымъ поколѣніемъ число свободныхъ самоуправляющихся муниципій растетъ, благодаря покупкѣ ими у короля или частныхъ владѣльцевъ извѣстныхъ правъ и преимуществъ и взятію городской аренды въ свои руки.

Не входя въ подробности касательно времени и порядка, въ которомъ наиболѣе значительные изъ англійскихъ городовъ были призваны къ положенію свободныхъ муниципій, я ограничусь описаніемъ тѣхъ правъ и преимуществъ, какими надѣляли ихъ обыкновенно грамоты королей изъ династіи Плантагенетовъ. Эти права и преимущества съ удобствомъ могутъ быть подведены подъ одну изъ слѣдующихъ группъ: 1) свобода земельныхъ держаній; 2) избраніе органовъ мѣстнаго управленія; 3) изъятіе отъ полицейско-судебной власти шерифа; 4) самостоятельный судъ; 5) право устраивать въ своей средѣ гильдіи; 6) торговыя привилегіи, какъ-то: право держать рынокъ или портъ, взимать пошлины съ продаваемыхъ на немъ товаровъ, право свободнаго проѣзда и провоза по королевскимъ дорогамъ.

Для историка городского самоуправленія наибольшій интересъ представляетъ, разумѣется, знакомство съ тѣми изъ этихъ привилегій, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ администраціи и суду. Ограничиваясь поэтому однимъ лишь упоминаніемъ объ имущественныхъ и торговыхъ прерогативахъ городовъ въ XII, XIII и XIV вв., мы остановимся съ бо́льшею подробностью на описаніи характера ихъ самоуправленія въ періодъ времени, предшествующій вступленію на престолъ Ланкастеровъ.

Мы вступаемъ на менѣе шаткую почву съ момента перехода къ періоду королей норманской и анжуйской династіи. На мѣсто темныхъ указаній, какія только и въ состояніи дать кадастраціонная опись, на мѣсто отрывочныхъ фактовъ, съ трудомъ извлекаемыхъ изъ англо-саксонскихъ грамотъ, выступаетъ теперь длинный рядъ городскихъ хартій, къ которымъ, для нѣкоторыхъ городовъ, присоединяются еще протоколы гильдейскихъ собраній. Пользуясь этими источниками, мы въ состояніи возстановить не одну страницу изъ исторіи англійскаго города въ средніе вѣка. Медленъ былъ путь развитія въ Англіи муниципальной автономіи, продолжителенъ для большинства современныхъ центровъ міровой торговли періодъ полнаго совпаденія ихъ внутренней организаціи съ организаціей села. Въ тѣхъ городахъ, которымъ удалось достигнуть извѣстной независимости, вся полнота административной и судебной власти продолжала сосредоточиваться въ рукахъ всей совокупности городскихъ гражданъ, не въ примѣръ континенту и въ частности Италіи, въ которой въ то же время происходило

совершенное поглощеніе городскаго самоуправленія цехами и между гражданами одного и того же города, въ лицѣ popolani grassi и popolo minuto, вырыта была та бездна, которая необходимо отдѣляетъ собою состоятельные и несостоятельные классы общества, когда первые призваны одни къ политической власти, а вторые — къ безмолвному подчиненію.

Въ составѣ англійскихъ городовъ въ занимающій насъ періодъ мы прежде всего должны выдѣлить группу городовъ, внутренняя организація которыхъ не представляетъ существенныхъ чертъ отличія отъ сельской. Къ числу такихъ городовъ можно отнести, напр., Арундель, Бредфордъ, Манчестеръ, Сентъ-Олбанъ и рядъ другихъ. Познакомимся съ внутренней организаціей любого изъ такихъ городовъ, и мы увидимъ, что они отличаются только наименованіемъ отъ обыкновеннаго типа большого англійскаго помѣстья. Остановимся на Арунделѣ. Онъ отданъ былъ, вмѣстѣ замкомъ этого имени, въ ленное держаніе Роджеру Монгомери, одному изъ ближайшихъ товарищей по оружію Вильгельма Завоевателя. Надѣленіе воспослѣдовало въ 1071 году. Гораздо раньше этого времени Арундель слылъ уже городомъ, какъ видно изъ обозначенія жителей его терминомъ burgenses въ Книгѣ Суда. Несмотря на это званіе, жители Аруделя были во всемъ поставлены въ зависимость отъ доброй воли феодальнаго графа; доказательство этому можно найти въ тѣхъ заявленіяхъ, какія сдѣланы были ими королевскимъ судьямъ въ 16 годъ правленія Эдуарда I (въ маѣ 1288 г.). Граждане города Аруделя открыто признали, что всѣ права, какія они имѣютъ, обязаны своимъ происхожденіемъ доброй волѣ ихъ сеньеровъ, владѣльцевъ замка Арундель, и что они даже не смѣютъ претендовать на пользованіе иными преимуществами, кромѣ тѣхъ, какими надѣлили ихъ ихъ господа (domini). Какъ ничтожны были эти права,—легко заключить изъ того, что, какъ слѣдуетъ изъ тѣхъ же судебныхъ протоколовъ, граждане города еще въ XIII вѣкѣ не вправѣ были передавать по наслѣдству своихъ участковъ. Сосѣдній лордъ, владѣлецъ замка Арундель, держалъ городъ въ непосредственной зависимости отъ короля, съ обязательствомъ: поставлять на случай войны 5 вооруженныхъ рыцарей, извлекать изъ города опредѣленный доходъ въ формѣ поземельной ренты съ городскихъ держаній, таможенныхъ, ярмарочныхъ и штрафныхъ сборовъ. Графы арундельскіе управляли городомъ черезъ посредство ими же назначаемаго городскаго начальника, получившаго съ теченіемъ времени наименованіе мэра. На его имя получаемы были королевскіе приказы; никто помимо него не предсѣдательствовалъ въ судебныхъ собраніяхъ, по характеру и по самому наименованію вполнѣ тождественныхъ съ court leet и court of the honour. Первое созываемо было не болѣе раза въ годъ, во вторникъ, слѣдующій за праздникомъ Св. Михаила. Къ присутствію въ немъ приглашались всѣ жители города, какъ видно изъ того же разслѣдованія, предпринятаго королевскими судьями въ 1288 г. О характерѣ занятій этого годичнаго собранія можно судить по отрывкамъ его протоколовъ, уцѣлѣвшимъ до нашихъ дней. Изъ нихъ видно, что годичному собранію гражданъ предоставлены были тѣ же функціи, какія въ графствахъ принадлежали „разъѣздамъ шерифовъ“, а въ помѣстьяхъ—вотчиннымъ судамъ съ уголовно-полицейской юрисдикціей. Эти функціи обнимали полицейское разслѣдованіе касательно лицъ, виновныхъ въ нарушеніи мѣръ, принятыхъ городскимъ начальствомъ для безопасности и благосостоянія гражданъ. Общественная или личная безопасность могла быть нарушена или путемъ открытаго нападенія на то или другое лицо, оскорбленія его словомъ и дѣйствіемъ, или насильственнаго вторженія въ его домъ. Всѣ эти виды правонарушеній обозначаемы были особыми англо-саксонскими терминами frid или fightwite—нарушеніе мира просто, или же нарушеніе, состоящее въ нанесеніи ударовъ, hamsocne, или нападеніе на жилище, и подвергали лицъ, признанныхъ виновными приговоромъ 12 присяжныхъ, штрафамъ, поступавшимъ въ пользу феодальнаго вла-

дѣльца. Рядомъ съ этой полицейской юрисдикціей ежегодное собраніе городскихъ жителей имѣло еще юрисдикцію уголовную; доказательствомъ этому служитъ фактъ существованія въ предѣлахъ города не только исправительнаго дома, тюрьмы и позорнаго столба, но и висѣлицы. Рядомъ съ уголовно-полицейской юрисдикціей, годовое собраніе всѣхъ жителей Арунделя имѣло еще право разслѣдованія случаевъ нарушенія тѣхъ или другихъ мѣръ полиціи благосостоянія, и наказанія виновныхъ денежными штрафами. Подобно королю, установлявшему время отъ времени общія таксы на предметы первой необходимости, опредѣлявшему размѣръ заработной платы, качество и цѣну производимыхъ ремесленниками товаровъ, графы Арундельскіе черезъ посредство назначаемыхъ ими мэровъ и послѣ соглашенія съ жителями установляли въ предѣлахъ города цѣлый рядъ правилъ касательно времени, мѣста, качества и цѣны производимыхъ или продаваемыхъ въ немъ предметовъ. Жители имѣли право покупать предметы первой необходимости не иначе, какъ въ предѣлахъ города и у лицъ, постоянно пребывающихъ въ немъ. Покупки и продажи не могли имѣть мѣста на дому, а непремѣнно на рынкѣ. Этимъ достигалась, съ одной стороны, возможность взиманія пошлинъ въ пользу феод. влад. во всѣхъ случаяхъ заключенія торга, а, съ другой обезпеченъ былъ контроль за качествомъ продаваемыхъ товаровъ и за правильностью употребляемыхъ при продажѣ ихъ мѣръ и вѣсовъ. Существованіе контроля только и дѣлало мыслимымъ опредѣленіе напередъ самого качества товара, порядка производства продажи въ розницу или оптомъ и цѣны самого товара. Всѣ лица, признанныя приговоромъ по меньшей мѣрѣ 12 согражданъ, виновными въ нарушеніи такихъ предписаній, подвергаемы были штрафамъ, опять-таки въ пользу феодальнаго владѣльца. Отсюда постоянныя упоминанія въ судебныхъ протоколахъ о наложеніи пеней, — за продажу несвѣжаго мяса, за покупку хлѣба, яицъ, масла у лицъ, не всегда пребывающихъ въ городѣ, или внѣ предѣловъ городской черты, за взиманіе высшей, противъ опредѣленной, платы за хлѣбъ, пиво, мясо, рыбу, за употребленіе неправильныхъ вѣсовъ и мѣръ, за розничную продажу платья, за приготовленіе свѣчей съ дурными фитилями, за изготовленіе хлѣба большаго, противъ установленнаго, размѣра или сапогъ низкаго качества. Запрещеніе покупать предметы первой необходимости иначе, какъ въ предѣлахъ города, необходимо предполагало производство ихъ на мѣстѣ въ достаточномъ количествѣ. Отсюда необходимость регулированія самыхъ размѣровъ производства и штрафованіе лицъ, произведшихъ товаровъ менѣе положеннаго. Въ протоколахъ арундельскаго суда сплошь и рядомъ упоминается о штрафованіи хлѣбопековъ и пивоваровъ за производство ими недостаточнаго количества хлѣба или пива. Эти штрафы опять-таки налагаются присяжными и поступаютъ въ пользу феодальнаго владѣльца.

Ко всѣмъ этимъ судебно-полицейскимъ функціямъ годичныхъ собраній городскихъ жителей слѣдуетъ прибавить еще избраніе если не высшаго городского начальника—мэра (послѣднее продолжало оставаться въ рукахъ феодальнаго владѣльца), то второстепенныхъ городскихъ властей: полицейскихъ служителей—констэблей, особыхъ лицъ для пробы пива, такъ называемыхъ „tastatores cervisiae“, и т. п. Съ теченіемъ времени къ числу этихъ лицъ—въ силу спеціальнаго надѣленія со стороны феодальнаго владѣльца—присоединился и коронеръ. Къ его избранію призываема была вся совокупность городскихъ жителей уже въ правленіе Эдуарда I, какъ слѣдуетъ изъ протоколовъ судебнаго разслѣдованія 1288 г. Когда то же начало избранія было распространено и на мэра, мы сказать не беремся. Во всякомъ случаѣ оно существовало ранѣе царствованія Елизаветы, какъ видно изъ грамотъ этой королевы, впервые надѣлившей Арундель правами корпораціи.

Рядомъ съ годовымъ собраніемъ городскихъ жителей въ Арунделѣ существовалъ еще городской судъ. Этотъ

послѣдній по функціямъ своимъ приближался къ типу „court baron“. Онъ обозначаемъ былъ наименованіемъ городского суда или суда „honour“. Засѣданія его имѣли мѣсто каждыя три недѣли; на нихъ разбираемы были гражданскіе иски и легкіе полицейскіе проступки. Несвоевременная уплата долга, нарушеніе границъ частнаго владѣнія и т. п. дѣйствія были судимы въ немъ и облагаемы штрафами, каждый разъ по приговору присяжныхъ и въ пользу феодальнаго владѣльца.

Такова въ общихъ чертахъ административно-судебная организація Арунделя въ теченіе всего средне-вѣковаго періода. Читатель принужденъ будетъ согласиться, что она ничѣмъ не отличается отъ той, какую одновременно можно было встрѣтить въ большихъ помѣстьяхъ, разсѣянныхъ на протяженіи англійскихъ графствъ. Какъ въ помѣстьяхъ, жители Арунделя производятъ всѣ свои права и привилегіи отъ доброй воли феодальнаго владѣльца. Какъ здѣсь, такъ и тамъ совокупность этихъ правъ и преимуществъ сосредоточивается въ рукахъ собранія постоянныхъ жителей. Подобно обязательнымъ участникамъ вотчиннаго суда, городскіе жители избираютъ своихъ коронеровъ, констэблей и другихъ низшихъ агентовъ. Избраніе самого мэра не составляетъ какой-либо особой городской привилегіи; выборъ жителями бальифа встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ помѣстьяхъ; какъ и въ нихъ, жители Арунделя имѣютъ двоякаго рода суды—уголовно-полицейскій и гражданскій. Функціи этихъ судовъ тѣ же, что и въ вотчинныхъ court leet и court baron. О существованіи гражданъ, какъ чего-то отличнаго отъ постоянныхъ городскихъ обывателей, о наличности цеховъ и сосредоточеніи въ ихъ рукахъ тѣхъ или другихъ административныхъ функцій въ средневѣковомъ Арунделѣ нѣтъ и помину.

Въ приведенномъ нами примѣрѣ мы имѣли дѣло съ городомъ владѣльческимъ. Но и король могъ стоять къ городу и его жителямъ въ томъ же отношеніи господина къ крѣпостнымъ людямъ или оброчнымъ, какъ любой изъ лордовъ его королевства. Такія отношенія могли возникнуть, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда городъ былъ включенъ въ районъ королевскихъ доменовъ, такъ и въ томъ, когда за совершеннымъ прекращеніемъ той или другой феодальной династіи или за конфискаціей владѣній мятежнаго лорда, вмѣстѣ съ землями присоединяемы были къ казнѣ и владѣльческіе города. Первые норманскіе короли обыкновенно удерживали въ своихъ рукахъ непосредственное завѣдываніе зависимыми отъ нихъ городами, какъ ясно слѣдуетъ изъ буквальнаго текста самого Думсдебука, въ которомъ о большинствѣ городовъ сказано, что они платятъ свою ренту не въ руки шерифа, а непосредственно въ казну. Короли анжуйской династіи постепенно вводятъ въ обыкновеніе отдачу на откупъ всей суммы слѣдуемыхъ съ города денежныхъ поступленій. Эта отдача происходитъ или въ пользу шерифа графства, и въ такомъ случаѣ городская рента присоединяется къ его ежегодной арендѣ; или же откупщикомъ является самъ городъ, что нимало не мѣшаетъ удержанію королемъ полноты имущественныхъ, судебныхъ и административныхъ правъ надъ его обывателями и ихъ участками. Подкрѣпляя на каждомъ шагу свои утвержденія ссылками на свидѣтельства королевскихъ грамотъ, судебныхъ протоколовъ и счетовъ казначейства, Мадоксъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ права короля на „его“ городъ. Король является собственникомъ всѣхъ земель, расположенныхъ въ предѣлахъ города и городского округа, всѣхъ домовъ, сараевъ, стойлъ и построекъ, воздвигнутыхъ на этихъ земляхъ. Ему принадлежитъ трава, растущая на этой землѣ, и прочіе ея естественные продукты, доходы отъ рынковъ и ярмарокъ, судебныя пошлины и пени, однимъ словомъ, всевозможныя выгоды владѣнія городомъ, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ, разъ эти выгоды не сдѣлались предметомъ частнаго отчужденія, произведеннаго или самимъ королемъ или кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ.

Внутренняя организація такого города ничѣмъ не отличается отъ орга-

низаціи любого владѣльческаго селенія съ выбираемыми жителями бальифами, съ періодическими судебными собраніями всего населенія, съ нѣкоторой долей самоуправленія въ сферѣ мѣстнаго хозяйства. Какъ здѣсь, такъ и тамъ мы не встрѣчаемъ выдѣленія поселка изъ границъ графства, отличительнаго признака, позволяющаго намъ включить въ особую группу небольшое число такъ наз. свободныхъ бурговъ.

Къ этимъ немногочисленнымъ представителямъ муниципальной свободы мы и обратимся въ настоящее время. Во главѣ ихъ стоитъ Лондонъ.

По справедливому замѣчанію Стебса, Лондонъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней представляетъ рѣдкое исключеніе изъ общаго типа англійскаго города. Въ строгомъ смыслѣ слова, Лондонъ—не городъ, а конгломератъ цѣлаго ряда поселеній. Нѣкоторыя изъ этихъ составныхъ частей Лондона сохраняютъ самостоятельное управленіе въ теченіе всего не только англо-сакс. періода, но и при правителяхъ норм. и анжуйской династій; другія удерживаютъ нѣкоторыя черты своего первоначальнаго характера и до нашихъ дней. Говоря это, я разумѣю въ частности Портсокенскій округъ и „вольность Св. Мартина“. Первый извѣстенъ въ англо-сакс. періодъ подъ наименованіемъ—„knighten-gild“. Онъ удержалъ свое особое гильдейское управленіе до временъ Генриха I, когда, по волѣ гильд. братій и съ согласія короля, выразившагося въ особой дарственной грамотѣ, округъ былъ пожалованъ пріору и каноникамъ Св. Троицы, владѣвшимъ уже помѣстьемъ въ Ольдгетѣ. Въ свою очередь „вольность Св. Мартина“ еще съ норманскихъ временъ и вплоть до послѣдняго времени оставалась помѣстьемъ вестминстерскаго аббатства.

Тогда какъ Портсокенскій округъ и „вольность Св. Мартина“ съ древнѣйшихъ временъ носятъ характеръ частью территоріальныхъ гильдій, частью духовныхъ помѣстій, цѣлый рядъ другихъ Лондонскихъ округовъ въ теченіе столѣтій удерживаетъ типическія черты достигшихъ большей или меньшей самостоятельности сельскихъ или городскихъ поселковъ. Укажемъ для примѣра хотя бы на Саусъ-Уоркъ, позднѣе другихъ округовъ присоединенный къ метрополіи и удержавшій поэтому долѣе другихъ свои характерныя особенности. Еще въ грамотахъ Эдуарда III упоминается о Саусъ-Уоркѣ, какъ о независимомъ отъ города селеніи, въ которомъ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ помѣстій, существовала своего рода вотчинная юрисдикція съ уголовно-полицейскимъ и гражданскимъ характеромъ. Большинство лонд. округовъ еще въ правленіе Генриха I сохраняетъ всѣ признаки своего происхожденія изъ помѣстныхъ поселковъ и свою—независимую отъ городской—административно-судебную организацію. Грамота Генриха I обѣщаетъ удержаніе каждымъ его самоуправленія, органами котораго являются — общее собраніе его жителей („folkmot“, позднѣе „wardmot“) и бальифъ, носящій наименованіе барона, полвѣка спустя—ольдермена округа. Въ какой мѣрѣ эти бароны или ольдермены должны быть разсматриваемы какъ гильдейскіе чиновники и насколько окружное управленіе уже съ древнѣйшихъ временъ проникло гильдейскимъ характеромъ, мы сказать не беремся; замѣтимъ только, что, если лонд. округа обозначаются въ памятникахъ нерѣдко наименованіемъ гильдій, то это еще не значитъ, что ихъ управленіе съ древн. временъ сосредоточивалось въ рукахъ братствъ или союзовъ этого имени. Правда, уже законы Этельстана говорятъ намъ о лонд. гильдіяхъ, но какъ въ этихъ законахъ, такъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ нимало не выясненъ дѣйствительный характеръ такихъ гильдій; мы остаемся въ рѣшительной неизвѣстности на счетъ того, считать ли эти гильдіи торговыми, благотворит. и общежительными сообществами, ремесленными цехами или территор. союзами для полицейской охраны, союзами для охраненія мира, которые ничѣмъ, кромѣ названія, не отличаются отъ обыкновенныхъ полицейскихъ округовъ, другими словами—отъ сотенъ. Послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Если разъ допустить его, то не остается возможнымъ видѣть въ гильдіи нѣчто отлич-

ное отъ округа и толковать объ избраніи начальниковъ округовъ, бароновъ или ольдерменовъ, гильдейскими братьями, а не всею совокупностью жителей округа, — точь въ точь, какъ это имѣло мѣсто въ помѣстьяхъ и городахъ, въ которыхъ избраніе рива, препозитуса или бальифа предоставлено было всей совокупности городскихъ или сельскихъ обывателей. Въ средѣ мѣстныхъ подраздѣленій Лондона, одинъ лишъ такъ наз. „городъ“ (City) призванъ былъ къ раннему развитію въ своей средѣ муниципальной свободы. Исторія Лондона долгое время есть не болѣе, какъ исторія его сити. Древнѣйшія грамоты предоставляютъ тѣ или другія права только обывателямъ послѣдняго. Одни лишь жители лонд. сити являются полноправными гражданами, по всей вѣроятности еще задолго до завоеванія, рѣзко отличаясь тѣмъ самымъ отъ тѣхъ крѣпостныхъ или оброчныхъ владѣльцевъ королевскихъ или помѣщичьихъ земель, которые въ это время составляли персоналъ город. обывателей на протяженіи всего королевства. Прямое указаніе на этотъ счетъ мы находимъ въ хартіи Вильгельма Зав. Послѣдняя объявляетъ, что граждане „сити“ удерживаютъ то полноправіе, какое принадлежало имъ еще во времена Эдгара. Что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ полноправіемъ, видно изъ дальнѣйшаго текста самой грамоты, являющейся, какъ уже замѣчено, не болѣе, какъ подтвержденіемъ англо-сакс. правъ и преимуществъ Лондона. Вильгельмъ объявляетъ дѣтей горожанъ наслѣдниками ихъ имуществъ по праву, а это значитъ ни больше, ни меньше какъ то, что владѣнія гражданъ перестаютъ быть владѣніями зависимыми и переходятъ въ категорію свободныхъ— явный признакъ, что и сами граждане изъ крѣпостныхъ и оброчныхъ становятся свободными людьми. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ сказанное нами выше о характерѣ несвободнаго городского владѣнія и о тѣхъ послѣдстіяхъ, какія такое владѣніе имѣло по отношенію къ личнымъ правамъ владѣльцевъ. Подобно всякому другому виду вассальнаго владѣнія, гор. владѣніе не было наслѣдственнымъ. Если по правилу оно и переходило въ большинствѣ случаевъ отъ отца къ сыну, то только подъ условіемъ уплаты сюзерену каждый разъ особаго геріота или феодальнаго „relevium“ или „relief“, размѣръ котораго опредѣлялся мѣстными распорядками. Въ несвободныхъ бургахъ владѣніе, какъ мы видѣли, даже при жизни владѣльца не являлось свободнымъ; лица, пользующіяся имъ, обязаны были къ ежегодной уплатѣ опредѣленной ренты, размѣръ которой опять-таки зависѣлъ отъ мѣстныхъ распорядковъ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ землевладѣніи лондонскихъ гражданъ. Со временъ Эдгара они свободны отъ всякихъ взносовъ. Лондонъ продолжаетъ, правда, платить ежегодно опредѣленную аренду, но сумма послѣдней создается налагаемыми на жителей городской администраціей и ею одной распредѣляемыми сборами, отнюдь не оброчными или крѣпостными платежами. Если въ примѣненіи къ гражданамъ столицы нельзя говорить о крѣпостныхъ платежахъ, то тѣмъ менѣе умѣстно всякое упоминаніе объ осуществляемыхъ ими крѣпостныхъ службахъ. Такія службы сплошь и рядомъ встрѣчаются, когда дѣло идетъ о жителяхъ разсмотрѣнной нами прежде группы городовъ. Въ отсутствіи этихъ платежей и лежитъ первое отличіе правъ свободнаго бурга отъ несвободныхъ городовъ королевства. Второй чертой отличія является признанная въ Лондонѣ грамотой Генриха I свобода жителей отъ обязательнаго для гражданъ присутствія въ судахъ графства, сотни или помѣстья. Эта свобода связана каждый разъ съ правомъ держать собственный судъ, другими словами, съ возведеніемъ города на степень сотни или графства. Такъ, въ данномъ случаѣ грамота Генриха I предоставляетъ жителямъ лонд. сити право имѣть собственнаго судью для разбирательства тѣхъ процессовъ, какіе въ графствахъ принадлежатъ королевскимъ судамъ. Судья, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь,— не кто иной какъ „port reeve“, т. е. высшій начальникъ города. Судебная автономія лонд. сити находитъ особенно благопріятныя условія для своего развитія въ томъ обстоятельствѣ, что,

начиная съ Генриха I, англійскіе короли обращаются къ отдачѣ на откупъ городу не только слѣдуемой съ него ежегодной аренды, но и той, какую должно приносить графство Мидльсексъ. Съ этого времени къ Лондону переходитъ право избранія шерифовъ,—право, которое только подтверждено за нимъ грамотой Іоанна Безземельнаго. Вышеуказанными грамотами установлена мало по малу городская автономія Лондона. Позднѣйшія подтвержденія перечисленныхъ въ нихъ правъ вызваны исключительно фискальными соображеніями правительства. Если задаться вопросомъ о томъ, какія послѣдствія по отношенію къ организаціи внутренняго управленія города имѣло предоставленіе вышеуказан. правъ, то намъ придется отказаться отъ всякой мысли, что ими предоставлялись Лондону тѣ преимущества, какими римское право надѣляетъ корпорацію. Инкорпорированіе городовъ, которое Бреди относитъ къ норманскому періоду, на самомъ дѣлѣ—явленіе XV в. Вмѣсто инкорпорированія мы встрѣчаемъ не болѣе, какъ надѣленіе всей совокупности городскихъ гражданъ правомъ административной и судебной автономіи, правомъ сходиться въ особыя административно - судебныя собранія, съ древнѣйшихъ временъ носящія наименованіе „hustings“ (отъ hus—домъ и tings — собраніе), въ буквальномъ переводѣ собраній домовладѣльцевъ, правомъ выбирать на этихъ собраніяхъ своихъ шерифовъ, одного—для Лондона, другого для графства Мидльсексъ, своихъ коронеровъ и своего голову, получающаго со временъ Ричарда I наименованіе лорда-мэра.

Совершенно независимо отъ развитія городской администраціи организуется постепенно цеховое управленіе Сити. Еще со временъ англо-саксовъ лонд. цехи выбираютъ своихъ ольдерменовъ, или старѣйшинъ. Умноженіе цеховъ, грозя постепеннымъ ослабленіемъ вліянія уже существующихъ, встрѣчаетъ противодѣйствіе въ законодательствѣ; отсюда нерѣдкіе случаи закрытія недозволенныхъ правительствомъ гильдій и возможность ограниченія ихъ числа 12 такъ наз. доселѣ „livery companies“, или союзами, члены которыхъ вправѣ носить особую ливрею. Эти 12 гильдій долгое время стоятъ внѣ сферы городского управленія. Чтобы встрѣтиться съ попытками непосредственнаго присвоенія ими власти въ городскихъ дѣлахъ, необходимо перейти къ XIII в.; въ ту же эпоху, которая занимаетъ насъ нынѣ, городская администрація въ „городѣ“ (City) принадлежитъ общему собранію горожанъ, съ выбираемымъ мэромъ во главѣ, въ округахъ — тѣмъ административно - судебнымъ собраніямъ лондонскихъ „концовъ“ (Wards), которые по своему составу и по своимъ функціямъ вполнѣ отвѣчаютъ „court leets“ помѣстій и имѣютъ своими предсѣдателями и исполнителями своихъ рѣшеній окружныхъ ольдерменовъ.—Лондонъ, являющійся въ англо-саксонскій періодъ единственнымъ представителемъ свободныхъ бурговъ, съ норманской эпохи становится образцомъ, по которому развивается городское самоуправленіе всѣхъ маломальски выдающихся муниципій королевства. Это воздѣйствіе Лондона на другіе города наглядно выражается въ томъ, что жалованными грамотами королей обыкновенно имъ предоставляются тѣ самыя права, какія значились дотолѣ въ однѣхъ лишь хартіяхъ, данныхъ Лондону, о чемъ нерѣдко гласитъ и самое содержаніе грамотъ. Исторія Винчестера, Бристоля, Экзетера и цѣлаго ряда другихъ городовъ показываетъ, что такое воспроизведеніе правъ и преимуществъ Сити жалованными грамотами другихъ городовъ не имѣло иной причины, кромѣ той, что предоставленныя Сити вольности являлись типическимъ выраженіемъ суммы преимуществъ, связанныхъ съ положеніемъ свободнаго бурга.

Въ теченіе всего правленія обоихъ Вильгельмовъ Лондонъ остается единственнымъ представителемъ свободныхъ бурговъ въ королевствѣ. Правленіе Генриха I, съ котораго нерѣдко ведутъ исторію развитія въ Англіи муниципальной свободы, также въ строгомъ смыслѣ слова не вноситъ никакихъ основныхъ перемѣнъ въ отношенія казны или частныхъ владѣльцевъ къ городамъ. Тѣ немногія жалованныя грамоты, какія уцѣлѣли до

насъ отъ этого времени и изъ которыхъ далеко не всѣ могутъ быть признаны за подлинные акты короля, говорятъ въ большинствѣ случаевъ лишь о торговыхъ преимуществахъ горожанъ, о правѣ ихъ на безпошлинный провозъ товаровъ, о существованіи въ ихъ средѣ торговыхъ гильдій, о предоставленіи—частью этимъ торговымъ гильдіямъ, частью общему собранію гражданъ—извѣстной доли участія въ городскомъ хозяйствѣ. Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ лишь двѣ жалованныя грамоты, дарованныя городамъ Ньюкаслю и Беверле; въ нихъ значится, что предоставляемыя имъ права—тѣ самыя, какими пользуются жители Іорка,—прямое основаніе причислить и этотъ послѣдній городъ къ числу раннихъ представителей муниципальной свободы. Въ названныхъ грамотахъ мы встрѣчаемъ то же упоминаніе о свободной передачѣ по наслѣдству городскихъ надѣловъ и объ изъятіи жителей отъ юрисдикціи властей если не графства, то сотни, какія, какъ мы видѣли, установлены были по отношенію къ Лондону еще въ англо-сакс. періодъ и получили новую санкцію въ грамотѣ Вильгельма Завоевателя.

Переходя отъ времени правленія Генриха I непосредственно къ царствованію Генриха II и минуя такимъ образомъ смутное время междоусобной войны Стефана и Матильды, отъ котораго дошелъ до насъ лишь одинъ любопытный для исторіи городовъ документъ: неопредѣленное закрѣпленіе за Чичестеромъ его старинныхъ правъ и привилегій,—мы вступаемъ въ тотъ періодъ англ. исторіи, который можно назвать періодомъ развитія на островѣ муниципальной свободы. Этотъ періодъ тянется почти безостановочно въ продолженіе всего XII и XIII вв., до временъ Эдуардовъ, когда, при продолжающемся надѣленіи новыхъ городовъ правами свободныхъ бурговъ, замѣчается въ то же время стремленіе къ сосредоточенію политическихъ правъ города въ рукахъ небольшого числа зажиточныхъ горожанъ, всего чаще взятыхъ изъ среды гильдій.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о характерѣ городского самоуправленія въ занимающую насъ эпоху представляетъ исторія Престона. Акты, относящіеся къ прошлому этого бурга, счастливымъ образомъ уцѣлѣли до нашего времени въ значительной полнотѣ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, мы находимъ возможнымъ категорически отвѣтить на вопросы: кто изъ жителей города пользовался правомъ гражданства, каковы были политическія права гражданъ и въ чемъ выражалось принадлежащее имъ однимъ участіе въ городскомъ самоуправленіи. На первый изъ поставленныхъ вопросовъ городскіе документы отвѣчаютъ: гражданиномъ считался одинъ лишь владѣлецъ городского надѣла, даже въ томъ случаѣ, когда таковымъ являлся не свободный человѣкъ, а крѣпостной, въ теченіе года и дня владѣвшій землею въ предѣлахъ городской черты. Вотъ—фактъ, важность котораго несомнѣнна, такъ какъ имъ всего нагляднѣе подкрѣпляется выставленное нами положеніе о совпаденіи гражданства съ владѣніемъ землею въ предѣлахъ городской черты. Какъ владѣлецъ городского надѣла, гражданинъ призванъ былъ къ пользованію связанными съ нимъ общинными угодіями. Владѣлецъ городского надѣла не только былъ гражданиномъ, но и членомъ торговой гильдіи, что прямо слѣдуетъ изъ городского „кустумарія“ Престона, въ которомъ значится, что „лицо, не принадлежащее къ гильдіи, не вправѣ торговать въ предѣлахъ города иначе, какъ съ согласія гражданъ“. Согласіе гражданъ въ данномъ случаѣ было бы немыслимо, если бы граждане въ то же время не были и членами гильдіи.—Уцѣлѣвшій до насъ городской кустумарій бросаетъ такимъ образомъ свѣтъ на характеръ торговой гильдіи въ Англіи, какъ на нѣчто, совершенно отличное отъ замкнутой и ограниченной въ числѣ членовъ корпораціи, и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ пониманію факта предоставленія грамотами Плантагенетовъ городскихъ правъ и привилегій никому другому, какъ членамъ торговой гильдіи „civibus de gilda mercatoria“, какъ буквально значится въ грамотѣ Ричарда I гражданамъ Винчестера. Говоря о дарованіи правъ свободнаго бурга членамъ торговыхъ гиль-

дій, Плантагенеты очевидно хотѣли сказать ни больше, ни меньше, какъ то, что эти права и преимущества даруются ими всей совокупности городскихъ гражданъ. Вотъ почему въ позднѣйшихъ грамотахъ, какъ, напр., въ грамотѣ Іоанна Безземельнаго, дарованной тому же Винчестеру, выраженіе „торговая гильдія“ совершенно отпадаетъ, и прежнія права съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ даруются уже „нашимъ гражданамъ города Винчестера.“ Перемѣна въ формулѣ городскихъ грамотъ не выражаетъ собою такимъ образомъ перемѣны въ самомъ характерѣ городского самоуправленія. Послѣднее въ теченіе столѣтій продолжаетъ оставаться неизмѣнно въ рукахъ всей совокупности городскихъ гражданъ, какъ видно въ частности и на примѣрѣ Престона.

Граждане послѣдняго собирались поголовно въ такъ наз. portmote, по меньшей мѣрѣ три раза въ годъ, для разсмотрѣнія текущихъ вопросовъ мѣстной администраціи и суда. Присутствіе было обязательнымъ: штрафъ въ 12 пенсовъ падалъ на всякаго незаконно отсутствующаго. Присутствовали только граждане. Предметы вѣдомства были тѣ же, что и въ court leet помѣстья. Говоря это, я хочу сказать, что портмоту принадлежала одна лишь гражданско-полицейская юрисдикція; уголовная же оставалась въ рукахъ шерифа. Торговыя дѣла, разрѣшеніе на производство торга, опредѣленіе обязательныхъ цѣнъ на товары, завѣдываніе рынками и ярмарками и т. п. принадлежало не portmote, а управленію торговой гильдіи. Исполнительнымъ чиновникомъ въ городѣ являлся портривъ, или препозитусъ, впослѣдствіи переименованный въ мэра, а также два или болѣе бальифовъ, игравшихъ роль сборщиковъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и другихъ городскихъ сборовъ. Мы находимъ также въ документахъ XIII и XIV вв. упоминаніе о 12 избранныхъ. Это не болѣе, какъ члены того обвинительнаго жюри, существованіе котораго составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей англійскаго уголовнаго процесса.

Мы впали бы въ невольное повтореніе, если бы вздумали давать исторію развитія муниципальной свободы во всѣхъ и каждомъ изъ городовъ Англіи, постепенно возвышенныхъ до положенія самостоятельной сотни или графства. Мы ограничимся поэтому лишь краткимъ перечнемъ тѣхъ городовъ, которые въ правленіе ближайшихъ преемниковъ Генриха II постепенно перешли въ категорію свободныхъ бурговъ. Къ числу такихъ въ правленіе Ричарда I принадлежатъ Кольчестеръ, Линкольнъ, Рай и Винчельзи, Портсмутъ и Оксфордъ. Въ царствованіе Іоанна Безземельнаго къ свободнымъ бургамъ постепенно подходятъ по своему внутреннему устройству, по своему судебному и административному самоуправленію, Норвичъ, Глостеръ, Ипсвичъ, Денвичъ, Стаффордъ, Ливерпуль и нѣкоторые другіе. Въ правленіе Генриха III—Бристоль, Кембриджъ, Ворчестеръ, Рочестеръ и другіе. Въ каждое новое царствованіе подкрѣпляемы были права и вольности, дарованныя городамъ при предшественникахъ правящаго монарха, или предоставляемы новыя преимущества, существенно ни въ чемъ не измѣнявшія прежнихъ отношеній города къ администраціи сотни и графства и только увеличивавшія административныя, судебныя или торговыя преимущества города. Большая часть тѣхъ привилегій, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, предоставляются не даромъ, а или подъ условіемъ временныхъ пожертвованій въ пользу королевской казны, или, всего чаще, какъ послѣдствіе взятія городомъ на откупъ всей суммы слѣдуемыхъ съ него платежей.

Описанный нами процессъ прогрессивнаго развитія муниципальной свободы касается не однихъ лишь королевскихъ, но и владѣльческихъ бурговъ. По отношенію къ этимъ послѣднимъ королевскія грамоты обыкновенно лишь закрѣпляютъ за ними права и преимущества, дарованныя имъ ихъ непосредственными владѣльцами. Такъ, напр., въ Лейчестерѣ граждане, долгое время призывавшіеся къ отбыванію повинностей крѣпостного характера, барщинныхъ службъ и платежей, надѣлены были правомъ свободнаго владѣнія своими участками и нѣкоторой независимостью въ дѣлѣ управленія

и суда въ царствованіе Генриха II по волѣ ихъ непосредственнаго владѣльца, графа Лейчестерскаго. Эти права вслѣдъ затѣмъ подкрѣплены были грамотой, испрошенной ими у Іоанна Безземельнаго.

Мы бы могли покончить на сказанномъ характеристику англійскихъ свободныхъ бурговъ въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, если бы случайнымъ образомъ уцѣлѣвшіе архивы одного изъ нихъ, Ипсвича, не давали намъ возможности наглядной иллюстраціи всего сказаннаго выше. Изъ этихъ архивовъ видно, что Ипсвичъ, считавшійся бургомъ еще во времена составленія поземельной описи Вильгельмомъ Завоевателемъ, становится свободнымъ городомъ не ранѣе Іоанна Безземельнаго. Отъ временъ этого короля уцѣлѣли не только жалованныя грамоты, но и нѣк. протоколы его городскихъ совѣтовъ. Изъ этихъ протоколовъ мы узнаемъ, что избраніе двухъ бальифовъ и коронеровъ, равно и 12 высшихъ портменовъ съ обязанностями обвинительныхъ присяжныхъ, производилось всѣмъ городомъ, другими словами—всею совокупностью его гражданъ. Послѣ ихъ избранія всѣ и каждый изъ обывателей приносили присягу въ повиновеніи имъ и въ помощи при исполненіи ими своихъ обязанностей. Три или четыре человѣка, обозначаемыхъ въ протоколахъ терминомъ „legales homines“, избираются опять-таки всею совокупностью гражданъ „commonalty“ или „communa“, иначе общимъ собраніемъ города,—для храненія городской печати. Тотъ же городской совѣтъ (терминъ, замѣняемый нерѣдко въ протоколахъ выраженіемъ „весь городъ“—лучшее доказательство тому, что въ составъ его входили всѣ горожане)—выбираетъ и ольдермена торговой гильдіи—опять-таки прямое подтвержденіе тому положенію, что гильдія не составляла чего то особеннаго и независимаго отъ города и городского собранія. Что гражданство и принадлежность къ гильдіи были факты, неразрывно связанные между собою, другими словами, что торговая гильдія обнимала собою совокупность городскихъ гражданъ, доказательство тому мы находимъ въ тѣхъ же протоколахъ, въ томъ мѣстѣ ихъ, въ которомъ упоминается о пріемѣ въ гражданство цѣлаго ряда лицъ не иначе, какъ подъ условіемъ взноса ими денежныхъ или натуральныхъ сборовъ въ пользу гильдіи. По вопросу о томъ, кто былъ гражданиномъ, ипсвич. протоколы отвѣчаютъ, что гражданами были тѣ изъ обывателей, которые связаны были съ городомъ фактомъ владѣнія въ предѣлахъ его большимъ или меньшимъ участкомъ земли. Какъ далеко ни отступаетъ характеръ свободнаго бурга отъ типа крѣпостного селенія, все же нѣкот. черты послѣдняго сохраняются и въ его стѣнахъ. Я разумѣю въ частности городскія общинныя земли, встрѣчающіяся и въ Лейчестерѣ, и въ Престонѣ, и въ Ипсвичѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ размѣръ общинныхъ земель такъ невеликъ, что дѣлаетъ немыслимой непосредственную эксплуатацію ихъ самими жителями. Общинныя земли изъ земель общаго пользованія переходятъ поэтому въ категорію земель общины и служатъ фондомъ для оплаты городскихъ чиновниковъ за исполняемую ими службу.

Съ Эдуардовъ мы считаемъ возможнымъ начать новый періодъ въ исторіи англійскаго города не потому, чтобы въ это время начались какія-либо измѣненія въ прежнихъ отношеніяхъ правительства къ городамъ и городскому самоуправленію, а потому, что въ это время проявляются впервые въ зародышномъ видѣ въ стѣнахъ самихъ городовъ тѣ внутреннія движенія, благодаря окончательному торжеству которыхъ въ XV в. удалось сосредоточить политическую власть надъ городомъ въ рукахъ гильдій. Городскія грамоты не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что муниципальное развитіе Англіи продолжало совершаться и въ этотъ третій періодъ жизни въ прежнемъ направленіи—постепеннаго возведенія города на степень сотни или графства. Возьмемъ для примѣра грамоту, дарованную Эдуардомъ I основанному имъ же Кингстону. Въ этой грамотѣ (отъ 1299 г.) прямо значится, что городу предоставляются всѣ тѣ права, какія должны принадлежать свободному бур-

гу. Права эти перечисляются затѣмъ; во главѣ ихъ стоитъ свобода завѣщательнаго распоряженія землями и имуществами, расположенными въ предѣлахъ городского округа, что и понятно, если принять во вниманіе сказанное выше на счетъ отсутствія такого права у бурговъ владѣльческихъ или непосредственно зависимыхъ отъ короля и предоставленія его жителямъ однихъ свободныхъ бурговъ. Вторымъ въ порядкѣ слѣдуетъ право полученія королевскихъ грамотъ, право, предполагающее сушествованіе администраціи, независимой отъ графства или сотни. Вотъ почему вслѣдъ за приведенными словами стоитъ запрещеніе шерифу и бальифу входить въ городъ для приведенія въ исполненіе какихъ бы то ни было приказовъ по отношенію къ его жителямъ и предоставленіе послѣднимъ привилегій самостоятельнаго гражданскаго и уголовнаго суда. Права избирать коронера и держать особую тюрьму являются естественными послѣдствіями дарованной городу судебной независимости. Свобода отъ таможенныхъ пошлинъ, право держать двѣ ярмарки и т. п. являются не болѣе, какъ частными преимуществами, не входящими необходимо въ понятіе свободнаго бурга. Если бы не бояться повтореній, можно было бы привести цѣлый рядъ однохарактерныхъ хартій и показать на основаніи ихъ отсутствіе какихъ бы то ни было перемѣнъ въ прежнемъ отношеніи правительства къ городскому самоуправленію, въ предоставленіи его по прежнему не тѣмъ или другимъ гильдіямъ, не той или иной группѣ зажиточныхъ гражданъ, а всей совокупности послѣднихъ, всей „immensa communitas“, которая одна и составляетъ общій совѣтъ горожанъ (common council), о которомъ говорятъ нерѣдко грамоты Эдуардовъ. Переломъ въ городскомъ развитіи вовсе не лежитъ въ измѣненіи прежнихъ отношеній къ нему правительства, а въ открывшейся въ средѣ самихъ гражданъ борьбѣ изъ-за общественнаго вліянія и политической власти, борьбѣ, первое проявленіе которой относится именно къ занимающему насъ періоду и безъ которой городское самоуправленіе не сосредоточилось бы всецѣло къ концу XV ст. въ рукахъ гильдейской аристократіи.

Первыя проявленія этой борьбы и ея воздѣйствіе на характеръ городской администраціи относятся уже къ правленію Эдуарда I. Вслѣдъ за временнымъ отобраніемъ у Лондона правъ городского самоуправленія недовольнымъ жителями королемъ слѣдуетъ избраніе ими новаго мэра. Это избраніе происходитъ однако не обычнымъ путемъ, путемъ созванія всей городской толпы, „immensa communitas“, а небольшимъ совѣтомъ изъ ольдерменовъ и 12 избранныхъ отъ каждаго округа (Ward). Такой порядокъ избранія является рѣшительнымъ новшествомъ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ подробностей на счетъ порядка производства выборовъ въ 1285 г., т. е. за 10 лѣтъ до этого. Такому нововведенію долгое время не суждено было сдѣлаться общимъ правиломъ. Доказательствомъ этому служитъ между прочимъ грамота Эдуарда II, въ которой значится, что выборы мэра должны быть производимы согласно стариннымъ грамотамъ; въ грамотахъ же этихъ, какъ мы знаемъ, избраніе принадлежитъ по праву всѣмъ гражданамъ. За вышеприведеннымъ исключеніемъ, мы не встрѣчаемъ въ правленіе Эдуарда I никакихъ наглядныхъ проявленій внутренней борьбы въ средѣ самихъ городовъ изъ-за вопроса о политической власти. Правда, мы неоднократно читаемъ въ грамотахъ о томъ или другомъ числѣ, обыкновенно 12 или 24 такъ наз. „добрыхъ людей“, какъ о ближайшихъ правителяхъ города, но эти „добрые люди“ не кто иные, какъ прежніе члены обвинительнаго жюри, призванные къ непосредственному участію въ городскихъ дѣлахъ, въ силу предоставленнаго имъ права заявлять о безпорядкахъ въ городѣ, лица, которыя въ то же время, по отношенію къ праву избранія городскихъ властей, поставлены на одну ступень съ прочими гражданами.

Наглядное проявленіе соціальной розни въ стѣнахъ города и стремленія зажиточнаго меньшинства къ сосредоточенію городского самоуправленія въ своихъ рукахъ встрѣчается не ранѣе

*

вступленія на престолъ Эдуарда II, прежде всего не въ Лондонѣ, какъ думалъ его историкъ Нортонъ, а въ Бристолѣ. Въ 1312 г. въ немъ вспыхнуло открытое возстаніе простого народа; главнѣйшимъ поводомъ къ нему былъ захватъ политической власти 14-ью знатнѣйшими гражданами, имена которыхъ къ счастію дошли до насъ. Между этими 14-ью трое—мэръ и бывшіе мэры города; остальные или бывшіе бальифы, или бывшіе констэбли, или, наконецъ, частью состоящіе въ должности, частью уже успѣвшіе оставить службу ольдермены и городскіе секретари; въ союзѣ съ ними дѣйствуетъ сравнительно небольшое число простыхъ купцовъ или ремесленниковъ, всего чаще пекарей. Притязаніямъ этихъ лицъ на исключительное веденіе городскихъ дѣлъ жители Бристоля, по словамъ лѣтописца, противоставляютъ исконное равноправіе гражданъ. Совокупность горожанъ, говоритъ неизвѣстный монахъ аббатства Мальмесбери въ своемъ жизнеописаніи Эдуарда II, стала настаивать на томъ, что всѣ граждане—одного состоянія, а, слѣдовательно, равны между собою по своимъ правамъ и преимуществамъ. Разногласіе по этому вопросу повело, продолжаетъ онъ, къ препирательствамъ; попытка же короля прекратить ихъ судебнымъ приговоромъ посланной имъ въ городъ судебной комиссіи только довела недовольство до крайняго предѣла, такъ какъ, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, граждане заподозрили присланныхъ судей въ пристрастіи къ тѣмъ 14, дѣйствія которыхъ подавали поводъ къ ихъ жалобамъ. Предводители недовольныхъ, принадлежавшіе къ числу городской знати, „majores civitatis“, не безъ основанія увидѣли въ присылкѣ чуждыхъ городу комиссаровъ нарушеніе его исконныхъ правъ и вольностей. Ихъ подстрекательству безъ труда удалось вызвать возстаніе въ простонародьѣ. Толпа окружила зданіе, въ которомъ засѣдали пришлые судьи, и заставила однихъ искать спасенія въ бѣгствѣ, а другихъ выпрашивать свободный проходъ себѣ съ обязательствомъ немедленно удалиться изъ города. Открытыя столкновенія гражданъ другъ съ другомъ, городской толпы частью съ мѣстными, частью королевскими чиновниками и слугами прекращаются лишь благодаря тому обстоятельству, что король рѣшается на крайнюю мѣру; онъ отбираетъ у города всѣ дарованныя его предшественникомъ права и снова ставитъ его въ непосредственную зависимость отъ себя и подъ управленіе имъ же самимъ назначаемыхъ чиновниковъ.

Вслѣдъ за Бристолемъ и Лондонъ переживаетъ внутреннія потрясенія, корень которыхъ опять таки лежитъ въ стремленіи меньшинства узурпировать права всего гражданства. Вопросъ о томъ, къ какому времени должно быть отнесено полнѣйшее сліяніе городской администраціи лондонскаго сити съ гильдейской, принадлежитъ къ числу спорныхъ. Вмѣстѣ съ Меріуэзеромъ мы полагаемъ, что имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи акты не даютъ права утверждать, что то сліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, стало совершившимся фактомъ уже въ XIII ст., но эти же акты не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что попытки къ ограниченію правъ всего гражданства въ интересахъ незначительнаго меньшинства гильдейскихъ братій начались въ Лондонѣ не раньше и не позже, какъ и въ другихъ городахъ, т. е. уже въ разсматриваемый нами періодъ. О чемъ, какъ не объ этомъ, говорятъ намъ грамоты Эдуарда II, запрещающія пріемъ въ городъ жителей, которые не состояли членами той или другой мистеріи или гильдіи и которые не были рекомендованы по меньшей мѣрѣ 6-ью членами той же гильдіи, при томъ все равно, будетъ ли принимаемое лицо чужестранцемъ или нѣтъ. Исключеніе изъ сказаннаго правила допускается лишь въ пользу тѣхъ лицъ, на пріемъ которыхъ послѣдуетъ согласіе всей совокупности городскихъ гражданъ. Что попытки къ низверженію существующаго порядка городского самоуправленія имѣли мѣсто въ лондонскомъ сити въ занимающій насъ періодъ, доказательства этому содержатся въ историческихъ памятникахъ, доселѣ хранящихся въ лондонскомъ Гильдголѣ. Мы чи-

таемъ въ нихъ о лишеніи цѣлаго ряда лицъ права гражданства за попытки къ низверженію городскихъ вольностей, за желаніе вызвать междоусобную войну гражданъ. Что эти попытки тѣмъ не менѣе не привели ни къ чему, что имъ не удалось устранить политическаго равноправія, доказательствомъ этому служатъ опять-таки акты городского самоуправленія лонд. сити отъ 13 и 22 гг. правленія Эдуарда II. Изъ нихъ прямо слѣдуетъ, что пріемъ въ гражданство по рекомендаціи 6 человѣкъ того ремесла или торга, которымъ занимался кандидатъ, продолжало попопрежнему принадлежать собраніямъ „hustings“ при участіи всѣхъ гражданъ той-же „immensa communitas“, о которой говорятъ грамоты первыхъ Плантагенетовъ. Полилитическое равноправіе гражданъ лондонскаго сити, какъ и другихъ англійскихъ городовъ, продолжало держаться и въ теченіе послѣдующихъ царствованій—Эдуарда III и Ричарда II. Это слѣдуетъ опять-таки изъ актовъ городского самоуправленія, свидѣтельствующихъ объ избраніи мэровъ и ольдерменовъ, при отсутствіи въ выборахъ всѣхъ гражданъ, всей „immensa communitas“ и при участіи какихъ бы то ни было изъятій или ограниченій избирательнаго права. Отъ 1377 г. дошелъ до насъ актъ избранія въ городской совѣтъ по 6 или того менѣе лицъ отъ каждаго изъ округовъ лондонскаго сити; они должны были засѣдать въ городскомъ совѣтѣ. Избраніе это происходитъ въ собраніи мэра, ольдермена и безчисленнаго множества простыхъ гражданъ, какъ буквально значится въ самомъ актѣ. Отъ 1397 г. мы опять-таки имѣемъ акты, не оставляющіе ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что избраніе городскихъ властей продолжало оставаться въ рукахъ всего гражданства. И въ правленіе Ричарда II ольдерменовъ выбирало все гражданство того или другого округа, а мэра—все гражданство лонд. сити. Что тотъ-же порядокъ вещей продолжалъ держаться и въ другихъ свободныхъ бургахъ,—доказательство этому представляютъ немногіе уцѣлѣвшіе до насъ акты муниципальной жизни Англіи. Ни въ одномъ изъ нихъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы замѣна гражданскаго самоуправленія гильдейскимъ могла быть отнесена къ XIV в.; ни въ городскихъ грамотахъ, ни въ протоколахъ городскихъ собраній невозможно открыть ничего, говорящаго въ пользу такой замѣны; напротивъ того, въ цѣломъ рядѣ документовъ категорически утверждается принадлежность тѣхъ или другихъ правъ и преимуществъ всему гражданству. Такъ, напр., въ грамотѣ, дарованной Бристолю въ 1373 г., говорится о правѣ всего гражданства, „communitas civitatis“, выбирать 40 человѣкъ для составленія городского совѣта, объ избраніи двухъ городскихъ казначеевъ опять-таки всею совокупностью городскихъ гражданъ. Въ грамотахъ Ричарда II, дарованныхъ Беверле и Кольчестеру, избраніе городскихъ властей предоставляется прямо не кому иному, какъ всей совокупности гражданъ.

Сказаннымъ мы далеко не исчерпываемъ всѣхъ тѣхъ фактовъ, какіе могутъ быть приведены въ доказательство тому, что политическое равноправіе гражданъ въ XIV ст. далеко еще не было принесено въ жертву гильдейской исключительности, какъ не прочь думать, напр., Бреди, Нортонъ и нѣкоторые др. писатели. Тѣмъ не менѣе уже въ XIV ст. большая часть городскихъ дѣлъ перестаетъ оставаться въ прямомъ завѣдываніи всей совокупности городскихъ гражданъ и переходитъ въ руки частныхъ совѣтовъ, члены которыхъ продолжаютъ избираться всѣми гражданами города. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ первый шагъ къ постепенному суженію политическихъ правъ гражданства, породившему тотъ антагонизмъ городскихъ партій, о которомъ говорятъ какъ лѣтописи, такъ и грамоты королей, акты городскихъ совѣтовъ и судебные протоколы. Зная, какое значеніе для дальнѣйшаго развитія муниципальнаго самоуправленія имѣло постепенное возникновеніе тѣсныхъ совѣтовъ въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в., мы считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ о томъ, гдѣ лежитъ источникъ этихъ сравнительно позднѣйшихъ институтовъ городского

самоуправленія. Его надо искать въ учрежденіи обвинительнаго жюри. Мы видѣли, что въ каждомъ городѣ, пользовавшемся правами свободнаго бурга, уголовно-полицейскіе проступки были разслѣдуемы и судимы въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ, въ силу и на основаніи тѣхъ заявленій, какія дѣлаемы были на этотъ счетъ членами обвинительнаго жюри. Разъ этому послѣднему предоставлено было право составленія обвинительныхъ актовъ, вполнѣ естественно было возложить на него и обязанности надзора за соблюденіемъ жителями тѣхъ мѣръ полиціи безопасности и благосостоянія, какія съ общаго согласія гражданъ принимаемы были городскими собраніями. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могли бы присяжные возбудить обвиненіе противъ того или другого лица въ нарушеніи мира въ городѣ, въ употребленіи неправильныхъ мѣръ и вѣсовъ, въ продажѣ товаровъ по высшей, чѣмъ слѣдовало, цѣнѣ, или худшаго качества и т. п., если бы лицамъ, призваннымъ къ исполненію этихъ обязанностей, не былъ предоставленъ и самый контроль за соблюденіемъ тѣхъ или другихъ муниципальныхъ предписаній, другими словами, извѣстныя административно-полицейскія функціи. Періодичность судебныхъ собраній жителей, созваніе ихъ въ опредѣленные сроки, обыкновенно одинъ или два раза въ годъ, дѣлало необходимымъ продленіе правъ членовъ обвинительнаго жюри на весь промежутокъ времени, отдѣляющій одно собраніе отъ другого. Такимъ образомъ возникло самое постоянство ихъ должностей. Что это было такъ, что 12 обвинительныхъ присяжныхъ не являлись лишь временными носителями извѣстныхъ правъ и обязанностей, а исполняли свою должность въ теченіе напередъ опредѣленнаго срока,—доказываютъ грамоты Плантагенетовъ и акты городского самоуправленія конца XII и XIII столѣтій, въ которыхъ неоднократно упоминается о 12 или 24 добрыхъ людяхъ (boni homines), какъ о необходимыхъ участникахъ въ городскомъ самоуправленіи. Эти добрые люди (boni homines) нерѣдко обозначаются и другими терминами: „liberi et legales homines“ или „capitales portmani“, др. словами, старшіе изъ городскихъ жителей, какъ, напр., въ актахъ городовъ Ипсвича и Денвича. Тождество ихъ съ членами обвинительнаго жюри нерѣдко прямо указывается актами, о которыхъ идетъ рѣчь, замѣной вышеприведенныхъ названій словомъ „jurati“—присяжные. Если отъ XII и первой половины XIII в. мы перейдемъ къ непосредственно занимающему насъ въ настоящее время періоду, то на мѣсто 12 или 24 „хорошихъ“, „добрыхъ“ или „наиболѣе свѣдущихъ въ законахъ“ людей мы найдемъ уже прямое упоминаніе о городскихъ совѣтахъ, составленныхъ въ большинствѣ случаевъ изъ 12, нерѣдко, однако, и изъ большаго числа лицъ, въ значительныхъ городахъ обыкновенно изъ 12 или 6 человѣкъ отъ каждаго округа. Названныя лица избираются всей совокупностью городскихъ гражданъ, продолжающихъ составлять большой городской совѣтъ, созываемый обыкновенно не болѣе раза въ годъ для избранія городскихъ властей, а кое-гдѣ и для судебнаго разслѣдованія. Персоналъ, изъ котораго должны вербоваться подобнаго рода лица, обыкновенно обозначается въ документахъ XIV в. описательно — словами „лучшіе и наиболѣе свѣдующіе въ законѣ люди“ (meliores et legaliores homines). Изъ такого обозначенія само собой слѣдуетъ, что принадлежность къ гильдіи не составляла необходимаго условія для избранія. Тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что богатѣйшіе граждане города, „лучшіе люди“,—какъ называютъ ихъ средневѣковые памятники, постоянно придающіе качественную квалификацію тамъ, гдѣ въ дѣйствительности имѣется лишь количественное накопленіе имущества,—въ громадномъ большинствѣ, какъ лица, занимающіяся ремеслами и торговлей, необходимо должны были входить въ составъ торговыхъ или ремесленныхъ гильдій. Это не могло не повести къ тому, что, если не юридически, то фактически, контингентъ кандидатовъ на городскія должности постепенно составился изъ однихъ гильдейскихъ братій. Во второй поло-

винѣ XIV в. граждане сити удерживаютъ еще вполнѣ свое политическое равноправіе, наглядным выраженіемъ чего является поголовное участіе ихъ въ городскихъ выборахъ. Политическія права гражданъ въ то же время подвергаются значительнымъ ограниченіямъ,—въ виду переноса большинства дѣлъ, нѣкогда разбиравшихся въ общемъ ихъ собраніи, въ руки городского совѣта, спеціальныхъ судовъ и единоличныхъ органовъ управленія. Движенія, однохарактерныя съ только что описанными, происходятъ во второй половинѣ XIV в.—кромѣ Лондона—и въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ, слѣдствіемъ чего было, какъ и въ столицѣ, раздѣленіе жителей на два враждебныхъ лагеря, открытыя столкновенія между ними и временный захватъ городскихъ вольностей недовольнымъ этими безпорядками королемъ. О такихъ событіяхъ мы читаемъ въ частности въ хроникѣ Вильяма Ворчестерскаго, два раза упоминающаго о „discordia damnosa inter majores et communes“,—первый разъ подъ 1359 г., второй подъ 1374. Этимъ столкновеніямъ, какъ видно изъ документовъ, собранныхъ по исторіи Ярмута Паркинсомъ, не удается ниспровергнуть старинное политическое равноправіе гражданъ. Общія собранія ихъ попрежнему продолжали выбирать городскихъ властей и рѣшать важнѣйшіе административно-судебные вопросы городской администраціи, что, однако, нимало не мѣшало сосредоточенію дѣятельнаго управленія городомъ въ рукахъ болѣе тѣснаго городского совѣта, постепенно составившагося, какъ мы видѣли, изъ членовъ обвинительнаго жюри и удержавшаго даже свое старинное наименованіе совѣта присяжныхъ—„jurati“. Этому совѣту одному принадлежитъ назначеніе второстепенныхъ городскихъ чиновниковъ, бальифовъ, камергеровъ, сборщиковъ, помимо всякаго участія и вмѣшательства собранія горожанъ.

Давая общую характеристику только что пройденнаго періода, мы позволимъ себѣ назвать его эпохой первыхъ и еще неудачныхъ попытокъ переустройства городского самоуправленія на олигархическихъ началахъ. Богатѣйшіе граждане города, члены привилегированныхъ гильдій, достигаютъ одной лишь фактической, далеко еще не юридической возможности преимущественнаго завѣдыванія городскими дѣлами. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ ихъ занимающими должности мэровъ, ольдерменовъ, шерифовъ, коронеровъ и т. п. и избираемыми въ эти должности, благодаря принадлежности своей къ числу „житьихъ людей“(sufficientes personae), друг. слов., къ достаточнымъ гражданамъ, обыкновенно слывущимъ не только за наиболѣе свѣдущихъ въ законахъ („legaliores“), но лучшихъ людей („discretiores, meliores homines“). Тѣмъ не менѣе избраніе, вопреки всѣмъ попыткамъ къ измѣненію стариннаго порядка, продолжаетъ оставаться въ рукахъ всей совокупности городскихъ гражданъ, — во многихъ бургахъ, какъ единственный остатокъ той полноты административно-судебныхъ правъ, какая осуществлялась нѣкогда надъ городомъ поголовнымъ собраніемъ его гражданъ. Измѣнить этотъ порядокъ вещей, предоставить право избранія однимъ членамъ привилегированныхъ гильдій и сообщить тѣмъ самымъ городскому самоуправленію гильдейскій характеръ—составитъ задачу XV столѣтія. Къ роли гильдій въ исторіи англійскаго города мы и перейдемъ теперь.

Исторія англійскихъ гильдій. Сдѣлаемъ предварительно краткое указаніе на то, что такое гильдіи, гдѣ источникъ ихъ возникновенія, и затѣмъ уже изложимъ, съ какого времени онѣ призываются къ исключительной роли въ городскихъ дѣлахъ.

Вопросъ о возникновеніи гильдій, встрѣчающихся одинаково съ Англіей и на континентѣ, принадлежитъ къ вопросамъ наиболѣе спорнымъ. Въ Англіи до сего времени есть лица, которыя возводятъ происхожденіе гильдій ко временамъ римлянъ и утверждаютъ, что лондонскія гильдіи происходятъ именно отъ этихъ послѣднихъ, но въ пользу такой догадки не приводится никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ соображеній. Если у римлянъ и были союзы, близкіе къ гильдіямъ, то все-таки это еще не дока-

зываетъ связи между этими нѣкогда существовавшими корпораціями и тѣми гильдіями, которыя возникаютъ съ VIII вѣка. Римское владычество такъ мало оставило слѣдовъ въ англійской жизни, что толковать о возникновеніи гильдій благодаря вліянію римлянъ положительно невозможно. Вопросъ о происхожденіи гильдій отнюдь не приблизится къ рѣшенію и въ томъ случаѣ, если обстоятельствомъ, породившимъ ихъ, мы стали бы считать (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки) „германскій духъ". Что же побудило людей соединяться въ такіе добровольные союзы? Одни утверждаютъ (въ томъ числѣ Брентано), что гильдіи вызваны были къ жизни тѣмъ обстоятельствомъ, что большія семьи съ теченіемъ времени утратили значеніе союзовъ, въ которыхъ частныя лица могли найти поддержку и опору, въ случаѣ нанесенія имъ какого-либо вреда или убытковъ; и вотъ у людей, которые — въ силу законодательныхъ предписаній — должны были так. обр. отказаться отъ дальнѣйшей поддержки рода и семьи, образуются по образцу послѣднихъ искусственныя соединенія, въ основаніе которыхъ кладется начало взаимной солидарности и помощи. Противъ такого рѣшенія вопроса о происхожденіи гильдій возстаютъ тѣ изслѣдователи, которые стараются доказать, что гильдіи возникли не по образцу семьи, а по образцу сельской общины; какъ въ ней, основаніемъ для гильдейскихъ союзовъ, говорятъ они, является владѣніе сообща извѣстнымъ имуществомъ, недвижимымъ или движимымъ. Гильдіи могли сложиться одновременно по обоимъ образцамъ. Чтобы это было яснѣе, необходимо прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ, что мы называемъ гильдіями. Предполагаютъ, что гильдіи—какіе-то однородные союзы, но на самомъ дѣлѣ онѣ представляютъ цѣлыя категоріи ихъ, которымъ обще лишь начало солидарности; союзы же эти преслѣдуютъ совершенно разныя цѣли. Съ переселеніемъ людей изъ одной мѣстности въ другую, вызываемымъ ростомъ крупнаго землевладѣнія, начинаютъ составляться союзы, цѣль которыхъ—оказаніе взаимной помощи переселенцамъ, изъ общаго фонда, составляемаго личными взносами. Рядомъ съ этими союзами переселенцевъ мы встрѣчаемъ такіе, для которыхъ ближайшею цѣлью является совершеніе общихъ религіозныхъ требъ, помощь больнымъ и неимущимъ, наконецъ, участіе въ общихъ трапезахъ въ день праздника церковнаго патрона. Рядомъ съ этими возникаютъ также гильдіи съ опредѣленнымъ полицейскимъ характеромъ; впервые возникаютъ онѣ въ Лондонѣ, на что указываютъ извѣстныя „Judiciae civitatis Londoniae"; въ этихъ послѣднихъ говорится именно о территоріальныхъ гильдіяхъ (до 10 въ предѣлахъ одного Лондона), обязанность которыхъ наблюдать за сохраненіемъ мира. Далѣе, въ норманскій періодъ встрѣчаются уже гильдіи чисто торговыя (gilda mercatoria). Отличительною чертой ихъ является то, что членами ихъ могли быть только торговцы, но это послѣднее понятіе принималось въ самомъ широкомъ смыслѣ, позволявшемъ включить въ него и сбывающихъ свои издѣлія ремесленниковъ. Наконецъ, почти одновременно съ торговыми гильдіями возникаютъ гильдіи ремесленныя, иначе цехи, въ составъ которыхъ могли входить лица, занимающіяся исключительно извѣстнымъ ремесломъ.

Не останавливаясь долѣе на вопросѣ о томъ, гдѣ слѣдуетъ искать источникъ происхожденія гильдій, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что гильдіи частью въ формѣ духовныхъ и благотворительныхъ сообществъ для цѣлей богослуженія и призрѣнія, частью въ формѣ личныхъ и территоріальныхъ союзовъ для охраны мира встрѣчаются уже въ англо-саксонскій періодъ. Древнѣйшими гильдіями, статуты которыхъ дошли до насъ, являются гильдіи Св. Петра въ Абботсбери, экзетерская и кембриджская; главнѣйшимъ назначеніемъ этихъ добровольныхъ личныхъ соединеній было, согласно уцѣлѣвшимъ статутамъ, призрѣніе больныхъ братій, погребеніе усопшихъ и поминовеніе ихъ душъ. Вспомоществованіе семьямъ умершихъ или путешествующимъ гильдейскимъ братьямъ, охраненіе мира между членами гильдіи и наказаніе его на-

рушителей, раздача милостыни въ день празднованія того святого, который является патрономъ гильдіи, совмѣстное принятіе пищи и надѣленіе ею неимущихъ,—вотъ тѣ правила, какія одинаково встрѣчаются въ любомъ изъ статутовъ названныхъ гильдій и къ которымъ въ одномъ лишь статутѣ кембриджской гильдіи присоединяется еще одно уже чисто свѣтское предписаніе. Это послѣднее состояло въ принятіи на себя обязательства взаимной поддержки, какъ въ случаяхъ насильственнаго нападенія на кого-либо изъ гильдейской братіи, такъ и въ случаѣ совершенія кѣмъ-либо изъ нихъ правонарушеній. Круговая отвѣтственность гильдейской братіи имѣла мѣсто лишь тогда, когда нарушеніе мира было вызвано или кровной местью, или предварительнымъ оскорбленіемъ самого нарушителя; въ противномъ же случаѣ гильдія отказывалась отъ всякой солидарности съ преступникомъ и передавала его въ руки общаго правосудія королевства. Ни въ одной изъ названныхъ нами гильдій полицейская роль этихъ добровольныхъ союзовъ не выступаетъ такъ наглядно, какъ въ кембриджской, члены которой подвергаютъ полюбовному разбирательству всякаго рода правонарушенія, начиная съ нарушенія правъ собственности и кончая убійствомъ одного сочлена другимъ.

Къ числу названныхъ нами трехъ гильдій, въ которыхъ духовный элементъ является, такъ сказать, преобладающимъ, необходимо прибавить, какъ мы видѣли, еще гильдіи съ чисто полицейскимъ характеромъ, встрѣчаемыя нами прежде всего въ Лондонѣ еще въ царствованіе Этельстана и упоминаемыя въ Judiciae civitatis Londoniae. Ихъ цѣль—охрана мира, подавленіе насилія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, и прежде всего воровства. Къ этой главнѣйшей задачѣ присоединялись и другія второстепенныя,—религіознаго и благотворительнаго характера. Однохарактерныя гильдіи встрѣчаются въ англо-саксонскій періодъ еще въ Кентербери и Дуврѣ. Въ норманскій и слѣдующій за тѣмъ періодъ англійской жизни оба вышеуказанные типа гильдій продолжаютъ существовать, пріобрѣтая каждый большую опредѣленность въ своей цѣли и функціяхъ. Совершеніе религіозныхъ требъ и дѣла благотворительности исчерпываютъ задачу религіозныхъ гильдій,—извѣстныхъ не одной Англіи, но и всему континенту Европы. Въ немногихъ словахъ частныя цѣли, преслѣдуемыя гильдіями, могутъ быть переданы въ слѣдующемъ видѣ: 1) взаимная помощь гильдейской братіи во всѣхъ обстоятельствахъ жизни: старости, болѣзни, бѣдности, въ случаяхъ пожара, наводненія, кораблекрушенія, помощь займомъ, доставленіемъ работы, даровымъ погребеніемъ; 2) совершеніе общихъ религіозныхъ требъ; 3) содержаніе школъ, вознагражденіе за трудъ школьныхъ учителей, вспомоществованіе бѣднымъ школьникамъ. Всего чаще гильдіи съ вышеуказаннымъ характеромъ возникали между лицами самыхъ различныхъ званій и состояній, какъ духовными, такъ и свѣтскими. Гильдейскій капиталъ, доходами съ котораго братья удовлетворяли общимъ гильдейскимъ потребностямъ, составлялся частью изъ взносовъ дѣлаемыхъ каждымъ при поступленіи въ гильдію, частью изъ единовременныхъ платежей, производимыхъ поголовно всѣми въ силу особаго предписанія общаго собранія гильдіи, частью, наконецъ, изъ имуществъ, доставшихся по завѣщаніямъ и дареніямъ. Управленіе принадлежало общему собранію и избраннымъ имъ чиновникамъ; послѣдніе завѣдывали общимъ имуществомъ гильдіи, разбирали споры, возникшіе между отдѣльными членами ея, облагали гильдейскую братію въ случаѣ нужды особыми денежными взносами и т. п. Общему собранію одному принадлежало рѣшеніе вопроса о допущеніи новыхъ членовъ въ гильдію (всѣ пользующіеся дурной репутаціей не могли быть включены въ число гильд. братьевъ), принятіе общихъ постановленій и избраніе гильдейскихъ властей.

Рядомъ съ только что описанными религіозными гильдіями существовали въ Англіи въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ гильдіи съ полицейскимъ и торговымъ характеромъ. Брентано совершенно произвольно допускаетъ

фактъ включенія въ составъ этихъ гильдій всѣхъ и каждаго изъ полноправныхъ гражданъ того города, которому принадлежала гильдія. Изъ такого произвольнаго допущенія онъ дѣлаетъ далѣе тотъ выводъ, что гильдія во многихъ городахъ послужила не только прототипомъ, но и зародышнымъ зерномъ для образованія городской коммуны, въ однихъ городахъ всецѣло совпадавшей съ гильдіей, въ другихъ—составившейся изъ соединенія съ гильдіей. Надежнѣйшимъ ручательствомъ вѣрности своего взгляда признается Брентано тотъ фактъ, что грамоты многихъ королей выдаются не на имя города и его гражданъ, а на имя членовъ торговой гильдіи. Критики Брентано замѣчаютъ, что подлинные памятники нигдѣ не говорятъ о существованіи союзовъ между гильдіями и о возникновеніи изъ нихъ этимъ путемъ городскихъ коммунъ. Гильдіи, какъ личные союзы, представляли собою нѣчто совершенно отличное отъ территоріальныхъ городскихъ округовъ. Правда, во многихъ городахъ Англіи въ эпоху Плантагенетовъ торговая гильдія изъ свободнаго соединенія становится обязательнымъ союзомъ, призваннымъ включить въ свой составъ всѣхъ лицъ, занимающихся торговлей, — не только какъ главнымъ, но и какъ второстепеннымъ занятіемъ, поэтому и купцовъ, и промышленниковъ, лично сбывающихъ продукты своихъ промысловъ. Такъ, напр., въ постановленіяхъ торговой гильдіи Лейчестера мы читаемъ о принесеніи братьями присяги въ томъ, что они будутъ увѣдомлять своевременно гильдейское управленіе о всѣхъ лицахъ, занимающихся торгомъ и не состоящихъ въ то же время членами гильдіи. Въ Оксфордѣ, Престонѣ и др. городахъ можно было заниматься торгомъ лишь подъ условіемъ принадлежности къ торговой гильдіи. Обычаи названныхъ городовъ заключаютъ въ себѣ каждый категорическое заявленіе на этотъ счетъ. Всѣ лица подобнаго рода немедленно включаются въ составъ гильдіи и принуждаются къ производству гильдейскихъ взносовъ. Изъ этого факта легко заключить, что въ составъ торговыхъ гильдій входили всѣ занимавшіеся торгомъ. Немудрено, поэтому, если королевскія грамоты, заключавшія въ себѣ пожалованія городу тѣхъ или другихъ торговыхъ преимуществъ, выдаваемы были нерѣдко не на имя городскаго гражданства, а на имя членовъ торговой гильдіи города. Право имѣть рынки предоставлялось грамотами королей изъ династіи Плантагенетовъ не совокупности гражданъ, а также членамъ той или другой гильдіи. Со временъ норманскихъ королей политика правительства состояла въ томъ, чтобы, устранивъ начало свободной торговли, монополизировать ее, а равно и промыслы, въ рукахъ гильдій. Мотивомъ къ подобной монополизаціи служили главнымъ образомъ фискальныя цѣли. Мы имѣемъ извѣстія, что гильдіи отнынѣ — за предоставленныя имъ права — обязуются вносить въ пользу казны опредѣленную сумму. Съ этой чисто фискальной точки зрѣнія понятна причина надѣленія королемъ торговыми правами и преимуществами исключительно членовъ торговыхъ гильдій. Короли, считая своею обязанностью наблюдать, чтобы продавцы не отпускали дурныхъ товаровъ, сочли необходимымъ установить цѣлый рядъ правилъ, которыя можно назвать однимъ терминомъ „полицейскихъ“. Интересъ правительства въ этомъ случаѣ сводился къ тому, чтобы въ видахъ болѣе бдительнаго контроля сосредоточить обмѣнъ въ рукахъ небольшого числа лицъ. Если къ этой точкѣ зрѣнія присоединить вышеупомянутую нами фискальную, то станетъ яснымъ, почему правительство вдвойнѣ было заинтересовано въ существованіи такихъ сообществъ, которыя бы монополизировали торговлю въ своихъ рукахъ. Эти цѣли и обусловили собою возникновеніе торговыхъ гильдій въ Англіи. Сказать, что предоставленныя имъ королями права были политическими, что въ составъ ихъ входили администрація и судъ въ предѣлахъ города, нельзя. Подобныхъ актовъ и документовъ мы не находимъ, но встрѣчаются постановленія, по которымъ цѣлый рядъ функцій, которыя должны были бы принадлежать всей совокупности

гражданъ, передаются гильдіямъ. Гильдіи являются часто откупщиками городскихъ сборовъ и обязываются своевременно уплачивать королямъ опредѣленные взносы. Торговымъ гильдіямъ предоставляется въ этомъ случаѣ принимать тѣ или другія мѣры, чтобы обезпечить поступленіе въ свою пользу сборовъ, друг. словами, чтобы побудить горожанъ къ производству взносовъ въ наперед опредѣленные сроки. Въ дѣлѣ развитія торговыхъ гильдій так. образ. нужно признать значительную роль за правительствомъ. По аналогіи съ тѣмъ, что имѣло мѣсто на континентѣ Европы, изслѣдователи говорятъ обыкновенно, что люди, занимавшіеся торговлею, вступили въ добровольныя между собою соединенія и повели борьбу противъ феодальныхъ владѣльцевъ. Все это справедливо по отношенію къ итальянскимъ городамъ, къ городамъ Бельгіи, отчасти Германіи, но это невѣрно по отношенію къ Англіи. Явныя насилія со стороны феодальныхъ владѣльцевъ едва ли были возможны въ ней, послѣ тѣхъ полицейскихъ мѣръ, которыя приняты были англ. королями, и при подчиненіи феодаловъ королевскимъ судамъ.

Протоколы засѣданій нѣкоторыхъ торговыхъ гильдій, уцѣлѣвшіе до нашего времени, доставляютъ возможность нагляднаго ознакомленія съ характеромъ правъ и обязанностей гильдейскихъ братій. Изъ этихъ протоколовъ видно, что однимъ изъ существеннѣйшихъ правъ общаго собранія гильдіи было завѣдываніе гильдейской собственностью, какъ недвижимой, такъ и движимой, обложеніе товаровъ ввозными пошлинами, принятіе новыхъ членовъ, выборъ гильдейскихъ начальниковъ—одного или двухъ ольдерменовъ,—штрафованіе членовъ, виновныхъ въ нарушеніи постановленій гильдіи, и даже исключеніе ихъ изъ своего состава.

Торговыя гильдіи, какъ составленныя изъ наиболѣе зажиточныхъ лицъ города, часто являлись откупщиками городскихъ сборовъ, наравнѣ съ шерифомъ и всею городскою коммуною. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно жалованная грамота выдаваема была королемъ на имя не кого иного, какъ членовъ гильдіи; фактъ этотъ былъ обобщенъ Бреди въ томъ смыслѣ, будто короли постоянно надѣляли политическими правами и преимуществами не всю совокупность городскихъ гражданъ, а одну лишь гильдейскую братію.

Особую категорію составляютъ уже со временъ королей норманской династіи такъ наз. ремесленныя гильдіи, или *цехи*. Вопросъ объ ихъ происхожденіи рѣшается Брентано весьма просто. По образцу торговцевъ, ремесленники, сознавая пользу единенія въ интересахъ защиты противъ лордовъ, владѣльцевъ городовъ, стремившихся обратить ихъ въ состояніе несвободныхъ людей и обложить произвольными поборами, также стали соединяться въ союзы. Но на вопросъ: на какой фактической основѣ построено это воззрѣніе, его „Исторія происхожденія и развитія гильдій“ не даетъ никакого отвѣта; факты же, собранные нами независимо отъ Брентано, идутъ прямо наперекоръ такому воззрѣнію; они показываютъ, что возникновеніе цеховъ не только не было направлено противъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ и лицъ города, но что цехи возникали по ихъ доброй волѣ, частью какъ средство къ организаціи полиціи промысловъ, частью въ интересахъ фискальныхъ. Исторія любого изъ ярмарочныхъ мѣстечекъ Англіи, этихъ зародышей бурговъ и городовъ, представитъ намъ не одинъ примѣръ монополизированія помѣщикомъ извѣстныхъ производствъ исключительно въ рукахъ опредѣленнаго числа помѣстныхъ обывателей. Въ большинствѣ англійскихъ помѣстій долгое время единственнымъ вполнѣ обособившимся промысломъ является, рядомъ съ хлѣбопеченіемъ, варка пива. Какъ на ближайшую причину къ монополизаціи того и другого производства можно указать на желаніе помѣщика обезпечить хорошее качество производимаго товара и продажу его по разъ установленной цѣнѣ. Въ большинствѣ англ. помѣстій въ норм. періодъ англ. жизни устанавливается опредѣленный тарифъ на печеный хлѣбъ и пиво. Эти тарифы получаютъ наименованіе ас-

сизъ; наблюденіе за ихъ соблюденіемъ поручается особымъ пробователямъ пива и хлѣба, такъ наз. „tastatores panis et cervisiae“, выборъ которыхъ принадлежитъ или самому помѣщику, или всему собранію помѣстныхъ обывателей. Сосредоточеніе хлѣбопеченія и пивоваренія въ немногихъ рукахъ, очевидно, имѣетъ въ виду облегчить контроль за ними пробовальщиковъ, обязанныхъ доносить о всѣхъ лицахъ, нарушившихъ ассизу, въ судебное собраніе помѣстнаго люда, которое, на основаніи этихъ донесеній, подвергаетъ виновныхъ штрафамъ въ пользу помѣщика. Тому же суд. собранію предоставляется, по докладу тѣхъ же пробовальщиковъ, штрафовать всѣхъ лицъ, нарушившихъ монополію пивоваренія самовольной варкою пива. Обвиненіе самихъ пробовальщиковъ въ неисполненіи обязанностей или въ превышеніи власти падаетъ уже на обвинительныхъ присяжныхъ, каждый разъ выбираемыхъ изъ полицейскихъ властей помѣстья, десятниковъ (decinatores) или capitales plegii. Въ изданныхъ мною протоколахъ помѣстныхъ судовъ можно найти не одинъ случай производства подобнаго рода разслѣдованій. Цитированные выше судебные протоколы мѣстечка Арундель, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ остававшагося въ прямой зависимости отъ графовъ этого имени, указываютъ намъ на продолженіе того же порядка вещей въ англійскихъ помѣстьяхъ и въ теченіе всего XV в. Хлѣбопеченіе въ такой-же мѣрѣ, какъ и варка пива, является исключительной привилегіей извѣстнаго класса лицъ, обложенныхъ въ пользу помѣщика извѣстными денежными платежами и призванныхъ къ соблюденію цѣлаго ряда полицейскихъ предписаній, опредѣляющихъ качество, размѣръ и цѣну хлѣбовъ. Протоколы нѣкоторыхъ помѣстій даютъ намъ право утверждать, что та же монополія производства въ интересахъ полицейскихъ и фискальныхъ была установлена и по отношенію къ мясникамъ и по отношенію къ рыболовамъ; иначе немыслимо было бы присужденіе нѣкоторыхъ лицъ къ уплатѣ взносовъ въ пользу помѣщика за право быть привилегированнымъ мясникомъ, иначе мы не нашли бы въ названныхъ памятникахъ указаній на штрафованіе какъ мясниковъ, такъ и рыболововъ за продажу несвѣжаго мяса или рыбы, или за продажу хотя и свѣжихъ продуктовъ, но по недозволенной цѣнѣ. Изъ приведенныхъ данныхъ мы вправѣ заключить, что въ помѣстныхъ селеніяхъ, всего же чаще въ ярмарочныхъ владѣльческихъ мѣстечкахъ, занятіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми промыслами не было предоставлено свободному выбору и всецѣло сосредоточилось, въ интересахъ полицейскихъ и фискальныхъ, въ рукахъ опредѣленнаго класса лицъ, призванныхъ къ соблюденію извѣстныхъ, установленныхъ помѣстнымъ обычаемъ нормъ и надѣленныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ правомъ требовать признанія ихъ исключительной монополіи на производство.

Перейдя отъ селъ къ городамъ, познакомившись съ характеромъ и судьбою древнѣйшихъ изъ промышленныхъ цеховъ Англіи, мы необходимо придемъ къ заключенію, что тѣ же соображенія— полицейскія и фискальныя, та же владѣльческая иниціатива вызвала къ жизни эти яко-бы добровольныя соединенія. Древнѣйшіе изъ промышленныхъ союзовъ, о какихъ говоритъ намъ Брентано, гильдіи ткачей. Мы знаемъ о грамотахъ королей, выданныхъ на имя этихъ цеховъ, грамотахъ, восходящихъ ко времени Генриховъ I и II. Эти грамоты говорятъ намъ о возникновеніи обществъ, монополизирующихъ въ своихъ рукахъ ткацкій промыселъ,—сперва въ Лондонѣ и Оксфордѣ (при Генр. I), затѣмъ въ Іоркѣ, Линкольнѣ, Винчестерѣ и др. (при Генр. II). Этими грамотами сплошь и рядомъ устанавливается монополія ткацкаго ремесла. Всякій занимающійся имъ обязывается ими къ немедленному вступленію въ члены гильдіи, или къ немедленному оставленію самаго промысла. Монополія промысла съ этого времени и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ составляетъ основную привилегію промышленной гильдіи или цеха.

Когда въ правленіе Эдуарда III призванные королемъ изъ Фландріи ткачи приступили къ производству своего промысла, помимо предварительнаго вступленія въ составъ ткацкой

гильдіи, члены послѣдней предъявляютъ королю петицію, въ которой, указывая на явное нарушеніе дарованной имъ привилегіи, требуютъ или немедленнаго запрещенія иноземнымъ ткачамъ дальнѣйшаго занятія ихъ промысломъ, или принужденія послѣднихъ вступить въ ряды гильдейской братіи. Что монополія производства съ самаго начала составляла основное преимущество цеховъ, — лучшимъ доказательствомъ тому служитъ самый характеръ той оппозиціи, какую они вызвали противъ себя еще въ правленіе Іоанна Безземельнаго. Граждане Лондона прямо требуютъ отъ короля упраздненія гильдіи ткачей, какъ стѣсняющей свободу ихъ промысловъ. Король обѣщаетъ имъ выполненіе ихъ ходатайства,—прямое доказательство тому, что существованіе или несуществованіе цеховъ всецѣло было поставлено въ зависимость отъ воли правительства.

Очевидно, что безпрепятственное пользованіе дарованной имъ монополіей возможно было лишь подъ условіемъ предоставленія самой гильдіи или цеху надзора за тѣмъ, чтобы никто, кромѣ его членовъ, не позволялъ себѣ заниматься промысломъ. Так. обр. королямъ жалованными грамотами пришлось надѣлить гильдіи не только монополіей, но и полиціей производимаго ими промысла, что въ свою очередь связано было съ правомъ выбора властей для осуществленія этихъ полицейскихъ функцій. Этимъ на первыхъ порахъ и исчерпывается сумма тѣхъ правъ, какія предоставляемы были гильдіямъ королевскими пожалованіями. О передачѣ гильдейскимъ собраніямъ судебныхъ функцій, права вѣдать всякаго рода процессы, разъ одной изъ сторонъ является членъ гильдіи, мы нигдѣ не встрѣчаемъ и помину, — ни въ древнѣйшихъ грамотахъ, ни въ судебныхъ протоколахъ, ни въ парламентскихъ петиціяхъ. Гильдейская братія, наравнѣ съ прочими городскими обывателями, подсудна была общимъ городскимъ судамъ, судебнымъ собраніямъ всего гражданства или суду назначаемаго или выбираемаго лица, — гдѣ бальифа, а гдѣ и мэра. Если въ моментъ ихъ возникновенія цехи и не имѣли какихъ то особыхъ судебныхъ правъ, то того же отнюдь нельзя сказать о нихъ въ послѣдующіе періоды ихъ существованія. Право полицейскаго надзора за соблюденіемъ братіей многочисленныхъ постановленій, регулировавшихъ порядокъ производства ихъ промысла, право, которое само вытекло изъ предоставленной имъ охраны собственной монополіи, необходимо должно было повести къ присвоенію ими права разслѣдованія проступковъ противъ промысловаго устава. Въ XIV ст., когда гильдіи стали расширять свою судебную юрисдикцію на всякаго рода гражданскія правонарушенія, направленныя противъ любого изъ ихъ членовъ, гражданство Лондона открыто выступило противникомъ такихъ присвоеній. Призванные къ рѣшенію препирательства о подсудности между общими судами лонд. сити и административно-судебнымъ совѣтомъ гильдіи ткачей, королевскіе суды, въ правленіе Эдуарда II, признали за гильдіями одно лишь право судебнаго разбирательства случаевъ, связанныхъ съ самымъ производствомъ промысла, и признали ихъ во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ подсудными непосредственно мэру и шерифамъ Лондона. Не одна лишь гильдія ткачей принуждена была подчиняться такому ограниченію своихъ судебныхъ притязаній. Та же судьба постигла еще при Эдуардѣ I гильдію или цехъ хлѣбопековъ. Имъ дозволено было разбирательство однихъ лишь дѣлъ, непосредственно соприкасавшихся съ ихъ промысломъ; по остальнымъ же они, наравнѣ съ прочимъ гражданствомъ, были объявлены подсудными городскимъ судамъ,—мэру и шерифамъ.

Не только въ сферѣ судебнаго, но и административнаго контроля гильдіи подчинены общимъ городскимъ установленіямъ. Не кто иной, какъ лонд. мэръ наблюдаетъ за правильнымъ соблюденіемъ отдѣльными гильдіями какъ общаго законодательства, такъ и многочисленныхъ мѣстныхъ предписаній, ими самими издаваемыхъ и регулирующихъ порядокъ производства промысла въ предѣлахъ городской черты. Въ эпохурасц полнаго вѣта гиль-

дейскихъ учрежденій мы встрѣчаемъ случаи не только штрафованія, но и тюремнаго заключенія гильдейскихъ властей, виновныхъ въ нарушеніи правилъ полиціи промысловъ. Изъ всего сказаннаго съ очевидностью выступаетъ то, что промышленныя гильдіи или цехи обязаны своимъ возникновеніемъ въ Англіи факту монополизаціи ремеслъ и промысловъ въ рукахъ небольшого числа лицъ,—каждый разъ по личной волѣ правителя, открыто указываемой въ даруемыхъ имъ жалованныхъ грамотахъ. Что воля правителя была существеннымъ условіемъ для установленія цеха,—прямое ручательство этому мы находимъ въ сообщаемомъ лѣтописцами фактѣ закрытія Генрихомъ II цѣлаго ряда подобныхъ союзовъ, основанныхъ въ интересахъ монополизаціи промысловъ, но не получившихъ въ то же время королевской санкціи. Гильдіи, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, поставлены были въ одинъ уровень съ замками, возведенными ихъ владѣльцами, помимо предварительнаго разрѣшенія. Онѣ объявлены, подобно имъ, незаконнорожденными и запрещены на будущее время подъ страхомъ уголовныхъ каръ. Спрашивается теперь, какія цѣли могли побуждать королей къ установленію цеховъ? Длинный списокъ ежегодныхъ платежей промышленныхъ гильдій королю, приводимый Мадоксомъ въ его „Исторіи казначейства“, даетъ на этотъ счетъ весьма опредѣленный отвѣтъ. Очевидно, что никакой иной интересъ, болѣе фискальнаго, не побуждалъ короля на первыхъ порахъ къ установленію гильдейскихъ сообществъ; это прямо слѣдуетъ хотя бы изъ того факта, что король неоднократно соглашается закрыть ихъ, разъ городское управленіе беретъ на себя уплату получаемой съ нихъ правительствомъ суммы.

Изученіе древнѣйшаго характера промышленныхъ гильдій, порядка ихъ возникновенія и предметовъ вѣдомства, какъ намъ кажется, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что источникъ происхожденія этихъ городскихъ сообществъ былъ тотъ же, какой замѣчается въ процессѣ постепеннаго развитія замкнутыхъ производствъ помѣстья. Какъ въ помѣстьѣ, такъ и въ городѣ частный владѣлецъ, будетъ ли имъ король или лордъ, одинаково обращается къ монополизаціи отдѣльныхъ промысловъ въ рукахъ небольшого числа лицъ,—частью изъ фискальныхъ, частью изъ полицейскихъ соображеній. Монополизація того или другого промысла ведетъ въ городахъ,—не въ примѣръ тому, что одновременно имѣетъ мѣсто въ селахъ,—къ предоставленію заинтересованнымъ лицамъ и самой полиціи промысла, а это обстоятельство въ свою очередь вызываетъ рано или поздно возникновеніе особой гильдейской администраціи, выбираемой братіей и постепенно присваивающей себѣ право судебнаго разслѣдованія правонарушеній противъ промысловаго устава. На этомъ, разумѣется, не остановилось развитіе промышленныхъ гильдій въ Англіи. Чисто хозяйственныя и административныя на первыхъ порахъ сообщества, онѣ въ теченіе XIII и XIV вв. постоянно заимствуютъ у своихъ предшественницъ (религіозныхъ и благотвор. гильдій) ихъ, если можно такъ выразиться, общежительный характеръ. Съ этого времени совершеніе религіозныхъ требъ, ежегодное празднованіе патрона гильдіи, торжественное погребеніе умершихъ братій, какъ и помощь сирымъ, обѣднѣвшимъ, больнымъ, раненымъ, всѣмъ пострадавшимъ отъ пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ въ такой же мѣрѣ входятъ въ задачу промышленной гильдіи, въ какой это являлось цѣлью существованія для религіозной и благотворительной. Это обстоятельство не должно, однако, мѣшать намъ выдѣлить ближайшія причины, вызвавшія возникновеніе промышленныхъ гильдій, — монополизацію промысловъ и ихъ полиціи. Нечего и говорить, что при такомъ объясненіи причинъ возникновенія цеховъ, разсужденія Брентано о борьбѣ ремесленнаго населенія съ владѣльцами города, о постепенно охватившемъ его сознаніи необходимости слиться воедино и повести борьбу общими усиліями противъ общихъ враговъ—помѣщика и смѣнившей его будто въ осуществленіи политич. власти надъ городомъ торговой

гильдіи, должны отступить въ область произвольныхъ допущеній и ни на чемъ не основанныхъ догадокъ. Они, очевидно, навѣяны Брентано исторіей ремесленныхъ гильдій въ Италіи и нѣкоторыхъ городахъ Франціи, Бельгіи и Германіи. Если въ Англіи и можно говорить о какой-нибудь борьбѣ между составными элементами городского населенія, то отнюдь не о борьбѣ ремесленныхъ гильдій съ феодальными владѣльцами и яко бы смѣнившими ихъ торговыми сообществами, а о борьбѣ ремесленныхъ гильдій между собою. Въ XIV ст. преимущественное развитіе отдѣльныхъ промысловъ ведетъ къ постепенному выдѣленію изъ ряда другихъ промышленныхъ гильдій Лондона такъ наз. „ливрейныхъ компаній“, получившихъ это названіе отъ предоставленнаго имъ однимъ права носить особый костюмъ или особую ливрею. Чисто экономическое преобладаніе этихъ сообществъ вызываетъ съ теченіемъ времени съ ихъ стороны попытки обезпечить себѣ и политическое преобладаніе. Въ правленіе Эдуарда III преимущественное значеніе ливрейныхъ компаній нашло себѣ и численное выраженіе въ правѣ посылать въ гор. совѣтъ двойное число депутатовъ противъ того, какое дозволено было имѣть въ немъ прочимъ гильдіямъ, т. е. не три, а шесть человѣкъ. Въ правленіе Ричарда II ливрейныя компаніи, иначе обозначаемыя наименованіемъ „большихъ“ гильдій, не довольствуются уже преобладающимъ значеніемъ въ городскомъ совѣтѣ, но стремятся къ исключительному сосредоточенію въ своихъ рукахъ права избранія мэра и другихъ городскихъ властей. Эти притязанія встрѣчаютъ энергическій отпоръ со стороны членовъ второстепен. гильдій и вызываютъ въ Лондонѣ продолжительныя междоусобія. И не одинъ Лондонъ переживаетъ въ XIV в. открытую борьбу наиболѣе зажиточнаго гражданства съ простонародьемъ: мы читаемъ о ней и въ ворчестерской хроникѣ, говорящей о „discordia damnosa“ въ городѣ Ярмутѣ; она возгорается и въ цѣломъ рядѣ другихъ бурговъ, ведя повсюду къ временнымъ перемѣнамъ въ городскомъ устройствѣ. Если членамъ ливрейныхъ гильдій и удается достигнуть чего-либо въ Лондонѣ, то не больше, какъ сожженія книги городскихъ распорядковъ, въ которой значилось, что установленіе ихъ въ чертѣ Лондона принадлежитъ всей совокупности жителей сити. На этомъ не оканчивается однако попытка старшихъ гильдій сосредоточить въ своихъ рукахъ завѣдываніе гор. самоуправленіемъ. XV вѣкъ является той эпохой, когда городское самоуправленіе теряетъ свой всесословный характеръ и пріобрѣтаетъ тотъ обликъ, которымъ оно отличается и до сихъ поръ. Мэръ Лондона и члены городск. совѣта начинаютъ избираться исключительно членами 12 старшихъ гильдій,—тѣхъ ливрейныхъ компаній, о которыхъ мы говорили выше. Въ этомъ отношеніи развитіе англ. городовъ идетъ тою же самою дорогою, какъ развитіе итальянскихъ и германскихъ. Въ Италіи тремя вѣками ранѣе сумма всѣхъ политическихъ правъ надъ городомъ сосредоточилась уже въ рукахъ гор. олигархіи; то же случилось и въ Англіи, но не ранѣе XV в. Когда гильдіи стали стремиться къ пріобрѣтенію полит. правъ надъ городомъ, имъ трудно стало обходиться безъ признанія ихъ правъ и преимуществъ королемъ. Каждое царствованіе въ Англіи съ этихъ поръ и начинается подтвержденіемъ правъ, дарованныхъ гильдіямъ при предшествующихъ королях. Гильдіи, не получившія санкціи новаго правительства для своего дальнѣйшаго существованія, считались прекратившими его.

Гильдейскіе союзы въ Англіи были вызваны къ жизни, так. обр., не самопроизвольнымъ движеніемъ въ средѣ лицъ, занимающихся торговлею и промыслами, а сначала самимъ правительствомъ, монополизировавшимъ торговлю и промыслы въ рукахъ нѣкоторыхъ лишь лицъ,—частью изъ видовъ полицейскихъ, частью изъ видовъ фискальныхъ.

Англійскій городъ въ XV вѣкѣ. Въ исторіи муниципальнаго развитія въ Англіи XV вѣкъ является эпохой—съ одной стороны полнаго завершенія муниципальныхъ вольностей, съ дру-

гой—поворота отъ общегражданскаго къ цеховому управленію. Инкорпорированіе городовъ и перенесеніе политич. правъ надъ городомъ въ руки гильдіи, вотъ тѣ два явленія, съ которыми приходится считаться изслѣдователю судебъ англ. города въ это время. Параллельно съ этимъ происходитъ съ каждымъ поколѣніемъ ускоряющееся развитіе муницип. самоуправленія. Цѣлый рядъ городовъ переходитъ изъ положенія зависимыхъ отъ короля или частнаго владѣльца бурговъ въ положеніе самостоятельныхъ графствъ съ своимъ непосредственно подчиненнымъ королю и выбираемымъ жителями администрат.-судебнымъ персоналомъ. Оставляя безъ дальнѣйшаго освѣщенія это болѣе количественное, нежели качественное расширеніе муницип. свободы, сосредоточимъ наше вниманіе на характеристикѣ новыхъ сторонъ въ англ. городскомъ развитіи, которыя въ XV в. вызываются съ одной стороны дарованіемъ городамъ правъ свободныхъ корпорацій, ихъ инкорпорированіемъ, (выражаясь техническимъ языкомъ англ. юристовъ), а съ другой—перенесеніемъ политическихъ правъ изъ рукъ всего гражданства въ руки членовъ или всѣхъ городскихъ гильдій, или однѣхъ лишь привилегированныхъ и старѣйшихъ. Оба названныя явленія стоятъ одно по отношенію къ другому въ преемственной связи, что не мало облегчаетъ обособленіе и изученіе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Обратимся прежде всего къ первому изъ названныхъ явленій и постараемся открыть источникъ и время возникновенія раннихъ попытокъ королей къ возведенію городовъ на степень свободныхъ корпорацій. Изучая содержаніе отдѣльныхъ королевскихъ грамотъ, надѣляющихъ города правами корпораціи, и сравнивая эти грамоты съ городскими хартіями предшествующаго періода, мы приходимъ къ заключенію, что единственнымъ преимуществомъ городовъ, надѣленныхъ правами корпорацій, была признаваемая за ними возможность—на правахъ юридич. лица — пріобрѣтать наслѣдственную собственость, искать и отвѣчать въ судахъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы другіе города, помимо инкорпорированныхъ, не имѣли права владѣть земельными имуществами. Городская недвижимость несомнѣнно встрѣчается еще въ эпоху составленія Книги Суда. Различіе лежитъ не въ этомъ, а въ томъ, что до ихъ инкорпорированія города должны были испрашивать дарованія имъ королемъ особой грамоты, закрѣпляющей за городомъ тотъ или другой участокъ, дарованный ему королемъ или феодальнымъ владѣльцемъ или пріобрѣтенный самими гражданами, иначе говоря, города владѣли землями только на основаніи королевскихъ грамотъ. Съ момента же ихъ инкорпорированія они пріобрѣли юридическую возможность пріобрѣтать всякаго рода собственность.—Зная, какія юридическія послѣдствія влекло за собою такъ называемое инкорпорированіе, намъ легко понять, почему духовныя, образовательныя, промышленныя и торговыя соединенія, задолго до появленія инкорпоративныхъ грамотъ городовъ, стали наперерывъ добиваться у королей надѣленія ихъ преимуществами свободныхъ корпорацій. Всего успѣшнѣе были, повидимому, на первыхъ порахъ попытки духовныхъ сообществъ, такъ какъ объ ихъ правѣ преемственнаго владѣнія собственностью на корпоративныхъ началахъ упоминается еще въ эпоху Эдуарда I, въ 24-мъ отдѣлѣ юрид. трактата, извѣстнаго подъ наименованіемъ Флета. Вслѣдъ за духовными корпораціями, университетскія коллегіи, быть можетъ, благодаря самому источнику ихъ происхожденія, источнику, несомнѣнно, церковному, надѣлены были тѣми же преимуществами, что и церковные союзы. Терминъ „корпорація“ примѣняется къ университетамъ уже въ актахъ отъ 11-го года правленія Генриха IV. Слѣдующими, въ порядкѣ пріобрѣтенія этихъ правъ, являются религіозныя гильдіи, при чемъ сходство преслѣдуемыхъ ими цѣлей съ духовными союзами въ значительной степени облегчило имъ пріобрѣтеніе правъ, которыми задолго до нихъ пользовались ихъ непосредственные прототипы. Съ религіозныхъ гильдій то же право считаться корпораціей переносится

мало-по-малу въ царствованіе первыхъ двухъ королей Ланкастерской династіи и на гильдіи съ опредѣленнымъ промышленнымъ и торговымъ характеромъ. Города, все еще не надѣленные этими правами, повидимому, уже съ царствованія Генриха IV начинаютъ сознавать выгодность ихъ для себя и стремятся къ полученію ихъ отъ королей. Петиція, представленная въ парламентъ жителями Плимута, въ 13-й г. правленія Генриха IV, заявляетъ: жители гор. Плимута, принимая во вниманіе, что городъ ихъ—одинъ изъ самыхъ большихъ портовъ королевства, считаютъ нужнымъ ходатайствовать передъ королемъ о разрѣшеніи образовать вмѣстѣ съ своими наслѣдниками и преемниками особую корпорацію съ правомъ пріобрѣтать земельныя имущества въ пожизненное и наслѣдственное пользованіе, помимо испрошенія каждый разъ королевскаго согласія. Король даетъ обычный уклончивый отвѣтъ: „le roi s'avisera". Проходитъ цѣлая четверть вѣка, и мы все еще не слышимъ о предоставленіи королемъ какому бы то ни было городу права свободной корпораціи. Короли надѣляютъ, правда, такими правами торг. и промышленныя гильдіи, но городъ, какъ таковой, не пріобрѣтаетъ въ ихъ жалованныхъ грамотахъ ни одного преимущества сверхъ тѣхъ, какими онъ располагалъ въ предшествующемъ столѣтіи. Первый актъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ не только терминъ „корпорація", но и предоставленіе суммы тѣхъ правъ, какія вытекаютъ изъ самаго факта ея существованія, относится къ 1440 г., иначе говоря къ 18-му году правленія Генриха VI. Это жалованная грамота короля Кингстону на Гулѣ; въ ней, помимо упоминанія о совокупности тѣхъ преимуществъ, какія связаны обыкновенно съ фактомъ надѣленія города правами графства, можно прочесть еще слѣд. слова, не попадающіяся ни въ одной изъ предшествующихъ по времени грамотъ: „да будутъ мэръ, граждане и ихъ преемники вѣчнымъ корпоративнымъ союзомъ подъ наименованіемъ: мэръ и граждане города К. и да пріобрѣтутъ они право наслѣдованія на вѣчныя времена, а также право искать и отвѣчать по всякаго рода искамъ, въ какихъ бы судахъ эти послѣдніе ни были начаты, право покупать земли, держанія, ренты, службы и владѣнія въ предѣлахъ города и гор. округа". Однохарактерныя пожалованія слѣдуютъ одно за другимъ въ пользу Плимута, Ипсвича, Норсгемптона и Кентербери. Все это происходитъ въ царствованіе Генриха VI. Въ то же царствованіе мы встрѣчаемся съ выдачею и такихъ жалованныхъ грамотъ, которыя вовсе не ведутъ за собою надѣленія города правами корпораціи,—явное доказательство тому, что теорія, уподоблявшая городъ корпораціи, далеко не привилась еще вполнѣ и не успѣла вытѣснить собою стариннаго порядка надѣленія города самое большее правами самостоятельнаго графства.

Тѣмъ не менѣе, уже въ царствованіе Генриха VI терминъ корпорація въ примѣненіи къ городу проникаетъ изъ корол. грамотъ и въ парламентскіе статуты, и въ судебныя рѣшенія; послѣднія, въ частности, сплошь и рядомъ принимаютъ въ расчетъ всю сумму тѣхъ неотъемлемыхъ преимуществъ, какія необходимо вытекаютъ для города изъ факта обращенія его въ корпорацію.

Процессъ надѣленія городовъ правами корпораціи продолжается и въ теченіе всего правленія Іоркскаго дома. Цѣлый рядъ городовъ, въ числѣ ихъ Рочестеръ и Дартмутъ, получаютъ право считаться корпораціями, пріобрѣтать собственность, искать и отвѣчать въ судахъ, имѣть особую офиціальную печать и во всякаго рода дѣлахъ считаться юридическимъ лицомъ. Корпоративныя права уже въ такой мѣрѣ признаются присущими всякому городу, что въ королевскихъ судахъ сплошь и рядомъ корпоративный характеръ признается за городами, и не получившими непосредственно отъ короля этого права, разъ эти города въ то или другое время своего существованія надѣлены были королемъ наслѣдственнымъ владѣніемъ. Такимъ образомъ, одно изъ правъ, вытекающихъ изъ понятія корпораціи, право, которое при томъ городъ можетъ получить и

независимо отъ его инкорпорированія, признается доказательствомъ надѣленія его нѣкогда корпоративнымъ характеромъ. Такое ученіе, впервые высказанное королевскими судами по отношенію къ городу Делю, является причиной постепеннаго распространенія понятія корпораціи и на города, не получившіе на то особыхъ королевскихъ пожалованій. Широкое толкованіе королевскихъ судовъ восполняетъ такимъ образомъ непосредственную дѣятельность правительства и постепенно прививаетъ англійскому обществу понятіе о томъ, что каждый городъ есть корпорація. Впрочемъ, представленіе, о которомъ теперь идетъ рѣчь, еще не пустило настолько глубокихъ корней, чтобы дозволить намъ отнести къ числу инкорпорированныхъ городовъ Англіи XV в. и такіе крупные промышленные центры, какъ Лондонъ или Бристоль. Эти два города, какъ показываютъ уцѣлѣвшія до насъ корол. пожалованія, все еще лишены были права считаться корпораціями, хотя и носили вполнѣ опредѣленный и неоднократно признаваемый за ними характеръ самостоятельныхъ въ своей внутренней организаціи графствъ. На этомъ и обрывается исторія инкорпорированія городовъ въ XV в. Если этому столѣтію не суждено было видѣть завершеніе имъ же начатаго инкорпорированія городовъ, то еще менѣе пришлось ему довести до конца не менѣе важный для дальнѣйшихъ судебъ Англіи процессъ сосредоточенія политической власти въ городѣ въ рукахъ гильдейскихъ союзовъ. Уцѣлѣвшія до насъ грамоты королей Ланкаст. и Іоркской династій въ одно слово говорятъ о томъ, что присутствіе на годичномъ административно-судебномъ собраніи и выборъ въ немъ городскихъ властей — мэра, шерифа, коронеровъ и членовъ тѣснаго совѣта — принадлежали попрежнему всей совокупности городскихъ домохозяевъ, или, что то же, всей совокупности городского гражданства. Не что иное, какъ эту совокупность, разумѣетъ городская грамота Бристоля отъ 1421 г., говорящая о „common council“. Хартія Плимута (1439 г.) прямо гласитъ, что всѣ граждане выбираютъ городскихъ властей. Одинъ лишь Лондонъ, и то къ концу занимающаго насъ періода, является уже городомъ съ вполнѣ сложившимся олигархическимъ управленіемъ. Въ 7-й годъ правленія Эдуарда IV выходитъ особый указъ, которымъ выборъ мэра предоставляется членамъ тѣснаго городскаго совѣта, „common council“, мастерамъ и начальникамъ отдѣльныхъ гильдій. Восемь лѣтъ спустя, постановленіемъ тѣснаго городскаго совѣта предписывается, что и изъ представителей гильдій только тѣ должны призываться къ соучастію съ членами тѣснаго совѣта въ городскихъ выборахъ, мѣстныхъ и общихъ, которые вправѣ носить ливрею, другими словами,— принадлежатъ къ числу ливрейныхъ компаній, или почетнѣйшихъ гильдій, сохраняющихъ доселѣ, за исключеніемъ одной, участіе въ самоуправленіи сити. Эти ливрейныя компаніи причастны къ выборамъ не только въ лицѣ своихъ мастеровъ и начальниковъ, какъ было установлено въ 7-й годъ правленія Эдуарда, но и всѣмъ наличнымъ составомъ „честныхъ людей своей мистеріи“. Въ этомъ сосредоточеніи политическихъ правъ гражданъ лонд. сити въ рукахъ небольшого числа высшихъ гильдій мы встрѣчаемъ первый примѣръ устраненія городского демоса отъ выборовъ въ интересахъ городской олигархіи. Примѣръ этотъ стоитъ еще одиноко и вызываетъ подражаніе себѣ не ранѣе наступленія періода абсолютизма, когда въ интересахъ обезпеченія официальныхъ или официозныхъ кандидатуръ сами короли позаботились объ ограниченіи избирательнаго права, общаго и мѣстнаго, небольшимъ числомъ городскихъ нотаблей, обыкновенно членовъ ремесленныхъ и торговыхъ гильдій.

Намъ остается теперь перейти къ исторіи англійскаго парламента и поставить прежде всего вопросъ о томъ, когда и какъ онъ возникъ.

VIII. Исторія англійскаго парламента въ средніе вѣка. Исторію постепеннаго роста парламента намъ придется начать съ того отдаленнаго періода, когда англо-саксы жили еще на континентѣ Европы и имѣли учрежденія, общія съ другими германскими

племенами. Заслуга Фримана состоитъ въ сведеніи къ германскимъ началамъ основныхъ чертъ англійской конституціи, заключающихся въ томъ, что съ древнѣйшихъ временъ и по настоящее время власть короля ограничена народнымъ собраніемъ и совѣтомъ старѣйшинъ. Фриманъ показалъ, что еще въ эпоху Тацита появились въ Германіи зародыши тѣхъ формъ политическаго устройства, развитіе которыхъ представляетъ намъ исторія любого изъ народовъ нѣмецкаго племени и въ частности англичанъ. Въ Тацитовской „Германіи“ мы находимъ упоминаніе о томъ, что всѣ дѣла вѣдаются не однимъ королемъ, а при участіи народнаго собранія и совѣта старѣйшинъ („De minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes“, гласитъ извѣстный текстъ). Право обсужденія вопросовъ, касающихся дѣятельности администраціи, принадлежитъ не кому иному, какъ совѣту старѣйшинъ, представителямъ будущей германской аристократіи. Этотъ совѣтъ встрѣчается одинаково, какъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ королевская власть, такъ и тамъ, гдѣ королевск. власть еще не сложилась и мѣсто ея заступаетъ герцогъ (dux). Что эти два вида государствъ извѣстны были древнимъ германцамъ, свидѣтельство тому мы находимъ у того же Тацита. Королевская власть имѣетъ наслѣдственный характеръ, герцогская же — выборный: герцогамъ поручалось временное военное предводительство. Основныя начала германской конституціи раскрываются болѣе обстоятельно при изученіи вопросовъ, подлежащихъ вѣдомству народнаго собранія. „Германія“ Тацита приводитъ насъ къ заключенію, что важнѣйшія дѣла подлежали обсужденію всего взрослаго населенія; вѣдомству народнаго собранія принадлежали так. обр.: уголовная юстиція, рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, заключеніе договоровъ съ другими племенами, выборъ герцоговъ (военныхъ предводителей) и другихъ народныхъ властей.—Если отъ Тацитовой „Германіи“ мы перейдемъ къ тѣмъ немногочисленнымъ источникамъ, которые даютъ намъ возможность познакомиться съ древнѣйшимъ устройствомъ англо-саксовъ, то мы найдемъ въ нихъ воспроизведеніе тѣхъ самыхъ чертъ, которыми Тацитъ характеризуетъ бытъ тѣхъ германскихъ племенъ, у которыхъ существовалъ совѣтъ старѣйшинъ и народн. собраніе и не развилась еще королевская власть. Церковные писатели, говоря о Генгистѣ и Горсѣ, называютъ ихъ не королями, а герцогами (сатрапами). Въ хроникахъ, въ томъ числѣ въ „Исторіи“ Беды, встрѣчается категорическое заявленіе, что англо-саксы въ это время не имѣли еще королей и что единственными представителями верховной власти у нихъ были лица, которыхъ они обозначаютъ всѣми тѣми наименованіями, съ которыми связано понятіе „dux“. Эти народные предводители носятъ еще вполнѣ выборный характеръ; избраніе ихъ зависитъ отъ собранія того военнаго люда, которымъ они предводительствуютъ. Беда пишетъ, что герцоги пользовались своею властью во все время военнаго похода; въ остальное же время они сливались съ прочимъ населеніемъ. Фриманъ поэтому правъ, утверждая, что королевская власть въ Англіи—явленіе позднѣйшаго времени и что въ англо-саксонскія времена можно указать на періодъ, когда ея не существовало. И это справедливо по отношенію не къ однимъ англо-саксамъ. И у другихъ германскихъ племенъ было то же, напр., у лангобардовъ. Лангобарды вскорѣ не пожелали, однако, управляться герцогами и, по образцу другихъ германскихъ племенъ установили у себя королей. Это прямо говоритъ ихъ лѣтопись: nolentes jam esse sub ducibus, reges sibi... statuerunt. До существованія еще гептархіи, когда Англія была заселена враждебными другъ другу народностями, въ любомъ изъ англо-саксонскихъ государствъ можно было найти, рядомъ съ герцогомъ, особое народное собраніе, въ которомъ принимали участіе всѣ могущіе носить оружіе и всѣ лица, близкія къ королю. Но поголовное присутствіе всѣхъ полноправныхъ воиновъ въ народномъ собраніи дѣлается съ теченіемъ времени неосуществимымъ; оно фактически возможно лишь при

*

незначительномъ протяженіи королевства. У англо-саксовъ начинаетъ совершаться так. образ. тотъ же процессъ, который можно прослѣдить въ жизни любого изъ германскихъ племенъ; это—замѣна народнаго собранія собраніемъ государственныхъ вельможъ, мудрѣйшихъ служилыхъ людей, „витенагемотомъ“. Фриманъ неправъ, когда говоритъ, что въ теченіе всего англо-саксонскаго періода витенагемотъ продолжалъ оставаться собраніемъ всего населенія, способнаго носить оружіе. Изъ законовъ Ины можно заключить, что законодательныя постановленія были принимаемы не въ собраніи возмужалаго населенія королевства, а въ собраніи однихъ только мудрыхъ тановъ—„витановъ“ (отъ слова танъ—членъ служилаго сословія—и корня wit, уцѣлѣвшаго въ англійскомъ прилагательномъ witty—остроумный). Тотъ же самый процессъ постепен. устраненія народа отъ пользованія политическими правами и сосредоточенія этихъ правъ въ рукахъ меньшинства служилаго сословія сталъ совершаться съ ускоряющеюся быстротою, когда семь отдѣльныхъ королевствъ слились въ одно англо-сакское королевство (при Эгбертѣ въ періодъ времени отъ 800 по 836 г.). Послѣдствіемъ этой политической централизаціи было усиленіе королевской власти, наглядным образомъ сказавшееся въ замѣнѣ композицій, платимыхъ за правонарушенія, направленныя противъ короля, уголовными карами. Начиная со временъ Ины, возникаетъ понятіе государственной измѣны, за нее виновный отвѣчаетъ жизнью и всѣмъ имуществомъ. Въ то же время мы становимся свидѣтелями постепеннаго расширенія королевскаго мира. Начиная съ Эдмунда, короли принимаютъ заимствованныя съ континента наименованія „императора Альбіона“ или „короля всей Британіи“. Начиная съ VIII в., мы уже слышимъ объ ихъ коронованіи и помазаніи. При помазаніи на царство короли приносятъ присягу, которой обязуются охранять церковь, заботиться о сохраненіи мира и карать всякое грабительство и всякую несправедливость. Начиная съ Эдмунда, въ отвѣтъ на королевскую присягу, подданные приносятъ ему присягу въ вѣрности; они обязуются не подымать съ нимъ несогласій или споровъ (тайныхъ и явныхъ), любить то, что онъ любитъ, и не желать того, чего бы онъ не желалъ. Эта присяга не безусловна; принимающіе ее выговариваютъ выполненіе королемъ всего, что было обѣщано имъ въ тотъ моментъ, когда приносящіе присягу пожелали сдѣлаться его, короля, людьми и слѣдовать его волѣ, какъ своей собственной.

Въ періодъ существованія единаго англо-сакс. королевства о народномъ собраніи нѣтъ болѣе и помину. Мѣсто его занимаетъ собраніе высшихъ вельможъ государства, собраніе всѣхъ тѣхъ, кого угодно будетъ пригласить королю и кто принадлежитъ къ одной изъ слѣдующихъ категорій: архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, членовъ служилаго сословія, или тановъ. Устраненіе народа въ это время отъ дѣлъ не есть особенность англо-сакс. государства; оно встрѣчается на протяженіи всего континента Европы. Фюстель де-Куланжъ прекрасно показалъ развитіе этого же процесса во Франціи при Меровингской и Карловингской династіяхъ; онъ выступаетъ въ приниженіи Мартовскихъ и позднѣе Майскихъ полей до одного лишь выслушиванія народомъ постановленій (капитуляріевъ) королей и ихъ ближайшихъ совѣтниковъ.—Что касается до того, какія дѣла вѣдалъ англо-саксонскій витенагемотъ въ періодъ образованія единаго англо-сакс. королевства, то для сужденія объ этомъ грамоты и хроники даютъ намъ обильный матеріалъ. Витенагемотъ имѣлъ прямое участіе въ законодательной дѣятельности. Связанъ ли былъ король при изданіи законовъ обязательствомъ получить на нихъ согласіе витановъ или нѣтъ, сказать не можемъ; но онъ былъ поставленъ въ необходимость искать ихъ совѣта. Въ законахъ отдѣльныхъ королей англо-саксовъ упоминается „о совѣтѣ и согласіи витановъ“, точь въ точь, какъ въ меровингскихъ и каролингскихъ капитуляріяхъ говорится о „consilio et consensu sacerdotum et optimatum“; законодательныя функціи вите-

нагемота распространяются какъ на вопросы свѣтскаго, такъ и церковнаго законодательства. Редакція какъ предварительныхъ проектовъ, такъ и окончательныхъ рѣшеній, принадлежитъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ духовнымъ членамъ совѣта. Но не по отношенію къ одной законодательной дѣятельности витенагемотъ является руководителемъ короля. Онъ даетъ свое согласіе и на передачу участковъ фольклянда во временное и пожизненное пользованіе частнымъ лицамъ (впослѣдствіи его участіе признается нужнымъ только въ интересахъ публичности самой передачи). Витенагемотъ имѣлъ также тѣ права, какія принадлежатъ верховному судилищу. Хроники не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ англо-сакс. грамотахъ мы находимъ также указаніе на тотъ фактъ, что границы двухъ спорящихъ между собою церквей опредѣлялись собраніемъ служилыхъ людей. Витенагемотъ является далѣе верховнымъ совѣщательнымъ органомъ въ дѣлахъ административныхъ. Безъ него король не принималъ ни одной важной мѣры. Такъ, христіанство введено королемъ Нортумбріи съ согласія витенагемота. Рядомъ съ вышеуказанными правами витенагемотъ пользуется и такими, какъ низложеніе королей и возведеніе ихъ на престолъ. Такой порядокъ былъ извѣстенъ не въ одной Англіи. И въ Россіи долгое время начало родового преемства въ занятіи стола было ограничено избраніемъ вѣчемъ кого-либо изъ членовъ привилегированной династіи Рюриковичей. Этотъ порядокъ продолжалъ держаться и на континентѣ Европы въ теченіе всего меровингскаго періода. Избраніе короля членами витенагемота ограничено было однимъ требованіемъ, чтобы избираемое лицо принадлежало къ привилегированному роду, который далъ уже странѣ цѣлый рядъ правителей. Въ теченіе всего англо-саксонскаго періода мы постоянно встрѣчаемся съ фактомъ избранія королей всѣмъ собраніемъ витановъ. Оно же сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ и право ихъ низложенія. Въ документахъ того времени можно найти не одно свидѣтельство на этотъ счетъ, напр., упоминаніе о низложеніи витанами Этельреда. Изъ всѣхъ перечисленныхъ выше правъ витенагемотъ непрестанно пользуется, впрочемъ, однимъ лишь правомъ участія въ законодательствѣ; остальныя предоставляются ему слабыми королями и отымаются у него сильными.

Король и аристократическое собраніе—вотъ тѣ два учрежденія, съ которыми мы въ состояніи познакомиться на основаніи англо-саксонскихъ грамотъ. Рядомъ съ ними существовали и индивидуальные органы власти, но о нихъ грамоты не говорятъ ни слова, за исключеніемъ развѣ того, что каждое вѣдомство имѣло своего особаго управителя (герефу).

Отъ англо-саксонскаго періода перейдемъ теперь къ норманскому и укажемъ характеръ тѣхъ измѣненій, какія были внесены въ англо-саксонскую систему управленія фактомъ иноземнаго завоеванія. Историки при рѣшеніи этого вопроса расходятся между собою. Фриманъ утверждаетъ (не основываясь, однако, на положительныхъ данныхъ), что въ норманск. періодъ англо-саксонскій витенагемотъ продолжалъ существовать. Встрѣчаются лишь случаи временнаго неиспользованія самимъ витенагемотомъ своихъ правъ. Гнейстъ, напротивъ того, говоритъ, что о витанахъ не слыхать вовсе въ этотъ періодъ; о нихъ рѣчь заходитъ развѣ только при описаніи дворцовыхъ церемоніальныхъ пріемовъ, повторяющихся три раза въ годъ. Среднее мнѣніе между обоими представлено Стебсомъ; заключается оно въ томъ, что витенагемотъ продолжаетъ существовать въ норманскій періодъ, но по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ воли правителя и порожденнымъ рознью между норманской аристократіей и покореннымъ населеніемъ, онъ перестаетъ собираться. Въ хроникахъ, которыя говорятъ о завоеваніи Англіи Вильгельмомъ, мы встрѣчаемъ заявленіе о томъ, что три раза въ годъ Вильгельмъ надѣвалъ на себя царскую корону: на пасху—въ Винчестерѣ, на пятидесятницу—въ Вестминстерѣ, на рождество—въ Глостерѣ, при чемъ присутствовали всѣ majores homines — архіепископы и епископы, аббаты, таны и рыцари.

Съ этими „старѣйшинами“ (majores homines) король сплошь и рядомъ совѣтовался о дѣлахъ. Собраніе витановъ имѣло совѣщательный характеръ; на это указываетъ и самое его наименованіе: „большое совѣщаніе“ (magnum consilium). Какъ совѣщательный органъ, оно не ограничивало воли короля. Оно не отличалось въ то же время ни періодичностью своего созыва, ни опредѣленностью состава. Иногда его совсѣмъ не созывали, на что имѣются свидѣтельства норманскаго лѣтописца. Король, несомнѣнно, имѣлъ возможность дѣйствовать и безъ совѣта своихъ витановъ, но считалъ болѣе удобнымъ призывать ближайшихъ вельможъ къ подачѣ мнѣній о важнѣйшихъ дѣлахъ государства, когда рѣчь, по выраженію современниковъ, шла de necessariis rebus, „о необходимыхъ вещахъ“. Насчетъ того, какія дѣла вѣдало это собраніе и каковъ былъ его составъ, проф. Гнейстъ говоритъ, что король могъ призывать на это собраніе кого ему было угодно. Но въ этомъ вопросѣ легче согласиться съ Стебсомъ, который думаетъ, что въ составъ собранія могли входить лишь непосредственные ленники короля. Вильгельмъ I потребовалъ на собраніи въ Солсбери (1086 г.) принесенія ему присяги отъ всѣхъ своихъ ленниковъ, которые и были налицо въ этомъ собраніи. Къ присутствію призываемы были также и представители отъ королевскихъ городовъ, Лондона и Іорка. Представительство городовъ начинается, такимъ образомъ, съ представительства тѣхъ, которые расположены были на королевскихъ доменахъ. Остальные города пріобрѣли это право позднѣе, именно съ тѣхъ поръ, какъ бароны и графы сочли выгоднымъ призвать и ихъ къ участію въ дѣлахъ страны. Характеръ функцій совѣта, именуемаго лѣтописцами „большимъ совѣщаніемъ“, одинъ изъ нихъ, Вильямъ Мальмесберійскій, опредѣляетъ словами: „толковать о важнѣйшихъ дѣлахъ королевства“ (de necessariis regni tractaturi). Собраніе имѣло право выслушивать предложенія короля о созданіи новыхъ податей, что не мѣшаетъ, однако, тому, что мы встрѣчаемся и съ единичными фактами произвольнаго обложенія королемъ народа, помимо всякаго согласія совѣта. То же собраніе пользовалось совѣщательнымъ голосомъ при обсужденіи постановленій, принятыхъ королемъ для измѣненія общаго земскаго права; ограничивать же законодательную инціативу короля оно не могло. Далѣе, собраніе осуществляло рядъ функцій судебнаго характера: судъ въ случаяхъ государственной измѣны, въ случаяхъ столкновеній гражданскаго характера между двумя церквами или епископіями и пр. принадлежалъ ему. Въ силу продолжавшаго держаться стариннаго правила, что король избирается, выборъ его для формы также сохраненъ былъ за великимъ собраніемъ. Англо-саксонскій витенагемотъ продолжаетъ держаться такимъ образомъ, какъ говоритъ Стебсъ, но на правахъ совѣта, лишеннаго всякаго реальнаго значенія, всякаго непосредственнаго вліянія на законодательство, администрацію и налоговое обложеніе.

По мѣрѣ приниженія законодательнаго собранія до роли совѣщательнаго учрежденія, завѣдываніе центральными дѣлами страны сосредоточивается въ рукахъ *королевской куріи* (тѣснаго совѣта), учрежденія, которое мы встрѣчаемъ на протяженіи всего континента Европы (въ Россіи—Боярская дума). „*Curia Regis*“ Англіи есть то учрежденіе, изъ котораго развилась Верхняя палата, а путемъ постепеннаго выдѣленія функцій и вся высшая судебная администрація королевства (судъ королевской скамьи, судъ общихъ тяжбъ). Изъ Curia Regis вышло и высшее финансовое учрежденіе страны, палата казначейства, Exchequer. На изученіи Curia Regis необходимо, такимъ образомъ, остановиться всякому, кого интересуетъ генезисъ въ Англіи административныхъ, судебныхъ и законодательныхъ учрежденій. Въ составъ королевской куріи входятъ всѣ высшіе чиновники королевства. Важнѣйшія функціи власти сосредоточиваются въ рукахъ слѣдующихъ придворныхъ чиновниковъ: верховнаго юстиціарія всей Англіи, собственно королевскаго намѣстника, сенешала всей Англіи (старшаго королевскаго конюшаго), верховнаго камер-

гера, верховнаго конетабля (начальника надъ милиціей), верховнаго маршала (второй послѣ конетабля въ начальствѣ надъ милиціей), канцлера (на первыхъ порахъ не болѣе, какъ королевскаго нотаріуса), казначея. Таковы тѣ лица, которыя въ то время являлись высшими исполнительными органами государственной власти. При созданіи этихъ придворныхъ должностей норманскіе короли не имѣли въ виду перенесенія на англійскую почву того, что возникло въ Нормандскомъ герцогствѣ и что было въ свою очередь сколкомъ съ тѣхъ учрежденій, которыя развились въ Карловингской монархіи. Вмѣстѣ съ отправленіемъ высшихъ дворцовыхъ должностей, указанныя лица завѣдывали и государственными дѣлами; эти послѣднія функціи считались какъ бы дополненіемъ къ придворной службѣ. Впрочемъ, на одну должность изъ перечисленныхъ нами можно указать, какъ на должность съ исключительно государственнымъ характеромъ; это должность верховнаго юстиціарія всей Англіи, которому король, въ случаѣ своего отсутствія, передавалъ всѣ свои функціи и всѣ свои права. Верховный юстиціарій — регентъ королевства въ отсутствіе короля. Всѣ вышеисчисленныя должности, за исключеніемъ должности юстиціарія и казначея, становятся со временемъ феодальными и наслѣдственными, при томъ почетными должностями, а дѣйствительное отправленіе обязанностей, съ ними связанныхъ, поручается новымъ чиновникамъ съ болѣе скромными титулами: второго камергера, хлѣбодара, винодара, начальника кухни и пр. Многія изъ этихъ должностей въ свою очередь становятся наслѣдственными и служатъ основаніемъ для развитія новыхъ аристократическихъ родовъ.

Таковы тѣ лица, изъ которыхъ прежде всего состояла Curia Regis. Это — чисто придворные чиновники. Короли имѣли полное право расширять составъ куріи, могли призвать въ нее и непридворныхъ, лицъ, отличающихся административною опытностью или получившихъ извѣстное юридическое образованіе, способныхъ поэтому отправлять обязанности судьи. Число лицъ, призываемыхъ въ Curia Regis, не было так. обр. точно опредѣлено. То же надо сказать относительно характера ея функцій; раздѣленія властей нимало не имѣлось при этомъ въ виду. Предметы вѣдомства Curiae Regis — самые разнообразные: чисто судебные, фискальные, контроль не только за королевскими чиновниками въ провинціяхъ, но и за лицами, надѣленными вотчинной полиціей и судомъ. Какъ органъ административный, Curia со времени Генриха I получила названіе корол. казначейства, названіе, которое одновременно мы встрѣчаемъ и въ Нормандіи. Обстоятельство это заставляетъ многихъ писателей высказываться въ томъ смыслѣ, что этотъ институтъ возникъ въ Англіи благодаря перенесенію на островъ норманскихъ порядковъ. Какъ бы то ни было, вызвано ли было учрежденіе казначейства и въ Нормандіи, и въ Англіи единствомъ условій, одинаковыми потребностями жизни, или англійская Curia Regis, и одновременно Exchequer (казначейство), возникла благодаря перенесенію ея въ Англію норманами, въ рукахъ ея, какъ казначейства, сосредоточилось завѣдываніе всею финансовою администраціею. Древнѣйшій изъ трактатовъ о казначействѣ, обязанный своимъ составленіемъ одному изъ епископовъ временъ Генриха I, обстоятельно знакомитъ насъ съ составомъ этого учрежденія и раздѣленіемъ его на двѣ палаты. Первая завѣдывала пріемомъ денегъ изъ графствъ: здѣсь взвѣшивались всѣ деньги, доставляемыя начальниками отдѣльныхъ графствъ, а также всѣ суммы платежей, производимыхъ патримоніальными владѣльцами; послѣ взвѣшиванія онѣ поступали на храненіе въ то же казначейство. Вторая палата имѣла характеръ контрольнаго учрежденія и завѣдывала счетоводствомъ. Сюда всѣ чиновники обязаны были представлять свои счета, и здѣсь происходила ихъ провѣрка. Эта часть королевскаго казначейства не что иное, какъ счетная палата. Она существовала и во Франціи, со времени Людов. Св., ее заводятъ у себя также правительства Анжу, Лангедока и др. провинцій. Созданіе такой палаты вызывается необходи-

мостью, почему и трудно допустить простое перенесеніе этого учрежденія съ континента на англійскую почву.

Въ королевской куріи мы находимъ и комитетъ чисто судебный. Это зародышъ будущихъ верховныхъ судовъ. Первымъ выдѣляется судъ королевской скамьи. Онъ вполнѣ организуется во времена Генриха II. Пять членовъ большой королевской куріи объявляются постоянными верховными судьями всей Англіи. Этимъ пяти лицамъ, къ которымъ присоединяются еще три секретаря, предоставляется завѣдываніе дѣлами уголовнаго и полицейскаго характера, а также наложеніе штрафовъ и производство конфискацій. Дѣла, подлежащія этому суду, носятъ названіе „placita coronae“. Обыкновеннымъ наказаніемъ за нихъ является уплата денежныхъ штрафовъ (amerciaments) и конфискація имущества.

Королевской куріи, въ смыслѣ собранія всѣхъ сановниковъ, принадлежитъ еще цѣлый рядъ функцій, — надзоръ за дѣятельностью патримоніальныхъ владѣльцевъ, шерифовъ графствъ и пр. Въ этомъ отношеніи англ. Curia Regis не отличается ничѣмъ отъ совѣта любого изъ континентальныхъ государствъ Европы. Такъ, напр., въ Карловингской монархіи изъ членовъ „Королевской Куріи“ вербовались тѣ „missi dominici“, которые посылаемы были въ провинціи для контроля за дѣятельностью отдѣльныхъ органовъ управленія. Во время Людовика Св. они возрождаются подъ именемъ „реформатёровъ“ и „контролеровъ“. Подъ наименованіемъ разъѣздныхъ судей мы встрѣчаемся съ чѣмъ-то подобнымъ въ Англіи; разъѣздные судьи назначаются королемъ и его „тѣснымъ“ совѣтомъ. Они вербуются изъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. При посылкѣ ихъ для ревизіи отдѣльныхъ графствъ, имъ на первыхъ порахъ предоставляется исполненіе административныхъ функцій, контроль за мѣстными органами управленія, а позднѣе обязанности чисто судебнаго характера. Эти путешествующіе судьи вѣдаютъ всѣ тѣ дѣла, которыя мѣстными властями были оставлены безъ разсмотрѣнія или требовали пересмотра.

Curia Regis является также апелляціонной инстанціей и верховнымъ уголовнымъ судомъ во всѣхъ случаяхъ государственной измѣны. Корол. курія вѣдаетъ и всѣ дѣла о столкновеніи свѣтской и духовной подсудности. Она является и совѣстнымъ судомъ, который до сего времени продолжаетъ держаться въ Англіи въ формѣ суда канцлера, руководствующагося при разбирательствѣ дѣлъ правилами справедливости, выработанными въ теченіе тысячелѣтія путемъ судебной практики. Лордъ-канцлеръ въ правѣ рѣшить дѣло, и не придерживаясь буквы закона.

Этой по необходимости сжатой характеристики достаточно, чтобы оправдать слѣдующій выводъ: въ норманскій періодъ по своему государственному устройству Англія мало чѣмъ разнится отъ континентальныхъ государствъ съ ихъ единодержавіемъ и сильной администраціей. Коллегіальныя учрежденія англо-саксовъ принижены были до роли совѣщательныхъ, что имѣло мѣсто и на континентѣ. Майскія поля Карловинговъ вѣдь являются тѣнью тѣхъ народныхъ собраній древней Германіи, которыя описаны Тацитомъ. Фюстель-де-Куланжъ правъ, когда говоритъ, что Мартовскія и Майскія поля потому лишь удержались, что, при отсутствіи печати, личное участіе народа на военныхъ смотрахъ было лучшимъ моментомъ для обнародованія закона. За исключеніемъ этихъ функцій они не имѣли другихъ. Развитіе англійскихъ учрежденій идетъ на первыхъ порахъ тѣмъ же путемъ, что и въ любомъ изъ континентальныхъ государствъ Европы. По отношенію къ высшему управленію сходство особенно велико: и на континентѣ имѣетъ мѣсто сосредоточеніе финансовыхъ, административныхъ и судебныхъ функцій въ рукахъ тѣснаго совѣта, члены котораго прежде всего придворные чиновники. Они постепенно становятся контролирующими властями по отношенію къ мѣстнымъ учрежденіямъ. На этомъ останавливается развитіе англійскихъ учрежденій въ норманскій періодъ. Чтобы прослѣдить постепенный переходъ королевской куріи въ верхнюю па-

лату парламента и привлеченіе въ нее депутатовъ отъ графствъ и городовъ, нужно перейти къ эпохѣ Іоанна Безземельнаго.

Какъ указано въ статьѣ 12-ой Великой Хартіи Вольностей, король обѣщаетъ, что выкупы отъ несенія воинской службы (scutagium) и денежныя пособія (auxilia), платимые королю, какъ верховному сюзерену, за извѣстными изъятіями, установленными феодальнымъ обычаемъ, не будутъ впредь взиматься съ подданныхъ иначе, какъ въ силу постановленія общаго совѣта короля. Въ этотъ общій совѣтъ входятъ, во-первыхъ, весь составъ прежняго большого совѣта, т. е. архіепископы, епископы, аббаты, графы и бароны, призываемые личными письмами короля за его печатью, а, во-вторыхъ, всѣ прочіе „мелкіе“ держатели земли въ непосредственной зависимости отъ короля, т. е. его прямые вассалы; такъ какъ ихъ много и всѣ не въ состояніи найти мѣста въ совѣтѣ, то они призваны посылать уполномоченныхъ отъ графствъ. Король даетъ шерифамъ письменные приказы, такъ называемые „writs of summons“. Въ нихъ говорится, что такого-то числа и въ такомъ-то мѣстѣ должно быть созвано шерифомъ собраніе всѣхъ, кто держитъ землю непосредственно отъ короля, для выбора уполномоченныхъ. Призывъ заключаетъ въ себѣ указаніе на поводъ къ собранію Совѣта и долженъ быть изданъ за 40 дней до намѣченнаго срока. Въ назначенный въ призывномъ письмѣ день слѣдуетъ производство выборовъ, въ какомъ бы числѣ ни явились созванные. На выборныхъ собраніяхъ вначалѣ не присутствуютъ еще второстепен. владѣльцы, т. е. тѣ, кто держитъ землю не непосредственно отъ короля, а отъ его прямыхъ вассаловъ. Только въ 1254 году представительство отъ свободныхъ владѣльцевъ, безъ различія прямыхъ и второстепенныхъ вассаловъ, становится совершившимся фактомъ. Когда же въ 1265 году, во время новой усобицы, глава возставшей противъ Генриха III партіи бароновъ—Симонъ де-Монфоръ—призвалъ въ Совѣтъ и депутатовъ отъ городовъ, Совѣтъ становится тѣмъ собраніемъ лордовъ и общинъ, приглашаемыхъ къ совмѣстной дѣятельности съ королемъ, какимъ является, по опредѣленію англійскихъ юристовъ, парламентъ. Созывая свой первый „образцовый“ парламентъ въ 1295 г. въ томъ самомъ составѣ, въ какомъ онъ революціоннымъ путемъ былъ собранъ въ 1265 г., Эдуардъ I тѣмъ самымъ санкціонируетъ этотъ порядокъ. И, дѣйствительно, во всѣхъ послѣдующихъ парламентахъ мы находимъ, въ общемъ, тѣ самые элементы, которые присутствовали въ немъ въ 1265 и 1295 гг.

На всемъ протяженіи епропейскаго материка каждое сословіе — духовенство, дворянство и горожане — голосовало отдѣльно. Въ одной только Англіи мы встрѣчаемся съ противоположной практикой: до половины XIV вѣка всѣ сословія засѣдаютъ совмѣстно; въ это же время происходитъ раздѣленіе на двѣ палаты, и депутаты отъ городовъ сходятся съ депутатами отъ низшаго дворянства въ палатѣ общинъ, а высшее духовенство начинаетъ засѣдать съ главами аристократическихъ родовъ, королевскими судьями и нѣкоторыми высшими сановниками въ палатѣ лордовъ. Что касается до низшаго духовенства, то оно съ XIV столѣтія перестаетъ посылать депутатовъ въ палату общинъ и вотируетъ свои субсидіи, или денежныя пособія казнѣ, на самостоятельныхъ собраніяхъ, такъ называемыхъ „конвокаціяхъ“. Такимъ порядкамъ наступаетъ конецъ не ранѣе 1664 года, когда члены духовенства, наряду съ прочимъ населеніемъ, начинаютъ участвовать въ выборѣ депутатовъ отъ графствъ.

Въ отличіе отъ современнаго представительства, которое построено на мысли дать опредѣленному въ законѣ числу жителей возможность имѣть, по крайней мѣрѣ, одного выразителя его нуждъ и желаній, которое, друг. словами, стремится къ установленію пропорціональнаго отношенія между числомъ населенія и числомъ представителей, средневѣковая система построена на мысли, что каждая корпорація—будетъ ли то графство или городъ, — призываемая королемъ къ посылкѣ уполномоченныхъ въ парламентъ, должна имѣть одинаковое ихъ

число; оно не должно быть меньше двухъ, такъ какъ при такомъ условіи можно избѣжать того, чтобы вслѣдствіе случайности — неприбытія въ срокъ, болѣзни или смерти избраннаго—графство или городъ не оказались безъ всякаго представителя въ парламентѣ.

Спрашивается, какъ выбираются графствомъ и городомъ посылаемые ими уполномоченные?

Многіе историки и государствовѣды не разъ высказывали ту мысль, что исторія избирательнаго права есть исторія постепеннаго пониженія, а затѣмъ и полнаго упраздненія ценза, что эта исторія открывается повсемѣстно болѣе или менѣе высокими имущественными ограниченіями. Въ настоящее время вопросъ можетъ считаться рѣшеннымъ и при томъ въ діаметрально противоположномъ смыслѣ: рядъ блестящихъ изслѣдованій по исторіи избирательнаго права (Пико во Франціи, Гомершама Кокса въ Англіи) неопровержимо установили тотъ фактъ, что избирательнаго ценза въ раннюю эпоху не существовало. Объ отсутствіи его въ Англіи мы можемъ заключить по содержанію тѣхъ призывныхъ писемъ (writs), которыя отправляемы были шерифамъ отъ имени короля канцлеромъ. Въ нихъ говорилось: „такъ какъ мы (король) рѣшили собрать въ Вестминстерѣ парламентъ, на который мы позвали личными письмами нашими архіепископовъ, епископовъ и т. д., графовъ, бароновъ и всѣхъ тѣхъ, кто держитъ землю въ непосредственной отъ насъ зависимости, то повелѣваемъ тебѣ собрать свободное населеніе графства на ширгемотъ (собраніе графства) и здѣсь распорядиться, чтобы отъ ширы посланы были въ нашъ парламентъ два лучшихъ и наиболѣе проникнутыхъ законностью человѣка (meliores et legaliores homines)“. Должны ли быть эти meliores et legaliores рыцарями или только свободными людьми (liberi homines)—этого призывныя письма опредѣленно не говорятъ. Такимъ образомъ, на выборы приглашалось все свободное населеніе. Правда, бывали случаи, когда шерифъ рѣшалъ, что никто лучше его самого не сможетъ указать meliores et legaliores homines графства, и потому бралъ на себя „трудъ“ ихъ избранія, но тогда ему напоминали, что онъ не имѣетъ на это никакого права и что повтореніе подобнаго случая „облегченія“ избирателей отъ падающей на нихъ „тяжести“ можетъ повлечь для него, шерифа, весьма непріятныя послѣдствія...

Равнымъ образомъ, и по отношенію къ городамъ мы не вправѣ утверждать, что избраніе депутатовъ съ самаго начала было сосредоточено въ рукахъ одной буржуазіи, въ рукахъ выборныхъ отъ гильдій. Мы знаемъ, что въ раннюю эпоху города управлялись еще демократическими „общими совѣтами“—городскимъ вѣчемъ, вѣдавшимъ всѣми дѣлами и посылавшимъ, между прочимъ, и депутатовъ въ парламентъ. Надо сказать, что право посылки ихъ принадлежало однимъ такъ называемымъ „королевскимъ сити и бургамъ“—т. е. городамъ, которые могли сослаться на то, что они получили въ прошлые годы королевское приглашеніе (writ) прислать въ парламентъ своихъ представителей. Подобно тому, какъ каждое графство—независимо отъ числа жителей и пространства, имъ покрываемаго,—посылало двухъ депутатовъ, такъ и сити и бурги посылали каждый по два представителя.

Когда же впервые возникаетъ мысль объ избирательномъ цензѣ и кругъ избирателей ограничивается лицами, обладающими недвижимымъ имуществомъ опредѣленнаго размѣра? Надо сказать, что выборы депутатовъ являлись съ точки зрѣнія населенія одной изъ многочисленныхъ повинностей. Другой—еще болѣе тяжелой—было участіе въ комиссіяхъ присяжныхъ засѣдателей. Я уже говорилъ, что въ Англіи присяжные призываются не только для рѣшенія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, но и для участія въ слѣдствіи и составленіи обвинительнаго акта, а равнымъ образомъ и при открытіи клада или мертваго тѣла. При необходимости перемѣщаться на большія разстоянія (въ тотъ пунктъ, гдѣ происходили сессіи уголовнаго и гражданскаго суда), служба присяжнаго была крайне обременительна для неимущихъ слоевъ населенія. Немудрено, что уже

въ царствованіе Эдуарда III мы находимъ въ протоколахъ парламента многочисленныя указанія на представляемыя въ палату общинъ петиціи, въ которыхъ жители графствъ заявляли, что многимъ изъ нихъ не по силамъ участіе въ комиссіяхъ присяжныхъ засѣдателей, что они часто не имѣютъ необходимыхъ средствъ на покрытіе путевыхъ и продовольственныхъ издержекъ, что несеніе этой обязанности отрываетъ жителей отъ дѣлъ и что поэтому они ходатайствуютъ передъ парламентомъ и королемъ объ освобожденіи отъ участія въ комиссіяхъ присяжныхъ хотя бы тѣхъ, кто не является „свободнымъ собственникомъ“ (фригольдеромъ), получающимъ опредѣленный доходъ, именно 40 шиллинговъ, съ своего недвижимаго имущества. Ходатайства населенія были приняты во вниманіе и былъ изданъ законъ, въ силу котораго къ несенію присяжной службы стали призываться лишь свободные собственники, имѣющіе не менѣе 40 шиллинговъ чистаго дохода. Объ этомъ законѣ и вспомнили въ XV столѣтіи, когда со стороны болѣе зажиточнаго населенія были заявлены жалобы на то, что на выборы депутатовъ являются толпы малоимущихъ людей, шумные крики которыхъ заглушаютъ „благоразумные“ голоса людей состоятельныхъ, и ставленники толпы сплошь и рядомъ попадаютъ въ палату общинъ. Это „прискорбное“ обстоятельство побудило парламентъ въ 1430 году, въ царствованіе Генриха VI, распространить правило, освобождающее лицъ, не имѣющихъ 40 шиллинговъ чистаго дохода съ свободной собственности, отъ несенія присяжной службы,—и на выборы отъ графствъ въ палату общинъ; законъ 1430 года освободилъ неимущіе слои населенія отъ „обязанности“ являться въ избирательныя собранія и тѣмъ самымъ отстранилъ ихъ отъ вліянія на составъ нижней палаты.

Параллельно съ этимъ ограничивается кругъ избирателей и въ городахъ. Я уже имѣлъ случай указать, что исторія англійскихъ городовъ имѣетъ то общее съ исторіей городовъ на континентѣ, городовъ Франціи, Германіи и Италіи, что въ нихъ управленіе постепенно перешло изъ рукъ городского вѣча въ руки тѣсныхъ городскихъ совѣтовъ, т. е. что порядки демократическіе постепенно уступили мѣсто порядкамъ олигархическимъ. Англійскіе короли, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, охотно принимали предложеніе городовъ замѣнить всѣ денежные сборы въ пользу королевской казны опредѣленной суммой, вносимой городскими властями, при чемъ города получали полную свободу самоуправленія. Такъ какъ уплата этой опредѣленной суммы сплошь и рядомъ могла производиться только людьми зажиточными, т. е. членами гильдій, то заключеніе подобныхъ договоровъ, наряду съ нѣкоторыми другими причинами, повело уже въ XIV и XV стол. къ захвату тѣсными совѣтами, составленными изъ представителей гильдейской знати, правъ, принадлежавшихъ ранѣе городскому сходу. Въ составъ торговой гильдіи, такъ наз. gilda mercatoria, входили не одни купцы, но и зажиточные ремесленники. Гильдія принимала на себя обязанность уплаты королевскому казначейству слѣдуемой съ города суммы налоговъ и тѣмъ самымъ пріобрѣтала право рѣшать вопросъ, въ какой формѣ городъ долженъ быть обложенъ для покрытія этой суммы. Естественно, что рѣшеніе такого важнаго вопроса повлекло за собой перенесеніе въ руки представителей торговой гильдіи рѣшенія и всѣхъ остальныхъ вопросовъ городского управленія, а равнымъ образомъ и избранія двухъ депутатовъ въ парламентъ. Ранѣе всего новые порядки установились въ Лондонѣ: уже въ XIV вѣкѣ власть переходитъ въ сити въ руки городского совѣта, состоящаго изъ представителей наиболѣе старинныхъ и зажиточныхъ цеховъ, такъ наз. „ливрейныхъ компаній“. Въ XIV и XV столѣтіяхъ порядки Лондона распространяются повсемѣстно. Городскіе, или „тѣсные“, совѣты пополняются путемъ кооптаціи, что ведетъ къ полному господству плутократіи.

Такимъ образомъ, уже въ XV в. и въ графствахъ, и въ городахъ широкія массы населенія устраняются отъ

участія въ посылкѣ депутатовъ въ палату общинъ.

Какъ было отмѣчено, въ царствованіе Эдуарда I окончательно установилось правило, что въ нижней палатѣ должны засѣдать не только представители отъ графствъ, но и депутаты отъ городовъ. Это правило получило признаніе въ 1295 г., когда мы впервые видимъ въ парламентѣ представителей отъ 120 сити и бурговъ Англіи. Число представленныхъ городовъ со временемъ пало. Нѣкоторые города не разъ воздерживались отъ посылки депутатовъ въ виду того, что послѣднимъ приходилось платить жалованье, а это влекло за собою увеличеніе мѣстныхъ издержекъ. Въ XV ст. столѣтіи по меньшей мѣрѣ 15 бурговъ изъ прежнихъ 120 вовсе не посылаютъ отъ себя депутатовъ.

Обращаясь къ изученію хода развитія парламентскихъ вольностей, мы прежде всего должны отмѣтить, что при Эдуардѣ I было разъ навсегда признано, что никакіе сборы немыслимы иначе, какъ подъ условіемъ согласія на нихъ депутатовъ отъ общинъ, а равно и членовъ свѣтской и духовной знати. Это правило проводится статутомъ 1297 г. *De tallagio non concedendo*. Изданію его предшествовалъ слѣдующій фактъ. Эдуардъ I, не разсчитывая на дарованіе ему нужной субсидіи, призываетъ къ себѣ графовъ, бароновъ и представителей духов. аристократіи; въ обращеніи къ нимъ онъ требуетъ передачи ему права налоговаго обложенія; налоги должны падать впредь на весь народъ. Графы объявляютъ королю, что они не имѣютъ права этого сдѣлать, что они не могутъ даровать ему свободы налоговаго обложенія, такъ какъ не получили на то полномочія отъ общинъ. Король грозитъ имъ тяжкими карами, послѣ чего они самовольно удаляются изъ совѣта. Эдуардъ поневолѣ долженъ созвать парламентъ; первымъ же дѣломъ послѣдняго было, конечно, побудить короля къ изданію акта, возстановляющаго тѣ статьи Великой Хартіи, въ которыхъ говорится, что никакіе auxilia и scutagia (пособія и выкупы отъ воинской повинности) не могутъ быть взимаемы иначе, какъ съ согласія представителей отъ общинъ, а также свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ. Статутъ 1297 г. гласитъ: „Никакой налогъ (tallage) и никакая денежная помощь (aide) не будутъ налагаемы или взимаемы нами или нашими наслѣдниками въ нашемъ королевствѣ безъ добраго желанія и согласія архіепископовъ, епископовъ, бароновъ, рыцарей, горожанъ и другихъ свободныхъ людей королевства". Съ этого времени весь порядокъ налоговаго обложенія получаетъ опредѣленный характеръ; подати могутъ быть взимаемы только подъ условіемъ предварительнаго согласія вышеисчисленныхъ лицъ. На практикѣ, впрочемъ, и въ XIV, и въ XV ст., короли стараются обходить это правило. Сверхъ налоговъ, вотируемыхъ парламентомъ, они взимаютъ въ это время разные поборы, подъ именемъ добровольныхъ приношеній (benevolences). Правительство обращается нерѣдко также къ производству и насильственныхъ займовъ (loans). Король сверхъ того весьма широко понимаетъ свое право требовать извѣстнаго содержанія во время своихъ поѣздокъ по отдѣльнымъ графствамъ (purveyance). Сборъ продуктами на потребности двора въ XV в. продолжаетъ происходить попрежнему, хотя и выходитъ статутъ, постановляющій, что короли не будутъ злоупотреблять правомъ квартирной и постойной повинности. Отмѣна всѣхъ этихъ поборовъ воспослѣдовала при непопулярнѣйшемъ изъ королей Англіи—Ричардѣ III. Изданнымъ имъ закономъ разъ навсегда отмѣнены добровольные подарки (benevolences). Король отказался вмѣстѣ съ тѣмъ отъ насильственныхъ займовъ. Его братъ Эдуардъ IV ранѣе этого обѣщалъ лондонскимъ гражданамъ, что „къ насильственнымъ займамъ онъ обращаться не будетъ". Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что до второй половины XV в., т. е. въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, короли находили способы обойти данныя ими самими обѣщанія и изыскивали всевозможные пути къ полученію недостающихъ имъ средствъ.

Въ теченіе XIII и XIV ст. не выработался еще порядокъ разсмотрѣнія

денежныхъ биллей въ одной только палатѣ общинъ; каждая палата въ это время обсуждаетъ ихъ въ отдѣльности; въ случаѣ расхожденія, назначается согласительная комиссія изъ членовъ обѣихъ палатъ. Путемъ взаимныхъ уступокъ приходятъ къ единогласному рѣшенію. При обсужденіи денеж. биллей парламентъ требовалъ отъ правительства точнаго обозначенія тѣхъ статей расходовъ, на которыя должна пойти та или другая сумма дохода. Парламентъ настаивалъ также на полученіи имъ отъ казначейства (Exchequer) строгаго отчета въ израсходованіи дарованныхъ правительству суммъ.

Въ XIV ст. парламентъ постоянно обращается къ правительству съ требованіемъ, чтобы ему для провѣрки счетовъ было позволено назначить особую комиссію изъ депутатовъ отъ общинъ, свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ, комиссію такъ называемыхъ „аудиторовъ счетовъ“. Эта комиссія должна была произвести слѣдствіе о томъ, дѣйствительно ли назначенная парламентомъ сумма поступила въ руки финансовыхъ чиновниковъ, и затѣмъ, какъ эта сумма была ими израсходована. Разъ слѣдствіемъ обнаружены тѣ или другія злоупотребленія, парламентъ ждетъ отъ короля немедленнаго удаленія виновнаго. Король пользовался, однако, при этомъ правомъ помилованія; вопреки парламенту онъ нерѣдко даже снова назначалъ на должность прежняго сановника. Парламентъ пошелъ и противъ этого. Надъ лицами, обвиненными въ неправильномъ веденіи дѣлъ страны, сталъ назначаться судъ верхней палаты, и онъ подчасъ кончался постановленіемъ смертнаго приговора, нерѣдко приводившагося въ исполненіе.

Въ это же время впервые находитъ себѣ признаніе и то правило, что безъ разрѣшенія парламента король не можетъ вывести войскъ изъ предѣловъ Англіи. Желая отправиться съ арміей на континентъ, Эдуардъ I призываетъ къ себѣ однихъ лишь графовъ и бароновъ и требуетъ отъ нихъ немедленнаго отбытія во Францію; но они объявляютъ ему, что не имѣютъ права повиноваться его велѣніямъ, пока вопросъ о походѣ не будетъ рѣшенъ парламентомъ. Король грозитъ имъ казнью; они самовольно удаляются изъ его присутствія. Созванный затѣмъ парламентъ признаетъ образъ дѣйствій бароновъ вполнѣ правильнымъ, и король съ этихъ поръ принужденъ считать себя въ вопросахъ войны и мира связаннымъ обязательствомъ испрашивать согласіе парламента и не выводить войскъ изъ Англіи иначе, какъ по постановленію того же парламента.

Въ царствованіе Эдуарда II происходятъ новыя столкновенія между властью и народомъ, но уже по инымъ причинамъ, не по вопросу о контролѣ парламента за внутренней и внѣшней политикой, а по вопросу о законодательной его власти. Король дѣлаетъ попытку обойти парламентъ и обращается къ изданію тѣхъ или другихъ общеобязательныхъ нормъ путемъ указовъ или рѣшеній своего Тайнаго совѣта. Парламентъ же протестуетъ противъ такого образа дѣйствій; королевскіе указы, говоритъ онъ, не могутъ имѣть другой задачи, кромѣ приведенія въ исполненіе дѣйствующихъ законовъ. Въ статутѣ 1322 г. Эдуардъ II принужденъ признать обязательнымъ для себя слѣдующее правило: „все, что касается короля, его наслѣдника, королевства и народа, должно быть разсматриваемо и постановляемо въ парламентѣ съ согласія короля, прелатовъ, бароновъ и общинъ королевства, какъ это въ обыкновеніи издавна“. Этимъ статутомъ король призналъ не только законодательную власть парламента, но и то, что эта власть принадлежала ему всегда.

Съ Эдуарда III къ парламенту переходитъ вполнѣ контроль за внѣшней политикой и внутренней администраціей; за нимъ признано дѣятельное участіе въ законодательствѣ и налоговомъ обложеніи.

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что наиболѣе положительной стороной въ ростѣ англійской конституціи надо считать мирный характеръ ея развитія; но, говоря это, они дѣлаютъ фактическую ошибку. Нѣтъ сомнѣнія, что въ конституціонной исторіи Англіи

замѣтны преемство и послѣдовательность: учрежденія страны развились въ смыслѣ расширенія правъ народа; но сказать, что это расширеніе достигаемо было всегда мирнымъ путемъ, нельзя, если вспомнить о битвѣ подъ Льюисомъ и о частыхъ столкновеніяхъ Эдуардовъ I и II съ парламентомъ.

Путемъ борьбы за свои права англійскій парламентъ въ XIV в. достигъ значительной полноты власти. Онъ становится высшимъ законодательнымъ и финансовымъ органомъ, а также совѣщательнымъ собраніемъ по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, наконецъ, уголовной камерой для разбирательства преступленій, совершонныхъ тѣмъ или другимъ министромъ, ближайшимъ совѣтникомъ короля.

Парламентъ въ правленіе Эдуарда III и Ричарда II является собраніемъ, составленнымъ не столько изъ представителей, сколько изъ делегатовъ. Различіе между представителемъ и делегатомъ лежитъ въ томъ, что представитель не связанъ обязательствомъ подчиняться той программѣ, которая можетъ быть навязана ему лицами, его избравшими; делегатъ же, наоборотъ, связанъ тѣми полномочіями, которыя предоставлены ему его довѣрителями. Различіе это наглядно выступаетъ по вопросу о налоговомъ обложеніи. Эдуардъ III созвалъ однажды парламентъ и объявилъ ему внезапно, что цѣлью собранія будетъ дарованіе королю новыхъ субсидій. Депутаты отъ общинъ представили ему по этому случаю петицію, смыслъ которой былъ тотъ, что они не получили полномочія на это отъ своихъ довѣрителей, что они должны поэтому войти предварительно въ соглашеніе на этотъ счетъ съ лицами, ихъ избравшими. Роковою ошибкою было бы такимъ образомъ думать, что англійскій парламентъ въ занимающее насъ время былъ собраніемъ народныхъ представителей, а не делегатовъ отъ отдѣльныхъ графствъ и городовъ, связанныхъ извѣстными полномочіями. Такъ было, впрочемъ, и въ любомъ изъ континентальныхъ государствъ средневѣковой Европы, всюду, гдѣ существовало сословное представительство. Делегаты на Генеральныхъ штатахъ признавали себя также некомпетентными высказывать то или другое мнѣніе по вопросамъ, не упомянутымъ въ ихъ полномочіяхъ, и считали необходимымъ получить предварительное согласіе своихъ выборщиковъ.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ парламентъ созывается ежегодно, а иногда и два раза въ годъ, когда того требуютъ обстоятельства. Если онъ является такимъ образомъ собраніемъ, періодически созываемымъ, то король можетъ всегда распустить его подъ условіемъ произвести выборы не позже года со времени роспуска.

Остановимся теперь подробнѣе на функціяхъ, принадлежавшихъ парламенту, и прежде всего на законодательной. Думать, что англійскій парламентъ въ XIV в. пользовался тѣми же правами по отношенію къ законодательству, что и теперь, было бы ошибочно. Порядокъ вотированія законовъ путемъ представленія готовыхъ биллей самими членами парламента установился впервые въ XV в. Этому порядку предшествовалъ другой, порядокъ представленія однѣхъ только петицій, скромныхъ жалобъ и заявленій, своего рода „челобитныхъ“. Подача ихъ была первымъ дѣломъ вновь созваннаго парламента. Въ этихъ петиціяхъ можно найти указаніе на всевозможные общественные недуги: жалуются на вздорожаніе цѣнъ на съѣстные припасы, на то, что рабочіе требуютъ платы, бóльшей противъ постановленной статутомъ, печалуются по случаю неурожая и голода; но вмѣстѣ съ тѣмъ заводятъ рѣчь и о неправильномъ ходѣ администраціи, о пристрастномъ отправленіи правосудія и т. д. Всѣ эти челобитныя подлежали обсужденію короля, который на каждую изъ нихъ вправѣ былъ дать утвердительный или отрицательный отвѣтъ; онъ могъ дать также отвѣтъ уклончивый въ слѣдующей формѣ: „король испроситъ совѣта“ (le roi s'avisera). То обстоятельство, что палата должна была ограничиться однимъ лишь заявленіемъ о государственныхъ пользахъ и нуждахъ, а король вправѣ былъ, смотря по обстоятельствамъ, признать это за-

явленіе заслуживающимъ уваженія или нѣтъ, отражается невыгодно на законодательныхъ правахъ парламента. Обращая петиціи въ статуты, короли вносили въ нихъ нерѣдко такія нормы, которыя вовсе не отвѣчали требованіямъ представителей отъ общинъ. Желая сдѣлать невозможнымъ такое извращеніе его мысли, парламентъ требуетъ, чтобы отвѣты правительства на петиціи, представляемыя членами палаты общинъ, становились извѣстными этимъ послѣднимъ ранѣе того момента, когда имъ придется разъѣхаться по домамъ. Парламентъ настаиваетъ также на томъ, чтобы статуты (редакція которыхъ принадлежала Тайному совѣту), до момента ихъ подписанія королемъ, были прочитываемы въ палатѣ общинъ и чтобы при скрѣпѣ ихъ монархомъ присутствовали делегаты отъ этой палаты.

Періодъ правленія Ланкастеровъ представляетъ намъ не одинъ примѣръ тому, что парламентъ, расходясь, выбираетъ изъ своей среды уполномоченныхъ, на обязанность которыхъ падаетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы представленныя королю петиціи не остались мертвою буквою, а обращены были въ статутъ и чтобы при этомъ не было внесено въ нихъ измѣненій, какъ это практиковалось ранѣе.

Въ теченіе XIV в. не существуетъ еще въ Англіи обычая представлять законодательные билли непосредственно въ палату, хотя парламентъ ясно сознаетъ все проистекающее отсюда неудобство. Когда поэтому была призвана на престолъ Ланкастерская династія и короли съ одной стороны обязались не нарушать ни въ чемъ „правъ гражданина“, а, съ другой, страдая полнымъ безденежьемъ, стали часто созывать парламентъ, послѣдній воспользовался этимъ, чтобы провести въ жизнь слѣдующее правило: денежныя требованія правительства не получаютъ удовлетворенія до тѣхъ поръ, пока представленныя ходатайства общинъ не будутъ приняты въ разсчетъ королемъ. Такимъ путемъ въ теченіе XV в. парламентъ достигаетъ того, что его законодательныя требованія правительствомъ удовлетворяются. Съ этого времени обсужденіе бюджета составляетъ послѣдній актъ парламентской сессіи. Желая еще болѣе связать законодательную власть короля, парламентъ добивается права представлять впредь не петиціи, а билли (готовые проекты), которые, послѣ обсужденія ихъ членами верхней и нижней палаты, въ формѣ вполнѣ выработанныхъ нормъ, поступаютъ на утвержденіе короля. Въ царствованіе Генриха IV въ Англіи установилось такимъ образомъ то начало, непризнаніе котораго во Франціи сдѣлало возможнымъ для королей обратить Генеральные штаты въ пустую игрушку.

Если бы вопросъ о налоговомъ обложеніи на континентѣ былъ поставленъ такъ же, какъ въ Англіи, если бы тамъ дарованіе субсидій приведено было въ зависимость отъ согласія короля на законы, то нѣтъ сомнѣнія, что генеральные штаты, кортесы и сеймы не прекратили бы такъ скоро своего существованія и, вмѣсто составляемыхъ ими тетрадей жалобъ, вѣроятно, выработали бы не одну законодательную норму.

По своимъ финансовымъ функціямъ парламентъ съ 1297 г. является такого рода учрежденіемъ, безъ согласія котораго не можетъ происходить прямое обложеніе народа. Значеніе парламента въ этомъ отношеніи было вполнѣ упрочено съ тѣхъ поръ, когда обсужденіе такъ называемыхъ бюджетныхъ вопросовъ было отложено до послѣднихъ дней засѣданія и обусловлено удовлетвореніемъ королемъ жалобъ и ходатайствъ, заявленныхъ ему представителями отъ графствъ и городовъ. Обществу нужно было добиться того, чтобы налоговое обложеніе было поставлено въ зависимость, если не исключительно, то главнымъ образомъ, отъ согласія делегатовъ графствъ и городовъ; поэтому весьма счастливымъ обстоятельствомъ нужно признать то, что спрошенные по этому вопросу въ царствованіе Эдуарда IV свѣтскіе и духовные лорды объявили, что дѣло налоговаго обложенія всецѣло принадлежитъ палатѣ общинъ, въ руки которой оно дѣйствительно и перешло вполнѣ съ XV в. Всѣ вопросы налоговаго обложенія разсматриваются и рѣшаются отнынѣ нижнею палатою,

какъ наиболѣе въ этомъ дѣлѣ заинтересованною въ виду того, что она состоитъ изъ делегатовъ отъ массы плательщиковъ.

По вопросу о контролѣ, какимъ средневѣковый парламентъ пользуется относительно внѣшней и внутренней политики, нужно замѣтить, что англійскіе короли, подобно французскимъ, рано сознали всю силу слѣдующаго положенія: чтобы сдѣлать войну популярной, нужно имѣть на веденіе ея народное полномочіе, другими словами, необходимо заручиться согласіемъ на нее народнаго представительства. Палата общинъ, понимая, что война должна отразиться на усиленіи налоговаго обложенія, не разъ объявляетъ себя некомпетентной рѣшить, необходима она или нѣтъ. На вопросъ Ричарда II, нужно ли ему предпринять войну съ Франціей,— палата общинъ объявляетъ, что въ такомъ дѣлѣ должны высказаться мудрѣйшіе: король, свѣтская и духовная знать; сама же она не признаетъ себя въ этомъ достаточно освѣдомленной. Король въ свою очередь грозитъ не распустить парламента, пока онъ не дастъ ему своего совѣта по поставленному вопросу. Тогда только представители отъ общинъ, указывая на примѣръ магнатовъ, уже высказавшихся въ томъ же смыслѣ, совѣтуютъ миръ.

Менѣе равнодушно относятся общины къ своему праву контролировать ходъ внутренней политики. Нѣтъ такого вопроса управленія, по которому бы онѣ въ то или другое время не представили петицій королю; особенно часты были ходатайства о передачѣ общинамъ права выбора королевскихъ совѣтниковъ, права выбора лорда-камергера и юстиціарія. Парламентъ принужденъ былъ уступить королю только въ одномъ, что онъ можетъ имѣть своихъ собственныхъ совѣтниковъ, но при этомъ палатамъ удалось настоять на томъ, что эти совѣтники будутъ извѣстны парламенту, что имена ихъ не будутъ храниться въ тайнѣ; наоборотъ, король открыто заявитъ, какія лица призваны имъ управлять страной. Парламентъ требуетъ также, чтобы совѣтники короля подлежали обвиненію нижней палаты и суду верхней. При обвиненіи того или другого изъ этихъ совѣтниковъ въ дурномъ управленіи, палаты обращаются къ королю съ ходатайствомъ, чтобы эти лица подвергнуты были штрафу или отставлены отъ должности, или, наконецъ, преданы суду палаты лордовъ. Примѣры такого суда встрѣчаются нерѣдко въ Англіи; постановляемые имъ приговоры часто отличаются большою суровостью. Уже въ XIV ст. установилось то правило, что обвиненіе того или другого совѣтника должна производить одна палата общинъ, а постановлять приговоръ по обвиненію можетъ одна палата лордовъ.

Итакъ, въ XIV и XV ст. путемъ продолжительной и упорной борьбы парламентъ мало-по-малу пріобрѣтаетъ многія изъ тѣхъ правъ, какія входятъ въ составъ его прерогативы и по настоящій день.

IX. Англія XVI вѣка. (Поворотъ къ абсолютизму.—Установленіе англиканства. — Секуляризація монастырскихъ имуществъ).

XVI столѣтіе въ исторіи Англіи, какъ и на протяженіи всего континента Европы, ознаменовано двумя крупнѣйшими событіями внутренней жизни: ростомъ монархической власти, которому соотвѣтствуетъ упадокъ сословнаго представительства, и постановкой вопроса о сохраненіи или упраздненіи единства католической церкви подъ главенствомъ папы. Оба событія, очевидно, вызваны общими всему Западу причинами; онѣ многоразличны и, не стоя въ прямой зависимости другъ отъ друга, несомнѣнно сплетены между собою тѣсными нитями; ближайшими факторами обоихъ является упадокъ средневѣковой феодальной организаціи и ростъ знаній, сказавшійся въ томъ возрожденіи наукъ и искусствъ, которое переживала въ это столѣтіе вся Европа. Укажемъ въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ на тѣ логическія послѣдствія, которыя вытекали, въ частности для Англіи, изъ встрѣчи двухъ вышеуказанныхъ факторовъ; но прежде всего отмѣтимъ различныя стороны каждаго.

Феодальный порядокъ построенъ былъ на договорномъ началѣ между наслѣдственнымъ правителемъ, его вассалами и подвассалами; сторонами въ немъ могли быть только люди свободнаго состоянія, поэтому общественные низы, въ частности все крѣпостное населеніе, не были участникомъ въ этомъ договорѣ. Такъ какъ сословныя камеры призваны были контролировать соблюденіе сторонами ихъ обоюдныхъ обязательствъ—а крѣпостное крестьянство не было такою стороною—то ему и не пришлось участвовать въ сословномъ представительствѣ. На протяженіи всей Европы, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ сѣверо-германскихъ княжествъ, въ одной только Швеціи мы встрѣчаемся съ особой крестьянской камерой, что въ свою очередь объясняется раннимъ исчезновеніемъ всякихъ слѣдовъ несвободы и земельной крѣпости, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ провинціяхъ королевства, въ средѣ далекарлійскаго крестьянства.

Къ XVI вѣку крѣпостное право падаетъ во многихъ государствахъ Европы и всего ранѣе, какъ мы видѣли, въ Англіи. Народныя массы, тѣмъ не менѣе, остаются непредставленными; все, происходящее въ государствѣ, совершается безъ ихъ вѣдома и согласія, а потому нерѣдко къ ихъ прямому ущербу. Гдѣ земельная аристократія всего болѣе призвана къ власти, тамъ она, естественно, несетъ въ глазахъ народа и ближайшую отвѣтственность за всѣ нестроенія въ государствѣ; поэтому въ Англіи, какъ въ странѣ, въ которой земельные собственники столько же призваны были къ управленію графствами, сколько и къ участію въ палатѣ лордовъ и палатѣ общинъ, не короля, а ихъ призываютъ къ отвѣту и за участившіеся случаи нарушенія мира, и за обремененіе народа податями, и за узкосословный характеръ законодательства, проявлявшійся въ Англіи съ особой откровенностью въ такихъ, напр., областяхъ, какъ регулированіе цѣнъ на трудъ или право охоты. Масса населенія перестаетъ возлагать свои надежды на парламентъ, а этотъ упадокъ довѣрія и позволяетъ монархамъ отсрочивать его созывъ на долгіе и долгіе годы.

Единственнымъ препятствіемъ къ этому является частая нужда въ деньгахъ; гдѣ казенныя земли болѣе или менѣе уцѣлѣли и государство ведетъ собственное хозяйство, тамъ налоги являются лишь дополненіемъ къ доходу, доставляемому доменами. Гдѣ, какъ въ Англіи, земельныя раздачи въ пользу аристократіи истощили земельный запасъ государства, тамъ для правительства не безразлично, въ какомъ смыслѣ будетъ рѣшенъ вопросъ о стяжательствѣ или нестяжательствѣ духовенства и въ частности о томъ, согласно ли съ ученіемъ Христа сосредоточеніе въ рукахъ церквей и монастырей обширныхъ земельныхъ владѣній. А этотъ вопросъ повсюду связанъ съ другимъ, болѣе общимъ,—объ отпаденіи отъ Рима и вселенской церкви, съ вопросомъ о реформаціи. Проведеніе послѣдней развязываетъ руки правительству, даетъ ему возможность повернуть церковныя земли на государственныя нужды, возстановить растраченный имъ доменіальный фондъ. Въ данномъ вопросѣ наглядно сказывается связь между ростомъ абсолютизма и церковной реформой. Богатѣя на счетъ церкви, правительство легче обходится безъ той денежной помощи, той субсидіи, которую парламентъ одинъ вправѣ даровать ему въ качествѣ представителя налого-плательщиковъ. Частью правительство распродаетъ церковныя имущества по сходной цѣнѣ, благопріятствуя пріобрѣтенію ихъ новой, имъ создаваемой аристократіей. Члены ея вербуются изъ среды зажиточной буржуазіи, которая предъявляла спросъ на землю и получила теперь возможность удовлетворить этотъ спросъ на выгодныхъ условіяхъ, благодаря той искусственной мобилизаціи, какой подверглась значительная часть земельной собственности, ранѣе бывшая предметомъ обладанія „мертвой руки“ въ виду неотчуждаемости церковныхъ имуществъ. Благодаря реформаціи и наступившей съ нею продажѣ церковныхъ имуществъ, правящія династіи протестантскихъ государствъ пріобрѣтаютъ возможность вступить въ выгодный об-

мѣнъ услугами съ среднимъ сословіемъ. Они открываютъ ему доступъ къ недвижимой собственности; а такъ какъ обладаніе ею—благодаря имущественному цензу, принимающему въ разсчетъ одну недвижимую собственность—обезпечиваетъ и участіе въ политической власти, то въ лицѣ членовъ буржуазіи, призываемыхъ къ завѣдыванію и городскимъ хозяйствомъ, и хозяйствомъ государственнымъ, протестантскіе правители создаютъ себѣ благодарныхъ союзниковъ. Нѣтъ, поэтому, ничего мудренаго въ томъ, если монархи протестантскихъ государствъ находятъ поддержку для своей власти и въ тѣхъ тѣсныхъ олигархическихъ совѣтахъ, къ которымъ перешла руководящая роль въ жизни города, и въ тѣхъ уполномоченныхъ, какихъ эти совѣты посылаютъ въ законодательныя собранія страны, вербуя ихъ каждый разъ изъ собственной среды.

Сказанное, въ частности, примѣнимо и къ Англіи, гдѣ, какъ мы видѣли, къ XV в. вполнѣ опредѣляется олигархическій характеръ городского управленія и вся власть переходитъ въ руки так. наз. „тѣсныхъ совѣтовъ“, составленныхъ изъ гильдейской знати, выборныхъ отъ старѣйшихъ цеховъ. Эти „тѣсные совѣты“ одни призваны къ рѣшенію вопроса, кто будетъ представлять интересы города въ парламентѣ. Такъ такъ многіе города развились изъ помѣстій и лежатъ на земляхъ феодальной аристократіи или на бывшихъ церковныхъ, нынѣ перешедшихъ въ руки облагороженныхъ семей буржуазіи, то между городской олигархіей и земельной аристократіей вообще, всего же болѣе новымъ дворянствомъ, возникаетъ тѣсная связь, позволяющая имъ совмѣстно служить интересамъ не политически-безправнаго простого народа, а стремящагося къ единовластію монарха.

Связь между ростомъ абсолютизма и торжествомъ реформаціи выпукло выступаетъ въ фактѣ перенесенія на главѣ протестантскихъ государствъ вообще, и англійскихъ монарховъ въ частности, того главенства и руководительства церковью, которое ранѣе признавалось за однимъ папою и рѣдко созываемымъ „вселенскимъ соборомъ“. Нигдѣ на Западѣ цезарепапизмъ не существуетъ въ большой степени, чѣмъ въ Англіи, и нигдѣ церковь не является, поэтому, такой опорою престола, оправдывая изреченіе короля Іакова I: „безъ англійскаго епископа не было бы и короля“ („no bishop—no King“).

Но въ ростѣ абсолютизма на протяженіи всего Запада, и въ частности въ Англіи, немалую роль играетъ и потеря феодальнымъ дворянствомъ первенствующаго значенія въ военномъ дѣлѣ; эта потеря обусловлена, какъ мы видѣли, преобладающимъ значеніемъ, какое въ сраженіяхъ пріобрѣтаетъ легкая пѣхота надъ тяжелой конницей. Введеніе въ войскахъ огнестрѣльнаго оружія еще болѣе ослабляетъ значеніе феодальныхъ ополченій и заставляетъ монарховъ, ведущихъ, подобно Генриху VIII или Елизаветѣ, міровую политику, ввѣрить наемнымъ войскамъ рѣшеніе на полѣ брани своихъ несогласій съ соперниками.

Если прибавить, что войны Алой и Бѣлой розы въ значительной степени сократили число крупныхъ аристократическихъ родовъ, успѣвшихъ сосредоточить въ своихъ рукахъ громадныя по своимъ размѣрамъ земельныя владѣнія, и что у уцѣлѣвшихъ династій отнята была законодательствомъ Генриха VII возможность держать частныя дружины, благодаря запрету такъ наз. „ливрей“, то къ числу причинъ, содѣйствовавшихъ упроченію монархической власти, прибавится въ Англіи и еще одна.

Но, разумѣется, перечисленныя причины далеко не исключаютъ параллельнаго воздѣйствія такихъ общихъ факторовъ, какъ расширеніе торговаго обмѣна и образованіе замкнутыхъ компаній для монопольнаго использованія тѣхъ громадныхъ источниковъ быстраго обогащенія, какіе представляла торговля съ Индіей. Новый болѣе дешевый морской путь, открывшійся для англичанъ вслѣдъ за голландцами, по мѣрѣ роста англійскаго военнаго и торговаго флота, сдѣлалъ возможнымъ успѣшное соперничество и съ Португаліей, и съ Испаніей. Эксплуатація Индіи монопольной ком-

паніей, въ составъ которой вошло наиболѣе богатое купечество, не могло не поощрять къ устройству другихъ подобныхъ торговыхъ компаній, также основанныхъ на монополіи. Одна ставила себѣ задачей использованіе сокровищъ Вестъ-Индіи; другая—преимуществъ, признанныхъ за англійскими купцами правительствомъ Московіи, морской путь къ которой открытъ былъ при Елизаветѣ Ченслеромъ; третья, также построенная на корпоративномъ началѣ и получившая свою особую хартію, вела исключительный торгъ съ Турціей; четвертая — съ африканскимъ побережьемъ; пятая основывала новыя англійскія поселенія въ Мэриландѣ; шестая создавала колоніи въ Виргиніи. Я не стану перечислять позднѣйшихъ по времени, какъ возникшихъ уже при Стюартахъ, напр., тѣхъ, которыми положено было основаніе Пенсильваніи и Каролинѣ. Всѣ эти торг. компаніи зависѣли въ своихъ правахъ и преимуществахъ отъ королевской милости, а такъ какъ въ составъ ихъ, рядомъ съ дворянствомъ, входило и наиболѣе зажиточное купечество, то правительство нашло въ томъ и другомъ новый оплотъ своимъ стремленіямъ къ упроченію независимой отъ парламента сильной администраціи.

Торжество абсолютизма не сказалось въ Англіи временнымъ или окончательнымъ упраздненіемъ сословныхъ представительныхъ палатъ, какъ это имѣло мѣсто, напр., въ Испаніи и Франціи. Въ исторіи Англіи мы не можемъ указать ничего, напоминающаго, хотя бы издали, то пораженіе городскихъ ополченій въ битвѣ подъ Вильяларомъ (1520 г.), которое подготовило въ Испаніи торжество абсолютизма Карла V; намъ неизвѣстно также о столь продолжительномъ перерывѣ въ дѣятельности парламента, какъ тотъ, какой представляютъ генеральные штаты, рѣдко когда созывавшіеся во Франціи уже въ XV вѣкѣ, — особенно со времени установленія постояннаго налога (taille royale) для покрытія издержекъ по содержанію постоянной арміи, что, какъ извѣстно, случилось въ царствованіе Карла VII, въ 1439 г. Англія не имѣетъ необходимости прибѣгать для обезпеченія періодичности парламента къ такимъ мѣропріятіямъ, какъ, напр., германская Wahlcapitulation 1519 г., вызванная къ жизни тѣмъ, что императоръ часто медлилъ созывомъ рейхстага, почему коллегіи курфюрстовъ и поручено было слѣдить за тѣмъ, чтобы рейхстагъ засѣдалъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ шесть лѣтъ. Еще менѣе можно говорить въ Англіи о пріостановкѣ парламента не на десятилѣтія только, но на цѣлыхъ 175 лѣтъ, какъ это было во Франціи, гдѣ генеральные штаты, не подвергшись отмѣнѣ, перестали созываться съ 1614 по 1789 г. Мы встрѣчаемся съ парламентомъ при всѣхъ и каждомъ изъ правителей, принадлежащихъ къ династіи Тюдоровъ, но только засѣдаетъ этотъ парламентъ недолго, и нерѣдко на разстояніи десятилѣтій не производится новыхъ выборовъ. Король многія дѣла законодательнаго характера рѣшаетъ единолично, съ вѣдома и при участіи своего Тайнаго совѣта, такъ что англійскіе юристы считаютъ возможнымъ говорить о торжествѣ короля въ совѣтѣ надъ королемъ въ парламентѣ, какъ выражающемъ собою переходъ конституціонной монархіи въ монархію абсолютную. Смѣшеніе указа съ закономъ, одновременно сказавшееся и во Франціи, гдѣ мѣсто ордонансовъ, издаваемыхъ вслѣдъ за сессіей генеральныхъ штатовъ, все чаще и чаще стали заступать эдикты короля и рѣшенія его королевскаго совѣта (arrêts du Conseil), позволяетъ правительству Генриха VIII, Эдуарда VI и Елизаветы регулировать съ помощью т. наз. „королевскихъ прокламацій“, или „ordinances of the privy council“ такія отношенія, какія ранѣе могли быть нормируемы только закономъ.

Кульминаціонный пунктъ въ развитіи абсолютизма былъ достигнутъ въ Англіи въ 1539 г., когда парламентъ довелъ свое раболѣпіе передъ Генрихомъ VIII до того, что путемъ статута принялъ слѣдующее постановленіе: „отнынѣ указы, изданные королемъ, съ участіемъ его совѣта, будутъ имѣть ту же обязательную силу, что и законы“. Такое правило удержано

*

было въ силѣ, впрочемъ, недолго: при Эдуардѣ VI въ 1547 г. парламентъ объявляетъ, что рѣшеніе, принятое восемью годами ранѣе, не можетъ считаться законномѣрнымъ прецедентомъ (legal precedent), т. е. устанавливающимъ обязательную практику и на будущее время.

Во все время правленія Тюдоровъ, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы, рѣшающее вліяніе имѣетъ Тайный совѣтъ и отдѣлъ его, извѣстный подъ именемъ „Звѣздной Палаты". Намъ необходимо, поэтому, хотя бы вкратцѣ познакомиться съ происхожденіемъ этого учрежденія и съ его исторіей въ занимающій насъ періодъ. Тайный совѣтъ и въ наши дни не отмѣненъ, но его собираютъ рѣдко; назначеніе же въ тайные совѣтники считается почетнымъ званіемъ и даетъ право женѣ избраннаго именоваться „лэди" (lady). Въ число тайныхъ совѣтниковъ попадаетъ много лицъ выдающихся, благодаря чему въ нѣкоторыхъ проектахъ реформы палаты лордовъ, какъ, напр., въ томъ, который задуманъ былъ историкомъ Фриманомъ, рекомендовалось использовать членовъ Совѣта для введенія въ верхнюю палату людей поистинѣ выдающихся своими знаніями и практической опытностью. Тайный совѣтъ, какъ цѣлое, продолжаетъ руководить дѣлами тѣхъ колоній, которыя не имѣютъ парламентскихъ учрежденій или самостоятельнаго главнаго управленія, какимъ для Индіи, напр., является т. наз. „Indian Office". Всѣ признаваемыя за совѣтомъ функціи являются пережитками того далекаго прошлаго, когда онъ, по массѣ проходившихъ чрезъ него дѣлъ и вліянію на общій ходъ государственной политики, имѣлъ несомнѣнно перевѣсъ надъ парламентомъ.

Мы встрѣчаемся впервые, какъ уже было сказано, съ упоминаніемъ о Большомъ совѣтѣ еще при короляхъ норманской династіи; изъ него со временемъ развился парламентъ, но нѣкоторые члены Большого совѣта, наиболѣе близкіе къ монарху, составили при немъ постоянное коллегіальное учрежденіе подъ наименованіемъ „обыкновеннаго совѣта" (consilium ordinarium). Этотъ совѣтъ, обособившійся отъ другихъ частей „королевской куріи" (Curia Regis), и есть тотъ, который впослѣдствіи сталъ извѣстенъ подъ именемъ „частнаго, или тайнаго совѣта"; онъ былъ образованъ изъ лицъ, нерѣдко расходившихся въ своихъ воззрѣніяхъ на дѣла управленія и потому не солидарныхъ между собою. Этимъ объясняется, что его засѣданія нерѣдко были бурными; королю иногда приходилось соглашаться съ меньшинствомъ, а иногда—принимать рѣшенія, одинаково несходныя съ тѣми, которыя нашли себѣ сочувствіе въ большинствѣ и меньшинствѣ. Одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ исторіи парламента въ періодъ отъ 1295 г., которымъ открывается правильный созывъ его, до 1640 г. является соперничество его съ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ—Тайнымъ совѣтомъ короля.

Не разъ Тайный совѣтъ позволялъ себѣ законодательствовать по вопросамъ, которые по праву принадлежали вѣдѣнію парламента. Не разъ также король обязанъ былъ подчиняться упорнымъ требованіямъ парламента и давалъ обѣщаніе, что онъ не будетъ дѣлать того или другого „помимо согласія королевства и иначе, какъ къ общей его пользѣ".

Это — буквальная формула, встрѣчаемая въ „томъ подтвержденіи хартій", которое издано было Эдуардомъ I. Короли изъ династіи Плантагенетовъ были менѣе уступчивы по вопросу о законодательной власти короля; когда въ 1390 г., „общины" стали настаивать на томъ, чтобы послѣ закрытія парламента канцлеръ и тайные совѣтники не издавали указовъ, несогласныхъ съ земскимъ правомъ, старинными обычаями страны и парламентскими статутами, Ричардъ II отвѣтилъ имъ заявленіемъ: „что было дѣлаемо прежде, будетъ дѣлаемо и впредь".

Однимъ изъ обвиненій, возведенныхъ на Ричарда было то, что законы „лежатъ въ груди короля и оповѣщаются его устами", другими словами, что онъ можетъ измѣнять ихъ и создавать новые по своему усмотрѣнію при совѣщательной дѣятельности Со-

вѣта. Вплоть до эпохи гражданскихъ войнъ, поведшихъ къ республикѣ и протекторату Кромвеля, общеобязательныя нормы издавались Совѣтомъ, другими словами, онъ конкурировалъ въ этомъ отношеніи съ парламентомъ. Только въ правленіе королевы Анны окончательно было установлено, что Совѣтъ путемъ указовъ, или ordinances, не можетъ создавать новаго закона, а только придаетъ силу уже существующимъ. Главное возраженіе противъ Совѣта было то, что члены его несли отвѣтственность только предъ королемъ; отсюда естественное желаніе парламента сдѣлать Совѣтъ зависимымъ отъ себя.

При Тюдорахъ Совѣтъ получаетъ особое вліяніе: при Генрихѣ VIII парламентъ въ первый разъ въ теченіе шести, во второй разъ — въ теченіе семи лѣтъ совсѣмъ не созывается. Королева Елизавета созвала его 13 разъ, но, какъ общее правило, парламентъ засѣдалъ только отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ; за 45 лѣтъ ея правленія онъ, въ общемъ, былъ въ сборѣ въ теченіе 18-ти мѣсяцевъ. Въ виду сказаннаго можно утверждать, что въ теченіе всего царствованія Тюдоровъ короли управляли страною при участіи Совѣта. Парламентъ, повидимому, мирился со своей ограниченной ролью; при Тюдорахъ нѣтъ попытокъ съ его стороны подвергнуть ближайшихъ совѣтниковъ короля тому обвиненію или impeachment, какое направлено было съ цѣлью подчинить себѣ Совѣтъ, напр., противъ Михаила де-ла-Поль въ правленіе Ричарда II.

Въ составъ Тайнаго совѣта входили люди большихъ дарованій, во многомъ расходившіеся между собою, но сдерживаемые въ извѣстныхъ границахъ одинаковою боязнью короля. Если ихъ совѣты не были принимаемы, они соединяли свои усилія для проведенія рѣшеній, на которыхъ остановился монархъ. Особенное значеніе получили нормы, подготовляемыя Совѣтомъ, съ 1539 г., когда парламентомъ было признано, что „королевскія прокламаціи“ подлежатъ исполненію въ той же степени, что и постановленія парламента. Это постановленіе, какъ мы видѣли, не было оставлено въ силѣ, но и послѣ этого „прокламаціи“, т. е. указы, издаваемые королемъ при участіи Совѣта, продолжали регулировать почти всѣ стороны народной жизни, начиная отъ костюма и стола, которые должны были, по мнѣнію Совѣта, отвѣчать общественному положенію каждаго, и оканчивая мѣрами, направленными къ поощренію торговаго флота и образованію новыхъ колоній.

Долгое время члены Совѣта не состояли членами парламента; но постепенно при Тюдорахъ они стали проходить на выборахъ въ нижнюю палату и попадали такимъ образомъ въ положеніе, позволявшее имъ служить какъ бы посредниками въ сношеніяхъ между короною и „общинами“.

При дѣтяхъ Генриха VIII стало обычнымъ присутствіе въ нижней палатѣ значительнаго числа членовъ совѣта; они не принимали въ немъ роли руководителей, но служили къ усиленію королевскаго вліянія. При Генрихѣ же VIII сдѣлана была попытка упрочить королевское вліяніе въ верхней палатѣ. Канцлеръ, казначей, лордъ-хранитель частной печати и предсѣдатель Совѣта—въ томъ случаѣ, если они были пэрами королевства — должны были въ торжественныхъ процессіяхъ выступать впереди всѣхъ другихъ пэровъ, а королевскій секретарь, разъ онъ былъ епископомъ или барономъ, имѣть первое мѣсто въ рядахъ всѣхъ прочихъ епископовъ и бароновъ.

Неправильна та точка зрѣнія, которая приписываетъ Генриху VII созданіе, въ качествѣ новаго учрежденія, „Звѣздной Палаты“ для разслѣдованія и суда такихъ, напр., дѣлъ, какъ вербованіе людей въ свиту частныхъ сеньеровъ (livery), подкупъ присяжныхъ, злоупотребленія при составленіи ихъ списковъ и т. д. И гражданское и уголовное правосудіе могло быть отправляемо Совѣтомъ короля, но гражданскія тяжбы рано перешли въ вѣдѣніе суда казначейства, суда общихъ тяжбъ и канцлерскаго, и поэтому одна уголовная юрисдикція была удержана Совѣтомъ и сосредоточилась въ томъ отдѣленіи его, которое стало именоваться „Звѣздной Палатой“. Долгое время думали, что это названіе получено

было ею отъ того, что въ залѣ, въ которомъ она собиралась, потолокъ изображалъ звѣздное небо. Въ настоящее время предлагаютъ и другое толкованіе, связывающее съ традиціей Соломонова храма и принесшими ее въ Европу крестоносцами происхожденіе внѣшняго вида потолка „Звѣздной Палаты“. Бэконъ, въ своей исторіи Генриха VII, говоритъ, что подобно тому, какъ канцлерскій судъ пріобрѣлъ права римскаго претора, какъ высшій судъ „по совѣсти“, такъ точно Звѣздной Палатѣ даровано было право вершить всѣ уголовныя дѣла, не требовавшія постановки смертныхъ приговоровъ. Важнѣйшими дѣлами, ей поручаемыми, были мятежи и, вообще, тяжкія и опасныя нарушенія общественнаго мира и спокойствія.

Если правленіе Тюдоровъ представляетъ своего рода политическую реакцію, отступленіе отъ тѣхъ констит. порядковъ, которые сложились въ средневѣковой Англіи при Плантагенетахъ и Ланкастерахъ, то въ отношеніи къ общественному развитію Англіи оно многими писателями, въ числѣ ихъ Фрудомъ, признается эпохой поступательнаго движенія. Нельзя, конечно, согласиться съ этимъ извѣстнымъ англійскимъ историкомъ въ томъ, что правленіе не только Елизаветы, но и Генриха VIII было своего рода золотымъ вѣкомъ для низшихъ слоевъ населенія. Въ этомъ отношеніи, разумѣется, справедлива критика, которой утвержденія Фруда подверглись со стороны издателя архивнаго матеріала, касающагося царствованія Генриха VIII, Брюэра. И все же приходится сказать, что никогда еще въ англійской жизни со временъ Вильгельма I не поставлено было столько новыхъ соціальныхъ проблемъ, какъ въ XVI столѣтіи, когда сразу поднята была рѣчь и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ упраздненіи если не церковной вообще, то монастырской собственности и, рядомъ съ нею, по роковой ошибкѣ, собственности корпорацій, которыя, какъ гильдейскія, напр., имѣли съ монастырями мало общаго.

Связанный не съ однимъ упраздненіемъ монастырей, но и съ предписаннымъ еще Генрихомъ VII обязательнымъ роспускомъ частныхъ свитъ, численный ростъ бездомныхъ людей былъ еще ускоренъ продолжавшимся разложеніемъ средневѣковой надѣльной системы. Немудрено, если въ Англіи дороги покрылись бродячимъ людомъ, ищущимъ, но не находящимъ себѣ занятій. Бѣдность стала еще болѣе возрастать съ тѣхъ поръ, какъ король, растративъ доходъ, доставленный ему продажей монастырскихъ имуществъ, для поддержанія внѣшнихъ войнъ и блеска двора, не отступилъ передъ мыслью стать самому фальшивомонетчикомъ и пустить въ обращеніе новые фунты стерлинговъ и новые шиллинги съ примѣсью въ первыхъ—одной шестой, а во вторыхъ—двухъ третей мѣди. Въ Англіи въ это время впервые ставится вопросъ о томъ, что дѣлать съ бродягами? Генрихъ VIII останавливается на планѣ преслѣдовать ихъ уголовными законами; Елизавета замѣняетъ карательныя мѣры благотворительными и возлагаетъ призрѣніе нищихъ на приходы. Приходское управленіе вскорѣ присоединяетъ къ этимъ задачамъ и другія, напр., заботу о содержаніи дорогъ. Мѣстное самоуправленіе, завершаемое сверху созданіемъ почетной должности начальника надъ милиціей графствъ, лорда-лейтенанта, получаетъ снизу свой фундаментъ въ самоуправленіи прихода съ его старостами и надзирателями за бѣдными, вскорѣ восполняемымъ надзирателями за дорогами и т. д., и т. д. Всѣ эти избираемые населеніемъ, индивидуальные органы власти дѣйствуютъ при участіи коллегіальныхъ совѣтовъ, роль которыхъ играютъ т. наз. „открытыя“, т. е. собиравшіяся на церковной паперти, приходскія собранія и болѣе тѣсный совѣтъ частью выбираемыхъ, частью назначаемыхъ мировыми судьями лицъ, которыя вмѣстѣ со священникомъ прихода собираются въ закрытомъ помѣщеніи, въ ризницѣ, дающей свое названіе *vestry* и самому учрежденію.

Отливъ сельскаго населенія въ города въ связи съ переворотомъ, переживаемымъ деревней и сказывающимся, какъ мы увидимъ, въ частичномъ

упраздненіи системы открытыхъ полей и мірского пользованія, отчасти парализованъ законодательствомъ Генриха и Елизаветы, принуждающимъ приходы противиться поселенію пришельцевъ, матеріально необезпеченныхъ, изъ страха, что они лягутъ бременемъ на приходскую казну и увеличатъ размѣръ платимаго приходомъ налога на нужды нищихъ (poor-rate).

Ростъ городовъ, въ особенности сѣверныхъ и юго-западныхъ, развитіе англійскаго торговаго оборота и перемѣщеніе центра обмѣна съ Нѣмецкаго моря на Ламаншъ и океанъ, въ виду оживленія оборотовъ съ Индіей, Вестъ-Индіей и американскимъ материкомъ, сильное развитіе колоній, которое, въ связи съ начавшимся преслѣдованіемъ передовыхъ протестантскихъ сектъ, уноситъ изъ Англіи избытокъ ея свободныхъ рукъ,—все это необходимо переноситъ интересъ изъ области политической жизни въ область общественныхъ условій и соціальныхъ потрясеній, въ родѣ одно время побѣдоноснаго мятежа Кета въ восточныхъ графствахъ или тѣхъ массовыхъ стачекъ рабочихъ, которыя ознаменовали царствованіе Елизаветы и побудили ее попытаться предупредить разрывъ между капиталомъ и трудомъ съ помощью нормированія правительственными учрежденіями размѣра заработной платы. Поэтому въ очеркѣ Тюдоровской Англіи, вслѣдъ за краткимъ перечнемъ важнѣйшихъ событій, въ числѣ которыхъ реформація занимаетъ центральное мѣсто, намъ необходимо остановиться главнымъ образомъ на общественномъ развитіи страны въ годы отъ 1500 по 1603.

Въ нашемъ очеркѣ англійской исторіи внѣшнимъ событіямъ отводится небольшое число страницъ; они интересуютъ автора лишь настолько, насколько отражаются на внутренней жизни страны. Вотъ почему міровая политика Генриха VIII, Маріи Тюдоръ и Елизаветы можетъ быть затронута здѣсь лишь со стороны ея результатовъ.

Первая половина царствованія Генриха VIII почти всецѣло поглощена этой міровой политикой. Генрихъ вмѣшивается въ борьбу папы Юлія II и образованной имъ „священной лиги“ съ цѣлью парализовать дальнѣйшіе успѣхи Франціи на Апеннинскомъ полуостровѣ. Вѣковая соперница Англіи не могла, конечно, не встрѣтиться въ этой борьбѣ съ наслѣдникомъ притязаній Плантагенетовъ и Ланкастеровъ на обладаніе, по меньшей мѣрѣ, портами на сѣверномъ ея берегу. Генрихъ VIII, дѣйствительно, въ 1513 году высаживается въ Калэ съ 25.000 войска, наноситъ рѣшительное пораженіе французской сѣверной арміи въ сраженіи, извѣстномъ подъ названіемъ „битвы шпоръ“ (въ память о томъ, какъ быстро французская конница обратилась въ бѣгство, показывая непріятелю свои шпоры) и овладѣваетъ городами Турнэ и Теруаномъ. Война оканчивается въ 1514 г. тѣмъ, что Людовикъ XII откупается отъ Генриха деньгами и обѣщаніемъ брака съ его любимой сестрой Маріей, обѣщаніемъ, которое вскорѣ и было исполнено.

Французская война еще не успѣла закончиться, какъ мы видимъ Генриха VIII воюющимъ съ шотландцами. Ихъ король, Іаковъ IV, падаетъ въ одномъ изъ сраженій, и на престолъ Шотландіи вступаетъ его малолѣтній сынъ, Іаковъ V, что, разумѣется, требуетъ установленія регентства, въ теченіе котораго Англія не имѣетъ основанія ожидать новыхъ нападеній на свою сѣверную границу со стороны безпокойнаго сосѣда. Политикой Генриха VIII въ эту первую половину царствованія руководитъ очень талантливый человѣкъ, Томасъ Уольси (Tomas Wolsey), сынъ мясника въ Ипсвичѣ, избравшій духовную карьеру и въ 1515 г., будучи уже архіепископомъ Іоркскимъ и канцлеромъ королевства, получившій отъ папы кардинальскую красную шляпу. Вскорѣ затѣмъ онъ становится легатомъ римскаго двора въ Англіи. Ко времени, когда Уольси сдѣлался руководителемъ англійской политики, въ Испаніи воцарился Карлъ V, а во Франціи — Францискъ I. Съ молодости оба монарха выступили соперниками; они продолжали оставаться ими и при замѣщеніи имперскаго стола. Выборъ курфюрстовъ палъ на Карла, и это обстоятельство, разумѣется, только усилило

враждебность къ нему Франциска. Въ этомъ всю жизнь продолжавшемся соревнованіи каждой изъ сторонъ естественно было искать союзника въ Генрихѣ, а въ крайнемъ случаѣ довольствоваться однимъ его нейтралитетомъ. Но весь предшествующій ходъ событій, вѣковыя притязанія норманской и анжуйской династіи на нормандское герцогство, на часть французскихъ владѣній и одно время на самый престолъ Франціи, предрѣшали вопросъ, на чью сторону станетъ Генрихъ. Немудрено поэтому, если мѣсяцъ спустя послѣ дружеской встрѣчи въ 1520 г. близъ Калэ Генрихъ въ Гравелинѣ заключаетъ тайный союзъ съ Карломъ, направляя его противъ Франціи.

Вмѣшательство въ міровую политику и предпринятыя съ этой цѣлью войны необходимо должны были истощить тѣ сокровища, какія Генриху VII удалось накопить; его сынъ принужденъ былъ обратиться къ высокому обложенію своихъ подданныхъ. Такъ какъ трудно было разсчитывать на готовность парламента вотировать требуемыя правительствомъ субсидіи, то король въ теченіе ряда лѣтъ, отъ 1515 по 1523, и затѣмъ въ 1527 и 1528 вовсе не созываетъ парламента, а это заставляетъ его прибѣгнуть къ насильственнымъ поборамъ и займамъ у наиболѣе зажиточныхъ гражданъ; первые, какъ и ранѣе, именовались „добровольными приношеніями“ (benevolences). Населеніе приписывало эти мѣры главному совѣтнику короля, Уольси, заподазривало его въ томъ, что часть денегъ затрачивалась имъ съ цѣлью подготовить свое избраніе въ папы, и относилось къ нему съ нескрываемымъ нерасположеніемъ.

Эпоха, о которой теперь идетъ рѣчь, была свидѣтельницей реформаціоннаго движенія Мартина Лютера; это движеніе могло встрѣтить сочувствіе въ англійскомъ обществѣ, въ которомъ еще Виклефомъ, какъ мы видѣли, положены были первыя начала недружелюбнаго отношенія къ римской куріи. Переводъ Библіи на англійскій языкъ открылъ для незнакомыхъ съ латынью мірянъ возможность критики отдѣльныхъ догматовъ вселенской церкви, между прочимъ того, что въ таинствѣ евхаристіи хлѣбъ и вино превращаются въ тѣло и кровь Христовы.

Преслѣдованія, которымъ подверглись при Ланкастерахъ послѣдователи Виклефа, на время остановили ходъ народной реформаціи. Но несомнѣнныя злоупотребленія, вкравшіяся въ ряды католическаго духовенства, честолюбивые замыслы, роскошь и распутство римскаго стола въ эпоху, когда во главѣ его стоялъ или явный преступникъ, какъ Александръ Борджіа, или такой воитель и политикъ, какъ Юлій II, или, наконецъ, такой артистъ въ душѣ и слабый вѣрою горячій ревнитель возрожденія наукъ и искусствъ, какъ Левъ X, снова оживили въ широкихъ кругахъ недовольство, по преимущ. высшимъ духовенствомъ. Монастыри, размножившіеся въ Англіи въ невѣроятномъ числѣ (ихъ насчитывали въ 1536 и 1537 г. 619), накопляли въ своихъ рукахъ не только громадныя сокровища, но и обширныя помѣстья. Не довольствуясь приношеніями ежегодно притекающихъ массъ странниковъ-богомольцевъ, они обезпечивали себѣ добавочный доходъ тѣмъ, что причисляли церковные приходы въ селахъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ отправленіе богослуженія возлагалось на членовъ монашествующей братіи. Не желая въ то же время нести связанныхъ съ званіемъ священника обязанностей, члены чернаго духовенства обыкновенно довольствовались назначеніемъ викаріевъ съ недостаточнымъ образованіемъ за малое вознагражденіе; а такія лица, очевидно, не подготовлены были къ проповѣди и не пользовались нравственнымъ вліяніемъ на паству. Число абсентеистовъ въ средѣ высшаго духовенства возрастало все болѣе и болѣе: Уольси занималъ одновременно три епископскихъ стола и не показывался ни на одномъ изъ нихъ; Фоксъ, епископъ винчестерскій, въ теченіе 20 лѣтъ отсутствовалъ изъ своей епархіи. Если торговля индульгенціями возмутила Мартина Лютера, то въ Англіи имѣлось достаточно причинъ недовольства, чтобы, и помимо этого факта, вызвать освободительное движеніе въ средѣ церкви. Но Генрихъ VIII отнюдь не имѣлъ въ виду сыграть роль Фридриха Саксонскаго.

За свое правовѣріе, обнаруженное въ книгѣ, направленной противъ Лютера, онъ былъ награжд. папою Львомъ X титуломъ „защитника вѣры". Такимъ образомъ не подъ вліяніемъ внутренняго убѣжденія или желанія пойти навстрѣчу сказавшемуся въ народѣ запросу, а по причинамъ чисто личнаго характера Генрихъ VIII съ 1527 г. вступаетъ въ распрю съ папскимъ столомъ, которая мало-по-малу приводитъ его къ разрыву съ Римомъ, къ сосредоточенію въ собственныхъ рукахъ главенства надъ церковью и къ основанію новой церкви,—скорѣе церкви, чѣмъ религіозной секты, такъ какъ англиканство, по крайней мѣрѣ при Генрихѣ VIII, еще не подымало спора о догматахъ, сохраняло католическія формы культа и только отказывало папѣ въ признаніи его верховенства.

Ближайш. мотивомъ было желаніе Генриха развестись со своей супругой Екатериной Арагонской, которая была некрасива, старше его на много лѣтъ и имѣла въ числѣ своихъ фрейлинъ очаровательную Анну Болейнъ, въ которую влюбился пылкій король. Кромѣ любви, Генрихомъ VIII руководило еще желаніе имѣть сына-наслѣдника. Отъ Екатерины же Арагонской у Генриха родилась только дочь, будущая королева Марія Жестокая. Предлогомъ къ разводу король выдвинулъ слѣдующее обстоятельство. Екатерина была вдовою его старшаго брата Артура. Генрихомъ овладѣло сомнѣніе въ томъ, насколько законномѣрнымъ можетъ считаться бракъ съ невѣсткой. Цѣлая литература возникла вскорѣ по вопросу о томъ, согласно или не согласно съ христіанской моралью такое супружество и можетъ ли считаться вступившая въ него женщина законной женой, а рожденныя отъ нея дѣти—законными дѣтьми. Генрихъ VIII, разумѣется, сталъ высказываться въ отрицательномъ смыслѣ; но папа отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на его просьбу о непризнаніи его брака законнымъ, такъ какъ не желалъ ссориться съ императоромъ Карломъ. Завязавшіеся еще въ 1527 г. переговоры кончились 2 года спустя требованіемъ папы Климента VII, чтобы дѣло было перенесено на окончательное разбирательство въ Римъ. Генрихъ VIII ошибочно заподозрилъ своего канцлера Уольси въ интригахъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ принятіе такого рѣшенія; желая избавиться отъ него и въ то же время сложить на его плечи недовольство, вызванное высокими поборами, онъ объявилъ, къ немалому изумленію своего министра, что все, сдѣланное имъ въ этомъ направленіи, произошло безъ его вѣдома и согласія. Уольси былъ отставленъ отъ должности, и противъ него начато было преслѣдованіе за нарушеніе статута, запрещавшаго веденіе переговоровъ съ Римомъ безъ королевскаго согласія. Обвиненіе это было тѣмъ болѣе несправедливо, что назначеніе Уольси легатомъ въ Англіи не встрѣтило ранѣе никакого противодѣйствія со стороны Генриха. Кардиналу пришлось переселиться въ архіепископію въ Іоркѣ, но Генрихъ VIII и здѣсь не оставилъ его въ покоѣ: годъ спустя противъ Уольси выдвинуто было новое обвиненіе въ государственной измѣнѣ, и только внезапная смерть, постигшая его на пути въ Лондонъ, помѣшала дальнѣйшей мести его враговъ, во главѣ которыхъ стояла сама Анна Болейнъ и ея дядя, герцогъ Норфолькскій.

Новые люди смѣнили теперь при Генрихѣ еще недавно всемогущаго кардинала: открытый Уольси Томасъ Кромвель, человѣкъ низкаго происхожденія, пробившійся въ люди благодаря уму и таланту, сдѣлался совѣтникомъ короля по свѣтскимъ дѣламъ, а Томасъ Кранмеръ, уже затронутый идеями континентальн. реформаторовъ, сталъ главнымъ совѣтникомъ Генриха VIII въ дѣлахъ церковныхъ. Сдѣлавшись архіепископомъ кентерберійскимъ, онъ посовѣтовалъ передать въ руки англійскаго суда рѣшеніе вопроса о разводѣ, самъ принялъ участіе въ постановленіи рѣшенія и высказался въ желательномъ для короля смыслѣ. Генрихъ поспѣшилъ вступить въ бракъ съ Анной Болейнъ, которая вскорѣ родила ему дочь Елизавету, объявленную законной наслѣдницей престола въ ущербъ ея старшей сестрѣ Маріи. Король потребовалъ клятвы у своихъ подданныхъ въ признаніи ея правъ.

Ея не рѣшились принести канцлеръ королевства, Томасъ Моръ (Thomas More), авторъ „Утопіи“, и Фишеръ, епископъ рочестерскій. Оба были казнены. Папа Павелъ III, заступившій мѣсто умершаго Климента, 15 дек. 1538 г. объявилъ Генриха не только отлученнымъ отъ церкви, но и лишеннымъ престола. Возможность всякаго поворота назадъ исчезла, и Генрихъ VIII поспѣшилъ извлечь всѣ выгоды изъ новаго положенія, которое создано было для него разрывомъ съ Римомъ. Духовенству повелѣно было обращаться впредь къ королю, какъ къ верховному главѣ церкви, съ прибавкою: насколько это дозволяетъ законъ Христовъ. А Генрихъ согласился простить церковнымъ іерархамъ нарушеніе ими статута praemunire въ фактѣ признанія архіепископа Уольси папскимъ легатомъ, но, разумѣется, не даромъ, а послѣ уплаты ему церковной конвокаціей 118.000 ф. стер.

Упраздненіе монастырей, сперва мелкихъ, а затѣмъ и конфискація ихъ собственности явилась ближайшимъ актомъ использованія королемъ его положенія главы и реформатора церкви. Этой секуляризаціи монастырскихъ имуществъ предшествовало разслѣдованіе дѣйствительнаго положенія монастырей, извѣстное подъ названіемъ „visitation“, т.-е. посѣщеніе ихъ особой, назначенной королемъ слѣдственной комиссіей. Члены ея въ 1535 г. представили опись имуществъ монастырей; она была издана подъ названіемъ „Valor ecclesiasticus“ и обстоятельно изучена русскимъ историкомъ г. Савинымъ въ его книгѣ „Англійская секуляризація“. Эта работа выполнена была настолько полно и удачно, что проф. Виноградовъ счелъ нужнымъ озаботиться переводомъ части ея на англійскій языкъ и включилъ ее въ свои „оксфордскія работы по соціальной и правовой исторіи“. На основаніи очень тщательнаго разбора обильнаго матеріала, заключающагося въ этихъ документахъ, проф. Савинъ подвергаетъ сомнѣнію нѣкоторые изъ установившихся взглядовъ на роль монастырей и на значеніе, какое имѣло ихъ упраздненіе для общественныхъ судебъ страны. Лучшее изъ ранѣе напечатанныхъ изслѣдованій о монастырской жизни Англіи принадлежитъ іезуиту Гаске. Гаске представилъ англійскую реформацію, какъ своего рода возстаніе богатыхъ противъ бѣдныхъ; она сдѣлала первыхъ зажиточнѣе прежняго и отняла у неимущихъ классовъ послѣднее, на что они могли разсчитывать, а именно матеріальную поддержку такого демократическаго института, какимъ были монастыри, считавшіе будто-бы свою собственность наслѣдіемъ бѣдныхъ. Согласно Гаске, излагаетъ русскій изслѣдователь, благодѣтельное вліяніе монастырей не ограничивалось одними дѣлами призрѣнія, число жителей, пользовавшихся ихъ помощью, было по меньшей мѣрѣ въ 10 разъ больше числа самихъ монаховъ; въ своемъ благодушіи монастыри довольствовались низкими рентами съ своихъ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Наличность монастыря была благодѣтельна для всей сосѣдней округи, такъ какъ весь свой доходъ онъ тратилъ на мѣстѣ, доставляя заработки сосѣднимъ купцамъ и ремесленникамъ. Такъ какъ монастыри распространены были по всей странѣ, то ихъ большой доходъ распредѣлялся въ средѣ всего населенія королевства. Всему этому, разумѣется, по мнѣнію Гаске, положенъ былъ конецъ секуляризаціей. Упраздненіе монастырей гибельно отразилось на народныхъ массахъ и увеличило число пролетаріевъ. До этого лица, державшія отъ монастырей землю, были защищены въ размѣрѣ своихъ рентъ вѣковѣчнымъ обычаемъ; онъ исчезъ вслѣдъ за секуляризаціей и оставилъ слабаго беззащитнымъ по отношенію къ тираніи сильнаго. Земельные собственники, смѣнившіе монаховъ, были люди безсердечные; они повысили ренты. Раньше монастырскій доходъ шелъ въ руки мѣстнаго населенія, теперь съ тѣхъ же земель потекли ежегодно большія суммы въ руки лондонскаго казначейства, а затѣмъ, послѣ распродажи имѣнія,—къ жившимъ при дворѣ аристократамъ, пріобрѣтателямъ монастырскихъ имуществъ.

Противъ этого ходячаго ученія, многія стороны котораго я не прочь раздѣлить, А. Н. Савинъ направляетъ

свою критику. Число лицъ, жившихъ на счетъ монастырей, пишетъ онъ, далеко не было такъ многочисленно, какъ думалъ Гаске, и они далеко не носили того плебейскаго характера, какой онъ имъ приписываетъ; на основаніи отчетовъ объ упраздненіи монастырей, можно притти къ заключенію, что число мірянъ, жившихъ на счетъ монастырей, всего въ 3—4 раза превышало число монаховъ. По приблизительному подсчету это число можетъ быть выражено цифрою въ 35.000 человѣкъ. Въ составъ ихъ входили не одни пауперы, но также чиновники и рабочіе, которые легко могли найти занятіе и послѣ упраздненія монастырей. Нельзя также сказать, что монастырскій бюджетъ былъ обремененъ только тратами на низшіе слои общества; многіе монахи сами были джентльменами, часто принадлежали къ лучшимъ семьямъ королевства; въ монастырскихъ школахъ обучались дѣти не однѣхъ бѣдныхъ семей, но и джентльменовъ, а въ школахъ для дѣвочекъ, содержимыхъ монастырями, можно было встрѣтить, пожалуй, больше дочерей дворянскихъ семей, чѣмъ изъ семей простонародья. Монастырское гостепріимство распространялось на всѣ классы общества, а связанныя съ монастырской администраціей должности часто занимаемы были членами дворянства — рыцарями и даже пэрами королевства. Наконецъ, монастырскія земли снимаемы были въ аренду нерѣдко джентльменами. Приписывать монахамъ только демократическія симпатіи было бы ошибочно; настоятели главныхъ монастырей принимали участіе въ палатѣ лордовъ и, разумѣется, считали себя весьма важными персонами; да и простые монахи жили съ большимъ комфортомъ. Въ болѣе бѣдныхъ провинціальныхъ монастыряхъ число служителей и сельскихъ рабочихъ было весьма ограничено, и ручной трудъ падалъ на самихъ монаховъ. Нищенствующіе ордена, по всей вѣроятности, симпатизировали пролетаріату, остальные же тянулись къ высшимъ и среднимъ классамъ (см. „English monastery on the eve of the dissolution“, by Alexander Savine. Oxford, 1909; 263—297).

Всѣ эти замѣчанія могутъ быть справедливы и они все же не умаляютъ того общаго впечатлѣнія, какое производитъ перемѣщеніе значительной [1]) массы земельныхъ имуществъ изъ рукъ „мертвой руки“ на рынокъ, на которомъ, разумѣется, люди достаточные—среднее сословіе селъ и городовъ—необходимо должны были получить рѣшающій голосъ въ ихъ пріобрѣтеніи.

За невозможностью вывести изъ сочиненія г. Савина опредѣленное представленіе о размѣрѣ церковныхъ имуществъ, мы поставлены въ необходимость довольствоваться весьма, разумѣется, приблизительными и спорными оцѣнками современниковъ или выводами позднѣйшихъ историковъ и экономистовъ. Всѣ они сводятся къ тому, что не менѣе четверти хозяйственно-утилизируемыхъ земель сосредоточилось въ рукахъ церкви, а монастырская собственность, разумѣется, преобладала надъ собственностью отдѣльныхъ храмовъ и приходовъ, такъ что приведенную оцѣнку можно уменьшить развѣ на треть, не болѣе; а если такъ, то мы вправѣ говорить о монастырскихъ имуществахъ, какъ составлявшихъ шестую или седьмую часть всей культивируемой площади.

Какъ видно изъ текста парламентскихъ статутовъ и свидѣтельства современниковъ секуляризаціи, правительство предполагало обратить полученныя путемъ ея средства частью на усиленіе оборонительныхъ средствъ страны, частью на дѣла общественнаго призрѣнія и народнаго образованія. Располагая палаты къ утвержденію проекта секуляризаціи, говоритъ г. Соколовъ въ своей монографіи „Реформація въ Англіи“, правительство въ 31-й годъ царствованія Генриха VIII заявило и о своихъ намѣреніяхъ. Изъ этого заявленія мы узнаемъ, что

[1]) Сочиненіе г. Савина не позволяетъ намъ сказать, какъ велика была эта масса и въ какомъ отношеніи она стояла ко всей хозяйственно-утилизируемой земельной площади въ королевствѣ. Онъ стремится только породить сомнѣніе въ точности ранѣе сдѣланныхъ приблизительныхъ оцѣнокъ, а тѣмъ болѣе категорическихъ утвержденій на этотъ счетъ самихъ современниковъ секуляризаціи.

имѣлось въ виду не обращать пріобрѣтенныхъ имѣній въ частную собственность, но обогатить ими государственное казначейство, дабы государство могло съ успѣхомъ поддерживать свое достоинство во внѣшней политикѣ, содержа съ этою цѣлью 40 тысячъ хорошо вооруженныхъ воиновъ и не безпокоя впредь подданныхъ требованіемъ субсидій, податей, займовъ и т. п. Изъ опасенія, чтобы честь и достоинство государства не потерпѣли ущерба отъ упраздненія 29 духовныхъ лордовъ, король высказывалъ намѣреніе восполнить эту убыль назначеніемъ достаточнаго числа лордовъ свѣтскихъ. Въ предисловіи къ биллю, внесенному Кромвелемъ въ томъ же году на обсужденіе англійскаго парламента, биллю, задачей котораго было предоставить королю право созданія новыхъ епархій, высказывалось желаніе, чтобы конфискованныя у монастырей имущества пошли на поощреніе народнаго образованія, на содержаніе стипендіатовъ въ университетахъ, на учрежденіе каѳедръ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, на обезпеченіе престарѣлыхъ слугъ государства, на общественную благотворительность и т. п. Въ проповѣдяхъ современниковъ секуляризаціи, въ ихъ числѣ Томаса Левера, какъ и въ сатирической литературѣ того времени, постоянно говорится, что ближайшею цѣлью секуляризаціи выставлялась необходимость оказать помощь бѣднымъ, поддержать интересы образованія и религіозной проповѣди. „Имѣлось въ виду—говоритъ Томасъ Леверъ въ обращеніи къ своей паствѣ отъ 2 февраля 1550 года,—что имущества, доходъ съ которыхъ затрачиваемъ былъ непроизводительно на совершеніе безплодныхъ религіозныхъ церемоній или на сластолюбивое удовлетвореніе праздныхъ животовъ, пойдутъ на покрытіе государственныхъ издержекъ и въ частности на общественную благотворительность, на содержаніе публичныхъ школъ и на проповѣдь слова Божія“ (*Thomas Lever*, „A fruitfull sermon made in Paule's churche at London“, 2 fevr. A. 1550; Arber's Reprint, p. 32). Упоминая въ другомъ изъ своихъ поученій, произнесенномъ на этотъ разъ въ присутствіи самого короля Эдуарда въ 1551 году, о только что совершившейся конфискаціи гильдейской собственности, Леверъ снова говоритъ объ интересахъ образованія и о помощи бѣднымъ, какъ о тѣхъ цѣляхъ, коимъ въ глазахъ самого правительства должна была служить эта конфискація. Основаніе новыхъ университетскихъ коллегій, созданіе так. наз. grammar schools, или приходскихъ школъ, — вотъ что, по словамъ проповѣдника, имѣлось въ виду при отобраніи въ казну гильдейской собственности (*Thomas Lever*, „A sermon preached before the kyng“, 1551, p. 81). „О Боже!— читаемъ мы въ собраніи эпиграммъ Роберта Краули (ок. 1518—88), какой незамѣнимый случай обезпечить интересы образованія и оказать помощь бѣднымъ представила конфискація монастырской собственности! Земли и сокровища, пріобрѣтенныя этимъ путемъ, могли бы доставить средства къ пріисканію добрыхъ проповѣдниковъ, которые удержали бы народъ на правомъ пути. На получаемыя отъ продажи суммы легко было бы прокормить многихъ и многихъ, ежедневно умирающихъ съ голода“ (*Robert Crowley's*, „Epigrams on abbeyes“, стр. 7).

Употребленіе, сдѣланное на самомъ дѣлѣ изъ конфискованной собственности, далеко не оправдало ни тѣхъ обѣщаній, какія на этотъ счетъ даны были правительствомъ, ни тѣхъ надеждъ, какія въ этомъ отношеніи возлагало на него общество. И немудрено; такъ какъ секуляризація не только въ Англіи, но и на континентѣ Европы, была, прежде всего, дѣломъ служилаго сословія, отвѣчала его вѣковымъ стремленіямъ и, слѣдовательно, должна была удовлетворить предъявляемому имъ запросу на землю. Въ этомъ отношеніи въ Англіи XVI в. имѣло мѣсто то же, что на разстояніи трехъ съ лишнимъ столѣтій, въ 1789 г., повторилось во Франціи, при распоряженіи такъ называемыми „національными“ имуществами, первымъ источникомъ которыхъ была конфискація земель у церкви. По словамъ Авенеля, ни въ рѣчахъ, произносившихся по этому случаю въ Учре-

дительномъ собраніи, ни въ его декретахъ не было сказано ни слова въ пользу безземельныхъ. Никто не предложилъ организаціи народнаго кредита, съ цѣлью облегчить пріобрѣтеніе имуществъ бѣднымъ. Не обращено было вниманія даже на требованіе нѣкоторыхъ журналовъ, въ томъ числѣ *Moniteur*, чтобы продажа производима была мелкими участками въ 5 тысячъ ливровъ. Единственною мѣрой, благопріятной интересамъ неимущихъ классовъ, было постановленіе, чтобы, въ случаѣ равенства условій, оказываемо было предпочтеніе продажѣ мелкими участками передъ продажей имѣнія въ цѣломъ видѣ. „Національныя имущества“ сдѣлались поэтому добычею спекулянтовъ, лицъ, уже владѣвшихъ землею, нерѣдко цѣлыхъ торговыхъ компаній. И это случилось въ то самое время, когда въ литературѣ постоянно высказываемо было желаніе, чтобы бѣдные предпочтительно передъ другими получили право на эту собственность (*Н. И. Карѣевъ*, „Крестьяне во Франціи XVIII вѣка“, стр. 479—80). Дѣло въ томъ, что буржуазія, въ интересахъ и силами которой произведенъ былъ французскій переворотъ 89 г., въ такой же степени домогалась доступа къ конфискованнымъ имуществамъ, въ какой дѣлало это англійское джентри по отношенію къ секуляризованнымъ имѣніямъ монастырей. Проектируемыя реформы на практикѣ получаютъ то направленіе, какое даютъ имъ господствующіе въ обществѣ классовые интересы. А такими въ Англіи XVI вѣка были интересы служилаго сословія, какъ во Франціи 89 г. интересы буржуазіи.

Уже съ самаго начала легко было предугадать тотъ исходъ, какой будетъ имѣть въ Англіи секуляризація монастырской собственности. Въ самый годъ производства этой послѣдней ближайшій ея виновникъ, Томасъ Кромвель, уже осажденъ письмами временщиковъ и придворныхъ, въ которыхъ послѣдніе усиленно ходатайствуютъ о пожалованіи или продажѣ имъ земель той или другой обители, инсинуируютъ противъ своихъ конкурентовъ и подкрѣпляютъ свои просьбы обѣщаніемъ денежныхъ и личныхъ услугъ.

По убѣжденіямъ современниковъ, отчуждая монастырскія земли членамъ служилаго сословія, Генрихъ VIII и его ближайшій совѣтникъ Кромвель сознательно преслѣдовали опредѣленную политическую цѣль. Въ одной рукописи XVI в., хранящейся въ числѣ тѣхъ, которыя составляютъ богатую коллекцію Коттона въ Британскомъ музеѣ, мы находимъ на этотъ счетъ слѣдующія подробности. Кромвель, значится въ ней, побудилъ короля раздать монастырскія имущества въ руки возможно бо̀льшаго числа лицъ, съ цѣлью заинтересовать многихъ въ дѣлѣ секуляризаціи. Этимъ соображеніемъ объясняется надѣленіе ими епископій и коллегій, продажа ихъ дворянству, обмѣнъ ихъ на старинныя владѣнія земельнаго джентри, наконецъ, возведеніе многихъ королевскихъ служителей въ дворянское званіе, съ правомъ покрывать связанныя съ ихъ достоинствомъ издержки доходомъ отъ уступленныхъ имъ монастырскихъ земель. (*Three chapters of letters relating to the suppression of monasteries, ed. by Writh, Camden Soc.*, 1843, стр. 114).

Во всемъ этомъ политика англійскихъ секуляризаторовъ съ успѣхомъ выдерживаетъ сравненіе съ тою, какую проводили по отношенію къ „національнымъ имуществамъ“ дѣятели 89 г. Отчужденіе конфискованныхъ земель на правахъ полной собственности повело въ Англіи, какъ и во Франціи, къ одному и тому же результату. Оно сдѣлало невозможнымъ поворотъ къ старому порядку. Между старымъ и новымъ порядкомъ нерушимою стѣной стали интересы только что созданныхъ земельныхъ собственниковъ. Подобно тому, какъ во Франціи реставрированнымъ Бурбонамъ не приходитъ въ голову занести руку на разъ пріобрѣтенныя буржуазіей права на земли упраздненныхъ монастырей, такъ точно, несмотря на реставрацію католицизма, Филиппъ и Марія не въ состояніи были вернуть въ Англіи возстановленнымъ ими аббатствамъ однажды конфискованную у нихъ собственность. Итакъ, земельная политика Генриха VIII является въ такой же мѣрѣ условіемъ сохраненія созданнаго имъ по-

рядка, въ какой земельная политика національнаго собранія и конвента содѣйствуетъ упроченію соціальнаго переворота, вызваннаго во Франціи революціей.

Настаивая на своемъ верховенствѣ въ дѣлахъ церкви и на правѣ обратить на пользу государства имущества „мертвой руки", Генрихъ VIII въ то же время былъ противникомъ начавшагося уже въ его дни народнаго реформаціоннаго движенія, подготовленнаго, какъ мы знаемъ, проповѣдью Виклефа и лоллардовъ и начавшаго отражать на себѣ вліяніе мыслей, распространенныхъ на континентѣ Европы Мартиномъ Лютеромъ, Кальвиномъ и Цвингли. Онъ не позволялъ измѣнять догматовъ католической вѣры и въ 1539 г. включилъ въ текстъ принятаго парламентомъ билля шесть статей, требовавшихъ, чтобы всѣ его подданные признавали и догматъ превращенія въ тѣло и кровь Христовы хлѣба и вина въ таинствѣ евхаристіи и обычай тайной исповѣди у священниковъ.

При немъ начинается, такимъ образомъ, борьба свѣтской власти одинаково съ католиками и диссентерами, т. е. раскольниками. Но она принимаетъ острый характеръ только тогда, когда осложняется поддержкой послѣдователей этихъ вѣроученій лицами, навлекшими на себя королевскую немилость противодѣйствіемъ его капризнымъ рѣшеніямъ въ вопросахъ, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ изъ заключаемыхъ имъ браковъ. Когда кокетливая Анна Болейнъ была заподозрѣна Генрихомъ въ измѣнѣ, онъ не остановился передъ мыслью о новомъ разводѣ и о признаніи незаконности прижитой имъ въ бракѣ съ нею дочери Елизаветы, будущей королевы Англіи. Кто оспаривалъ въ этомъ отношеніи королевскій приказъ, тотъ признавался повиннымъ въ государственной измѣнѣ. Анна Болейнъ была брошена въ Тоуэръ, судима комиссіей, въ составъ которой принудили войти ея собственнаго отца и дядю, и приговорена къ смерти, а король немного времени спустя женился на Дженъ Сеймуръ (Jane Seymour), отъ которой получилъ, наконецъ, желаннаго наслѣдника въ лицѣ принца Эдуарда; рожденіе его въ 1537 г. стоило жизни его матери. Два года спустя Генрихъ вступилъ въ новый бракъ, на этотъ разъ съ иностранной принцессой Анной Клевской; на такомъ бракѣ настаивалъ и невѣсту выбралъ Томасъ Кромвель, ближайшій королевскій совѣтникъ и преемникъ Уольси. Онъ надѣялся на сближеніе, благодаря такому браку, Генриха VIII съ протестантскими князьями. Но когда эти надежды не оправдались, а прибывшая съ континента Анна оказалась некрасивой и умственно ограниченной, король принудилъ ее удовольствоваться полученіемъ пенсіи и постояннымъ пребываніемъ въ красивой резиденціи, устроенной для нея въ Чельси (Chelsea). Съ Томасомъ же Кромвелемъ, рекомендовавшимъ этотъ бракъ, расправа была короткая: Генрихъ VIII приказалъ задержать его, приписывая ему не только покровительство протестантамъ (распространеніемъ еретическихъ книгъ и освобожденіемъ изъ тюремъ лицъ, не признававшихъ шести статей), но и доступность подкупу; это послѣднее обвиненіе не лишено было основанія, такъ какъ талантливый государственный дѣятель былъ сребролюбивъ и пользовался заслуженной репутаціей взяточника. Католики ненавидѣли его, признавая главнымъ виновникомъ всѣхъ преслѣдованій, и поэтому съ радостью услышали о его казни. Ближайшій бракъ короля съ Екатериной Говардъ (двоюродною сестрою Анны Болейнъ), которую подозрѣвали въ склонности къ католицизму, одно время оживилъ ихъ надежды, но бракъ этотъ, заключенный въ 1540 г., длился недолго; Екатерина Говардъ вскорѣ была обвинена въ невѣрности и казнена, а Генрихъ вновь вступилъ въ бракъ, на этотъ разъ со вдовою, Екатериною Парръ, которая няньчила его въ послѣдніе годы жизни, но сама едва не подверглась той же участи, что и предшествовавшія ей жены: король заподозрилъ ее въ склонности къ протестантизму, и она только благодаря его кончинѣ избавилась отъ преслѣдованія. Послѣднія 12 лѣтъ царствованія Генриха VIII не могутъ быть признаны особенно счастливыми; ему пришлось подавлять съ обычной суровостью дѣйствительные или мнимые заговоры: въ

Ирландіи—возстаніе, во главѣ котораго стоялъ родъ Фицгеральдовъ (Fitzgerald), самая могущественная изъ англо-ирландскихъ семей; въ сѣверной Англіи, гдѣ монахи пользовались широкимъ авторитетомъ, въ ихъ пользу возникло движеніе, въ которомъ приняло участіе до 30.000 человѣкъ, намѣревавшихся подать петицію королю въ пользу его примиренія съ папой, возстановленія монастырей и отставки нечестивыхъ совѣтниковъ и еретиковъ-епископовъ (Pilgrimage of Grace). Возстаніе кончилось тѣмъ, что король поручилъ герцогу Норфольку, нерасположеніе котораго къ протестантизму хорошо было извѣстно, вступить въ переговоры съ мятежниками и обѣщать имъ прощеніе. Когда, заручившись этими обѣщаніями, мятежники разошлись по домамъ, король съ собраннымъ имъ войскомъ отправился въ графство Іоркъ для ихъ усмиренія. Сѣверяне выступили противъ него съ оружіемъ въ рукахъ и были разбиты на голову; ихъ вожаковъ, въ числѣ которыхъ были и монастырскіе настоятели, Генрихъ VIII приказалъ безжалостно повѣсить.

Съ каждымъ годомъ король обнаруживалъ все большую и большую жестокость по отношенію къ своимъ политическимъ противникамъ. Заподозривъ католиковъ въ желаніи произвести династическій переворотъ въ пользу отдаленныхъ потомковъ короля Эдуарда IV изъ Іоркской династіи, онъ распорядился казнью этихъ мнимыхъ претендентовъ, повинныхъ самое большее въ неосторожныхъ разговорахъ. Боясь роста протестантизма, Генрихъ VIII счелъ нужнымъ еще въ 1536 г. изложить догматы вѣры, отъ которыхъ не дозволялось уклоняться его подданнымъ; но при этомъ имъ самимъ было объявлено, что всякіе доктрины и обряды, не основанные на авторитетѣ Библіи, должны быть признаны суевѣріями и заблужденіями. Такимъ образомъ раскрыта была дверь для свободнаго толкованія, а распоряженіе Генриха VIII, чтобы въ каждомъ храмѣ помѣщенъ былъ англійскій переводъ Библіи, сдѣланный Вильямомъ Тиндалемъ, ревностнымъ протестантомъ, сожженнымъ импер. Карломъ V, содѣйствуя распространенію въ массахъ Свящ. писанія, послужило къ развитію въ народѣ религіозныхъ сектъ, вскорѣ признанныхъ еретическими.

Военныя предпріятія Генриха доставили Англіи, съ одной стороны, возможность положить начало дѣйствительному завоеванію Ирландіи, законченному при Елизаветѣ, а съ другой — пріобрѣсти на сѣверномъ берегу Франціи городъ и портъ Булонь, послѣ новаго столкновенія съ Франциской I, который замышлялъ высадку въ Англію, но успѣлъ овладѣть—да и то на короткій срокъ—однимъ о. Уайтомъ. Военные успѣхи обошлись Генриху VIII дорого въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и, чтобы покрыть недочеты своей казны, онъ рѣшился пустить въ обращеніе фальшивую монету съ большою примѣсью мѣди. Иностранные купцы отказались брать ее, цѣны на товары возросли, жизнь стала дороже, и бѣдность еще болѣе распространилась въ массахъ. Король рѣшился бороться съ нею жестокими мѣрами; онъ приказалъ клеймить способныхъ къ работѣ нищихъ, отдавать ихъ на два года въ крѣпостную зависимость всякому желающему воспользоваться ихъ услугами, а при новыхъ попыткахъ разъ осужденныхъ жить подаяніемъ казнить ихъ повѣшеніемъ. Нравы въ это время были жестоки, несмотря на придворный лоскъ и рыцарскую вѣжливость. Возрожденіе наукъ и искусствъ, совпадающее съ вѣкомъ Генриха VIII, далеко не повліяло еще на развитіе гуманности и состраданія къ людямъ, обойденнымъ судьбой.

Генрихъ VIII умеръ, оставивъ малолѣтняго сына на попеченіи совѣта изъ 16-ти членовъ, во главѣ котораго, съ титуломъ протектора королевства и личности короля, сталъ Гертфордъ, герцогъ Сомерсетскій. Онъ былъ протестантомъ въ душѣ и не прочь поэтому содѣйствовать завершенію англійской реформаціи. Имъ отмѣнена католическая месса и предписано совершеніе всѣхъ обрядовъ на англійскомъ языкѣ; имъ же введенъ въ употребленіе въ 1548 г. первый молитвенникъ для пользованія при литургіи и другихъ требахъ (first Common - Prayer - Book). Ближайшее участіе въ составленіи этой книги принялъ епископъ Кранмеръ;

его литературный талантъ, способность удачнаго подбора словъ и выраженій сказалась въ передачѣ звучною рѣчью изложенныхъ въ требникѣ молитвословій. Болѣе рѣзкій оборотъ, приданный въ эпоху регенства англійской реформаціи, сказался въ грубомъ истребленіи церковныхъ украшеній и церковной утвари, а также иконъ.

Сомерсетъ озабоченъ былъ мыслью о соединеніи Англіи съ Шотландіей и съ этой цѣлью вошелъ въ переговоры о заключеніи брака между юношей-королемъ и Маріей Стюартъ, которой въ это время было не болѣе пяти лѣтъ; но шотландцы, не желавшіе распространенія на ихъ страну англійскаго владычества и перемѣны религіи, отправили молодую королеву во Францію, гдѣ король Генрихъ II обручилъ ее съ дофиномъ, будущимъ королемъ Франциском II. Загорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ война съ Франціей завершилась потерей Булони, единственнаго территоріальнаго пріобрѣтенія, сдѣланнаго Генрихомъ VIII на континентѣ Европы. Къ этой неудачѣ присоединились новыя: собственный братъ Сомерсета, Сеймуръ, вступилъ въ заговоръ противъ него съ цѣлью посадить на престолъ дочь Анны Болейнъ, Елизавету; заговоръ былъ раскрытъ, и Сеймуръ былъ казненъ. Въ 1548 и 1549 гг. протектору пришлось считаться съ двумя новыми мятежами: одинъ вспыхнулъ на западѣ Англіи, въ Дэвонширѣ, и направляемъ былъ католиками, требовавшими возвращенія къ прежней мессѣ и подавленія реформаціи, другой же имѣлъ соціальную подкладку и охватилъ собою восточныя графства, Норфолькъ и Сёффолькъ, въ которыхъ быстрое развитіе овцеводства сказалось усиленнымъ огораживаніемъ открытыхъ полей и сносомъ крестьянскихъ усадебъ. Глава возстанія, Кетъ, разбилъ посланнаго для его усмиренія маркиза Норсгэмптона и взялъ штурмомъ Норвичъ; его движеніе по направленію къ столицѣ было остановлено однимъ изъ членовъ Совѣта Дедлей, графомъ Уорриком; Кетъ былъ взятъ и повѣшенъ.

Послѣ этихъ неудачъ Сомерсетъ пошелъ навстрѣчу своимъ врагамъ, уже готовымъ отнять у него званіе протектора, и самъ отказался отъ власти. Его нѣкоторое время продержали въ государственной крѣпости, въ Тоуэрѣ, а затѣмъ снова включили въ составъ Верховнаго совѣта. Мѣсто его занялъ счастливый побѣдитель крестьянскаго возстанія, Уорикъ. Онъ былъ сторонникъ протестантизма въ той формѣ, какая дана была ему на континентѣ Европы; это отразилось на содержаніи второй книги англійскаго требника, вышедшей во время его протектората, и на назначеніи на мѣста епископовъ рѣвностныхъ сторонниковъ реформы. Предвидя возможность смерти въ молодомъ возрастѣ болѣзненнаго и даровитаго юноши, которому досталось наслѣдіе Генриха VIII, Уорикъ задумалъ обезпечить, вѣроятно, столько же собственное положеніе, сколько и успѣхъ англійской реформаціи, передачей престола на случай кончины короля не одной изъ дочерей Генриха VIII, признанныхъ незаконными самимъ Генрихомъ, а отдаленной его родственницѣ, внучкѣ принцессы Маріи, любимой сестры Генриха. Имя ея было Жанна Грей. Протекторъ пожелалъ связать ея судьбу съ судьбою собственнаго сына и заключилъ между ними бракъ. На смертномъ одрѣ Эдуардъ VI распорядился въ духовномъ завѣщаніи о передачѣ престола обвѣнчанной съ сыномъ протектора Жаннѣ. Уорикъ, принявшій титулъ герцога Нортумберландскаго, озаботился устраненіемъ единственнаго казавшагося ему препятствія къ его честолюбивымъ намѣреніямъ и выдвинулъ противъ герцога Сомерсета обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Судьи вынесли смертный приговоръ, и Сомерсетъ былъ казненъ къ великому негодованію народа; оно сказалось вскорѣ въ рѣшительномъ нежеланіи признать королевой Жанну Грей. Такъ какъ сторонникамъ протектора не удалось овладѣть принцессой Маріей и она успѣла бѣжать въ восточныя графства, готовыя провозгласить ее королевой, то исходомъ всего этого темнаго дѣла было то, что, едва протекторъ удалился изъ Лондона съ цѣлью подавить возстаніе восточныхъ графствъ, какъ въ столицѣ вспыхнулъ мятежъ, и она передалась сторонникамъ Маріи. Послѣ

этого войска покинули протектора, и онъ принужденъ былъ сдаться графу Арунделю. Его предали суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ и, хотя изъ желанія спасти жизнь онъ объявилъ себя католикомъ, его все-таки казнили. Ту же судьбу раздѣлила съ нимъ и несчастная Жанна, но только не сразу, а послѣ того, какъ въ ея пользу, но, повидимому, безъ ея вѣдома, начато было возстаніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ мятежа Уайата (Wyat), молодого рыцаря изъ Кента. Возстаніе это, на самомъ дѣлѣ, преслѣдовало иныя цѣли, а именно возведеніе на престолъ Елизаветы; одно время оно грозило сдѣлаться успѣшнымъ, и Уайатъ со своими 10.000-ми уже смѣло направился къ Лондону, но Маріи, находившейся въ это время въ столицѣ, удалось хитростью и обѣщаніями вступить въ переговоры, удержать его на нѣсколько дней отъ вступленія въ столицу. Этимъ временемъ она воспользовалась для сбора ополченія. Около Тэмпльбара, адвокатской коллегіи, предводитель возстанія былъ взятъ въ плѣнъ. Марія жестоко расправилась со всѣми дѣйствительными и мнимыми руководителями и подстрекателями заговорщиковъ. 80 человѣкъ кончили жизнь на висѣлицѣ; въ числѣ ихъ погибла и Жанна Грей со своимъ мужемъ. Ея судьбу раздѣлила бы и принцесса Елизавета, если бы противъ нея можно было представить какія-либо улики.

Марія вступила на престолъ, испытавъ гоненія и преслѣдованія, начало которымъ было положено еще въ тотъ день, когда ея отецъ, расторгнувъ бракъ съ Екатериной Арагонской, призналъ незаконной прижитую въ этомъ супружествѣ дочь. Подобно своей матери и всей испанской роднѣ, она была ревностной католичкой, искренно ненавидѣвшей ближайшихъ совѣтниковъ отца и брата и находившей утѣшеніе въ одной только преданности той вѣрѣ, въ которой она была рождена, и въ восторженномъ отношеніи къ тѣмъ, кто, подобно наслѣднику испанскаго престола, Филиппу, слылъ за ревнителя правовѣрія. Карлъ V вознамѣрился использовать восшествіе на престолъ католической принцессы; не отступая передъ тѣмъ, что Маріи было 36 лѣтъ и что она 12-ю годами была старше Филиппа, онъ рѣшился обезпечить интересы своего королевства и своего дома женитьбой сына на королевѣ Англіи. Когда Филиппъ для вступленія въ бракъ прибылъ въ Лондонъ, онъ нашелъ свою будущую супругу занятой кровавой расправой съ врагами ея вѣры, оказавшимися одновременно ея собственными врагами. Нѣкоторымъ протестантскимъ епископамъ удалось бѣжать и тѣмъ укрыться отъ преслѣдованій; всѣмъ священникамъ, вступившимъ въ бракъ, стали грозить лишеніемъ ихъ церковныхъ бенефицій; въ церквахъ приказано было снова служить латинскую обѣдню. Марія открыто заявила о своей готовности признать верховенство папы и возстановить монастыри въ ихъ прежнихъ владѣніяхъ, что, разумѣется, повергло въ ужасъ лицъ, пріобрѣвшихъ ихъ имущества въ даръ или за деньги. Когда въ 1554 г. произведены были выборы депутатовъ отъ графствъ и городовъ, при сильномъ давленіи правительства, и собрался въ іюлѣ новый парламентъ, онъ высказался въ пользу примиренія съ Римомъ и признанія, что папа — глава англійской церкви. Папскимъ легатомъ прибылъ долгое время жившій въ изгнаніи англійскій кардиналъ Реджинальдъ Поль, по рожденію принадлежавшій къ Іоркскому дому. Вскорѣ послѣ его возвращенія возстановленъ былъ въ силѣ статутъ Генриха IV о сожженіи еретиковъ, и началась расправа. Марія вела ее такъ безжалостно, что ея молодой супругъ Филиппъ самъ счелъ нужнымъ рекомендовать ей больше сдержанности и такта, но, разумѣется, тщетно. Не находя никакихъ прелестей въ своей зрѣлой супругѣ, болѣзненной, истеричной и крайне ревнивой, онъ поспѣшилъ вернуться въ Испанію, гдѣ Карлъ V вскорѣ отказался въ его пользу отъ престола. Маріи не суждено было увидѣть его снова, и осталось только продолжать дѣло „спасенія собственной души“ ревностной расправой съ еретиками: ихъ стали жечь на кострѣ, отправляя на тотъ свѣтъ приблизительно по 10 человѣкъ въ мѣсяцъ; въ числѣ казнен-

ныхъ оказалось и немало епископовъ, въ томъ числѣ Латимеръ отъ Ворчестера и Ридлей отъ Лондона. „Держите себя мужественно“, таковъ былъ совѣтъ, данный Латимеромъ своему товарищу въ несчастіи, „помните, что мы зажигаемъ сегодня въ Англіи свѣтильникъ, который съ Божіей помощью никогда не померкнетъ!“ Народъ привѣтствовалъ преслѣдуемыхъ, какъ мучениковъ, придавая Маріи то имя, подъ которымъ она перешла въ исторію,—имя „Жестокой“. Въ числѣ сожженныхъ ею былъ знаменитый преемникъ кардинала Уольси, одновременно совѣтникъ и ближайшій исполнитель всѣхъ церковныхъ мѣропріятій Генриха VIII, архіепископъ Кранмеръ. Одно время, чтобы избавиться отъ смерти, онъ готовъ былъ вернуться въ лоно католицизма; но въ рѣшительную минуту онъ отказался исполнить свое обѣщаніе, вынужденное у него пыткой, и, прежде чѣмъ взойти на костеръ, самъ протянулъ къ огню свою правую руку, какъ бы карая ее за готовность подписать актъ отреченія. Послѣднія минуты королевы Маріи омрачены были извѣстіемъ, что городъ Калэ, остававшійся въ рукахъ англичанъ съ 1347 г., сдался герцогу Гизу, начальнику французской арміи, дѣйствовавшей на сѣверѣ. Это извѣстіе потрясло королеву и ускорило ея конецъ. „Послѣ моей кончины вы найдете имя Калэ написаннымъ на моемъ сердцѣ“, говорила она окружавшимъ ея постель приближеннымъ. Черезъ три дня послѣ ея кончины, въ ноябрѣ 1558 г., сошелъ въ могилу и ея совѣтникъ, кардиналъ Поль.

Англія съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія привѣтствовала вступленіе на престолъ королевы Елизаветы, дочери Анны Болейнъ. Еще во время болѣзни Маріи, дворъ Елизаветы въ Гатфильдѣ сталъ привлекать къ себѣ все, что было выдающагося въ Англіи, въ томъ числѣ и Вильяма Сесиля, бывшаго секретаря протектора Сомерсета, избѣжавшаго преслѣдованій только благодаря внѣшнему подчиненію католицизму. Испанскій посолъ доводилъ до свѣдѣнія Филиппа во время послѣднихъ дней царствованія Маріи и послѣ личнаго посѣщенія Елизаветы, что Сесиль, бывшій секретарь короля Эдуарда, будетъ секретаремъ и новой королевы. Онъ имѣетъ, продолжалъ посолъ, репутацію добродѣтельнаго и умнаго человѣка, хотя и еретикъ. Сесиль, можно сказать, былъ однимъ изъ выразителей той слагавшейся партіи политиковъ, которая, допуская свободу внутренняго сужденія, считала нужнымъ, въ интересахъ мира и спокойствія государства, внѣшнимъ образомъ признавать господствующую въ немъ церковь и придерживаться ея культа. При частой смѣнѣ религій, въ связи съ перемѣной въ лицѣ правителей, людямъ, не обладавшимъ особенно сильнымъ религіознымъ чувствомъ, оставалось только высказывать ученіе, въ скоромъ времени сдѣлавшееся ходячимъ, что всякое государство имѣетъ право самостоятельно рѣшать, какова будетъ вѣра его подданныхъ, и что такой государственной религіей должна быть религія государя. Но люди такого образа мыслей, ставившіе спокойствіе и цѣлость государства выше требованій собственной совѣсти, настаивали на необходимости одного чисто внѣшняго подчиненія. Сесиль полагалъ, что для общественнаго порядка необходимо, чтобы никто не имѣлъ права служить Богу иначе, чѣмъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ служитъ ему вся нація, и что всякій подданный долженъ присутствовать при національномъ богослуженіи. Въ этомъ отношеніи взгляды Сесиля не расходились съ настроеніемъ молодой королевы. Историкъ Гринъ говоритъ о ней: „она не лишена была религіозныхъ запросовъ; въ минуты опасности, ища отъ нея спасенія, она серьезно уповала на Божественный Промыселъ, оказывающій покровительство какъ ей самой, такъ и ея странѣ. Но она была почти совершенно лишена духовныхъ эмоцій. Въ то время, когда теологическіе споры овладѣвали совершенно интересами выдающихся людей, Елизавета оставалась равнодушной къ нимъ; она скорѣе воспиталась въ идеяхъ итальянскаго возрожденія, чѣмъ въ идеяхъ реформаціи. Ея умъ совершенно не былъ занятъ тѣми проблемами, надъ рѣшеніемъ которыхъ мучились ея современники; для Елизаветы онѣ

были не только непонятны, но даже нѣсколько смѣшны: она питала равное презрѣніе и къ суевѣрію католиковъ, и къ ханжеству протестантовъ".

Тотчасъ же по ея восшествіи на престолъ религіозныя преслѣдованія прекратились. Во все время ея долгаго царствованія, кромѣ нѣсколькихъ анабаптистовъ, которыхъ обвиняли—по всей вѣроятности, невѣрно—въ хулѣ на Бога и въ посягательствѣ на права монарха, ни одинъ еретикъ не былъ возведенъ на костеръ. Елизавета не хотѣла слышать о преслѣдованіи людей за одни ихъ убѣжденія. Отъ ея имени Сесиль считалъ себя вправѣ утверждать, что любой англичанинъ имѣлъ полную свободу вѣры. Но эта свобода не означала права открытаго исповѣданія ея внѣшнимъ культомъ. Даруя своимъ подданнымъ свободу совѣсти, Елизавета требовала отъ нихъ внѣшняго признанія установленной религіи.

Призвавъ въ свой совѣтъ Сесиля и его родственника, сэра Фрэнсиса Бэкона, будущаго автора книги „Novum organum" и родоначальника эмпирической философіи, Елизавета не произвела другихъ перемѣнъ въ персоналѣ государственныхъ сановниковъ; не потребовала она и отмѣны католической мессы, которую посѣщала во все время правленія своей сестры; едва протестанты, пользуясь терпимостью, стали въ своихъ проповѣдяхъ оскорблять католическихъ священниковъ, какъ королева поспѣшила издать указъ, воспрещавшій произнесеніе проповѣдей безъ предварит. разрѣшенія. Но королева въ то же время дозволила читать въ храмѣ молитву Господню, Символъ вѣры и заповѣди на англійскомъ языкѣ. Въ королевскій указъ, т. наз. „прокламацію", были включены слова, что существующія формы богослуженія должны быть сохранены до тѣхъ поръ, пока на этотъ счетъ не послѣдуетъ совѣщанія королевы съ парламентомъ. „Я намѣрена поступать", говорила она, „такъ, какъ поступалъ мой отецъ", и въ этомъ многіе видѣли, что она не пойдетъ такъ далеко въ уступкахъ протестантизму, какъ это сдѣлано было въ эпоху протектората Сомерсета и Нортумберланда. Филиппъ Испанскій не отчаявался въ сохраненіи въ Англіи католицизма и, такъ какъ ему необходимъ былъ союзъ съ нею въ борьбѣ съ Франціей, благодаря браку дофина съ Маріей Стюартъ подчинившей своему вліянію и Шотландію, то онъ рѣшился предложить свою руку и молодой королевѣ, напоминая ей, что онъ былъ ея защитникомъ при прежнемъ царствованіи, и убѣждая ее въ томъ, что ему она обязана и своимъ престоломъ. Но на это Елизавета, и не безъ основанія, отвѣчала, что престоломъ она обязана, любви своего народа.

Елизавета не пошла на предложенный бракъ; она знала, какое нерасположеніе питаютъ ея подданные къ испанскому вмѣшательству въ англійскія дѣла, и не намѣрена была сдѣлать изъ Англіи орудіе честолюбивыхъ замысловъ Филиппа. Но въ то же время она стремилась избѣжать разрыва и съ Испаніей, и съ папскимъ столомъ, пока не будетъ заключенъ мирный договоръ съ Франціей. Когда же послѣдовало соглашеніе съ нею въ Като-Камбрези, и Елизавета оставила Калэ въ рукахъ французовъ за сумму въ 500.000 фр., правительство пошло болѣе смѣло на возстановленіе англиканства. Побудительной причиной къ этому явилась рѣшительная несговорчивость папы Павла IV. Онъ пришелъ въ ярость, едва узналъ о воцареніи Елизаветы, такъ какъ оно было несогласно съ рѣшеніемъ папы и его суда, признавшимъ ее незаконнорожденной, а, главное, противорѣчило интересамъ римской куріи, относившейся благопріятно къ притязаніямъ Маріи Стюартъ на англійскій престолъ, въ силу наслѣдованія его въ прямой линіи отъ дочери Генриха VII. Павла IV враждебно расположили къ Елизаветѣ и настоянія французовъ, и нежеланіе молодой королевы возвратить монастырямъ земли, конфискованныя у нихъ Генрихомъ VIII. Въ виду несговорчивости папскаго стола, Елизавета рѣшила положиться на парламентъ, который въ янв. 1559 г. призналъ законность ея рожденія и права на престолъ. Дальнѣйшимъ логическимъ шагомъ было отвергнуть верховенство папы, вопреки рѣшенію церковной

конвокаціи, а это, разумѣется, влекло за собою внесеніе въ парламентъ билля о возстановленіи супрематства королевы, который встрѣтилъ, однако, дружную оппозицію епископовъ въ палатѣ лордовъ. Далѣе этого королева пойти не пожелала, да и едва-ли могла желать, такъ какъ протестанты далеко не составляли большинства въ ея парламентѣ, а только наиболѣе энергичную партію страны. Одну уступку она должна была, однако, сдѣлать имъ: католическая месса въ ихъ представленіи сливалась съ памятью о кострахъ Маріи Жестокой. Они требовали возвращенія къ требнику, по меньшей мѣрѣ, Генриха VIII, и королева пошла на это, но подъ условіемъ исключить изъ той редакціи, какая принята была въ царствованіе Эдуарда, все то, что казалось ей идущимъ слишкомъ далеко въ духѣ протестантства. Съ такими поправками требникъ былъ не болѣе, какъ передачей на англійскомъ языкѣ старинной католической литургіи; сами католики извиняли свое пользованіе имъ передъ папскимъ престоломъ тѣмъ, что въ немъ отсутствовало ложное ученіе. Изложенныя въ немъ молитвы — молитвы католической церкви съ однимъ упущеніемъ всякаго обращенія къ заступничеству святыхъ. „Актъ единовѣрія“ (act of uniformity) потребовалъ отъ духовенства, подъ страхомъ лишенія сана, употребленія новой, третьей, редакціи требника при богослуженіи. Эти перемѣны, разумѣется, вызвали недовольство въ высшемъ духовенствѣ. Королева отвѣтила на него отставкой нѣкоторыхъ іерарховъ; но она болѣе милостиво отнеслась къ противодѣйствію низшаго духовенства. Въ лицѣ Матвѣя Паркера, сдѣланнаго ею архіепископомъ кентерберійскимъ, Елизавета нашла умѣреннаго и умѣлаго помощника, спокойно переносившаго даже нѣкоторыя капризныя выходки самой правительницы, повидимому, недружелюбно относившейся къ отмѣнѣ безбрачія духовенства и потому въ лицо заявлявшей женѣ архіепископа, что она затрудняется, какъ назвать ее: „мадамъ“ (замужняя женщина) или „mistress“ (сожительница).

Къ счастію Англіи, всѣ эти смѣлые шаги въ сторону возстановленія англиканства не вызвали открытаго разрыва съ Испаніей. „Въ нашихъ интересахъ“, говорилъ одинъ изъ министровъ Филиппа, „заботиться объ Англіи“, очевидно, изъ опасенія усилить положеніе Франціи, стремящейся подчинить своей политикѣ Шотландію и предъявить затѣмъ права Маріи Стюартъ на англійскій престолъ.

Въ первые годы своего царствованія королева пріобрѣла большую популярность благодаря тому, что внутренній и внѣшній миръ королевства былъ обезпеченъ, возстановлена звонкая монета хорошаго чекана, и тѣмъ оживлена торговля съ иностранцами. Однако, со второго десятилѣтія царствованія начинаются осложненія изъ-за Шотландіи. Послѣ кончины молодого французскаго короля Франциска II, мужа Маріи Стюартъ, и возвращенія послѣдней на родину въ 1561 г., вспыхнули несогласія между католическимъ дворомъ и шотландской знатью, склонной къ принятію пресвитеріанства, т. е. ученія Кальвина. Эти несогласія обострились благодаря личному роману вдовствующей королевы, которая сперва вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Дарнлэ (Darnley), а затѣмъ, недовольная его поведеніемъ, приняла участіе въ убійствѣ его Босвеллемъ, въ котораго влюбилась настолько, что готова была сдѣлаться его женой. Послѣдствіемъ всего этого было лишеніе ея престола и назначеніе регентства при малолѣтнемъ ея наслѣдникѣ и сынѣ, Іаковѣ VI. Маріи осталось только бѣжать въ Англію; она, повидимому, намѣревалась этимъ путемъ проѣхать во Францію. Такъ какъ Елизавета могла опасаться поддержки Франціей прежнихъ притязаній Маріи Стюартъ на англійскій престолъ и въ то же время не желала выдать ее шотландцамъ, то бѣглой королевѣ даровано было почетное заточеніе. Но въ неволѣ Марія сдѣлалась реальной опасностью для Елизаветы, потому что всѣ попытки католиковъ низвергнуть ненавистное имъ правленіе протестантки теперь неизмѣнно ставили въ центрѣ

интригъ Марію. Въ октябрѣ и ноябрѣ 1569 г. въ сѣверной Англіи вспыхнуло возстаніе. Во главѣ его сталъ герцогъ Норфолькъ, которому Марія обѣщала свою руку. Поддержку ему оказали сѣверныя аристократическія семьи Перси (Percy) и Невилль (Neville), задавшіяся мыслью освободить Марію. Заговоръ не удался; мятежные графы бѣжали: одинъ въ Шотландію, другой—въ Испанію. Норфолькъ попалъ на короткое время въ тюрьму; въ положеніи же Маріи Стюартъ не послѣдовало никакого ухудшенія. Одинъ только папа Пій V отозвался на событія отлученіемъ Елизаветы отъ церкви и передачей правъ на англійскій престолъ Маріи Стюартъ. Это сдѣлано было римскимъ дворомъ въ 1570 г. и имѣло ближайшимъ послѣдствіемъ новый заговоръ, въ которомъ снова принимаетъ участіе герцогъ Норфолькскій, дѣйствующій и на этотъ разъ при помощи итальянскаго банкира Ридольфи, агента испанскаго короля Филиппа. Сесиль своевременно открылъ заговоръ; Норфолькъ былъ казненъ, но Елизавета снова пощадила ту, въ чью пользу предпринятъ былъ заговоръ, и даже не приняла никакихъ мѣръ противъ Испаніи,—такъ дорого было ей сохраненіе мира. Она боялась превратностей войны и не любила рисковать деньгами. Потребовались такія чрезвычайныя событія, какъ Варѳоломеевская ночь и вызванная герцогомъ Альбою революція въ Нидерландахъ, чтобы Елизавета рѣшилась оказать помощь иноземнымъ протестантамъ, не ограничиваясь лишь предоставленіемъ имъ гостепріимства въ самой Англіи.

Войнами, происходившими на континентѣ, Англія сумѣла воспользоваться, какъ нейтральная держава, для расширенія своихъ торговыхъ оборотовъ. Въ руки англійскихъ торговцевъ переходитъ вывозъ шерсти, ранѣе производившійся на ганзейскихъ судахъ; англійскіе корабли появляются не только во французскихъ и голландскихъ портахъ, но и на Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ; они пускаются даже въ отдаленныя странствія по Сѣверному океану, открываютъ морской путь въ Россію и завязываютъ съ ней торговыя сношенія.

Не случайностью объясняется то, что королева Елизавета болѣе помогала протестантамъ на морѣ, чѣмъ на сушѣ; она никогда не теряла изъ виду интересовъ Англіи и предвидѣла ея будущее величіе на моряхъ. Уничтожить преграды, которыя испанскій флотъ ставилъ свободѣ плаванія на Средиземномъ ли морѣ или на океанѣ, прямо входило въ разсчеты королевы, заботливо относившейся къ интересамъ торговли и создаваемыхъ ею колоніальныхъ компаній. Она не жалѣла, поэтому, денегъ на отдаленные и отважные морскіе походы Гаукинса (Hawkins), Дрэка (Drake) или Фробишера (Frobisher). Сэръ Джонъ Гаукинсъ справедливо признается піонеромъ англійской торговли въ Америкѣ; но для этого ему постоянно приходилось вступать въ сраженія съ испанскими судами. Еще болѣе его извѣстный Френсисъ Дрэкъ обогнулъ въ 1577 г. мысъ Горнъ, проѣхалъ со своими судами вдоль береговъ Чили и Перу и овладѣлъ по дорогѣ испанскими судами, которыя везли изъ Лимы 500.000 фунтовъ американскаго золота. Оттуда онъ прошелъ съ захваченными сокровищами мимо мыса Доброй Надежды и совершилъ такимъ образ. первое кругосвѣтное плаваніе. Что касается до Фробишера, то онъ открылъ со своими судами Лабрадоръ и устье Гудзона.

Пока совершались эти событія, міровое значеніе которыхъ понятно каждому, католики Англіи и континента готовили соединенное нападеніе на Англію въ 1583 г., при чемъ въ ихъ намѣренія, какъ и прежде, входило освободить Марію и убить Елизавету. Такъ какъ въ этихъ заговорахъ можно было открыть вліяніе Испаніи, то въ 1584 г. Елизавета сочла нужнымъ отпустить испанскаго посланника и начать военныя дѣйствія, поручивъ графу Лейчестерскому съ отрядомъ въ 7.000 человѣкъ отплыть въ Голландію для поддержанія интересовъ сражавшихся за свою вѣру и независимость протестантскихъ Нидерландовъ. Походъ этотъ не былъ удачнымъ, но дѣйствія, предпринятыя англичанами про-

тивъ испанскаго флота, завершились разгромомъ сѣверной испанской гавани Виго и удачными осадами Сантъ-Яго и Картагены на испанскомъ берегу и Санъ-Доминго въ Вестъ-Индіи.

Испанія отвѣчала на эти дѣйствія поддержкой заговоровъ, направленныхъ къ освобожденію Маріи Стюартъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ принялъ участіе Бебингтонъ, помѣщикъ изъ графства Дерби. Поощряемый іезуитами, онъ рѣшился убить Елизавету; но заговоръ былъ вовремя раскрытъ; Бебингтонъ и его сообщники были казнены, и былъ назначенъ судъ надъ самой Маріей. 25 окт. 1586 г. ей былъ вынесенъ приговоръ, признававшій ее виновной въ поддержкѣ всѣхъ возстаній, въ поощреніи мысли о высадкѣ испанцевъ и въ одобреніи замысловъ Бебингтона на жизнь королевы. Въ февр. 1587 г. послѣдовала казнь Маріи Стюартъ. Еще изъ своего заточенія она передала свои права на Англію Филиппу Испанскому. Послѣдній рѣшился ихъ осуществить и отправилъ въ Англію флотилію, т. наз. „Непобѣдимую армаду“, подъ предводит. герцога Медина Сидоніа. Она должна была соединиться съ испанскимъ флотомъ Нидерландовъ, во главѣ котораго сталъ герц. Пармскій.

Но этому не суждено было осуществиться. Англійскій флотъ, болѣе численный, но не располагавшій такими большими судами, какъ испанскій, не давая открытаго сраженія, сталъ нападать на испанскіе галліоны съ двухъ сторонъ. Истребляя тѣ, которые отставали въ плаваніи онъ въ значительной степени уменьшилъ число судовъ, поставленныхъ подъ команду испанскаго адмирала. Въ ночь съ 8-го на 9-ое авг. англичане напали затѣмъ на Непобѣдимую армаду, которая, убѣгая отъ преслѣдованій, ушла изъ Ламанша въ Нѣмецкое море. Но здѣсь буря разсѣяла испанскія суда: одни прибиты были къ голландскому берегу, другія ушли на сѣверъ и принуждены были обогнуть Шотландію. Большинство испанскихъ судовъ на обратномъ пути разбилось объ утесы острововъ Оркней и Гебридскихъ; изъ 130-ти всего 53 достигли испанскаго берега и вошли въ гавань Виго. Пораженіе Непобѣдимой армады сдѣлало Англію на долгіе годы владычицей надъ морями. Она воспользовалась новымъ для нея положеніемъ, чтобы, продолжая войну съ Испаніей на морѣ, въ то же время положить основаніе колоніямъ въ Нью-Фаундлэндѣ и Виргиніи. Во главѣ обоихъ предпріятій сталъ знаменитый Уольтеръ Роли (Walter Raleigh). Успѣшная колонизація американской территоріи, названной въ честь королевы-дѣвственницы Виргиніей, обогатила европейскій обиходъ двумя новыми продуктами: табакомъ и картофелемъ.

Царствованіе Елизаветы ознаменовано упроченіемъ англійскаго владычества въ Ирландіи. Страна эта была главнымъ очагомъ католической агитаціи противъ королевы; посланный въ нее папскій легатъ Николай Сэндёрсъ стоялъ во главѣ этой агитаціи и поддерживалъ кельтическіе кланы въ ихъ стремленіи изгнать англичанъ съ острова. Папа въ 1580 г. послалъ въ помощь возставшимъ отрядъ наемниковъ. Возстаніе все же было легко подавлено, однако въ 1598 г. возникло новое, болѣе грозное. Елизавета поручила усмиреніе Ирландіи Роберту Дэверё, графу Эссекскому, пользовавшемуся ея личной привязанностью и уже руководившему походомъ въ Нидерланды. Во главѣ 20.000 войска онъ подавилъ возстаніе южныхъ и центральныхъ провинцій, но не могъ овладѣть сѣверными и по договору съ вождемъ повстанцевъ О'Нилемъ отъ имени королевы обѣщалъ терпимое отношеніе къ католикамъ и сохраненіе за нимъ титула графа. Но Елизавета не пожелала утвердить этого договора. Тогда Эссексъ не отступилъ передъ мыслью поднять открытый мятежъ въ Лондонѣ при помощи передовыхъ протестантскихъ сектантовъ, которые, за отрицаніе всего, что не вытекаетъ прямо изъ Библіи, были прозваны „пуританами“. Однако, Эссексъ ошибся насчетъ размѣровъ, какіе могло принять движеніе; число его приверженцевъ оказалось незначительнымъ. Онъ былъ схваченъ, преданъ суду и казненъ въ февр. 1601 г. Уже въ томъ фактѣ, что Эссексъ разсчитывалъ на поддержку пуританъ,

легко усмотрѣть, что они принадлежали къ числу недовольныхъ. Причина тому лежала въ нежеланіи англійскаго правительства пойти далѣе извѣстныхъ уступокъ протестантизму, а пуритане по духу близки были къ кальвинистамъ — отрицали епископскую власть и стояли за свободу проповѣди или, какъ они говорили, „свободу пророчествованія“, т. е. за импровизацію, обыкновенно опиравшуюся на произвольное толкованіе текстовъ. Подъ „пуританами“ разумѣлись послѣдователи разныхъ сектъ: и пресвитеріане, близкіе къ тѣмъ, которые овладѣли властью въ Шотландіи, и послѣдователи Брауна (см. *браунисты*), и баптисты (*см.*), и многіе иные сектанты, въ числѣ которыхъ можно найти родоначальниковъ и американскихъ шэкеровъ и единомышленниковъ моравскихъ братій, доселѣ образующихъ небольшія и свободныя церкви въ Шварцвальдѣ.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы многіе изъ пуританъ прошли на выборахъ въ парламентъ, и этимъ объясняется подъемъ его духа и ростъ въ немъ оппозиціи. Въ виду такой перемѣны правительство намѣревалось сразу положить предѣлъ свободѣ преній. Обращаясь къ парламенту въ 1593 г., оно заявляетъ ему отъ имени королевы, что свобода рѣчи не должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что всякій вправѣ говорить, что ему взбредетъ на умъ; она означаетъ только то, что въ отвѣтъ на правительственное предложеніе можно сказать „да“ или „нѣтъ“. Другими словами, отъ имени королевы парламенту заявляется, что за нимъ не признается никакого почина и роль его должна быть болѣе или менѣе пассивной: ему надлежитъ выслушивать правительственныя предложенія и, при нормальныхъ условіяхъ, принимать ихъ съ той или другой поправкой, въ рѣдкихъ же случаяхъ отвергать. Парламентъ не мирится съ такимъ суженіемъ его роли и настаиваетъ на томъ, что ему — и никому, помимо него, при участіи, однако, короля или королевы,—принадлежитъ право разсмотрѣнія всевозможнѣйшихъ вопросовъ, затрагивающихъ народную жизнь, и что притязанія Елизаветы рѣшать важнѣйшіе вопросы, подлежащіе вѣдѣнію законодательной власти, въ своемъ Совѣтѣ, рѣшать ихъ путемъ изданія указовъ-прокламацій противорѣчатъ исконнымъ его правамъ. Со времени Эдуарда VI, когда парламентъ протестовалъ противъ уравненія указовъ съ законами или статутами, парламентъ 1593 г. первый выступилъ въ защиту исконныхъ законодательныхъ функцій англійскаго народнаго представительства противъ попытокъ обратить эти функціи въ законосовѣщательныя.

Тотъ же парламентъ оставилъ слѣды въ исторіи развитія конституціонныхъ вольностей отстаиваніемъ права провѣрки имъ самимъ правильности полномочій, полученныхъ его депутатами. Когда правительство заявило требованіе, чтобы повѣрка полномочій производима была не парламентомъ, а канцлерскимъ судомъ, т. е. учрежденіемъ правительственнымъ, такъ какъ канцлеръ назначался королевой, то парламентъ увидѣлъ въ этомъ нарушеніе своей прерогативы и сталъ настаивать на сохраненіи старинныхъ порядковъ, установившихся еще въ средніе вѣка; согласно имъ, провѣрка полномочій и сужденіе о правильности выборовъ принадлежали не кому иному, какъ парламенту. Съ этого времени такой порядокъ сталъ неизмѣннымъ. Онъ продолжалъ держаться до послѣдней трети XIX вѣка (1868 г.), когда признано было болѣе цѣлесообразнымъ ввѣрить эту заботу судебнымъ органамъ (съ 1880 г. провѣрка правильности выборовъ производится двумя судьями высшаго Суда—King's bench division of the High Court of Justice).

1593 годъ въ лѣтописяхъ конституціоннаго развитія Англіи долженъ быть отмѣченъ еще потому, что парламентъ, вступивъ въ столкновеніе съ правительствомъ, настаивалъ въ немъ еще на двухъ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ стало прецедентомъ для будущаго. Онъ высказалъ тотъ взглядъ, что верхняя палата, или палата лордовъ, не вправѣ вносить измѣненій въ государственную роспись, составленную нижней палатой, такъ какъ по-

слѣдняя представляетъ собой массу плательщиковъ, — а вправѣ только или цѣликомъ принять эту роспись, или цѣликомъ ее отвергнуть. Вотъ почему каждый разъ, когда въ Англіи возникаетъ вопросъ о моментѣ, съ котораго установленъ этотъ конституціонный принципъ, продолжающій держаться и по настоящее время и по которому палата лордовъ не можетъ вносить измѣненій въ государственную роспись, а можетъ только принять или отвергнуть ее цѣликомъ, ссылаются на прецедентъ, созданный парламентомъ 1593 г. Наконецъ, тотъ же парламентъ — и еще въ большей мѣрѣ парламентъ 1601 г.—выступилъ противъ притязаній правительства считать дѣломъ, зависящимъ отъ одного только короля и его Тайнаго совѣта, учрежденіе торговыхъ и колоніальныхъ монополій. Правительство эпохи Елизаветы обратилось впервые, какъ мы видѣли, къ широкой колонизаціонной политикѣ. Съ этого момента начинаются первыя попытки основанія колоній въ Новомъ Свѣтѣ. Правительство при этомъ выдавало колоніальныя грамоты и создавало такимъ образомъ монополіи каждый разъ при участіи одного лишь Тайнаго совѣта. Парламентъ требуетъ, чтобы ему впредь дѣлались предложенія относительно учрежденія тѣхъ или другихъ корпорацій, въ пользу которыхъ создается монополія производства или торга въ той или другой отрасли промышленности. Такимъ образомъ, уже въ это время ставится тотъ вопросъ, который два столѣтія спустя приметъ роковой характеръ для дальнѣйшей зависимости штатовъ Сѣв. Америки отъ метрополіи, вопросъ о томъ, подлежитъ ли завѣдываніе колоніальной политикой королю въ совѣтѣ или королю въ парламентѣ.

X. *Общественная эволюція Англіи въ эпоху Тюдоровъ. Сельская Англія.* Періодъ Тюдоровъ, сказалъ я, есть эпоха самыхъ серьезныхъ преобразованій не столько въ сферѣ политическаго, сколько общественнаго уклада Англіи.

Въ это время складывается впервые система общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, и возникаетъ опредѣленное представленіе, что государство должно расширить свои функціи и включить въ нихъ обезпеченіе труда не находящимъ работы и продовольствіе неспособнымъ къ ней. Нужно ли говорить, что этотъ фактъ стоитъ въ причинной связи съ упраздненіемъ монастырей, этихъ средневѣковыхъ кормильцевъ нищенствующей братіи. Но размноженіе ея имѣетъ, разумѣется, и другіе источники, восходящіе еще къ эпохѣ прекращенія войнъ Алой и Бѣлой Розы, когда Генрихъ VII запретилъ включать въ вооруженныя свиты, эти своего рода частныя дружины аристократическихъ родовъ, людей безъ опредѣленнаго занятія и солдатъ распущенныхъ королями наемныхъ войскъ. Наконецъ, за этими частными причинами нельзя забывать одной основной общей—перехода отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, сказавшагося въ той аграрной революціи, свидѣтелями которой были Томасъ Моръ, Стёбсъ, Латимеръ и цѣлый рядъ другихъ народныхъ проповѣдниковъ и обличителей. Вѣчно-наслѣдственная аренда крестьянъ, или „копигольдъ“, начинаетъ уступать мѣсто фермерскому хозяйству. Крестьянство, частью насильственно, частью добровольно, покидаетъ помѣстье, переходитъ въ классъ безземельныхъ и обездоленныхъ. Такіе порядки, разумѣется, могли наступить лишь при одномъ условіи: когда въ нихъ оказались болѣе или менѣе заинтересованными обѣ стороны—земельные собственники съ фермерами, съ одной стороны, и копигольдеры, или оброчные пользователи помѣстной земли,—съ другой, когда интересъ однихъ къ развитію свободнаго арендного контракта сталъ сходиться съ интересомъ другихъ къ прекращенію средневѣковаго оброчнаго держанія,—другими словами, когда копигольдъ оказался убыточнымъ для съемщика въ такой же степени, какъ для собственника, и тотъ, и другой, въ равной мѣрѣ, стали стремиться къ замѣнѣ его свободнымъ и срочнымъ наймомъ. Что такой исходъ на самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ столѣтія, объ этомъ говорятъ намъ, между прочимъ, такіе факты, какъ предложенный въ

1588 году проектъ обложенія земельными налогами не только собственности, фригольда, но и копигольда, или наслѣдственной аренды, проектъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что копигольдеры охотно сами сдаютъ свои владѣнія въ арендное пользованіе, что съемщиками весьма часто являются фригольдеры или зажиточные купцы. Такъ называемые „lease-mongers“, или скупщики фермъ, по словамъ автора упомянутой петиціи, нерѣдко получаютъ свои аренды непосредственно отъ этихъ наслѣдственныхъ владѣльцевъ чужой земли. Это свидѣтельство находитъ подтвержденіе себѣ въ словахъ одного современнаго экономиста, говорящаго, что собственники земель, не имѣя возможности распорядиться ими по собственному выбору, въ виду держащейся на нихъ системы наслѣдственной аренды, нерѣдко сами становятся фермерами и снимаютъ землю, между прочимъ, и у копигольдеровъ. Съ другой стороны, прежде чѣмъ сами крестьяне сочли нужнымъ включить въ число своихъ требованій запретъ увеличивать число копигольдовъ путемъ обращенія земельными собственниками въ наслѣдственную аренду участковъ пріобрѣтаемой ими въ фригольдъ земли, прежде чѣмъ норфолькскіе мятежники, подъ предводительствомъ Кета, сдѣлали изъ этого требованія особую статью своей петиціи, необходимо должны были произойти такія перемѣны въ системѣ народнаго хозяйства, которыя сдѣлали невыгоднымъ для самихъ крестьянъ дальнѣйшее существованіе системы наслѣдственнаго оброчнаго владѣнія. Спрашивается, что же это были за перемѣны? Онѣ состояли въ расширеніи скотоводства на счетъ земледѣлія. Этимъ фактомъ объясняется, по нашему мнѣнію, готовность собственниковъ положить конецъ наслѣдственнымъ держаніямъ съ ихъ неизмѣнной, разъ на всегда установленной земельной рентой и перейти къ системѣ срочныхъ арендъ, дѣлающихъ возможнымъ прогрессивное повышеніе наемной платы за землю, по мѣрѣ увеличенія спроса на нее. Съ перваго взгляда такое утвержденіе можетъ показаться произвольнымъ. Копигольдеры, повидимому, должны были упорно держаться за порядокъ вещей, при которомъ весь доходъ отъ постепеннаго увеличенія ренты поступалъ исключительно въ ихъ пользу. Но, разсуждая такимъ образомъ, мы совершенно упускаемъ изъ виду, что тотъ же хозяйственный переворотъ, который сдѣлался источникомъ неожиданныхъ выгодъ для копигольдеровъ, отразился, между прочимъ, и на сокращеніи ихъ правъ общиннаго пользованія, благодаря чему выгоды, доставляемыя системой наслѣдственныхъ арендъ, необходимо должны были уменьшиться.

Историки и экономисты далеко не сходятся между собою въ рѣшеніи вопроса о томъ, въ чемъ состоялъ хозяйственный переворотъ, пережитый Англіей въ XVI вѣкѣ. Большинство ограничивается утвержденіемъ, что скотоводство стало заступать въ это время мѣсто земледѣлія, послѣдствіемъ чего было огораживаніе не только общинныхъ пастбищъ, но и такъ наз. „открытыхъ полей“ (open fields), что районъ посѣвовъ тѣмъ самымъ подвергнутъ былъ значительному сокращенію, тогда какъ овцеводство въ такой же мѣрѣ было расширено. Другіе, и во главѣ ихъ Нассе, полагаютъ, что, параллельно съ этимъ движеніемъ, совершался переходъ отъ трехпольной системы хозяйства къ болѣе интенсивной, улучшенной переложной, такъ какъ въ противномъ случаѣ Англія не въ состояніи была бы прокормить своего съ каждымъ поколѣніемъ возрастающаго населенія, не прибѣгая къ закупкѣ хлѣба на иностранныхъ рынкахъ, чего мы въ XVI вѣкѣ, однако, не встрѣчаемъ.

Прежде чѣмъ высказать наше мнѣніе по этому вопросу, пересмотримъ всѣ тѣ факты, которые обыкновенно приводятся для иллюстраціи сельскохозяйственнаго быта Англіи въ занимающую насъ эпоху.

Характеризуя общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, я имѣлъ случай указать, что съ середины XV вѣка уже замѣтно у земельныхъ собственниковъ стремленіе къ огораживанію открытыхъ полей и что Ричардомъ III приняты были мѣры къ обузданію этого стремленія.

Борьба съ претендентомъ задержала появленіе закона противъ „inclosures“, но не надолго, такъ какъ преемникъ Ричарда, Генрихъ VII, въ четвертый годъ своего правленія счелъ нужнымъ привести въ исполненіе проектъ своего предшественника. Историкъ этого царствованія, Бэконъ, слѣдующимъ образомъ излагаетъ ближайшіе мотивы закона 1489—90 г. „Возведеніе изгородей, говоритъ онъ, къ этому времени сдѣлалось весьма обычнымъ, благодаря чему пахотная земля, которую нельзя воздѣлывать при отсутствіи нужнаго числа рабочихъ рукъ и удобренія, начала уступать мѣсто пастбищу, при которомъ достаточно держать немногихъ пастуховъ; земельныя держанія, пожизненныя, срочныя и до востребованія (at will), доходомъ съ которыхъ жили іомены, перешли въ виду этого въ личное завѣдываніе помѣщиковъ и обращены были въ demesne lands. Послѣдствіемъ этого было уменьшеніе числа жителей, упадокъ благосостоянія въ средѣ простонародья, запустѣніе приходовъ, уменьшеніе доходовъ, доставляемыхъ церковной десятиной, и т. п.“

Въ приведенномъ отрывкѣ великій англійскій мыслитель весьма опредѣленно указываетъ, въ какомъ направленіи происходилъ въ концѣ XV ст. тотъ сельско-хозяйственный переворотъ, природу котораго мы желаемъ выяснить. Земельные собственники, находя овцеводство болѣе выгоднымъ для себя, перестали сдавать въ аренду свои „demesne lands“ и занялись разведеніемъ на нихъ овцы, послѣдствіемъ чего, очевидно, должно было явиться сокращеніе района пахотной земли и уменьшеніе численности населенія въ помѣстьѣ. Объ огораживаніи общин. пастбищъ, какъ и объ отмѣнѣ средневѣковой системы вѣчно-наслѣдственной крестьянской аренды (копигольда), у Бэкона еще нѣтъ и помину. Нечего прибавлять, что онъ не говоритъ также ни слова о переходѣ отъ трехпольной системы къ многопольной, очевидно по той причинѣ, что такой переходъ не имѣлъ еще мѣста въ описываемую имъ эпоху. Прибавимъ, что переворотъ, о которомъ онъ ведетъ рѣчь, по собственному его утвержденію, коснулся однихъ лишь demesne lands, т. е. земель въ личномъ управленіи помѣщика. Въ виду этого онъ не могъ встрѣтить въ дѣйствующемъ правѣ никакихъ препятствій къ своему осуществленію. Отношенія собственника къ фермеру, согласно закону, опредѣлялись всецѣло путемъ договора. Снявшіе землю до востребованія обязаны были вернуть ее во всякое время; срочные арендаторы, по истеченіи срока договора, не имѣли права настаивать на его возобновленіи. Иное дѣло, если бы переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь, затронулъ интересы копигольдеровъ, интересы, опирающіеся на стародавнемъ обычаѣ, признававшемъ за ними право вѣчно-наслѣдственнаго владѣнія, или если бы онъ сказался въ огораживаніи общинныхъ пастбищъ, т. е. въ насильственномъ сокращеніи добавочныхъ доходовъ, извлекаемыхъ крестьянами изъ ихъ надѣловъ. Но ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ. Районъ земледѣлія по необходимости сокращался потому, что помѣщики находили болѣе выгоднымъ занятіе овцеводствомъ; но границы этому сокращенію были положены тѣмъ фактомъ, что перемѣна, о которой идетъ рѣчь, не выходила за предѣлы земель въ личномъ ихъ завѣдываніи. Иниціаторами въ дѣлѣ замѣны земледѣлія овцеводствомъ, повидимому, явились монастыри. Причину тому слѣдуетъ искать, по всей вѣроятности, въ томъ, что аббаты и пріоры, не въ примѣръ другимъ земельнымъ собственникамъ, имѣли обыкновеніе оставлять въ личномъ завѣдываніи цѣлыя помѣстья, прилегающія къ самымъ обителямъ (ср. *Thorold Rogers*, „History of Agriculture and Prices“, т. V,стр. 2). Немудрено поэтому, если народныя баллады XVI в. упоминаютъ о настоятеляхъ, какъ о первыхъ по времени овцеводахъ.

Примѣру духовныхъ владѣльцевъ вскорѣ послѣдовали и свѣтскіе. Вмѣсто того, чтобы раздавать demesne lands въ аренду крестьянамъ, они стали обращать ихъ въ пастбища и разводить на нихъ овцу. Правительство сочло нужнымъ защитить интересы крестьянъ-фермеровъ, и въ 1489 г. Генрихъ VII обнародовалъ съ этою

цѣлью два указа. Первымъ, изданнымъ для острова Уайта, запрещено было держать въ личномъ завѣдываніи участокъ земли, приносящій болѣе 10 ф. годового дохода; вторымъ, дѣйствіе котораго распространено было на всю Англію, приказано было сохранять въ полномъ составѣ со всѣми постройками всѣ фермы, имѣющія по меньшей мѣрѣ 20 акровъ земли. Объ этихъ двухъ мѣрахъ Бэконъ выражается такимъ образомъ: король и парламентъ не сочли нужнымъ запретить огораживанія, что было бы равносильно установленію препятствій къ усовершенствованію хозяйства. Не признали они также полезнымъ сдѣлать хлѣбопашество обязательнымъ занятіемъ, такъ какъ это значило бы вести борьбу съ природою и личною выгодой. Они приняли только мѣры къ устраненію тѣхъ видовъ огораживанія, которые въ конечномъ результатѣ грозили запустѣніемъ и обезлюденьемъ королевства (*Bacon*, „History of Henry VII“). Санкціей указамъ служило слѣдующаго рода предписаніе: при неисполненіи требованій короля и парламента ближайшій сюзеренъ провинившагося владѣльца вправѣ былъ захватить половину его участка и держать за собою до возстановленія на немъ прежнихъ порядковъ хлѣбопашества и поселенія.

Какъ плохо были проведены на практикѣ вышеизложенныя мѣропріятія, можно судить на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Въ 1517 г. комиссары, посланные въ графства Норфорлькъ, Іоркъ, Герфордъ, Саусгемптонъ, Стаффордъ, Беркъ, Глостеръ и Кембриджъ для собиранія свѣдѣній о томъ, сколько земли съ 1485 г. обращено было изъ пахоти въ пастбище, обнаруживаютъ тотъ фактъ, что десятки тысячъ акровъ, тридцать лѣтъ назадъ бывшіе подъ обработкою, нынѣ лежатъ впустѣ. Немудрено поэтому, если, издавая въ 1514 и 1515 гг. новые указы противъ сокращенія района воздѣлываемой площади, Генрихъ VIII открыто заявляетъ, что пахоти продолжаютъ переходить въ пастбища и что число крестьянскихъ усадебъ сокращается съ каждымъ годомъ.

Въ 1897 г. отпечатаны были Лидамомъ подлинные протоколы указанныхъ комиссій 1517 г. Имъ было поручено разслѣдовать вопросъ о томъ, кого изгнали помѣщики съ своихъ держаній и какія земли, ранѣе занятыя крестьянами подъ пахоть, обращены были въ пастбища, въ связи съ чѣмъ стояло снесеніе крестьянскихъ усадебъ. Работая надъ этими отчетами комиссаровъ, впервые имъ открытыми, Лидамъ установилъ, что отъ 1485 по 1500 г. 15.709 акровъ подверглись огораживанію въ граф. Норсгэмптонъ, Бекингемъ, Оксфордъ, Уоррикъ и Беркширъ. Изъ этого числа 13.300 съ лишнимъ поступили подъ пастбища. Съ 1500 по 1517 г. въ этихъ пяти графствахъ было огорожено 24.611 акровъ и изъ нихъ 17.000 обращены подъ пастбища. Въ Стаффордѣ, въ восточной части Іоркшира, въ графствахъ Кембриджъ, Глостеръ, Норфолькъ, Герфордъ и Шропширъ за 30 лѣтъ, отъ 1486 по 1517 г., также подверглись огораживанію 19.470 акровъ, и частью на нихъ заведено овцеводство.—На основаніи этихъ данныхъ, покрывающихъ лишь относительно небольшой періодъ времени, трудно притти къ какому-либо заключенію о размѣрахъ, какіе огораживаніе, сносъ крестьянскихъ усадебъ и упраздненіе пахоти приняли въ царствованіе Генриха VII и его сына, а тѣмъ болѣе въ теченіе всей эпохи Тюдоровъ. Тѣмъ не менѣе, рядъ писателей старался ослабить впечатлѣніе, производимое обличителями XVI в., указывая, что зло — если считать имъ упраздненіе мірскихъ пользованій — было, сравнительно, ничтожно. Я полагаю, что данныя, обнародованныя Лидамомъ, при всемъ ихъ интересѣ, слишкомъ рано обрываются, чтобы на основаніи ихъ можно было измѣнить общую оцѣнку хотя бы самаго размѣра движенія, столь приковавшаго къ себѣ вниманіе современниковъ (см. *Leadam*, „Domesday of inclosures“ и *Abram*, „Соціальный бытъ Англіи въ XV вѣкѣ“, стр. 27 и 28).

Можно сказать только одно, что общая сумма акровъ, отнятыхъ у земледѣлія, какъ ее выясняютъ показанія комиссаровъ, далеко не такова, чтобы мы вправѣ были думать, что процессъ, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, принялъ уже ко второму деся-

тилѣтію XVI столѣтія тѣ широкіе размѣры, какіе приписываютъ ему современники. Въ Норсгэмптонѣ, Оксфордширѣ, Бекингемѣ и Уоррикѣ огораживаніе сдѣлало, повидимому, наибольшіе успѣхи. Въ первомъ до 14 тысячъ акровъ частью отнято у плуга, частью изъято изъ общиннаго пользованія, въ Оксфордширѣ—почти 12 тысячъ, въ Бекингемѣ почти 10 тысячъ и слишкомъ по 9 тысячъ въ Уоррикѣ и Норфолькѣ. Менѣе замѣтенъ переворотъ въ графствахъ Герефордъ, Салопъ и Кембриджъ, въ которыхъ комиссары не насчитываютъ въ общей сложности и 5.000 акровъ вновь огороженныхъ земель, а еще менѣе въ Сомерсетѣ, Стаффордширѣ или Дерби, въ которыхъ мѣсто тысячъ и десятковъ тысячъ акровъ, вновь отведенныхъ подъ овцеводство, заступаютъ сотни.

Въ общей сложности по подсчету Гея, обнимающему также результаты дополнительныхъ комиссій, посланныхъ въ 1519 г., въ 24 графствахъ съ 1485 по 1517 г. было всего огорожено съ небольшимъ 100 тысячъ акровъ; по отношенію ко всей площади соотвѣтственныхъ графствъ это составляетъ лишь около полупроцента (см. *E. Gay*, „Inclosures in the XVI-th century“, „Quart. Journ. of Economics“ XVII). Естественно, что сокращеніе полевыхъ угодій пока не производитъ еще замѣтнаго вліянія на положеніе хлѣбнаго рынка и средняя цѣна квартера пшеницы въ періодъ времени отъ 1484 по 1515 г. оказывается не выше той, какую мы встрѣчаемъ во второй половинѣ XV столѣтія (*Thorold Rogers*, „History of Agriculture“, т. IV, стр. 286).

Въ 1514, 32 и 34 годахъ принимаются новыя мѣры къ тому, чтобы задержать процессъ развитія полевого хозяйства. Пахотныя земли, обращенныя ихъ владѣльцами подъ пастбище, повелѣно на будущее время возвращать снова подъ плугъ. Всѣмъ и каждому запрещено держать болѣе двухъ тысячъ овецъ, все равно, будетъ ли то на собственной землѣ или на съемной. Наконецъ, въ 27 годъ правленія Генриха постановлено, что въ помѣстьяхъ на каждые 30—50 акровъ пахотной земли должно приходиться по меньшей мѣрѣ одно жилое строеніе. Если ближайшій сюзеренъ не станетъ слѣдить за исполненіемъ этого предписанія, право контроля переходитъ къ слѣдующему за нимъ въ іерархическомъ порядкѣ и, въ концѣ концовъ, къ королю.

Предисловія къ только что изложеннымъ законамъ указываютъ на то, что обращеніе пахотей въ пастбища за послѣднее время стало принимать новыя формы. Прежде, пока оно не выходило за предѣлы земель въ личномъ завѣдываніи помѣщика, задѣвались имъ интересы однихъ крестьянъ-арендаторовъ. Теперь опасность грозитъ уже и „бѣдному земледѣльцу“, копигольдеру, съ незапамятныхъ временъ воздѣлывавшему землю и поставленному нынѣ въ необходимость покинуть ее. Указы Генриха VIII упоминаютъ о селеніяхъ въ 200 человѣкъ, жители которыхъ почти поголовно принуждены были уйти; они говорятъ о крестьянахъ, остающихся безъ крова и обращающихся въ бродягъ и нищихъ, о лицахъ, стягивающихъ въ свои руки возможно большее число земельныхъ держаній и заводящихъ стада овецъ въ 20 и 24 тысячи головъ. Все это, очевидно, указываетъ на то, что развитіе овцеводства вышло за предѣлы земель въ личномъ завѣдываніи и задѣло интересы не однихъ крестьянъ-фермеровъ, но и копигольдеровъ, или вѣчно наслѣдственныхъ владѣльцевъ. На это же указываютъ и нѣкоторые изъ современныхъ писателей, какъ-то: Томасъ Моръ въ своей „Утопіи“, анонимный авторъ сатиры, озаглавленной „Now a dayes“, Старке, Тридже и другіе. „Овцы, говоритъ первый, поглощаютъ цѣлыя поля, города и селенія. Дворяне, джентльмены, а также и нѣкоторые аббаты обращаютъ всѣ земли въ огорожен. пастбища; они разрушаютъ усадьбы, сживаютъ съ лица земли цѣлыя селенія и ничего не оставляютъ на мѣстѣ, кромѣ церкви и овчарни“. Тысячи акровъ обносятся заборомъ по волѣ ненасытнаго собственника: крестьянинъ-земледѣлецъ выгоняется насильственно съ надѣла или принуждается къ оставленію его хитростью, обманомъ и тяжкимъ угнетеніемъ. Вся-

каго рода обиды и притѣсненія доводятъ его нерѣдко до продажи своего участка“ („Utopia“. Introduction, изд. Dibdin, 1878, стр. 180). Въ этихъ словахъ очевидно дѣло идетъ уже не объ однихъ интересахъ фермеровъ, а о насильственномъ разрывѣ той связи, которая издревле существовала между землею и воздѣлывавшимъ ее крестьянствомъ.

Еще опредѣленнѣе указываетъ на характеръ совершающагося процесса Тридже въ своемъ памфлетѣ, озаглавленномъ: „Петиція двухъ сестеръ, церкви и государства, касательно возстановленія старинныхъ общинныхъ земель—commons, упраздненныхъ путемъ огораживаній“. Памфлетъ этотъ появился въ 1604 г., когда процессъ, о которомъ идетъ рѣчь, очевидно, долженъ былъ быть въ полномъ ходу. Вотъ какими красками описываетъ его авторъ: „Собственники помѣстій и фригольдеры посягаютъ на старые порядки, въ силу которыхъ всѣ пахотныя земли лежали открытымъ полемъ, что дѣлало возможнымъ пользованіе ими со стороны бѣдныхъ. Нынѣ каждый желаетъ, чтобы его поле выдѣлено было ему въ исключительное пользованіе“.

Фактическое подтвержденіе всѣмъ этимъ заявленіямъ даютъ намъ судебныя разслѣдованія, произведенныя въ графствѣ Кембриджъ въ серединѣ XVI столѣтія. Явленія въ родѣ слѣдующаго упоминаются въ нихъ на каждомъ шагу: „Земля Андрю Лэмба должна бы лежать въ открытомъ полѣ вмѣстѣ съ другими Lammas lands (лугами, подлежащими покосу въ Lammas day въ іюнѣ); на самомъ же дѣлѣ, она обведена оградой. Квинсъ Колледжъ захватилъ въ свои руки часть общаго поля, извѣстнаго подъ именемъ Гослингъ Гранъ, не заплативъ никому ни шиллинга вознагражденія“, и т. п.

На ряду съ обращеніемъ въ пастбища не только земель въ личномъ завѣдываніи помѣщика (demesne lands), но и тѣхъ открытыхъ полей (open fields), которыя въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ составляли надѣльную землю крестьянскаго міра, начинается и процессъ огораживанія общинныхъ пастбищъ, commons, которыя въ Англіи XV и предшествующихъ столѣтій играли ту же роль, какая въ южной Германіи и Швейцаріи принадлежитъ доселѣ такъ наз. альмендамъ, во Франціи biens communaux, а въ Россіи—общиннымъ угодьямъ. Виды этого общиннаго пользованія въ Англіи были тѣ же, что и на континентѣ. Если не говорить о лѣсѣ, доставляющемъ матеріалъ для топлива, для изготовленія сельско-хозяйственныхъ орудій и постройки жилищъ, англійскій common представляетъ собою или разсѣянные въ разныхъ частяхъ помѣстья участки луговой земли или степи, въ которыхъ рабочій скотъ въ періодъ оранки находитъ ночью необходимый ему подножный кормъ, или толоку, т. е. лежащее подъ паромъ поле,—фактъ нераздѣльный съ существованіемъ державшейся всѣ сред. вѣка трехпольной системы,—или же, наконецъ, обросшую кустарникомъ площадь, на которой пасется, наряду со скотомъ помѣщика, и сельское стадо. Въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ слабая густота населенія, при рѣшительномъ преобладаніи земледѣлія надъ скотоводствомъ, дѣлала излишнимъ регулированіе взаимныхъ отношеній лэндлордовъ и копигольдеровъ въ пользованіи сельскими угодьями. Но съ тѣхъ поръ, какъ собственники стали или сами заводить большія стада овецъ, или сдавать свои земли фермерамъ-овцеводамъ, вопросъ объ опредѣленіи правъ помѣщиковъ и копигольдеровъ на „common“ сдѣлался вопросомъ первой важности. Каждая изъ сторонъ старалась захватить „common“ всецѣло въ свои руки. Помѣщики доказывали, что право допускать или не допускать копигольдеровъ на общинныя угодья принадлежитъ имъ однимъ и что отъ нихъ же зависитъ установленіе условій пользованія и, въ частности, опредѣленіе числа головъ, какое каждый крестьянскій дворъ вправѣ высылать на общій выгонъ. Копигольдеры въ свою очередь требовали подчиненія въ этомъ отношеніи какъ собственниковъ, такъ и фермеровъ установленнымъ обычаемъ порядкамъ. Все это вмѣстѣ взятое порождало рядъ столкновеній и недовольствъ и вело обыкновенно къ тому, что лэндлорды обносили изгородями „commons“ и

тѣмъ обращали ихъ въ предметъ индивидуальнаго владѣнія. Юристы XVI вѣка, и наряду съ ними и Фицгербертъ, не разъ отстаивали право собственника на неограниченное пользованіе угодьями, а, слѣдовательно, и на огораживаніе ихъ. Дѣлая исключеніе для тѣхъ участковъ общаго поля, которые, лежа подъ паромъ, служили выгономъ для скота, Фицгербертъ утверждаетъ, что по отношенію къ прочимъ угодьямъ лэндлордъ является полнымъ господиномъ: отъ его воли зависитъ допускать или не допускать къ пользованію ими копигольдеровъ и, въ случаѣ допущенія, опредѣлять размѣръ этого пользованія. Еще въ средніе вѣка установлено было въ помѣщичьихъ судахъ правило, по которому копигольдеры могли посылать на общинныя угодья лишь собственный скотъ, а такимъ считается не всякая купленная ими скотина, а только та, которая провела зиму въ ихъ собственныхъ стойлахъ. При такихъ условіяхъ немудрено, если бо́льшее или меньшее число головъ, высылаемыхъ копигольдеромъ на common, стало зависѣть, въ концѣ концовъ, отъ величины его надѣла, такъ какъ послѣднимъ опредѣлялось количество скота, какое онъ могъ прокормить зимою. Понятно также, почему въ задачи вотчинныхъ судовъ вошло, между прочимъ, разслѣдованіе съ помощью присяжныхъ не только вопроса о томъ, не посылаетъ ли кто изъ общинниковъ чужого скота, но и того, соотвѣтствуетъ ли величинѣ его участка число выгоняемыхъ имъ головъ.

Въ вотчинныхъ распорядкахъ XVI в. мы уже встрѣчаемъ строгое опредѣленіе самаго числа головъ крупнаго и мелкаго скота, какое каждый дворъ копигольдеровъ вправѣ держать на „common“. Всѣ эти споры, одинъ слабый отголосокъ которыхъ дошелъ до насъ благодаря протоколамъ вотчинныхъ судовъ, приводятъ, въ концѣ концовъ, къ тому заключенію, что лэндлорды, признавая себя, согласно толкованіямъ юристовъ, единственными собственниками не входившихъ въ составъ „открытыхъ“ полей общинныхъ угодій, или commons, рѣшаются окружить ихъ изгородями и совершенно закрыть доступъ къ нимъ крестьянамъ-копигольдерамъ. Къ серединѣ XVI столѣтія это огораживаніе принимаетъ такіе широкіе размѣры, что становится злобою дня. И законодательство, и церковная проповѣдь, не говоря уже о народной и письменной литературѣ, ставятъ его на первый планъ при перечисленіи тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ страдаетъ англійское простонародье. Въ правленіе Эдуарда VI лордъ-протекторъ Сомерсетъ издаетъ особый указъ, которымъ предписываетъ лицамъ, виновнымъ въ огораживаніи, немедленно снести изгороди подъ страхомъ высокой пени, платимой за каждый просроченный день. Церковные проповѣдники, какъ Латимеръ, громятъ съ каѳедры „огораживателей“ и „травоводовъ“ (graziers). Появившійся въ 1541 г. памфлетъ „Vox populi“, указывая на то, что никогда въ Англіи не было столько овецъ, какъ нынѣ, связываетъ этотъ фактъ съ размноженіемъ числа жадныхъ лордовъ - огораживателей (inclosieres), присвоителей общинныхъ угодій (commons). Въ свою очередь Краули, въ хорошо извѣстномъ трактатѣ „Way to Wealth“ (Путь къ обогащенію), дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ лэндлордамъ: „Своими огораживаніями вы отняли у бѣдныхъ принадлежащіе имъ по праву „commons“. Когда король издалъ указъ, запрещавшій вамъ такой образъ дѣйствій, вы все же продолжали настаивать на своемъ и изыскивать способы къ тому, чтобы побудить самихъ копигольдеровъ дать согласіе на огораживанія. Съ этою цѣлью вы такъ стали притѣснять тѣхъ изъ нихъ, кто оказывалъ вамъ въ этомъ противодѣйствіе, что поневолѣ у всѣхъ вскорѣ прошла охота къ сопротивленію, изъ страха вызвать ваше недоброжелательство. Сломайте ваши изгороди, тѣ крѣпкіе плетни, которыми по вашему приказанію обведены и пахоти, и общинная пустошь и которые стоятъ много слезъ англійскому поселянину, прежде извѣстному своимъ весельемъ“.

Послѣ сказаннаго понятно, почему крестьянскія возстанія, ознаменовавшія собою послѣднія десятилѣтія правленія Генриха VIII и первые годы его преемника, молодого короля Эдуар-

да VI, въ значительной степени вызываются фактомъ огораживанія общинныхъ угодій, что проявляется не только въ фактѣ ломанія изгородей крестьянами въ 1535 г. въ Кревенѣ, но и въ томъ обстоятельствѣ, что норфолькскіе мятежники въ 1549 г. включаютъ въ число своихъ требованій, чтобы commons были предоставлены въ исключительное пользованіе фригольдеровъ и копигольдеровъ и чтобы лэндлордъ не имѣлъ на нихъ болѣе никакого права.

Огораживаніе общинныхъ пастбищъ не только дѣлало возможнымъ увеличеніе размѣровъ овцеводства, производимаго самимъ ли собственникомъ, или снявшимъ у него землю арендаторомъ, но и вело еще косвенно къ оставленію помѣстья копигольдеромъ и мелкимъ фермеромъ, т. е. въ конечномъ результатѣ приводило къ расширенію района земель, способныхъ быть обращенными подъ пастбище. Это положеніе требуетъ съ нашей стороны нѣсколькихъ поясненій. Мелкое крестьянское хозяйство возможно лишь подъ условіемъ существованія, на ряду съ надѣломъ, еще общинныхъ угодій, на которыхъ крестьянинъ могъ бы прокормить не только нужный ему въ хозяйствѣ рабочій скотъ, но и то число коровъ, овецъ, свиней и домашней птицы, которое частью покрываетъ его личныя потребности, частью доставляетъ ему нѣкоторый добавочный доходъ въ формѣ яицъ, сыра, поросятъ, телятъ и барашковъ, обыкновенно поступающихъ въ продажу. Разъ общинныя угодья отнимаются у крестьянина, онъ не только лишается возможности получать нѣкоторую прибавку къ тому, что доставляетъ ему ежегодно пользованіе его надѣломъ, но и теряетъ возможность обработки послѣдняго. При такихъ условіяхъ для него выгоднѣе или продать свой участокъ лэндлорду, или сдать его въ арендное держаніе, хотя бы тому же самому фермеру, который снимаетъ помѣщичью землю. Примѣры того и другого одинаково представляетъ намъ исторія земельныхъ отношеній Англіи въ занимающій насъ періодъ.

„Крестьянинъ и мелкій фермеръ,—жалуется анонимный авторъ трактата „О реформѣ злоупотребленій“, трактата, появившагося въ 1551 г.,—не сидятъ сами на своихъ надѣлахъ, снимаемыхъ ими за небольшую ренту, но сдаютъ ихъ фермерамъ за вознагражденіе, въ три раза большее. Въ свою очередь джентльменъ, не получая съ имѣнія достаточнаго дохода, становится „травоводомъ“ —„grazier“, арендуетъ чужую землю и разводитъ на ней овцу“.

Такимъ образомъ возникаютъ тѣ обширныя фермы, соединяющія въ себѣ десятки крестьянскихъ надѣловъ, на которыя жалуются составители балладъ. „Лэндлорды и фермеры, желая,—какъ выражается авторъ „Голоса народа“ („Vox populi“),—получить съ хозяйства наибольшій доходъ, разводятъ овецъ и рогатый скотъ, совершенно упразднивъ земледѣліе“. Парламентскія петиціи даютъ полное подтвержденіе этимъ фактамъ. „Джентльмены, жалуются общины въ обращеніи, сдѣланномъ ими королю въ 1548 году, становятся „травоводами“(graziers)и овцеводами(sheepmasters); они запускаютъ хлѣбопашество; многое множество селеній и хозяйственныхъ построекъ разрушено ими; земля, прежде воздѣлываемая плугомъ, теперь вся подъ овцою“... Видя въ этомъ великое народное бѣдствіе, общины ходатайствуютъ о томъ, чтобы впредь запрещено было лицамъ, владѣющимъ землею наслѣдственно или пожизненно, арендовать земли у короля или частныхъ лицъ, разъ доходъ, получаемый ими съ ихъ собственныхъ владѣній, достигаетъ суммы ста марокъ въ годъ. Никакая ферма не должна заключать въ себѣ болѣе одного помѣстья. Даже на собственныхъ земляхъ, на такъ назыв. demesne lands, собственникъ не вправѣ выдѣлять подъ пастбище неопредѣленное число акровъ, но долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы доходъ отъ овцеводства и разведенія рогатаго скота не превышалъ 100 ф. въ годъ; въ противномъ случаѣ онъ несетъ ежемѣсячно штрафъ въ 10 фунтовъ. Общины ходатайствуютъ также о принятіи мѣръ къ тому, чтобы общинныя пастбища (commons) не служили исключительно интересамъ помѣщика. Изъ 1.000 головъ овецъ лэндлордъ вправѣ посылать на common всего 200, и то

лишь срокомъ съ 6 мая по день св. Михаила Архангела.

Мы привели содержаніе этого любопытнаго документа не потому, чтобы онъ сколько-нибудь повліялъ на дѣятельность законодателя, а потому, что въ немъ какъ нельзя лучше обрисовано то положеніе, какое заняло англійское овцеводство въ серединѣ XVI столѣтія. Выходя за предѣлы demesne lands, оно охватило собою многія земли, прежде бывшія въ рукахъ хлѣбопашцевъ-копигольдеровъ, а также общинныя угодья, огораживаемыя нынѣ лэндлордами и скармливаемыя исключительно ихъ стадамъ. Нельзя не отмѣтить попытки современниковъ дать приблизительную оцѣнку числа исчезнувшихъ плуговъ, т.-е. участковъ земли, которые тяжелый плугъ, carruca, съ шести- или восьми-головою упряжью въ состояніи поднять въ одинъ рабочій день. Такую попытку дѣлаетъ трактатъ неизвѣстнаго автора, озаглавленный: „Нѣкоторыя причины упадка Англіи, вызываемыя громаднымъ числомъ овецъ“ (1550—1553 г.). Задаваясь вопросомъ о томъ, насколько сократился районъ пахотной земли во всей Англіи, авторъ отправляется въ своемъ вычисленіи отъ признанія, что нѣтъ селенія, въ которомъ число плуговъ не уменьшилось бы, по меньшей мѣрѣ, на одинъ. Такъ какъ, говоритъ онъ, повторяя въ этомъ отношеніи Фиша, автора памфлета, оглавленнаго „Мольба нищихъ“ (Supplication of the beggers), число общинъ въ Англіи 50.000, то число „плуговъ земли“, упраздненныхъ со временъ Генриха VII, равняется той же цифрѣ; но каждый плугъ среднимъ числомъ даетъ 30 квартеровъ хлѣбнаго зерна въ годъ, изъ чего слѣдуетъ, что англійское хлѣбопашество въ серединѣ XVI в. стало доставлять ежегодно на 1.500.000 квартеровъ меньше противъ прежняго. Этотъ дефицитъ ведетъ въ результатѣ къ сокращенію числа сельскихъ жителей на цѣлыхъ 375.000 человѣкъ. Такое значительное сокращеніе количества производимаго Англіей хлѣба должно было бы отразиться на повышеніи его цѣны. Оно необходимо должно было бы вызвать недостатокъ въ пшеницѣ и побудить бѣдн. классы къ замѣнѣ ея въ ежедневномъ быту болѣе дешевыми сортами хлѣба: рожью и ячменемъ. На самомъ дѣлѣ, перечисленныя явленія обнаружились въ болѣе слабой степени, чѣмъ можно было ожидать, но слѣдуетъ помнить, что 50-е годы XVI вѣка представляютъ рядъ прекраснѣйшихъ урожаевъ. Это обстоятельство, разумѣется, должно было задержать возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ. При всемъ томъ въ періодъ отъ 1549 по 1551 г. квартеръ пшеницы стоилъ уже 16—20 шиллинговъ, тогда какъ въ предшествующія два десятилѣтія средняя цѣна его не доходила и до 8. Правда, главнѣйшая причина этого удвоенія цѣны на пшеницу лежитъ въ обезцѣненіи серебра, но нѣкоторая доля вліянія должна быть признана и за указываемыми современниками фактами.

Всѣ эти данныя не оставляютъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что съ середины XVI вѣка развитіе овцеводства и обусловленное имъ сокращеніе числа запашекъ приняли размѣры, поистинѣ опасные для благосостоянія народныхъ массъ.

Выходомъ изъ такого положенія могло быть или возвращеніе къ старымъ порядкамъ, или переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія. Отъ современниковъ, повидимому, ускользаетъ эта дилемма. Въ ихъ глазахъ нѣтъ другого исхода, кромѣ возвращенія къ тѣмъ сельско-хозяйственнымъ отношеніямъ, какія существовали въ Англіи во время Генриха VII: „Сломайте изгороди,—учитъ своихъ соотечественниковъ Краули,—возвратите крестьянину его копигольдъ и, если онъ сданъ вами въ аренду, выкупите его у фермера и верните въ руки того, кто владѣлъ имъ ранѣе“ (*Crowley's*, „Pleasure and Payne“, стр. 122 и 123). Не брать высокихъ рентъ и довольствоваться тѣми, которыя взимаемы были предками, не огораживать общинныхъ угодій, не обращать земель въ пастбища и не сосредоточивать въ своихъ рукахъ нѣсколькихъ фермъ—таковы также совѣты, какіе Филиппъ Стёбсъ считаетъ нужнымъ преподать англійскимъ джентльменамъ (*Philipp Stubbs*, Anatomy of Abuses, ч. II, стр. 26 и слѣд.).

Только что приведенныя воззрѣнія составляютъ содержаніе не одной лишь дидактической литературы. Отголосокъ ихъ можно найти даже въ законодательныхъ актахъ. Въ числѣ бумагъ, изданныхъ Кемденскимъ обществомъ подъ общимъ наименованіемъ Egerton papers, встрѣчается одинъ документъ, озаглавленный „Redress of the Commonwealth“ (Возрожденіе государства). Онъ помѣченъ 3 марта 1549 года. Въ этомъ документѣ, представляющемъ собою запись начерно всякаго рода законопроектовъ для устраненія существующихъ въ государствѣ злоупотребленій и безпорядковъ, мы, между прочимъ, читаемъ: повелѣть, чтобы владѣлецъ столькихъ-то акровъ не имѣлъ права снимать какихъ-либо фермъ, если поступающіе съ нихъ урожаи не идутъ на покрытіе потребностей его самого и его семьи; да и то лишь въ томъ случаѣ, когда доходовъ съ собственной его земли недостаточно для этой цѣли. Постановить также, чтобы никто впредь не держалъ въ своихъ рукахъ болѣе двухъ фермъ. Мировые судьи должны быть уполномочены слѣдить за выполненіемъ этихъ мѣропріятій; они должны привлекать нарушителей ихъ къ отвѣтственности, подъ страхомъ денежнаго штрафа (The Egerton papers. Camden Society, стр. 11). Десять лѣтъ спустя, въ 1559 году, въ „Соображеніяхъ, представленныхъ парламенту“ заботы о поднятіи хлѣбопашества сказываются въ еще болѣе осязательной формѣ. „Пусть, читаемъ мы въ нихъ, будутъ приведены въ исполненіе статуты 4-го года правленія Генриха VII и 5-го года царствованія его сына, изданные съ цѣлью поддержанія земледѣлія, противодѣйствія факту разрушенія крестьянскихъ усадебъ и исчезновенію селеній“. Удовлетворяя этимъ требованіямъ, англійское правительство издаетъ рядъ указовъ съ цѣлью задержать процессъ обращенія пахотей въ пастбища и сдѣлать невозможнымъ искусственное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ скупщиками. Суровыя наказанія грозятъ виновнымъ въ неповиновеніи, въ томъ числѣ мировымъ судьямъ, повидимому, далеко не энергично приводившимъ въ исполненіе подобнаго рода предписанія.

Нечего говорить, что правительственнымъ мѣрамъ этого періода такъ же мало удается задержать процессъ развитія овцеводства и обусловленнаго имъ огораживанія открытыхъ полей и общинныхъ пастбищъ, какъ и предшествовавшимъ по времени законамъ обоихъ Генриховъ, и вотъ по какой причинѣ: „Британская почва,—говоритъ въ своемъ описаніи Елизаветинской Англіи Гаррисонъ,—болѣе годна для скотоводства, чѣмъ для земледѣлія. Хлѣбопашество не занимаетъ поэтому въ Англіи и четвертой части годной къ обработкѣ земли“. Въ свою очередь и иностранцы, оставившіе намъ дневники своихъ путешествій ко двору Елизаветы, на каждомъ шагу упоминаютъ о безчисленныхъ стадахъ овецъ, попадавшихся имъ по обѣимъ сторонамъ пути.

Бранденбуржецъ Гентцнеръ въ своемъ латинскомъ описаніи нравовъ и обычаевъ англичанъ передаетъ, очевидно, слышанное имъ въ самой Англіи утвержденіе, что по меньшей мѣрѣ одна треть острова запущена подъ пастбища рогатаго скота и овецъ. Объясняя причины такихъ быстрыхъ успѣховъ овцеводства, неизвѣстный авторъ „Discourse of the Commonweal“ (нынѣ приписываемаго вдохновителю аграрной политики Сомерсета, Гельсу) указываетъ, что пастбищное хозяйство доставляетъ больше дохода какъ собственнику, такъ и фермеру. „Многіе изъ насъ—говоритъ въ этомъ діалогѣ крестьянинъ — давно уже признали, что доходность хлѣбопашества весьма незначительна; поэтому тѣ, кто въ старые годы владѣлъ двумя—тремя или четырьмя плугами земли, запустили часть ихъ подъ траву. Встрѣчаются и такіе, которые всю пахоть замѣнили пастбищами и этимъ путемъ нажили хорошія деньги“. „И въ наше время,—прибавляетъ онъ,—не проходитъ дня, чтобы кто-нибудь изъ насъ не обратилъ въ пастбище засѣваемую имъ прежде площадь“. Хлѣбопашество сдѣлалось настолько невыгоднымъ, что авторъ считаетъ возможнымъ вложить въ уста того же крестьянина слѣдующаго рода со-

ображеніе: „Говоря по правдѣ, я, который не счелъ нужнымъ загородить моего поля и продолжаю сѣять на немъ пшеницу, едва-ли былъ бы въ состояніи уплатить ренту лэндлорду, если бы не держалъ еще небольшого стада овецъ, свиней, а также гусей и куръ, которые въ сложности доставляютъ мнѣ большій доходъ, чѣмъ весь хлѣбъ, поступающій съ моего участка".

Въ интересахъ расширенія овцеводства помѣщики попрежнему не останавливаются ни передъ огораживаніемъ открытыхъ полей и общинныхъ угодій, ни передъ искусственнымъ прекращеніемъ системы оброчнаго владѣнія крестьянъ, копигольда, отъ чего слѣдуетъ разрушеніе усадебъ и исчезновеніе цѣлыхъ селеній. Вмѣсто того, чтобы дать подданнымъ примѣръ сохраненія старинныхъ, освященныхъ обычаемъ порядковъ, Филиппъ и Марія сами предписываютъ управителямъ своихъ помѣстій въ Корнвалисѣ сдавать на правахъ фригольда во временную аренду земли, дотолѣ состоявшія въ пользованіи копигольдеровъ, и ссылаются при этомъ на то, что такой порядокъ распоряженія землею всѣми признается несравненно болѣе выгоднымъ. Во все время правленія Елизаветы процессъ огораживанія и замѣны копигольда лизгольдомъ, или арендным держаніемъ, продолжаетъ совершаться почти безпрепятственно. „Благодаря обращенію пахотей въ пастбища—жалуется Филиппъ Стёбсъ,—почти цѣлыя графства сосредоточиваются въ рукахъ одного арендатора-овцевода, и бѣдные крестьяне не всегда могутъ удержать за собою даже столько земли, сколько имъ нужно для прокорма одной или двухъ коровъ. Тогда какъ прежде у крестьянъ были свои обширныя угодья, въ настоящее время все—въ частной собственности, все въ рукахъ немногихъ алчныхъ джентльменовъ, которымъ, кажется, всегда всего мало. Не рѣдкость встрѣтить между ними такихъ, которые разрушаютъ жилища крестьянъ, сносятъ селенія, упраздняютъ цѣлые приходы, оставляя на мѣстѣ только пастуха съ его собакой да стада овецъ, нерѣдко въ 10 и даже 20 тысячъ головъ" (*Philipp Stubbs*, Anatomy of Abuses, т. II, стр. 27 и 28). „Даже въ тѣхъ помѣстьяхъ, въ которыхъ общинныя угодья еще не огорожены, бѣдные получаютъ отъ нихъ немного выгоды,—говоритъ въ свою очередь Гаррисонъ,—такъ какъ богатые и сильные вытравляютъ пастбище своимъ скотомъ, посылая на него несмѣтное число овецъ и рогатаго скота, несравненно бо̀льшее противъ того, какое полагается имъ по обычаю" (*Harrison*, „Description of England", т. I, стр. 179). „Отъ трехъ золъ болѣе всего страдаетъ гражданскій бытъ англичанъ,—пишетъ авторъ памфлета, озаглавленнаго „Скорбное прошеніе парламенту":—отъ того, во-первыхъ, что дворяне и джентльмены сдѣлались фермерами и захватили въ свои руки заработокъ бѣдныхъ общинъ; отъ того, во-вторыхъ, что алчные арендаторы соединяютъ ферму съ фермой, тогда какъ каждая въ отдѣльности и безъ того слишкомъ велика; наконецъ, въ-третьихъ, отъ того, что у владѣльцевъ коттеджей лэндлорды и фермеры отняли прилегающую къ ихъ усадьбамъ землю, такъ что имъ негдѣ даже выпасти корову".

Что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ нельзя видѣть тѣхъ преувеличеній, которыя такъ обычны въ сочиненіяхъ подобнаго рода, лучшимъ доказательствомъ тому служатъ факты въ родѣ слѣдующихъ: въ ноябрѣ 1582 г. жители помѣстья Блиборо представляютъ въ Тайный совѣтъ слѣдующаго рода искъ противъ лэндлорда: „Онъ загородилъ пятьсотъ акровъ земли, служившихъ дотолѣ общиннымъ выгономъ. Огораживая свое поле, онъ прихватилъ и земли фригольдеровъ, лежавшія чрезполосно съ его землями, а также церковную землю (или такъ наз. glebe-lands). Издревле проведенныя дороги имъ загорожены. Валежникомъ и хворостомъ пользуется исключительно одинъ лэндлордъ. Онъ же отнялъ у поселянъ право свободнаго пользованія водопоемъ и обложилъ ихъ за него денежнымъ взносомъ. Устроенное имъ помѣщеніе для кроликовъ грозитъ вытравленіемъ прилегающихъ къ нему нивъ фригольдеровъ. Открытыя дотолѣ поля обведены загородями; земледѣліе на нихъ

прекращено, и взамѣнъ его введено овцеводство“ (State papers. Elisabeth, v. 158, № 55. Record office). Два года раньше однохарактерную жалобу представили королевѣ копигольдеры помѣстья Глоссандель. По ихъ словамъ, земельный собственникъ, графъ Шрьюсберійскій, отнялъ у нихъ часть ихъ „common“ и принудилъ ихъ къ обведенію всего захваченнаго имъ заборомъ. На оставленной за ними части онъ ежегодно пасетъ 240 головъ скота, который съѣдаетъ одинъ всю траву (State papers. Elisabeth, v. 147, A. 1580).

Въ сѣверныхъ графствахъ, Нортумберландѣ, Вестморландѣ и Кумберландѣ, процессъ огораживанія полей и снесенія усадебъ, развитіе овцеводства и упадокъ земледѣлія сказались въ XVI вѣкѣ съ особенною силой. Во внутреннихъ графствахъ, если судить по Оксфордширу, положеніе было не многимъ лучше. Подготовлявшееся въ 1596 г. возстаніе, во-время раскрытое и подавленное правительствомъ, было вызвано, между прочимъ, и фактомъ огораживанія открытыхъ полей и общинныхъ угодій. Заговорщики прямо ставили себѣ цѣлью разрушеніе плетней, заграждающихъ, по словамъ одного изъ допрошенныхъ лицъ, всѣ проходы и проѣзды и отнимающихъ землю у хлѣбопашества. Слѣдственная комиссія, наряженная для раскрытія причинъ возстанія, въ своемъ донесеніи, между прочимъ, говоритъ и о возведеніи оградъ такими лицами, какъ сэръ Вилльямъ Спенсеръ, мистеръ Фреръ, мистеръ Пауеръ и цѣлымъ рядомъ другихъ джентльменовъ изъ Бондберга и сосѣднихъ мѣстностей, о захватѣ лэндлордами common fields и о снесеніи ими хуторовъ и селеній (State papers. Elisabeth, vol. 262, January-April, 1597). Итакъ, изъ двухъ упомянутыхъ мною выше исходовъ, поворота къ старымъ порядкамъ и перехода къ болѣе интенсивной системѣ хозяйства первый оказался на дѣлѣ невозможнымъ. Овцеводство продолжало развиваться, вызывая огораживаніе общинныхъ полей и пастбищъ, исчезновеніе не только отдѣльныхъ крестьянскихъ усадебъ, но и цѣлыхъ поселковъ.

Оставался, такимъ образомъ, только одинъ путь примиренія новыхъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ съ не уменьшающимся, а, наоборотъ, возрастающимъ спросомъ на хлѣбъ—путь улучшенія самого хлѣбопашества, замѣны экстенсивной трехпольной системы системой интенсивнаго многопольнаго хозяйства. Путь этотъ пройденъ былъ англичанами далеко не сразу. Въ первой половинѣ столѣтія мы не только не слышимъ ничего объ обращеніи къ болѣе усовершенствованнымъ пріемамъ хозяйничанья, но, наоборотъ, встрѣчаемся нерѣдко съ жалобами на то, что поля воздѣлываются хуже, чѣмъ прежде. О разведеніи кормовыхъ травъ, играющихъ такую важную роль въ многопольной системѣ, еще нѣтъ и помину. Овощи, ранѣе доставляемыя заграничнымъ ввозомъ, начинаютъ разводиться въ Англіи только со временъ Генриха VIII и въ нѣкоторомъ изобиліи встрѣчаются лишь при Елизаветѣ. Посѣвы конопли и льна въ это время составляютъ еще нововведеніе, всячески рекомендуемое и поощряемое правительствомъ. Плантаціи хмѣля въ сколько-нибудь значительномъ числѣ появляются только при Елизаветѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ насъ къ убѣжденію, что переходъ къ многопольной системѣ хозяйства совершился въ Англіи по преимуществу во второй половинѣ столѣтія. Нѣмецкій экономистъ Нассе видитъ первыя указанія на усовершенствованную переложную систему въ сочиненіи Фицгерберта, появившемся въ 1539 г. и озаглавленномъ „Book of surveying“. Въ этой книгѣ указывается на возможность увеличить доходъ съ имѣній слѣдующимъ путемъ. Такъ какъ въ помѣстьѣ, сверхъ трехъ полей, встрѣчается нерѣдко еще три отдѣльныхъ пастбища,—одно для лошадей, другое для овецъ, третье для рогатаго скота,—то Фицгербертъ даетъ землевладѣльцамъ совѣтъ соединить въ каждой изъ шести вышеуказанныхъ частей поля всѣ свои надѣлы въ одинъ. Такимъ образомъ исчезнутъ, полагаетъ онъ, старое дѣленіе пахотной земли на мелкія полосы, общинное право пользованія открытыми по-

*

лями и необходимость въ общемъ пастбищѣ (common). Каждый лэндлордъ пріобрѣтетъ при такихъ условіяхъ шесть отдѣльныхъ участковъ — три образуются изъ пахотной земли, три изъ пастбищъ. Эти участки ему слѣдуетъ обвести изгородью. Къ этимъ мѣрамъ Фицгербертъ присоединяетъ еще одну—обращать пахотную землю въ сѣнокосъ каждый разъ, когда она истощена хлѣбопашествомъ. Изъ содержанія книги видно, что защищаемая ея авторомъ новая хозяйственная система далеко не была еще въ полномъ ходу. Но стоитъ лишь перейти къ вѣку Елизаветы, и передъ нами предстанутъ не только горячіе противники прежней трехпольной системы съ ея открытыми полями и для всѣхъ обязательнымъ порядкамъ хозяйственныхъ работъ, но и факты, доказывающіе примѣненіе во многихъ мѣстностяхъ новой многопольной системы, связанной съ огораживаніемъ и разведеніемъ какъ кормовыхъ травъ, такъ и промышленныхъ растеній: льна и конопли, хмѣля и шафрана и т. п. Туссеръ въ своихъ „Пятистахъ правилахъ образцоваго земледѣлія“, какъ и анонимный авторъ „Commonweal“, становятся рѣшительно на сторону огораживаній. Старинному общинному хозяйству первый приписываетъ всевозможные недостатки англичанъ: ихъ лѣность, склонность къ воровству и т. д. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно удержалось, населеніе бѣднѣе; гдѣ есть изгороди—тамъ оно зажиточнѣе. Бѣднякъ съ двумя акрами огороженной земли богаче, чѣмъ съ двадцатью, лежащими въ открытомъ полѣ. При открытомъ полѣ неизбѣжно трехпольное хозяйство и обусловленный имъ обязательный для всѣхъ сѣвооборотъ; необходимо также существованіе общаго выпаса, „common“. Другое дѣло на земляхъ огороженныхъ. Туссеръ восхваляетъ ту свободу, какой пользуются на нихъ сельскіе хозяева какъ по отношенію къ выбору злаковъ, такъ и по отношенію къ замѣнѣ ихъ промышленными растеніями. Онъ указываетъ на возможность частой смѣны посѣвовъ. Паръ засѣвается сперва ячменемъ, затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ гороху и пшеницѣ, наконецъ, снова обращеніе истощенной почвы подъ паръ, пастбище или степь.

Авторъ „Discourse of the Commonweal“ также рѣшительный защитникъ огораживаній. Опытъ, говоритъ онъ, показываетъ ихъ пользу. Тѣ графства, въ которыхъ болѣе всего изгородей, отличаются наибольшимъ благосостояніемъ. Предосудительно не самое огораживаніе, а захватъ общинной земли собственникомъ, самовольно возводящимъ изгородь. Если бы каждый общинникъ получалъ при огораживаніи свою долю, ничего иного нельзя было бы ждать отъ огораживаній, кромѣ пользы.

Туссеръ и авторъ „Commonweal“ называютъ намъ тѣ графства, въ которыхъ вслѣдъ за огораживаніями установился новый порядокъ плодоперемѣннаго хозяйства. Это Сеффолькъ и Эссексъ, Кентъ и Норсгэмптонъ. Наоборотъ, старинное общинное хозяйство съ характеризующей его трехпольной системой продолжаетъ держаться въ Лейчестерѣ, Норфолькѣ и Кембриджѣ. Если бы не чрезполосица, думаетъ авторъ „Commonweal“, всѣ села по собственному почину перешли бы къ огораживанію своихъ земель. Чрезполосица, такимъ образомъ, является главнымъ препятствіемъ къ сельскохозяйственному перевороту, польза котораго, по замѣчанію Гаррисона, видна уже изъ того, что одинъ акръ огороженнаго поля даетъ болѣе чѣмъ полтора акра неогороженнаго (*Harrison*, т. I, стр. 179).

Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь, охватилъ собою къ концу столѣтія уже большую часть страны. „Discourse of the Commonweal“ предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній. По меньшей мѣрѣ въ половинѣ Англіи, говоритъ авторъ діалога, ренты на землю остаются прежнія, очевидно, потому, что земля сдана на началахъ долгосрочной или вѣчно-наслѣдственной аренды. Съ этимъ показаніемъ нельзя не сопоставить свидѣтельства Елизаветинскаго судьи Кока, говорящаго, что въ его время копигольдъ занималъ еще треть всей страны. Копигольдъ, т. е. крестьянская надѣль-

ная земля, разсѣянная полосами по тремъ полямъ, очевидно, предполагаетъ отсутствіе изгородей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многопольной системы хозяйства. Мы не ошибемся поэтому, сказавъ, что переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь, захватилъ собою менѣе двухъ третей всей воздѣлываемой площади; это объясняетъ намъ причину, по которой, и при усовершенствованныхъ пріемахъ хозяйничанья, все же чувствовалась еще потребность въ расширеніи засѣваемой хлѣбомъ площади. Этой потребности удовлетворяло не обращеніе пастбищъ обратно въ пахоть, а осушеніе болотъ и вообще утилизація признанной дотолѣ неудобной земли, особенно съ графствахъ Кембриджъ, Линкольнъ и Норфолькъ, а также корчеваніе лѣсовъ и обращеніе многихъ недавно возникшихъ парковъ снова въ пахоть. О томъ и о другомъ одинаково говоритъ Гаррисонъ, указывающій въ частности на Сэссексъ и Серре, какъ на тѣ графства, въ которыхъ лѣсоистребленіе, благодаря устройству желѣзодѣлательныхъ заводовъ и истребленію ими большого количества топлива, происходитъ особенно быстро.

Въ связи съ аграрнымъ переворотомъ и переходомъ въ казну и частныя руки имуществъ монастырей стоитъ развитіе нищенства и бродяжничества. Въ число пауперовъ попадаютъ и выселяющіеся изъ помѣстій крестьяне, разъ они не находятъ работы въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, и распущенные сеньерами участники феодальныхъ свитъ, и вернувшіеся изъ походовъ и получившіе отставку солдаты и матросы, и оставшіеся безъ заработка, благодаря временнымъ кризисамъ, ремесленники и рабочіе. Что таковъ былъ личный составъ нищенствующей братіи въ Англіи, на это указываетъ въ одно слово рядъ современныхъ памфлетовъ, какъ, наприм., „Предостереженіе противъ бродягъ“, „Мольба за нищихъ“ и т. п. Въ этихъ памфлетахъ мнимые инвалиды упоминаются на ряду съ такъ называемыми бродячими пѣвцами, подобіемъ тѣхъ „божевыхъ людей“, которые доселѣ еще переходятъ, напр., у насъ въ Малороссіи изъ селенія въ селеніе, распѣвая по дорогѣ церковные гимны и тѣмъ снискивая себѣ пропитаніе. Такъ называемые pedlers, tinkers и fiddlers—различныя названія одного и того же класса, извѣстнаго у насъ подъ прозвищемъ „бандуристовъ“,—не устраняютъ существованія бокъ-о-бокъ съ ними на большихъ дорогахъ бродягъ, именующихъ себя „пахарями“, labourers, другими словами — тѣхъ оставшихся безъ земли копигольдеровъ, которыхъ, начиная со второй половины XV в., стала создавать система огораживанія общинныхъ полей и расширенія пастбищъ. Общая характеристика всѣхъ этихъ людей—знакомство съ условіями сельскаго хозяйства. Высшую категорію бродячаго люда составляютъ такъ называемые rufflers, въ большинствѣ случаевъ, члены упраздненныхъ дворянскихъ свитъ, рѣдко когда—распущенные по домамъ солдаты.

О размѣрахъ, какіе приняло бродяжничество при Тюдорахъ, можно судить, разумѣется приблизительно, по нѣкоторымъ частнымъ даннымъ. Число казненныхъ за воровство и грабежъ въ правленіе Генриха VIII простирается до 72 тысячъ, что даетъ среднимъ числомъ 2 тысячи человѣкъ въ годъ. Число бродягъ одного Лондона въ правленіе Елизаветы опредѣляется въ 50 тысячъ человѣкъ, а это—въ виду всего числа его жителей—130—140 тыс. въ первую половину столѣтія и менѣе 200 тыс. во вторую—составляетъ болѣе одной четвертой всего населенія.

Спрашивается теперь, въ какое отношеніе стало правительство къ новому для него вопросу о мѣрахъ борьбы съ развивающимся нищенствомъ; что сдѣлало оно если не для искорененія, то по крайней мѣрѣ для сокращенія размѣровъ зла? Въ исторіи законодательства о бѣдныхъ въ правленіе Тюдоровъ можно отмѣтить нѣсколько послѣдовательныхъ стадій. Знакомство со статутами и административными распоряженіями даетъ возможность присутствовать при самомъ зарожденіи идеи общественнаго призрѣнія неимущихъ и раскрываетъ предъ нами тѣ внутренніе мотивы, которые заставили правительство перейти постепенно отъ чисто карательной

ныхъ мѣръ сперва—къ частной и добровольной, а затѣмъ—къ общественной и принудительной помощи.

Въ правленіе Генриха VII, какъ и въ первые годы, слѣдовавшіе за воцареніемъ его сына и преемника, бродяжничество не принимаетъ еще настолько широкихъ размѣровъ, чтобы борьба съ нимъ требовала обращенія къ новымъ, не испытаннымъ пріемамъ. Законодательство Генриха VII о нищихъ и бездомныхъ является поэтому только дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ мѣръ, какія приняты были еще Ричардомъ II. Въ теченіе всего начальнаго періода въ законодательствѣ о бѣдныхъ правительство смотритъ на нищенство, какъ на особый видъ преступленія. Но уже въ это время возлагается если не на приходы, то на сотенные округа (hundreds) обязанность давать пропитаніе лицамъ, неспособнымъ снискать его собственнымъ трудомъ по причинѣ болѣзни и старости. Всѣмъ такимъ инвалидамъ дозволяется получать милостыню въ предѣлахъ сотни, и наказаніе постигаетъ ихъ только въ случаѣ оставленія ими этихъ предѣловъ. Никакихъ мѣръ къ организаціи помощи неимущимъ законодатель не принимаетъ, оставляя въ этомъ отношеніи полный просторъ частной иниціативѣ.

Не ранѣе 27 года правленія Генриха VIII встрѣчаемся мы съ попытками задержать бродяжничество и нищенство путемъ доставленія заработка всѣмъ способнымъ къ работѣ бѣднымъ. Двадцать пятая глава изданнаго въ этомъ году статута возлагаетъ обязанность пріисканія занятій на мэровъ, бальифовъ, констэблей и другихъ городскихъ и приходскихъ властей. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя даютъ поводъ думать, что означенные органы поспѣшили исполнить возложенныя на нихъ правительствомъ порученія и приняли дѣятельное участіе въ доставленіи заработка неимущимъ. Въ протоколахъ Лейчестера я нахожу постановленіе временъ Эдуарда VI, гласящее, что городскіе нотабли обязаны доставлять работу способнымъ къ ней бѣднымъ. Ежегодно, значится въ нихъ, каждый изъ членовъ Малаго совѣта 24-хъ долженъ сдѣлать такимъ бѣднымъ заказъ на двѣ штуки сермяжнаго сукна (kerseу), а каждой изъ членовъ Совѣта 48-ми—на одну штуку. Длина каждой—18 ярдовъ.

Только что упомянутый статутъ вводитъ еще то существенное измѣненіе въ прежнюю систему отношеній правительства къ нищимъ, что впервые узаконяетъ начало общественной помощи неспособнымъ къ работѣ. Эта помощь не носитъ пока обязательнаго характера; законодатель довольствуется указаніемъ путей, какими она можетъ быть оказана; съ этою цѣлью онъ рекомендуетъ производство въ воскресные и праздничные дни денежнаго сбора въ церквахъ.

Особую его заботливость вызываютъ просящія подаянія дѣти. Городскія и приходскія власти, а также констэбли и мировые судьи призваны забирать всѣхъ такихъ нищенокъ, возрастомъ отъ пяти до тринадцати лѣтъ, и отдавать ихъ въ обученіе земледѣлію или ремесламъ, чтобы сдѣлать возможнымъ поступленіе ихъ въ услуженіе; рекомендуется при этомъ снабжать ихъ необходимою одеждой на средства, доставляемыя производимымъ въ церквахъ сборомъ.

Ближайшее царствованіе не вноситъ существенныхъ перемѣнъ въ систему общественнаго призрѣнія. Правда, желая устранить возможность повторенія такихъ народныхъ возстаній, какимъ было, напр., только-что подавленное движеніе Кета въ Норфолькѣ, и видя въ бродягахъ всегда готовый контингентъ для образованія полчищъ мятежниковъ, законодатель рѣшается направить противъ нихъ новую угрозу—отдачу каждаго годнаго къ работѣ лѣнивца (lottering man) въ двухгодичное рабство; но самая суровость кары, по признанію законодателя, причина тому, что его мѣропріятія не находятъ себѣ примѣненія на практикѣ.

Съ другой стороны, въ системѣ общественной помощи неспособнымъ къ работѣ нищимъ мы можемъ отмѣтить лишь тотъ шагъ впередъ, что, оставаясь добровольною, она тѣмъ не менѣе получаетъ уже опредѣленную организацію въ лицѣ выбираемыхъ при-

хожанами сборщиковъ, которые по окончаніи воскреснаго богослуженія обходятъ молящихся съ кружкой и получаютъ отъ нихъ еженедѣльный взносъ, предназначаемый для цѣлей благотворительности. Выбираемые на годъ, сборщики не вправѣ ни отказаться отъ должности, ни сложить съ себя полномочій ранѣе положеннаго срока. Результаты сбора они распредѣляютъ, по своему усмотрѣнію, между наличными въ приходѣ нищими, которымъ для этой цѣли ведется особый списокъ. Пособіе дается только неспособнымъ къ работѣ. Четыре раза въ годъ сборщики представляютъ отчетъ въ расходованіи поступившихъ къ нимъ суммъ городскимъ властямъ и приходскимъ собраніямъ.

Въ правленіе Маріи замѣтна уже попытка перейти отъ системы добровольной и случайной помощи къ такой, которая взыскивалась бы съ каждаго въ опредѣленномъ размѣрѣ. Способомъ къ тому является на первыхъ порахъ пастырское назиданіе.

Не ранѣе пятаго года правленія Елизаветы (1562—63 г.) слѣдуетъ болѣе точное опредѣленіе тѣхъ правъ, какія епископъ имѣетъ по отношенію къ лицу, уклоняющемуся отъ участія въ общественной благотворительности: не платящаго, епископъ, подъ страхомъ денежной отвѣтственности въ 10 фунтовъ, обязываетъ явиться на ближайшую сессію мировыхъ судей. Послѣдніе пускаютъ въ ходъ сперва убѣжденіе, при дальнѣйшемъ же упорствѣ облагаютъ отказавшагося, по своему усмотрѣнію, тѣмъ или друг. платежемъ, подъ страхомъ заключенія его въ противномъ случаѣ въ тюрьму.

Съ 1562—63 г., когда былъ изданъ только что приведенный статутъ, можно вести исторію обязательнаго призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи. Законодатель XVI вѣка не являлся новаторомъ; онъ продолжалъ только дѣло, начало которому положено было его предшественниками цѣлыхъ два вѣка ранѣе—въ серединѣ XIV столѣтія, когда, по иниціативѣ земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, Эдуардъ III взялъ на себя регулированіе путемъ статута высоты заработной платы. Только на этотъ разъ вмѣшательство государства послѣдовало не въ тѣхъ интересахъ, что прежде. Запрещая рабочимъ получать, а предпринимателямъ платить болѣе того, что полагалось за трудъ до моровой язвы 1348 г. и гибели значительной части населенія, Эдуардъ III, очевидно, имѣлъ въ виду поддержать интересы помѣщиковъ и предпринимателей. Того же нельзя сказать о Елизаветѣ; ея законъ вызванъ желаніемъ исправить ошибку, допущенную въ распоряженіи монастырскою собственностью ея отцомъ. Не имѣя возможности взять обратно прежнихъ пожалованій и отчужденій, она считаетъ себя призванною оживить тотъ источникъ, изъ котораго аббатства и пріораты получали средства для своей благотворительности. Источникомъ этимъ, какъ извѣстно, являлись частныя пожалованія. Необходимо было сдѣлать ихъ обязательными, такъ какъ безъ этого невозможно была созданіе постояннаго фонда, и общественная благотворительность оказалась бы эфемерной. Законъ ввелъ, поэтому, обязательность; онъ придалъ санкцію своимъ на первыхъ порахъ факультативнымъ мѣропріятіямъ и тѣмъ самымъ вторгся въ сферу распредѣленія богатствъ. Часть ренты и процента была отчислена въ пользу неимущихъ, и сдѣланъ первый шагъ къ осуществленію на дѣлѣ началъ государственнаго соціализма. Никакая самая радикальная аграрная реформа, никакой переворотъ въ сферѣ налоговаго обложенія, ни націонализація земли, ни конфискація ренты въ формѣ единой земельной подати не потребовали бы ничего иного, какъ дальнѣйшаго примѣненія принциповъ, на которыхъ опирается Елизаветинское законодательство о бѣдныхъ. Вотъ почему экономисты и ведутъ исторію государственнаго вмѣшательства съ момента установленія въ Англіи начала обязательной общественной помощи. Но, поступая такимъ образомъ, они упускаютъ изъ виду, что это законодательство—не болѣе, какъ примѣненіе къ новому выдвинутому жизнью вопросу того самаго начала вмѣшательства, которымъ проникнута вся система отношеній средневѣковаго государства къ сосло-

віямъ и классамъ. Если задаться вопросомъ о томъ, гдѣ лежитъ источникъ такого вмѣшательства, то на него нельзя отвѣтить иначе, какъ указаніемъ на частно-правовой характеръ породившей средневѣковыя государства феодальной системы. Одновременно и государь, и патронъ, и собственникъ, средневѣковый феодалъ и смѣнившій его въ осуществленіи государственныхъ функцій монархъ-самодержецъ правятъ подданными, какъ отецъ семьею и землевладѣлецъ вотчиной. Ихъ вмѣшательство не знаетъ границъ, какъ не знаетъ ихъ отцовская опека. Стремясь къ поддержанію разъ навсегда установившихся отношеній между подчиненными ихъ власти общественными группами, они видятъ свой долгъ въ борьбѣ съ тѣми многоразличными причинами, которыя мало-помалу подкапываются подъ основы этого строя. Такса на трудъ и на предметы первой необходимости, запрещеніе вывоза и ввоза тѣхъ или другихъ продуктовъ, законы противъ роскоши и процентовъ — все это не болѣе, какъ частныя проявленія той отеческой заботливости, которая заставляетъ ихъ видѣть свою миссію въ поддержаніи распредѣлительной справедливости въ обществѣ. Кто читалъ средневѣковые трактаты о политикѣ, кто заглядывалъ въ сочиненія первыхъ схоластиковъ или въ апокрифическія „Аристотелевы Врата“ въ ихъ разнообразнѣйшей обработкѣ почти на всѣхъ языкахъ Запада, тотъ согласится, что эта распредѣлительная справедливость, это поддержаніе за каждою признаваемою закономъ группой не однихъ ея историческихъ правъ, но и имущественныхъ выгодъ составляетъ тотъ высшій идеалъ, въ достиженіи котораго средневѣковая мысль видитъ неизмѣнную задачу мудраго и добраго правителя. Стремленіе къ разрѣшенію этой задачи развязываетъ ему руки, даетъ ему возможность ежечаснаго вмѣшательства во всевозможныя стороны народной жизни, обращаетъ его въ ранняго представителя того „государственнаго соціализма“, который такъ часто признается то пугаломъ, то идеаломъ нашего времени. Только потому, что англійское государство XVI вѣка оставалось вѣрнымъ своему средневѣковому характеру, оно могло принять на себя рѣшеніе вопроса о борьбѣ съ пролетаризаціей народныхъ массъ. Только имѣя своимъ предшественникомъ Эдуарда III съ его тарифомъ на трудъ, могла Елизавета приступить къ упроченію системы обязательной благотворительности.

Дальнѣйшее законодательство ея по этому вопросу—не болѣе, какъ выводъ изъ тѣхъ началъ, основа которымъ положена была въ 1562 г. На разстояніи десяти лѣтъ со времени изданія только что упомянутаго статута появляется новый, которымъ не только подтверждаются и усиливаются прежнія суровыя мѣры противъ способныхъ къ труду бродягъ, въ особенности же рецидивистовъ, но и регулируются частности общественнаго призрѣнія. Оно принимаетъ двоякую форму: доставленія жилища и содержанія неимущимъ старцамъ и инвалидамъ и снабженія работой всѣхъ способныхъ трудиться нищихъ; для этой послѣдней цѣли мировые судьи уполномочены затрачивать часть сбора, поступающаго въ пользу бѣдныхъ, на покупку земли и постройку рабочихъ домовъ. Призрѣваемые въ нихъ, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, обязаны исполнять ежедневно положенныя имъ работы. Послѣдующими мѣропріятіями отъ 1575—1576 г. рекомендуется заготовленіе мировыми судьями въ городахъ и ярмарочныхъ мѣстечкахъ необходимаго матеріала, какъ-то: шерсти, пеньки, льна, желѣза и т. п. Все это распредѣляется между неимущими особыми „смотрителями и сборщиками“, избираемыми въ каждомъ городѣ и получающими на храненіе всѣ закупленные для бѣдныхъ запасы. Въ каждомъ графствѣ мировымъ судьямъ, въ ихъ четвертныхъ сессіяхъ, повелѣно принимать мѣры къ открытію одного, двухъ или трехъ рабочихъ домовъ, которые, на языкѣ статута, носятъ вполнѣ отвѣчающее имъ названіе „исправительныхъ“. Дома снабжаются всѣмъ необходимымъ для работы. Въ нихъ находятъ пріютъ не только способные къ труду нищіе, но и отбывшіе уже наказаніе бродяги. Средства на обзаведе-

ніе и содержаніе рабочихъ домовъ долженъ доставить особый налогъ для бѣдныхъ. Взиманіе его поручается назначаемымъ мировыми съѣздами сборщикамъ, администрація же самихъ пріютовъ ввѣряется смотрителямъ, по выбору мировыхъ съѣздовъ.

Въ 39 годъ правленія Елизаветы (1597—8 г.) законодательство о бѣдныхъ восполняется весьма важнымъ мѣропріятіемъ: создается въ приходахъ должность надзирателей за бѣдными, такъ наз. „overseers of the poor". Ими, въ силу ихъ званія, признаются церковные старосты, въ томъ числѣ— мѣстный священникъ. Сверхъ того, четыре лица изъ числа зажиточныхъ домохозяевъ должны быть избираемы ежегодно на эту должность мировыми судьями въ пасхальную недѣлю. Обязанности надзирателей перечислены въ главѣ 3-й статута въ слѣдующихъ словахъ: они должны пріискивать работу для дѣтей, родители которыхъ не въ состояніи содержать ихъ, а также для всѣхъ взрослыхъ, женатыхъ и холостыхъ, которые не имѣютъ постоянныхъ занятій, доставляющихъ имъ пропитаніе. Еженедѣльно они собираютъ со всѣхъ домохозяевъ и земельныхъ владѣльцевъ прихода большую или меньшую сумму денегъ, по собственному усмотрѣнію, а также нужное количество льна, пеньки, шерсти, желѣза и другихъ предметовъ, служащихъ матеріаломъ для работы. Они пріискиваютъ также средства, необходимыя для призрѣнія хромыхъ, слѣпыхъ, стариковъ и всякаго рода нищихъ, неспособныхъ къ труду, равно и тѣ, какія нужны для покрытія издержекъ, связанныхъ съ отдачею въ ученичество взятыхъ ими у родителей дѣтей. Съ уклоняющихся отъ платежа денегъ или доставленія сырого матеріала надзиратели, запасшись предварительно спеціальнымъ приказомъ, исходящимъ отъ мировыхъ судей, могутъ прозвести насильственное взысканіе. Отъ нихъ зависитъ заключеніе неисправныхъ плательщиковъ въ тюрьму. Обжалованіе всѣхъ дѣйствій надзирателей по сбору налога въ пользу нищихъ производится на четвертныхъ сессіяхъ мировыхъ судей. Съ согласія двухъ мировыхъ судей, церковный староста и надзиратели за бѣдными вправѣ отдавать въ ученичество дѣтей неимущихъ родителей до достиженія 24-лѣтняго возраста мальчиками и 21-лѣтняго дѣвочками.

Полнаго завершенія процессъ развитія законодательства о бѣдныхъ достигаетъ въ 43 годъ правленія Елизаветы, съ изданіемъ новаго статута, который доселѣ составляетъ основу англійскаго законодательства объ общественномъ призрѣніи. Этотъ статутъ не вводитъ, впрочемъ, много измѣненій, а скорѣе является кодификаціей всѣхъ предшествующихъ мѣропріятій. Характерную черту его составляетъ обязательность, какую пріобрѣтаетъ платежъ налога на нищихъ. Мировымъ судьямъ предоставляется издавать личные приказы объ арестѣ имущества неисправнаго плательщика или личномъ задержаніи его самого до уплаты требуемой съ него суммы. Цѣль налога опредѣляется слѣдующимъ образомъ: доставленіе занятій дѣтямъ неимущихъ родителей, а также всѣмъ неспособнымъ найти занятіе, закупка матеріала, необходимаго для работы, денежная помощь увѣчнымъ, слѣпымъ, старикамъ, вообще не могущимъ трудиться нищимъ. Производство самаго сбора, какъ и завѣдываніе рабочими домами, поручается назначаемымъ мировыми судьями изъ числа достаточныхъ домохозяевъ 2—4 надзирателямъ за бѣдными, обязанности которыхъ раздѣляютъ церковные старосты. Разъ въ мѣсяцъ слѣдуютъ собранія надзирателей и старостъ, на которыхъ принимаются всякаго рода мѣры для исполненія закона. Дѣйствія надзирателей могутъ быть обжалованы заинтересованными лицами, въ томъ числѣ обложенными сверхъ мѣры плательщиками, въ четвертныхъ сессіяхъ мировыхъ судей. Въ административномъ порядкѣ надзиратели отвѣтственны передъ малою сессіей мировыхъ судей и, въ теченіе четырехъ дней со времени окончанія срока службы, обязаны представить полный отчетъ въ израсходованныхъ ими суммахъ. Статутъ удерживаетъ постановленія прежнихъ законовъ о понужденіи къ работѣ въ стѣнахъ исправительнаго до-

ма всѣхъ способныхъ къ ней нищихъ, объ обязанности родителей содержать дѣтей, а дѣтей—родителей, при чемъ подъ дѣтьми разумѣются не только сыновья и дочери, но и внуки и внучки, а подъ родителями—отцы и матери, дѣды и бабки. Предвидя тотъ случай, когда у прихода не окажется средствъ для покрытія всѣхъ издержекъ по общественному призрѣнію, статутъ вводитъ систему добавочнаго обложенія сосѣднихъ приходовъ одной съ нимъ сотни, а въ случаѣ необходимости—и всѣхъ приходовъ одного и того же графства. На практикѣ, впрочемъ, какъ замѣчаетъ Никольсъ, такой дабавочный сборъ рѣдко когда былъ взимаемъ. Предметомъ обложенія для простого и добавочнаго налога одинаково признаются земли, усадьбы, церковныя десятины, угольныя копи и подлежащій продажѣ дровяной лѣсъ. Никакихъ податныхъ изъятій при взиманіи налога на бѣдныхъ не допускается.

Можно было думать, что принятыя мѣры, въ виду ихъ энергичности, достигнутъ желаемаго результата и на долгое время задержатъ развитіе того бродяжничества, которое, являясь постоянною угрозой для внутренняго мира, впервые поставило государство лицомъ къ лицу съ вопросомъ о пролетаріатѣ. Нѣкоторыя обстоятельства позволяли ожидать такого исхода. Въ перепискѣ извѣстнаго городского судьи (recorder) и юриста Вильяма Флитвуда съ лордомъ Берлэ часто встрѣчается указаніе на то, что число задержанныхъ въ Лондонѣ нищихъ и бродягъ весьма незначительно. Въ 1585 году всѣхъ задержанныхъ Флитвудомъ было не болѣе 100 человѣкъ. Обычнымъ мѣстомъ укрывательства ихъ Флитвудъ признаетъ окрестности дворцовъ Савойи и Ислингтона. Большинство бродягъ—выходцы изъ Уэльса или внутреннихъ и приморскихъ графствъ: Шропшира, Честера, Сомерсета, Бекингема, Оксфорда и Эссекса. Весьма немногіе—уроженцы самого Лондона и прилегающихъ къ нему графствъ Миддльсекса и Серре, въ частности—мѣстечекъ Вестминстера и Саусуорка. Однимъ изъ средствъ борьбы противъ бродяжничества и нищенства, какъ видно изъ той же переписки, является преслѣдованіе пристанодержательства и закрытіе питейныхъ домовъ, какъ обычныхъ притоновъ для праздношатающихся. Въ 1585 г. въ Лондонѣ обнаружено болѣе 45 жилищъ, служившихъ ночлежными пріютами для неимѣющихъ занятія рабочихъ. Причина, по которой Лондонъ съ 80-хъ годовъ XVI столѣтія далеко не изобилуетъ нищими и бродягами, находитъ себѣ объясненіе частью въ фактѣ посѣщенія его моровою язвой, заставившей дворъ и дворянство выселиться изъ города, что, разумѣется, повело къ перекочевкѣ и ниществующей братіи; главнымъ же образомъ—въ томъ, что нигдѣ, какъ въ Лондонѣ, не было такъ легко найти заработокъ, въ виду его быстро возраставшей торговли и промышленности.

Иначе обстояло въ другихъ мѣстностяхъ королевства. Въ Уэльскомъ графствѣ, благодаря, какъ думаетъ одинъ корреспондентовъ лорда Берлэ (Давидъ Пауль), неисполнительности мировыхъ судей, бродяжничество приняло въ 90-хъ годахъ XVI в. ужасающіе размѣры. На островѣ же Энглези, къ концу того же періода, число бѣдныхъ, по показанію одного современника, составляло треть всего населенія. Лѣтописецъ Стау, въ свою очередь, разсказываетъ о томъ, какъ въ 1580 г. въ Ислингтонѣ во время прогулки верхомъ по окрестностямъ города, королева осаждена была цѣлою толпою бродягъ. Королевскій указъ отъ 17 апрѣля 1593 года полонъ жалобъ на развитіе нищенства въ окружающихъ Лондонъ селахъ. Онъ предписываетъ мѣстнымъ властямъ принять мѣры къ удаленію лицъ, просящихъ подаянія, на три мили отъ города. Не проходитъ, однако, и пяти лѣтъ, какъ въ новомъ указѣ отъ 9 сентября 1598 года мы опять встрѣчаемъ упоминаніе о толпѣ бродягъ, осаждающихъ королевскій дворецъ. На разстояніи новыхъ двухъ лѣтъ правительство уже начинаетъ смотрѣть на нищихъ, какъ на постоянную угрозу общественному спокойствію. „Мы извѣщены—пишетъ Елизавета,—что большое число низкихъ и разнузданныхъ людей, не имѣющихъ

ни постояннаго мѣстожительства, ни постоянныхъ занятій и проводящихъ ночи въ дурныхъ мѣстахъ, наполняютъ нашъ городъ Лондонъ. Они то и дѣло распространяютъ лживыя извѣстія, выжидая событій и возможныхъ столкновеній, готовые воспользоваться всякимъ представляющимся случаемъ, чтобы вызвать мятежъ и воспользоваться имъ для воровства и грабительства".

Очевидно, что причины, вызывавшія развитіе нищенства, дѣйствовали болѣе энергично, нежели законодательныя мѣры, принимаемыя къ его подавленію. Огораживаніе общинныхъ пастбищъ, не встрѣчавшее болѣе никакихъ законодательныхъ стѣсненій, и связанное съ нимъ снесеніе крестьянскихъ усадьбъ, не только не преслѣдуемое, но даже поощряемое закономъ, воспрещавшимъ сооруженіе новыхъ коттэджей, должны были дѣйствовать въ направленіи, благопріятномъ развитію пролетаріата и скопленію неимущихъ въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ. Объ этомъ можно судить по часто упоминаемымъ въ законодательствѣ фактамъ быстраго возрастанія числа квартирантовъ, или такъ называемыхъ „inmates". Эти „жильцы" изображаются въ королевскихъ прокламаціяхъ людьми неимущими и съ трудомъ находящими себѣ заработокъ. Опасеніе за дальнѣйшее сохраненіе общественнаго спокойствія побудило Елизавету запретить домохозяевамъ принимать къ себѣ постоятельцевъ. Послѣдствіемъ было увеличеніе числа бездомныхъ, т. е. бродягъ.

Размѣры, принятые нищенствомъ къ концу царствованія Елизаветы, были столь значительны, что современники, точно предупреждая тѣ мѣропріятія, которыя были придуманы Мальтусомъ, стали настаивать на необходимости запретить несовершеннолѣтнимъ заключеніе браковъ и преслѣдовать уголовными карами незаконное сожительство. Корреспондентъ лорда Берлэ Сарольдъ „принимаетъ на себя смѣлость" указать ему на дѣйствительный источникъ быстраго возрастанія нищенства, который кроется, по его мнѣнію, въ раннемъ супружествѣ крестьянъ и вообще бѣднаго люда, лишеннаго жилищъ, земель и какого-либо имущества. „Сколько я могу припомнить,—говоритъ онъ,—въ прежніе годы вступали въ бракъ не ранѣе 30-лѣтняго возраста, и то лишь сдѣлавшись предварительно собственникомъ дома для житья. Въ настоящее время не рѣдки браки лицъ моложе 20 лѣтъ, не знающихъ, гдѣ и чѣмъ жить". На примѣрѣ Англіи XVI вѣка мы въ состояніи, такимъ образомъ, провѣрить справедливость того утвержденія, какое дѣлаютъ экономисты, объясняя причину слабой производительности браковъ въ средѣ крестьянскихъ семей современной Франціи. Какъ земельные собственники, французскіе крестьяне озабочены прежде всего передачею въ цѣлости накопленнаго ими имущества и потому довольствуются обыкновенно однимъ наслѣдникомъ. Подобнымъ же образомъ пока англійскіе крестьяне оставались если не собственниками, то наслѣдственными арендаторами, браки въ ихъ средѣ заключались поздно. Обстоятельства измѣнились съ того момента, когда мѣсто обезпеченности заняла нужда и совершенно оставлена была мысль о возможности устроить судьбу дѣтей. Неспособность къ самообузданію, на которую негодуетъ Антони Сарольдъ, выражается не въ одномъ лишь заключеніи раннихъ браковъ, но и въ частыхъ случаяхъ вступленія въ незаконныя связи. Авторъ письма жалуется на то, что любовники обыкновенно покидаютъ соблазненныхъ ими дѣвушекъ вслѣдъ за рожденіемъ ребенка, и настоятельно требуетъ законодательнаго вмѣшательства въ интересахъ незаконнорожденныхъ и ихъ родильницъ.

Подводя итогъ всему сказанному, мы вправѣ утверждать, что легализированный захватъ дворянствомъ и джентри земель, нѣкогда принадлежавшихъ монастырскимъ обителямъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ причинъ, о характерѣ которыхъ мы высказались выше, повелъ въ серединѣ XVI вѣка къ искусственному возрастанію пролетаріата, настолько быстрому, что ни тяжкія уголовныя наказанія, ни окончательно упрочившаяся къ концу столѣ-

тія система общественной помощи не въ состояніи были положить ему предѣла. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія бездомный людъ представляетъ уже импозантную по своей численности массу, въ которой обѣ враждующія партіи, и приверженцы короля, и приверженцы парламента, легко найдутъ нужную имъ поддержку. Если бы не необходимость колонизировать недавно завоеванныя англійскимъ оружіемъ заморскія области, если бы не возможность уступить имъ избытокъ своего населенія и обратить его въ мирныхъ плантаторовъ и преуспѣвающихъ промышленниковъ и торговцевъ, соціальный вопросъ, волнующій современную Англію, открылся бы въ ней, по всей вѣроятности, двумя вѣками ранѣе.

XI. Англійскій городъ въ эпоху Тюдоровъ и его дальнѣйшія судьбы. Я желалъ бы еще отмѣтить тѣ перемѣны, какія испытали англійскіе города въ своей судьбѣ въ связи съ ростомъ промышленности и торговли.

Въ чемъ, спрашивается, сказалось въ эпоху Тюдоровъ развитіе промышленной дѣятельности? Прежде всего, въ появленіи новыхъ видовъ ея, какъ-то: производства стекла и мыла въ городахъ Бристолѣ и Лондонѣ, выдѣлки усовершенствованныхъ шерстяныхъ тканей, въ частности суконъ, въ виду запрещенія вывозить шерсть въ необработанномъ видѣ. Исключеніе изъ этого запрета сдѣлано было только для купцовъ, допущенныхъ къ вывозу шерсти за границу изъ правительственныхъ складовъ (merchants of the staple).

Развитіе новаго производства льняныхъ тканей, вызванное поощреніемъ къ разведенію льна статутами Генриха VIII и Елизаветы, усиленіе кораблестроенія—запрещеніемъ вывозить за границу англійскіе товары иначе, какъ на англійскихъ судахъ, таковы нѣкоторыя изъ мѣръ, содѣйствовавшихъ появленію новыхъ или развитію старыхъ промысловъ. Оно имѣетъ послѣдствіемъ распространеніе движимой собственности, а, слѣдовательно, и благосостоянія въ средѣ народныхъ массъ. Обстоятельствомъ, препятствовавшимъ проявленію этой тенденціи, была монополизація вышеуказанныхъ видовъ производства въ рукахъ только опредѣленныхъ ремесленныхъ корпорацій или торговыхъ компаній, центромъ дѣятельности которыхъ являлись опредѣленные торговые города, бурги и ярмарочныя мѣстечки. Такъ, напр., производство шляпъ дозволено было только членамъ торговой гильдіи опредѣленнаго города, а производство извѣстныхъ видовъ шерстяныхъ тканей—только членамъ такой же гильдіи другого города. Вліяніе, оказанное въ томъ же направленіи централизаціи производства въ немногихъ рукахъ монополизаціей торгового обмѣна извѣстными компаніями (такъ, напр., сосредоточеніе въ рукахъ merchants adventurers права покупать оптомъ шерстяныя ткани и другіе предметы вывоза при сосредоточеніи этой торговли въ Лондонѣ) имѣетъ своимъ послѣдствіемъ централизацію оптоваго производства въ англійской столицѣ.

Оптовое производство предполагаетъ значительную затрату капитала; запрещеніе же денежнаго роста, дѣлая невозможнымъ замѣну капитала кредитомъ, открывало въ XVI в. доступъ къ оптовому производству только небольшому числу организованныхъ въ ремесленныя корпораціи производителей. Запрещеніе роста продолжается въ Англіи до временъ Елизаветы, когда впервые правительствомъ было дозволено требовать 10 и 12 процентовъ.

Послѣдствія только что указанныхъ экономическихъ факторовъ сказываются прежде всего въ той отрасли производства, которая въ Англіи ранѣе другихъ приняла размѣры, необходимые для удовлетворенія запросовъ международнаго рынка. Я разумѣю шерстяное производство. Централизація его въ немногихъ рукахъ нашла только временное противодѣйствіе въ парламентскомъ статутѣ временъ Филиппа и Маріи, которымъ запрещалось заведеніе отдѣльными членами гильдіи ткачей большого числа ткацкихъ станковъ.

Итакъ, не безъ содѣйствія искусственныхъ причинъ, въ формѣ запрещенія роста, развивается въ Англіи то, что привыкли называть крупнымъ производствомъ, въ ущербъ кустарной промышленности.

XVI столѣтіе есть эпоха не только

появленія новыхъ видовъ производства, но и постепеннаго распространенія промышленной дѣятельности изъ городовъ въ села. Жалобы на этотъ счетъ встрѣчаются не разъ въ парламентскихъ петиціяхъ и статутахъ, упоминающихъ объ упадкѣ тѣхъ или другихъ городовъ въ виду распространенія на сосѣднія съ ними села производствъ, которыя дотолѣ составляли главное занятіе ихъ жителей. Промышленная политика государства борется съ этимъ движеніемъ, стремится поддержать средневѣковую исключительность и обособленность города отъ села.

Подобно тому, какъ сельскія производства согласно ходячему воззрѣнію должны быть ограничены предѣлами села, такъ точно городскія, въ частности промышленность и торговля, какъ доставляющія средства для горожанъ, не должны выходить, по распространенному воззрѣнію, за предѣлы города. Отсюда запрещеніе гильдейскими статутами принимать въ число учениковъ крестьянъ и проведеніе тѣхъ же запретовъ парламентскими постановленіями о рабочихъ. Очень благодарный матерьялъ для иллюстраціи господствующей въ XVI в. теоріи даетъ петиція, представленная королю Эдуарду VI въ 1549 и 1550 годахъ. Въ ней весьма опредѣленно высказываются только что упомянутыя мысли.

Естественная тенденція промышленнаго производства къ распространенію встрѣчаетъ, по крайней мѣрѣ, какъ временное препятствіе, строго поддерживаемую правительствомъ цеховую исключительность, ограничивающую занятіе промыслами городскими промышленными сообществами. Общій результатъ обоихъ теченій, т. е. монополизаціи промышленности и торговли въ рукахъ цеховъ и привилегированныхъ компаній, съ одной стороны, и поддержки средневѣковой обособленности города отъ села, съ другой, состоитъ въ сосредоточеніи промышленнаго производства въ немногихъ рукахъ, а, слѣдовательно, въ сокращеніи числа лицъ достаточныхъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и самопроизвольная политика самихъ цеховъ. Изъ религіозно-благотворительныхъ союзовъ взаимной помощи, какими они были на первыхъ порахъ, цехи становятся замкнутыми сообществами, главной задачей которыхъ является ограниченіе производства небольшимъ числомъ наличныхъ членовъ. Общность такихъ явленій можно было бы иллюстрировать фактами изъ одновременной исторіи цеховъ во Франціи и Германіи. Въ средѣ самихъ цеховъ вполнѣ вырабатывается различіе между предпринимателемъ и рабочимъ уже въ XVI вѣкѣ. Рядъ мѣръ стѣсняетъ пріемъ неограниченнаго числа учениковъ, удлиняетъ сроки ученичества, сокращаетъ его для дѣтей мастера, наконецъ, вводитъ требованіе извѣстнаго капитала для каждаго ученика, который хочетъ сдѣлаться мастеромъ. Правительство не только не борется съ этой тенденціей гильдейскихъ сообществъ, но всецѣло усваиваетъ ее; отраженіемъ этого является статутъ о рабочихъ, изданный въ правленіе Елизаветы.

Развитіе торговой дѣятельности сказывается по преимуществу въ созданіи новыхъ иноземныхъ рынковъ для англійскихъ товаровъ и въ устраненіи конкуренціи для внѣшняго вывоза со стороны иностранныхъ купцовъ, преимущественно ганзейскихъ. Новыми заграничными рынками являются Россія, Варварійскія владѣнія, острова Адріатическаго побережья, до нѣкоторой степени Персія, а на западѣ Канарскіе острова, Португалія и въ слабѣйшей степени Испанія. Ограниченіе иностранной конкуренціи во внѣшней торговлѣ выступаетъ не только въ закрытіи такъ наз. Steelyard, или Ганзейской конторы въ Лондонѣ, но и въ перенесеніи монопольнаго торга англійскими товарами съ континента Европы въ Англію, что, впрочемъ, имѣетъ мѣсто лишь въ концѣ XVI вѣка. По показаніямъ Гвиччіардини производство оптоваго обмѣна англійскихъ товаровъ на иностранные доставляло въ Антверпенѣ въ XVI в. занятіе болѣе чѣмъ 20 тысячамъ иностранцевъ; при переносѣ этого торга въ Англію ихъ съ удобствомъ замѣнили англичане.

Сосредоточеніе права иноземной торговли въ рукахъ членовъ привилегированныхъ компаній имѣетъ своимъ

послѣдствіемъ преимущественное развитіе торговой дѣятельности въ тѣхъ городахъ Англіи, которые являются средоточіемъ этихъ компаній, а такими городами были Лондонъ и Бристоль, послѣдній, какъ главный центръ торговли съ Россіей. Торговое значеніе другихъ городовъ падаетъ въ виду естественной конкуренціи, которую оказываютъ имъ въ этомъ отношеніи Лондонъ и Бристоль. Сосредоточеніе главныхъ видовъ обмѣна въ этихъ городахъ неизбѣжно влечетъ за собою упадокъ торговаго значенія другихъ, прежде всего Саусгэмптона (который принужденъ ограничиться веденіемъ торговыхъ сношеній по преимуществу съ одной Франціей), Рая и другихъ портовъ, обнимаемыхъ понятіемъ такъ называемыхъ cinq ports, а равно и большинства тѣхъ сити и бурговъ, которые въ средніе вѣка въ значительной мѣрѣ оспаривали у Лондона его торговое преобладаніе.

Нельзя также сказать, чтобы взамѣнъ ихъ стали играть бо́льшее значеніе въ міровомъ обмѣнѣ города, расположенные на западномъ берегу. Торговля съ странами Новаго Свѣта едва завязывается, и это причина того, что города эти, нынѣ являющіеся центрами атлантической торговли, и во главѣ ихъ Ливерпуль, въ XVI в. не имѣютъ еще большого значенія. Изъ тѣхъ пяти городовъ (Ливерпуль, Манчестеръ, Лидсъ, Шеффильдъ и Бирмингемъ), которые нынѣ играютъ господствующую роль и въ промышленномъ производствѣ, и въ торговлѣ Англіи, одинъ только Манчестеръ является въ XVI в. довольно значительнымъ ярмарочнымъ мѣстечкомъ съ 10 тысячнымъ населеніемъ и съ значительнымъ развитіемъ шерстяной промышленности.

Знакомясь съ содержаніемъ статутовъ, изданныхъ въ правленіе Генриха VIII и Елизаветы, не разъ наталкиваешься на фактъ опустѣнія и упадка большинства англійскихъ городовъ. Принимая тѣ или другія мѣры противъ этого зла, король однообразно жалуется въ предисловіи къ издаваемымъ имъ указамъ на то, что, многія зданія въ городахъ пришли въ упадокъ; площади и улицы завалены мусоромъ и щебнемъ, жители разбрелись въ разныя стороны. Впервые намъ приходится слышать о такихъ фактахъ въ 1515 г., въ связи съ общей жалобой на уменьшеніе числа поселеній вообще. Этотъ фактъ не безъ основанія ставится правительствомъ въ связь съ упадкомъ земледѣлія и замѣной его скотоводствомъ. Нѣкоторыя цифровыя данныя, почерпнутыя изъ офиціальныхъ бумагъ временъ Елизаветы, бросаютъ яркій свѣтъ на размѣры, какіе принялъ этотъ процессъ исчезновенія населенныхъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи.

Въ 1597 г. Вильямъ Джемсъ, деканъ Дергемскаго капитула, доноситъ лорду Берлэ, что въ предѣлахъ одной Дергемской епископіи за послѣднія 20 лѣтъ число плуговъ уменьшилось на цѣлыхъ 500. Предполагая, что каждый плугъ представляетъ собою по меньшей мѣрѣ одно крестьянское хозяйство, мы вправѣ говорить объ уменьшеніи населенія въ предѣлахъ епископіи на цѣлыхъ 2.500 человѣкъ, считая по 5 человѣкъ среднимъ числомъ на каждый крестьянскій дворъ. Немудрено, если деканъ Дергемскаго капитула ставитъ въ связь съ этимъ фактомъ опустѣніе селеній. Упадокъ земледѣлія, говоритъ онъ, чувствуется одинаково и въ Нортумберландѣ, и Вестморландѣ, и Кумберландѣ. Многимъ приходится ѣхать за 60 миль отъ Карлейля въ Дергемъ, чтобы запастись нужнымъ имъ для продовольствія хлѣбомъ. Нерѣдко также на разстояніи 20 миль не попадается ни одного жителя. „Изъ 8.000 акровъ, еще недавно бывшихъ въ обработкѣ, не засѣвается нынѣ и 1.600. Сотни людей поставлены въ необходимость обмѣнять деревенскій просторъ на мелкіе городишки, расположенные по сосѣдству съ ихъ прежними поселками. Здѣсь они тѣснятся въ небольшихъ квартирахъ, бокъ о бокъ съ такими же, какъ они, нищими семьями“ (см. State papers. Elisabeth, m. 262, № 10). Далеко не всѣ, однако, согласны помириться съ такой жалкой участью, для того, чтобы оставаться вблизи занятыхъ ими нѣкогда усадебъ. Большинство покидаетъ ихъ для Лон-

дона и другихъ большихъ центровъ, гдѣ легче найти заработокъ.

Упадокъ земледѣлія—не болѣе, какъ одна изъ причинъ обѣднѣнія и обезлюденія англійскихъ бурговъ. Другою является уничтоженіе монастырей. Средневѣковыя аббатства по своей зажиточности и населенности являлись лучшей поддержкой для прилегающихъ къ нимъ торговыхъ мѣстечекъ; они обезпечивали постоянный спросъ на продукты, содѣйствуя такимъ образомъ развитію мѣстнаго обмѣна. Съ ихъ закрытіемъ и переходомъ принадлежавшихъ имъ помѣстій въ руки короля и новаго дворянства, обыкновенно сдававшихъ свои земли въ аренду, сами собою исчезли тѣ условія, которымъ такіе города, какъ Сентъ Ольбанъ, Питерборо или Басъ, обязаны были своимъ относительнымъ благосостояніемъ. Понятно поэтому, если на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ со времени секуляризаціи еще раздаются жалобы на упадокъ, какой вызвало въ томъ или другомъ городѣ уничтоженіе поддерживавшаго его монастыря. Съ одной изъ такихъ жалобъ я познакомился при изученіи офиціальныхъ бумагъ эпохи Елизаветы. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, не помѣченъ опредѣленнымъ числомъ, но по самому содержанію своему долженъ быть отнесенъ къ промежутку времени между 1572 и 1580 гг. Ходатайствуя объ уменьшеніи бремени налоговъ, падающихъ на ихъ города, жители Питерборо вспоминаютъ о томъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ находился ихъ городъ до момента секуляризаціи. Объясненіе, даваемое ими этому факту, довольно своеобразно. „До тѣхъ поръ,—говорятъ они,—пока городъ оставался въ управленіи аббатства, его состояніе было самое цвѣтущее, такъ какъ величіе и могущество монастыря было таково, что никто не дерзалъ сдѣлать предложенія, неблагопріятнаго интересамъ города. Если же подчасъ такія мѣры и проходили, то онѣ безъ замедленія подвергались отмѣнѣ или исправленію“. Съ переходомъ монастырскихъ владѣній въ руки частью епископа, частью капитула исчезла прежняя заботливость о благосостояніи города, почему послѣдній сталъ съ каждымъ днемъ приходить все въ большій и большій упадокъ. Изъ дальнѣйшаго содержанія петиціи съ наглядностью выступаютъ дѣйствительныя причины упадка города. Главнѣйшей изъ нихъ является уменьшеніе торговли, выразившееся, между прочимъ, въ совершенномъ исчезновеніи прежняго класса лодочниковъ, доставлявшихъ Питерборо всякаго рода товары изъ ближайшихъ портовъ (State papers, Elisabeth, v. 148, № 38).

Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ концу царствованія Генриха VIII, тѣмъ длиннѣе и длиннѣе становится приводимый статутами списокъ пришедшихъ въ упадокъ городовъ. Въ 27-ой годъ правленія этого короля, рѣчь идетъ только о Ноттингемѣ, Шрьюсбери, Ледлоу, Бриджнорсѣ, Квинборо, Норсгэмптонѣ и Глостерѣ. Далеко не случайностью является тотъ фактъ, что всѣ эти города принадлежатъ къ числу внутреннихъ городовъ королевства. На нихъ прежде всего должно было сказаться вліяніе уменьшившагося спроса, вызваннаго оставленіемъ селъ крестьянами и исчезновеніемъ многочисленнаго класса зажиточной монастырской братіи. Въ одномъ положеніи съ ними, какъ видно изъ статута 26 г. правленія Генриха VIII, оказались Норвичъ и Кингслинъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ: первый не успѣлъ еще оправиться отъ пожара, истребившаго бо́льшую его половину 26 лѣтъ назадъ; второй понесъ серьезныя потери отъ наводненій. Шесть лѣтъ спустя парламентъ уже говоритъ о 58 городахъ, населеніе которыхъ уменьшилось, что отразилось на запустѣніи жилищъ и построекъ. Въ ближайшіе затѣмъ годы, 33-ій и 36-ой правленія Генриха, статутами принимаются новыя мѣры противъ упадка частью упомянутыхъ прежде, частью впервые попавшихъ въ списокъ городовъ. Послѣднихъ мы насчитываемъ до 33, такъ что въ общей сложности болѣе 90 бурговъ Англіи признаны пришедшими въ упадокъ и нуждающимися въ перестройкѣ. Пробѣгая ихъ перечень, мы не безъ изумленія констатируемъ фактъ совершеннаго отсутствія въ немъ тѣхъ

гнилыхъ мѣстечекъ, или захудалыхъ патримоніальныхъ бурговъ, которые въ XVII и XVIII стол. сдѣлались послушнымъ орудіемъ проведенія придворныхъ и аристократическихъ вліяній, одинаково въ мѣстномъ управленіи и въ парламентѣ.

Интересные факты открываетъ сопоставленіе только что упомянутыхъ перечней съ тѣми, какіе заключаетъ въ себѣ составленный въ 1453 году списокъ стрѣлковъ, поставляемыхъ десятью наиболѣе населенными городами Англіи, и произведенная въ 1503 г. разверстка денежныхъ пособій между городами. Въ 1453 г. города, по числу поставляемыхъ ими стрѣлковъ, слѣдовали одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Лондонъ, Бристоль, Іоркъ, Норвичъ, Ковентри и т. д. Въ 1503 г. этотъ порядокъ уже нѣсколько отличенъ: за Лондономъ попрежнему слѣдуютъ Бристоль и Іоркъ, но за этими двумя городами уже стоитъ Линкольнъ, Глостеръ, Норвичъ, Шрьюсбери, Оксфордъ, Сольсбери и только затѣмъ Ковентри, за которымъ идутъ Гель, Кентербери, Саусгемптонъ, Ноттингемъ, Ворчестеръ, Саусуоркъ и Басъ (см. *Th. Rogers*, „History of agriculture“, IV, 76—83).

Всѣ эти города стоятъ въ спискѣ пришедшихъ въ упадокъ населенныхъ мѣстъ, и на ряду съ ними встрѣчаются также такіе важные торговые порты, какъ Ипсвичъ, Ньюкасль, Плимутъ, Пять Портовъ (Cinq ports), Честеръ, и, что всего удивительнѣе, только что начавшій развиваться Ливерпуль. Роджерсъ правъ, говоря, что нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь значительнаго англійскаго города, который не стоялъ бы въ спискѣ и о которомъ бы парламентъ не говорилъ, какъ о нуждающемся въ перестройкѣ. Одно это обстоятельство уже порождаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы необходимость возведенія новыхъ зданій, взамѣнъ прежнихъ, построенныхъ гдѣ 45, а гдѣ и 25 лѣтъ назадъ, согласно свидѣтельству парламентскихъ статутовъ, доказывала дѣйствительный упадокъ англійскихъ городовъ за послѣднюю половину или четверть вѣка. Не объясняется ли заботливость парламента въ большей мѣрѣ тою страстью къ постройкамъ, какую Гаррисонъ считаетъ характерною чертою своихъ соотечественниковъ во времена Генриха VIII и которая проявилась прежде всего и съ наибольшей силой въ Лондонѣ въ замѣнѣ прежнихъ деревянныхъ зданій каменными? Но допуская даже, что многіе города попали въ списокъ изъ желанія сдѣлать по возможности всеобщей предохраняющую отъ пожаровъ замѣну деревянныхъ зданій кирпичными, все же нельзя отрицать того, что языкъ, которымъ парламентскіе статуты рисуютъ современное положеніе англійскихъ городовъ, не оставляетъ сомнѣнія въ ихъ упадкѣ.

Признавая общимъ явленіемъ то обветшаніе городскихъ жилищъ, о которомъ упоминаютъ статуты Генриха VIII-го, я полагаю въ то же время, что засвидѣтельствованный ими фактъ упадка городовъ далеко не сказался въ равной степени въ разныхъ частяхъ государства. Внутреннія причины повели къ постепенному запустѣнію городовъ по преимуществу въ восточной половинѣ Англіи, содѣйствуя въ то же время развитію западныхъ портовъ и расположенныхъ неподалеку отъ нихъ промышленныхъ и торговыхъ поселеній. Чтобы убѣдиться прежде всего въ самомъ фактѣ передвиженія мануфактурнаго производства и торговаго обмѣна съ востока на западъ, мы сопоставимъ между собою двѣ эпохи: съ одной стороны, ту, которая слѣдуетъ непосредственно за моровой язвой 1348 г., а, съ другой, ту, которая обнимаетъ собою первыя два десятилѣтія царствованія Елизаветы. На основаніи данныхъ, доставленныхъ свитками налогового обложенія, произведенными парламентомъ въ 1377 г., Чальмерсъ, а за нимъ Томасъ Эліотъ, даютъ слѣдующія цифровыя данныя для выраженія численности населенія главнѣйшихъ изъ англійскихъ городовъ въ концѣ XIV в. Лондонъ—35 т. жителей; Іоркъ — 10.800; Норвичъ — 6 т.; Линкольнъ—5 т.; Кентербери—4 т.; Винчестеръ—2 т.; остальные въ общей сложности— не болѣе 32 т. (Remarks on the population of english

cities in the time of Edward III, by Thomas Elliot, Archeologia, т. XX, стр. 524). За исключеніемъ Лондона, всѣ перечисленные города лежатъ въ восточной половинѣ Англіи. Незначительность обнаруженнаго налоговыми свитками числа ихъ жителей объясняется тѣми размѣрами, какіе приняла смертность, вызванная чумою. Сибомъ (Fortnightly Review, edited by Lewes, 1865, сент. 1 и 1866, февр. 15) полагаетъ, что среднимъ числомъ „черная смерть“ унесла съ собою въ различныхъ частяхъ Англіи не менѣе половины населенія. Несомнѣнно, однако, что съ наибольшею интенсивностью она должна была проявить свое дѣйствіе въ городскихъ центрахъ, гдѣ, при большей скученности, не было въ то же время тѣхъ гигіеническихъ условій, которыя препятствуютъ распространенію заразы въ наше время. Немудрено поэтому, если о нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., о Гентингдонѣ, мы узнаемъ, что въ нихъ не осталось въ живыхъ и четвертой части населенія (Stow's Chronicle, подъ 1349 г.), а о другихъ, какъ, напр., о Іоркѣ (Parliament petitions) временъ Генриха VI, подъ 1450 г. въ одной изъ хроникъ значится, что болѣе 50 т. человѣкъ были погребены въ одинъ годъ на кладбищѣ.

Для насъ, впрочемъ, важно не то, какъ велика была населенность англійскихъ городовъ во второй половинѣ XIV в., а въ какой части страны были расположены наиболѣе значительные изъ нихъ. Мы видимъ, что то была восточная половина Англіи. Постепенный упадокъ городовъ въ этой части страны прослѣдить не трудно; для этого достаточно одного внимательнаго изученія парламентскихъ петицій, статутовъ и государственныхъ бумагъ эпохи Тюдоровъ. Съ конца XV вѣка Норвичъ, эта колыбель усовершенствованнаго шерстяного производства, принесеннаго сюда фламандскими поселенцами временъ Эдуарда III, и близъ него лежащіе города приходятъ въ замѣтный упадокъ. Причиной тому статутъ отъ 2 г. правленія Генриха VII считаетъ законъ, которымъ во времена Генриха IV въ интересахъ землевладѣльцевъ ограничено было право отдачи дѣтей въ ремесленники. Только лица, владѣвшія доходомъ въ 20 шиллинговъ съ земли и ренты, сохранили, въ силу этого мѣропріятія, право отдавать сыновей или дочерей въ обученіе ремеслу. Результатомъ запрета явился упадокъ важнѣйшаго изъ городскихъ цеховъ, цеха суконщиковъ и портныхъ. Къ этой причинѣ, какъ видно изъ содержанія другого статута, отъ 6-го года правленія Генриха VIII, присоединилась новая, болѣе общаго характера: иностранцы стали вывозить шерсть изъ Норфолька въ Голландію и Зеландію, что, разумѣется, не могло не отразиться на судьбѣ важнѣйшаго изъ видовъ промышленной и торговой дѣятельности графства и повело за собою упадокъ большинства его городовъ. Только что приведенныя соображенія заслуживаютъ того, чтобы мы остановились на нихъ болѣе подробно. И законъ Генриха IV, и мѣропріятія его преемниковъ одинаково указываютъ на то, что упадокъ Норфолька и близко лежащихъ къ нему городовъ стоитъ въ причинной связи съ перемѣнами, происшедшими въ направленіи и размѣрахъ шерстяного производства. Давая частное объясненіе тому застою, какой въ послѣднее время проявился въ этомъ производствѣ на протяженіи всего Норфолькскаго графства, историки упускаютъ изъ виду одну общую причину, на которой съ полнымъ основаніемъ настаиваетъ Роджерсъ и которая объясняетъ собою не только запустѣніе восточныхъ, но и быстрое возрастаніе западныхъ городовъ Англіи. Съ XV стол. англійская шерсть постепенно перестаетъ служить только матерьяломъ для выдѣлки фландрскихъ и флорентинскихъ тканей; законодательство принимаетъ мѣры къ запрещенію ея вывоза въ сыромъ видѣ, и запросъ на болѣе усовершенствованныя домашнія сукна начинаетъ возрастать съ каждымъ годомъ. Но опытъ убѣждалъ въ томъ, что высшаго качества шерстяныя ткани изготовляются по преимуществу въ влажныхъ мѣстностяхъ, какими являются западныя графства Англіи, и немудрено, если шерстяное производство начинаетъ пріобрѣтать обширные размѣры въ Манчестерѣ, Лидсѣ, Ливерпулѣ, Шрьюсбери, Боль-

тонѣ и мѣстечкахъ, расположенныхъ въ недалекомъ разстояніи отъ Атлантическаго побережья (*Rogers*, „History of Agric.“, IV, 85). Высказанное соображеніе даетъ ключъ къ пониманію причинъ того быстраго возрастанія, какое въ теченіе XVI вѣка проявляетъ населеніе едва замѣтныхъ бурговъ западной Англіи. Такъ, о Манчестерѣ мы узнаемъ, что въ періодъ времени отъ 1545 по 1578 г., т. е. на разстояніи 33 лѣтъ, число его жителей увеличилось почти вдвое: съ 6-ти на 10 т. Быстрый ростъ Манчестера сообщился и близко лежащимъ къ нему городамъ, въ томъ числѣ Больтону, доставлявшему уже въ XVI в. значительное число тѣхъ шерстяныхъ тканей, которыя на международномъ рынкѣ извѣстны были подъ не отвѣчающимъ имъ названіемъ „Manchester-cottons“; выросъ и Шрьюсбери, о которомъ Кэмбель въ своей „Британіи“ пишетъ въ 1586 г.: „красивый городъ, густо населенный, значительный по торговлѣ и промышленности его жителей, въ особенности по изготовленію шерстяныхъ тканей и постоянному обмѣну съ жителями Уэльса“. Лидсъ и Бредфордъ Леландъ въ своемъ путешествіи признаетъ одинаково хорошо построенными и цвѣтущими, прибавляя, что шерстяное производство—ближайшій источникъ ихъ благосостоянія. Не ограничиваясь указанными городами, выдѣлка шерсти уже въ XVI в. постепенно захватила большинство южныхъ городовъ и бурговъ Ланкастерскаго герцогства—обстоятельство, которому они обязаны постепеннымъ выходомъ изъ того состоянія упадка, въ какомъ застаютъ ихъ акты Генриха VII,—а также и нѣкоторые города Уэльса, съ Кендалемъ во главѣ.

Движеніе шерстяного производства съ востока на западъ не помѣшало, однако, ни дальнѣйшему удержанію его въ Норфолькѣ и восточной половинѣ Іоркскаго графства, ни преимущественному распространенію его въ половинѣ XVI в. въ долинѣ Темзы, что, разумѣется, было одной изъ причинъ быстраго роста населенія въ столицѣ.

Изъ другихъ видовъ промышленной дѣятельности, какъ мы видѣли, одно только ножевое производство играло выдающуюся роль въ XVI в.; и оно, подобно шерстяному, имѣло главнымъ центромъ своего распространенія западныя графства, если не говорить о Розергемѣ, въ Іоркширѣ, о которомъ, какъ о городѣ, густо заселенномъ мастерами и простыми рабочими, говорятъ акты первой половины XVII в. Важнѣйшими центрами ножевой промышленности были въ XVI в. отдѣльные города Глостерскаго графства, а за ними Шеффильдъ и Бирмингемъ. Это обстоятельство, разумѣется, также не могло не содѣйствовать быстрому возрастанію населенія въ западныхъ городахъ, и немудрено, если о Шеффильдѣ въ началѣ XVII стол. (въ 1615 г.) мы уже слышимъ, какъ о городѣ, имѣющемъ населеніе съ лишнимъ въ 2000 человѣкъ; приблизительно то же число жителей указано для Бирмингема въ 37-ой годъ правленія Генриха VIII посланными имъ въ этотъ городъ комиссарами.

Постепенное передвиженіе промышленнаго производства съ востока на западъ, очевидно, должно было имѣть послѣдствіемъ и перемѣщеніе центровъ торговаго обмѣна, упадокъ восточныхъ и развитіе западныхъ портовъ. Манчестерскія или кендальскія сукна, какъ и бирмингемскія или шеффильдскія металлическія издѣлія, должны были искать сбыта въ смежныхъ съ райономъ ихъ производства приморскихъ городахъ, а такимъ въ XVI в., наряду съ стариннымъ Бристолемъ, является недавно возникшій Ливерпуль. Ставя оба эти города въ одинъ рядъ, я далекъ, однако, отъ мысли считать Ливерпуль уже въ это время серьезнымъ соперникомъ Бристоля. Торговое значеніе его упрочивается не ранѣе широкаго развитія заатлантическаго обмѣна, а это фактъ XVII и XVIII, отнюдь не XVI стол. Если тѣмъ не менѣе уже въ это время Ливерпуль принадлежитъ къ числу быстро развивающихся центровъ, то объясняется это тѣмъ значеніемъ, какое въ XVI в. онъ начинаетъ играть въ торговомъ обмѣнѣ между Англіей и Ирландіей.

Вообще, говоря о развитіи западныхъ городовъ и портовъ въ ущербъ восточнымъ, я имѣю въ виду одну

проявившуюся въ этомъ направленіи тенденцію. Стоитъ сопоставить только доходъ, получаемый Елизаветою отъ 20-го по 25-ый годъ ея правленія отъ таможенныхъ сборовъ въ восточныхъ и западныхъ портахъ Англіи, чтобы притти къ заключенію, что первые далеко не утратили еще своего первенствующаго значенія. Тогда какъ изъ Бристоля поступаетъ всего на всего 900 ф. таможенныхъ сборовъ, Ярмутъ доставляетъ казначейству 1167 ф., Линъ—1660 ф., а Кингстонъ на Геллѣ—1575 ф. Но это обстоятельство не мѣшаетъ тому, что о восточныхъ портахъ, въ томъ числѣ о Скарборо и Ярмутѣ, мы во все время правленія Елизаветы слышимъ, какъ о портахъ, теряющихъ постепенно свой торговый флотъ и сокращающихъ обороты своей торговли, тогда какъ о Бристолѣ и Ливерпулѣ доходятъ до насъ какъ разъ противоположныя извѣстія.

Нельзя сказать, чтобы правительство оставалось безучастнымъ зрителемъ происходившаго на его глазахъ упадка городовъ и портовъ восточной Англіи. Мы видѣли уже на примѣрѣ Іорка, что болѣе строгое соблюденіе прежней монополіи того или другого вида производства признается надежнымъ средствомъ борьбы съ этимъ зломъ. Сказанное о Іоркѣ примѣнимо въ равной степени и къ Норвичу. Сосредоточеніе въ его рукахъ монополіи производства шерстяныхъ тканей съ ворсою кажется Генриху VIII вѣрнѣйшимъ средствомъ къ возстановленію прежняго благосостоянія города. Онъ принимаетъ поэтому энергичныя мѣры противъ развитія тѣхъ же способовъ производства въ другихъ частяхъ Англіи. Но всѣ эти мѣры не ведутъ ни къ чему, такъ какъ не въ состояніи задержать дѣйствія вышеуказанныхъ причинъ.

Наряду съ передвиженіемъ центра промышленной и торговой дѣятельности Англіи съ востока на западъ, XVI столѣтіе представляетъ намъ еще ту любопытную черту, что съ нимъ наступаетъ рѣшительный упадокъ какъ внутреннихъ, такъ и приморскихъ городовъ южной Англіи.

Начиная съ востока и оканчивая западомъ, отъ Гуля до Честера, слышится одна и та же жалоба на поглощеніе Лондономъ и Бристолемъ прежняго промышленнаго и торг. благосостоянія провинціальныхъ городовъ. Эта жалоба прямо или косвенно высказывается и современной памфлетной литературой. Проповѣдники и публицисты XVI в. указываютъ на Лондонъ, какъ на средоточіе всякаго производства, какъ на складочный пунктъ для товаровъ, какъ на мѣстопребываніе богатѣйшихъ купцовъ и капиталистовъ. Въ извѣстномъ „Путешествіи Эвфуеса по Англіи“ мы находимъ слѣдующее восторженное описаніе англійской столицы: „По красотѣ своихъ построекъ, несмѣтнымъ богатствамъ и разнообразію находимыхъ въ немъ товаровъ, Лондонъ превосходитъ всѣ города въ мірѣ. Его поистинѣ можно назвать запаснымъ магазиномъ и ярмарочнымъ мѣстомъ цѣлой Европы. Есть ли что-нибудь подъ небомъ такое, чего нельзя было бы купить или занять въ этомъ благородномъ городѣ! Въ это мѣсто стекаются люди со всѣхъ концовъ государства, благодаря чему городъ этотъ является столь населеннымъ, что не повѣришь подчасъ, чтобы на цѣломъ островѣ было столько людей, сколько видишь по временамъ на улицахъ Лондона“. Въ отличіе отъ другихъ современниковъ, авторъ только что упомянутаго сочиненія, Лили, съ похвалой относится къ сосредоточенію всѣхъ богатствъ страны въ одномъ пунктѣ: „Увѣренность, что сокровища спокойно лежатъ въ стѣнахъ Лондона, хорошо защищенныя отъ всякаго рода мятежниковъ, дѣлаетъ дворянъ храбрыми, а купцовъ предпріимчивыми въ ихъ торговыхъ операціяхъ“ (*Lyly*, „Euphues and his England“; editio princeps 1579 г. Arber's Reprints; стр. 434—5).

О размѣрахъ, какіе приняла внѣшняя торговля Лондона въ періодъ времени отъ 20 по 25 г. правленія Елизаветы, можно судить, между прочимъ, по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ. Доходъ, доставляемый ввозными пошлинами, взимаемыми во всѣхъ англійскихъ портахъ, за исключеніемъ Лондона, не превышаетъ въ это время ежегодно 6.195 фунтовъ. Лондонъ самъ по себѣ доставляетъ

*

въ казначейство 50.000 ф., т. е. сумму въ 8 разъ бо́льшую противъ той, какую платятъ въ своей совокупности всѣ прочіе торговые города Англіи (*Baines*, „History of Liverpool", стр. 262).

Къ тому же заключенію приводитъ и сравненіе числа судовъ, приходящихъ и отходящихъ изъ Лондона, съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ въ другихъ портахъ Англіи. Отъ 1580 г. дошли до насъ довольно точныя свѣдѣнія. Въ числѣ государствен. бумагъ, собранныхъ въ 148 томахъ Елизаветинскихъ State Papers, имѣется, между прочимъ, списокъ всѣхъ судовъ, прибывшихъ и отбывшихъ изъ Лондона въ теченіе одного года. Прибывшихъ было — 402; и почти такое же число вышло изъ лондонскаго порта. Въ общей сложности это даетъ намъ 800 съ лишнимъ судовъ. Въ счетъ вошли только суда, имѣющія свыше 20 тоннъ. Если принять во вниманіе, что, по свидѣтельству Гаррисона, число всѣхъ англійскихъ судовъ, имѣющихъ свыше 40 тоннъ, было не больше 800, то мы не ошибемся, сказавши, что значительнѣйшая часть всѣхъ судовъ Англіи сосредоточилась въ лондонскомъ портѣ (Record office. State Papers, Elis. т. 148, № 36; *Harrison* въ изданіи Фернваля, т. 1, стр. 290).

Чѣмъ объясняется, спрашивается, такое сосредоточеніе торговой и промышленной дѣятельности страны въ англійской столицѣ? Въ ряду другихъ причинъ,—какъ-то, его счастливаго географическаго положенія, близости богатыхъ производительностью среднихъ графствъ, лежащихъ по теченію Темзы; сосредоточенія въ Лондонѣ главныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій страны,—нельзя не упомянуть и объ одной, чисто искусственной причинѣ, корень которой лежитъ въ торговой политикѣ англійскаго правительства, въ его стремленіи монополизировать по преимуществу внѣшнюю торговлю въ рукахъ имъ же устроенныхъ компаній, главнымъ средоточіемъ которыхъ являлся Лондонъ и въ меньшей степени—Бристоль. На эту причину справедливо указываютъ жители одного изъ тѣхъ портовъ, которые всего болѣе пострадали отъ конкуренціи столицы. Я разумѣю Кингстонъ на Гулѣ. „Крупные торговцы,—жалуются они,—организованы въ компаніи, во главѣ которыхъ стоятъ лондонскіе граждане и главнымъ средоточіемъ которыхъ служитъ Лондонъ. Немудрено, если эти компаніи издаютъ мѣропріятія, по преимуществу благопріятныя лондонскимъ купцамъ и нерѣдко весьма враждебныя интересамъ остальныхъ. Какъ удивляться послѣ этого, что вся торговля сосредоточивается въ Лондонѣ, что богатѣйшіе суконщики и портные не имѣютъ другого мѣстопребыванія, а прочіе порты все болѣе и болѣе теряютъ въ своей торговлѣ и приходятъ въ упадокъ" (Record Office. State Pap., Elis., т. 106, № 59 a, 1575).

Чтобы удержать за собою разъ завоеванное ими положеніе, лондонскіе купцы заботились объ открытіи торговыхъ факторій въ отдаленнѣйшихъ концахъ королевства. Эти факторіи дѣлали возможнымъ непосредственную доставку имъ продуктовъ мѣстнаго производства. Этимъ путемъ манчестерскія сукна, минуя прежній посредствующій рынокъ Честера, поступали непосредственно въ лондонскіе склады. Благодаря той же практикѣ находимое въ Дербиширѣ олово шло не въ Кингстонъ на Гулѣ, какъ въ прежніе годы, а непосредственно въ Лондонъ, торговцы котораго держали нужную для нихъ факторію въ самомъ графствѣ, въ Генсборо. Нельзя сказать, однако, чтобы провинціальные купцы оставались всегда безучастными зрителями успѣховъ, дѣлаемыхъ лондонскою торговлею въ ущербъ ихъ собственнымъ. Ихъ петиціямъ на имя королевы и совѣта удавалось на время задерживать развитіе лондонской предпріимчивости. Такъ, въ 1596 г. ими проведено черезъ Звѣздную Палату постановленіе, въ силу котораго не только запрещалось жителямъ Лондона извлекать товары изъ своей торговой факторіи въ Генсборо, минуя Кингстонъ, но еще высказывалось требованіе, чтобы лондонскіе граждане воздержались отъ дальнѣйшей доставки товаровъ въ сѣверные порты на всемъ протяженіи отъ Бостона, въ графствѣ Линкольнъ, до Гартлепуля,

въ графствѣ Іоркъ. Исключеніе дѣлалось только для тѣхъ, кто былъ принятъ въ ряды кингстонскаго гражданства.

Сосредоточеніе въ Лондонѣ промышленной и торговой дѣятельности, не говоря уже объ административной и судебной, необходимо должно было повлечь за собою быстрое возрастаніе въ немъ населенія. Точныхъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія числа его жителей мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Но о значительности послѣдняго можно судить по слѣдующимъ частнымъ даннымъ. Число однихъ иностранцевъ, поселенныхъ въ Лондонѣ въ 1562 г. было съ лишнимъ 4.500 человѣкъ, при чемъ, какъ слѣдуетъ изъ дошедшихъ до насъ данныхъ, число это возросло на половину за послѣднія 10 лѣтъ (до воцаренія Елизаветы насчитывалось всего 2.860 иностранцевъ). Ростъ населенія Лондона былъ такъ замѣтенъ, что уже въ 1580 г. правительство сочло нужнымъ остановить его съ помощью искусственныхъ мѣръ. Въ этомъ году королева издаетъ приказъ, или такъ называемую прокламацію, въ которой, признавая число чиновниковъ недостаточнымъ для управленія всею массою стекающихся въ Лондонъ людей, запрещаетъ производство какихъ-либо новыхъ построекъ на разстояніи по крайней мѣрѣ трехъ миль отъ городскихъ стѣнъ. Предотвращая возможность скопленія большого числа квартирантовъ въ одномъ и томъ же домѣ, она требуетъ, чтобы лордъ-мэръ и другія городскія власти не допускали скопленія подъ одною кровлею большаго числа жителей противъ того, какое находило въ домѣ пріютъ въ теченіе послѣднихъ 7 лѣтъ. О недѣйствительности этихъ мѣръ и быстромъ ростѣ населенія въ Лондонѣ и его пригородахъ можно судить по частому возобновленію тѣхъ же предписаній на разстояніи одного, много двухъ лѣтъ.

Упадокъ матеріальнаго благосостоянія восточныхъ и южныхъ городовъ объясняетъ весьма многое въ дальнѣйшемъ развитіи ихъ внутренняго устройства. Захудалость многихъ изъ нихъ совпала съ дальнѣйшимъ желаніемъ олигархическихъ элементовъ въ городѣ сосредоточить въ своихъ рукахъ внутреннее управленіе имъ, а также выборъ депутатовъ въ парламентъ. Такъ какъ городская олигархія, въ свою очередь, стояла въ экономическомъ и административномъ отношеніи въ зависимости отъ высшаго и низшаго дворянства, вѣдавшаго дѣла графства чрезъ посредство мировыхъ судей и дѣла государства въ лицѣ посылаемыхъ графствами депутатовъ, взятыхъ изъ среды мѣстныхъ сквайровъ, членовъ палаты лордовъ и Тайнаго совѣта короля, — то немудрено, если англійскій городъ, послѣ тѣхъ преобразованій, какимъ онъ подвергся въ XVI вѣкѣ и которыя остались болѣе или менѣе въ силѣ въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій, сдѣлался оплотомъ и проводникомъ аристократическихъ вліяній.

Весь этотъ сложный процессъ обстоятельно изображенъ былъ еще Гнейстомъ въ его „Исторіи мѣстнаго самоуправленія въ Англіи“ и излагается снова въ весьма стройномъ видѣ Іосифомъ Редлихомъ въ историческомъ экскурсѣ, предпосланномъ картинѣ современнаго состоянія мѣстнаго самоуправленія въ Англіи.

Мы видѣли, что до середины XV ст. привилегіи, получаемыя англійскими городами и обезпечивавшія имъ возможность завѣдывать своими судьбами, выдаваемы были собранію всѣхъ свободныхъ гражданъ, образовывавшихъ изъ себя подобіе вѣча съ административно-судебными полномочіями, однохарактерными съ тѣми, какія въ помѣстьяхъ принадлежали сельскому сходу, служившему одновременно и вотчиннымъ судомъ. Первымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ въ этомъ отношеніи городами, было ихъ право выбирать на мѣсто городского управителя—герефа и позднѣе бальифа—собственнаго голову, или мэра. Въ выборѣ его участвовали всѣ граждане; первыя два столѣтія существованія парламента право выбора представителей отъ города также принадлежало всему гражданству. Но со временъ Генриха VI короли начинаютъ предоставлять городамъ грамоты инкорпораціи, т. е. возводятъ ихъ на степень юридиче-

скихъ лицъ, имѣющихъ право пріобрѣтать имущество и защищать его на судѣ.

Уже въ 1466 г. одинъ изъ верховныхъ судовъ Англіи — судъ общихъ тяжбъ — въ одномъ изъ своихъ рѣшеній признаетъ, что всякій городъ долженъ быть разсматриваемъ какъ корпорація. „Политика Тюдоровъ,—говоритъ Редлихъ,—использовала эту доктрину съ цѣлью подавить въ городахъ всякій духъ оппозиціи“,— мы бы сказали: всякое демократическое теченіе. Гнейстъ, слѣдуя Мэріуэзеру (Merewether), насчитываетъ въ XVI вѣкѣ 54 грамоты, выданныхъ на имя различныхъ городовъ Англіи и возведшихъ ихъ въ корпораціи. Хартіи эти выдаются не всему гражданству, а тѣсному совѣту города, такъ называемому „Select-Body“, которому дозволено пополнять свой составъ путемъ кооптаціи, т. е. выбора новыхъ членовъ на оказавшіяся вакантными мѣста самимъ тѣснымъ совѣтомъ. Верховные суды, исполняя велѣнія правительства, признали, что во всѣхъ городахъ—даже не получившихъ спеціальн. грамотъ инкорпораціи—должны установиться такіе же порядки; города были признаны корпораціями въ силу давности (corporation by prescription); городское управленіе и завѣдываніе городскимъ имуществомъ поступило поэтому въ руки тѣсныхъ совѣтовъ (Select-Bodies). При Елизаветѣ эти тѣсные совѣты получили право издавать и тѣ призаконія (by-laws), которыми вносились измѣненія въ городское устройство; соблюденіе этихъ регламентовъ городскимъ гражданствомъ могло быть вынуждаемо силой. Такимъ образомъ, во всѣхъ городахъ простые горожане устранены были отъ участія въ выборѣ тѣсныхъ совѣтовъ, пополнявшихъ свой составъ, какъ мы сказали, путемъ кооптаціи. Тѣ, кому принадлежало такое право активнаго участія въ выборахъ, получили названіе „freemen“ (свободные люди) въ отличіе отъ всего прочаго населенія города.

Отмѣтимъ тотъ фактъ, что совершившееся въ англійскомъ городѣ развитіе олигархическаго устройства представляетъ собою явленіе аналогичное съ тѣмъ, какое происходило и на континентѣ Европы. Возьмемъ, напр., хотя бы реформированную Кальвиномъ Женеву, въ которой Большой совѣтъ города, или „Grand-Conseil“, долженъ былъ уступить большую часть своихъ функцій Малому совѣту, пополняемому также путемъ кооптаціи. И въ Женевѣ активныя права гражданства стали осуществляться не всѣми ея жителями, а только такъ наз. „citoyens“, рядомъ съ которыми имѣлись еще „bourgeois“ — жители предмѣстій, и „advenaires“ — позднѣйшіе поселенцы. Въ Англіи, какъ отмѣчаетъ Редлихъ, члены тѣсныхъ совѣтовъ, сдѣлавшихся въ XVI в. всемогущими, соединяли съ муниципальною властью и права мировыхъ судей. Вслѣдъ за Гнейстомъ, онъ полагаетъ, что политика Тюдоровъ по отношенію къ городамъ преслѣдовала сознательную цѣль, а именно ту, чтобы чрезъ посредство тѣсныхъ совѣтовъ забрать парламентъ въ свои руки. Они разсуждали, думаетъ онъ, что маленькое, неотвѣтственное передъ гражданами представительство легко будетъ подчинить себѣ, частью угрозами, частью подкупомъ. Только тѣмъ экономическимъ упадкомъ, какой наступаетъ въ городахъ въ половинѣ XVII стол., можно объяснить, думаетъ Редлихъ, что населеніе городовъ отнеслось пассивно къ этой отмѣнѣ его исконныхъ правъ. „Еще въ средніе вѣка, прибавляетъ онъ, англійскіе города, если сравнить ихъ съ нѣмецкими, нидерландскими и французскими, оказывались сильно отставшими въ своемъ какъ экономическомъ, такъ и общественномъ развитіи“. До конца XVII столѣтія Англія остается почти исключительно земледѣльческимъ государствомъ, и важнѣйшимъ предметомъ ея вывоза является, какъ мы видѣли, въ теченіе ряда вѣковъ шерсть, обработка которой на мѣстахъ развивается только со времени запрета вывозить ее изъ Англіи. Онъ, какъ мы видѣли, наступаетъ только въ XVI стол. За исключеніемъ небольшого числа старинныхъ морскихъ портовъ и гаваней, англійскіе города, какъ общее правило, населены были земледѣльческимъ людомъ или являлись рынками, производившими незначительную внутреннюю торговлю.

Въ соціальномъ и политическомъ отношеніи они по этой самой причинѣ стояли въ зависимости отъ дворянства, жившаго въ своихъ имѣніяхъ, не покидавшаго графства и въ лицѣ мировыхъ судей, вербуемыхъ изъ его среды, управлявшаго графствомъ, а до нѣкоторой степени и городомъ, встрѣчаясь періодически съ членами его тѣснаго совѣта, какъ мировыми судьями, на четвертныхъ сессіяхъ, гдѣ и рѣшались важнѣйшіе вопросы внутренней администраціи. Цѣль, которую ставили себѣ Тюдоры, такимъ образомъ, могла быть достигнута; управленіе городомъ, дѣйствительно, перешло въ руки узкаго круга лицъ, связанныхъ между собою и съ членами правящаго класса въ графствѣ отправленіемъ почетной и даровой службы мировыхъ судей (см. *Гнейстъ*, „Selbstverwaltung“, стр. 580 и „Das Englische Verwaltungsrecht“, I, стр. 481; *Редлихъ*, „Англійское мѣстное управленіе“, I, стр. 40—43).

Въ царствованіе Елизаветы надо отмѣтить еще ту существенную перемѣну, облегчившую подчиненіе города земельной аристократіи, что права фримана, избирателя городскихъ тѣсныхъ совѣтовъ и, чрезъ ихъ посредство, депутатовъ отъ городовъ въ англійскій парламентъ, были предоставлены не только тѣмъ, кто жилъ въ стѣнахъ города, но и лицамъ, имѣвшимъ мѣстожительство внѣ его стѣнъ. Въ ея царствованіе отпадаетъ требованіе принадлежности къ числу обывателей извѣстной мѣстности для пользованія избирательнымъ правомъ. „Этимъ самымъ,—говоритъ Редлихъ,—нарушенъ былъ старый принципъ, лежавшій въ основѣ устройства палаты общинъ,—право ихъ быть представляемыми только своими гражданами“. Такъ какъ число депутатовъ отъ городовъ съ каждымъ вѣкомъ стало возрастать, тогда какъ число депутатовъ отъ графствъ, какъ и самыя графства, осталось неизмѣннымъ въ теченіе болѣе 500 лѣтъ, то послѣдствіемъ, необходимо, было то, что при посредствѣ избираемыхъ тѣсными совѣтами уполномоченныхъ земельная аристократія и, при ея податливости, король могли оказывать большое вліяніе на исходъ выборовъ. Редлихъ полагаетъ, что особенно въ XVII вѣкѣ правительство использовало вполнѣ эту возможность. „Въ этомъ, именно, столѣтіи положено было основаніе той продажности,—пишетъ Редлихъ,—которая царила въ городахъ при производствѣ выборовъ въ парламентъ... Одержавшая побѣду партія виговъ, послѣ изгнанія Стюартовъ, и не подумала объ устраненіи этихъ неустройствъ, а, наоборотъ, использовала ихъ въ собственныхъ интересахъ. Аристократія и джентри сумѣли управлять выборами въ парламентъ не хуже королей изъ династіи Стюартовъ... Сотни номинальныхъ и полу-номинальныхъ избирательныхъ мѣстечекъ сдѣлались твердыми оплотами правящаго класса. Отчасти, благодаря экономическому перевѣсу, который имѣли аристократическія фамиліи и недавно осѣвшіе на земляхъ капиталисты въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ, отчасти, благодаря прямой покупкѣ тѣхъ мѣстечекъ, съ которыми было связано избирательное право, отчасти, наконецъ, благодаря массовымъ подкупамъ, стоящая у кормила правленія партія пріобрѣтаетъ возможность располагать большинствомъ въ парламентѣ и удерживаетъ власть въ своихъ рукахъ“. Такимъ образомъ, захудалые города и мѣстечки, такъ называемые „роттенборосъ“ (Rotten boroughs), одинаково служили обѣимъ партіямъ, торіямъ и вигамъ, средствомъ проведенія своихъ кандидатовъ въ парламентъ (ibid., стр. 63 и 66).

XII. Великобританія при Стюартахъ. Съ Елизаветой окончилась семья Тюдоровъ, и престолъ достался сыну казненной въ Англіи Маріи Стюартъ, получившему воспитаніе подъ строгимъ контролемъ шотландской кирхи, отъ котораго, поэтому, можно было ждать пристрастія къ пресвитеріанамъ; съ своей стороны и католики могли надѣяться на то, что онъ не откажетъ, по меньшей мѣрѣ, въ терпимости вѣроученію, котораго придерживалась его мать. Разсчетъ и тѣхъ и другихъ былъ ошибоченъ. Король всю жизнь былъ энергичнымъ противникомъ пресвитеріанства. Пресвитеріане высказывались противъ епископской власти и не допускали ни-

какой церковной іерархіи, кромѣ священниковъ, поставленныхъ паствой. Изъ нихъ образуется синодъ, высшее законодательное учрежденіе по церковнымъ дѣламъ. Король Іаковъ I призналъ въ этихъ порядкахъ начала, непримиримыя съ монархіей. Въ извѣстномъ трактатѣ „Basilikon doron“ онъ изложилъ свою основную точку зрѣнія на природу монархіи и согласнаго съ ней церковнаго устройства. Ему принадлежитъ знаменитое изреченіе, такъ часто повторявшееся: „разъ не будетъ епископа, не будетъ и короля“. Въ другомъ случаѣ ему пришлось высказаться открыто противъ притязаній на свободу проповѣди, вопроса, поставленнаго на очередь болѣе передовыми сектами англійскаго протестантизма. И опять-таки онъ выступилъ противъ этихъ притязаній съ точки зрѣнія охраненія интересовъ монархіи: „если всѣ станутъ свободно толковать текстъ Священнаго писанія и судить о всѣхъ дѣлахъ, то въ Англіи не въ состояніи будетъ удержаться никакое правительство, и первою жертвою такихъ порядковъ буду я—король“. Понятное дѣло, что проникнутый такой точкой зрѣнія Іаковъ I связалъ судьбы англійской монархіи съ сохраненіемъ епископской власти, а это рѣшеніе привело его къ столкновенію съ болѣе передовыми теченіями въ области церкви. Еще до конца царствованія Елизаветы началось, какъ мы видѣли, сильное движеніе противъ англиканства, и распространилось то, что можно назвать англійскимъ расколомъ,—появились секты браунистовъ, барровистовъ, баптистовъ и т. д. Эти секты сходились въ признаніи англиканства не болѣе, какъ видоизмѣненіемъ папизма, или католичества, въ томъ смыслѣ, что власть папы въ немъ переходитъ на короля, за которымъ признается такъ наз. супрематство (supremacy), или верховенство въ дѣлахъ церкви. Король становится судьею правильности или неправильности исповѣданія вѣры любымъ изъ его подданныхъ. Со временъ королевы Елизаветы признанъ былъ обязательнымъ не только для всѣхъ служащихъ, но и для всѣхъ подданныхъ тотъ правительственный катехизисъ, которымъ надо признать „тридцать девять статей англійскаго вѣроисповѣданія“. Кто не признавалъ какой-нибудь изъ этихъ статей, тотъ считался раскольникомъ (dissenter) и подвергался ограниченію въ своихъ гражданскихъ правахъ.

Въ теченіе всего XVII в. одной изъ важнѣйшихъ причинъ недовольства правительствомъ Стюартовъ являлось то, что они, какъ главы церкви, продолжали настаивать на такомъ правовѣріи своихъ подданныхъ. Даже въ эпоху реставраціи мы встрѣчаемся въ Англіи съ цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣропріятій, которыя дѣлали невозможнымъ отправленіе службы—и, между прочимъ, выступленіе въ роли депутата въ парламентѣ—для лица, не исповѣдывавшаго англиканск. вѣры. Такъ наз. „тестъ-актъ“, или актъ, свидѣтельствующій о принадлежности къ правовѣрію, требовалъ принесенія присяги королю или королевѣ въ томъ, что его или ее будутъ признавать главою церкви. Что касается до нежелавшихъ слѣдовать „тридцати девяти пунктамъ“ офиціальнаго вѣроисповѣданія, то по отношенію къ нимъ существовалъ запретъ жить на разстояніи ближе пяти миль отъ города. Этотъ актъ изданъ былъ въ царствованіе Карла II, когда уже ослабѣли мѣры строгости по отношенію къ лицамъ, не признававшимъ англиканской вѣры. Можно по этому судить, каково было положеніе раскольниковъ въ царствованіе Іакова I.

Все это надо принять во вниманіе, чтобы понять остроту столкновеній, возникшихъ съ самаго начала между Іаковомъ I и парламентомъ. Въ его правленіе, длившееся съ 1603 по 1625 г., парламентъ продолжаетъ созываться, но, вопреки практикѣ, установившейся еще въ царствованіе Эдуарда III,—практикѣ ежегоднаго созыва парламента,—проходятъ годы и годы безъ того, чтобы король счелъ нужнымъ собрать депутатовъ. Онъ созываетъ ихъ вновь только въ случаяхъ и въ виду опустѣнія государственной казны и невозможности покрыть необходимыя издержки управленія иначе, какъ при новомъ обра-

щеніи къ парламенту. За все время царствованія Іакова извѣстны четыре парламента, но промежутокъ между сессіями иногда равнялся тремъ и даже семи годамъ. Обыкновенной причиной разрыва было нежеланіе парламента ассигновать испрашиваемыя правительствомъ денежныя субсидіи раньше, какъ послѣ принятія королемъ во вниманіе „скромныхъ“ ходатайствъ палатъ и проведенія имъ тѣхъ реформъ въ государствѣ, какихъ желали, или отмѣны тѣхъ злоупотребленій, на которыя жаловались народные представители и лорды Англіи. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ на ходатайства слѣдовалъ отказъ, то послѣдствіемъ было то, что большую часть своего царствованія Іаковъ I правилъ страной безъ парламента. Какъ же могъ онъ найти необходимыя средства для покрытія своихъ издержекъ, разъ налоги съ конца XIII в. не могли быть взимаемы иначе, какъ съ согласія парламента? — Король рѣшился оживить средневѣковыя права свои, какъ сюзерена, или главы феодальной организаціи; въ число этихъ правъ входило право опеки надъ малолѣтними вассалами. Оно давало сюзерену возможность, въ силу обычая, отчислять въ свою пользу доходъ отъ владѣній вассала за все время его малолѣтства, подъ условіемъ покрытія необходимыхъ издержекъ на воспитаніе. Этимъ-то правомъ въ широкой степени сталъ пользоваться Іаковъ I, хотя за послѣднее столѣтіе, предшествовавшее его царствованію, это право пришло въ забвеніе. Онъ сталъ конфисковывать доходы малолѣтнихъ дѣтей феодальной знати и получавшимися такимъ образомъ средствами покрывалъ правительственныя издержки, не обращаясь къ налоговому обложенію. Оживлена была и другая форма вымогательства, но уже не феодальнаго характера. Король широко пользовался въ средніе вѣка правомъ постоя въ домахъ своихъ вассаловъ и требовалъ содержанія какъ для самого себя, такъ и для своей свиты. Подъ этимъ предлогомъ поставленные Іаковомъ I агенты стали производить поборы съ жителей и пополнять этимъ путемъ пустующую казну, такъ какъ облагаемые нерѣдко откупались отъ такихъ грабительствъ единовременнымъ внесеніемъ тѣхъ или другихъ суммъ. Мало того, правительство Іакова I обратилось къ такъ наз. насильственнымъ займамъ: вели списки зажиточныхъ купцовъ лондонскаго сити и др. городовъ; король объявлялъ имъ свое довѣріе и милость и бралъ у нихъ „взаймы“ ту или другую сумму на покрытіе своихъ расходовъ. Но еще въ правленіе Эдуарда III англійскій парламентъ заставилъ короля скрѣпить своей подписью обѣщаніе не обращаться болѣе къ насильственнымъ займамъ, а впослѣдствіи тѣ же насильственные займы, которые какъ бы въ насмѣшку именовались „добровольными подношеніями“ (benevolences), снова были отмѣнены Ричардомъ III. Ссылаясь на эти прецеденты, парламентъ не разъ ставилъ королю Іакову I на видъ неблоговидность поведенія его правительства, обращавшагося къ мнимымъ „займамъ“ и „добровольнымъ подношеніямъ“, но правительство, тѣмъ не менѣе, во все время правленія Іакова I продолжало прибѣгать къ нимъ. Мало этого, по примѣру Франціи, въ Англіи созданъ былъ новый аристократическій титулъ „баронета“, и патентныя письма, т. е. акты, которыми признавалось за извѣстными лицами право носить этотъ титулъ, стали продаваться правительствомъ, можно сказать, почти съ публичныхъ торговъ; указывалась сумма, за которую то или другое лицо могло купить званіе баронета.—Таковы тѣ окольные пути, которыми правительство шло къ пополненію своей казны, чтобы не нарушить правила, запрещавшаго ему взимать налоги безъ согласія парламента. Къ чести англійскихъ судей надо сказать, что они постоянно становились на точку зрѣнія парламента и признавали незаконными такія вымогательства короля. Но въ одномъ случаѣ англійскій судъ перешелъ на сторону правительства. Статутъ Эдуарда I „De tallagio non concedendo“ высказывался открыто по вопросу о прямомъ обложеніи. Что же касается до косвеннаго, то непосредственнаго указанія на то, что и

косвенные налоги не могутъ быть взимаемы безъ постановленія парламента, въ статутѣ не было. Іаковъ I обратился поэтому къ установленію единоличной властью таможенныхъ сборовъ на иноземные товары, привозимые въ англійскіе порты, и его правительство, въ которомъ, между прочимъ, участвовалъ знаменитый философъ Бэконъ, стало проводить тотъ взглядъ, что въ обложеніи иноземныхъ товаровъ сборами надо видѣть нѣчто совершенно отличное отъ обложенія англійскихъ гражданъ налогами, что въ статутахъ парламента нѣтъ никакихъ мѣръ, препятствующихъ такому акту, и что поэтому онъ допустимъ. Монархъ можетъ установлять таможенный сборъ, дѣйствуя не какъ король въ парламентѣ, а какъ король въ совѣтѣ, т. е. путемъ изданія указа. Англійскіе судьи признали точку зрѣнія правительства правильной.

Уже на первомъ засѣданіи своего перваго парламента 19 марта 1604 г. Іаковъ I въ тронной рѣчи рѣзко указалъ на то направленіе, какого его правительство намѣрено держаться по отношенію какъ къ раскольникамъ и пуританамъ, такъ и къ католикамъ. Пуританамъ было заявлено, что имъ ставится въ вину не столько религіозное ихъ разномысліе, сколько то обстоятельство, что они всегда недовольны существующимъ правительствомъ, не терпятъ никакого старшинства и начальства, а это дѣлаетъ ихъ секту,— такъ говорилъ министръ отъ имени короля, — недопустимой во всякомъ сколько-нибудь благоустроенномъ государствѣ.

Что касается до католиковъ, то и имъ въ тронной рѣчи поставлено было на видъ слѣдующее обстоятельство: вина ихъ въ томъ, что они признаютъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ верховенство папы надъ королями и императорами. Пока они не откажутся отъ такого признанія, ихъ нельзя будетъ допустить къ поселенію въ королевствѣ. Въ 1604 г. въ первый разъ формулируется слѣдующаго рода обвиненіе по отношенію къ католикамъ: они принимаютъ къ руководству въ своей практической дѣятельности столько же, какъ и въ религіозныхъ вопросахъ, указанія папы— иноземнаго государя; этимъ они становятся повинными въ государственной измѣнѣ по отношенію къ правителю страны, въ которой пребываютъ, и потому они не могутъ быть терпимы въ Англіи. Это та точка зрѣнія, на которой англичане оставались въ теченіе всего XVII и XVIII вѣковъ. Монархія смѣнится республикой, а католики останутся столь же, если не болѣе, безправными. Настанетъ реставрація Стюартовъ; Карлъ II сдѣлается въ нѣкоторомъ смыслѣ пенсіонеромъ короля Людовика XIV; ежегодно изъ Франціи будетъ получаться извѣстная сумма денегъ взамѣнъ обязательства расширить права католиковъ, и все же положеніе послѣднихъ не будетъ улучшено. Когда преемникъ Карла II, Іаковъ II, выступитъ съ первой попыткой признать свободу совѣсти въ Англіи и обнародована будетъ въ 1682 г. декларація о вѣротерпимости, священники англиканской церкви откажутся прочесть текстъ ея въ храмѣ, и это послужитъ началомъ того революціоннаго движенія, которое заставитъ Іакова II покинуть Англію навсегда. Изъ области практики движеніе противъ католиковъ перейдетъ и въ теорію; не кто другой, какъ великій Джонъ Локкъ, авторъ трактатовъ „О разумѣ“ и „О вѣротерпимости“, скажетъ, что изъ этого правила должно быть сдѣлано исключеніе для католиковъ, потому что они признаютъ иноземнаго государя—папу—и являются такимъ образомъ измѣнниками по отношенію къ собственному монарху. Эта точка зрѣнія, при всей нелѣпости, будетъ держаться въ XVIII ст. вплоть до 1829 г., когда правительству удастся, наконецъ, провести актъ объ эмансипаціи католиковъ сначала черезъ нижнюю палату, а затѣмъ, послѣ продолжительной оппозиціи, и черезъ палату лордовъ.

Итакъ, начало всему этому движенію противъ католиковъ, въ которомъ примутъ участіе и правительство, и парламентъ, было положено въ 1604 г. Легко судить о впечатлѣніи, произведенномъ тронной рѣчью Іакова I въ палатѣ, три четверти которой, какъ говорятъ современники, составляли пуритане, т. е. послѣдователи передовыхъ сектъ англійскаго протестан-

тизма. Въ отвѣтномъ адресѣ первой сессіи перваго парламента Іакова I, предсѣдатель палаты общинъ, или спикеръ, напомнилъ королю, что „новые законы не могутъ быть создаваемы, ни старые отмѣняемы или измѣняемы никакой властью, помимо парламента", т. е., прибавилъ онъ, „законъ не можетъ издаваться иначе, какъ по желанію общинъ, съ согласія лордовъ и утвержденія короля". Другими словами, въ довольно скромной формѣ было сказано: три четверти вашего парламента состоятъ изъ тѣхъ самыхъ лицъ, противъ которыхъ вы грозите принять спеціальныя мѣры строгости; помните, что такія мѣры не могутъ быть изданы королемъ въ совѣтѣ, такъ какъ единственно нормальный и закономѣрный порядокъ есть управленіе страной королемъ въ парламентѣ; помните, что только путемъ закона вы можете проводить тѣ угрозы, которыя содержитъ въ себѣ ваша тронная рѣчь. Продолжая далѣе изложеніе основъ англійскаго государственнаго порядка, парламентъ говоритъ: королю принадлежитъ право или лишить законопроектъ его силы, или дать ему свое утвержденіе; установить же законъ собственной властью король не вправѣ; каждый законъ долженъ пройти черезъ обѣ палаты парламента, и только тогда онъ поступаетъ на утвержденіе короля. Необходимость сдѣлать такое заявленіе станетъ понятна, если припомнить, что во всѣхъ парламентахъ Тюдоровъ постоянно возникала борьба двухъ противоположныхъ началъ: одно начало—королевская неограниченность, которая сказывается въ управленіи страной королемъ въ совѣтѣ; другое начало—связанность короля конституціей, требующая отъ него совмѣстной дѣятельности съ парламентомъ въ области законодательства. Весь споръ былъ въ томъ, какое изъ этихъ двухъ началъ возьметъ верхъ. Первый собранный Іаковомъ I парламентъ ставитъ ему на видъ, что общины Англіи намѣрены держаться исключительно того порядка, при которомъ король правитъ страной въ парламентѣ, а не въ совѣтѣ.

Другой мѣрой палаты 1604 г. былъ протестъ противъ передачи королемъ канцлерскому суду права постановлять рѣшенія по вопросу о спорности выборовъ. Значеніе этого шага станетъ понятнымъ, если обратиться къ слѣдующему уподобленію. Предположимъ, что правительство станетъ отрицать за Думой право высказываться по вопросу, правильно ли произведены выборы въ той или другой губерніи или городѣ, или нѣтъ, и передастъ рѣшеніе этого вопроса, положимъ, первому департаменту Правительствующаго Сената. Англійское правительство также полагало болѣе полезнымъ привлечь къ этому учрежденіе, столь же зависимое отъ него, какъ и первый департаментъ нашего Сената, а именно канцлерскій судъ. Палата же общинъ стала настаивать на своей исконной прерогативѣ быть единственнымъ судьею въ вопросѣ, насколько выборы произведены съ соблюденіемъ закона. Общины заявили поэтому, что отъ своего исконнаго права онѣ отказаться отнюдь не намѣрены.

Отъ заявленій, касающихся функцій законодательной власти и состава того учрежденія, которое призвано осуществлять ихъ, общины переходятъ къ праву распоряжаться кошелькомъ англійскихъ гражданъ. Такъ какъ правительство обходило это право оживленіемъ средневѣковыхъ поборовъ феодальнаго характера, то парламентъ вноситъ два билля, которыми обезпечено полученіе королемъ денежныхъ субсидій, значительно превышающихъ размѣръ дохода, извлекаемаго имъ отъ пользованія только что указанными правами.—Политика парламента ясна: онъ не желаетъ отказать въ средствахъ на покрытіе издержекъ государства, но настаиваетъ на томъ, чтобы они шли отъ него въ формѣ субсидій; платежомъ этихъ субсидій онъ, такъ сказать, откупается отъ дальнѣйшаго вынужденія королемъ установленныхъ феодальнымъ обычаемъ и пережившихъ себя поборовъ. Въ 1604 г. кладется такимъ образомъ начало тому, что будетъ проведено окончательно болѣе чѣмъ полвѣка спустя, въ царствованіе Карла II, когда отмѣненъ будетъ закономъ весь феодальный порядокъ; правительство откажется отъ дальнѣйшаго вынужденія платежей и поборовъ, съ нимъ связан-

ныхъ, но подъ условіемъ такого же отказа отъ феодальныхъ правъ и со стороны вассаловъ, въ томъ числѣ и отъ крѣпостного права.

Первый парламентъ, созванный Іаковомъ, занялся также составленіемъ протеста противъ неправильнаго пониманія правительствомъ самой природы парламентскихъ привилегій и вольностей. Въ этомъ протестѣ общины настаиваютъ на слѣдующемъ: „великое заблужденіе полагать, что привилегіи парламента, въ частности привилегіи общинъ Англіи, принадлежатъ имъ не по праву, а по королевской милости. Мы получили эти привилегіи въ наслѣдіе отъ предковъ въ такой же степени, какъ получили отъ нихъ и наши земли и всякое другое имущество, которымъ мы владѣемъ". Парламентъ 1604 г. доказываетъ, что всѣ преимущества, которыми онъ пользуется, а именно свобода слова, т. е. свобода отъ отвѣтственности за содержаніе произносимыхъ въ немъ рѣчей, право выбирать своего главу, или спикера, право представлять протесты противъ мѣропріятій правительства, право привлекать къ судебной отвѣтственности министровъ и т. д., и т. д.—все это принадлежитъ ему не въ силу королевской милости, которая можетъ быть дана и отнята, а какъ законное наслѣдіе. Для того, чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей точкѣ зрѣнія на этотъ счетъ, англійскій парламентъ сопоставляетъ это наслѣдіе со всякимъ другимъ, напр., съ помѣстьемъ, которымъ владѣютъ какъ наслѣдственной собственностью.

Другимъ заблужденіемъ—значится въ этой знаменитой апологіи общинъ Англіи — признается то, что парламентъ не надѣленъ будто бы правами любой судебной палаты королевства (court of record) и не можетъ поэтому требовать предъявленія ему правительственными мѣстами официальныхъ документовъ. Съ перваго раза это покажется не имѣющимъ большого значенія, но при болѣе внимательномъ отношеніи легко усмотрѣть, что рѣчь идетъ о томъ же въ высшей степени важномъ вопросѣ, который былъ поставленъ у насъ въ эпоху второй Государственной Думы. Очевидно, что для провѣрки бюджета, какъ и вообще для сознательнаго отношенія къ правительственнымъ заявленіямъ, депутаты должны быть хорошо освѣдомлены, должны получать необходимые матеріалы для своихъ умозаключеній, между прочимъ, отъ того же правительства; всякій парламентъ пользуется нынѣ правомъ требовать отъ правительственныхъ учрежденій представленія имѣющихся у нихъ актовъ и протоколовъ. Такъ какъ парламенту отказано было правительствомъ въ такой помощи, то онъ обосновываетъ свое требованіе на слѣдующемъ юридическомъ положеніи. Онъ настаиваетъ на томъ, что онъ, подобно любой судебной палатѣ, долженъ получать всѣ необходимые ему документы отъ любого правительственнаго учрежденія; парламентъ—судебное учрежденіе, а если такъ, то онъ долженъ пользоваться и правомъ требовать всякаго рода правительственные акты на свой просмотръ, разъ это необходимо для составленія приговора. „Невѣрное пониманіе природы тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ намъ,— заявляетъ палата общинъ, — можетъ имѣть послѣдствіемъ упраздненіе основныхъ нашихъ привилегій,—а тѣмъ самымъ правъ и свободы всего англійскаго народа".

Наконецъ, однимъ изъ золъ, которыми страдала Англія еще въ эпоху Елизаветы и на которое сильно жаловались, было дарованіе правительствомъ, безъ согласія парламента, грамотъ, открывающихъ возможность колонизаціи той или другой области на началѣ монополіи, а также грамотъ, предоставляющихъ извѣстнымъ лицамъ исключительное право торговли съ тѣми или другими странами. Противъ монополій, создаваемыхъ правительствомъ безъ опроса парламента, возставала еще англійская палата общинъ въ 1601 г. Первый парламентъ, созванный Іаковомъ I, считаетъ нужнымъ снова обратиться съ такимъ же протестомъ. Общины нападаютъ на сосредоточеніе торговыхъ оборотовъ въ рукахъ немногихъ компаній, по преимуществу составленныхъ изъ жителей Лондона. Парламентъ желалъ бы допущенія всѣхъ уроженцевъ королевства къ операціямъ, производимымъ

этими компаніями. Для того, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ значеніе этого протеста, приходится дать нѣсколько объясненій. Конецъ царствованія Елизаветы и правленіе Іакова—та эпоха, когда Англія становится торговой державой. Въ царствованіе Елизаветы, какъ мы видѣли, впервые было запрещено Ганзейской лигѣ имѣть свои постоянные склады въ Лондонѣ, такъ наз. Steelyard. Такимъ образомъ былъ поставленъ вопросъ о томъ, чтобы передать въ руки самихъ англичанъ производство торговыхъ оборотовъ англійскими продуктами. Съ этого времени открывается теченіе, которое завершается въ эпоху Кромвеля и англійской республики изданіемъ извѣстнаго Навигаціоннаго акта 1651. Въ немъ было провозглашено начало строгаго протекціонизма: торговля англійскими товарами отнынѣ можетъ производиться только на англійскихъ корабляхъ и при англійскомъ экипажѣ. Этотъ актъ продолжалъ держаться и послѣ паденія республики, и одной изъ мѣръ вернувшихся на престолъ Стюартовъ было изданіе новаго Навигаціоннаго акта, въ которомъ болѣе или менѣе повторено содержаніе прежняго. Слѣдовательно, о свободѣ торговли въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы ее понимаемъ теперь, въ XVII в. нѣтъ и рѣчи, а, между тѣмъ, очень часто парламентъ Іакова I высказывается въ пользу свободы торговли. Но говоря о ней, онъ понимаетъ ее совершенно иначе, чѣмъ мы, именно, какъ свободу торговли съ иноземными государствами и колоніями для всѣхъ англійскихъ гражданъ; онъ высказывается противъ монополизаціи торговли въ немногихъ рукахъ, но не за свободу торговли въ современномъ смыслѣ. Отстаивая допущеніе всѣхъ гражданъ къ извлеченію выгодъ отъ торговли съ иностранцами, парламентъ начала XVII в. считалъ возможнымъ ссылаться на исконныя вольности англичанъ, въ частности на Великую Хартію 1215 г., въ которой имѣется статья, запрещающая установленіе внутреннихъ заставъ и таможенъ и объявляющая, что англійскіе купцы могутъ безпрепятственно перевозить товары съ южныхъ границъ королевства до сѣверныхъ. Предложеніе отмѣнить торговыя монополіи было сдѣлано въ палатѣ общинъ; вѣдь въ этомъ всего болѣе заинтересованы были коммонеры, т. е. простое гражданство. Такъ какъ монополіи создаваемы были главнымъ образомъ въ интересахъ зажиточныхъ семей англійской аристократіи, то немудрено, что билль встрѣтилъ противодѣйствіе въ палатѣ лордовъ, въ которой этотъ классъ всего болѣе былъ представленъ. Въ результатѣ, билль не прошелъ въ ней, и монополіи продолжали держаться.

Что касается до субсидій, то подъ предлогомъ, что большая часть ранѣе дарованныхъ не поступила еще въ казну, палата въ 1604 г. воздерживается отъ вотированія новыхъ. Тогда король распускаетъ парламентъ. При этомъ онъ весьма опредѣленно высказываетъ свое отношеніе къ нему: „не стану — говоритъ онъ — благодарить васъ, господа, разъ къ этому не имѣется никакихъ основаній“. Послѣ этихъ откровенныхъ словъ сессія объявлена закрытой, и въ теченіе двухъ лѣтъ король дѣлаетъ попытку править страной единолично съ помощью Тайнаго совѣта.

Вторая сессія того же парламента открылась въ январѣ 1606 г. подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ только что разоблаченнаго заговора, цѣлью котораго было взорвать парламентъ порохомъ. Насколько дѣйствительно имѣлъ мѣсто такой заговоръ и насколько повинны были въ немъ католики, въ частности іезуиты, недовольные строгимъ исполненіемъ судьями направленныхъ противъ нихъ законовъ, сказать трудно. Но былъ ли заговоръ или онъ выдуманъ былъ самимъ правительствомъ,—несомнѣнно одно, что о пороховомъ заговорѣ противъ парламента идетъ рѣчь въ теченіе всего XVII стол. И когда общинамъ—одинаково въ эпоху монархіи или республики—надо найти благовидный предлогъ для мѣропріятій противъ католиковъ, онѣ постоянно ссылаются на пороховой заговоръ, имѣвшій якобы своей задачей взорвать парламентъ. „Пороховымъ заговоромъ“ объясняется и то, что парламентъ 1606 г. не ознаменовался тѣмъ острымъ столкновеніемъ между пра-

вительствомъ и общинами, какое имѣло мѣсто въ 1604 г. Въ теченіе двухъ лѣтъ король не собиралъ парламента, опасаясь, что возобновятся прежнія столкновенія; но пороховой заговоръ произвелъ на всѣхъ такое впечатлѣніе, что временно пріостановилась борьба парламента съ королемъ. Вмѣсто того начались препирательства между обѣими палатами—лордами и общинами—по слѣдующему поводу. Когда лорды не дали согласія на билль, отмѣнявшій право короля требовать содержанія для своего двора подъ предлогомъ продовольствія, то палата общинъ вторично внесла такой же билль въ той же сессіи. Лорды отклонили билль, но уже на томъ основаніи, что дважды въ теченіе сессіи палата не можетъ дѣлать одного и того же предложенія. Въ 1606 г., такимъ образомъ, впервые рѣшенъ тотъ вопросъ, который ни для кого уже не представляется спорнымъ въ наше время. И не только въ Англіи, но и во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ имѣются конституціонные порядки, мы встрѣчаемъ правило, гласящее, что въ теченіе одной и той же парламентской сессіи невозможно дважды дѣлать предложеніе по одному и тому же вопросу.

Послѣ роспуска второй сессіи парламента положено было начало столкновеніямъ короля и народнаго представительства постановкой вопроса о правѣ короля облагать привозимые изъ-за границы товары помимо парламента. Когда король не добился полученія отъ парламента той суммы, на которую разсчитывалъ, то для пополненія государственной казны ему пришлось избрать новую форму обложенія. И тогда вспомнили, что еще въ правленіе Ланкастерской династіи, а именно при Генрихѣ VI, для веденія столѣтней войны съ Франціей, король, помимо парламента, обратился къ обложенію высокими пошлинами заграничныхъ товаровъ, поступавшихъ въ Англію. Вспомнили объ этомъ прецедентѣ и рѣшились оживить его. Лондонскій купецъ Бетсъ отказался отъ платежа сравнительно небольшой пошлины, на него падавшей, такъ какъ на взиманіе ея не было парламентскаго согласія. Онъ разсчитывалъ, что англійскіе судьи въ своемъ приговорѣ примутъ его аргументацію и, такимъ образомъ, будетъ созданъ судебный прецедентъ, благодаря которому правительство откажется отъ дальнѣйшаго самовольнаго сбора пошлины. Дѣло было передано на разбирательство одного изъ трехъ судовъ Англіи, именно, суда казначейства. Но, какъ было указано, судъ, неожиданно для всѣхъ, согласился съ толкованіемъ правительства и постановилъ подвергнуть Бетса тюремному заключенію. Когда въ ноябрѣ 1606 г. собралась третья сессія парламента, она не сочла возможнымъ высказаться противъ такого рѣшенія. Но на четвертой сессіи, въ февралѣ 1610 г., парламентъ осудилъ поведеніе судей и объявилъ, что всякаго рода подати—будутъ ли то налоги косвенные или прямые, или пошлины съ иноземныхъ товаровъ—не могутъ быть взимаемы съ населенія иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго опроса парламента и полученія его согласія на такого рода налогъ.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ своего царствованія Іаковъ I имѣлъ въ Робертѣ Сесилѣ, сынѣ знаменитаго совѣтника Елизаветы, возведеннаго ею въ званіе лорда, умнаго руководителя, на вѣрность котораго онъ могъ вполнѣ разсчитывать и который не разъ удерживалъ его отъ слишкомъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ рѣшеній. Но, рядомъ съ парламентомъ, королю приходилось бороться и съ тайными заговорами. Первымъ по времени былъ заговоръ, устроенный лордомъ Кобгэмомъ и нѣкоторыми другими лордами и рыцарями (въ числѣ ихъ Вальтеромъ Роли), ненавидѣвшими Сесиля и желавшими удалить его отъ должности, а въ крайнемъ случаѣ смѣнить и короля, чтобы возвести на тронъ отдаленную его родственницу Арабеллу Стюартъ. Заговоръ встрѣтилъ поддержку всѣхъ недовольныхъ правительствомъ, поэтому одинаково—католиковъ и пуританъ. Насколько онъ былъ близокъ къ выполненію, доселѣ далеко не выяснено; нѣкоторые историки полагаютъ, что король и его министры одинаково были заинтересованы въ томъ, чтобы раздуть дѣ-

ло. Это позволило имъ избавиться отъ многихъ, кого они имѣли основаніе опасаться. Арабелла Стюартъ провела въ тюрьмѣ остатокъ своихъ дней. Вальтеръ Роли 12 лѣтъ просидѣлъ въ Тоуэрѣ, послѣ чего ему позволено было предпринять новое путешествіе въ Вестъ-Индію, такъ какъ онъ обѣщалъ королю добыть ему много золота изъ извѣстныхъ ему одному рудниковъ въ Гвіанѣ на берегахъ Ориноко; но испанское правительство приняло мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать осуществленію этихъ плановъ, и когда Роли вернулся въ Англію, его, помимо всякаго суда, казнили, возобновивъ противъ него старое преслѣдованіе за участіе въ заговорѣ Кобгэма. Такъ палъ этотъ замѣчательный человѣкъ жертвою злобы и преступнаго заискиванія англійскаго правительства передъ Испаніей, которой Іаковъ продолжалъ бояться всю свою жизнь и которую онъ стремился склонить на свою сторону неудавшимся проектомъ женитьбы сына на одной изъ сестеръ Филиппа IV.

Вторымъ заговоромъ былъ уже упомянутый „пороховой заговоръ“. Въ немъ приняли участіе католики съ Томасомъ Перси во главѣ; одинъ изъ заговорщиковъ счелъ долгомъ совѣсти предупредить своего родственника о томъ, что 5 ноября 1605 года парламентъ будетъ взорванъ порохомъ, и совѣтовалъ ему въ этотъ день не приходить на засѣданіе. Получившій это предостереженіе переслалъ его королю; ночью съ 4 на 5 полиція проникла въ погреба парламентскаго зданія, нашла въ немъ запасы пороха и одного изъ заговорщиковъ. Его подвергли пыткѣ, и онъ показалъ, разумѣется, все, что было угодно; послѣдствіемъ было привлеченіе Гарнета, главы іезуитовъ въ Англіи; онъ былъ повѣшенъ и послѣ смерти четвертованъ. Съ этого времени положеніе католиковъ стало еще несравненно болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде.

Когда въ 1612 году Сесиль скончался, король приблизилъ къ себѣ молодыхъ фаворитовъ, сперва собственнаго пажа, молодого шотландца по имени Робертъ Кэръ, возведеннаго имъ въ званіе лорда Рочестера. Пять лѣтъ спустя Кэра пришлось судить по обвиненію въ убійствѣ нѣкоего рыцаря Овербери, выдавшаго его связь съ женою графа Эссекскаго; дѣйствительнымъ виновникомъ отравленія Овербери былъ, однако, не Кэръ, а его супруга; оба подверглись заточенію, и ходилъ слухъ, что препятствіемъ къ ихъ казни была угроза заточенныхъ разгласить нѣкоторыя тайны короля, клонившіяся не къ его чести. Мѣсто Кэра занялъ другой временщикъ, Дж. Вилльерсъ, возведенный впослѣдствіи въ званіе графа Бекингемскаго. Онъ овладѣлъ не только довѣріемъ короля, но и наслѣдника престола. Ему принадлежитъ проектъ брака наслѣдника съ испанской принцессой; онъ надѣялся, что тогда Филиппъ IV поддержитъ мужа другой дочери Іакова, Фридриха, пфальцграфа Рейнскаго, который былъ лишенъ своихъ владѣній за попытку отобрать у императора Богемское королевство. Разсчетъ оказался ошибочнымъ; такъ какъ Фридрихъ считался главою протестантскихъ князей, то католической Испаніи, очевидно, не было основанія ссориться съ католическимъ императоромъ изъ-за интересовъ протестантскаго князя. Несмотря на то, что принцъ Карлъ самъ отправился въ Испанію въ сопровожденіи Бекингема съ цѣлью завоевать сердце своей невѣсты, бракъ его не состоялся, и въ слѣдующемъ году Карлъ былъ обрученъ съ сестрой французскаго короля Людовика XIII, Генріеттой Маріей. Это имѣло послѣдствіемъ вступленіе Англіи въ союзъ съ Франціей, что грозило въ недалекомъ будущемъ разрывомъ съ Испаніей. Такъ какъ испанскій бракъ былъ крайне непопуляренъ, то извѣстіе о томъ, что будущей королевой будетъ французская принцесса, встрѣчено было въ Англіи съ полнымъ сочувствіемъ.

Въ правленіе Іакова I мы встрѣчаемся въ англійскомъ обществѣ съ двумя рѣзко расходящимися теченіями, изъ которыхъ одно до нѣкоторой степени носитъ иноземный характеръ. Но если наше западничество вообще проникнуто либеральными началами, то англійское отличалось совершенно обратнымъ; и это можно сказать объ англійскомъ „западниче-

ствѣ“ не только той эпохи, про которую идетъ рѣчь, но и болѣе раннемъ. Еще въ средніе вѣка, въ XIII столѣтіи, у Брактона мы встрѣчаемъ отстаиваніе англійскаго начала господства закона противъ римскаго принципа: „quod principi placuit, legis habet vigorem“. Брактонъ рѣшительно отвергаетъ послѣднюю точку зрѣнія и доказываетъ, что надъ правительствомъ стоитъ законъ; поэтому воля правительства, какъ таковая, сама по себѣ, не можетъ считаться закономъ, и лично своей волей правительство закона отмѣнить не можетъ. Въ концѣ царствованія королевы Елизаветы складываются такія отношенія, которыя благопріятны упроченію единодержавія. Немудрено поэтому, что и въ теоріи политики, какъ и въ области преподованія ея въ старыхъ консервативныхъ университетахъ, оксфордскомъ и кэмбриджскомъ, сказывается также эта точка зрѣнія. У современниковъ Елизаветы, между прочимъ, у того Гаррисона, который оставилъ единственное въ своемъ родѣ описаніе Англіи эпохи Шекспира, уже встрѣчаются нападки на новое теченіе, сказывающееся въ сочувствіи неограниченной власти монарха. Англичане, по словамъ Гаррисона, не довольствуются болѣе вѣками накопленнымъ опытомъ и изученіемъ собственныхъ порядковъ прошлаго и настоящаго, а отправляются за политической мудростью въ Италію. Подобно тому, какъ у насъ жалуются на объевропеившихся россіянъ, Гаррисонъ обвиняетъ современниковъ въ томъ, что они объитальянились, называетъ ихъ italionates.

Какую же политическую мудрость отправлялись искать англичане въ Италіи, что они могли тамъ найти? Громадное значеніе имѣло для развитія итальянской политической мысли сочиненіе Макіавелли о „Князѣ“ и та литература апологетовъ и противниковъ, которая была имъ вызвана къ жизни. Неимовѣрно было впечатлѣніе, которое произведено было Макіавелли на своихъ соотечественниковъ прежде всего, а затѣмъ и на весь міръ. Іезуитъ Ботеро, выступившій, повидимому, съ цѣлью опровергнуть Макіавелли, подобно тому, какъ впослѣдствіи выступилъ противъ него и Фридрихъ II Прусскій съ своимъ „Антимакіавелли“, въ сущности развивалъ ту же самую точку зрѣнія: „спасеніе отечества есть высшій законъ“, съ которою, къ моему изумленію, приходится встрѣчаться и въ настоящее время въ рѣчахъ политическихъ дѣятелей въ Россіи. Если мы примемъ во вниманіе, что въ устахъ противника Макіавелли слышится идея, столь же мало согласная съ сохраненіемъ законности, то легко будетъ представить себѣ, какъ великъ былъ переворотъ, сказавшійся въ области политической мысли и вызванный торжествомъ того, что называли тираніей (т. е. единоначалія, неограниченнаго образа правленія), надъ республикой демократическаго типа (типа Флорентійской).

Разъ Италія сдѣлалась очагомъ распространенія въ обществѣ идей, довольно близкихъ къ тѣмъ, которыя проводились римскими юристами золотого вѣка, настаивавшими на всемогуществѣ императора, хотя и не отрицавшими, что этимъ всемогуществомъ императоръ обязанъ народу и изъ его рукъ онъ получилъ право считать всякое выраженіе своей воли закономъ,—то станетъ понятнымъ, что объитальянившіеся англичане переносили въ Англію ученіе о неограниченности верховной власти и необходимости сосредоточенія всѣхъ функцій суверенитета въ рукахъ одного человѣка—наслѣдственнаго правителя.

Еще въ царствованіе Елизаветы, когда впервые возникла мысль создать особую каѳедру политической науки въ оксфордскомъ университетѣ, сочли полезнымъ пригласить для чтенія лекцій (на латинскомъ языкѣ) не англичанина, а итальянца, получившаго воспитаніе въ болонскомъ университетѣ, въ школѣ, которая въ то время сосредоточилась на изученіи римскаго права, какъ источника свѣдѣній о желательныхъ отношеніяхъ не только въ сферѣ гражданской, но и политической. Этимъ итальянцемъ, былъ не кто иной, какъ Альберико Джентили, извѣстный тѣмъ, что своимъ сочиненіемъ „О правѣ войны“ онъ явился прямымъ предшественникомъ Гуго Гроція, авто-

ра трактата „О правѣ войны и мира“; Джентили поэтому еще въ большей степени, чѣмъ Гуго Гроцій, можетъ считаться творцомъ международнаго права, такъ какъ недавно напечатанное сочиненіе его „О правѣ войны“ заключаетъ въ себѣ уже всѣ элементы того ученія, творцомъ котораго признавался, можно сказать, до послѣднихъ двадцати лѣтъ Гроцій. Но сейчасъ для насъ важно то, что тотъ же Альберико Джентили выступилъ съ рядомъ политическихъ памфлетовъ, въ которыхъ доказывалъ, что нѣтъ лучшаго образа правленія, какъ единоличный, что только при немъ государство можетъ достигнуть единства суверенитета и что римскіе юристы, которые должны служить авторитетами для всѣхъ временъ и народовъ, уже рѣшили этотъ вопросъ въ смыслѣ преимущества единовластія надъ всякимъ другимъ образомъ правленія. Альберико Джентили, можно сказать, создалъ въ Англіи цѣлую школу государствовѣдовъ,—сторонниковъ неограниченнаго единовластія. Его ученикомъ и послѣдователемъ былъ англичанинъ по рожденію Кауэль (Cowell); ему поручено было начать преподаваніе государственной науки въ кембриджскомъ университетѣ. Кауэль въ началѣ царствованія Іакова I издалъ въ формѣ лексикона своего рода политическую энциклопедію, въ которой красною нитью проведено было ученіе о превосходствѣ единодержавія надъ тѣмъ, что мы называемъ конституціоннымъ строемъ.

Когда въ парламентѣ въ 1610 г. возникъ споръ о томъ, какой порядокъ политическихъ отношеній существуетъ въ Англіи: должно ли ее считать конституціонной монархіей или самодержавнымъ государствомъ, — рѣшеніе, которое дали этому вопросу Альберико Джентили и его ученикъ Кауэль, пріобрѣло особенно жгучій характеръ. Англійскій парламентъ не нашелъ возможнымъ обойти молчаніемъ выходъ въ свѣтъ лексикона по политическимъ наукамъ съ несомнѣнной тенденціей къ абсолютизму. Онъ заявилъ королю, что проводимая въ этомъ лексиконѣ доктрина не есть исконная для англійскаго народа, а новшество, которое, онъ, парламентъ, признаетъ нежелательнымъ и по отношенію къ которому проситъ короля высказаться открыто. Въ отвѣтъ на это заявленіе король, путемъ указа, изъялъ изъ обращенія книгу Кауэля и объявилъ въ самомъ текстѣ своей „прокламаціи“, что онъ, Іаковъ I,—король въ силу земскаго права Англіи и поэтому не можетъ издавать законовъ или требовать субсидій помимо участія и согласія трехъ сословій королевства.

Можно сказать, что этимъ былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, какой изъ двухъ порядковъ долженъ взять верхъ: тотъ ли, къ водворенію котораго въ Англіи стремилась династія Тюдоровъ, порядокъ единодержавія, или, наоборотъ, порядокъ управленія страной законами, въ изданіи которыхъ участвуетъ парламентъ, начало, обезпеченное въ Англіи еще въ концѣ XV столѣтія, въ эпоху королей изъ династіи Ланкастеровъ. Іаковъ I на заявленіе парламента отвѣтилъ, что должно взять верхъ исконное начало Англіи, по которому законъ стоитъ выше короля, а задачей закона является выраженіе требованій англійскаго общества, заявленныхъ народнымъ представительствомъ. Король еще считаетъ нужнымъ публично объявить свое неодобреніе тѣмъ, кто защищаетъ принципъ самодержавія. Но въ то же время Іаковъ настаиваетъ на своемъ правѣ издавать указы, идущіе далѣе закона, но только въ случаѣ крайней необходимости и когда парламента нѣтъ въ сборѣ; другими словами, англійскій король въ XVII в. дорожитъ проведеніемъ въ жизнь того самаго начала, которое выступаетъ въ 87 ст. нашихъ основныхъ законовъ. Но, въ противоположность нашему закону, англійскій король соглашается, что проводить это право изданія общеобязательныхъ нормъ, идущихъ далѣе закона, должно лишь послѣ совѣта и опроса тѣхъ людей, которымъ надлежитъ вѣдать законы страны,—а именно судей. Король, значитъ, далекъ отъ мысли поручить своимъ министрамъ осуществленіе законодательной власти.

Когда я говорилъ о парламентѣ 1604, 1606 и 1610 г.г., то я имѣлъ въ виду все одинъ и тотъ же парламентъ.

Короли изъ династіи Стюартовъ обыкновенно въ теченіе ряда лѣтъ не обращались къ новому опросу общественнаго мнѣнія, предпочитая править съ старымъ парламентомъ. Іаковъ I не собиралъ парламента въ теченіе сперва 3, затѣмъ 7 лѣтъ, или все созывалъ свой первый парламентъ. Если онъ, въ концѣ концовъ, и былъ распущенъ въ 1611 г., то не за истеченіемъ срока и не изъ-за несогласія въ вопросахъ политическихъ, а потому, что правительство не сошлось съ палатами ни по вопросу о размѣрѣ субсидій, ни по вопросу объ отношеніи правительства къ расколу. Іаковъ I оказался болѣе нетерпимымъ главою англиканской церкви, чѣмъ сторонникомъ неограниченнаго самовластія, и въ то же время менѣе уступчивымъ въ отношеніи къ размѣру денежныхъ субсидій, нежели по отношенію къ предѣламъ своей самодержавной власти. Требованіе правительствомъ громадной для того времени суммы въ 200.000 фунт. стерл. такъ поразило воображеніе современниковъ, что договоръ, которымъ долженъ былъ быть установленъ этотъ платежъ, получилъ названіе „великаго контракта“. Но и на его счетъ никакого соглашенія, въ концѣ концовъ, не состоялось, потому что король не пожелалъ, взамѣнъ полученія такой суммы, удовлетворить нѣкоторыя требованія. Эти требованія касались устройства не государства, а церкви. Общины Англіи, въ составъ которыхъ входили многіе представители раскола, настаивали на отмѣнѣ католическихъ, какъ имъ казалось, обрядовъ, вкравшихся въ англиканскую церковь, и на ограниченіи юрисдикціи церковнаго суда. Король, который стоялъ на стражѣ своего супрематства, или верховнаго руководительства церковью, въ гнѣвѣ распустилъ парламентъ, заявивъ открыто, что найдетъ и помимо него средства для покрытія нуждъ казны.

9-го февраля 1611 г. положенъ былъ такимъ образомъ конецъ первому парламенту Іакова, и правительство остановилось на мысли править страной безъ участія сословнаго представительства. Однако, попытки покрыть издержки государственнаго управленія путемъ производства насильственныхъ займовъ и тому подобными средствами не достигли цѣли, и правительство нашло себя вынужденнымъ снова обратиться къ парламенту. Въ число депутатовъ попадаютъ на этотъ разъ два лица, призванныхъ въ ближайшемъ будущемъ играть историческую роль—Джонъ Эліотъ и Томасъ Вентворсъ. Джонъ Эліотъ дѣлается главой оппозиціи, чтобы со временемъ стать первымъ мученикомъ за англійскую свободу. Вентворса ждала совершенно иная судьба. Одно время онъ шелъ рука объ руку съ Эліотомъ въ отстаиваніи парламентскихъ прерогативъ. Ему суждено было даже сыграть выдающуюся роль въ проведеніи одного изъ тѣхъ актовъ, которые составляютъ часть писанной конституціи Англіи — такъ называемой Петиціи правъ 1628 г. Послѣ смерти Эліота Вентворсъ сдѣлался, вмѣстѣ съ Кокомъ, вождемъ оппозиціи съ тѣмъ, чтобы въ эпоху единоличнаго правленія Карла перейти на сторону правительства и съ титуломъ лорда Страффорда пойти противъ парламента.

Распространившійся слухъ о томъ, что правительство намѣрено при выборахъ проводить собственныхъ кандидатовъ, — какъ это весьма часто бываетъ,—имѣлъ своимъ послѣдствіемъ избраніе въ 1614 г. двухъ третей прежней палаты, распущенной правительствомъ въ 1611 г. Не мудрено, если, вслѣдъ за открытіемъ парламента, общины, недовольныя тронною рѣчью, объявили, что не могутъ даровать правительству просимой имъ субсидіи, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ объ отмѣнѣ незаконныхъ поборовъ и не будутъ удовлетворены жалобы на церковное управленіе и на установленіе правительствомъ торговыхъ монополій. Тогда парламентъ послѣ двухмѣсячной сессіи, въ теченіе которой ни одинъ законопроектъ не получилъ королевскаго утвержденія, былъ распущенъ, и король рѣшилъ снова править страной единолично.

Этотъ періодъ личнаго правленія длился цѣлыхъ семь лѣтъ. Правительство прибѣгало снова къ насильственнымъ поборамъ, — одинаково съ частныхъ лицъ и корпорацій. Послѣ-

довали, разумѣется, протесты со стороны жителей отдѣльныхъ графствъ (въ Девонѣ и Соммерсетѣ). Чтобы вмѣшать судебную власть въ рѣшеніе вопроса о правительственныхъ поборахъ, Оливеръ Сентъ-Джонъ изъ Мальборо отказался уплатить ту сумму, которую требовали отъ него. Но судья на этотъ разъ не счелъ возможнымъ вдаться въ обсужденіе закономѣрности или незакономѣрности правительственнаго акта. Оливеръ былъ осужденъ и, по рѣшенію Звѣздной Палаты, посаженъ въ Тоуеръ, при чемъ обвиненіе противъ него ведено было извѣстнымъ Бэкономъ, на правахъ генеральнаго прокурора.

Когда въ 1621 году парламентъ былъ снова созванъ, руководящую роль въ немъ, какъ глава оппозиціи, принялъ на себя Кокъ, смѣщенный ранѣе по настоянію Бэкона. Кокомъ оживлена была практика призыва къ отвѣтственности королевскихъ совѣтниковъ. Въ числѣ другихъ, по обвиненію во взяточничествѣ, по настоянію Кока, преданъ былъ суду и Бэконъ Веруламскій. Онъ призналъ себя виновнымъ передъ палатою лордовъ и, осужденный ею, долженъ былъ покинуть свой постъ.

Въ числѣ конституціонныхъ вопросовъ, поднятыхъ на третьемъ парламентѣ Іакова, былъ вопросъ о природѣ парламентскихъ привилегій. Король настаивалъ на той мысли, что палаты не имѣютъ права ссылаться на эти привилегіи какъ на что-то, чѣмъ онѣ пользуются помимо королевской милости, что рѣчь можетъ итти о нихъ лишь какъ о чемъ-то, терпимомъ правительствомъ и вполнѣ зависящемъ отъ его усмотрѣнія. Такъ какъ въ промежутокъ между двумя парламентами задержаны были, по приказу короля, Кокъ и другой депутатъ Эдвинъ Сандисъ, на что парламентъ поспѣшилъ выразить недовольство, то король счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее заявленіе: „мы признаемъ себя вправѣ наказывать всякіе проступки, сдѣланные кѣмъ бы то ни было изъ засѣдающихъ въ парламентѣ, все равно во время ли сессіи, или послѣ ея прекращенія; и впредь мы не оставимъ безъ нашего преслѣдованія ни одного дерзновеннаго поступка по отношенію къ намъ, королю“. Правительство высказалось противъ исконной свободы преній и безотвѣтственности за пользованіе свободой слова во время парламентской сессіи. Оно утверждало также, что извѣстные вопросы не подлежатъ обсужденію парламента. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее. Парламентъ рѣшительно высказывался противъ проектируемаго брака принца Уэльскаго (наслѣдника престола) съ испанской принцессой, ссылаясь на то, что папа и испанскій король стремятся ко всемірному господству, всемірной монархіи, и, слѣдовательно, угрожаютъ независимости Англіи. Король призналъ такія разсужденія несогласными съ необходимостью хранить государственную тайну и превышающими, какъ онъ выразился, „способность пониманія палаты“. Своимъ рѣзкимъ заявленіемъ Іаковъ хотѣлъ сказать, что парламенту принадлежатъ однѣ законодательныя функціи, что онъ не потерпитъ вмѣшательства его ни во внѣшнюю политику, ни тѣмъ болѣе въ вопросы, такъ сказать, семейной политики. Парламентъ иначе понималъ свои права и обязанности: въ поведеніи короля онъ увидѣлъ попытку ограничить свободу слова, свободу, какъ онъ объявилъ, „признаваемую имъ своимъ несомнѣннымъ правомъ, драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, полученнымъ отъ предковъ“.

18 дек. 1621 г. въ протоколы палаты занесенъ былъ поэтому текстъ слѣдующаго протеста: „свободы, изъятія, привилегіи и особые виды подсудности, которыми надѣленъ парламентъ,— старинныя, несомнѣнныя и прирожденныя права англійскихъ подданныхъ, ихъ законное наслѣдіе. Дѣла, не терпящія отлагательства и касающіяся короля, государства, защиты королевства и церкви, созданія новыхъ и сохраненія старыхъ законовъ, устраненія злоупотребленій и причинъ недовольства, — подлежатъ обсужденію парламента. При такомъ обсужденіи каждый членъ палаты имѣетъ по праву свободу слова. Онъ имѣетъ ее и въ отношеніи къ предложеніямъ, имъ дѣлаемымъ, и по отношенію къ рѣшеніямъ, имъ принимаемымъ. Каждый членъ

парламента свободенъ отъ преслѣдованія, заточенія и другихъ репрессій за такое пользованіе словомъ, за исключеніемъ той цензуры, какую наложитъ на него сама Палата. Если же кто подвергнутъ будетъ судебному преслѣдованію, то о послѣднемъ должно быть доведено до свѣдѣнія короля общинами; король не долженъ полагаться въ отношеніи къ инкриминируемымъ дѣйствіямъ на свѣдѣнія, полученныя имъ изъ частнаго источника; онъ долженъ обращаться за всякими справками и свѣдѣніями касательно дѣйствій отдѣльныхъ членовъ парламента не къ кому иному, какъ къ самому парламенту, сносясь съ нимъ черезъ посредство канцлера". Въ отвѣтъ на этотъ рѣшительный шагъ парламента, король явился въ Палату и въ присутствіи членовъ своего Совѣта и судей королевства собственноручно вырвалъ изъ протоколовъ парламента тотъ листъ, на которомъ изложенъ былъ протестъ. Одновременно онъ подвергъ однихъ членовъ парламента— въ томъ числѣ извѣстнаго Кока— заточенію въ государственной тюрьмѣ, а другихъ, какъ Пима, домашнему аресту.

Четвертый и послѣдній парламентъ, созванный Іаковомъ I въ февр. 1624 г., ознаменованъ былъ открытіемъ преслѣдованія противъ графа Миддльсекскаго, исполнявшаго обязанности лорда-казначея, т. е. министра финансовъ. Поводомъ къ обвиненію противъ него было признано мздоимство,—тотъ же поводъ послужилъ ранѣе къ преслѣдованію Бэкона Веруламскаго. Обвиненіе поддержано было Кокомъ, а приговоръ лордовъ повелъ къ оставленію министромъ его должности. Такимъ образомъ въ царствованіе Іакова I парламентъ неоднократно осуществляетъ свои уже исконныя права призывать къ отвѣтственности королевскихъ совѣтниковъ,— но не за общее направленіе ихъ политики, а за дѣйствія, явно нарушающія законъ (въ обоихъ случаяхъ поводомъ было взяточничество). Оба раза обвиненіе представлено было палатою общинъ, а приговоръ постановленъ палатою лордовъ, и оба также раза ближайшимъ послѣдствіемъ было удаленіе отъ должности. Другимъ актомъ парламента 1624 года было заявленіе новаго протеста противъ созданія правительствомъ торговыхъ монополій (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онѣ устанавливались въ пользу изобрѣтателя). Парламентъ этого года также очень строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы, путемъ ли созданія новаго титула (въ родѣ баронета), или новыхъ торговыхъ компаній (подъ условіемъ значительнаго взноса со стороны лицъ, въ пользу которыхъ устанавливаются торговыя монополіи), у правительства не было возможности обойтись безъ парламента при составленіи бюджета.

1 окт. 1624 г. Іаковъ распустилъ свой послѣдній парламентъ, а въ мартѣ 1625 года, за его кончиною, на престолъ вступилъ его сынъ Карлъ I. Конфликтъ правительства съ парламентомъ, который тянется во все его царствованіе, былъ вызванъ не однимъ недовольствомъ тѣмъ захватомъ правъ, цѣлью котораго было упроченіе въ Англіи единоначалія. Источникъ столкновеній лежитъ также въ религіозныхъ несогласіяхъ. Карла I обвиняли въ скрытой приверженности къ католицизму, въ поощреніи въ Англіи того теченія въ англиканствѣ, которое всего менѣе порывало съ католичествомъ и сохраняло почти весь его ритуалъ— оно было извѣстно подъ наименованіемъ *арміанства*. У передовыхъ сектантовъ, которые не хотѣли признавать епископской власти и другого начальства, кромѣ выборныхъ священниковъ, арміанство смѣшивалось съ понятіемъ католицизма, и объ архіепископѣ Лодѣ, послѣдователѣ ученія арміанъ, говорили, что онъ посаженъ примасомъ англійской церкви для того, чтобы вернуть Англію къ католицизму. Долгое время этотъ слухъ находилъ себѣ выраженіе и у писателей по англійской исторіи. Можно сказать, что только со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго классическаго труда Гардинера объ Англіи XVII вѣка есть основаніе говорить, что ни Карлъ I, ни епископъ Лодъ не стремились вернуть Англію къ католицизму. Карлъ I умеръ въ лонѣ англиканской церкви, а епископъ Лодъ возведенъ былъ на эшафотъ, оставаясь вѣрнымъ сыномъ той же

церкви. Но у большинства парламентскихъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ передовымъ сектамъ, не имѣлось никакого сомнѣнія въ томъ, что между Карломъ I и французскимъ правительствомъ существуетъ тайное соглашеніе, что при заключеніи брака съ Генріеттой Маріей Карлъ I далъ обязательство приложить всѣ свои старанія къ тому, чтобы насильственно обратить Англію въ католичество, и что средствами къ тому служили и поддержка имъ арминіанства, и назначеніе архіепископомъ Лода, продавшаго, такъ сказать, свою душу папѣ и французскому правительству. Въ дѣйствительности, ничего этого не было,—было только желаніе Карла I, идя по стопамъ Іакова I, сохранить епископскую власть по политическимъ соображеніямъ. Подобно Іакову I, онъ видѣлъ въ монархическомъ устройствѣ епископальной церкви средство для поддержанія монархическаго принципа и въ дѣлахъ свѣтскихъ, и поэтому считалъ необходимымъ не уступать пуританизму въ требованіи замѣнить назначаемыхъ епископовъ выбираемыми пресвитерами. Карлъ I сдѣлалъ Лода въ 1627 г. тайнымъ совѣтникомъ и поручилъ ему одно время, за отъѣздомъ герцога Бекингема въ Рошель, исполненіе обязанностей премьера. Въ 1628 г. Лодъ сдѣланъ былъ епископомъ лондонскимъ, а въ 1633 г. примасомъ королевства, т. е. главой всей церковной іерархіи.

Другой причиной недовольства былъ, какъ уже сказано, бракъ Карла съ французской принцессой Генріеттой Маріей, заключенный имъ еще въ послѣдніе годы жизни Іакова I. Какъ заботливый родитель, Іаковъ стремился къ тому, чтобы устроить свою семью выгодно во всѣхъ отношеніяхъ—и политическомъ, и денежномъ. Сперва онъ имѣлъ въ виду принцессу испанскую,—что вызвало цѣлую бурю въ парламентѣ,—и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій ему удалось обезпечить своему сыну счастье быть супругомъ французской принцессы, родственницы Людовика XIII. Но и этотъ бракъ вскорѣ сталъ столь же непопуляренъ, какъ и не состоявшійся бракъ съ испанской принцессой. Ходили слухи, что онъ сопровождался принятіемъ англійскимъ правительствомъ тайнаго обязательства прекратить всякія преслѣдованія по отношенію къ католикамъ, и это обвиненіе продолжало тяготѣть надъ Карломъ во все всемя его правленія, тѣмъ болѣе, что королева постоянно настаивала на этомъ. Винить французскую принцессу за то, что она требовала прекращенія преслѣдованій ея единовѣрцевъ,—мудрено. Объективный историкъ въ настоящее время можетъ сказать, что и Карлъ, и Генріетта Марія были правы, настаивая на распространеніи на католиковъ принципа свободы вѣры. Но, если вспомнить, о какомъ времени идетъ рѣчь, какія кровавыя столкновенія происходили въ теченіе XVII вѣка между католиками и послѣдователями всякаго рода протестантскихъ толковъ, если вспомнить о драгонадахъ Людовика XIV по отношенію къ гугенотамъ, т. е. о насильственномъ помѣщеніи войскъ въ ихъ домахъ, съ цѣлью вызвать ихъ обращеніе, то станетъ понятнымъ, почему пресвитеріане въ Англіи, т. е. тѣ же гугеноты, были преисполнены такой крайней враждебности по отношенію къ католикамъ. Мы присутствуемъ въ Англіи при любопытнѣйшемъ явленіи: мы видимъ парламентъ, который сражается за свои вольности и за прирожденныя свободы англичанъ, дважды порываетъ съ правительсвомъ изъ-за его нежеланія признать эти вольности, и въ то же время борется съ нимъ и изъ-за того, что правительство хочетъ быть терпимымъ по отношенію къ части англійскихъ гражданъ и заботится о распространеніи свободы совѣсти на католиковъ. Парламентъ, отстаивающій народныя вольности, права человѣка и гражданина, въ то же время не хочетъ слышать объ этой терпимости, и дважды повторяется отказъ англійскаго парламента въ терпимости—при Карлѣ I и затѣмъ при Іаковѣ II.

Переходимъ затѣмъ къ новымъ столкновеніямъ между парламентомъ и королемъ и тѣмъ законодательнымъ актамъ, которые были вызваны этими конфликтами. Самымъ крупнымъ изъ этихъ актовъ является Петиція о правахъ. Необходимо выяснить, чѣмъ обу-

словлено было появленіе этого акта, который въ Англіи, при отсутствіи писанной конституціи, является однимъ изъ немногихъ документовъ, которые можно отнести къ основнымъ законамъ (къ этимъ актамъ, кромѣ „Великой Хартіи Вольностей“ и „Петиціи о правахъ“, принадлежатъ всего лишь „Билль о правахъ“ 1689 года, которымъ завершается вторая англійская революція, и, кромѣ того, изданный въ 1701 г. „актъ о престолонаслѣдіи“, которымъ были опредѣлены права и обязанности вновь призванной и доселѣ правящей Ганноверской династіи).

Въ іюнѣ 1625 г., несмотря на свирѣпствовавшую въ Лондонѣ чуму, Карлъ созвалъ свой первый парламентъ. Онъ обратился къ нему съ просьбой о субсидіи для продолженія войны съ Испаніей, начатой, какъ выразился онъ, съ вѣдома и желанія парламента. Въ палатѣ боялись уступокъ въ пользу католиковъ. Поэтому Пимъ и Сандисъ, руководители оппозиціи, представили петицію съ ходатайствомъ о немедленномъ выполненіи королемъ всѣхъ ранѣе изданныхъ законовъ противъ католиковъ и заявляли, что парламентъ не потерпитъ никакихъ отступленій и возстанетъ противъ всякихъ попытокъ смягченія участи католиковъ. Петиція эта поступила на разсмотрѣніе палаты лордовъ. При вотированіи субсидій палата общинъ отступила отъ установившагося еще при Генрихѣ VI обычая предоставлять королю на все время его царствованія право собирать съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ tonnage and poundage. Это право ограничено было ею годовымъ срокомъ. Парламентъ старался всячески связать правительство въ отношеніи полученія имъ денежныхъ средствъ. Онъ предпочелъ вотировать сборъ tonnage and poundage изъ года въ годъ, въ томъ разсчетѣ, что правительство будетъ обезпечено въ средствахъ только при условіи ежегоднаго созыва палатъ. Это настаиваніе на томъ, чтобы налоги, прежде утверждаемые на все время царствованія, вотировались изъ года въ годъ, вызвало недовольство правительства. Вспомнили о чумѣ и подъ предлогомъ ея распространенія распустили парламентъ. Однако тотъ же самый парламентъ былъ созванъ нѣсколько недѣль спустя, въ іюлѣ, въ Оксфордѣ. Пуритане, входившіе въ его составъ, рѣзко поставили въ вину правительству неисполненіе уголовныхъ законовъ противъ католиковъ и недовольство премьеромъ, главой министерства, герцогомъ Бекингемомъ, руководившимъ военными дѣйствіями и не пожелавшимъ представить парламенту своего плана ближайшей кампаніи. Это недовольство въ устахъ одного изъ депутатовъ приняло форму открытаго выраженія недовѣрія правительству.

Это, можетъ быть, первый случай въ исторіи, когда депутатъ палаты счелъ возможнымъ предложить такой вотумъ недовѣрія. „Неблагоразумно,— сказалъ депутатъ Филипсъ,—поручать заботу о безопасности государства людямъ, таланты которыхъ не отвѣчаютъ важности занимаемаго ими поста“. Въ этихъ словахъ рѣчь идетъ уже не о выраженіи недовольства тѣмъ или другимъ министромъ за то, что въ его поведеніи имѣется явное нарушеніе закона, превышеніе власти или преступное нерадѣніе, а высказывается недовольство общимъ ходомъ политики. Герцогъ Бекингемъ былъ человѣкомъ несомнѣнно преданнымъ своему королю, исполнявшимъ добросовѣстно возложенную на него службу, но онъ несомнѣнно былъ также плохимъ военачальникомъ, и какъ таковой, онъ поставленъ былъ въ необходимость отступить отъ крѣпости Рошель, которая поддерживала интересы протестантовъ противъ осаждавшихъ ее католическихъ войскъ.— Въ первый разъ въ 1625 г. депутатъ англійскаго парламента позволяетъ себѣ пригласить своихъ товарищей выразить недовѣріе министру — не потому, что онъ преступникъ, что нарушилъ конституцію или превысилъ свою власть, а просто потому, что онъ бездаренъ и доказалъ это своимъ управленіемъ. Очевидно, что предложеніе Филипса было новшествомъ, и понятно, что правительство не сразу пошло на признаніе за парламентомъ права критиковать администрацію и требовать удаленія отъ

власти того или другого лица, которое король призвалъ къ управленію государствомъ. Чтобы предупредить возможность открытаго обвиненія своего министра, Карлъ I предпочелъ распустить парламентъ. Можно сказать, что роспускъ перваго парламента былъ вызванъ попыткой палаты общинъ впервые обратиться къ неиспытанному еще средству, путемъ вотума недовѣрія добиться измѣненія въ самомъ направленіи политики.

Неуспѣшный исходъ военной экспедиціи и ростъ государственныхъ долговъ заставилъ короля снова созвать парламентъ, а нежеланіе встрѣтиться съ отдѣльными вождями оппозиціи въ будущемъ парламентѣ побудило правительство прибѣгнуть, по совѣту того же Бекингема, къ очень оригинальному средству. Чтобы избавиться отъ противниковъ министерства, ихъ назначили, не спросясь, шерифами, или губернаторами графствъ. А такъ какъ нельзя соединять въ своихъ рукахъ и административныя функціи и функціи законодательныя, быть одновременно губернаторомъ и народнымъ представителемъ, то оппозиціонеры лишились возможности пройти въ составъ избирателей и попасть въ палату. Филипса, виновника вотума недовѣрія, чтобы не имѣть въ палатѣ, сдѣлали губернаторомъ. Въ тотъ же списокъ новыхъ шерифовъ попалъ Кокъ и будущій лордъ Страффордъ, въ это время еще дѣйствовавшій заодно съ оппозиціей. Вновь созванный парламентъ считалъ тѣмъ не менѣе среди своихъ членовъ очень выдающихся лидеровъ оппозиціи,—въ томъ числѣ Джона Эліота. Признавая главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдала Англія, великаго лорда (какъ значится въ заявленіи, сдѣланномъ парламентомъ), т. е. герцога Бекингема, Джонъ Эліотъ рѣшается вновь обратиться къ практикѣ обвиненія министра въ судебномъ порядкѣ,—практикѣ, которая болѣе или менѣе прекратилась въ царствованіе Тюдоровъ и была возрождена лишь при Іаковѣ I. Когда стало извѣстно, что Джонъ Эліотъ близокъ къ тому, чтобы склонить палату къ представленію обвинительнаго акта противъ министра, Карлъ счелъ возможнымъ явиться въ палату и заявить во всеуслышаніе слѣдующее: „я не допущу обсужденія дѣйствій моихъ слугъ и обязанностей тѣхъ, которые занимаютъ выдающіеся посты и близки мнѣ, т. е. вполнѣ располагаютъ моимъ довѣріемъ“. Въ отвѣтъ на новые и рѣзкіе нападки Джона Эліота на министра. Карлъ призвалъ членовъ палаты общинъ во дворецъ и сказалъ имъ: „помните, что парламенты всецѣло зависятъ отъ меня въ отношеніи къ ихъ созыву и къ ихъ роспуску. Смотря по тому, нахожу ли я хорошими или дурными плоды ихъ дѣятельности, я могу или продолжить ихъ существованіе, или положить ему насильственный конецъ“. Другими словами, правительство ищетъ въ угрозѣ роспускомъ средство къ тому, чтобы направлять дѣятельность народныхъ представителей въ желательномъ для него смыслѣ и удерживать ихъ отъ такихъ шаговъ, которые правительству непріятны. Несмотря на эту угрозу, Бекингемъ все же былъ преданъ суду палатою общинъ; Эліотъ произнесъ по этому случаю блестящую рѣчь, въ которой все обвиненіе противъ министра было подведено подъ двѣ рубрики: неспособность и продажность. Въ этихъ двухъ обвиненіяхъ одно первое являлось новшествомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началось преслѣдованіе министровъ палатой, считалось признаннымъ, что ихъ можно предать суду лордовъ только за нарушеніе законовъ страны, выразившееся или въ превышеніи власти или въ преступномъ ея нерадѣніи. Филипсъ впервые выставилъ противъ министра новое обвиненіе въ „неспособности“; Джонъ Эліотъ, считая, что это можетъ быть основаніемъ недостаточнымъ, присоединилъ къ нему еще новое, недоказанное и, въ концѣ концовъ, совершенно несправедливое, обвиненіе въ продажности. Въ своей рѣчи противъ министра Эліотъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что министръ не можетъ защищаться ссылкой на то, что его дѣйствія были предписаны ему государемъ. Карлъ поспѣшилъ прекратить ходъ процесса заявленіемъ, что все, что сдѣлано Бекингемомъ, сдѣлано

было имъ по его приказу. Одновременно, чтобы положить конецъ дальнѣйшему противодѣйствію палаты, онъ обратился къ совершенно произвольному, недопустимому конституціей акту. Онъ предписалъ схватить Джона Эліота и посадить его въ государственную тюрьму, несмотря на то, что уже признано было правило, что никто не отвѣтственъ за сказанное имъ въ стѣнахъ парламента иначе, какъ передъ спикеромъ палаты общинъ, т. е. не подчиняется другой цензурѣ, кромѣ внутренней, осуществляемой предсѣдателемъ. Палата общинъ отказалась послѣ этого продолжать свои занятія, пока ей не возвращенъ будетъ взятый насильственно изъ ея среды депутатъ. Карлъ долженъ былъ подчиниться этому требованію. Онъ выпустилъ Джона Эліота изъ тюрьмы, и послѣдній снова занялъ свое мѣсто на скамьяхъ палаты общинъ. Въ палатѣ лордовъ возникло новое основаніе къ преслѣдованію ненавистнаго министра. Лордъ Бристоль, посолъ въ Испаніи, былъ отставленъ отъ своего поста, благодаря интригамъ Бекингема. Какъ лордъ, онъ долженъ былъ наравнѣ съ другими пэрами быть приглашенъ къ участію въ палатѣ лордовъ, но Бекингемъ, ожидая разоблаченій, устроилъ такъ, что никакого приглашенія явиться въ палату лордъ Бристоль не получилъ. Не соглашаясь на такое ограниченіе своихъ политическихъ правъ, бывшій посолъ внесъ въ палату лордовъ жалобу на нарушеніе его привилегіи. Палата признала жалобу основательной, указавъ на то, что ни одинъ пэръ королевства не былъ до тѣхъ поръ лишаемъ права быть приглашеннымъ на ея засѣданія въ виду либерализма его убѣжденій. Карлъ I долженъ былъ согласиться съ этимъ и послалъ Бристолю призывное письмо; но въ то же время онъ въ бумагѣ, скрѣпленной не большой, а малой государственной печатью, увѣдомилъ Бристоля, что, явившись въ палату, онъ вызоветъ тѣмъ недовольство своего государя. Лордъ Бристоль, остановившись на той мысли, что актъ за большой государственной печатью имѣетъ бо́льшую силу, чѣмъ актъ, скрѣпленный печатью малой, по полученіи призыва явился въ палату и поспѣшилъ предъявить ей письмо, полученное имъ отъ лорда хранителя печати, съ запретомъ исполнять свои обязанности пэра королевства. Правительство отвѣтило на этотъ шагъ Бристоля обвиненіемъ его въ государственной измѣнѣ передъ той же палатой лордовъ, за то, что онъ раскрылъ секретныя дѣйствія правительства. Но Бристоль на это отвѣтилъ, въ свою очередь, обвиненіемъ герцога Бекингема—главы правительства; а палата постановила разсмотрѣть рядомъ эти оба обвиненія: обвиненіе министерствомъ лорда Бристоля въ государственной измѣнѣ и обвиненіе лордомъ Бристолемъ главы министерства въ такой же измѣнѣ. Такимъ образомъ противъ герцога Бекингема возбуждаются два преслѣдованія: палатой общинъ—за неспособность и мздоимство, и палатой лордовъ—за превышеніе власти.

Въ отвѣтъ на просьбу о денежныхъ средствахъ, направленную къ нимъ правительствомъ, палаты представили письменный протестъ, или ремонстрацію, въ которой отказываютъ правительству въ правѣ взимать сборы съ товаровъ, tonnage and poundage, безъ согласія общинъ, возобновляемаго изъ года въ годъ; въ то же время онѣ потребовали отставки Бекингема. Требованіе мотивировано было слѣдующимъ образомъ: „пока этотъ сановникъ не будетъ устраненъ отъ дѣлъ государства, мы, вѣрныя общины Англіи, не разсчитываемъ ни на какой добрый исходъ возникшаго столкновенія“. „Мы,—продолжаютъ общины,—опасаемся, что сколько бы денегъ ни дано было правительству, наша денежная помощь, благодаря дурному употребленію, которое будетъ сдѣлано изъ ввѣренныхъ нами суммъ, пойдетъ только во вредъ нашему государству“. Карлъ отвѣтилъ на этотъ протестъ обычнымъ средствомъ, т. е. распустилъ парламентъ; одновременно онъ далъ приказъ о сожженіи всѣхъ экземпляровъ только что обнародованной ремонстраціи. Такъ кончился второй парламентъ Карла, собранный въ февралѣ 1626 г.

Не довольствуясь новымъ и произвольнымъ сборомъ, такъ наз. tonnage and poundage, правительство при-

бѣгло послѣ роспуска парламента еще къ требованію такъ называемыхъ добровольныхъ приношеній отъ графствъ черезъ посредство мировыхъ судей. Отъ графствъ ждали уплаты тѣхъ самыхъ субсидій, которыхъ общины не успѣли вотировать. Разсчетъ правительства и на этотъ разъ оказался ошибочнымъ. Повсюду на собраніяхъ раздавались крики: „Парламентъ, Парламентъ, безъ него ни шиллинга субсидіи!“ Другими словами, на требованіе платить произвольные налоги слѣдовало напоминаніе, что налоговое обложеніе—дѣло парламента, что пока не будетъ созванъ парламентъ, который дастъ свое согласіе на сборъ субсидій, до тѣхъ поръ ни однимъ изъ графствъ не будетъ уплочено ни одного шиллинга. Первымъ поднялъ тревогу Вестминстеръ, въ которомъ обыкновенно собирался парламентъ; его примѣру послѣдовали другіе города Англіи. Тогда, видя, что этимъ путемъ нельзя получить нужныхъ ему средствъ, правительство обратилось опять къ обычному произвольному пріему: оно предписало производить такъ называемые loans, т. е. насильственные займы съ города Лондона, какъ наиболѣе богатаго, съ обѣщаніемъ, что деньги вернутъ. Это обѣщаніе обыкновенно оставалось безъ исполненія, и поэтому, несмотря на требованія и настойчивыя напоминанія, городъ не спѣшилъ съ уплатой временнаго займа. То, что было сдѣлано съ Лондономъ, сдѣлано было и съ другими городами. Верховный судья Англіи Крю показалъ примѣръ гражданскаго мужества: онъ отказался уплатить возложенную на него сумму и лишенъ былъ за такой отказъ занимаемаго имъ поста; на его мѣсто, вопреки принципу несмѣняемости судей, назначенъ былъ королевскій любимецъ Гайдъ, сыгравшій впослѣдствіи выдающуюся роль подъ именемъ лорда Кларендона.

Уполномоченные Совѣтомъ комиссары въ январѣ 1627 г. стали разъѣзжать по графствамъ Англіи для обложенія земельныхъ собственниковъ насильственнымъ сборомъ, подъ флагомъ ихъ добровольныхъ приношеній. Въ числѣ не пожелавшихъ платить этого сбора мы находимъ имена Гемпдена, Джона Эліота и Вентворса, будущаго лорда Страффорда, который такимъ образомъ и въ это время еще оставался въ рядахъ оппозиціи. Правительство отвѣтило на отказъ въ платежѣ арестомъ. Задержанные обратились въ судъ королевской скамьи съ требованіемъ о выдачѣ имъ приказа объ освобожденіи, Writ of habeas-corpus, — при чемъ они сослались на текстъ Великой Хартіи Вольностей, т. е. указали, что такъ какъ приказъ о задержаніи исходилъ отъ административной власти, а законнымъ приказъ о задержаніи можетъ быть только, когда исходитъ отъ власти судебной, то они, свободно рожденные англичане, обращаются въ судъ съ требованіемъ выпустить ихъ изъ произвольнаго заточенія.

Въ виду того, что всѣ принятыя мѣры къ пополненію казны не дали ожидаемыхъ доходовъ, Карлъ I въ 1628 году прибѣгъ къ обложенію графствъ „корабельными деньгами“. Сборъ корабельныхъ денегъ былъ извѣстенъ Англіи въ 1008 г. Какъ исключительная мѣра, онъ оправдывался набѣгомъ пиратовъ, по преимуществу изъ Даніи. Къ платежу призваны были графства, расположенныя по берегу моря. Упоминаніе о сборѣ корабельныхъ денегъ встрѣчается также по временамъ въ эпоху Плантагенетовъ. Королева Елизавета, очень изобрѣтательная на средства къ пополненію государственной казны, вспомнила, что въ 1008 г. собраны были деньги съ приморскихъ графствъ для снаряженія флота помимо согласія парламента, и ея правительство потребовало поэтому отъ приморскихъ же графствъ снаряженія судовъ; эти суда участвовали съ прочимъ флотомъ во взятіи Кадикса. Этотъ примѣръ навелъ на мысль совѣтниковъ Карла I оживить старую практику; но они рѣшились подвергнуть сбору и внутреннія графства. Такимъ образомъ, благодаря расширенію понятія „корабельныхъ денегъ“, создана была новая форма обложенія, имѣвшая ту цѣну въ глазахъ правительства, что она не зависѣла отъ согласія или несогласія парламента. Но требованіе корабельныхъ денегъ сразу вызвало рѣшительный отпоръ, и король, на первыхъ но-

рахъ изумленный единогласіемъ оппозиціи, рѣшился взять приказъ обратно. Послѣдовавшая затѣмъ неудача герцога Бекингема подъ Рошелью, въ которой заперлись гугеноты, и невозможность за безденежьемъ продолжить войну съ Франціей, побудили короля разослать новыя призывныя письма въ парламентъ. 76 человѣкъ, заключенныхъ въ тюрьму за нежеланіе платить принудительные займы, были выпущены на свободу, и изъ нихъ 27 выбраны въ депутаты вновь созваннаго парламента. Въ числѣ ихъ мы находимъ и лорда Вентворса.

Парламентъ открытъ былъ 17 марта 1628 г. рѣчью, въ которой король требовалъ немедленнаго назначенія субсидіи, грозя въ противномъ случаѣ обратиться къ тѣмъ средствамъ, которыя, какъ онъ выразился, „самъ Богъ далъ ему въ руки, дабы онъ могъ спасти то, что безуміе нѣкоторыхъ частныхъ лицъ ввергло въ величайшую опасность“. Но ранѣе произнесенія этой рѣчи, на частномъ собраніи у сэра Роберта Коттона члены парламента постановили не давать субсидій ранѣе, какъ послѣ того, когда имъ удастся отстоять права подданныхъ, такъ грубо нарушенныя правительствомъ, и положить конецъ дурному управленію королевствомъ, вызванному неумѣлостью и нечестностью Бекингема. Согласно этому постановленію, юристы Кокъ и Сельденъ выступили съ рѣчами противъ произвольныхъ арестовъ и внесли билль, которымъ запрещалось впредь держать кого-либо въ предварительномъ заключеніи въ административномъ порядкѣ долѣе трехъ мѣсяцевъ и требовалась замѣна ареста залогомъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ со времени задержанія. Можно сказать, это было началомъ того движенія, которое завершилось только въ царствованіе Карла II изданіемъ знаменитаго акта „Habeas Corpus“. Палата вотировала соотвѣтственныя резолюціи. Одну—противъ того, чтобы арестъ свободнаго человѣка производимъ былъ безъ указанія причинъ къ нему. Другая резолюція гласитъ, что каждый арестованный имѣетъ право требовать, чтобы ему позволено было представить заявленіе о необходимости отпущенія его на свободу подъ залогъ,—заявленіе, совершенно однохарактерное съ тѣмъ, которое будетъ допущено въ 1679 г. актомъ Habeas Corpus.

Очень сильное впечатлѣніе произвела въ парламентѣ рѣчь Томаса Вентворса, сказанная по случаю обсужденія этихъ резолюцій. Въ этой рѣчи намѣчены были отдѣльныя положенія, вошедшія въ составъ выработанной парламентомъ Петиціи правъ. Въ числѣ злоупотребленій, противъ которыхъ протестовалъ Вентворсъ, мы находимъ произвольные займы, незаконныя заточенія, принужденіе нести службу за предѣлами государства, насильственное квартированіе войска безъ согласія хозяевъ помѣщенія. По предложенію Кока и несмотря на заявленіе короля, что онъ готовъ дать свое царское слово въ соблюденіи постановленій Великой Хартіи о неприкосновенности личности и собственности гражданъ, но не считаетъ нужнымъ внесеніе новаго напоминанія объ этомъ въ формѣ петиціи о правахъ, парламентъ нашелъ необходимымъ составить петицію; въ нее были внесены всѣ упомянутыя заявленія. Въ *Петиціи о правахъ* правительству ставится на видъ цѣлый рядъ произведенныхъ имъ нарушеній тѣхъ конституціонныхъ основъ, которыя выработаны были медленнымъ ходомъ исторіи. Напоминая королю объ обѣщаніяхъ, заключающихся еще въ статутѣ Эдуарда I „De tallagio non concedendo“ отъ 1297 г. и въ постановленіи парламента отъ 25-го года правленія Эдуарда III, осуждавшемъ произвольные займы, палата общинъ и палата лордовъ настаиваютъ на признаніи за англичанами впредь исконнаго права не платить никакихъ налоговъ, никакихъ прямыхъ податей или феодальныхъ пособій, иначе какъ по постановленію парламента. Петиція о правахъ возстаетъ также противъ дальнѣшаго заточенія, по распоряженію Тайнаго совѣта короля, тѣхъ, кто отказывалъ королю въ ссудѣ требуемыхъ казною денегъ, кто отказывался вносить benevolences, осужденныя еще въ царствованіе Ричарда III. Ссылаясь на Великую Хартію Вольностей, парламентъ

протестуетъ противъ произвольныхъ задержаній, конфискаціи имуществъ, объявленія людей стоящими внѣ закона и изгнанія ихъ изъ предѣловъ государства. Онъ напоминаетъ королю о томъ, что всѣ такія наказанія могутъ быть налагаемы только судомъ лицъ равныхъ обвиняемому и по законамъ страны. Дѣлая это напоминаніе, парламентъ, конечно, только повторяетъ буквально текстъ той статьи Великой Хартіи Вольностей, которая объявляла, что „никто не можетъ быть задержанъ, объявленъ стоящимъ внѣ закона и т. д.—иначе, какъ въ силу законно состоявшагося приговора равныхъ ему лицъ (то-есть присяжныхъ засѣдателей) и по законамъ страны". Парламентъ жалуется также на то, что солдаты и матросы разселены по квартирамъ англійскихъ гражданъ, вопреки законамъ и обычаямъ страны, освобождающимъ отъ такого принудительнаго постоя. Парламентъ возстаетъ также противъ установленія чрезвычайныхъ военныхъ судовъ, самое существованіе которыхъ не согласно съ обѣщаніями Вел. Хартіи и другихъ статутовъ королевства, такъ какъ ими право карать смертью и членовредительствомъ признано было только за обыкновенными судами, дѣйствующими при участіи присяжныхъ и по законамъ страны. Палаты ждутъ отъ короля отмѣны всѣхъ указанныхъ злоупотребленій.

Только что изложеннный актъ не прибавляетъ ни одной новой вольности къ прежнимъ и, какъ нельзя лучше, показываетъ тѣсную связь между парламентской борьбой съ королевскимъ абсолютизмомъ въ XVII в. и защитой тѣхъ свободъ, какія были обезпечены англичанамъ еще въ среднія вѣка. Король, послѣ попытки противодѣйствія, далъ согласіе на Петицію правъ, а затѣмъ распустилъ парламентъ. Вскорѣ послѣ этого роспуска, справедливо или несправедливо приписаннаго вліянію герцога Бекингема, послѣдній былъ убитъ Фельтономъ въ Портсмутѣ, благодаря чему дѣятельное руководительство дѣлами страны перешло въ руки самого короля.

Новая сессія третьяго парламента открылась 20 января 1629 г. Она ознаменована спором о томъ, принадлежитъ ли коронѣ право взиманія таможенныхъ пошлинъ. Юристы придумали такого рода теорію: таможенные сборы взимаются не съ подданныхъ государства, а съ иноземныхъ товаровъ, по отношенію же къ иностранцамъ король не принялъ на себя никакихъ обязательствъ, и парламентъ даже не требовалъ отъ него принятія какихъ-либо обязательствъ; поэтому правило, что англичане не обязаны платить другихъ налоговъ, кромѣ тѣхъ, на которые будетъ дано согласіе представителей, ими свободно выбранныхъ, нисколько не касается таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ иностранныхъ товаровъ и будто бы падающихъ не на потребителя,—какъ въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто,—а на производителя—иностранца, ввозящаго товаръ въ Англію. Этотъ вопросъ былъ весьма существенъ для будущихъ судебъ страны. Если бы было признано право короля взимать таможенныя пошлины, то въ формѣ увеличенія таможенныхъ сборовъ правительство создало бы для себя тотъ фондъ, который избавилъ бы его отъ необходимости созывать парламентъ. Въ концѣ концовъ, король согласился подчинить свое рѣшеніе и въ этомъ вопросѣ волѣ парламента. Разрывъ совершился не на почвѣ препирательства о финансовыхъ правахъ короны, а благодаря резолюціямъ, принятымъ парламентомъ противъ введенія церковныхъ обрядностей, которыя казались ему близкими къ католическимъ.

Я уже говорилъ, что въ причины конфликта между королемъ и парламентомъ надо, рядомъ съ конституціонными несогласіями, включить и несогласія по церковнымъ вопросамъ. Англія въ это время переживала второй періодъ реформаціи, при которомъ свободное чтеніе библіи привело къ болѣе радикальнымъ рѣшеніямъ, чѣмъ тѣ, какія были приняты вслѣдствіе столкновенія Генриха VIII съ папой.

Съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы, въ царствованіе Іакова I и Карла II идетъ ростъ раскола, начавшагося въ Шотландіи еще въ эпоху Маріи Стюартъ съ вопроса о замѣнѣ

епископальнаго устройства англиканской церкви съ ея цезарепапизмомъ такимъ, при которомъ не было бы другихъ руководителей, кромѣ избираемыхъ паствою священниковъ, или пресвитеровъ (откуда самое названіе „пресвитеріанской“ церкви). Ростъ раскола отразился и на преніяхъ въ стѣнахъ парламента, такъ какъ большая часть депутатовъ принадлежала къ дѣятельнымъ приверженцамъ пресвитеріанства. Чтобы помѣшать принятію парламентомъ резолюцій, которыя бы шли прямо противъ дальнѣйшаго существованія въ Англіи епископальной церкви, Карлъ предпочелъ отсрочить засѣданіе парламента на нѣсколько дней. Когда Джонъ Эліотъ рѣшился помѣшать роспуску парламента и поднялся для произнесенія рѣчи, то спикеръ Финчъ пригрозилъ ему, что оставитъ засѣданіе, если только Эліотъ посмѣетъ, вопреки его запрету, начать рѣчь. Но угроза не подѣйствовала, и когда спикеръ сдѣлалъ попытку покинуть засѣданіе, то два депутата насильственно удержали его на предсѣдательскомъ креслѣ: онъ долженъ былъ выслушать текстъ двухъ резолюцій, предложенныхъ Эліотомъ. Въ одной объявлялся врагомъ отечества всякій, кто сдѣлаетъ попытку ввести папизмъ, т. е. католическую вѣру. Мы знаемъ, что члены парламента въ это время придерживались упорно ходившихъ слуховъ, что Карлъ I продалъ свою душу и интересы англиканской церкви французскому королю, что при заключеніи брака съ Генріеттой Маріей онъ обязался ввести въ Англіи католицизмъ: оживленіе культа образовъ, употребленіе восковыхъ свѣчей въ церквахъ и т. д. относимо было на счетъ его желанія ввести католичество. Отсюда понятны страхъ парламента и его резолюціи, отсюда насильственныя дѣйствія по отношенію къ спикеру.

Въ другой резолюціи парламентъ направляетъ ту же угрозу противъ тѣхъ, кто порекомендуетъ взиманіе сборовъ съ экспорта и импорта, tonnage and poundage, безъ его участія, или согласится платить такой произвольный налогъ. Ясно, что пока правительство сохранитъ возможность пополнять государственную казну съ помощью такихъ поборовъ, не прошедшихъ черезъ парламентъ, оно будетъ имѣть возможность не созывать его. При вотированіи этихъ резолюцій обошлись безъ спикера, послѣ чего парламентъ отсрочилъ свое засѣданіе. Послѣдствія этой бурной сессіи можно было предугадать. Карлъ распорядился задержать Джона Эліота и восемь другихъ членовъ парламента. Эліоту не суждено было болѣе выйти изъ Тоуера. Когда начался его процессъ, онъ отказался повторить передъ судомъ что-либо изъ того, что происходило въ стѣнахъ парламента, объявивъ, что суду объ этомъ знать не надлежитъ, такъ какъ парламентъ самъ есть высшее судебное мѣсто, которому судъ подчиненъ.—„А кто меня судитъ?“ сказалъ онъ: „кромѣ парламента, никто не можетъ судить за дѣйствія, совершенныя въ его стѣнахъ, или слова, произнесенныя въ немъ“. Эліотъ отказался подчиниться требованіямъ суда и поэтому препровожденъ былъ снова въ государственную тюрьму. Судъ призналъ его вмѣстѣ съ товарищами виновнымъ въ заговорѣ, состоящемъ въ томъ, чтобы съ помощью распространенія ложныхъ слуховъ скомпрометтировать короля и правительство. Джонъ Эліотъ умеръ въ Тоуерѣ 27 ноября 1632 года, не дождавшись конца процесса.

Съ роспускомъ парламента началось одиннадцатилѣтнее единоличное управленіе Карла I. Ближайшимъ совѣтникомъ правительства въ это время сталъ тотъ самый Вентворсъ, которому принадлежитъ первая мысль о Петиціи правъ и опредѣленіе самаго ея содержанія. 22 іюня 1628 г. онъ былъ сдѣланъ пэромъ королевства. Когда въ томъ же году, въ августѣ, кинжалъ Фельтона положилъ конецъ жизни Бекингема, для Страффорда открылась возможность блестящей государственной карьеры. Назначенный сперва президентомъ Совѣта Сѣвера, который обязанъ былъ выработать мѣры защиты сѣверной границы на случай нападенія шотландцевъ, онъ сдѣланъ былъ затѣмъ лордомъ-депутатомъ Ирландіи, т. е. вице-королемъ ея. Въ перепискѣ съ Лодомъ, который въ 1633 г. сталъ главою церковной іерархіи,

Вентворсъ не скрывалъ, что онъ доволенъ тѣмъ, что король становится абсолютнымъ правителемъ, и привѣтствовалъ рѣшеніе судей, признавшихъ въ 1637 г. легальнымъ взиманіе корабельныхъ денегъ помимо согласія парламента. „Это постановленіе,—пишетъ онъ,—дѣлаетъ короля столь же неограниченнымъ внутри государства, какъ и могущественнымъ внѣ его предѣловъ".

Въ мою задачу не можетъ войти даже бѣглый обзоръ событій, слѣдовавшихъ въ теченіе 11-лѣтняго перерыва парламентской дѣятельности. Тѣ, кто заинтересуются имъ, могутъ найти объ этомъ цѣлый томъ въ сочиненіи Гардинера. Я укажу только, въ общихъ чертахъ, что событія въ Шотландіи,—торжество въ ней пуританизма (пресвитеріанской церкви) и заключеніе такъ называемаго „ковенанта" въ мартѣ 1638 г., которымъ положенъ былъ конецъ дальнѣйшему существованію англиканства, какъ государственной церкви,—заставляютъ Карла остановиться на мысли о войнѣ съ Шотландіей. Недостатокъ средствъ для ея веденія побуждаетъ совѣтниковъ короля и, прежде всего Вентворса, сдѣланнаго въ 1640 г. графомъ Страффордомъ и первымъ министромъ, посовѣтовать королю новый созывъ парламента. Общины медлили съ вотированіемъ субсидій, заявляя: „пока права наши и всего королества не будутъ окончательно выяснены и упрочены, мы, общины Англіи, не знаемъ, имѣемъ ли право давать правительству деньги или не имѣемъ". Тогда король обратился съ тѣмъ же требованіемъ къ верхней палатѣ. Лорды пошли на предложеніе короля и заявили о готовности ранѣе всѣхъ другихъ вопросовъ обсудить вопросъ о выдачѣ правительству необходимыхъ средствъ для покрытія его издержекъ. Въ такомъ постановленіи общины увидѣли нарушеніе ихъ привилегіи, согласно которой иниціатива всѣхъ денежныхъ биллей должна исходить отъ нихъ. Такимъ образомъ, уже въ это время признается непреложнымъ то правило, которое принято теперь не только въ Англіи, но и въ Америкѣ, вошло въ бельгійскую конституцію и болѣе или менѣе признается трюизмомъ всюду, гдѣ существуетъ парламентъ и парламентскій строй,—а именно, что нижняя палата принимаетъ тѣ или другія рѣшенія по отношенію къ бюджету, верхняя же, не представляющая собою массы плательщиковъ, можетъ только принять или отвергнуть тѣ рѣшенія, какія вынесла нижняя палата по вопросу о бюджетѣ; дѣлать же измѣненія въ бюджетѣ, составленномъ нижней палатой, она не можетъ.

Можно было ждать очень выгоднаго для правительства столкновенія верхней и нижней палаты; но правительство испортило свое положеніе, предъявивъ слишкомъ большія денежныя требованія. Чрезмѣрность ихъ скоро объединила обѣ палаты въ готовности отказать королю въ субсидіяхъ. Карлъ, увидѣвъ, что не въ состояніи ни поссорить палаты по вопросу о привилегіяхъ, ни добиться—отъ лордовъ или общинъ—тѣхъ субсидій, въ которыхъ нуждался, распустилъ въ гнѣвѣ парламентъ. Война съ Шотландіей и рѣшительный отказъ Лондона дать денегъ на нее, хотя бы въ формѣ займа (Лондонъ примкнулъ къ оппозиціонному движенію, сталъ поддерживать парламентъ и не хотѣлъ мѣшать ему воспользоваться безденежьемъ казны, чтобы настоять на своемъ), вынудили короля прибѣгнуть къ новому созыву парламента. Это былъ знаменитый *Долгій Парламентъ*. Руководителемъ оппозиціи въ палатѣ общинъ выступилъ Пимъ. Его считаютъ представителемъ той нынѣ восторжествовавшей системы, при которой рѣшающій голосъ въ дѣлахъ страны принадлежитъ нижней палатѣ, какъ народной по своему составу. Средствами къ проведенію этой политики въ жизнь Пимъ признавалъ, во-первыхъ, удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ всѣхъ, кто за послѣднія 11 лѣтъ настаивалъ на управленіи страною „королемъ въ совѣтѣ", т. е. помимо парламента; Пимъ требовалъ также наказанія ихъ, устраненія недавнихъ злоупотребленій, ими введенныхъ, и сокращенія функцій Тайнаго совѣта короля. Въ то время какъ Страффордъ настаивалъ передъ Карломъ на томъ, чтобы арестовать

Пима и бросить его въ государственную тюрьму, Пимъ, своевременно увѣдомленный о томъ и принявшій мѣры къ своей безопасности, поспѣшилъ предупредить Страффорда и выдвинулъ противъ него обвиненіе передъ палатою лордовъ. Не имѣя возможности собрать достаточныхъ доказательствъ противъ министра, обвиняемаго имъ въ желаніи переправить армію изъ Ирландіи въ Англію, съ цѣлью овладѣть столицей и распустить палаты, Пимъ, 10 апрѣля 1641 г., внесъ въ палату общинъ такъ наз. bill of attainder, т. е. законопроектъ, которымъ извѣстныя дѣйствія, дотолѣ не наказуемыя, признавались государственной измѣной. Указывая, что эти дѣйствія совершены лордомъ Страффордомъ, Пимъ требовалъ придать закону обратное дѣйствіе, т. е. осудить лорда Страффорда. Билль въ теченіе одного мѣсяца прошелъ въ палатѣ общинъ и затѣмъ былъ принятъ лордами, и, несмотря на чувство личной дружбы, связывавшей короля съ его ближайшимъ совѣтникомъ, лордомъ Страффордомъ, Пиму удалось добиться утвержденія билля королемъ и казни министра. 12 мая лордъ Страффордъ погибъ на эшафотѣ. Такой же исходъ имѣлъ впослѣдствіи bill of attainder противъ примаса королевства, Лода. Его обвинили,—совершенно неосновательно,—въ желаніи обратить Англію въ католичество. 10 янв. 1645 г. Лодъ былъ казненъ.

Парламентъ потребовалъ затѣмъ немедленнаго освобожденія всѣхъ лицъ, задержанныхъ по постановленію того отдѣленія Тайнаго совѣта, которое извѣстно было подъ именемъ „Звѣздной Палаты“ и опираясь на которое лордъ Страффордъ правилъ во весь 11-тилѣтній промежутокъ—между созывомъ парламента 1629 г. и новымъ парламентомъ 1640 г. Одновременно были приняты мѣры къ прекращенію всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій противъ лицъ, отказавшихся платить произвольные поборы. Въ текстѣ принятой декларації значится, что исконнымъ правиломъ было и остается слѣдующее: „никакія субсидіи, пошлины, налоги и сборы съ товаровъ, ввозимыхъ или вывозимыхъ, туземныхъ или иностранныхъ, не могутъ быть взимаемы безъ согласія парламента“. Такимъ образомъ Долгій Парламентъ окончательно рѣшилъ споръ о томъ, подходитъ ли подъ понятіе статута 1297 г. и его запрета взимать съ подданныхъ налоги, на которые не послѣдовало согласія парламента, и сборъ таможенныхъ пошлинъ. Долгій Парламентъ объявляетъ, что всякаго рода налоги, какъ прямые, такъ и косвенные, не могутъ быть взимаемы иначе, какъ съ согласія представительства. Этимъ самымъ былъ рѣшенъ существенный вопросъ конституціоннаго права: разъ у правительства отнята возможность полученія денегъ, помимо согласія парламента,—является необходимость постоянно обращаться къ нему за денежными средствами, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно правительство. Это постановленіе было принято королемъ Карломъ, и этимъ самымъ былъ рѣшенъ въ желательномъ для парламента смыслѣ спорный вопросъ объ участіи его въ косвенномъ обложеніи.

Ближайшимъ предметомъ заботъ Долгаго Парламента было обезпечить частый созывъ народнаго представительства и проведеніе такъ называемаго трехгодичнаго акта, т. е. акта, по которому, и безъ согласія короля, парламентъ, не собираемый въ теченіе трехъ лѣтъ, можетъ быть созванъ снова по иниціативѣ, во 1-хъ, 12-ти лордовъ, или пэровъ королевства, а, въ случаѣ ихъ нежеланія, по иниціативѣ высшихъ органовъ управленія въ провинціи—шерифовъ—и высшихъ избираемыхъ органовъ управленія въ городахъ—городскихъ головъ, или мэровъ. Это правило шло наперекоръ исконному началу, выраженному еще въ средніе вѣка, по которому король „начало и конецъ парламента“ (rex est initium et finis parlamenti). Это—буквальное выраженіе, употребленное въ своего рода наказѣ парламента, „Modus tenendi parlamentum“. Однимъ изъ первыхъ правилъ этого наказа считалось, что никто, помимо короля, не можетъ созывать парламента. Отнынѣ признано, что, если король не хочетъ созвать парламента, то 12 пэровъ королевства обязаны этимъ оза-

ботиться: они дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ подобно той 35-ти-членной комиссіи, которая создана была Великой Хартіей Вольностей 1215 г. и за которой признавалось право слѣдить за соблюденіемъ ея нормъ, а если онѣ нарушены будутъ королемъ, то принять и принудительныя мѣры къ тому, чтобы эти нормы примѣнялись. Наконецъ, парламентъ предвидитъ и тотъ случай, когда не найдется въ странѣ ни 12 пэровъ, готовыхъ созвать парламентъ, ни шерифовъ и мэровъ, желающихъ взять на себя иниціативу созыва: не достаетъ ихъ иниціативы, тогда сами избиратели приступаютъ къ выборамъ, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ если бы получили по графствамъ призывныя письма короля. Одновременно Долгій Парламентъ постановляетъ, что безъ собственнаго его согласія парламентъ не можетъ быть распущенъ ранѣе 50 дней со дня открытія его сессіи, такъ какъ опытъ еще до 1640 г. показалъ, что правительство, не добившись дарованія субсидій, немедленно приступаетъ къ роспуску. Дабы такая политика была невозможна въ будущемъ, парламентъ принимаетъ мѣры, чтобы всякая сессія продолжалась, по меньшей мѣрѣ, 50 дней, и только по истеченіи этого срока правительство можетъ распустить парламентъ.

Долгій Парламентъ отмѣнилъ затѣмъ верховную церковную комиссію и тотъ комитетъ Тайнаго совѣта короля, который извѣстенъ былъ подъ именемъ „Звѣздной Палаты“. Звѣздная Палата имѣла право судить всѣхъ тѣхъ, кто отказывалъ въ платежѣ налоговъ, не получившихъ согласія парламента. Долгій Парламентъ обращается затѣмъ къ представленію королю *Великой Ремонстраціи*—опять-таки одного изъ тѣхъ письменныхъ актовъ, на которые обыкновенно ссылаются теоретики англійской конституціи, такъ какъ, наравнѣ съ прецедентами суда и парламентскими соглашеніями, онъ является однимъ изъ источниковъ нынѣ дѣйствующей конституціи. Въ этой ремонстраціи, или протестѣ, перечисляются злоупотребленія, на которыя вправѣ жаловаться англичане. Требуется реформа церкви и созданіе отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства. Что касается до этого послѣдняго, то еще при обсужденіи текста Ремонстраціи отмѣчена была необходимость распространить отвѣтственность министровъ и на дѣйствія *нецѣлесообразныя*. „Могутъ быть случаи,—читаемъ мы въ рѣчи одного изъ депутатовъ Долгаго Парламента, — когда общины имѣютъ основаніе быть недовольными поведеніемъ того или другого изъ королевскихъ совѣтниковъ, и въ то же время у нихъ нѣтъ возможности внести противъ такого совѣтника обвиненія въ какомъ-нибудь опредѣленномъ преступленіи, превышеніи власти или преступн. нерадѣніи,—потому ли, что его нельзя установить съ юридической точностью, или потому, что его, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ на лицо. Такое дѣйствіе, которое само по себѣ не преступно, но несомнѣнно вредно государству, должно служить для парламента основаніемъ къ открытому преслѣдованію министра, не съ цѣлью подвергнуть его наказанію, а съ цѣлью заставить его покинуть свой постъ и уступить мѣсто новому министру“. Проведеніе этого начала въ Ремонстраціи 1644 г. означало ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что съ этого времени Англія сознательно стала переходить отъ конституціонной къ парламентарной монархіи.

Отмѣчу еще одинъ фактъ. Въ тѣ годы, которыми занимаемся мы въ настоящее время, впервые образуются двѣ партіи, которыя подъ новымъ въ Англіи названіемъ выступятъ впослѣдствіи въ эпоху реставраціи и затѣмъ подъ тѣмъ же названіемъ продолжатъ свое существованіе и по настоящій день. Это были на первыхъ порахъ, вопреки ходячему воззрѣнію, партіи не политическія, а церковныя. Одна изъ нихъ объединилась вокругъ Гайда, будущаго лорда Кларендона, и намѣрена была не отступать ни передъ какими пожертвованіями для того, чтобы сохранить въ странѣ епископальную, или англиканскую церковь. Мы видѣли, что со времени Іакова I правительство Стюартовъ высказалось открыто за сохраненіе епископальнаго устройства церкви, желательнаго для него по политическимъ соображеніямъ.

Карлъ I въ этомъ отношеніи вполнѣ унаслѣдовалъ взгляды отца, и Гайду легко было поэтому обратить епископальную партію въ партію королевскую,—въ партію друзей и защитниковъ монарха. Эта партія и сдѣлалась зерномъ такъ называемой партіи „кавалеровъ“, получившей свое названіе отъ того, что она опиралась на наемныхъ солдатъ, составлявшихъ дворцовую гвардію короля. Ихъ противники, которые желали одинаково переворота и въ церкви и въ государствѣ, въ смыслѣ замѣны епископальной церкви пресвитеріанской (или кальвинистской) и въ смыслѣ упроченія не только конституціоннаго, но и парламентарнаго строя, получили отъ кавалеровъ прозвище „круглоголовыхъ“, потому что окружавшая ихъ толпа состояла частью изъ цеховыхъ учениковъ Лондона, носившихъ волосы подъ гребенку, коротко остриженными кругомъ. Эти двѣ партіи, по происхожденію церковныя, сдѣлались политическими. Какъ извѣстно, въ эпоху реставраціи Стюартовъ, по вопросу о томъ, кому быть преемникомъ Карла II,—заподозрѣнному ли въ католицизмѣ брату Карла Іакову II, или популярному незаконному сыну Карла, герцогу Монмуту,—въ Англіи снова образовались двѣ партіи: воскресла легитимистская партія кавалеровъ, подъ новымъ прозвищемъ „тори“, и партія оппозиціи, подъ названіемъ „виги“.

Мы бѣгло коснемся тѣхъ военныхъ столкновеній, какія вызваны были отказомъ короля удовлетворить требованія, предъявленныя ему въ текстѣ Великой Ремонстраціи; онъ не пошелъ ни на передачу въ руки парламента выбора ближайшихъ совѣтниковъ, ни на новыя мѣры къ упраздненію католичества, ни на реформу англійской церкви въ духѣ пуританъ; да и въ парламентѣ это послѣднее требованіе прошло лишь большинствомъ 11-ти голосовъ. Попытка задержать 5 членовъ парламента, принадлежавшихъ къ числу вождей оппозиціи,—Пима (Pym), Гэмпдена (Hampden), Гольса (Holles), Газельрига (Hasilrige) и Строда (Strode),—сдѣланная королемъ въ январѣ 1642 г., окончилась полной неудачей. Узнавъ о ней заблаговременно, Пимъ и его товарищи покинули Лондонъ; ихъ не было въ засѣданіи, когда въ парламентъ вошелъ Карлъ съ тремя или четырьмя стами членовъ своей свиты въ полномъ вооруженіи. Спикеръ Ленталь отказался отвѣтить королю, гдѣ находятся подлежавшіе задержанію депутаты. „Я вижу, что птицы улетѣли“, сказалъ Карлъ и покинулъ палату, а затѣмъ и Лондонъ.

Съ этой минуты начались открытыя приготовленія обѣихъ сторонъ къ междоусобной войнѣ; король предпринялъ поѣздку во внутреннія графства и встрѣтилъ въ нихъ бо̀льшую поддержку, чѣмъ могъ ожидать. Сельскіе сквайры не желали разрыва ни съ монархіей, ни съ англиканской вѣрой, и поэтому готовы были постоять за короля. Въ иномъ положеніи оказались города, въ которыхъ масса населенія принадлежала къ пуританамъ; во главѣ городовъ стоялъ Лондонъ, и возможность полагаться на него объясняетъ въ значительной степени увѣренность, съ какой пуритане пошли на рискъ открытаго столкновенія съ хорошо дисциплинированными ополченіями кавалеровъ съихъ многочисленной и хорошо вооруженной конницей, во главѣ которой поставленъ былъ собственный племянникъ Карла, Рупертъ изъ Палатината. Чтобы добыть нужныя средства для войны, Карлъ отправилъ свою жену на континентъ; она увезла съ собой брилліанты короны, которые ей поручено было продать во Франціи или Голландіи чтобы на вырученныя деньги купить военные снаряды. Пуритане надѣялись заручиться поддержкой милиціи и съ этой цѣлью обратились къ королю съ предложеніемъ передать въ руки палатъ право ея созыва; король отгадалъ, что скрывается за этимъ предложеніемъ, и отвѣтилъ на него рѣшительнымъ отказомъ. Тогда парламентъ прямо обратился къ начальникамъ надъ милиціей въ отдѣльныхъ графствахъ,—къ лордамъ-лейтенантамъ, и поставилъ ихъ въ извѣстность, что отнынѣ они будутъ получать приказы отъ палатъ. Нечего и говорить, что такое постановленіе не получило королевскаго утвержденія; но оно тѣмъ не менѣе было исполнено и доставило парламенту не-

обходимую ему военную силу. Вскорѣ послѣ этого Карлъ пожелалъ вступить въ Гелль (Hull) и воспользоваться его запасами оружія и аммуниціи, но комендантъ отказалъ открыть ему ворота города, объявивъ, что ждетъ указаній отъ парламента. Когда вслѣдъ затѣмъ король послалъ лицамъ, заслуживавшимъ его довѣрія, приказъ вербовать людей въ его войско, парламентъ мобилизовалъ милицію, произвелъ новый наборъ, поручилъ начальствованіе надъ образовавшимся такимъ образомъ ополченіемъ офицерамъ по собственному выбору. Во главѣ войска поставленъ былъ графъ Эссексъ, отецъ котораго подвергся казни при Елизаветѣ.

22 августа 1642 г. король водрузилъ свое знамя въ Ноттингемѣ, а Эссексъ двинулъ свое войско изъ Лондона на сѣверъ. Междоусобная война началась. Она распадается на два періода съ небольшимъ перерывомъ всего въ нѣсколько мѣсяцевъ въ 1646 г.; вся первая ея половина разыгрывается въ самой Англіи. Въ теченіе 4 лѣтъ, отъ 1642 по 1646, происходитъ рядъ сраженій, въ которыхъ кавалерія, предводимая Рупертомъ, обыкновенно разсѣиваетъ плохо вооруженные и отличающіеся слабой выдержкой конные отряды народной милиціи. Въ погонѣ за ними всадники Руперта разлетаются по полю на большомъ разстояніи другъ отъ друга; этимъ обстоятельствомъ пользуется превосходящая ихъ численностью пѣхота „круглоголовыхъ“, почему за нею въ концѣ концовъ и остается побѣда. Такъ было уже въ первомъ сраженіи подъ Эджгиллемъ въ октябрѣ 1642 года,— такъ повторяется и въ послѣдующихъ. По замѣчанію современныхъ историковъ, война ведется гуманно обѣими сторонами, такъ какъ она нерѣдко происходитъ между сосѣдями и членами однихъ и тѣхъ же семей и родовъ; эта послѣдняя черта выступаетъ въ перепискѣ членовъ семьи Верни, которая считала въ своей средѣ и кавалеровъ, и круглоголовыхъ. Военныя столкновенія происходятъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ отрядами командуютъ пользующіеся вліяніемъ члены какъ высшаго, такъ и низшаго дворянства. Вся восточная половина Англіи съ преобладающимъ городскимъ населеніемъ держитъ сторону парламента, вся западная, сѣверная и герцогство Уэльское сражается подъ королевскими знаменами. Король нѣсколько разъ дѣлаетъ попытку подойти къ Лондону, но его постоянно отрѣзываетъ отъ него ополченіе парламента. Одно время въ западныхъ графствахъ королевское войско имѣетъ рѣшительный успѣхъ надъ парламентскимъ; но шансы противника вскорѣ измѣняются благодаря тому, что Оливеръ Кромвель, сознавая, что „ополченію“, набранному изъ отставныхъ солдатъ и служителей, мудрено обнаружить много храбрости и рѣшимости при встрѣчѣ съ джентльменами, сражающимися изъ чувства чести, задумалъ образовать армію, составленную изъ добровольцевъ, навербованныхъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ и южныхъ графствахъ и одѣть ихъ въ броню, откуда и самое названіе ихъ „желѣзнобокіе“ (ironsides). Во главѣ этого новаго войска поставленъ былъ лордъ Манчестеръ, а при немъ начальникомъ кавалеріи сдѣланъ былъ парламентомъ Кромвель. Въ 1643 г. шотландскій парламентъ связываетъ себя обязательствомъ придти на помощь англійскому подъ условіемъ, если послѣдній въ свою очередь поклянется сохранить въ Шотландіи пресвитеріанскую церковь (kirk) и реформировать англійскую согласно „Священному Слову Божію“; это означало переходъ Англіи къ пресвитеріанству. Желаніе шотландцевъ было исполнено, ковенантъ былъ принятъ (сент. 1643), и они перевели черезъ Твидъ (Tweed), рѣку отдѣляющую Шотландію отъ Англіи, отрядъ въ 10—15 тыс. человѣкъ въ помощь парламенту.

Король, въ свою очередь, не остановился передъ мыслью вызвать войска изъ Ирландіи, занятыя въ это время усмиреніемъ кельтическаго населенія острова; во главѣ этихъ войскъ поставленъ былъ маркизъ Ормондъ, только что заключившій перемиріе съ католической конфедераціей ирландцевъ. Жителямъ острова обѣщана была терпимость къ католикамъ, а они, въ свою очередь, обязались поставить королю отрядъ въ 2.000 че-

ловѣкъ. Эта готовность Карла дѣйствовать заодно съ людьми, еще недавно участвовавшими въ избіеніи англійскихъ поселенцевъ въ Ульстерѣ, принесла немало вреда „кавалерамъ“ и опредѣлила рѣшеніе шотландцевъ окончательно стать на сторону парламента. Сраженіе подъ Марстонъ Муромъ (2 іюля 1644), выигранное благодаря Кромвелю, имѣло послѣдствіемъ потерю королемъ всей сѣверной Англіи и выдвинуло Кромвеля на первый планъ между военачальниками парламентскаго войска. За нею послѣдовала, правда, крупная неудача, понесенная графомъ Эссекскимъ въ битвѣ подъ Лостуисиль (Lostwithiel). Она имѣла послѣдствіе, что какъ самъ Эссексъ, такъ и лордъ Манчестеръ, прямой начальникъ Кромвеля, добровольно покинули начальство надъ войсками,—послѣдній въ значительной мѣрѣ благодаря тѣмъ обвиненіямъ, которыя Кромвель направилъ противъ него, инсинуируя, что онъ сознательно затягиваетъ войну. Предводительство арміей перешло въ руки Томаса Фэрфакса. Сама армія подверглась полному преобразованію по образцу той организаціи, какая введена была Кромвелемъ въ соединенныхъ ополченіяхъ восточныхъ и южныхъ графствъ. Кромвель озаботился тѣмъ, чтобы во главѣ отрядовъ поставлены были, какъ онъ выражался, „люди съ вѣрой“, т. е. ревностные пуритане. Во все время продолженія военныхъ дѣйствій не прекращались переговоры съ Карломъ; парламентъ продолжалъ настаивать на прежнихъ своихъ требованіяхъ, а король отвѣчалъ на нихъ категорически: „я не желаю разстаться ни съ англиканской церковью, ни съ короной, ни съ моими друзьями, и вамъ нелегко будетъ отнять все это у меня“. Подъ вліяніемъ-ли такого отвѣта, или по другой причинѣ, но парламентъ въ зиму 1644—1645 г. рѣшилъ запугать короля и для этого принялъ bill of attainder противъ его ближайшаго совѣтника въ церковныхъ дѣлахъ, архіепископа кентерберійскаго Лода (Laud). Лодъ взошелъ на эшафотъ, заявляя о своей преданности англиканству и протестуя противъ обвиненій въ стремленіи обратить Англію въ католичество. Казнь Лода, разумѣется, еще болѣе обострила отношенія между воюющими сторонами, и на время всякимъ переговорамъ положенъ былъ конецъ.

Если сраженіе подъ Марстонъ-Муромъ лишило Карла сѣверныхъ графствъ, то битва подъ Нэсби (Naseby) въ іюнѣ 1645 г. (въ Норсгэмтонширѣ) отняла у него поддержку внутреннихъ графствъ. „Кавалеры“ подъ предводительствомъ Руперта и самъ Карлъ обнаружили чудеса храбрости, но на сторонѣ войска, предводимаго Фэрфаксомъ и Кромвелемъ, были нетолько энтузіазмъ, но и перевѣсъ силъ: Карлъ располагалъ всего 9 тысячами человѣкъ, парламентъ—13 тысячами. Покрытая броней конница Кромвеля на этотъ разъ успѣшно сразилась съ кавалеріей, предводимой Рупертомъ, а отъ инфантеріи Карла скоро не осталось и слѣда. Въ теченіе 8 мѣсяцевъ королю пришлось переѣзжать изъ графства въ графство въ сопровожденіи отряда въ 2—3 тысячи всадниковъ, но у него явилась новая надежда на близкую помощь со стороны маркиза Монтроза, одного изъ шотландскихъ пэровъ, разошедшихся съ пресвитеріанскимъ большинствомъ и поднявшихъ королевское знамя среди сѣверныхъ клановъ. Монтрозу удалось разбить и даже почти уничтожить весь родъ Кэмбеллей (Campbell), стоявшихъ за „covenant“, т. е. пресвитеріанскій переворотъ, овладѣть Глазго и большей частью Шотландіи. Карлъ рѣшилъ соединиться съ нимъ; но на его бѣду предводительствуемые Монтрозомъ кланы не пожелали двинуться далѣе на югъ, и самъ Монтрозъ, во главѣ небольшого ополченія, разбитъ былъ Лесли (Leslie), предводителемъ шотландскаго отряда, посланнаго въ помощь англійскому парламенту (сент. 1645). Карлу не оставалось иного исхода, какъ сдѣлать выборъ между врагами и сдаться одному изъ нихъ. Онъ отдалъ предпочтеніе шотландцамъ, а послѣдніе передали его въ руки англичанъ за 400.000 фунтовъ въ январѣ 1647 г.

Конецъ перваго вооруженнаго столкновенія парламента съ королемъ не ставилъ еще на очередь вопроса о

замѣнѣ монархіи республикой. Роялизмъ парламента, арміи и всего населенія сказывался въ это время еще наглядно и на каждомъ шагу. Парламентъ, въ которомъ пресвитеріане численно преобладали, озабоченъ былъ мыслью найти почву для соглашенія съ Карломъ. Желая прежде всего охранить интересы церкви отъ попытокъ возстановленія епископской власти, пресвитеріане въ своихъ предложеніяхъ королю настаивали преимущественно не на свѣтскихъ, а на церковныхъ реформахъ. Ихъ уступчивость доходила до того, что они отказывались даже отъ требованія связать короля присягою въ соблюденіи „ковенанта“. Они настаивали только на принятіи Карломъ обязательства сохранить пресвитеріанское устройство въ Англіи въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ и оставить въ рукахъ парламента завѣдываніе милиціей до истеченія десятилѣтняго срока. Дальнѣйшія соглашенія должны были рѣшить окончательно вопросъ о церковномъ устройствѣ королевства.

Что касается до войска, то въ лицѣ своихъ предводителей оно еще вполнѣ признавало въ Карлѣ главу государства. Во время проѣзда изъ Ньюкасля въ Голмби Фэрфаксъ, при встрѣчѣ съ королемъ, публично поцѣловалъ ему руку. Въ теченіе всего 1647 г. ни Кромвель, ни его ближайшій совѣтникъ Аэртонъ (Ireton) не теряли надежды возстановить Карла на престолѣ, подъ условіемъ дарованія имъ извѣстныхъ гарантій. Въ Лондонѣ ходили даже преувеличенные слухи о роялизмѣ войска. Въ письмахъ, приходившихъ изъ столицы въ началѣ мая, говорилось, что король получилъ отъ арміи петицію, съ предложеніемъ возстановить его на престолѣ, что въ рядахъ войска можно было насчитать до четырехъ тысячъ „кавалеровъ“ и что вся надежда на реставрацію возлагалась теперь на армію. О Кромвелѣ ходили слухи, что онъ обѣщалъ свою поддержку королю подъ условіемъ возведенія его въ графское достоинство и полученія Ордена Подвязки. Въ дѣйствительности ни одинъ изъ предводителей арміи не заявлялъ Карлу личныхъ требованій; король не разъ признавалъ этотъ фактъ, говоря, что одно уже это обстоятельство не позволяло ему смотрѣть на сдѣланное ему предложеніе, какъ на нѣчто серьезное и окончательное. Такъ мало понималъ онъ характеръ тѣхъ людей, которые приняли въ свои руки защиту никѣмъ не признанной еще свободы совѣсти и исконныхъ политическихъ вольностей англичанъ. И Кромвель, и его зять Аэртонъ желали соглашенія, но не изъ личныхъ видовъ, а въ надеждѣ упрочить въ Англіи конституціонный образъ правленія и религіозную терпимость. Эти начала нашли полное выраженіе въ текстѣ предложеній, которыя, въ редакціи Аэртона и послѣ утвержденія ихъ совѣтомъ арміи, вручены были Карлу въ іюлѣ 1647 г. Тогда какъ парламентъ настаивалъ на созданіи новой государственной церкви, предложенія арміи довольствовались отнятіемъ репрессивной власти у епископовъ, отмѣной всѣхъ законовъ, принуждавшихъ къ совершенію литургіи согласно офиціальному молитвеннику и запрещавшихъ всякіе религіозные митинги диссидентамъ. Епископальная церковь не упразднялась, и пресвитеріане не были призваны къ раздѣлу ея наслѣдства. Все, чего желали представленные въ арміи индепенденты, сводилось къ возможности каждому исповѣдывать вѣру и отправлять культъ согласно предписаніямъ своей совѣсти. Столь же умѣренными надо признать и тѣ политическія уступки, какихъ Аэртонъ требовалъ отъ короля. Онъ не только не настаивалъ на продолженіи существующаго парламента, но самъ высказывался за его распущеніе подъ условіемъ созыва каждые два года новаго. Но этотъ новый парламентъ въ большей степени, чѣмъ прежній, долженъ былъ отразить на себѣ нужды и желанія націи. Средствомъ къ тому являлось не пониженіе избирательнаго ценза, а болѣе равномѣрное распредѣленіе голосовъ между избирательными округами. Многолюдныя поселенія, не принадлежавшія къ числу городовъ, получившихъ отъ правительства корпоративное устройство и связанное съ нимъ право представительства, долж-

*

ны были отнынѣ посылать депутатовъ въ парламентъ. Наоборотъ, этого права лишались захудалые городки, эти прямые предшественники гнилыхъ мѣстечекъ XVIII вѣка. Вообще представительство селъ, въ которыхъ „кавалеры“ находили большинство своихъ приверженцевъ, должно было подвергнуться сокращенію въ пользу представительства городовъ, какъ болѣе благопріятныхъ парламенту. У короля отнималось право распущенія народнаго представительства ранѣе окончанія 120-дневной сессіи. Но и парламентъ, въ свою очередь, не долженъ былъ оставаться въ сборѣ долѣе 240 дней. Государственный совѣтъ, члены котораго назначались бы совмѣстно королемъ и парламентомъ срокомъ на семь лѣтъ, долженъ былъ сосредоточить въ своихъ рукахъ заботу о внѣшнихъ сношеніяхъ и надзоръ за милиціей. Назначеніе ея начальниковъ переходило въ руки парламента, но только на десять лѣтъ. Тому же парламенту поручалось назначеніе чиновниковъ королевства на тотъ же срокъ. По истеченіи его король пріобрѣталъ свободу выбора между тремя кандидатами, представленными парламентомъ. Проектъ Аэртона сохранялъ также палату лордовъ, но подъ условіемъ, чтобы всѣ пэры, назначенные королемъ за періодъ междоусобной войны, исключены были изъ ея состава. Судебная власть палаты лордовъ получала существенное ограниченіе въ требованіи, чтобы приговоры надъ коммонерами не подлежали исполненію иначе, какъ съ согласія общинъ. Предводители арміи не скрывали своей готовности, въ случаѣ принятія этихъ предложеній королемъ, пустить въ ходъ силу для принужденія къ тому же и парламента. Въ этомъ смыслѣ высказывался по крайней мѣрѣ Ренсборо, котораго мы увидимъ вскорѣ во главѣ крайней демократической партіи въ войскѣ. Аэртонъ прямо заявлялъ королю, что армія желаетъ быть посредникомъ между нимъ и парламентомъ.

Что касается, наконецъ, до народа, то онъ оставался вѣренъ своей вѣковой привязанности къ монархіи. Простолюдины продолжали прибѣгать по прежнему къ королю за исцѣленіемъ такъ называемаго „королевскаго недуга“ (king's evil — свинки). Около Лидса на разстояніи двухъ миль тянулась густая толпа людей, вышедшихъ къ королю навстрѣчу. Даже въ пуританскомъ графствѣ Норсгэмптонъ сотни дворянъ присоединились къ свитѣ короля; въ его честь раздавались звонъ колоколовъ и ружейная пальба. Всюду встрѣчали короля съ привѣтствіемъ: „да благословитъ Богъ Ваше Величество!“ Въ Лондонѣ,—этомъ центрѣ парламентскаго господства,—подмастерья и ученики сходились на митинги и составляли петиціи, требуя немедленнаго возстановленія Карла на престолѣ. Разореніе страны чрезмѣрными поборами, вызванными военными издержками, застой промышленности и сокращеніе торговаго обмѣна въ значительной степени объясняютъ причину, по которой всѣ классы общества сходились въ желаніи скорѣйшаго примиренія. Кое-гдѣ сказывался протестъ противъ дальнѣйшаго платежа налоговъ. Подобно тому, какъ Гемпденъ семь лѣтъ назадъ не желалъ внести въ казну корабельныхъ денегъ, такъ точно теперь въ самомъ Лондонѣ продавцы и потребители отказывали акцизнымъ чиновникамъ парламента въ платежѣ сборовъ съ мяса. 15 февраля такой отказъ, встрѣченный всеобщей поддержкой со стороны собравшейся на рынкѣ толпы, повелъ къ открытому мятежу. Бюро акцизовъ было сожжено, книги счетовъ разорваны и касса расхищена: только личнымъ убѣжденіямъ мэра и шерифовъ удалось положить конецъ безпорядкамъ. Всюду замѣтны были признаки обѣднѣнія. Плохіе урожаи 1646 и 1647 годовъ повысили цѣну квартера пшеницы съ тридцати шиллинговъ до 58 съ лишнимъ; въ той же пропорціи слѣдовало повышеніе цѣнъ на овесъ, гречиху и горохъ; мясо также вздорожало вдвое противъ прежняго. Заработная плата поднялась одновременно, но далеко не въ равной пропорціи, болѣе или менѣе задерживаемая въ своемъ ростѣ мировыми судьями, которымъ предоставлено было установленіе максимума ея. Въ 1647 и ближайшихъ годахъ она стоитъ еще на высотѣ 7 или 8 пенсовъ въ день и

достигаетъ 1 шиллинга 2 пенсовъ только въ 1651 г. Жаловались на своеимущественное положеніе и земельные собственники. Еще весною 1645 г. констатированъ былъ фактъ паденія ренты на 1/7 даже въ тѣхъ графствахъ, которыя всего менѣе пострадали отъ войны. Одинъ изъ собственниковъ въ Сеффолкѣ указывалъ на то, что четвертая часть его фермеровъ отказывается отъ дальнѣйшей аренды его земель, и что имѣніе даетъ ему не болѣе половины прежняго дохода. На сѣверѣ Англіи положеніе собственниковъ было еще хуже. Въ 1646 г. графъ Нортумберландскій вычислялъ понесенный имъ убытокъ отъ погромовъ и неплатежа ренты въ 42500 фунт. Въ Чеширѣ и Глостерѣ десятки помѣщиковъ не выручали и половины прежняго съ своихъ имѣній. Наряду съ частнымъ доходомъ падали и доходы казны. Таможенныя пошлины, въ 1635 г. доставившія казнѣ 328.000 фунт., въ 1643 г. дали выручку всего въ 165.000. Акцизы въ первые три года послѣ ихъ установленія, т. е. начиная съ 1647 г., доставляли среднимъ числомъ по 330,000 фунтовъ въ годъ; доходы съ прямыхъ налоговъ и доменовъ равнялись ежегодно приблизительно 450.000 фунтовъ. Всего этого не хватало даже на покрытіе издержекъ по флоту и арміи, далеко превышавшихъ ту цифру 680.000 фунт. стерл., какая приведена въ отчетѣ комитета счетоводства въ годъ, предшествующій созданію Кромвелемъ ополченія отъ соединенныхъ графствъ. Для покрытія этихъ новыхъ издержекъ потребовался новый сборъ въ 641.000 фунт. Сверхъ всего этого, имущества „кавалеровъ“ обложены были выкупами, такъ наз. compositions, что за восемь лѣтъ начиная съ 1643, обогащало казну среднимъ числомъ на 162.000 фунт. ежегодно. Таково было матеріальное положеніе Англіи въ эпоху окончанія первой войны парламента съ королемъ. Легко понять, что всѣ классы общества одинаково озабочены были скорѣйшимъ возстановленіемъ законнаго правительства, желая прежде всего уменьшенія податныхъ тягостей, а это возможно было только подъ условіемъ распущенія или по меньшей мѣрѣ сокращенія арміи. Но и тому и другому имѣлись непреодолимыя препятствія. Возстаніе ирландцевъ было въ полномъ разгарѣ, а жалованье солдатамъ не было выплачено за цѣлые мѣсяцы, и парламенту неоткуда было достать средствъ для расплаты. Отсюда источникъ первыхъ его столкновеній съ арміей, вскорѣ осложнившихся различіемъ въ пониманіи религіозныхъ и политическихъ задачъ времени. Большинство въ парламентѣ состояло изъ пресвитеріанъ; въ арміи же, наоборотъ, индепенденты, если не превышали, то уравновѣшивали собою число послѣдователей Кальвинова ученія. Значительное меньшинство „независимыхъ“ принадлежало къ тѣмъ передовымъ сектамъ, которыя, подъ именемъ баптистовъ, браунистовъ, шекеровъ, раціоналистовъ и т. д., не хотѣли мириться ни съ какой установленной государствомъ церковной организаціей и проповѣдовали одновременно начала народнаго самодержавія и всеобщаго равенства. Ихъ уже въ это время начинали обозначать терминомъ левеллеровъ („уравнителей“). Многіе изъ нихъ шли даже дальше простого уравненія гражданскихъ и политическихъ правъ и, не подымая еще вопроса о передѣлѣ земель и о сведеніи всѣхъ состояній къ одному уровню, высказывали желаніе, чтобы доходъ сильныхъ міра сего—аристократовъ—былъ ограниченъ закономъ. Герцоги, маркизы, графы не должны были имѣть болѣе 2.000 фунтовъ въ годъ.

Начало столкновеніямъ въ стѣнахъ парламента положено было еще въ февралѣ 1647 г. Пресвитеріанское большинство провело въ немъ предложеніе распустить пѣхотинцевъ или, по меньшей мѣрѣ, не держать ихъ болѣе въ Англіи, а направить въ Ирландію. Мѣсяцъ спустя палата лордовъ, дѣйствуя въ томъ же смыслѣ, отказываетъ въ своемъ согласіи законопроекту, предписывавшему дальнѣйшее производство сборовъ съ графствъ на платежъ арміи. 6 марта Общины опредѣляютъ наличный составъ ирландскаго войска въ 12.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ 8.500 пѣхотинцевъ и 3.500 конницы. Въ кадры парламентской арміи предположено включить всѣхъ офицеровъ и

солдатъ сформированнаго Кромвелемъ ополченія, за исключеніемъ 6.000 пѣхотинцевъ, подлежавшихъ роспуску. Всѣ военачальники, принадлежавшіе къ составу парламента, въ числѣ ихъ Кромвель, должны были оставить дальнѣйшее предводительство войскомъ. Исключеніе сдѣлано было для одного Фэрфакса. Отъ офицеровъ требовались официальное признаніе пресвитеріанскаго устройства церкви и присяга въ соблюденіи ковенанта. Это попутно дало возможность обѣимъ партіямъ опредѣлить число своихъ приверженцевъ. За предложеніе подано было 136 голосовъ, противъ 108. Большинство оказалось такимъ образомъ на сторонѣ пресвитеріанъ. Послѣдніе могли разсчитывать и на поддержку націи. Изъ Эссекса приходили петиціи, въ которыхъ говорилось о возможности „быть съѣденнымъ, закабаленнымъ и въ конецъ разореннымъ арміей, набранной для охраны англійскаго гражданства“. Кромвель въ письмѣ къ Фэрфаксу жаловался одновременно на то, что всюду раздаются враждебные голоса противъ войска. Лондонское сити, въ свою очередь, ходатайствовало о скорѣйшемъ распущеніи арміи. Так. образ., мѣры парламента не могли считаться непопулярными и вызывали понятное раздраженіе только въ тѣхъ, кто непосредственно задѣтъ былъ ими. Ледло передаетъ въ своихъ мемуарахъ, что Кромвель охотно говорилъ въ это время: „истинное несчастіе служить парламенту! Какъ бы ни былъ вѣренъ ему человѣкъ, достаточно способнаго къ резонерству болтуна (pragmatical fellow), чтобы запачкать васъ грязью, отъ которой никогда не отмыться“.

Никто, повидимому, не ждалъ открытой оппозиціи, и Кромвель, по словамъ Уокера, ручался за то, что армія мирно разойдется по домамъ, едва потребуютъ отъ нея этого именемъ парламента. Самъ будущій протекторъ благосклонно выслушивалъ въ это время предложеніе пфальцграфа рейнскаго, просившаго принять начальство надъ имъ самимъ сформированнымъ ополченіемъ и поспѣшить на помощь протестантамъ Германіи въ борьбѣ ихъ съ католическими войсками императора.

Положившись на обѣщаніе Кромвеля, парламентъ послалъ своихъ комиссаровъ въ армію для вербовки добровольцевъ, готовыхъ отправиться въ Ирландію. 21 марта 43 офицера, предводительствуемые Фэрфаксомъ, собрались въ церкви Сафронъ Уольдена для выслушанія предложеній парламента. Прежде чѣмъ изъявить свое согласіе на производство вербовки, они потребовали отъ комиссаровъ отвѣта на слѣдующіе четыре вопроса: Какія войска останутся на жалованьи въ Англіи? Кто будетъ начальствовать въ Ирландіи? Чѣмъ ручаются за правильный платежъ жалованья и провіантированіе войскъ въ предстоящемъ походѣ? Наконецъ, въ какой мѣрѣ будетъ уплачено задержанное у солдатъ жалованье и осуществлены обѣщанныя земельныя раздачи изъ доменовъ? Редакція вопросовъ принадлежала Аэртону. Солдаты, въ свою очередь, составили петицію, въ которой къ приведеннымъ уже требованіямъ присоединили новыя: свободу отъ набора для тѣхъ, кто добровольно поступилъ въ ряды парламентскаго войска, пенсіи для вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ, защита отъ частныхъ преслѣдованій за дѣйствія, совершенныя во время войны. При соблюденіи всѣхъ этихъ условій войско готово было разойтись по домамъ или перейти въ кадры ирландскаго ополченія. Кромвель не одобрялъ поведенія солдатъ, видя въ немъ попытку военной власти вмѣшаться въ дѣятельность гражданской. Парламентъ отказался принять ходатайство арміи. 330.000 фун. не было еще выплачено солдатамъ за прежнюю службу, и недостатокъ средствъ ставилъ парламентъ въ невозможность исполнить важнѣйшее требованіе арміи безъ новаго займа. Недовольство въ войскѣ скоро приняло рѣзкій характеръ. Въ средѣ офицеровъ возникъ комитетъ для собранія подписей подъ новымъ болѣе рѣшительнымъ протестомъ. Ходилъ слухъ, впослѣдствіи не подтвердившійся, что полковникъ Прайдъ добился скрѣпленія петиціи 1.100 солдатами, состоявшими подъ его начальствомъ, и что всѣ полки, за ис-

ключеніемъ одного (полка Скиппона), собираются въ Сафронъ Уольденѣ, чтобы оттуда пойти на парламентъ. Палата общинъ потребовала къ себѣ главнѣйшихъ вожаковъ движенія для дачи отчета въ ихъ поведеніи. Раздались голоса въ пользу объявленія петиціонеровъ измѣнниками родины, и 30 марта, по иниціативѣ Гольса, издана декларація, въ которой обѣ палаты заявляли о своемъ недовольствѣ ими и открыто высказывали одобреніе тѣмъ, кто не присоединился къ подписавшимъ. Дурное впечатлѣніе было еще усилено въ войскѣ извѣстіемъ, что предпринятый парламентомъ заемъ въ 200.000 фунт. долженъ былъ пойти всецѣло на оплату жалованья не наличному составу войска, а будущему ирландскому ополченію, и что одинъ изъ высшихъ постовъ въ арміи будетъ занятъ Скиппономъ, полкъ котораго, какъ мы видѣли, отнесся враждебно къ петиціи. Явившіеся на зовъ парламента офицеры съ такой горячностью отнеслись къ защитѣ интересовъ арміи, что парламентъ, получивъ отъ Прайда заявленіе о неосновательности ходившихъ на счетъ войска слуховъ, поспѣшилъ отпустить офицеровъ. Все тревожнѣе и тревожнѣе становилось настроеніе солдатъ. Приходившія изъ Лондона извѣстія, доказывая присутствіе въ самой столицѣ меньшинства, готоваго поддержать требованія войска, въ то же время говорили о рѣшительномъ озлобленіи противъ него какъ парламента, такъ и зажиточной буржуазіи. Фэрфаксъ старался въ письмѣ къ спикеру Ленталю оправдать петиціонеровъ, доказывая, что они имѣли въ виду только выяснить всѣ неудобства немедленнаго роспуска арміи. Но въ дѣйствительности войско гораздо глубже чувствовало обиду, нанесенную ему недовѣріемъ парламента. „Всѣ наши попытки обѣлить себя,—жаловались въ своихъ письмахъ офицеры,—не служатъ ни къ чему. Тѣ, кого мы считали лучшими друзьями, въ настоящее время сдѣлались нашими злѣйшими врагамя. Кто бы могъ допустить, что самое скромное, самое умѣренное ходатайство вызоветъ такую бурю! Ужъ не признать ли, что солдаты, завоевавшіе свободу для націи, себѣ самимъ обезпечили только рабство. Намъ должно принадлежать право подачи петицій въ такой же мѣрѣ, въ какой имѣетъ его парламентъ съ своей Петиціей Правъ. Доводить до свѣдѣнія своего начальника о злоупотребленіяхъ—есть вольность, въ которой не отказываетъ солдатамъ ни право естественное, ни право народовъ".

Парламентъ посылаетъ новыхъ комиссаровъ въ армію для дальнѣйшихъ переговоровъ о вербовкѣ солдатъ въ ирландское ополченіе. Пріемъ, оказанный имъ, описанъ въ отчетѣ, присланномъ изъ Сафронъ-Уольдена 15-го апр. 1647 г. Полковникъ Ламбертъ, вслѣдъ за рѣчью Фэрфакса, совѣтовавшаго офицерамъ принять предложеніе комиссаровъ и вступить въ ряды новаго ополченія, возбудилъ вопросъ о томъ, данъ ли парламентомъ и какой отвѣтъ на поставленные ему прежде четыре вопроса? Одинъ изъ комиссаровъ сослался на то, что требованія офицеровъ удовлетворены, что суды получили приказъ не принимать впредь до изданія новаго закона жалобъ на тѣхъ изъ членовъ войска, кто своими дѣйствіями во время войны нарушилъ интересы частныхъ лицъ, что Скиппонъ назначенъ для предводительства ирландскимъ ополченіемъ и т. д. Въ отвѣтъ послышался дружный возгласъ: „назначьте Фэрфакса и Кромвеля, и мы всѣ пойдемъ!" Комиссары поспѣшили распустить собравшихся. Офицеры, въ свою очередь, выбрали отъ себя уполномоченныхъ, которые должны были потребовать отъ парламента отвѣта на поставленные ему раньше вопросы и заявить, что передача въ руки прежнихъ начальниковъ главенства надъ ирландской арміей не мало будетъ содѣйствовать быстротѣ вербовки. Тщетно комиссары стараются привлечь добровольцевъ щедрыми обѣщаніями; офицеры и солдаты дружно стоятъ за то, чтобы вербовка началась не раньше, какъ по выполненіи поставленныхъ парламенту требованій; когда подполковникъ Кэмпсонъ со своимъ отрядомъ объявилъ себя готовымъ воевать въ Ирландіи, его прямой начальникъ Робертъ Лильборнъ приказалъ ему немедленно вернуться

вмѣстѣ со своими солдатами на прежнюю стоянку въ Сеффолькѣ, мѣшая тѣмъ самымъ выполненію принятаго имъ обязательства. Всѣ настаиваютъ на необходимости возобновить петицію, заявляя, что готовы отъ каждаго полка назначить двухъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ, уже въ серединѣ апрѣля возникъ проектъ устроить своего рода представительное собраніе отъ арміи для болѣе точнаго опредѣленія тѣхъ условій, на которыхъ офицеры и солдаты согласились бы разойтись по домамъ или принять службу въ Ирландіи. Въ столицѣ число приверженцевъ арміи быстро стало возрастать, особенно съ момента обнародованія Джономъ Лильборномъ горячо написаннаго памфлета, озаглавленнаго „Вновь открытый стратегическій пріемъ“. Въ немъ высказывался рѣзкій протестъ противъ пресвитеріанскихъ священниковъ, совѣтовавшихъ прихожанамъ ходатайствовать о роспускѣ арміи. Письма изъ Лондона отъ конца апрѣля говорятъ о сильномъ возбужденіи умовъ въ средѣ индепендентовъ, обозначаемыхъ именемъ „божьихъ людей“. И во внутреннихъ графствахъ замѣтно было то же броженіе. Въ Норфолькѣ и Сеффолькѣ солдаты выражались о членахъ парламента, какъ о новыхъ тиранахъ; сочиненія Лильборна цитировались охотно и „пользовались такимъ же авторитетомъ, какъ сводъ законовъ“, пишетъ анонимный корреспондентъ отъ 20 апрѣля. Въ стоявшихъ въ Кембриджширѣ войскахъ слышались рѣчи о необходимости пойти за королемъ въ Голмби. Карлъ I говорилъ одновременно о полученіи имъ петиціи изъ рядовъ войска съ предложеніемъ искать въ немъ пріюта. „Мы не желаемъ новой войны!—былъ его отвѣтъ,—и безъ того пролито слишкомъ много крови“, Парламентъ упорствовалъ въ своемъ нежеланіи выслушать не только петицію, но и представленныя ему офицерами оправданія. Войску не оставалось другого выхода, какъ обратиться съ ходатайствомъ къ собственнымъ начальникамъ: Фэрфаксу, Кромвелю и Скиппону. Восемь кавалерійскихъ полковъ выбрали каждый по два депутата, получившихъ сперва названіе комиссаровъ, а позднѣе агитаторовъ. Слухи обо всѣхъ этихъ событіяхъ доходили до Лондона въ извращенномъ видѣ, вызывая въ членахъ парламента сильное ожесточеніе и рѣшимость распустить войско. Корреспонденты парламента писали ему изъ арміи: „все войско, точно одинъ Лильборнъ, готово скорѣе само предписывать законы, нежели повиноваться чужимъ приказамъ“. И дѣйствительно, измѣняя прежней тактикѣ, обращая защиту въ нападеніе, назначенные полками агитаторы впервые заявили въ открытомъ посланіи, что парламентъ имѣетъ въ виду гибель арміи: „Иначе онъ не устранялъ бы тѣхъ, кто недавно еще былъ орудіемъ спасенія родины, а теперь можетъ служить препятствіемъ къ честолюбію людей, вкусившихъ отъ прелестей власти, не желающихъ быть служителями государства, а его повелителями и тиранами“. Парламентъ, убѣдившись, повидимому, въ серьезности встрѣченной имъ оппозиціи, рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству тѣхъ самыхъ лицъ, которыя еще недавно вызывали его подозрительность. Зная вліяніе, какимъ Кромвель и Аэртонъ располагаютъ въ войскѣ, парламентъ уполномочилъ ихъ вмѣстѣ со Скиппономъ и Флитвудомъ успокоить умы и повліять на офицеровъ и солдатъ силою своего слова. Они должны были объявить войску отъ имени парламента, что послѣдній собирается издать постановленіе о вознагражденіи его за прежнюю службу и произвести немедленную уплату части задержаннаго жалованія. Седьмого мая офицеры снова собрались въ церкви Сафронъ-Уольдена въ присутствіи Кромвеля и его товарищей. Но вскорѣ оказалось, что никакія рѣшенія не могутъ быть приняты безъ предварительнаго опроса солдатъ,—такъ неразрывны были ихъ интересы съ интересами начальниковъ. По примѣру восьми вышеупомянутыхъ полковъ, каждый изъ остальныхъ выбралъ своихъ уполномоченныхъ, а эти послѣдніе въ своей совокупности намѣтили нѣсколько человѣкъ, которые подъ названіемъ „агитаторовъ“ должны были повести рѣчь отъ имени всѣхъ низшихъ чиновъ. Два дня, 15 и 16 мая,

длились переговоры парламентскихъ комиссаровъ съ этими избранными представителями всего войска. Офицеры заявили о полной своей солидарности съ солдатами. Собраніе постановляетъ представить парламенту декларацію, въ которой бы требовалось принятіе болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ уплатѣ жалованья и высказывался протестъ противъ терпимости, съ какой палата общинъ и палата лордовъ допускаютъ клеветы на армію, распространяемыя съ церковной каѳедры и въ печати. Декларація требовала признанія за солдатами права представлять своимъ начальникамъ ходатайства по дѣламъ службы. Она настаивала на прочтеніи парламентомъ прежней петиціи и на томъ, чтобы войску дозволено было оправдать свое поведеніе въ печатномъ посланіи. Соглашаясь со всѣми этими заявленіями, Кромвель въ то же время приглашалъ агитаторовъ убѣждать полки въ необходимости подчиниться авторитету, стоящему одинаково надъ всѣми ими (разумѣется парламентъ). „Если этотъ авторитетъ погибнетъ, замѣчалъ онъ, неизбѣжно послѣдуетъ общее замѣшательство“.

Парламентъ, между тѣмъ, принималъ мѣры къ собственной защитѣ. Еще въ мартѣ лондонское сити ходатайствовало о передачѣ въ руки имъ назначеннаго комитета заботъ о городской милиціи. Пресвитеріане могли только выиграть отъ такой перемѣны, такъ какъ городской совѣтъ былъ всецѣло на ихъ сторонѣ, въ парламентскомъ же комитетѣ, дотолѣ завѣдывавшемъ милиціей, голоса были раздѣлены поровну. Просьба сити была удовлетворена, и вновь назначенный комитетъ поспѣшилъ удалить изъ среды милиціи всѣхъ, кто не принадлежалъ къ господствующей церкви. Одно это обстоятельство должно было раскрыть глаза на дѣйствительныя намѣренія парламентскаго большинства. Городское ополченіе представляло собою силу въ 18 тысячъ человѣкъ; при случаѣ она могла быть направлена противъ войска. Такъ какъ одновременно парламентомъ сдѣланы были шаги къ сближенію съ королемъ, соглашавшимся на трехгодичное господство пресвитеріанъ въ церкви, то, повидимому, все было направлено къ тому, чтобы возстановить законныя власти государства противъ арміи и представленныхъ въ ней индепендентовъ. Фэрфаксъ получилъ приказъ отправиться немедленно къ войску и прислать оттуда двухъ изъ парламентскихъ комиссаровъ для отчета о мѣрахъ, принятыхъ къ составленію ирландскаго ополченія. Въ то же время парламентъ назначилъ особую комиссію и поручилъ ей опредѣлить порядокъ роспуска тѣхъ полковъ, которые не пожелаютъ принять службы въ Ирландіи. Въ отвѣтъ агитаторы издали 19 мая печатное обращеніе къ солдатамъ, убѣждая ихъ стоять другъ за друга, какъ одинъ человѣкъ, и пророча, что въ противномъ случаѣ ихъ, какъ собакъ, погонятъ въ Ирландію или перевѣшаютъ въ Англіи, карая за подачу петиціи. Въ самомъ Лондонѣ интересы войска находили новыхъ и многочисленныхъ защитниковъ между послѣдователями Джона Лильборна. Предвидя, заодно съ арміей, опасность односторонняго соглашенія пресвитеріанъ съ Карломъ, они 15 мая представили парламенту петицію, въ которой указаны были всѣ реформы въ церкви и государствѣ, желательныя наиболѣе передовымъ демократическимъ сектамъ. Въ петиціи можно было прочесть протестъ противъ veto короля и палаты лордовъ, противъ статутовъ, присягъ и соглашеній, каравшихъ мирныхъ, преданныхъ государству гражданъ только за то, что ихъ религіозныя убѣжденія не отвѣчали требованіямъ господствующей церкви, противъ монополизирующихъ торговлю компаній, противъ дороговизны и продолжительности процессовъ и несоотвѣтствія законовъ съ требованіями христіанской вѣры, противъ обязательности церковной десятины и заточенія въ тюрьму неисправныхъ должниковъ, наконецъ, противъ тѣхъ, кто оскорбляетъ патріотовъ, называя ихъ въ насмѣшку „круглоголовыми“. Петиція передана была на разсмотрѣніе парламентской комиссіи. Лица, ее подписавшія, должны были дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ. Нѣкто ,по имени Тью, отстаивая право петиціи, рѣшился

сказать: „иначе придется принять другія мѣры“; его немедленно арестовали. Протестовавшую публику разогнали, при чемъ маіоръ Тулидъ схваченъ былъ за горло и выброшенъ за дверь. Палата общинъ 19 мая одобрила поведеніе комитета и препроводила Тулида въ тюрьму. На слѣдующій день палатѣ представлена новая петиція въ защиту прежней. Въ ней говорилось, что право ходатайства предъ парламентомъ и властями—необходимое дополненіе къ свободѣ и основнымъ правамъ англичанъ. Решворсъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что, услыхавъ о произнесеніи однимъ изъ петиціонеровъ, Вильямомъ Брауномъ, словъ, оскорбительныхъ для чести парламента, а именно слѣдующихъ: „мы ждали слишкомъ долго отвѣта на наши просьбы и не будемъ ждать долѣе“, палата общинъ призвала оратора къ отвѣту. Браунъ долженъ былъ стать на колѣни и выслушать строгій выговоръ отъ спикера. Вслѣдъ затѣмъ собраніе постановило, что петиція представляетъ собою тяжкое нарушеніе парламентскихъ привилегій, что она заключаетъ въ себѣ призывъ къ мятежу и должна быть сожжена рукой палача на рынкѣ въ Корнгилѣ и на площади передъ Вестминстерскимъ дворцомъ.

Чтобы предупредить возможность соглашенія лондонскихъ петиціонеровъ съ „агитаторами“ въ арміи, парламентъ рѣшился принять, наконецъ, мѣры къ удовлетворенію поставленныхъ войскомъ требованій. Выслушавъ докладъ собственныхъ комиссаровъ, палата общинъ постановила: поспѣшить сведеніемъ счетовъ о недоплаченномъ солдатамъ жалованьѣ, освободить отъ набора и службы за моремъ тѣхъ, кто добровольно вступилъ въ ряды парламентскаго войска, наконецъ, опредѣлить содержаніе вдовамъ и сиротамъ убитыхъ воиновъ и всѣмъ увѣчнымъ. Вслѣдъ затѣмъ 25 мая, по выслушаніи отчета своего комитета, палата предписала распущеніе полковъ съ уплатой солдатамъ жалованія всего на-всего за два мѣсяца. Соединенный комитетъ отъ лордовъ и общинъ назначенъ для присутствія при сдачѣ солдатами оружія. Ему же поручено выразить благодарность націи за вѣрную службу. Войско осталось крайне недовольно этими мѣрами. Едва дошло о нихъ извѣстіе изъ Лондона, какъ двѣсти офицеровъ, собравшись на митингъ, постановили большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ, что рѣшеніе парламента не удовлетворяетъ ихъ, такъ какъ ходатайства, ими представленныя, остаются неисполненными, а между тѣмъ уже приняты мѣры къ тому, чтобы разослать ихъ по домамъ.

Гардинеръ связываетъ арестъ короля корнетомъ Джойсомъ съ желаніемъ „агитаторовъ“ всячески воспротивиться распущенію войскъ; онъ думаетъ, что Кромвель только узаконилъ своимъ согласіемъ дѣйствіе, на которомъ съ самаго начала лежитъ характеръ военнаго безправія. Я полагаю, что его согласіе ничуть не измѣнило характера этого акта, и въ то же время не вижу причинъ считать Кромвеля дѣйствительнымъ виновникомъ задержанія короля. Такое обвиненіе покоится исключительно на показаніяхъ враждебныхъ ему лицъ—Джона Гарриса, левеллера и памфлетиста, и маіора Гентингтона, автора извѣстныхъ мемуаровъ, крайне нерасположеннаго къ протектору. Самъ Кромвель не разъ опровергалъ это обвиненіе. Удача, какой увѣнчана была попытка Джойса, усилила шансы успѣха для арміи и объясняетъ намъ большую ея настойчивость въ проведеніи своихъ требованій и болѣе рѣзкій тонъ, принятый ею отнынѣ въ своихъ петиціяхъ. Переходя къ нападенію, „агитаторы“ и сочувствовавшее имъ меньшинство въ лондонскомъ сити поднимаютъ рѣчь о необходимости призвать къ отвѣту вожаковъ пресвитеріанской партіи за ихъ враждебное отношеніе къ войску. Уже заходитъ рѣчь о томъ, чтобы очистить парламентъ, изгнавъ безславящихъ его членовъ. Обращаясь къ Фэрфаксу съ новыми ходатайствами, обнародуя отъ имени арміи особый призывъ, озаглавленный „Торжественное обязательство“, агитаторы связываютъ уже свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ „свободно рожденныхъ“ англичанъ; обязуясь остаться въ рядахъ войска до исполненія ихъ справедливыхъ желаній, они думаютъ оказать тѣмъ услугу всей націи. Въ

только что упомянутомъ воззваніи впервые говорится о необходимости создать особый совѣтъ арміи, въ который вошли бы, заодно съ военнымъ начальствомъ, по два офицера и по два солдата отъ каждаго полка. Этому совѣту надо предоставить сужденіе о томъ, достаточны ли предложенныя парламентомъ гарантіи. Безъ его согласія не можетъ быть приступлено къ роспуску войска.

Предвидя возможность открытаго столкновенія съ войскомъ и желая въ то же время добиться его роспуска, парламентъ одновременно и выслушивалъ благосклонно петицію объ уплатѣ десяти тысячъ фунтовъ распущеннымъ въ 1645 году полкамъ (такъ называемымъ reformados), думая направить ихъ въ будущемъ противъ арміи, и ассигновывалъ этому войску новые десять тысячъ фунтовъ въ уплату задержаннаго жалованья. 10 іюня армія собрана была въ Триплò-Гисѣ для выслушанія новыхъ сообщеній изъ Вестминстера. Говоря отъ имени комиссаровъ, Скиппонъ предложилъ полку Фэрфакса подчиниться парламентскимъ требованіямъ. Въ отвѣтъ послѣдовало заявленіе: „надо передать ихъ на обсужденіе соединеннаго собранія офицеровъ и агитаторовъ“, другими словами, уже упомянутаго нами совѣта. На вопросъ, всѣ ли поддерживаютъ это предложеніе, послышались крики: „всѣ! всѣ!“, къ которымъ вскорѣ присоединились новые возгласы: „справедливость! справедливость!“ Желая объяснить свое поведеніе, армія въ особомъ посланіи къ графствамъ, отправленномъ изъ Сентъ-Олбена, въ слѣдующихъ словахъ выразила свои дѣйствительныя намѣренія по отношенію къ ближайшему устройству королевства. „Мы добиваемся,—писали составители этого замѣчательнаго документа,—того самаго, къ чему парламентъ стремился во всѣхъ своихъ декларацiяхъ и ради чего мы приняли оружіе. Мы не вмѣшиваемся въ вопросы религіи и церковнаго устройства, оставляя заботу о томъ парламенту. Никто больше насъ не желаетъ сохранить его власть и основные законы государства. Мы ищемъ только справедливости противъ тѣхъ, кто одинаково причинилъ вредъ и намъ, и королевству“. Составители декларацiи останавливаются въ частности на двухъ вопросахъ — на возстановленіи законнаго порядка въ государствѣ, и на упроченіи вѣротерпимости. Они настаиваютъ на томъ ближайшемъ интересѣ, какой представляютъ для нихъ оба эти вопроса, говоря, что изъ-за ихъ рѣшенія и сдѣлано было обращеніе къ силѣ: образованы войска и поведена война съ королемъ. Вѣротерпимость понимается ими въ смыслѣ права каждаго человѣка, сохраняющаго миръ и спокойствіе, пользоваться свободой и государственной защитой. Такое рѣшеніе вопроса кажется имъ всего болѣе отвѣчающимъ какъ справедливости, такъ и общественной пользѣ. Армія объявляетъ о томъ, что намѣрена пойти войною на парламентъ и не замедлитъ приблизиться къ Лондону; но отвѣтственность за предстоящее кровопролитіе должна пасть на тѣхъ, кто поставилъ ее въ эту необходимость. Въ письмѣ отъ того же числа, присланномъ изъ Лондона, говорится о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ парламентомъ при извѣстіи о приближеніи войска къ столицѣ. Подъ страхомъ смерти приказано было милиціонерамъ стать подъ оружіе; всѣ лавки повелѣно закрыть; но, прибавляетъ корреспондентъ, распоряженія парламента не были приняты во вниманіе. Десяти человѣкъ въ отрядѣ не нашлось готовыхъ стать подъ знамена; да и тѣ были офицерами. Лордъ мэръ, сэръ Джонъ Гайеръ, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы побудить купцовъ къ закрытію магазиновъ; но только въ центрѣ сити, вблизи отъ биржи, и на Корнгилѣ исполнено было его требованіе. Всѣ ждали неминуемаго изгнанія изъ парламента, при участіи войска, вожаковъ пресвитеріанской партіи; многіе желали такого исхода, говоря, что выборы въ парламентъ не всегда были правильны, что въ немъ много сидитъ лицъ неспособныхъ или подкупленныхъ, и что армія, очистивъ его отъ присутствія людей недостойныхъ, можетъ сдѣлаться орудіемъ величайшаго блага для государства. Между тѣмъ армія сочла нужнымъ обнародовать своего рода манифестъ, или такъ наз.

декларацію. Въ этомъ документѣ, составленномъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Аэртона, отодвигаются на второй планъ требованія солдатъ относительно платы жалованья и всего болѣе оттѣняются внутреннія нестроенія государства. Армія считаетъ себя вправѣ завести рѣчь объ этихъ нестроеніяхъ отъ имени всего англійскаго народа, такъ какъ она—не армія наемниковъ, готовыхъ служить всякому самовластію, но войско, призванное парламентскими декларациями къ защитѣ правъ и свободъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и всей націи. Сами парламентскія декларации научили пренебрегать буквой закона, когда дѣло идетъ объ общественномъ спасеніи; онѣ научили также тому, что власть связана съ должностью, а не съ тѣми, кто ее занимаетъ. Всѣ эти теоретическія разсужденія предпосланы для того, чтобы объяснить и, по возможности, оправдать рѣшимость арміи очистить парламентъ отъ его порочныхъ членовъ. Декларація высказываетъ это намѣреніе по отношенію ко всѣмъ депутатамъ, дѣйствія которыхъ, какъ она выражается, могутъ быть признаны „порочными“ (corrupt), кто позволилъ себѣ безчестить армію или занялъ свой постъ въ силу неправильныхъ выборовъ. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ нестроеній въ государствѣ, армія желала бы ввѣрить верховную власть людямъ, пользующимся, по крайней мѣрѣ, репутаціей нравственной порядочности, людямъ, руководимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ совѣстью и религіозными принципами. Такъ какъ это не всегда достижимо, то армія считаетъ нужнымъ предложить средство избѣжать безконечнаго произвола однихъ и тѣхъ же лицъ, — для этого необходимо предоставить народу возможность исправить скорѣйшимъ образомъ послѣдствія дурного выбора. Армія требуетъ поэтому, чтобы продолжительность парламентовъ была опредѣлена на будущее время и чтобы палата общинъ назначила срокъ для своего роспуска. Необходимо также признать за всѣми право обращаться къ парламенту съ петиціями. Законъ, а не парламентъ, долженъ впредь опредѣлять наказаніе за всякаго рода дѣйствія, признаваемыя преступными. Удовлетворивши требованіямъ справедливости казнью немногихъ главныхъ виновниковъ, народная усобица должна прекратиться изданіемъ общаго акта амнистіи. Свобода совѣсти должна быть предоставлена всѣмъ, желающимъ сохранить миръ въ государствѣ. Декларація заканчивается обращеніемъ ко всѣмъ жителямъ Англіи съ призывомъ рѣшить самимъ, ищетъ ли армія лишь собственной выгоды или же стоитъ за общіе интересы королевства.

Вслѣдъ за изданіемъ декларации армія представила обвинительный актъ противъ 11 членовъ парламента, принадлежавшихъ къ числу пресвитеріанъ. Во главѣ списка стоялъ Гольсъ; извѣстный судья Мейнардъ также былъ въ числѣ подлежавшихъ исключенію. Всѣ одинаково признавались виновными въ нарушеніи правъ и вольностей англійскихъ гражданъ, въ произволѣ и угнетеніи, въ желаніи замедлить или сдѣлать невозможнымъ правильный ходъ правосудія, въ распространеніи невѣрныхъ слуховъ объ арміи и ея намѣреніяхъ съ цѣлью породить недовѣріе къ ней со стороны парламента, наконецъ, въ принятіи мѣръ къ тому, чтобы противопоставить законной арміи незаконную силу распущенныхъ или дезертировавшихъ войскъ (уже упомянутыхъ нами reformados), чѣмъ неминуемо вызвана была бы новая междоусобная война. Армія требовала, чтобы поименованныя лица не допускались болѣе къ парламентскимъ сессіямъ, говоря, что въ ихъ присутствіи трудно будетъ добиться желательнаго соглашенія.

Хотя палатѣ общинъ не на кого было положиться, хотя сити обнаруживало полное нежеланіе принять на себя заботу о ея военной защитѣ, большинство депутатовъ продолжало упорствовать. Правда, 21 іюня Общины назначили комиссію для разслѣдованія дѣйствій обвиняемыхъ арміей одиннадцати депутатовъ; но два дня спустя та же палата отказалась даже подвергнуть разбирательству требованіе, назначить срокъ роспуска настоящему парламенту и опредѣлить продолжительность будущихъ.

Только 26 іюня, въ виду приближенія войскъ, уже расположившихся главной квартирой въ Уксъ-Бриджѣ, а своими правымъ и лѣвымъ флангами въ Стэнси и Уотфордѣ, что позволяло прекратить, въ случаѣ надобности, подвозъ припасовъ въ столицу, парламентъ рѣшается сдѣлать новое обращеніе къ арміи, предлагая ей на этотъ разъ формулировать минимумъ своихъ требованій. 28-го послѣдовалъ отвѣтъ: Армія соглашается отойти въ Ридингъ, но подъ условіемъ, что солдатамъ будетъ уплочено жалованье и „reformados“ высланы изъ Лондона. Парламентъ обязуется не принимать предложеній шотландцевъ о помощи и не выслушивать тѣхъ, какія могутъ прійти къ нему съ континента (отъ королевы). Король не долженъ находиться на болѣе близкомъ разстояніи отъ Лондона, чѣмъ армія. Въ Ридингѣ войско согласно ждать выполненія прочихъ своихъ требованій. Парламентъ даетъ свое согласіе на всѣ эти предложенія 3 іюля, и армія начинаетъ обратное движеніе по направленію къ Ридингу. Еще гораздо раньше этого времени, депутаты, противъ которыхъ представлено было обвиненіе, сами ходатайствовали о томъ, чтобы палата уволила ихъ временно отъ посѣщенія засѣданій. Такъ какъ Гольсъ и обвиненные заодно съ нимъ депутаты уклонились отъ дальнѣйшаго посѣщенія парламента, то немудрено, если армія обнаружила по отношенію къ нимъ значительную сговорчивость. Она согласилась на отстрочку ихъ преслѣдованія до момента общаго умиротворенія. Получаемыя извѣстія изъ Лондона далеко не были однако успокоительны. Проповѣдники громили армію съ каѳедры, и обидныя прозвища „мятежниковъ“ и „измѣнниковъ“ сыпались по адресу ея изъ устъ выдающихся пресвитеріанъ, въ родѣ судьи Мейнарда. Членъ парламента Френсисъ Пайль въ письмѣ къ полковнику Бауэну говорилъ одновременно о желаніи парламента перевести, во что бы то ни стало, короля въ Лондонъ и воспротивиться изгнанію изъ своей среды одиннадцати опальныхъ членовъ. Reformados и подмастерья, въ свою очередь, обнаруживали рѣшительную враждебность. Первые не хотѣли подчиниться приказу покинуть столицу, данному имъ парламентомъ 9 іюля, вторые организовали 13 іюля цѣлую демонстрацію въ пользу реставраціи короля, сохраненія пресвитеріанскаго ковенанта и роспуска арміи. Всѣ эти извѣстія произвели въ войскѣ ожидаемое дѣйствіе. 16 іюля агитаторы явились въ верховный совѣтъ арміи съ предложеніемъ идти немедленно на Лондонъ. Предложеніе это нашло поддержку въ офицерахъ, но вызвало противодѣйствіе Кромвеля и Аэртона.

Кромвелю удается распустить собраніе на рѣшеніи послать предварительно въ Вестминстеръ новый запросъ парламенту. Болѣе ста человѣкъ присутствовало на совѣтѣ, и пренія продолжались до 12 часовъ ночи. Рѣшено отправить комиссаровъ въ парламентъ съ требованіемъ отвѣта въ теченіе ближайшихъ четырехъ дней. Войску хотѣлось бы также добиться соглашенія и съ королемъ, сдѣлаться посредникомъ между нимъ и парламентомъ; но при этомъ оно желало бы обезпечить народныя вольности. Монархія можетъ быть возстановлена, но подъ условіемъ не причинять прежнихъ насилій.

Отвѣчая на запросъ арміи, парламентъ 19 іюля поставилъ подъ начальство Фэрфакса всю вооруженную силу Англіи и Уэльса. Въ тотъ же день армія препроводила парламенту четыре новыхъ требованія, объявленныхъ ею окончательными, а именно: освобожденіе лицъ, содержимыхъ въ неволѣ безъ преданія ихъ суду, изданіе декларації о нежеланіи парламента искать иноземной помощи, исправный платежъ жалованья солдатамъ, наконецъ, переходъ въ руки прежняго парламентскаго комитета, наполовину составленнаго изъ индепендентовъ, завѣдыванія милиціей, временно предоставленнаго комиссіи отъ сити. Одновременно Аэртонъ направляетъ къ королю свой проектъ соглашенія, главныя черты котораго приведены выше.

Пресвитеріанская партія не сочла возможнымъ медлить долѣе. Дѣло общаго замиренія каждый день могло завершиться безъ нея къ полному по-

раженію ея партійныхъ требованій. Немудрено, если она стала относиться благосклонно къ мысли войти въ союзъ съ шотландцами, если тайно возбуждаемые подмастерья и толпы распущенныхъ солдатъ, reformados, собравшись 21 іюля, связали себя клятвеннымъ обѣщаніемъ сохранить ковенантъ и добиться возстановленія короля на началахъ, предложенныхъ пресвитеріанскимъ большинствомъ. 26 іюля сити, въ свою очередь, представило парламенту протестъ противъ перехода въ руки назначенной имъ комиссіи дальнѣйшаго управленія милиціей. Масса подмастерій сопровождала городскую депутацію. Окруживши зданіе парламента, толпа кричала, что не выпуститъ его членовъ раньше, какъ добившись отъ нихъ благопріятнаго отвѣта на эти требованія. Шесть часовъ Общины выдержали направленныя противъ нихъ угрозы, тщетно призывая къ себѣ на помощь мэра и ольдерменовъ. Лорды, которые въ этотъ день засѣдали въ числѣ девяти человѣкъ, уступили первыми, Общины послѣдовали ихъ примѣру только въ восемь часовъ вечера. Но толпа не удовольствовалась этимъ. Принудивъ спикера Ленталя снова занять президентское кресло, она заставила депутатовъ вотировать призывъ короля въ Лондонъ. На слѣдующій день городской совѣтъ потребовалъ отъ Фэрфакса удалить войска отъ столицы. Въ отвѣтъ пришло извѣстіе, что начальникъ арміи повелъ ее на Лондонъ. Городскія власти немедленно предписали наличнымъ военнымъ силамъ занять укрѣпленія. Всѣ способные носить оружіе призваны были въ кадры милиціи. Такимъ образомъ собралось до 30 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы—сила внушительная по своей численности, не только не уступавшая, но, напротивъ, превосходившая армію. Индепендентамъ на этотъ разъ пришлось послѣдовать примѣру ихъ одиннадцати пресвитеріанскихъ сочленовъ. Они перестали являться на засѣданія парламента, и 30 іюля въ обѣихъ палатахъ отсутствовали оба президента—графъ Манчестеръ и Ленталь,—восемь пэровъ и пятьдесятъ семь коммонеровъ. Это обстоятельство не только не остановило пресвитеріанскаго большинства, но, наоборотъ, вызвало въ немъ рѣшимость призвать въ свою среду одиннадцать отверженныхъ арміей депутатовъ и произвести выборъ новыхъ президентовъ изъ собственной партіи. Начальство надъ милиціей поручено было пресвитеріанскому генералу Массэ, но 30-го Фэрфаксъ ночевалъ уже со своимъ штабомъ въ Кольнбрукѣ. Войска овладѣли однимъ изъ фортовъ (Тилбери) и перешли Темзу выше Вестминстера, грозя занять Гревзендъ и прекратить подвозъ товаровъ въ Лондонъ. А между тѣмъ собранныя для защиты города войска (reformados) громко стали заявлять о намѣреніи предать его грабежу. Лондонскіе индепенденты, ободренные близостью арміи, явились въ Гильдъ-Голъ на собраніе городского совѣта съ предложеніемъ вступить въ переговоры съ арміей. Ихъ встрѣтили, правда, весьма недружелюбно; дѣло не обошлось безъ свалки и раненій, но прибывшіе изъ Саусъ-Уорка (южнаго рабочаго квартала) уполномоченные вскорѣ поддержали ихъ требованіе. Третьяго августа рѣшено послать депутацію къ Фэрфаксу. Она встрѣтила его во главѣ 20.000 человѣкъ на Генслогисѣ, нынѣ входящемъ въ составъ одного изъ Лондонскихъ парковъ. Укрывшіеся отъ преслѣдованія депутаты-индепенденты шли впереди арміи. Вскорѣ явилась депутація отъ Саусъ-Уорка съ приглашеніемъ войску занять южный берегъ Темзы, что и было исполнено ночью. Послѣ этого сити оставалось только капитулировать. 6 августа армія, сопровождая удаленныхъ изъ парламента индепендентовъ, вошла въ Лондонъ, направляясь въ Вестминстеръ. Ея шествіе носило характеръ торжественной процессіи. Въ парламентѣ, въ которомъ снова возсѣдали Манчестеръ и Ленталь и отсутствовали опальные 11 членовъ, Фэрфаксу выражена была признательность отъ имени Лордовъ и Общинъ. 18 тысячъ войска, съ Кромвелемъ во главѣ кавалеріи, прошлись 7 августа по сити, и когда Фэрфаксъ, по болѣзни ѣхавшій въ экипажѣ съ женою Кромвеля, вошелъ въ Тоуеръ, ему представлена

была Великая Хартія англійскихъ вольностей. „Вотъ то, изъ-за чего мы боролись,—сказалъ начальникъ парламентскаго ополченія,—и вотъ чего мы должны держаться съ Божьей помощью и впредь".

Торжество арміи не имѣло другого послѣдствія, кромѣ перемѣщенія большинства съ пресвитеріанскихъ скамей на скамьи индепендентовъ. Но и само это большинство было всего большинствомъ одного голоса—95 противъ 94. Да и оно удержалось недолго. Десятаго августа пресвитеріане уже проводятъ свои предложенія, вопреки оппозиціи благопріятной арміи партіи. 14 августа „агитаторы" признаютъ себя побитыми. Въ петиціи на имя Фэрфакса они заявляютъ, что попытка создать свободный и законный парламентъ потерпѣла полную неудачу, и требуютъ, чтобы снова вернувшіеся въ парламентъ 11 пресвитеріанъ окончательно удалены были изъ его стѣнъ. Предупреждая рѣшеніе палаты, шестеро изъ названныхъ членовъ поспѣшили воспользоваться выданными имъ паспортами для отплытія во Францію. Задержанные въ моментъ отъѣзда, они скоро были отпущены на свободу и сейчасъ же покинули родину, чтобы добраться до Калэ и Сенъ-Мало. Четверо остались въ Англіи въ ожиданіи событій. Одинъ, Никольсъ, посаженъ былъ подъ арестъ. 17 августа индепенденты входятъ въ парламентъ съ предложеніемъ объявить, что съ 26 іюля по 6 августа палата общинъ дѣйствовала несвободно и потому всѣ принятыя ею мѣры недѣйствительны. Это предложеніе отклонено большинствомъ трехъ голосовъ. Задѣтые результатами баллотировки „агитаторы" обращаются съ петиціей въ совѣтъ арміи и находятъ въ немъ полную поддержку. Никто рѣзче Кромвеля не высказывался въ пользу предложенія приблизить войска къ Вестминстеру. „Эти люди,—сказалъ онъ о пресвитеріанахъ парламента,—не уступятъ, пока армія за уши не выведетъ ихъ изъ палаты". Но Фэрфаксъ отстрочивалъ со дня на день выполненіе проекта вторичнаго занятія Лондона, пока 20 августа Кромвель на собственный страхъ не отдалъ приказа одному кавалерійскому полку расположиться около Гайдъ-Парка. Одной его близости было достаточно, чтобы позволить Кромвелю, оставившему за собой при входѣ въ парламентъ значительный отрядъ солдатъ, провести предложеніе объ отмѣнѣ постановленій, принятыхъ съ конца іюля. Съ этого момента, какъ значится въ донесеніяхъ итальянскихъ дипломатовъ, пресвитеріане перестали бывать на засѣданіяхъ парламента или, принимая въ нихъ участіе, стали вотировать заодно съ индепендентами.

Большая часть сентября прошла въ тщетныхъ попыткахъ добиться соглашенія съ королемъ, при чемъ сказались существенныя различія въ пониманіи разумныхъ основъ свободнаго государственнаго порядка не только между пресвитеріанами и индепендентами, но и въ средѣ послѣднихъ. Въ то время, какъ Кромвель стоялъ за продолженіе переговоровъ, Мартинъ входилъ уже съ предложеніемъ прекратить посылку всякихъ дальнѣйшихъ адресовъ Карлу I. Разнорѣчіе Кромвеля съ Ренсборо приняло такой острый характеръ, что будущему протектору пришлось даже выслушать угрожающее заявленіе: „одинъ изъ насъ не долженъ жить". Противники всякой монархической реставраціи были пока въ меньшинствѣ не только въ средѣ офицеровъ, но и солдатъ; четырехтысячная петиція представлена была послѣдними въ пользу возможно скораго упорядоченія отношеній съ Карломъ. Не меньшее разногласіе вызывалъ вопросъ о церковномъ устройствѣ и о вѣротерпимости. 13 октября палата лордовъ остановилась на мысли принять на три года проектъ пресвитеріанскаго устройства англійской церкви со свободой культа для всѣхъ, кто готовъ сохранить внутренній миръ государства. Исключеніе составляли паписты и всѣ отвергавшіе символъ вѣры. Посѣщеніе храмовъ признано обязательнымъ въ воскресные дни; наказанія избѣгали только тѣ изъ уклонявшихся, кто могъ оправдать свое отсутствіе тѣмъ, что онъ присутствовалъ на собраніи той или другой конгрегаціи, въ которой читалось и проповѣдывалось слово

Божіе. Въ день, назначенный для обсужденія этого проекта въ палатѣ общинъ, въ Вестминстеръ явилась толпа католиковъ; къ нимъ присоединились шекеры и раціоналисты, т. е. лица, находившія откровеніе неполнымъ, искавшія поэтому внутренняго просвѣтлѣнія, и лица, признавшія себя свободными отъ всякихъ велѣній, помимо предписываемыхъ разумомъ. Напрасно Сельденъ представилъ краснорѣчивую защиту въ пользу католиковъ, оправдывая ихъ отъ обвиненія въ идолопоклонствѣ, напрасно Мартинъ опровергалъ заявленіе, что они имѣютъ своимъ главою иностраннаго правителя; палата общинъ высказалась противъ включенія ихъ, заодно съ раціоналистами и шекерами, въ число терпимыхъ сектъ. Она поставила съ ними на одну доску лицъ, придерживавшихся англиканскаго молитвенника. Пресвитеріанское устройство церкви оставлено было въ силѣ вплоть до ближайшаго парламента, вопреки всѣмъ попыткамъ ограничить его сперва трехъ, а затѣмъ семигодичнымъ срокомъ.

Различіе во взглядахъ вскорѣ отразилось и на личныхъ отношеніяхъ. Въ средѣ левеллеровъ Кромвель не замедлилъ прослыть низкимъ интриганомъ, озабоченнымъ личной выгодой. Переговоры его съ королемъ, содержаніе которыхъ далеко не было извѣстно въ правильномъ свѣтѣ, нежеланіе входить въ конфликтъ съ палатой лордовъ, отымая у нея по требованію Лильборна судебныя функціи, наконецъ, готовность оказать защиту и покровительство однѣмъ христіанскимъ сектамъ, — все это вмѣстѣ взятое породило враждебность къ Кромвелю въ средѣ демократической и республиканской партіи. Съ другой стороны, его ближайшій союзникъ и зять, Аэртонъ, сталъ удаляться отъ него, упрекая его въ недостаточной поддержкѣ короля. Какъ приверженецъ конституціонной монархіи, какъ авторъ проекта соглашенія, клонившагося къ установленію системы современнаго парламентаризма съ королемъ, лордами и общинами, Аэртонъ могъ считаться представителемъ той партіи умѣренныхъ, которые, по словамъ одного монархиста, встрѣчались даже въ средѣ индепендентовъ.

Видимое единодушіе держалось въ арміи лишь до тѣхъ поръ, пока ей пришлось отстаивать свое существованіе отъ желавшаго ея роспуска парламентскаго большинства. Несогласія сказались тотчасъ же послѣ побѣды, едва поставленъ былъ на очередь вопросъ объ окончательномъ устройствѣ государства. Первыми выступили со своей программой левеллеры. Они обнародовали 9 октября 1647 года своего рода манифестъ, въ которомъ отъ имени пяти полковъ, только что замѣнившихъ прежнихъ „агитаторовъ“ новыми, былъ предложенъ цѣлый проектъ конституціоннаго устройства, а именно: роспускъ парламента раньше годичнаго срока, немедленное исключеніе изъ него всѣхъ депутатовъ, продолжавшихъ засѣдать въ отсутствіе обоихъ президентовъ, установленіе двухгодичныхъ парламентовъ и всеобщей подачи голосовъ на выборахъ. Парламенты должны были впредь осуществлять полноту законодательной власти и призывать къ отвѣтственности всѣхъ чиновниковъ. Вето короля и палаты лордовъ такимъ образомъ отмѣнялось. Въ защиту всѣхъ этихъ предложеній приводилось ученіе, весьма близкое къ тому, выразителемъ котораго въ XVIII вѣкѣ сдѣлается Жанъ-Жакъ Руссо: „Всякая власть по природѣ и существу своему не имѣетъ другого источника, кромѣ всего народа. Его свободный выборъ и согласіе, выраженное чрезъ представителей, кладетъ начало всякому справедливому правительству“.

Такія воззрѣнія въ Англіи были несомнѣннымъ новшествомъ, но и въ Италіи съ ея демократическими республиками и тираніями, какъ и во Франціи XVI вѣка, эпохи Лиги и католической реакціи, не разъ ставился вопросъ, уже рѣшенный въ утвердительномъ смыслѣ римскими юристами, о томъ, не есть ли народъ ближайшій источникъ всякой власти, и не является ли авторитетъ правителей созданіемъ народнаго самодержавія. Въ „комментаріяхъ на первую декаду Тита Ливія“, написанныхъ Макіавелли, и въ сочиненіи Джіанони „о Флорентинской

республикѣ“ народъ является уже, какъ и въ городскихъ демократіяхъ XIII и XIV вѣка, своего рода автократомъ. У Ла-Боэси, проникнутаго идеалами древней Греціи, свобода также является первичнымъ состояніемъ: „народы сами создаютъ надъ собою начальство, сами закабаляютъ себя правителямъ; переставая служить имъ, они тѣмъ самымъ могли бы избавиться отъ угнетенія“. Разумѣется, ничто не говоритъ намъ о заимствованіи Лильборномъ и левеллерами теоріи народнаго самодержавія изъ иностранныхъ источниковъ, хотя переводъ на англійскій языкъ такихъ сочиненій, какъ трактатъ извѣстнаго современника Ла-Боэси, Лангэ, „Vindiciae contra tyrannos“, даетъ поводъ думать, что радикальныя ученія политическихъ писателей временъ Лиги были извѣстны англійскимъ демократамъ XVII вѣка. Но и независимо отъ сторонникъ воздѣйствій, идея народнаго самодержавія легко могла зародиться въ умахъ пресвитеріанъ и индепендентовъ, привыкшихъ считать видимой церковью собраніе вѣрующихъ, а единственными законными властями въ ней назначенныхъ путемъ выбора священниковъ.

Какъ бы то ни было, но новое ученіе о народномъ самодержавіи стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческими основами англійской конституціи. Оно не могло поэтому не встрѣтить съ самаго начала отпора въ людяхъ, которые, подобно Кромвелю или Аэртону, ставили себѣ задачей сохранить въ предстоящей политической реформѣ всѣ, если возможно, основы старинной конституціи. 20 октября Кромвель высказалъ открыто свое отношеніе къ новымъ политическимъ вѣяніямъ, говоря о необходимости возстановить монархію и протестуя, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени Фэрфакса и всѣхъ начальниковъ арміи, противъ мысли объ участіи въ составленіи или поддержкѣ манифеста пяти полковъ. Восемь дней спустя Кромвелю пришлось выступить въ защиту тѣхъ же взглядовъ, на этотъ разъ въ обществѣ Аэртона, на совѣтѣ арміи, созванномъ, какъ всегда, въ приходской церкви. Дѣло происходило въ Путнэ въ присутствіи выдающихся левеллеровъ, Вильдмана въ томъ числѣ. На собраніи предсѣдательствовалъ, за болѣзнью Фэрфакса, Кромвель. Засѣданіе возобновилось 29-го окт. и, временно прерванное для того, чтобы дать возможность назначенному комитету подготовить текстъ резолюціи, возобновлено было снова восьмого и девятаго ноября. При содѣйствіи новой комиссіи выработанъ былъ текстъ четырехъ биллей, окончательно принятыхъ парламентомъ 14 декабря. Эти билли заключали въ себѣ рѣшеніе основныхъ вопросовъ, являвшихся исходными пунктами въ борьбѣ парламента съ Карломъ I. Если бы король скрѣпилъ ихъ своимъ согласіемъ, семилѣтнее междоусобіе окончилось бы въ началѣ 1648 года монархической реставраціей. Изъ сказаннаго легко заключить, какое значеніе имѣютъ дебаты, происходившіе въ октябрѣ и ноябрѣ въ совѣтѣ высшихъ офицеровъ арміи и агитаторовъ полковъ, какъ для исторіи политическихъ идей, волновавшихъ англійское общество въ серединѣ XVII столѣтія, такъ и для пониманія источника, изъ котораго вытекли тѣ рѣшенія, какія даны были вопросамъ государственнаго и церковнаго устройства въ эпоху революціи и протектората Кромвеля. Я позволю себѣ утверждать, что судьба Долгаго Парламента, какъ и проведенная Кромвелемъ избирательная реформа и созданный имъ государственный совѣтъ уже намѣчены въ общихъ, разумѣется, чертахъ на этихъ собраніяхъ въ Путнэ. Къ сожалѣнію, большинство историковъ англійской революціи не могло составить себѣ никакого представленія о той роли, какую этотъ, такъ сказать, военный парламентъ сыгралъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ англійскаго народа. Единственный источникъ нашихъ свѣдѣній обо всемъ, происходившемъ на этихъ памятныхъ засѣданіяхъ, составляетъ дневникъ Вилльяма Кларка, изданный нѣсколько лѣтъ назадъ Фирсомъ на средства Кемденскаго общества. Вилльямъ Кларкъ, получившій образованіе въ адвокатской корпораціи Иннертемпль, сдѣланъ былъ вторымъ секретаремъ военнаго совѣта въ 1645 году. Онъ исполнялъ секретарскія обязанности въ іюлѣ 1647 года

при комиссарахъ, уполномоченныхъ добиться соглашенія арміи съ парламентомъ. Съ этого времени онъ вноситъ день за днемъ въ особую тетрадь всѣ важнѣйшіе акты, проходящіе черезъ его руки. Вотъ почему въ его дневникѣ оказался подробный отчетъ и о преніяхъ, происходившихъ въ октябрѣ и ноябрѣ въ Путнэ, отчетъ, не только раскрывающій предъ нами далеко не выясненную еще роль Аэртона, не только обогащающій насъ неизвѣстными доселѣ рѣчами Кромвеля, но и рисующій агитацію левеллеровъ въ новомъ свѣтѣ: не какъ одностороннюю и чисто партійную попытку Лильборна и его политическихъ друзей реформировать Англію по ими же предложенному образцу, а какъ выраженіе народнаго запроса на участіе въ политической жизни. Пренія начались заявленіемъ Сексби, имя котораго не разъ встрѣчается впослѣдствіи въ исторіи заговоровъ, направленныхъ противъ Кромвеля. Онъ выразилъ точку зрѣнія не допускавшихъ компромисса пуританъ, говоря: „сдѣлано все отъ насъ зависящее, чтобы понравиться королю, но пока мы не перерѣжемъ себѣ горла, не будетъ достигнута эта цѣль. Мы также старались завоевать расположеніе камеры, стропила которой подгнили, я разумѣю парламентъ, въ которомъ засѣдаютъ порочные члены“. Кромвель и Аэртонъ работали въ этомъ направленіи. Ораторъ выразилъ надежду, что они откажутся дѣйствовать долѣе въ томъ же смыслѣ и возложатъ всѣ упованія на войско. Лично задѣтые, Аэртонъ и Кромвель поспѣшили представить объясненіе своего поведенія. „Я никогда не пойду заодно,—сказалъ Аэртонъ,—съ тѣми, кто ищетъ гибели парламента и короля; я не дамъ также своего согласія и поддержки тѣмъ, кто не испробуетъ всѣхъ путей, ведущихъ къ сохраненію обоихъ. Я не слышалъ пока ничего, что могло бы измѣнить мое рѣшеніе“. Прежде чѣмъ высказаться въ свою очередь, Кромвель пожелалъ выслушать текстъ тѣхъ предложеній, съ какими новые „агитаторы“ отъ полковъ считали возможнымъ войти въ совѣтъ. Эти предложенія, на которыхъ, какъ нельзя больше, отразилось вліяніе Лильборна и левеллеровъ, озаглавлены были терминомъ: „народное соглашеніе“ (Agreement of the People). Они заключали въ себѣ проектъ четырехъ реформъ: замѣну существующей системы распредѣленія голосовъ между графствами, городами и бургами новой, пропорціональной числу жителей, роспускъ парламента не позже конца сентября 1648 года, установленіе двухгодичныхъ парламентовъ, наконецъ, ограниченіе парламентскаго всемогущества признаніемъ неотъемлемыхъ и неотчуждаемыхъ правъ, а именно—религіозной свободы, свободы отъ принудительнаго набора, равенства всѣхъ передъ закономъ и судомъ, свободы отъ преслѣдованій за все совершонное въ эпоху междоусобій. Изъ этого общаго правила допускается исключеніе только для лицъ, приговоренныхъ палатой общинъ. Читая содержаніе этого документа, мы не безъ изумленія констатируемъ въ немъ выраженіе тѣхъ самыхъ взглядовъ, съ которыми познакомили насъ всякаго рода деклараціи правъ, начиная съ Виргинской и кончая той, какая въ 1789 г. обнародована была французскимъ учредительнымъ собраніемъ. Основное положеніе, проводимое этимъ проектомъ, лежитъ въ признаніи той истины, что политическая и гражданская свобода невозможны при всякой неограниченной власти, будетъ ли ею единоличный правитель или представительное собраніе цѣлой страны. Отсюда мысль поставить извѣстныя права на такую высоту, при которой нельзя было бы нарушить ихъ даже парламенту, мысль, которую дѣятели 1789 г. выразятъ извѣстной формулой: „естественныя права существуютъ раньше и стоятъ выше всякаго положительнаго закона“. Въ 1647 г. руководимые левеллерами „агитаторы“ арміи стремятся достигнуть той же цѣли практическими средствами, ограничивая правомочія парламента и запрещая ему всякое вмѣшательство въ сферу совѣсти и личной свободы, насколько послѣдняя достигается установленіемъ равнаго для всѣхъ суда и закона. Практичность подобной мѣры доказывается фактомъ принятія ея аме-

риканскими конституціями. Въ отличіе отъ того всемогущества, какимъ англійская конституція надѣляетъ парламентъ, американскія признаютъ палаты неспособными нарушить своими законами самую конституцію и охраняемыя ею основныя права. Блюстителемъ ихъ нерушимости являются суды, а средствомъ проведенія ея въ жизнь — обжалованіе каждымъ той части несогласнаго съ конституціей закона, которая нарушаетъ его личныя права. Мы не вправѣ отнестись поэтому къ основному положенію левеллеровъ, какъ къ политической утопіи, и можемъ только отмѣтить къ ихъ чести тотъ фактъ, что за два съ половиной столѣтія до насъ они высказывали уже взгляды, проникшіе въ общественное сознаніе Европы, но все еще не нашедшіе себѣ полнаго выраженія въ ея законодательствѣ.

Очевидно, что сторонники историческихъ основъ англійской государственной жизни, а такимъ именно сторонникомъ былъ Кромвель, не могли отнестись къ проекту „агитаторовъ“ иначе, какъ отрицательно.

Онъ внесъ поэтому предложеніе передать на обсужденіе совѣта арміи тѣ недостатки, какіе „агитаторы“ нашли въ прежнихъ соглашеніяхъ, заключенныхъ тою же арміей въ Ньюмаркетѣ и Триплогисѣ. Это значило ни больше, ни меньше, какъ отложить реформы на неопредѣленное время. Левеллеръ Вильдманъ указалъ на это собранію и, отражая ссылку Кромвеля на обязательства, объявилъ, что ничто не принуждаетъ человѣка дѣлать то, что онъ находитъ несправедливымъ. Въ отвѣтъ на это Аэртонъ заявилъ, что нѣтъ другого основанія для справедливости и правды, кромѣ вѣрности разъ состоявшимся соглашеніямъ: „Отмѣните это обязательство,—и ни для одного изъ вашихъ правъ не окажется законнаго фундамента. Вы хотите держаться одного естественнаго закона, но на основаніи его вы не имѣете больше права на этотъ кусокъ земли или какой другой, нежели я. Я въ такой же мѣрѣ, какъ и вы, воленъ захватить все необходимое для моего пропитанія или для моего личнаго довольства. Право возникаетъ только тамъ, гдѣ является соглашеніе. Соглашеніе въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что такое-то лицо одно будетъ осуществлять права владѣнія и пользованія, подчиняясь всѣми признаваемой власти, власти, призванной охранять миръ и приводить въ исполненіе законы. На соглашенія опираются права человѣка на все, и вотъ почему, когда я слышу людей, предлагающихъ не считаться съ соглашеніями и руководствоваться только тѣмъ неопредѣленнымъ и широкимъ представленіемъ, какое каждый въ отдѣльности составилъ себѣ о справедливомъ и несправедливомъ, я прихожу въ ужасъ при мысли о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть подобное предложеніе“. Кромвель поспѣшилъ присоединиться къ мнѣнію Аэртона. Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ препирательствамъ, онъ предложилъ посвятить ближайшее засѣданіе молитвѣ. На языкѣ индепендентовъ это выражалось словами seeking God, что буквально значитъ „искать Бога“. Въ ихъ представленіи одинъ Богъ могъ раскрыть сердцу и разуму справедливость того или другого предложенія. Это было то личное откровеніе, въ которомъ религіозные радикалы XVII столѣтія въ такой же мѣрѣ думали найти истину, въ какой радикалы нашего времени ищутъ ее въ рѣшеніи большинства при всеобщей подачѣ голосовъ. Аэртонъ также стоялъ за „искательство воли Божьей въ молитвѣ“, но онъ счелъ сверхъ того нужнымъ предложить немедленное назначеніе комитета для обсужденія, заодно съ „агитаторами“ пяти полковъ, отдѣльныхъ статей „народнаго соглашенія“.

На слѣдующій день, послѣ молитвы, возобновлены были пренія въ совѣтѣ офицеровъ. И Кромвель, и Аэртонъ поспѣшили заявить о полной готовности руководствоваться при обсужденіи проекта левеллеровъ одними велѣніями божественной истины и предложили открыть дебаты по первой статьѣ соглашенія. Она касалась устройства выборовъ и распредѣленія голосовъ между графствами, городами и бургами. Ренсборо, го-

*

воря въ пользу предложеннаго, объявилъ себя сторонникомъ всеобщаго права голосованія. „Я полагаю,—сказалъ онъ, — что бѣднѣйшему, какъ и наиболѣе зажиточному, предстоитъ одна и та же задача прожить свой вѣкъ. Мнѣ кажется неоспоримымъ, что всякій, живущій подъ властью правительства, долженъ прежде всего своимъ согласіемъ выразить готовность стать подъ начало этого правительства. Бѣднѣйшій человѣкъ въ Англіи не связанъ въ повиновеніи власти, въ созданіи которой самъ онъ не принялъ участія". Въ противовѣсъ такому ученію, отправлявшемуся отъ признанія естественнаго права человѣка на участіе въ народномъ самодержавіи, Аэртонъ изложилъ ходячую въ его время теорію о принадлежности избирательнаго права однимъ собственникамъ. „Я полагаю,—сказалъ онъ,—что никто не долженъ имѣть участія въ дѣлахъ королевства и въ выборѣ лицъ, издающихъ законы, если не имѣетъ постояннаго и пріуроченнаго къ той или другой мѣстности интереса въ государствѣ. Совокупность этихъ лично заинтересованныхъ людей и образуетъ классъ представленныхъ въ парламентѣ лицъ. Имъ однимъ и должно принадлежать право выбора депутатовъ. Въ этотъ классъ входятъ всѣ тѣ, кто имѣетъ реальную связь съ тѣмъ, что совершается въ предѣлахъ государства, связь не временную, а постоянную. Говорятъ о прирожденномъ правѣ на выборъ представителей. Но люди въ силу рожденія имѣютъ только право на воздухъ, на пространство и т. п.; я не вижу достаточнаго основанія признавать за каждымъ, кто родился въ данной мѣстности, право располагать ея землями и имуществами". Всеобщее голосованіе не отвѣчаетъ, такимъ образомъ, по мнѣнію Аэртона, естественному закону; оно еще болѣе противорѣчитъ праву историческому. „Если мы спросимъ себя,—говоритъ Аэртонъ,—каковы исконныя основы нашей конституціи, безъ которыхъ никто не можетъ имѣть ни собственности, ни гражданскихъ правъ, мы принуждены будемъ сказать, что онѣ лежатъ въ слѣдующемъ. Избирать лицъ, надѣленныхъ правомъ законодательства, могутъ только тѣ, кто въ своей совокупности представляютъ постоянный интересъ королевства, т. е. тѣ, въ чьихъ рукахъ находится землевладѣніе, а также тѣ, кто, состоя членами корпорацій, посвящаетъ себя промышленной и торговой дѣятельности. Въ этомъ лежитъ основной законъ королевства. Отмѣните его, и ничего не останется отъ нашей конституціи. Сидящій близъ меня джентльменъ (разумѣется Ренсборо) правъ, когда говоритъ, что и бѣднѣйшій долженъ имѣть участіе въ выборѣ правительства, которому онъ подчиняется, но только въ томъ смыслѣ, что достаточно самаго ничтожнаго участія въ мѣстныхъ интересахъ, достаточно сорока шиллинговъ годового дохода, чтобы имѣть такой же голосъ на выборахъ, какимъ располагаетъ человѣкъ съ доходомъ въ тысячу и болѣе фунтовъ". Аэртонъ не видитъ возможности идти далѣе въ уравненіи политическихъ правъ; иначе, думаетъ онъ, подвергнуты будутъ опасности права гражданскія: „Разъ представительство не будетъ принадлежать исключительно тѣмъ, кто имѣетъ постоянный интересъ въ королевствѣ, мы несомнѣнно дойдемъ до отмѣны собственности и всякаго рода вещныхъ правъ".

Въ концѣ концовъ, согласно предложенію Кромвеля, принятъ былъ текстъ слѣдующей деклараціи. Парламентъ долженъ разойтись 1 сентября 1648 г. Въ Англіи вводятся двухгодичные парламенты, засѣдающіе отъ сентября до сентября. Въ промежутокъ между двумя парламентами или двумя его сессіями дѣйствуетъ комитетъ изъ его членовъ по выбору. Голоса должны быть распредѣлены такимъ образомъ между графствами, чтобы сдѣлать возможнымъ равное ихъ представительство и обратить палату общинъ въ возможно близкое отраженіе всѣхъ допущенныхъ къ выборамъ. Квалификація, необходимая для того, чтобы избирать и быть выбраннымъ, должна быть установлена палатой общинъ до распущенія парламента; при этомъ желательно возможное расширеніе общей свободы, насколько оно требуется справедливостью и соотвѣтствуетъ характеру

конституціи. Желательно въ частности, чтобы всѣ свободно-рожденные англичане и всѣ получившіе гражданство иностранцы, всѣ, кто служилъ парламенту во время войны деньгами, серебряною посудою, лошадьми и оружіемъ, имѣли голосъ на выборахъ. Ни одинъ изъ пэровъ, созданныхъ послѣ 21 мая 1642 г., не долженъ засѣдать въ парламентѣ безъ согласія обѣихъ палатъ.

Аэртонъ и Кромвель явились главными совѣтниками арміи и въ отношеніи къ принятію слѣдующихъ рѣшеній, которыя составляютъ наиболѣе оригинальную часть резолюцій комитета. Полнота самодержавія не сосредоточивается въ рукахъ палаты общинъ не только въ томъ смыслѣ, что рядомъ съ нею продолжаетъ существовать власть короля и лордовъ, но и въ томъ, что избирающій ея членовъ народъ удерживаетъ нѣкотор. права исключительно за собой. Въ полномочія депутатовъ не входитъ: 1) изданіе законовъ, связывающихъ совѣсть, принуждающихъ слѣдовать извѣстному культу; „вопросы вѣры, — объявляетъ комитетъ, — не могутъ быть рѣшены никакой человѣческой властью“; 2) въ число предметовъ, подлежащихъ рѣшенію палаты общинъ, не включено изданіе закона о насильственномъ наборѣ; всѣ должны служить, но только при необходимости оборонительной войны или въ случаѣ нарушенія внутренняго мира въ государствѣ; 3) будущіе парламенты не могутъ привлечь никого къ отвѣтственности за дѣйствія, совершенныя во время междоусобной войны. Это запрещеніе не распространяется на настоящій парламентъ. Къ числу вопросовъ, по которымъ палата общинъ не имѣетъ права высказаться, принадлежатъ и основы вновь выработанной конституціи, какъ-то: двухгодичность парламентовъ, открытіе ихъ въ положенные сроки, новое распредѣленіе голосовъ между графствами и городами,—всѣ эти вопросы рѣшены неизмѣнно и разъ навсегда конституціей и не могутъ подлежать отмѣнѣ представительныхъ собраній. Въ томъ же засѣданіи комитетомъ постановлено выработать текстъ новыхъ предложеній для передачи ихъ парламенту. „Буде окажется, что попытки послѣдняго добиться упроченія мира путемъ соглашенія съ королемъ представляютъ нѣкотор. вѣроятіе успѣха, комитетъ желалъ бы временной пріостановки переговоровъ до того момента, когда парламентомъ будутъ получены отъ него нѣкоторыя предложенія, признанныя необходимыми въ интересахъ упроченія свободы и мира въ государствѣ“. Согласно этимъ рѣшеніямъ комитетъ продолжалъ собираться 3 и 4 ноября и обсуждать вопросы, связанные съ устройствомъ милиціи и съ отмѣной церковной десятины. Постановлено, между прочимъ, замѣнить ее земельнымъ налогомъ и возложить на государство принятіе мѣръ къ содержанію служителей церкви. На тѣхъ же засѣданіяхъ комитета рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ исключеніи изъ числа избирателей всѣхъ слугъ и всѣхъ живущихъ общественной благотворительностью.

И на этотъ разъ взгляды Кромвеля и Аэртона одержали верхъ надъ возраженіями противниковъ. Все это вмѣстѣ взятое не могло не вызвать сильнаго раздраженія въ рядахъ левеллеровъ. Располагая большинствомъ въ совѣтѣ офицеровъ, они отъ его имени направили къ парламенту письмо, въ которомъ опротестовывалось заявленіе Аэртона о согласіи совѣта на предложенія, выработанныя комитетомъ. Аэртонъ потребовалъ отъ совѣта взятія письма обратно и, когда послѣдовалъ отказъ, онъ заявилъ, что никогда болѣе не явится на его засѣданія.

Дальнѣйшія засѣданія происходили въ отсутствіи этого главнаго конституціоннаго совѣтника, и Кромвель долженъ былъ отражать одинъ натискъ левеллеровъ, ожесточенныхъ тѣмъ пораженіемъ, какое ихъ взгляды понесли въ стѣнахъ комитета. 5 ноября, Ренсборо объявилъ, что армія не желаетъ дальнѣйшаго представленія адресовъ королю, и предложилъ удостовѣриться въ поддержкѣ полками „народнаго соглашенія“ и ихъ враждебности къ рѣшеніямъ комитета, созвавъ для этой цѣли общій митингъ всего войска.

Нерасположеніе къ королю росло одновременно и въ стѣнахъ палаты

общинъ. 6 ноября депутатами принято было слѣдующее рѣшеніе: „англійскій король обязанъ по справедливости и въ силу своей должности давать согласіе на законы, которые лорды и общины признаютъ полезными для королевства". Такимъ образомъ, прежнее право veto замѣнялось по отношенію къ основнымъ законамъ простымъ предложеніемъ къ принятію ихъ королемъ. Неудачное вмѣшательство шотландскихъ комиссаровъ, обратившихся къ палатѣ лордовъ съ предложеніемъ перевести Карла въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ палатами, вызвало сильное броженіе, какъ въ парламентѣ, такъ и въ совѣтѣ офицеровъ.

7 ноября уже слышались въ арміи рѣчи о необходимости немедленнаго и примѣрнаго наказанія главнаго виновника смуты. Правда, въ отвѣтъ раздавались голоса и въ пользу короля. Кларкъ заноситъ въ свой дневникъ слова одного изъ солдатъ полка Фэрфакса: „пусть мой полковникъ стоитъ за дьявола, если ему нравится, я же буду стоять за короля". До 400 человѣкъ въ полку Роберта Лильборна считались роялистами; имъ приписывали даже открытое обращеніе къ крестьянамъ въ окрестностяхъ Дунстевеля съ предложеніемъ обмѣняться съ ними оружіемъ; они уступили бы имъ свое, и солдаты удовольствовались бы однѣми рогатками; вмѣстѣ пошли бы они тогда на освобожденіе короля и снова водворили бы его во дворцѣ Уайтголѣ. Такимъ образомъ, все рѣзче и рѣзче сказывался въ самой арміи тотъ внутренній антагонизмъ, отъ котораго пока она одна оставалась свободной. Кромвель не могъ не увидѣть опасности такого положенія. 8 ноября онъ произнесъ въ совѣтѣ офицеровъ рѣчь противъ тѣхъ, кто рѣшился разъединить армію. Съ особенной рѣзкостью напалъ онъ на составителей „народнаго соглашенія", повторяя уже высказанное осужденіе всеобщаго голосованія, „какъ ближайшаго шага къ анархіи". Рѣчь окончилась предложеніемъ отослать офицеровъ и агитаторовъ въ ихъ полки подъ предлогомъ успокоенія умовъ солдатъ. Предложеніе это было принято большинствомъ, но въ свою очередь Кромвель принужденъ былъ дать свое согласіе на общій митингъ арміи. Избавившись отъ противниковъ, Кромвель сумѣлъ безъ труда провести предложеніе, чтобы, взамѣнъ „народнаго соглашенія", комитетъ внесъ для принятія полками новыя предложенія, составленныя на основаніи всѣхъ предшествовавшихъ письменныхъ обязательствъ и декларацій арміи. Въ это резюмэ могли попасть только тѣ части „народнаго соглашенія", которыя отвѣчали прежнимъ декларациямъ. Для выработки текста предложеній назначенъ новый комитетъ изъ однихъ офицеровъ. Удаленіе агитаторовъ позволило Аэртону вернуться къ прерваннымъ занятіямъ, но оно не устранило вполнѣ разнорѣчія въ средѣ комитета. Полковникъ Гаррисонъ продолжалъ представлять въ немъ идеи непримиримыхъ. 11 ноября послѣдовали въ средѣ комитета горячія пренія, поводъ къ которымъ дали ходившіе слухи о предстоящемъ бѣгствѣ Карла. Гаррисонъ высказалъ общее осужденіе всѣмъ попыткамъ, сдѣланнымъ дотолѣ съ цѣлью сохранить въ будущей конституціи короля и лордовъ.

15 ноября послѣдовало собраніе если не всей арміи, то семи полковъ въ Коркбешъ-Фильдѣ, въ окрестностяхъ Вера. Въ промежутокъ между засѣданіями комитета и митингомъ арміи король бѣжалъ на островъ Уайтъ, откуда онъ обратился къ парламенту съ новымъ предложеніемъ вступить въ личные переговоры съ палатами и явить себя опять, какъ онъ выразился, „отцомъ родины". Эти извѣстія набросили весьма невыгодную тѣнь на тѣхъ, кто, подобно Кромвелю и Аэртону, противились попыткамъ левеллеровъ измѣнить основы англійской конституціи. Ренсборо и Мартинъ открыто подняли рѣчь о преданіи Кромвеля суду. Первый надѣялся на поддержку своихъ требованій не только всѣмъ войскомъ, но и 20.000 гражданъ. Ходили и болѣе тревожные слухи. Самымъ крайнимъ представителямъ демократическихъ вѣяній приписывалось намѣреніе воспользоваться митингомъ арміи для того, чтобы овладѣть личностью Фэрфакса, убить Кромвеля и потребовать отъ парламента суда надъ

королемъ. Эти слухи не могли не дойти до военачальниковъ, и они приняли мѣры къ тому, чтобы устранить на будущее время тотъ упадокъ дисциплины, какой начиналъ уже сказываться въ арміи. Отъ имени Фэрфакса и войскового совѣта составленъ былъ особый манифестъ, въ которомъ говорилось о намѣреніи его оставить дальнѣйшее командованіе войскомъ, при новомъ нарушеніи порядка солдатами. Фэрфаксъ обѣщалъ въ то же время содѣйствовать ближайшему роспуску парламента, назначенію срока его закрытія и установленію болѣе равномѣрнаго представительства народа въ будущихъ парламентахъ. Къ манифесту приложена была форма обязательства, какое солдаты должны были принять по отношенію къ Фэрфаксу. Текстъ манифеста отражалъ на себѣ вліяніе идей Кромвеля и былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ мыслями, высказанными имъ на собраніи офицеровъ. Гардинеръ предполагаетъ, что ближайшимъ инспираторомъ во всемъ этомъ дѣлѣ былъ Кромвель. Ему же пришлось играть главную роль и на митингѣ полковъ.

Когда рано утромъ 15 ноября открылся этотъ митингъ, Ренсборо приблизился къ Фэрфаксу для передачи ему текста „народнаго соглашенія“. Но полковнику Вильяму Эру удалось заградить ему дорогу. Маіоръ Футъ и нѣсколько офицеровъ тщетно убѣждали солдатъ стоять за „соглашеніе“. Присутствующіе начали скрѣплять своими подписями текстъ новаго обязательства; потребовалось немногихъ арестовъ и отправки маіора Скотта, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ парламента, въ Вестминстеръ на судъ палаты общинъ, чтобы возстановить дисциплину во всѣхъ полкахъ за исключеніемъ двухъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Роберта Лильборна и Гарисона. Самое присутствіе этихъ полковъ на митингѣ заключало уже въ себѣ нарушеніе дисциплины, такъ какъ первому было поручено наблюдать на сѣверѣ за движеніями шотландцевъ, а второму назначено другое мѣсто для митинга. Солдаты обоихъ полковъ явились на собраніе съ текстомъ „народнаго соглашенія“, прикрѣпленнымъ къ шляпамъ. Въ заголовкѣ его отпечатаны были слѣдующія слова: „свобода Англіи и права солдатъ!“ Фэрфаксу не трудно было убѣдить солдатъ Гарисона подчиниться общему рѣшенію, но полкъ Лильборна продолжалъ упорствовать. Тщетно Кромвель, проѣзжая передъ рядами, требовалъ отъ солдатъ, чтобы они сняли со своихъ шляпъ прикрѣпленный къ нимъ манифестъ. Ослушаніе было всеобщимъ. Одинъ среди враждебнаго ему полка, Кромвель не побоялся обнажить шпагу и бросился съ нею въ ряды. Его внушительный видъ сразу вызвалъ повиновеніе. Предводители недовольныхъ были задержаны и три изъ нихъ приговорены къ смерти военнымъ судомъ. Имъ дозволено было однако бросить жребій, и одинъ поплатился жизнью за троихъ.

19 ноября Кромвелю принесена была благодарность палаты общинъ за оказанную ей услугу; но такъ какъ сити отказывалось платить сборъ въ пользу войска, то всѣ несогласія арміи со столицей далеко не могли считаться оконченными. Фэрфаксъ отдалъ даже приказъ полковнику Гьюсону войти въ Лондонъ, чтобы тѣмъ принудить его къ платежу, и палатѣ общинъ пришлось сдѣлать личное обращеніе къ Кромвелю, чтобы воспрепятствовать этому новому вмѣшательству арміи въ дѣла гражданской подсудности.

Возгорѣвшаяся вскорѣ вторая междоусобная война парламента съ королемъ устранила на время возможность препирательствъ между войскомъ и законными представителями націи.

Полагаясь на то, что раздоры, возникшіе между пресвитеріанами и арміей, достаточно ослабили его противниковъ, Карлъ рѣшился попытать счастья и, надѣясь на помощь шотландцевъ, бѣжалъ на островъ Уайтъ; это случилось 11-го ноября 1647 г.

Такой шагъ былъ, разумѣется, средствомъ избавиться отъ прямого контроля арміи, которая позволила себѣ ранѣе увезти его изъ Голмби (Holmby) въ Норсгэмптонширѣ, гдѣ онъ пользовался относительной свободой и велъ тайные переговоры съ французами и шотландцами столько же, сколько и съ главарями Парламента. Корнетъ Джойсъ (Joyce) въ іюнѣ

1647 г. явился внезапно въ Голмби и увезъ короля въ Ньюмаркетъ по близости къ войску. Покинувъ его теперь собственной властью, король на островѣ Уайтѣ оказался въ новомъ заточеніи въ замкѣ Карисбрукѣ. Между тѣмъ, въ исполненіе даннаго имъ обѣщанія, шотландцы овладѣли Берникомъ и водрузили надъ крѣпостью королевское знамя. Во главѣ ихъ стоялъ герцогъ Гамильтонъ; онъ же, вмѣстѣ съ комитетомъ шотландскихъ лордовъ, распорядился вызовомъ принца Уэльскаго, будущаго короля Карла II-го, въ Шотландію и поставилъ его во главѣ „кавалеровъ". Извѣстія о происходившемъ въ Шотландіи побудили къ возстанію въ маѣ и іюнѣ 1648 г. нѣкоторыя южныя и восточныя графства Англіи. Но Фэрфаксъ и Кромвель быстрымъ движеніемъ войскъ скоро освободили югъ Англіи отъ „кавалеровъ". Фэрфаксу пришлось взять приступомъ крѣпость Мэдстонъ въ Кентѣ. Перебравшись черезъ Темзу, онъ отправился въ восточныя графства; Кольчестеръ удержалъ его подъ своими стѣнами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и сдался только тогда, когда всѣ припасы были истощены. Въ свою очередь, Кромвель встрѣтился съ Гамильтономъ подъ Престономъ во второй половинѣ августа и въ трехдневномъ сраженіи разбилъ его на голову. Взятый въ плѣнъ, Гамильтонъ былъ казненъ вмѣстѣ съ предводителями Кольчестерской крѣпости и лордомъ Голландомъ, намѣченнымъ начальникомъ роялистскихъ силъ въ Англіи. Сотни другихъ плѣнниковъ были отправлены на островъ Барбадосъ въ крѣпостную неволю; самого Карла перемѣстили изъ Карисбрука въ замокъ Герстъ (Hurst-Castle), что, однако, не помѣшало парламенту возобновить съ нимъ переговоры. Обезпокоенная этимъ армія рѣшила произвести очистку парламента.

Полковникъ Прайдъ, самъ ревностный индепендентъ, 6-го декабря 1648 г. вошелъ въ Вестминстеръ со своимъ полкомъ и задержалъ всѣхъ предводителей пресвитеріанской партіи; 41 изъ нихъ были заключены въ тюрьму, а 96-ти запрещено только бывать въ палатѣ; послѣ этого число всѣхъ посѣщавшихъ ея засѣданія ограничилось 60-ю; всѣ они принадлежали къ числу индепендентовъ. Можно сказать, что съ этого времени Долгій Парламентъ пересталъ существовать, и отъ него осталось только то, что извѣстно было современникамъ подъ названіемъ Рёмпъ (Rump), что означало ту часть человѣческаго тѣла, безъ которой ни о какихъ засѣданіяхъ не можетъ быть и рѣчи,— и этотъ-то „рёмпъ", а не Долгій Парламентъ вотировалъ 1-го января 1649 г. преданіе Карла I суду за государственную измѣну. Въ назначенномъ для производства этого суда верховномъ трибуналѣ Фэрфаксъ отказался принять какое-либо участіе. Предсѣдательствованіе выпало на долю малоизвѣстнаго адвоката Брэдшоу, а въ числѣ судей было немало военныхъ людей, не дорожившихъ соблюденіемъ процессуальныхъ обрядовъ; Карлъ отказался отъ всякой защиты; судьи постановили ему смертный приговоръ (26-го января 1649 г.). Передъ наступленіемъ роковой развязки Карлъ сдѣлалъ заявленіе, что онъ падаетъ жертвою власти меча, что нація не будетъ свободной до тѣхъ поръ, пока снова не признаетъ своихъ обязанностей передъ Богомъ и королемъ, и что онъ гибнетъ потому, что не пожелалъ предать церкви и государства. Въ февралѣ 1649 г. провозглашена была въ Англіи республика, и власть сосредоточилась въ рукахъ палаты общинъ и государственнаго совѣта. Пэры и ранѣе собирались въ числѣ не болѣе 11-ти человѣкъ,— теперь верхняя палата была упразднена. Но принимая всѣ эти мѣры, англійскіе революціонеры все же старались удержать и при новомъ устройствѣ возможно больше чертъ исконной англійской конституціи. Въ той декларацiи, въ которой они объявляли міру о причинахъ принятаго ими рѣшенія, они выдвигаютъ слѣдующіе мотивы въ защиту республиканскаго принципа: „англійскій парламентъ, установляя республику, слѣдовалъ примѣру другихъ государствъ и имѣлъ въ виду то благословеніе, которое ниспослалъ на нихъ Господь. Римъ процвѣталъ гораздо болѣе во времена республики, нежели подъ кровомъ монархіи и им-

періи, Венеція сохранила свое благоденствіе при республиканскомъ образѣ правленія въ теченіе 13-ти столѣтій. Насколько превосходятъ швейцарскія общины и другія свободныя государства монархіи Европы по своему богатству, свободѣ, прочному обезпеченію мира. Наши сосѣди, Соединенные Нидерланды, со времени установленія республиканскихъ порядковъ изумительно возросли въ своемъ матеріальномъ богатствѣ, свободѣ, торговлѣ и внѣшнемъ могуществѣ, — одинаково на морѣ и на сушѣ". Но, говоря все это, парламентъ въ то же время ввѣрялъ защиту своего поведенія передъ лицомъ всего міра людямъ, которыхъ отнюдь нельзя было признать демократами въ современномъ смыслѣ слова. Секретарь новаго государственнаго совѣта Мильтонъ, полемизируя съ левеллерами, говоритъ: „кто вздумаетъ поддерживать ваше требованіе неограниченнаго права голосованія?" Другой поборникъ республики, Альджернонъ Сидни пишетъ: „Что касается до чистыхъ демократій, при которыхъ народъ сосредоточиваетъ въ себѣ всю власть, то я не знаю объ ихъ существованіи; да если бы онѣ и были въ дѣйствительности, я ничего не могъ бы сказать въ ихъ пользу".

И не демократическимъ порядкомъ надо назвать тотъ, который водворился въ Англіи въ эпоху республики и протектората Кромвеля. Въ 1653 г. остатки Долгаго Парламента были разсѣяны вооруженной силой, направленной рукою Кромвеля, котораго Мильтонъ защищаетъ, говоря, что его поведеніе было, пожалуй, смѣлымъ, нѣсколько грубымъ и варварскимъ, но оно, тѣмъ не менѣе, вывело родину на желанный путь. На разстояніи немногихъ мѣсяцевъ послѣ этого событія Кромвель созываетъ не столько парламентъ, сколько совѣтъ лицъ не по выбору, а по назначенію. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ парламента „Голой Кости"—the Barebones Parliament—по имени одного изъ его членовъ; въ немъ руководительство переходитъ въ руки такъ называемыхъ „людей пятой монархіи", своего рода религіозныхъ анархистовъ. Убѣдившись, что изъ собранія не выйдетъ ничего путнаго, Кромвель склоняетъ большинство его разойтись, вручивъ ему предварительно свои полномочія; меньшинство же, составленное изъ анабаптистовъ, было принуждено затѣмъ силою покинуть свои мѣста. „Что сказать о тѣхъ людяхъ, — читаемъ мы въ одной изъ рѣчей Кромвеля,— кто въ ожидаемомъ ими царствѣ Божіемъ находятъ оправданіе своимъ притязаніямъ быть единственными правителями государства, давать людямъ законы, располагать ихъ собственностью, свободою и всѣмъ прочимъ?.. Еще если бы они ограничивались однимъ преувеличеннымъ представленіемъ о своемъ призваніи, ихъ можно было бы оставить въ покоѣ. Однѣ идеи не могутъ принести вреда никому, кромѣ тѣхъ, кто ихъ раздѣляетъ. Но когда люди переходятъ къ практикѣ и стараются убѣдить, что свобода и собственность непримиримы съ царствомъ Христа, когда они, отказываясь отъ регулированія закона, требуютъ его отмѣны и, быть можетъ, готовы установить на его мѣсто еврейское право, государственный человѣкъ не можетъ болѣе воздержаться отъ вмѣшательства".

Когда парламентъ „Голой Кости" прекратилъ свое существованіе, Кромвель одно время управлялъ страною единолично,—всего, впрочемъ, съ декабря 1653 г. по сентябрь 1654 года. Въ это время обнародованъ былъ имъ, при участіи старшихъ офицеровъ его арміи, своего рода основной законъ, подъ названіемъ: „орудіе управленія" (Instrument of Government); въ немъ объявлялось, что Англія отнынѣ будетъ имѣть лорда-протектора и палату общинъ. Званіе протектора принялъ самъ Кромвель; его согласіе было необходимо для того, чтобы рѣшенія парламента стали законами, но онъ не вправѣ отвергать законовъ, которые по существу согласны съ конституціей республики. Созывъ и роспускъ парламента принадлежитъ протектору; палата общинъ, къ которой сводится отнынѣ представительство страны, заключаетъ въ себѣ уполномоченныхъ отъ всѣхъ трехъ королевствъ —Англіи, Шотландіи и Ирландіи — и должна засѣдать не менѣе пяти мѣ-

сяцевъ въ годъ. Интересно отмѣтить, что уже въ этомъ конституціонномъ актѣ заходитъ рѣчь о необходимости отнять голосъ у гнилыхъ мѣстечекъ и надѣлить имъ нѣкоторые развившіеся промышленные и торговые центры. Къ безсмертной славѣ лорда-протектора надо отнести его религіозную терпимость. При немъ впервые обезпечена была свобода совѣсти, — если не католикамъ, то всѣмъ протестантскимъ сектамъ. При немъ же вновь допущено было поселеніе въ Англіи евреевъ.

Никому не жилось при Кромвелѣ такъ плохо, какъ католикамъ; ихъ обвиняли въ поддержкѣ всѣхъ тайныхъ убійцъ, имѣвшихъ замыслы на жизнь протектора, и въ подстрекательствѣ испанцевъ къ объявленію войны Англіи. Вотъ почему, когда началась эта война, вся Англія раздѣлена была на нѣсколько генералъ-губернаторствъ, во главѣ которыхъ поставлены были старшіе офицеры арміи; имъ поручено было строго наблюдать за католиками и взимать съ нихъ особую подать на веденіе войны съ Испаніей.

Въ 1654 г. созванъ былъ парламентъ по новому образцу. Парламентъ этотъ предложилъ протектору сдѣлаться королемъ, но послѣдній отклонилъ отъ себя эту честь, очевидно, имѣя въ виду, что согласіе вызвало бы недовольство высшихъ начальниковъ его арміи.

Кромвель умираетъ (3 сент. 1658 г.), сохраняя прежнюю популярность, наканунѣ созыва новаго парламента и послѣ того, какъ ему удалось—правда, цѣною крови и несправедливой конфискаціи земель у туземнаго населенія—обезпечить прочное владычество англичанъ въ Ирландіи. Англія занимаетъ при немъ высокое положеніе въ ряду протестантскихъ державъ. Ему удалось обезпечить ей обладаніе въ Вестъ-Индіи островомъ Ямайкой и на Сѣверномъ морѣ Дюнкирхеномъ и Мардикомъ—двумя важными портами, немало содѣйствовавшими расширенію англійской торговли. При немъ издается знаменитый навигаціонный актъ, который былъ возобновленъ въ эпоху реставраціи и сильно поощрилъ развитіе англійскаго торговаго флота.

Сынъ и преемникъ Кромвеля, Ричардъ, мало походилъ на него своимъ характеромъ и способностями. Послѣ его отказа отъ дальнѣйшаго исполненія обязанностей лорда-протектора (май 1659 г.) началась борьба изъ-за власти между генералами Дэсборо, Ламбертомъ и Флитвудомъ; первому удалось одержать верхъ; онъ одно время думалъ править страною съ остатками Долгаго Парламента, или „рёмпомъ“, снова призваннымъ къ несенію законодательныхъ функцій. Но и его господство длилось не долго. Начальствовавшій надъ войскомъ въ Шотландіи генералъ Монкъ вошелъ въ переговоры съ претендентомъ на англійскій престолъ и, видя, что реставрація Стюартовъ встрѣчаетъ сочувствіе въ народѣ, съ семитысячнымъ войскомъ перешелъ границу Шотландіи, рѣку Твидъ, разбилъ войско Ламберта и овладѣлъ Лондономъ. Созванный 25 апрѣля 1660 г. парламентъ заключалъ въ себѣ многихъ роялистовъ; и въ виду этого Монкъ уже открыто повелъ переговоры со старшимъ сыномъ Карла I и предложилъ ему возстановленіе на престолѣ подъ условіемъ забвенія прошлаго, вѣротерпимости и упроченія конституціоннаго образа правленія. Съ нѣкоторыми оговорками все это было обѣщано Карломъ II въ его декларации, обнародованной въ голландскомъ городѣ Брэда. Послѣ этого, въ маѣ 1660 г., Карлъ II получилъ формальное приглашеніе занять престолъ своихъ предковъ и 29-го числа того же мѣсяца торжественно прибылъ въ Лондонъ.

Ознакомившись съ политическими теченіями разсматриваемой эпохи, обратимся теперь къ соціально-экономическимъ факторамъ революціи и къ характеризующимъ ее общественнымъ движеніямъ.

М. Ковалевскій.

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ.)

Иллюстрированныя и текстовыя приложенія, помѣщенныя въ VIII томѣ.

Столб.

Ѳ. А. Васильевъ (1850-1873). Оттепель (геліогравюра англійскаго типа). 27/28

В. М. Васнецовъ (род. въ 1848 г.). Іоаннъ Грозный (геліогравюра англійскаго типа) 35/36

В. М. Васнецовъ (род. въ 1848 г.). Витязь на распутьи (геліогравюра англійскаго типа) 39/40

Ватиканъ. Галлерея Ложъ 43/44

Ватиканъ. Внѣшній видъ 47/48

Ватто (1684—1721). Общество въ паркѣ 51/52

Д. Вашингтонъ. (1732—1799). Съ портрета, писаннаго Стюартомъ . . . 63/64

Веласкесъ (1599—1660). Портретъ папы Иннокентія X. (геліогравюра англійскаго типа) 159/60

Виды Великобританіи. Вершина Сноднъ. Видъ съ озера Линнъ Лидо (Уэльсъ) 183/84

Виды Великобританіи. Флемборо. Рыбачья пристань на Сѣверномъ морѣ (Іоркширъ) 191/92

Виды Великобританіи. Озеро Уиндермиръ и Лангдельскія вершины (Вестморландъ) 199/200

Виды Великобританіи. Фортъ Вильямъ и вершина Бенъ Невисъ (Шотландія) 207/208

Виды Великобританіи. Кембриджъ. Тринити колледжъ 211/12

Виды Великобританіи. Оксфордъ. Колледжъ Магдалины 215/16

Виды Великобританіи. Виндзорскій дворецъ 219/20

Для болѣе удобнаго пользованія географическими картами Словаря при чтеніи географическихъ и историческихъ статей его на различныя буквы, карты, по примѣру десятаго изданія извѣстной Encylopaedia Britannica, выдѣлены въ особый томъ; томъ-атласъ будетъ снабженъ подробнымъ указателемъ названій съ обозначеніемъ ихъ положенія, что значительно облегчитъ нахожденіе нужныхъ географическихъ пунктовъ. Карты спеціально составляются для Словаря членомъ Парижскаго Географическаго общества и сотрудникомъ Гашетовскаго Географическаго бюро въ Парижѣ Д. А. Литовымъ, при участіи членовъ того же бюро Виктора Гюо (V. Huot), Маріуса Шено (M. Chesneau), Густава Багге (G. Bagge) и др. и гравируются въ Парижѣ въ картографическомъ институтѣ Erhard Frères. Для полнаго согласованія транскрипціи названій въ Словарѣ и на картахъ атласъ будетъ законченъ одновременно съ послѣдними томами Словаря. Лица, подписавшіяся до **1912 г.**, получатъ томъ съ географическими картами **безплатно,** оплачивая лишь стоимость переплета и пересылки.

2007044786

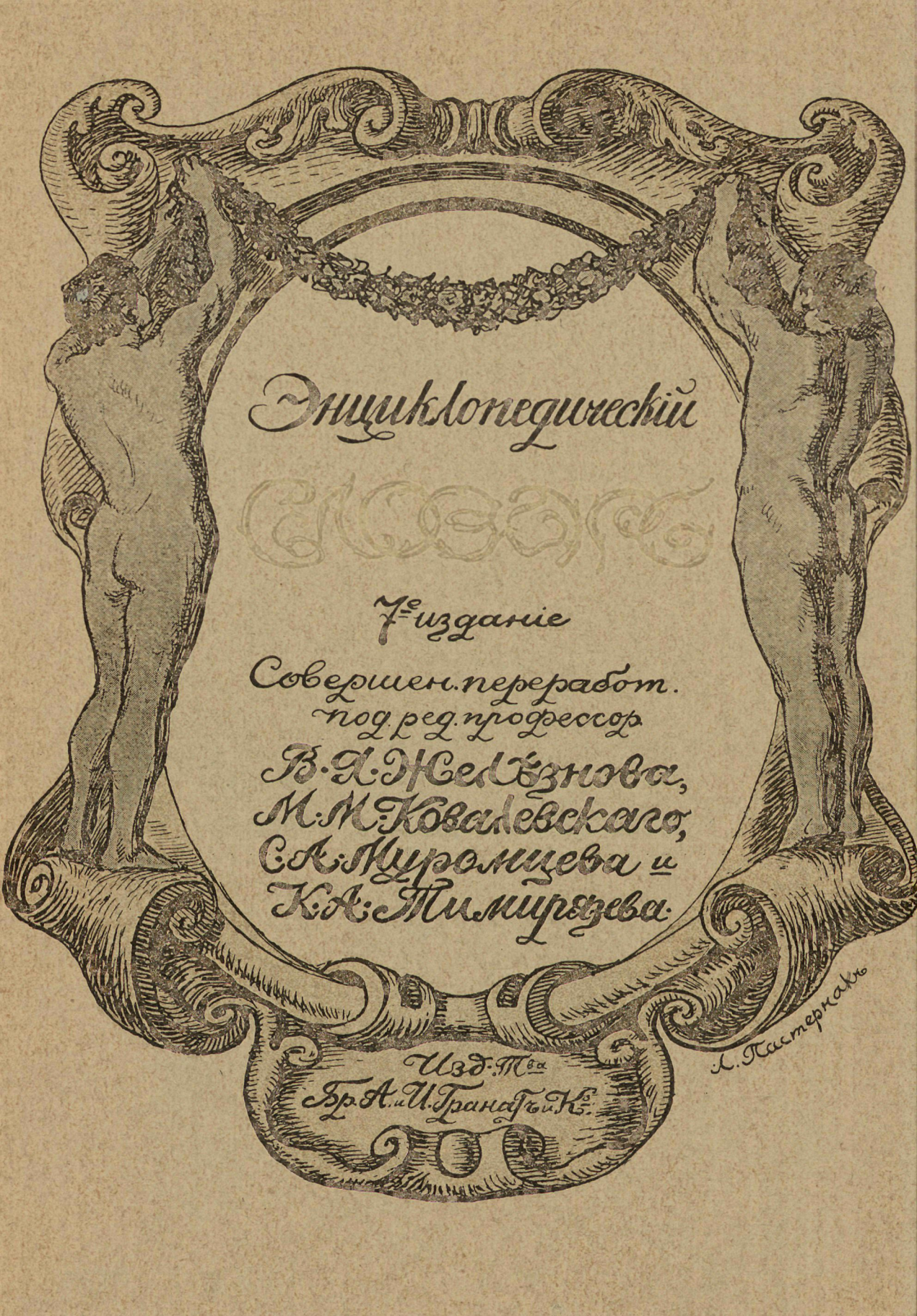
Цѣна тома 2 р. 50 к., въ переплетѣ—3 р.

(За пересылку—по стоимости).

Энциклопедический

7-е издание

Совершен. переработ.
под ред. профессор
В. Л. Желѣзнова,
М. К. Ковалевского,
С. А. Муромцева и
К. А. Тимирязева.



Изд. Т-ва
Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Л. Пастернакъ

Энциклопедический словарь

7-е Изданіе
Т-ва
Бр. Гранатъ и К-о

Пастернак

Энциклопедический словарь

7-е Изданіе
Т-ва
Бр. Гранатъ и К°

Пастернакъ